

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЕЧУЩАЯ

Сказки
Змея
Горыныча

ТИТ

БОРИС

БОРИС ШТЕРН
Сказки Змея Горыныча

БОРИС

ШТЕРН

**Сказки
Змея Горыныча**

Москва 2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ш90

Серия основана в 2001 году

Под общей редакцией Светланы Бондаренко

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Иллюстрации Александра Семякина

Художник Анатолий Дубовик

Издательство «Сталкер» благодарит всех,
принимавших участие в работе над «Дополнениями»

Подписано в печать 23.08.02. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 34,44. Тираж 7000 экз. Заказ № 1687.

Штерн Б.Г.

Ш90 Сказки Змея Горыныча: Фантаст. повести и рассказы /
Б.Г. Штерн. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Донецк: «Сталкер»,
2002. — 653, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-011645-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 966-696-013-3 («Сталкер»)

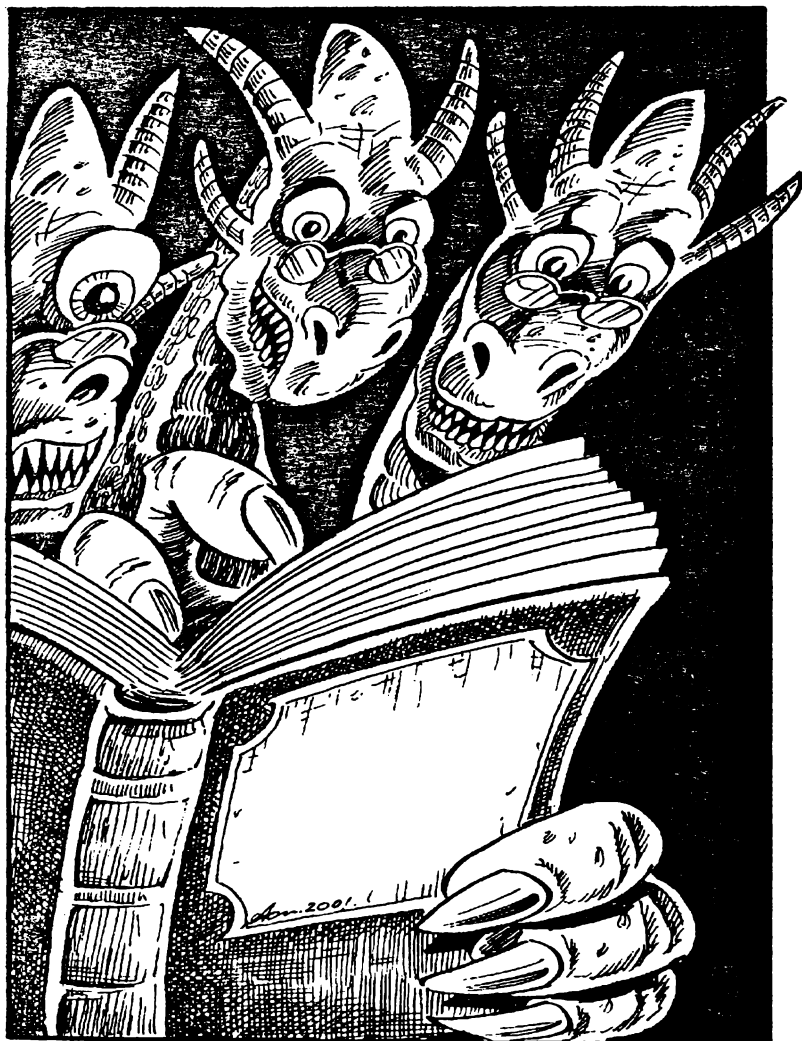
В этой книге собраны все произведения автора, вошедшие в цикл «Сказки Змея Горыныча», повести «Записки динозавра», «Шестая глава «Дон-Кихота» и рассказы. Данная книга и две изданные ранее составляют полное собрание сочинений Б. Штерна. Известные читателю произведения значительно уточнены, дополнены и переработаны автором.

Книга дополнена письмами Б. Штерна к Б. Стругацкому, последним интервью автора и воспоминаниями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Б. Штерн, наследники, 2002
© Художник. А. Дубовик, 2002
© Иллюстрации. А. Семякин, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

СКАЗКИ ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА

ГОРЫНЫЧ

1

Отец Горыныча был убит скифами; они сняли с него скальные и протащили труп по степи. Мать второго мужа не искала, улетела в дремучий лес — туда, где берет начало Горынь-река, — и всю оставшуюся жизнь занималась воспитанием сына.

— Твоя Правая голова дальше от сердца, и поэтому ее главное дело крепко думать, — учила мать. — Она должна изучать разные науки и принимать разные решения, советуясь, впрочем, с остальными.

— Ум без чувства жесток, — наставляла мать, — поэтому Левая головка будет читать старинные романы, сочинять стихи, целовать меня в лоб и играть на каком-нибудь музыкальном инструменте.

— Ну, а Средняя... — мать поглаживала Среднюю голову по холке, — будет у нас пить и есть за троих, потому что пищевод у нее самый удобный для прохода пищи в желудок. Читать ей ничего не надо, а думать она должна о здоровье всего организма, ибо любой проходимец может обидеть хилого дракона.

Короче, давала сыну разностороннее воспитание.

Наконец вырос Горыныч в красавца-дракона и выслушал от умирающей матери последние наставления:

— Будь сильным, умным и добрым... — мать уже говорила с трудом. — И самое главное... женись по любви, но, если не сумеешь найти невесту, не ходи в инкубатор...

Горыныч удивился и хотел спросить, что такое инкубатор, но мать уже ничего не могла произнести и вскоре скончалась, оставив сыну в наследство дремучий лес и добрые советы.

Похоронив мать, Горыныч долго и одиноко жил в лесу; проголодавшись — охотился на медведей; зазря никого не трогал; раза два подрался с дровосеками и подписал мир; но однажды так рассвирепел, что долго не мог прийти в себя: приехал к его логову какое-то пемытое чучело в железных доспехах, обнажило острый меч и сказало:

— Мой меч, твоя голова с плеч!

— Погоди, дружище, не балуйся! Давай поговорим,— удивился Горыныч, но чучело уже бросилось на него и ударило мечом Младшенькую.

Средняя голова взревела, разорвала коня и съела; безумное чучело уползло в кусты, а Главная голова еще долго ворчала:

— Дура, не того съела!

У Младшей с тех пор особая примета — шрам на шее.

Прошло еще время, и стало Горынычу так тоскливо, хоть вой в три глотки. Чудился ему чей-то зов... будто кто-то звал его ласковым голосом, а кто и куда — неизвестно. Страдал бессонницей, стал почной птичкой, летал над лесом, всех распугивал. Утром отсыпался на берегу, наблюдая каким-нибудь одним глазом, как плывут по реке кунцы к морю-океану. Опо-стылел ему дремучий лес. Начал жаловаться сам себе на свою жизнь, называя ее «распроклятой»; не знал, что делать, куда пойти; копался в себе, доискиваясь до причин своего уныния, и наконец задумал жениться.

Младшая голова сразу расчувствовалась: верная женушка, маленький паследничек, отрада на старости и тому подобные сопли...

Средняя не прочь была жениться, если жену приведут на веревочке. Уже готовенькую. Тогда — да. А так — нет.

Пришлось думать Главной голове. Жизнь его налажена, он при деле: захотел — полетал, захотел — поел, захотел — поспал, а с женой неизвестно как все будет... Попадетска какая-нибудь сварливая дракула, и тогда один путь: камни на шею и с обрыва в реку. Это с одной стороны. С другой стороны, нужно рискнуть — жизнь идет, а все эти отрицательные эмоции не полезны для здоровья — с такой постоянной депрессией недолго и того... туда же.

Надо, надо присмотреть себе пару и жениться по любви, как завещала мать.

Сказано — сделано. Замученный очередным приступом тоски, Горыныч на все плюнул, взмыл в мокрое небо и, гонимый инстинктом, полетел на юго-восток через три моря и два континента к южному архипелагу в город Дракополь — тогдашнюю драконью столицу.

2

Он летел, оглядываясь по сторонам в надежде встретить будущую супругу, но встретил лишь одного молодого, но уже дряхлого дракона, еле-еле шевелившего потрепанными кры-

лями у самой земли... Ни подъемной силы, ни планирующих качеств, отметил Горыныч.

Познакомились.

Дряхлый дракон слабым голосом спросил, не встречал ли Горыныч в пути плантаций мака или конопля, но тут же, забыв о своем вопросе, забормотал что-то малопонятное:

— Начальник спрашивает: клеймо на лоб захотел? Я в ответ: я никому не мешаю. Начальник: выбирай одно из трех — охотиться на людей, быть тайным осведомителем или грузчиком в инкубаторе. Работать, говорит, надо!

Услышав про таинственный инкубатор, Горыныч насторожился и сказал:

— Грузчиком, пожалуй, неплохо...

— Грузчиком в инкубаторе? — устало удивился Дряхлый дракон. — Инкубатор не сегодня-завтра взорвет, что мне, жить надоело? Ты откуда такой взялся, советчик?

Горыныч объяснил, что взялся он из дремучего леса с Горынь-реки и направляется в Дракополь искать невесту.

— Да ты никак в ледник провалился и отсиживался там несколько веков! — обалдело сказал Дряхлый Дракон, потеряв последние силы и свалился на землю пустым мешком. Потом спросил снизу: — Может быть, ты и родителей имел, и они по старинке завещали тебе жениться по любви?

Горыныч подтвердил, что да, имел, завещали, а в чем, собственно, дело?

Дряхлый Дракон вытаращил все глаза:

— Выходит, что ты не знаешь про современную любовь?! Тогда слушай. Любовь сейчас такая: если захотел дракон наследника, то идет дракон в инкубатор и приносит домой яичко, из которого вылупливается то, что дракон хотел. Вот и вся любовь.

— Но как же тогда...

— Дракулы? А их давно нет. Вывелись. Так что давай... займи очередь с утра пораньше, предъяви паспорт, возьми яичко и удирай от инкубатора подальше. А сейчас отойди, заразишься.

Тут Дряхлый Дракон остекленел глазами и заснул (или умер), а Горыныч шарахнулся в сторону и продолжил свое путешествие в полном недоумении — у него даже паспорта не было. Думая о паспорте, он зазевался и был обстрелян с земли порохowymi ракетами. Этот салют не мог Горынычу повредить, но все же он взял повыше, чтобы не беспокоить первых жителей этой страны.

Летел он три дня и три ночи, пока не увидел внизу драконью столицу — придавленный облаками город с многоэтажными логовами и ключьями тумана в подворотнях. Горыныч долго летал над Дракополем, высматривая в полутьме хоть одну живую душу, наконец увидел внизу движущиеся огоньки.

Он лег на крыло и пошел на посадку.

Это была процессия. Впереди кого-то несли — наверно, хоронили. Многочисленные клыкастые головы были задраны кверху, они то и дело выдували из глоток горящую смесь. Пожалуй, все это напоминало факельное шествие. Дым смешивался с туманом, а огненные струи, вырываясь из глоток, сворачивались в огненные шары и медленно угасали, рассыпая искры. Пахло спиртным и серой.

Вдруг тот, кого несли впереди, затрепыхался и пронзительно заорал:

— Вступайте в ДОЖ, вступайте в ДОЖ, вступайте в ДОЖ!

Огнедышащая процессия глубоко вздохнула и через три шага проскандировала в ответ то же самое. И опять в темноте зашлепали по лужам.

Горыныч пристроился в хвост процессии, которая состояла исключительно из самцов, выставил Главную голову и решил не уходить, пока все не выяснит. Какая-то хмурая личность толкнула его и подозрительно спросила:

— Ты кто? Жених?

— Жених, жених! — чистосердечно согласился Горыныч.

— Тогда не отставай, — смягчилась хмурая личность.

— А что такое ДОЖ? — спросил Горыныч, припрыгивая, чтобы попасть в ногу.

— ДОЖ? Добровольное общество женихов. Ты откуда взялся, болван?

Горыныч хотел объяснить, что взялся он с Горынь-реки, но впереди опять раздался призыв предводителя, толпа опять ответила, и опять тишина...

«Добровольное общество женихов... — соображал Горыныч. — Где женихи, там и невесты...»

Вдруг Средняя голова — из озорства, что ли? — выскочила из-под крыла и жизнерадостно заорала на весь Дракополь:

— А где невесты?!

У толпы сработал условный рефлекс, все заорали ни в склад, ни в лад; в тот же миг раздался очередной призыв предводителя; самые дисциплинированные дожи пытались отве-

тить; галдеж неопиcуемый... наконец процессия окончательно сбилась с поги и с толку.

— Стой!!!

Стали.

К хвосту процессии примчалось мрачнейшее чудовище в две дюжины голов, с плеткой.

— Кто зачинщик?!

Горыныча сразу же выдал хмурый сосед, чудовище выволокло его из рядов и взревело:

— Ты кто такой?! Кричать без разрешения?!

Спереди закричал предводитель:

— Расстрелять, и на конкурс! И так опаздываем!

Разные голоса подхватили:

— Чего с ним возиться? И так опаздываем!

Чудовище вцепилось в три шеи Горыныча и поволокло его вдоль процессии, выискивая место поудобней. Горыныч с недоумением озирался, но не встретил ни одного сочувственно-го взгляда.

Горыныч понял, что смерть близка, а он еще не женился! Он затормозил когтями и провел боевой прием — как учила мать: опрокинул чудовище на спину и свернул ему мимоходом три головы.

Он свободен! Бежать! Лететь!

Но тут на истошный визг чудовища подоспели добровольные помощники, и с этой оравой Горыныч уже не мог справиться. Они подмяли Горыныча, скрутили и поволокли... Больше всех старался хмурый сосед:

— А, вот забор! Подходящий! Привязать к забору и спалить, к драконой матери, экстремиста!

Горыныча прикрутили к забору. Раздалась команда:

— Добровольцы, ко мне! А ты отойди, соняк! Лишние головы под крыло! Зажигательной смесью...

Вдруг над забором позади Горыныча выпрыгнула голова в черном платке и заголосила:

— Гады, дайте белье спясть! Белье мне пожжете!

— Снимай скорей, и так опаздываем!

— Все им некогда...— причитала голова в платке.

Горыныч не соображал ни Главной, ни Младшей, зато Средняя голова уже разрывала канаты и собирала всю Горынычеву мощь, чтобы вырвать забор из земли и накрыть этим забором добровольную команду. Сзади, снимая белье, что-то

продолжала бормотать голова в черном платке. Горыныч прислушался.

— Не пойму, парень, ты из наших, что ли? За что они тебя? Держись! Тут у нас засада... Сейчас мы забор повалим и по тебе пойдем.

— Снял белье? Убирайся!

— Снял, спял... Лови!

Над забором будто змея зашипела — какой-то сверток взлетел и упал в толпу. Взрыв разнес процессию; мимо Горыныча проплыла оторванная и удивленная голова хмурого соседа; Горыныч упал мордами в лужу, на него упал забор, по забору пошли, хлеща огнем, драконы в черном. Визги, стоны раненых, схватка в тумане...

3

Когда Горыныч очнулся, его куда-то волокли с завязанными глазами. Он услышал: «Осторожно, яма!» — и свалился в какую-то яму. Наконец с него сняли повязки, и он зажмурился от яркого света направленной в глаза лампы.

— Отвечать, не раздумывая! — раздался властный голос за лампой. — Имя!

— Драконыч, — ответил Горыныч, не раздумывая.

Потом подумал и поправился:

— Горыныч.

— Хорошенькое начало... У вас два имени? Какое из них настоящее?

— Последнее.

— Ваш паспорт!

— У меня нет паспорта!

— Еще лучше! Что вы делали позавчера на площади Вымерших Динозавров?

— Я там никогда не был, — удивился Горыныч. — Я только что прибыл в Дракополь.

— С какой целью?

— Понимаете ли, я решил жениться...

— Ты, парень, здесь не притворяйся, — угрожающе сказал голос.

Горыныч поспешил объяснить:

— Дело в том, что моя мать завещала мне жениться по любви... Уберите, пожалуйста, лампу, я вас и без лампы хорошо вижу.

— Лжете! Вы не можете меня видеть!

— Но это так. Клыки у вас растут не вовнутрь, а наружу. Ваша левая голова такого нездорового цвета, будто вы второй год сидите в этом подземелье. Ваша правая голова выглядит не намного лучше. Вам, определенно, надо погулять, проветриться...

Дракон Нездорового Цвета выругался и выключил лампу.

— Третий, третий год я здесь сижу, — пробурчал он. — Я сижу здесь ради вас, а вы не цените. Уже и словесный портрет составили.

— Мы даже не знакомы, а вы ради меня сидите в этой коуре! — удивился Горыныч. — Идите, летайте!

— Ну, не то, чтобы буквально ради вас, — поправился Дракон Нездорового Цвета. — Но и ради вас тоже. Я сижу здесь во имя счастливого будущего всех цивилизованных драконов. Вернемся лучше вот к чему... Я готов поверить, что вы не инкубаторный. Похоже, вы действительно из натуральных драконов. Вы проявили отменную выдержку, когда вас чуть живьем не сожгли. И вообще... вы мне правитесь. Вы могли бы за сто шагов попасть в фиалку из арбалета?.. А за двести? Или, скажем, экспромтом сочинить оригинальное стихотворение на заданную тему?

— Наверное, смог бы... Но к чему такие странные условия?

— Сочините четыре строки на тему «бессонница».

— В рифму или белым стихом?

— Как угодно.

Главная и Средняя головы с сомнением посмотрели на Младшенькую, а та, прикрыв глаза и пошевелив губами, декламировала:

Мысли мчатся бешеным галопом,
Пред глазами бабочки мелькают,
В головах пчелиное гуденье,
Ни одна не спит.

Дракон Нездорового Цвета три раза туно моргнул, поскреб когтем под крылом и неуверенно пробормотал:

— Ничего, по-моему...

— Зачем вам стихи?

Нездоровый Дракон не ответил и вскочил. В отверстие в потолке просунулись две персоны. Первая, семиголовая, то ли в куртке, то ли во френче с накладными карманами, из которых торчали носовые платки и карандаши, скромно присела

в сторонке, а Дракон Нездорового Цвета подбежал к персоне и что-то зашептал. Горынычу сразу стало понятно, кто тут хозяин. Второй прибывший, в кепке, одеждой походил на первого, но был, конечно, не персоной, а мордоворотом. Он имел всего лишь одну голову, да и ту с каторжным клеймом. Вместе остальных голов торчали аккуратные култыпки. Похоже, это был телохранитель, но, ему понятно, не своего тела. Он повесил кепку на рогатую вешалку, пристроился за спиной Горыныча и принялся тщательно вычищать когти напильником.

Пока Дракон Нездорового Цвета шептался с важной персоной, Горыныч осматривал помещение. Несомненно, здесь когда-то находился овощной склад. Пахло картофельной гнилью, в углах пузырилась плесень. Скучная меблировка: стол, сейф, вешалка, под вешалкой теплые тапочки, еще один стол, урна, мордоворот, над мордоворотом...

На стене над головой мордоворота висел портрет прекрасной дракулы. Двумя своими прелестными головками она грустно смотрела в окно, а взгляд третьей был устремлен прямо на Горыныча. Художник постарался — изгибы шеек, прозрачные крыльчатые перепонки, тонкие роговые пластинки на хребте — все было натурально. С Горынычем что-то стряслось — Средняя голова подавилась, потому что вечно что-то жевала, у Младшенькой потекли слезы из глаз, а из Главной вылетели все ее умные мысли, и их пришлось долго собирать.

— Он или шник, или тот, кто нам нужен, — шептал в это время Дракон Нездорового Цвета.

— Ну, это мы сейчас проверим, — ответила персона и обратилась к мордовороту: — Спроси у него, дружок, не шпион ли он.

Дружок вставил напильник в нагрудный карман, не спеша приблизился к Горынычу и влил ему такую оплеуху, что Младшая голова опрокинулась навзничь. Тут же последовал второй удар, и в Главной голове все закружилось. Дружок размахнулся в третий раз, но Средняя голова уже взяла командование на себя. Она схватила мордоворота за шею и завязала ее на узелок, из которого, как бантик, торчала изумленная голова. Затем Горыныч наступил мордовороту на хвост. Тот заверещал, затрепыхался и взмыл к потолку; Горыныч направил его полет по кругу, раскрутил и бросил.

Дружок врезался в стену, расплюснулся на ней, как мокрая тряпка, разрушил ее и придавил в соседней кладовке какого-то зелененького дракончика с записывающей аппарату-

рой, которую тот пристроил на днище перевернутой грязной бочки.

Ошеломленные персона и Дракон Нездорового Цвета боязливо заглянули в пролом. Там, засыпанное штукатуркой, что-то падало, кряхтело и распуывалось.

— Ну и силища! — восхитилась персона.

— Что вам от меня пужно? — рявкнул Горыныч.

— Чтобы вам было понятней, пачну издалека, — ответила персона, демократически усаживаясь прямо на стол.

— Издалека будет долго, — сказал Горыныч, дотянулся до персоны и сгреб ее головы в букет. — Отвечайте, пожалуйста, только на мои вопросы. Имя?

— Про... Протозавр.

— Стрелять в фиалку и сочинять стихи — это зачем?

— Это первые два тура конкурса женихов... не... не давите на горло! Всего семь туров... Кто больше съест, кто больше выпьет, кто дальше прыгнет, кто быстрее пролетит... а последний тур — решение логических задач.

— Это зачем?

— Ну... для проверки умственных способностей.

— Что за чепуха?! — вскричал Горыныч. — Где невесты?! Кому нужны эти соревнования? Стоп... куда?!

Последний вопрос относился к Дракону Нездорового Цвета, который бочком-бочком удирал к отверстию в потолке.

— Идите сюда, благодетель! Я так и не понял: ради кого вы здесь сидите? Что это вы давеча рассуждали насчет какого-то счастливого будущего цивилизованных драконов?

— Я... я точно не знаю... — пролетел Дракон Нездорового Цвета. — О драконьем счастливым будущем мне объяснил вот он... господин Протозавр.

— Не слушайте олухов, дорогой Горыныч, — поспешно сказал Протозавр, массируя крайнюю шею. — «Счастливое будущее цивилизованных драконов» — это фраза для краткости. Если кто-нибудь спрашивает: «За что вы сражаетесь?» — то, чтобы не излагать всю программу, ему отвечают: «За счастливое будущее драконьей цивилизации».

— Понятно, — удивился Горыныч. — А теперь я хотел бы узнать: вы те, кто собирался меня сжечь, или те, кто сидел в засаде?

— Мы те, кто сидели по ту сторону забора! — гордо ответил Протозавр.

— А те, кто шел на соревнование женихов, ваши враги?

— Дожи из общества женихов? — усмехнулся Протозавр. — Нет, не враги. То просто шла толпа, а мы ее немножко поучили. Наши враги намного страшнее.

— Вы меня заинтриговали! У меня за всю жизнь еще не было ни одного настоящего врага. Я если поколочу кого-нибудь, то без злости. Расскажите мне о своих врагах.

— Об этом я и хотел... Запомните, дорогой Горыныч, это не мои личные враги. Улавливаете? Их двое: враг стратегический, глобальный, и враг тактический, второстепенный. Сейчас на планете развивается чуждый нам разум, скрытый в черепных коробках бесхвостых приматов. Они — наш главный враг.

— Люди? — удивился Горыныч. — Я близко знал одного дровосека. Это был большой философ, хотя и пьяница. С ним было интересно. Правда, попадались мне и драчливые...

— Вы познакомились с каким-то пьянчужгой и готовы с ним целоваться! — вскричал Протозавр. — Не отрицаю, даже среди людей могут встречаться отдельные неплохие особи, но что из этого? Они всех нас уничтожат, а добряков вроде вас заставят тягать бревна на лесоразработках. Посмотрите, во что выродились слоны — а какие надежды подавали! Планета слишком мала для двоих! Низший разум должен уступить... Исчезнуть. Погибнуть!

— Низший-высший... Как вы определяете?

— Кто сильнее, тот и выше! Они заселяют планету, а мы жмемся вокруг Драконополя. У нас толпы бездельных бездомных женихов. Инкубатор выпускает до двух сотен боевых драконов в месяц — и в такой ситуации вы предлагаете обойтись без жестокостей?

— Я ничего не предлагаю. Мне вообще чужда вся эта вражда. Я хочу жениться и улететь домой.

— Для этого вы нам и пужны! Женитесь! Забирайте жену и с глаз долой!

— Где жену, какую жену?! — обозлился Горыныч. — Я ничего не могу понять! Я еще не встретил ни одной дракулы, зато вчера... или это было сегодня?.. Целая толпа валила на соревнования женихов!

— Вы знаете, кто изображен на этом портрете? — вдруг спросил Протозавр.

— Нет... Но мне хотелось бы узнать.

— Это последняя дракула нашей цивилизации. Да, последняя, вы не ослышались. За право обладания ею проводятся регулярные соревнования. Вы хотели бы стать ее мужем?

— Да... Но соревнования!

— Посмотрите на этого наивного юношу! — прыснул Протозавр и прихлопнул крыльями.

Дракон Нездорового Цвета подобострастно хихикнул, мордочку высунул из пролома свою зачумленную голову и бо-язливо посмотрел на наивного юношу.

— Только вы один и сможете выиграть эти соревнования! Вы, и никто другой! У вас нет конкурентов. А теперь мы поговорим о втором нашем и вашем враге. Ее отец, Тысячегла-вый Дракон, выжил из ума на почве поисков супруга для дочери. Он насильно заставляет все взрослое население уча-ствовать в этих унижительных соревнованиях. Четыре раза в месяц под страхом смерти толпы драконов собираются на площади Вымерших Дипозавров и начинают жрать, пить, прыгать, решать логические задачи, и ни одна душа не мо-жет — а главное, не хочет! — стать победителем. И потому первый приз никогда не присуждается.

— Зачем же принуждать?

— Вот и я спрашиваю: зачем? Жены никому не нужны, инкубатора для размножения достаточно. Инкубатор надеж-но работает в полную мощь, выпуск боевых драконов нала-жен. Пора начинать античеловеческую войну, а мы ограничи-ваемся нелегальной вольной охотой...

— Что за охота такая?

— Дружок, расскажи!

— Только пусть он не дерется,— опасливо попросил мор-дочку.

— Он не будет,— пообещал Протозавр.

— Ладно,— согласился Дружок, но из пролома все-таки не вылез.— Ловятся они на приманку. Я прячусь в зарослях тро-стника, а мой напарник — у него две головы, и сам предста-вительный — вымазывается разноцветными красками, под-вязывается веревкой и начинает парить в небе... вот так... распластав крылья. Все очень красиво. Жители выбегают из своих соломенных домиков и кричат: «Не бойтесь, дети! Это не настоящий дракон, а бумажный! Никаких живых драконов в природе не существует, так господин губернатор говорит!» И начинают плевать в сторону моего напарника — вверх, зна-чит. Вдоволь себя оплевав, они бегут к тому месту, куда опуска-ется веревка, чтобы купить у странствующего торговца это-го бумажного дракона. А торговец-то я! Привет, граждане! Они в ужасе столбенеют, ибо я страшен, а я начинаю обедать

и съедаю тех, кто поближе,— остолопов, бежавших быстрее всех. Мой папарник говорит, что таким образом мы способствуем улучшению их породы — самые глупые не выживают. Остальных выстраиваю в колонну, и, с песней, марш домой! Кто не поет, того на ужин! Приходим, а там бумажный дракон — мой, то есть, папарник — уже поджидает свою порцию. Еще денек мы завтракаем и обедаем, но съедаем не всех, оставляем и на развод. Мой папарник говорит, что законы эволюции незыблемы, и если не оставим сегодня на развод, то завтра останемся без обеда. Потом улетаем в другое селение и там проделываем новый трюк. Я опять прячусь в зарослях тростника, а мой папарник... я вас с ним познакомлю...

— Достаточно,— перебил Протозавр, видя, что Горыныч собирается оторвать Дружку последнюю голову.— Лично я не одобряю эту жестокую охоту, но что делать, если Тысячеглавый Дракон помешался? Мы решили его убить и захватить трон. И мы начали его убивать и уже достигли хороших результатов.

— Уже достигли? — поразился Горыныч.— Не понимаю... Вы его убили или не убили?

— О, все не так просто! Когда имеешь дело с Тысячеглавым Драконом, обычная логика не проходит. Мы его то и дело убиваем, но он еще жив. Если бы мы знали координаты каждой его головы! Но этого никто не знает, даже аэрофотосъемка не помогла. Его никто никогда не видел. Его как бы нигде нет... но в то же время он есть везде.

— Выходит... это аллегорический дракон, что ли? — предположил Горыныч.— Так сказать, обобщенный образ...

— Нет-нет! Он реально существует. Тысячеглавый Дракон — биологический объект, в том-то и дело! Не забывайте, что у него тысяча голов, все они хитры и скрываются. Мы долго не могли решить эту задачу с тысячью неизвестными, и вот я... для скромности скажу «мы»... и вот мы ее решили. Что вы спросили?

— Нет, ничего. Я жду разгадку.

— Он прячется под землей,— тихо произнес Протозавр, а самая осторожная его голова оглянулась.

— Как — под землей? — тоже тихо спросил Горыныч.— Там же нечем дышать!

— А он закопался в землю на большую глубину и головы выставил наружу.

— Где же эти головы? Они были бы видны!

— Он их за-ма-ски-ро-вал.

— Как?

— Догадитесь сами,— ответил Протозавр с тем особым удовольствием, с каким предвкушается неправильный ответ.

— Сейчас попробую. Так. Это довольно просто. Тысячеглавый Дракон живет в канализации. Ночью его головы открывают люки, высовываются наружу и дышат свежим воздухом.

— Вы мыслитель! — восхищенно похвалил Протозавр, вытащил блокнот и что-то записал.— О канализации мы не подумали. Завтра придется взорвать городскую канализацию.

— Погодите взрывать! Я пошутил! — удивился Горыныч.

— Мы ее взорвем, какие шутки... Ну, а остальные головы где, по-вашему?

— Нет уж! Я опять пошучу, а вы начнете взрывать!

— Тысячеглавый Дракон живет на соседней улице,— сказал Протозавр и сделал многозначительную паузу.

Было слышно, как шуршит в штукатурке перепуганный зеленый дракончик. Мордоворот на него шикнул:

— Тише ты!

— Где бы мы ни находились, он будет проживать на соседней улице, в соседнем доме, в соседней комнате,— продолжал Протозавр.— Тысячеглавый Дракон всегда рядом. Он расселил свои головы по всей столице и накрыл их государственными учреждениями.

Горыныч сдержал смех, но смешливая Средняя голова чувствовала, что протянет недолго.

— Его головы прячутся на бирже, в отелях, офисах, в мелких лавках, в инкубаторе, даже в римской бане...— да, да, да, не смейтесь! — в любом здании с вывеской может скрываться голова Тысячеглавого Дракона. Он видит и слышит все, что происходит в столице. Начинается рабочий день, драконы приходят на службу,— а он уже там, а он нигуда не уходил. Кончается работа, все расходится по логовам и думают, что остались одни,— а он уже здесь, за стеной какого-нибудь угольного сарая. Поэтому мы, проливая кровь ради счастливого будущего драконьей цивилизации... это вы уже знаете... методично взрываем, и когда будет взорвано последнее имперское учреждение, Тысячеглавый Дракон погибнет. Только так! Пусть под обломками зданий погибнут сотни ни в чем не повинных! Пусть! Инкубатор восполнит. Только вы один можете остановить это кровопролитие, если женитесь на его дочери. Тогда, возможно, Тысячеглавый Дракон опомнится и

займется спасением родной цивилизации. Надо поставить санитарный кордон, запастись продовольствием...

— Сдается мне, что вы все тут немного сумасшедшие,— грустно сказал Горыныч.— Много голов не на пользу. С вашей кривой логикой можно доказать все, что угодно. Что я квадратный, что вы произошли от пустой бочки, а вашего телохранителя сняли с грядки. К примеру... я сейчас закрою глаза, плюну на пол и докажу, что Тысячеглавый Дракон находится там и только там...

Средняя голова с удовольствием плюнула на пол:

— Теперь начнем рассуждать. Представьте себе, что...

Горыныч не договорил. В том месте, куда угодил плевок, вспучились обшарпанные доски и с треском разломились. Из дыры высунулась безобразная бородавчатая голова и сказала, раскачиваясь на морщинистой шее:

— Ну, я Тысячеглавый Дракон! Не ждали? Крылья на бреху, становись к стене!

Протозавр и Дракон Нездорового Цвета в ужасе сиганули к отверстию в потолке и, царая друг друга, выскочили на поверхность. Там послышались крики, будто за ними кто-то погнался. Вскоре какая-то морда заглянула в отверстие и почтительно сообщила:

— Удрали, ваше превосходительство!

— Упустили, а не удрали! — разозлилась голова Тысячеглавого Дракона.— Немедленно опубликовать высочайший вердикт о поголовном подрезании крыльев! Хватать всех, кто не подрежет!

И голова повернулась к Горынычу.

4

Голова была огромна и похожа на толстый гречневый блин с коричневыми разводами. От старости с ее бородавок сползала кожа. Она криво ухмыльнулась и показала прокуренные обломки четырех клыков. От этой улыбки Горыныч не ожидал для себя ничего хорошего.

— Теперь слушай меня,— сказала голова Тысячеглавого Дракона.— Эти мерзавцы все хорошо тебе объяснили, но они не знают самого главного. Они не знают, что драконий род давно завершил свою эволюцию и весь вымер.

— Вы, наверно, ошиблись...— пугливо возразил Горыныч.— Драконоль переполнен драконами, плюнуть некуда. Взять хотя бы нас с вами...

— Это не драконы,— поморщилась Голова.— Это злая карикатура на благородных вымерших драконов. Род вымер, а в живых остались только трое — я, моя дочь, и вот ты, к счастью, объявился. Возможно, в джунглях Амазонки еще обитают трое-четверо, но это уже несущественно. Все остальные — инкубаторские. Я вижу, ты ничего не знаешь про инкубатор. О, это уникальное заведение! В свое время наши дальновидные предки приняли меры для спасения рода. Они оставили в южном леднике склад яиц и завещали его нам, своим потомкам — последней драконьей популяции, говоря по-научному. Мы вымирали не быстро и не медленно... но неотвратно. Кто-то улетал на охоту и не возвращался, кто-то уходил в гости к друзьям и не приходил к ним, кто-то ложился спать в своем логове и засыпал навсегда. Стариков становилось все меньше, а новых не прибавлялось. До старости мало кто доживал. Когда в обществе мало стариков — плохой признак для общества. Лично я склоняюсь к мысли, что мы стали жертвой очередного эксперимента, проводимого неумолимой природой. Я думаю, что разумный дракон был всего лишь пробным испытанием на нашей планете. Слишком много голов. Одной достаточно. Мы мерли, вот и все. Никто в этом не виноват. Не мы будущие хозяева планеты. Наши предки надеялись, что инкубаторные драконы вдохнут в род новую искру, но все они оказались примороженными. В этом тоже есть своя великая тайна. Вылупившись из яйца, они развиваются крайне стремительно и через два года становятся глубокими старцами — где уж тут до продолжения рода! Все они глупы, жестоки, слабосилыны, паскудны и мелочны. Они боятся незнакомых, в каждом слабake подозревают сильного и лебезят перед ним, а сильных не узнают и насмеваются над ними — за что часто получают по морде; мнимые обиды помнят всю свою недолгую жизнь, зато смертельные оскорбления сразу же забывают — если им, конечно, что-нибудь пообещать... маковую плантацию, например. Страсть как боятся заболеть, и потому у одних вся жизнь проходит в заботах о своем драгоценном здоровье, зато другие по той же причине гробят свое здоровье, кувыркаясь в маке. Есть, правда, особи поумнее — эти, как видно, хранились в центре инкубаторного склада и не так сильно приморозили свой белок-желток — за счет тепла других, разумеется. О, эти умники еще страшнее! Они очень деятельны и о чем-то догадываются. Они собираются вести античеловеческую войну, болваны! Они хотят

уничтожить меня и мою дочь! Если они узнают, что настоящие драконы давно вымерли, то с невиданной жестокостью раздракопят всю разумную жизнь на Земле. А это они видели?

Тут Тысячеглавый Дракон как-то хитро выгнул шею, а голову просунул в кольцо — вышло очень похоже на фигуру из пальцев, которую иногда в пылу жаркого спора показывал Горынычу философ-дровосек.

— Вот и все,— сказала Голова.— Наконец-то появился настоящий дракон, и я теперь спокоен за свою дочь. Она у меня не подарок... ты еще попляшешь под ее дудку и посочиняешь стихи на заданную тему. Эта истеричка собралась спасти драконий род — похвальное желание! — возможно, даже родит с твоей помощью наследника, но вот вопрос: где для него невесту найти? Как бы там ни было, я спокоен. Вот тебе, зятек, координаты маленького островка... Лети, не оглядываясь, представься ей и скажи, что меня уже нет на свете. А сейчас я взорву инкубатор.

— Не делайте этого! — воскликнул Горыныч.— Это жестоко... бессмысленно!

— Мы мешаем, мы не пужны,— ответила Голова и вздрогнула. Потолок затрясся.— Вот и все... Инкубатора больше нет. Я держал в нем одну из лучших своих голов. Лети, не оглядываясь! Это будет тяжелое зрелище, не для твоего мягкого сердца. Обещай мне не оглядываться!

Пришлось дать обещание.

Голова подтолкнула Горыныча к отверстию в потолке, высунулась на поверхность и грустно глядела ему вслед.

Горыныч взмыл в небо.

— Не оглядываясь! — услышал он голос из овощного склада.

Горыныч не понимал того, что задумал Тысячеглавый Дракон, и потому решил схитрить — не оглянулся, но сделал круг над Драконолем.

Над городом опять сгущались облака. Пьяные добровольные женихи сбегались после соревнования к дымящимся развалинам инкубатора и кричали:

— Вот смеху-то! Инкубатор взорвали!

По всему Драконолю сверкали вспышки, гремели выстрелы, горели живые костры — это добровольные команды расправлялись с теми, кто не подрезал крылья. Сотни дождей уже полегли, но к стенке ставились все новые и новые. В тумане разносился стук топоров и треск заборов — заборы выламы-

вались на дрова для огромного костра на площади Вымерших Динозавров,— там поймали самого Протозавра.

Когда Горыныч пошел на второй круг, Драконоль вздрогнул. Зашатались логова, отстрельнулись крышки канализационных люков, треснули мостовые.

Это начал подниматься из-под земли Тысячеглавый Дракон.

Дым, пыль и туман заволокли центр столицы, клубы паползали на окраины. Тысячеглавый Дракон поднимался из складов, ангаров, канцелярий и всевозможных заведений; он напрягал все силы, слишком много тяжести понастроили над его головами. Тысяча его окровавленных голов, извиваясь, пробивали крыши, стены, фундаменты и, с перерезанными оконным стеклом горлами, стремились перед смертью сделать еще одно движение, развалить еще одну канцелярию, придавить еще одного инкубаторного дожа.

А дожи подрезали крылья, никто не мог взлететь!

Горыныч бросился вниз в надежде спасти хоть кого-нибудь. Он сел на окраине, где меньше горело. Где-то совсем рядом поднималась очередная голова Тысячеглавого Дракона. Земля так и ходила под ногами. Вот рухнула какая-то контора, и Очередная Голова с проломленным черепом взвилась над развалинами.

— Уходи! — взревела Очередная Голова, обнаружив Горыныча.

— Оставь их в покое! — крикнул Горыныч. — Они сами вымрут через два года!

— Ты мне мешаешь! — простонала Очередная Голова. — Они опасны, их надо уничтожить!

Очередная Голова забилась в предсмертной агонии и скончалась в грудах битого кирпича.

Горыныч помчался по улице Имени Всех Рептилий. Улица раскачивалась, Горыныча швыряло к падающим стенам. На разваленном перекрестке он вдруг палетел на дрожащий выводок инкубаторных драконов и ужаснулся — они подрезали друг другу крылья!

— Что вы делаете, безголовые?! — вскричал Горыныч. — Улетайте! Город рушится!

— Гляди, крылья не подрезал... — тупо удивился один из безголовых.

— Заходи справа! — крикнул второй.

Безголовая свора бросилась на Горыныча, но в булыжной мостовой со скрежетом распахнулась огромная трещина и проглотила их.

— Улетай! — слышался глухой голос из недр Драконополя. Горыныч взлетел и пошел к океану.

Тысячеглавый Дракон одобрительно вздохнул и поднялся во весь рост.

Столица рухнула.

Невеста Горыныча оказалась точь-в-точь как на портрете. Они полюбили друг друга, и не только потому, что выбора не было. Улетели в свой дремучий лес на Горынь-реку, жили долго и счастливо, родили наследника, рассказывали ему сказки — но жены тому уже не нашлось.

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ — ПОЭТ БЕСОВ

Из поэтических сказок Змея Горыныча

1

Кашей Бессмертный, как известно, был самым бесталанным существом в древнем бесталанном подпространстве. В юности он испытал сильное потрясение, обнаружив у себя отсутствие всяких талантов — если отсутствие вообще можно обнаружить. Он вечно лежал на раскладушке в своей комматушке и рифмовал названия окружающих его предметов: «комматушки-кружки-раскладушки-девушки»... Рифма «девушки» в этом ряду была очень сомнительна, но с девушками Кашею так не везло, что уж эту погрешность можно ему простить.

Стихи он писал каллиграфическим почерком, заглавные буквы украшал вензелями и подшивал в канцелярскую папку. Так потихоньку создавался поэтический цикл под общим названием «Подпространство». В самом названии был подтекст. Лирические строки сменялись там горькой иронией, философские размышления сочетались с бытописанием, а внешняя занимательность сюжета прикрывала глубину второго плана.

Все как у людей.

Попробовал поступать в Литературную Штудию и с душевным волнением представил на конкурс канцелярскую папку... Ответ Специалистов был единодушным: ритм соблюден, концы зарифмованы (хотя почему «раскладушки-девушки»?!), содержание присутствует, таланта не наблюдается. Кашею было рекомендовано искать и проявлять способности в каком-нибудь другом деле.

Кашей не сдавался. Нужно было срочно Подавать Надежды, иначе из Подающих Надежды ему грозила высылка в Бесталанные Кварталы. Он веером рассылал стихи по редакциям, но они или пропадали, или же возвращались с краткими

рецензиями: «Не то», «Не пойдет», «Нуждается в доработке» или совсем уже загадочное: «Я очень устал, ухожу в отпуск».

Кашей ничего не понимал... Ему не с кем было поговорить, посоветоваться...

2

Однажды канцелярская папка случайно попала к одной старой ученой ведьме. Старушка была специалистом в Героическом Эпосе Первых Талантов и, значит, разбиралась в поэзии. За свою долгую жизнь она прочитала столько всякого текста, что у нее выработалась привычка читать между строк, и поэтому ей все время что-то мерещилось. Она одна сжалась над Кашеем и назначила ему аудиенцию. Наверно, ей тоже не с кем было поговорить.

— Зачем вы пишете? — сходу спросила она.

Кашей не был искушен в ответах на подобного рода вопросы. Он еще не знал, что эти вопросы задаются только для того, чтобы самому на них отвечать.

— Хорошо, поставлю вопрос иначе, — обрадовалась Ученая Ведьма. — Чего вы вообще хотите достичь? (Вопрос все из той же оперы.)

— В жизни? — уточнил Кашей.

— Да, конечно.

Кашей задумался, но кроме «девушек» опять не нашел достойного ответа.

— Значит, вы не знаете, чего хотите! — с восторгом заключила старушка. — Отвечу за вас. Вы, как и все, хотите стать бессмертным, но с таким отношением к делу у вас ничего в жизни не получится. Поживете и исчезнете! Искусство должно быть здоровым и светлым, а у вас жизнь напоминает полойную яму. Конечно, так оно и есть, но все об этом и без вас знают. У вас извращенный вкус, а вы извратите вкус у читающей публики. Вы вульгарны настолько, что не стесняетесь даже таких выражений... Вот, я отметила на пятой странице, цитирую: «Поцелуйте в задницу ту, которая скачет на белом коне, Богиню Целомудрия...» — Ученая Ведьма с торжествующей гадливостью уставилась на Кашея.

Тот был ошеломлен. Где бабушка обнаружила эту штуковину?! Неужто в текст вкралась такая грубая опечатка?! Он открыл папку на пятой странице и отыскал цитируемую строку. Прочитал и вздохнул с облегчением.

— Мадам,— сказал Кашей,— зачем вы рассуждаете о светлом будущем и о вульгарных поэтах, когда задницы мерещатся вам даже там, где их нет и быть не может! Здесь ясно написано: «Поцелуйте всадницу, ту, которая скачет на белом коне, Богиню Целомудрия...» Вам почудилось! Убедитесь сами, «задница» ни в какой контекст не лезет — строфой ниже героиня подставляет своему возлюбленному для поцелуя свою щеку, никак не...

Старая карга в синих чулках вlepила Кашею пощечину, схватила за ухо и потащила к двери. Кашей не сопротивлялся. Он понял, что все редакторы не равнодушны и не завистливы, о нет! Просто они читают между строк, а там, как известно, ничего не написано. (Уже потом, через много лет, Кашей Бессмертный научился отвечать на подобные вопросы. Когда его спрашивали «зачем?», «почему?» да «как?», он отсылал всех на пятую страницу «целовать всадницу».)

3

После посещения Литературной Ведьмы Кашей бросил писать стихи, а канцелярскую папку сжег, сильно надымив в комнате. Совсем опустилeся, перестал выходить на улицу. Соседи тут же донесли на него, они не могли терпеть в своем доме бесталанного (а попросту, «беса»), от него могли заразиться. Все признаки налицо... Чем он занимается? Какие-то концы рифмует... А недавно из окна дым валил...

Вызвали ишаков («Интеллектуальный Шмон»), и те увели Кашея на переосвидетельствование.

Пе-ре-о-сви-де-тель-ство-ва-ни-е... Такое длинное и неприятное слово, как и сама процедура. Снимание одежд. Саморазоблачение. Снимайте, снимайте, стесняться некого. Измерение головы колючим кривым циркулем. Измерение остальных параметров. Потом беседа с добродушным квартальным-ишаком...

— Как думаете жить дальше? — спрашивал Добрый Ишак.— Еще не все в жизни потеряно, вы такой молодой. Предлагаю вам почетный выход. Лотерейный Центр собирается осуществить широкую программу помощи бесталанным, но для этого нужно знать, как живут, чем дышат... Ну, вы меня понимаете? В вашем положении это кое-что...

— Вы предлагаете мне стать стукачом? — уточнил Кашей.

— Зачем так грубо?.. Сотрудником.

Но Кашей уже потерял всякую фантазию. Он не хотел «кое-чего», он не хотел быть сотрудником. Он уже вообще ничего не хотел. Так из Подающих Надежды он угодил в бесы. Ему сделали бронебойные прививки и под охраной двух ишаков отправили в Подпорожанство, в бесталанный квартал. Его новое жилье не шло ни в какое сравнение с прежней комнатухой — это был чулан без окон, похожий на консервную банку из-под сардин; а его соседом оказался глухонемой бес с остановившимся каменным взглядом сфинкса и с длинным самодельным пожом на пружине (чик — лезвие вылетает; чик — исчезает). Что еще?.. Один стул, две раскладушки и тусклая лампа в металлической клетке — в пекло эти лампы быстро перегорают, и приходится торчать в темноте, пока в конце декады не отоварят талон на бытовые приборы.

4

Кашей пожил там и вскоре, чтобы всю жизнь не сводить концы с концами, решил свести счеты с жизнью. Ему надоела эта тоскливая особа. Что за жизнь в консервной банке?.. Тогда он еще не был Бессмертным и мог позволить себе такую роскошь — свести счеты. Хотелось, чтобы все произошло быстро и без мучений. Лежал на раскладушке, разглядывал лампу. Из коридора несло засорившимся клозетом. Глухонемой сосед сидел на стуле, тоже молчал, но многозначительно поигрывал пожом: чик, чик, чик... Кашей взглянул на себя со стороны взглядом застывшего сфинкса — вполне созревший труп.

Можно было не сомневаться: Кашея зарежут раньше, чем он кончит с собой.

Кашей смирился. Даже сумел сочинить стишок и вывесил его в коридоре:

На свете нет преступней акции,
Чем засорение канализации.

«Прежде чем зарежут, пусть хотя бы не воняют», — решил Кашей.

Глухой сосед удивился, когда узнал, что Кашей умеет рифмовать концы.

«Еще!» — жестом потребовал он.

Кашей напрягся, припомнил свои былые стихотворные подвиги и нацарапал:

К лепесточку лепесток,
Получается цветок.
Хочешь мпи,
А хочешь рви,
Не увидишь ты крови.
Им не больно, не обидно,
Запах есть,
А слез не видно.

Сосед был приятно поражен. Он так подобрел к Кашею, что спрятал пож... «Чик-чик» прекратилось, и Кашей решил привыкать жить. Разве можно жить в консервной банке? Можно. Организмы везде живут. Каждое утро они с соседом отправлялись на Биржу Бесталанных в длинную очередь, где получали талоны на скудное питание и глупые зрелища. Пространства, где проживали счастливые обладатели удостоверенных талантов, бесам запрещалось посещать. Вскоре у Кашея в очереди завелись знакомые, такие же серые и обиженные богом личности. Он стал здесь вполне своим. Ему объяснили по секрету, что его сосед уже прирезал нескольких стукачей, и что самые отпетые бесы уважительно называют его за глаза Глухим Чертом, и что этот Черт еще покажет всему пространству глухонемыми своими знаками что-то одному ему известное.

5

Однажды Кашея разбудил скрип двери. Он сел на раскладушке. Свет из коридора проник в консервную банку. Наверное, приближалось утро, потому что Глухой Черт, не разбудив Кашея, уже отправился занимать очередь на Биржу. В консервную банку вошел незнакомец с толстым портфелем.

— Перепись,— сказал незнакомец, уселся без приглашения на стул, примял висевший на спинке Кашеев пиджачок и вытащил из портфеля анкету. Потом добавил: — Населения.

Кашей стал думать о том, чем эта перепись может ему угрожать...

— Нет, не был, не состоял,— отвечал Кашей.

«Почему никто никогда не спрашивает: а жил ли?.. Не жил».

Утро наступало. Хотелось жрать. Вопросы, наконец, закончились.

«Безобидная анкетка,— решил Кашей.— Значит, не за этим явился».

Пауза затянулась. Кашей догадывался, кто перед ним. Служители Интеллектуального Шмона (но, понятно, не уличные ишаки) посят в левой руке толстые портфели и потому всегда скособолены на левый бок... Молчание становилось неприличным. Чего ему надо?

— Я бы на вашем месте в такой квартире не жил,— наконец нарушил тишину Переписчик Населения.

— Выбора нет.

— Почему же? Вам предлагался выбор. Мы сожалеем, что такой молодой и подававший надежды организм попал в кампанию к бесам. Мы хотим вам помочь. В том случае, конечно, если вы поможете нам. Помните, вы рассылали свои стихотворения по редакциям. Мы их читали. Там были неплохие. Вот, например... Впрочем, забыл. А не ваше ли это сочинение в коридоре: «На свете нет преступней акции, чем засорение канализации»?

— Мое,— признался Кашей.

— Вот видите! — обрадовался мнимый Переписчик Населения, почувствовав слабину.— Дайте-ка мне свои рукописи, они будут опубликованы.

Переписчик с готовностью раскрыл пасть портфеля.

— Я их сжег.

— Сожгли?! Это поступок! А вы говорите, что у вас нет талантов... А пепла, случайно, не осталось?

— Какого пепла?

— От сожженных стихов.

— Зачем вам стихотворный пепел? — удивился Кашей.

— Затем, что в нашей организации можно по пеплу восстановить текст.

— Плохих поэтов, как собак нерезаных,— ухмыльнулся Кашей.— И незачем по пеплу восстанавливать. А вот если вам нужен стукач, то я могу посоветоваться в бесталанном квартале и бесы выдвинут свою кандидатуру. Есть подходящий бес — глухой и немой одновременно. Как живут, чем дышат — послушает и доложит.

Стало ясно, что разговаривать больше не о чем...

Мнимый Переписчик Населения извинился за примятый пиджачок.

Расклапаялись...

Кашей принес из коридора кружку с кипятком. Половину кипяточку выпил, другой — побрился и принялся надевать помятый пиджачок. Вполне еще приличный пиджачок, хотя

и бывший до Кашея в употреблении. Проверить: нет ли чего в карманах?.. Вчера было пусто... Сегодня... Тоже ничего не появилось.

Вдруг в боковом кармане Кашей нащупал дыру — если дыру вообще можно нащупать. Он вспомнил, что недавно потерял (или украли?) талоны. Той ночью от голода он не мог заснуть. Не в эту ли дыру провалились талоны?.. Если они там, то Кашея ожидают сегодня двойные удовольствия — двойная кормежка, а может быть, даже целый час в гостях у казенной дамы, у которой он состоит на обслуживании. Она, шельма, всегда поровит побыстрее... Кашей надорвал карман и по локоть влез за подкладку...

6

Роясь в утробе пиджака, молодой Кашей Бессмертный, конечно, не предполагал, что этому пиджаку уготовано войти в Историю. Не было у него ни озарения, ни предчувствия, когда он лез за подкладку. Лишь было одно скромное желание найти старые талоны.

О, радость!.. Пальцы нащупали скомканную бумажку... Так и есть, талон!.. Если нашелся один, могут найтись и остальные.

Но за подкладкой ничего больше не было — кроме одинокой пуговицы... Что ж, и пуговица в хозяйстве пригодится.

Кашей зажал талон в кулаке и заспешил в очередь к Бес-таланной Бирже. очередь закручивалась по трем длинным кварталам. Стой себе в свое удовольствие, спешить все равно некуда. очередь, каких много. Анекдоты, сплетни, новости, скоротечные драки, вдумчивая рукопашная игра под названием «охламончик». Глухой Черт где-то здесь занял очередь и ожидает Кашея. Конечно, Глухой Черт мог бы взять талоны безо всякой очереди, но это уже моветон... У Глухого Черта железные принципы: стукачей — резать, без очереди — не лезть.

— Эй, поэт, иди сюда! Тут твой дружок!

Глухой Черт стоял особняком, никому не мешал и читал вчерашнюю газетку «вверх ногами» — ему так было удобнее.

«Найти талон — большая удача, — жестом объяснил Глухой Черт, глянув на счастливую рожу Кашея. — Талон на что?»

— Еще не знаю, — ответил Кашей и объяснил в рифму, чтобы сделать другу приятное:

Растягиваю удовольствие
В предвкушении продовольствия.

Каменное лицо Глухого Черта медленно улыбнулось. Бесы в очереди пасторожились — кажется, паклевывалось развлечение. Какой-то разговорчивый Старый Бес тут же вспомнил, как он пошел когда-то целый библиотечный талон. Правда, он плохо умеет читать, зато целую неделю провел в «тепле и свете». Случайно вылетевшая из старика рифма привела очередь в чрезвычайное оживление: кругом поэты, куда ни плюнь — попадешь в поэта! Все разом заговорили, и ничего пельзя было разобрать. Каждый вспоминал, как он когда-то...

Чудесно день начинался.

— Что бы там могло быть? — тянул время Кашей, не разжимая кулак.

«А что бы ты хотел заиметь?» — молча спросил Глухой Черт.

Это был вопрос из разряда «поцелуйте всадницу», но Кашей еще не был Бессмертным и еще не умел на них отвечать.

— А я бы — до бабы! — отвечал за Кашею еще один рифмач из очереди.

— Не томи, показывай!

Кашей разжал кулак. На ладони лежала смятая зеленая бумажка. Талон развернули.

7

Это был не талон, а лотерейный билет.

Всего лишь старый лотерейный билет. Прошлогодний лотерейный билет, зеленый. В этом году они розовые. Лотерейный билет — всего лишь. Просроченный прошлогодний билет.

— Нет, еще не просроченный! — суетился кто-то. — Гляди, что написано: «Выдача выигрышей производится до 15-го липноля Очередного Года. Сегодня — пятнадцатое. А год какой? Какой год, кто помнит?.. Позапрошлый был Последующий, прошлый — Текущий, а сейчас какой?.. Очередной! Значит, сегодня истекает последний день!

Так чудесно день начинался и так плохо продолжается. Уже истекает... На физиономию Кашея пытались не смотреть. Физиономия была такая, что никто не смел зубоскалить — тем более, рядом приглядывался Глухой Черт: не обижает ли кто дружка?.. Воротили сочувственные рыла. Всем известно: бесы в лотерею не выигрывают. Ну, возможно, иногда сойдет-

ся серия, и бес выиграет талон на обед в ресторане. Ну, выиграет, но какой же бес станет мотаться за этим обедом в ресторан к Ядру Системы? Тем более, сегодня истекает последний день. Лишь Глухой Черт не терял надежды. Он свернул газетку и вытащил пож. Его знаки означали:

«Сейчас проверим. Иди за мной».

Кашей с неохотой поплелся за своим опасным другом. За ними увязались старый бес-библиотекарь и прочие сочувствующие. Глухой Черт, нарушая все свои железные принципы, полез к окошку Биржи без очереди. Никто не осмелился возражать, а самые отпетые бесы восприняли это как должное.

В биржевом окошке сидел очкастый организм с талантом младшего экономиста — кассир, то есть. Это удостоверял медный значок на лацкане. Видел-то он хорошо, а очки с простыми стекляшками носил для форса и ради пущей важности протирал их перед бесами.

— Почему без очереди-шмочереди? — строго спросил кассир (он виртуозно говорил в рифму).— Да сколько вас ТУТ, мать вашу ТРУТ?

Ему объяснили: надо проверить лотерейный билет.

— Лотерея-блатерея...— забормотал кассир и швырнул друзьям пачку прошлогодних лотерейных таблиц.— Следующий заведующий!

Глухой Черт повел пальцем по строкам. Ему мешали, толкали в спину. Он защелкнул лезвие ножа и опять потащил палец от серии с номером к столбцу выигрышей:

Серия, номер.....выигрыш

У Кашея появилось предчувствие. Он на себя прикрикнул. Глухой Черт в третий раз провел пальцем и замычал. На его языке это означало высшую степень потрясения.

— Ты что-то выиграл! — объяснили Кашею.

За Глухого Черта стали читать другие:

— Серия... Серия... Сошлась серия... Считай, обед в ресторане выиграл! Номер... Номер... Сошелся номер!..— Дрожащий палец метнулся к столбцу выигрышей.— Талант штаханиста-профессионала!.. Нет, мимо...

— Не умеешь! Дай я... Серия... номер... Талант коми... комсанта... Мимо.

Очередь напирала. Кашей глотал слюну. Глухой Черт в глубокой задумчивости чистил ногти ножом. Кто-то разглядывал билет на просвет. Кассир сдвинул очки на лоб и высунулся:

— Что, фальшивый? — с надеждой спросил он.

— Сам ты...

— Дай сюда! — потребовал кассир.

Ему с неохотой отдали таблицу. Он повел пальцем по строке. Он не поверил своему пальцу и строго на него посмотрел. Указательный палец — инструмент кассира. Как напильник для слесаря. Инструмент подводить не должен. На него поплеывают, им считают, пересчитывают, подписывают ведомости, ковыряют в носу. Иногда указательным пальцем показывают на неоправившегося беса, и того уводит патрульный ишак. Кассир провел пальцем еще раз. Затем сверил дату на таблице и на лотерейном билете.

— Идентично... — пробормотал кассир. Он начал протирать стекла очков. Его глаза выражали обычную зависть. Простенькое, несложное чувство, но кассир не сумел его спрятать, а на бесах зависть лучше не показывать.

— Да в чем дело?! — орали бесы.

— Надо же... — кассир уже забыл рифмовать слова и заговорил нормальным языком. — Тут с таким трудом развиваешь способности, а этому все сразу привалило...

Он отшвырнул таблицы. Старец-грамотей поймал их и с воодушевлением принялся читать:

— Серия такая-то!.. Номер такой-то!.. Выигрыш...

Голос его дрогнул:

— ТАЛАНТ ПОЭТА!

8

Над Биржей Бесталанных пролетал тихий ангел.

Кашея бросило в жар и тут же в холод. От подобного перепада температур даже камни дают трещину. В глазах поплыли большие серые пузыри — будто в душе вздохнула большая серая рыба. Кашей начал заваливаться на бок и чуть не разбил голову о чугунную решетку Биржи, но его поддержали друзья. Сразу множество друзей. Каждому хотелось поучаствовать в судьбе Кашея, прикоснуться к нему. Такой, как все, и один из нас! Немудрено и умереть от радости! Постелили на заплыванную паперть (до Эпохи Талантов на Бирже Бесталанных размещался обыкновенный Храм Божий) чью-то сердобольную курточку, уложили на нее Кашея...

Не пожалели, значит, курточку.

— Что, умер? — с надеждой высунулся кассир. Но ответа не дождался. — Умер-шмумер, лишь бы был здоров!

А кто-то в очереди уже строил далеко идущие планы... Поэт-лауреат из нашего Бесталанного Квартала! Он привлечет внимание Лотерейного Центра к существующему положению вещей!

— Кому там не правится существующее положение вещей? — пресек крамолу кассир. — Тебе, лохматый?

— Да он же глухонемой! — оправдали бесы Глухого Черта, который опять от всего отрешился.

— Тем более! Гляди мне! Обр-радовались!.. Внимание, читаю: «Лотерейный билет с крупным выигрышем должен быть доставлен лично владельцем по адресу: «Ядро Системы, третья планета, Лотерейный Центр». Хотел бы я посмотреть на того, кто за полдня сумеет смотаться к ядру!

— Не понял...

— Понял — не дурак, а дурак — не понял.

— Не может такого быть! Наверно, можно отправить почтой... Заказным ценным письмом!

— Кто умеет читать?

— Я умею читать.

— На, читай: «До-ста-влен лич-но вла-дель-цем». Точка. Где здесь слово «почта»? — Кассир протер очки. — Никаких ценных писем! Тут этого не написано, но подразумевается. Осталось полдня. Для полета к Ядру необходимы: спецразрешение-шмпецразрешение, паспорт-шмапспорт, два поручительства-шмаручительства, прививки-шмививки... Волокита-шмолокита ровно на две недели. Хотел бы я посмотреть на того, кто сможет за полдня добраться к Ядру! Да и кто его повезет без таланта?.. Сегодня какой день? Пятница? Читаю стихи, сам сочинил: «Пусть в ПЯТНИЦУ приклеит билет на ЗАДНИЦУ». Га-га-га-га!.. Лотерейные билеты нужно проверять вовремя. Впрочем, выход есть...

— Какой?

— Я могу рискнуть. Вместо него.

Бесы не поняли.

— Кассиром будет! Всю жизнь при талонах! Ну, какой из него поэт? Где ему такой талант выдержать? Очухался, что ли? Знаешь, какой поэтический ген зловредный? От одного укола на тот свет отправишься!

Хорошо, что Кашей зашевелился и подал голос. Могли и без него решить.

— От укола еще никто не умирал,— прохрипел он.— Поэтический геп никому не противопоказан.

Бесы опять туго задумались.

— Эй, очкастый! Выдай ему талоны на декаду вперед! Он проедет за них до Ядра Системы,— придумал кто-то.

Но кричавший сам понял свою глупость. За декадные талоны прокатишься разве что в подземке по кругу.

— Вот что, ребята! Пусть каждый отдаст Кашею свои талоны за всю декаду. Ничего, поголодаем, зато у нас будет свой поэт! А если зазнается — голову свернем! Понял?.. Нет, ты скажи: понял?

— Понял,— отвечал Кашей.

— Стройся в очередь, получай талоны!

Бесы плохо и медленно соображают. Проявить солидарность с собратом — это была новая и сильная мысль, но бесам требовалось время, чтобы ее переварить. Они могли бы думать еще полдня, но кассир сам неосторожно ускорил дело.

— А это видели? — спросил он и показал неприличный жест.

Бесы угрожающе притихли. Язык жестов — куда понятней. Все бесталанные очереди имеют с кассирами свои счета. Кассиров не очень-то любят... То уйдет куда-то, стоишь битый час под форточкой, ожидаешь. То обжует, срежет четверть талона и жизненных благ, соответственно получаешь меньше на четверть. То всучит вместо талонов никому не пужный лотерейный билет... Впрочем, уже не знаешь, что лучше...

Кассир почувствовал эту всеобщую любовь к себе. Он успел захлопнуть свою железную форточку, но с улицы прилетел здоровенный булыжник (как и везде во Вселенной — оружие угнетенных) и вышиб форточку вместе с рамой вглубь Бесталанной Биржи.

«В чем тут дело, почему бунты время от времени вспыхивают, несмотря на то, что ишаки круглосуточно патрулируют? — меланхолично размышлял кассир, когда с него срывали значок экономиста и выворачивали карманы в поисках удостоверения.— В чем тут дело? Невозможно понять этих темных и генетически бесперспективных бесов. От бесталанных одни болезни, безволие и слабость ума. Нельзя держать это бездельное стадо в узких кварталах Подпротрастства. Запомнить глухонемого подстрекателя, вести себя так, чтобы не стать жертвой».

Кашея в это время снаряжали в дорогу. К пиджаку прикрепили значок кассира, в карман засунули удостоверение

кассира. Часы кассира. Вручили громадный портфель кассира, набитый талонами. Кашей сразу окрикнул на левый бок и сделался подозрительно похожим на ишака. Бесы даже засомневались — получит талант, и с концами... Но выбора не было. Грамотный старец размахивал руками перед носом Кашея — благословлял, что ли?

— Дуй, на тебя одна надежда!

Кассира и взятых в плен биржевых ишаков повязали и усадили на паперти. Глухой Черт отвлекся от чтения газетки, показал пальцем на пленных и провел ребром ладони по горлу:

«Их следует прирезать. Бунт так бунт!»

Но его, к счастью, не слушали. Да, конечно, эти обладатели мелких способностей куда опаснее тех, кто по-настоящему талантлив. Но чем резать, лучше оставить их заложниками, а Бесталанную Биржу подпалить... И зрелище, и погреемся — сразу два удовольствия.

— Ты еще здесь?! Он еще здесь! Давай, дуй!

— Куда дуть-то? — не понимал Кашей.

— Хватай такси до подземки, подземкой в аэропорт, оттуда вертолетом — на космодром, а там на «Вечерний экспресс» к Ядру Системы!

— Такси! Стой!

«Еще чего, бесов возить!» — подумал организм с талантом водителя такси и решил высокомерно проехать мимо.

Но такси схватили, остановили, водителя вытряхнули.

— Кто умеет водить тачку?

Никто из бесов не умел водить... Бесы ничего не умеют. Время шло, а Кашей еще ни на шаг не приблизился к Ядру Системы. Полный безысход.

«Ну, я умею водить», — всем на удивление показал жестом Глухой Черт, свернул газетку и сел за руль.

9

Все, что происходило с Кашеем Бессмертным в тот исторический день, давно описано и общеизвестно. Каждый школьник знает, что этим днем заканчивался «последний век Эпохи Талантов», и что «хотя Кашей Бессмертный поэтом так и не стал, но в корне изменились представления» и так далее. Что с того, что Кашей так и не стал поэтом? Удивительна не его судьба — удивительны права дикарской эпохи раз-

деления разумных организмов на талантливых и бесталаных, эры спекуляции на человеческих способностях. Все ли помнят иллюстрации в школьном учебнике истории? Первый бунт, сожжение Бесталанной Биржи, первых повязанных ишаков, Глухого Черта за рулем тачки... такси. Некоторые двоечники полагают, что наша Счастливая Эпоха в чем-то даже обязана случайному таксисту, вздумавшему проехать после полудня 15-го липоля Очередного Года по Бесталанному Кварталу. Это не так. Такси вообще не понадобилось. То есть тачка понадобилась только для того, чтобы завернуть за угол, выехать из оцепления сбегавшихся со всех сторон вооруженных ишаков и немного попетлять по кварталам, сбивая с толку возможную погоню.

Уже гремели выстрелы, орали матюгалыники, крушились витрины — короче, доносились звуки, сопутствующие восставлению порядка. Вообщем горела Бесталанная Биржа с анкетами бесов. Глухой Черт остановил такси у какой-то загаженной мусором подворотни, вытащил за шиворот ничего не понимающего Кашея, а тачку на полной скорости отправил вдоль квартала на произвол судьбы — пусть преследуют.

В подворотне Глухой Черт знаками объяснил:

«Снимай кассирский значок».

— Зачем? — удивился Кашей.

Глухой Черт содрал с него значок, а портфель кассира, набитый талонами, швырнул в мусорник и присыпал хламом. В подворотню на бегу, придерживая фуражку, заглянул патрульный ишак. Но тихие бесы у мусорного бака его не заинтересовали. Он помчался туда, где гремели главные события. Глухой Черт тут же подналил своей газеткой мусорный бак с портфелем и потащил Кашея в глубину двора, к черному ходу на чердак.

— Мне пужно в подземку,— напомнил Кашей, жестикулируя.— В аэропорт! На космодром!

«Посмотри на себя! Тебя на первой же станции загребут,— объяснил Глухой Черт.— Кассира сейчас освободят, он нас запомнил и сразу выдаст. Патрульный ишак тоже нас засек. Сейчас сбегутся... А теперь — гляди!»

Глухой Черт разгреб мусор в углу чердака... и Кашей впервые в жизни увидел в натуре два штурмовых космических скафандра! О такой вещи может мечтать далеко не каждый ишак, а только высокопоставленный!

— Да ты не такой глухой, каким прикидываешься! — удивился Кашей.

«Надевай! — ухмыльнулся Глухой Черт.— Натягивай!»

Затем гудением «У-у-у!» и вертикальным движением руки Глухой Черт изобразил старт с чердака в космическое Подпространство.

— А там что делать?

«Перехватим «Вечерний экспресс». Он выйдет по расписанию и подберет пас. Везде свои дьяволы...— подмигнул Глухой Черт, привычно влезая в скафандр.— Шевелись! Застегнись! С управлением разберешься, тут просто: включил — выключил. Выбираемся на крышу через слуховое окно. И сразу в облака. Не отставай».

Глухой Черт осторожно выглянул. Внизу, во дворе, уже крутился подозрительный ишак.

Стартовали с крыши сразу на второй подкосмической скорости; Кашею с непривычки чуть ноги не оторвало. Наверное, из бесрайона этот старт никто не заметил — иначе тут же вызвали бы ишаков-перехватчиков в таких же штурмовках. Через несколько секунд вошли в облака. Нет, их не заметили... А впрочем... Нет, никому в голову не могло прийти, что бесы разгуливают в подкосмосе в штурмовых скафандрах. А впрочем...

Вышли на орбиту, затаились в тени ржавого заброшенного ретрансляционного спутника и стали дожидаться «Вечернего экспресса». Глухой Черт потребовал особого внимания и принялся объяснять какие-то совсем уж абстрактные вещи: он ткнул пальцем в Кашея, принял вдохновенную позу задумчивости (рука на челе, глаза прикрыты), потом похлопал себя по карманам и почесал большой и указательный пальцы. Кашей поднатужился и сообразил:

«Когда получишь талант поэта, придется отдавать долги».

— Кому и сколько я должен?

«Долги обществу, балда! Пуф-пуф! Бах-ба-бах! Оружие! С оружием в руках!»

— Стрелять не умею.

«Врешь! — беззвучно кричал Глухой Черт.— Я за тобой давно наблюдаю! Чуть тебя не прирезал, подумал, что ты стукач. А ты концы рифмуешь! Нам такие пужны! За свободу бесов с оружием в руках!»

— Я к политике никакого отношения,— выпутывался Кашей из попой халеры (стукачом он не стал, но и быть патриотом не хотелось; вообще не хотелось ни во что ввязываться).

«Ладно, будешь действовать словом,— великодушно порешил Глухой Черт.— Ля-ля!.. За свободное Подпространство! Нам такие даже больше нужны».

Приближался «Вечерний экспресс». Глухой Черт мигнул красным фонариком. Далеко в стороне промчался патрульный катер... Нет, не за ними. За ними, кажется, никто не гонится. Космодром, конечно, уже оцеплен, а их приметы разосланы, но никому не приходит в голову искать их здесь, на орбите. Шмолпают там, внизу, на дорогах — такси, автобусы и подземку...

Кто он, этот Глухой Черт? Кто он такой, если хранит на чердаке в бесквартале штурмовые ишачьи скафандры и запросто останавливает «Вечерний экспресс», идущий к Ядру Системы?

10

«Вечерний экспресс» (пемытая коробка, доживающая свои дни на силовых ухабах этой бесталанной провинции) притормозил, и Кашей с Глухим Чертом вскочили в заранее приоткрытый шлюз. Их встретила смазливая стюардесса в элегантном дамском скафандре и провела в служебный салон вне видимости пассажиров. Там она прибрала их доспехи и сняла скафандрик, оставшись в одном кружевном белье (в таком виде и разгуливала по салонам). Кашей тут же по уши влюбился в нее, а Глухой Черт подмигнул и ободряюще воспроизвел тот неприличный жест, из-за которого пострадал сегодня биржевой кассир.

— Руки держим при себе, договорились? — сказала Матильда (это имя было вышито на карманчике скафандра).— Это вы в лотерею талант выиграли? Значит, будете всю жизнь рифмовать?.. Скука... Но тоже занятие. Сейчас нас поздравит командир. Экипаж знает, что вы мой жених. Да, да, жених, у тебя плохой слух? Раз в сезон каждый член экипажа имеет право провезти в «Экспрессе» одного родственника. Жених — это что-то вроде родственника, верно? Наш командир, хотя и не питает любви к бесам, но без предрассудков. Сочувствует. Он направляется к нам. Улыбайся. Не вздумай волочиться за мной по-настоящему... Я сама скажу, когда захочу...

Командир поздравил жениха и невесту. Кашею даже говорить не пришлось. Он, командир, счастлив познакомиться с поэтом, или, во всяком случае, с бесом, собирающимся поэтом

стать. Система оскудела поэтами, вы не находите? Нет, рифмуют, конечно... «Грозы-стервозы...» Да что толку? Немудрено, с тех пор как началась эта гонка за бессмертием, все как будто оглохли и онемели. Живого слова не услышишь, кроме мата. Он, командир, сделает все, от него зависящее... А это кто с вами? Брачный свидетель? Один из тех, кто оглох и онемел?..

Когда словоохотливый командир удалился, Матильда принесла жениху и свидетелю скромный звездолетный ужин — чай с пирожками. Они ели сегодня впервые.

— Теперь ты — наш! — объяснила Матильда, поправляя опавшую бретельку лифчика. — А ты ничего, скромный. Не сердись. Я б тебе отдалась, но сейчас не время. Потом, ладно? Твой спутник — командир боевой подпольной организации бесов. Законсервирован, законспирирован и замаскирован, но сегодня решил раскрыться и стать твоим личным телохранителем. Его настоящего имени никто не знает, даже я. Большого ума бес. Отличный организатор, агитатор и пропагандист.

— Кто агитатор-пропагандист?! — поразился Кашей. — Он же говорить не умеет — не то что двух слов связать!

— Но он тебе все здорово объяснил... Слова — пустой звук. Голая мысль в чистом виде — вот его идеал. Он умеет донести голую мысль в чистом виде... Телепатия, спрашиваешь? Не знаю. Он все слышит и умеет говорить, но дал обет молчания до полного освобождения бесов! Это — мужик! Ему б я тоже отдалась!

Кашей, жуя пирожок, с уважением поглядел на Глухого Черта.

«Не знаю, о чем вы там говорите, но женщина не права, — всем своим видом отвечал Глухой Черт. — В начале было Слово, и слово будет в конце. Потому-то я и молчу — о чем говорить в промежутке, зачем городить слова? Пусть говорят поэты; поэзия бессмертна — она спасет мир. Ты во что бы то ни стало должен добыть талант поэта, и тогда мы освободим бесов. Я доведу тебя до Лотерейного Центра. Не беспокойся, стрелять тебе не понадобится. Стрелять и резать буду я, а тебе достаточно ядерной гранаты... — Глухой Черт утер рукавом губы, допил чай и протянул Кашею сверток. — На, держи... Видишь проволочку? Дернешь за проволочку — выскочит иголочка. Подорвешь себя в Лотерейном Центре в случае

необходимости. Смерть — моментальная и без мучений. Ты ведь об этом мечтал?»

Кашей чуть не подавился пирожком.

(Кашей, напоминаем, еще не умел отвечать на подобные вопросы.)

— Вы заблуждаетесь на мой счет,— зашептал он.— Я не умею стрелять и швырять гранаты. Я также не умею орудовать словом в целях агитации и пропаганды. Назначение поэта в обществе совсем в другом...

«В чем?»

— Совсем в другом!

«В чем, конкретно?»

— Вот в этом самом, в другом!

«Понял,— был ответ.— В другом — так в другом. Граната на крайний случай. Живым не давайся. Запомни: дернуть за проводочку, выскочит иголочка...»

Кашей с опаской спрятал гранату в дырявый карман пиджака. До полуночи оставался вечер, а до Ядра Системы они еще ни на шаг не продвинулись.

Но вот командир включил мигалку и стал разгонять «Вечерний экспресс» по силовому коридору. Пропеслись мимо будки дежурного ишака-стрелочника. Тот хлопнул рюмку, выглянул, узнал «вечерник» и включил наводящий прожектор-рельс. Пошли по зеленому лучу. Мелькали ремонтные службы пуль-пространственного коридора, недостроенная гостиница, футбольное поле на ржавом планетном якоре, три буксира в галактическом рукаве, таскающие звезды туда-сюда...

Наконец «Вечерний экспресс» сорвался с луча и, с выхлопом свернув пространственно-временную субстанцию в зеленую плеть, проткнул Подпространство и вынырнул у внешнего края Ядра Системы.

— Поторопитесь,— сказала Матильда.— Под нами третья планета. Командир согласился ожидать вас до полуночи, а потом — возвращаемся.

До полуночи оставался один час...

11

На третьей планете было уже темно, поэтому решили садиться точно по координатам, указанным в лотерейном билете — прямо в клумбу перед зданием Лотерейного Центра.

Сели и осмотрелись...

Если это был Лотерейный Центр, то тщательно законспирированный и замаскированный под обычное жилое здание. Ишаков нигде не было видно — засада, значит, в самом Лотерейном Центре.

Вошли... Лифт был открыт, но не работал. Оставили в нем скафандры и бегом отправились на девятый этаж. Глухой Черт скакал впереди по ступенькам, с беспокойством разглядывая лестничные площадки. Крашенные двери и двери в коже, глазки, звонки, половые коврики, медные таблички... «Перспективный бакалавр-биоэнергетик Такой-то», «Доктор органоведения Растакой-то», «Инженер-вахмистр Этакый»... Кашей уже чувствовал, что сейчас произойдет одно из тех недоразумений, которые так не вовремя украшают жизнь...

На девятом этаже решили позвонить в дверь с табличкой «Пенсионер особого назначения Разедакий». Им открыл заспанный, еще не старый пенсионер в трусах.

— Кто такие?

Глухой Черт отодвинул пенсионера и вошел в квартиру.

— Чего надо?! — заорал тот.

Кашей протянул ему лотерейный билет.

— Ты что, билеты распространяешь?

— Тут указан ваш адрес...

— Действительно... — удивился пенсионер. — Действительно, адрес мой... Впрочем, гляди, лопух! Планета третья, но с какого края? С внешнего или внутреннего?

Глухой Черт вышел из комнаты, отобрал у пенсионера билет, перечитал адрес. Ударил себя кулаком по лбу и, нарушив многолетний обет молчания, многоэтажно выругался.

Кашей взглянул на часы кассира... До средней галактической полночи оставалось совсем ничего. Он принес извинения пенсионеру особого назначения и заспешил вниз. Но глупый пенсионер не пожелал принимать извинений и схватил Глухого Черта за руку:

— А талант у тебя есть, чтоб шлаться здесь по почам?

О судьбе этого пенсионера история умалчивает. Надеемся, он остался в живых, потому что резать его ножом не было никакого времени. Глухой Черт свалил его одним ударом и захлопнул дверь.

...Опять одевание скафандров в темноте лифта...

Взлетели уже не таясь, с грохотом, на третьей космической скорости, разбудив всех окрестных ишаков. «Вечерний

экспресс» болтался без дела на орбите. Радировали: «Планета третья, но не с того края! Ввели, понимаешь, нумерацию планет, будто в языке мало слов!»

Матильда уже открывала шлюз. Экипаж поможет начинающему поэту, даже если придется сойти с курса. Протесты пассажиров побоку. Скафандры можно не снимать, сейчас будем на месте. Садитесь прямо на крышу Лотерейного Центра — здание внизу, конечно, оцеплено...

За пять минут до полуночи Глухой Черт увлек за собой целую стаю дежурных патрульных ишаков, а Кашей в гордом одиночестве произвел посадку на крышу Лотерейного Центра — на этот раз без ошибки. Последние минуты ушли на то, чтобы сбросить скафандр и спуститься на девятый этаж к двери с надписью: «Регистрация лотерейных билетов».

Часы за дверью стали бить галактическую полночь...

12

Кашей распахнул дверь погой.

В кабинете сидел очередной удивленный ишак с талантом мелкого клерка.

— Зачем же погами? — пожурил он.

— Зарегистрируй билет! — потребовал Кашей. — Сегодня еще пятнадцатое число, и я прибыл лично, как указано на обороте!

— Верно! — согласился клерк, прислушиваясь к бою часов. — За вами кто-то гонится?

— Регистрируй! — заорал Кашей.

Клерк повертел лотерейный билет и шлепнул на него лиловую печать.

— Издалека? — спросил он с сочувствием.

— Из Подпространства. — Кашей повалился на стул. — Вы будете проводить экспертизу или как?

— А что вы выиграли? Талант поэта?! Ого! Но вы не волнуйтесь, никакой экспертизы проводить не будем. Не нужна экспертиза. На вашем билете написано: «Явиться лично». На настоящих билетах указывается: «или переслать почтой». Так что я вам сочувствую. Ваш билет фальшивый. Кто-то над вами подшутил. Всякое бывает...

— Врешь, каналья! Так не бывает! — Кашей схватил стул и бросился на клерка.

Тот прикрылся портфелем и быстро сказал:

— Ладно, ладно... Пройдите в следующую дверь, там вас давно ожидают.

Кашей сгреб со стола лотерейный билет.

— Кто тут меня ожидает? — заорал он, вламываясь в следующую дверь.

В кабинете, куда ворвался Кашей, сидели двое с кофейником и бутылкой. Лицо одного из них было «непроницаемым» — значит, или идиот, или большой начальник. Второй показался Кашею знакомым, но вспомнить не было времени.

— Что за сброд? Кому я тут нужен? — спросил Кашей.

— Знаешь ли ты, с кем разговариваешь?! — опешили те.

— Сейчас узнаю! — Кашей сбросил пиджачок и засучил рукава. Подавать себя к этому полупночному ужину следовало именно так: агрессивно. Для начала он собирался снести со стола бутылку с кофейником, но потом вспомнил и вытащил сверток с провололочкой.

— Ого! — удивилось второе лицо. — Какой ураган! И всего лишь за полдня! Где вы гранату раздобыли?

Кашей, наконец, узнал утреннего Переписчика Населения.

— Опять вы? Перепись населения, реставрация стихов из пепла?

Гранату Кашей все же опустил, но начальники поняли, что на испуг его не возьмешь. Они протянули свои визитные карточки. Кашей прочитал на первой: «Галактический министр по делам бесталаных», на второй «Товарищ галактического министра по делам бесталаных».

— Вы-то мне и нужны, начальники! Что это вы развели — за талонами в очередях стоять!

— Вот народ, сразу права качает! — сокрушился бесталаный министр. — Давайте лучше поговорим о вашем лотерейном билете. Мы с утра поджидаем вас. Прошу, рюмку...

Ладно, просят... Кашей палил рюмку.

— Видите ли, ваше столь опасное путешествие было результатом нашего дружеского спора и одновременно социальным экспериментом на выживание. Мы с товарищем редкостные спорщики. Я утверждал, что любой бес, даже самый талантливый, даже если очень захочет — а очень захотеть ему поможет подброшенный фальшивый лотерейный билет, — все равно не сумеет проделать такой путь за столь короткое время. Как видите, я проиграл. С чем вас и поздравляю. Для вас уже заготовлены значок и удостоверение старшего интенданта

Центральных Правительственных Складов. Ваши усилия счастливо завершились.

— Плевал я на твои Правительственные Склады,— потряс свертком Кашей.— Талант поэта, или вы отсюда никогда не выйдете.

— Неуживчивый тип,— поморщился министр бесталанных.— Где ты такого нашел?

— Талант поэта — или грохоту на всю Систему! — продолжал Кашей.

— Вы, как видно, не понимаете,— начал уговаривать товарищ министра.— Зачем вам поэтический талант? О чем вы толкуете?.. Поэзия... Ведь это фу-фу... Облака, ветерок, пустой звук... Подумайте сами: это не ве-щест-вен-но! Если вам так правятся таланты на букву «П», то... вот список, выбирайте! Таланты переплетчика, повара, парикмахера, пиротехника, пожарника, продавца, паромщика... чем плохо на пароме, а?.. парашютиста, писаря, почтальона и так далее! Хотите сразу несколько талантов — пожалуйста! Застрахуетесь, заживете... Миллионы бесов мечтают о небольших способностях, а вам все сразу! Вы думаете, стоит там сделать какой-то укол, и бесталанный станет талантливым? Ерунда! Мифология бесквартилов. Талант — это Бог знает что, никто не знает. Конечно, я могу выдать вам значок поэта, но очень многим рискуете. Вас ожидают большие разочарования.

Товарищ министра в припадке откровенности сболтнул лишнее, министр строго на него посмотрел. Мифология бесталанных квартилов была совсем уже ни к чему. Перед Кашеem будто сдернули покрывало с памятника, а памятника не оказалось — кто-то ночью спер.

— Если без укола — еще лучше! — отвечал Кашей.— Меня устроит значок и удостоверение. И побыстрее! Если не хотите познакомиться с моим телохранителем...

А Глухой Черт уже рвался в кабинет, таща за собой полдюжины вцепившихся в него ишаков.

Кашей поднял сверток на вытянутой руке и натянул проволочку.

— Не двигаться! — заорал на ишаков товарищ министра.

Последовала процедура открывания сейфа и доставания из него голубой атласной коробочки. На свет наконец появился золотой значок — стило и загнутый лист бумаги были изображены на нем.

— Удостоверение! — потребовал Кашей. — И заодно значок и удостоверение старшего интенданта Правительственных Складов!

— Для друга? — уточнил товарищ министра.

Глухой Черт отбивался от ишаков из последних сил.

— Нет, для себя, — ответил Кашей.

Он бросил значок и удостоверение интенданта себе за подкладку, подошел к Глухому Черту и навесил ему на пиджак значок поэта.

Глухой Черт окончательно онемел.

— Вот он-то и есть настоящий поэт из всех присутствующих, — с пафосом объявил Кашей. — Он точно знает, что должен делать поэт в загаженном, как подворотня, обществе! Вы его еще услышите!

— Bravo! — сказал министр бесталанных.

Ишаки топтались в дверях и не знали, что предпринять.

— Чего вам? — спросил товарищ министра.

— Этих бесов обвиняют в подделке лотерейного билета, а также в подстрекательстве к бунту сегодня утром.

— Можете возвращаться, сержант. Передайте по линии, что операция прекращена. Бесталанные граждане были постигнуты уже в качестве талантливых, о чем подтверждают значки и удостоверения. Лотерейный билет погашен, выигрыш выдан, талант оприходован.

— Но... Нельзя ли забрать?

— Это как?

— Ну... Конфисковать.

— Я вас не понимаю, сержант! Как вам должно быть известно, талант является личным достоянием и внутренним качеством индивидуума. Любой талант — врожденный или благоприобретенный — охраняется законом и конфискации не подлежит.

Кашей с Глухим Чертом, преглуно блиставшим золотым значком, отправились на крышу Лотерейного Центра, а оттуда «Вечерним экспрессом» в свое бесталанное Подпорошество, которое следовало развалить и собрать запово. Кашею опять не повезло — Матильда, благосклонно глянув на него, бросилась на пиджак Глухого Черта. Это был пиджак поэта. К такому пиджаку хотелось прильнуть. Таким пиджаком можно было размахивать, как флагом. Носить его впереди толпы, чтобы значок сверкал на солнце. Женщины всех цивилизаций на такие дела падки.

А что было дальше — все знают: резня, переворот, опять резня, опять переворот — и еще много-много раз повторение цикла; и наконец — Очередное Счастливое Будущее, в котором мы с вами живем. Кащей же Бессмертный в глубокой старости, глядя на эти циклы, сделался скверным крючконосным существом со вздорным характером; и все никак не мог помереть — до тех пор, пока не сказал свое последнее Слово: подорвал себя в своем Замке той самой гранатой, дернув за проволочку и выдернув иголочку.

13. ПРИЛОЖЕНИЕ

Ненаписанные, а также возрожденные из пепла стихи Кащея Бессмертного

Перевод с карданвальского Игоря Кручика

Я не поэт. Но нет, не потому,
Что не верчу богемой и толпой,
Что чувства подначальственны уму,
Что не владею словом и собой.
Какой бы ни случился мне билет —
Я просто слабый рифмователь. Ведь
За звание дебильное — «Поэт»
Страдать не соглашусь. И — умереть.

Что же такое душа?
Слышим об оной мы сплошь.
Может, она — анаша,
Дурь, от которой балдеж???
Ну-ка, в словарь посмотреть!
«Хлеб... — возглашает словарь, —
...С четким стремленьем черстветь,
Окаменяясь в сухарь».

Мне говорил шмонающий ишак:
«Живи! Но усеки и не отчайся:
Вселенная похожа на пиджак,
И пламенный утюг — ее начальство.
Ну, а подкладка малость расползлась,
И там, в Заподлицовье, в масть порядку

Рукав по локоть засучивши, власть
Невидимая — штопает подкладку.
Как в пуль-пространстве протыкают путь
(Сквозь лацкан — до подкладки) звездолеты,
Так нужно шилом вовремя проткнуть
Пиджак для бляхи, явствующей, кто ты».

Цистерну падобно ума,
Дабы постичь цитаты эти:
«Познай, где свет,— поймешь, где тьма»,
«Прохавал жизнь — просек бессмертье».
Одну под вечер бытия
Ученый выдал (Шэкон?.. Бартли?);
Другую, скажем прямо,— я!
И совершил открытие вряд ли.
Ведь нечто новое ища,
Ты не отыщешь даже мизер.
Давно все есть: роддом, праша,
Сопата, средство от прыща,
Бог, лотерея, телевизор!

Виповат Гдемокрит,
Фрезерфорд ли виновен
В том, что мир состоит
Из мельчайших хреновин?
Я загнусь, как любой...
Но ведь может случиться:
Прах развеянный мой
Соберут по крупице.
Опосля монтажа
Встану — ярый, как водка.
Где ж возьмется душа?
В каждом атоме. Вот как.

Я тебя люблю
Пять, паверно, лет.
Будешь ты в раю.
Я, паверно, нет.
Пью и предаю.
В ад мне взят билет!
Будешь ты в раю —
Вспоминай. Привет.

ИВАН-ДУРАК, или ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

Из исторических сказок Змея Горыныча

1

В свои неполные шестнадцать лет этрусская княжна Василиса Прекрасная была похищена из родительского дома атлантообразным циклопом без имени, роду и племени и унесена за тридевять земель на Канальские острова, что прикрывали в те времена путь к Атлантиде. Циклоп с вожделем разорвал на пленнице джинсовый сарафан, швырнул ее на золотую кровать с пуховой периной и приступил к делу.

Запомним: Земля тогда была помельче, Атлантического океана еще не было, Понт Эвксинский напоминал большую гоголевскую лужу, а Босфорско-Дарданелльская канава соединяла эту лужу со Средиземным ставком.

Но сперва покопчим с циклопом.

2

Циклоп оказался побочным продуктом какой-то очередной вопочей АЭС, хотя работал под натурального атланта: посил фетровую шляпу с павлиньим пером, сморкался в носовой платок и говорил на разных языках. Не сразу распознали его псевдоатлантическую суть — атланты таких техногенных двойников отлавливают и используют в качестве дефицитной добавки к ракетному топливу.

Поначалу, как и подобает солидному жениху, техноген выказывал самые серьезные намерения: засылал в Этруссию сватов, обещал княжне небо в алмазах и райскую жизнь у молочных рек с кисельными берегами где-то на Кольцах Урана, но так и не добился взаимности. Получив вместо рушников гарбуз, циклоп озверел и показал себя во всей красе — ради своей похоти разорил полцарства-государства, пожег три княжества и угробил уйму народу. Поставил ультиматум реб-

ром: пока не приведут княжну, подавай ему каждую ночь в постель нецеловану красну девицу.

Смешного мало...

Подавали...

А что было делать — ни меч-кладенец не брал одноглазого, ни пуля-дура, ни штык-молодец. Вообще, нашествия техногенных циклопов, драконов и гигантских слизистых чудюдищ из нашего светлого будущего были в те времена обычным делом — ползет такое жирное, безголовое и жрет чернозем с глиной, оставляя за собой глубокий пустой овраг; ну и жизнь человеческая недорого стоила: за один фунт изюму наемные соловьи-разбойники могли насмерть убить, а за понюх табаку — на всю жизнь покалечить.

Такие цены.

Циклоп оказался диким, глупым, толстокожим, необразованным и, вдобавок к букету, неспособным на ЭТО дело... Велит девице раздеться и всю ночь напролет таращит на нее единственный глаз, пускает слюни, возится да елозит, а что дальше делать — не знает. А может, и знает, но не может. Куда ему, техногенному! Спасибо, хоть отпускает живьем домой. А дома — никто замуж не берет, и пальцами показывают. Девицы поначалу хихикают, а потом в слезы:

— Невинные мы, непорченные, непорочные!

Но поздно: сопливые отроки уже вымазали ворота дегтем, а пуще всех старается богатыренок Ивашка-дурашка — несется, сломя голову, во главе малолетней оравы с ведром и квачом, как с флагом.

Хоть бы за дело, а то обидно, и срам один. И никому ничего не докажешь, циклоп справок не дает. А Ивашке-дурашке девицы обещали отрезать оный отросток, когда подрастет.

Смешного мало...

Ничего смешного тут нет...

Не знали этрусские богатыри, как отделаться от этой напасти. Послали в Атлантиду гонца-сорохода жаловаться на произвол: «спизойдите, заберите супостата на топливо»; но гонец где-то по дороге запил и сгинул. Послали второго — запросил в Царь-Граде политического убежища. Третий, олимпийский чемпион в марафоне, был почти у цели, даже наблюдал в бинокль атлантские Воздушные Замки и одноглазых атлантов, держащих небо...

Но приплыла из гольфстримского пролива бутылка из-под шампанского, а в ней записка:

И все...

А что именно сообщить в Кагэбэ? Давишенько что-то к ним в Этруссию никто из племени Кагэбэ не наведывался...

Надеялись современники Василисы, что младая княжна сама сообразит, что к чему... Намеряли даже:

— Чего тебе стоит, а?

Но та — ни в какую!

— Девичья честь,— говорит,— дороже!

«Ишь ты, какая! — молча сокрушались богатыри. — Небось не убудет, если заради спасения этрусской нации даст разок одноглазому».

Хотели, значит, сразу убить двух зайцев: и девичьей честью, как щитом, оборониться, и собственное алиби в глазах потомков соблюсти.

— Хреп с ней — сколько той чести? Отправьте меня! — вызывалась Дунька Шалая Дура. — Уж я циклопа вокруг пальца обведу, уж я ему это дело оторву, уж я нацию спасу!

— Уж,— отвечали богатыри. — Не, ты не годишься. Тут нужна непорочная Жанна д'Арк.

Обижалась Дунька-шалая: мол, это еще с гинекологом глянуть падо, какая-токая княжна непорочная; и никто не ведал, что первой тайной девичьей любовью влюбилась Василиса Прекрасная в Ивана-дурака. То ЭТАК глянет в глаза при встрече (у ней глаза синие-синие, и у него тоже), то случайно к руке прикоснется... Однажды так осмелела, что бицены пощупала:

— Ух ты, какой!

Хотелось ей любви и защиты, да не созрел еще Ванька для этого дела — для настоящей любви, то есть. О чем-то, конечно, он смутно догадывался, что-то предчувствовал; мимоходом нескольких девок успел попортить — да все не то; зато к Василисе питал нежное уважение за ее беззащитность и строгость права — за то, что семечки не лузгает где ни попадя, подол в насмешку, как Дунька-шалая, не задирает, к циклопу на поругание не идет. Ему присесть бы на пенек, разобраться в себе да заманить княжну на сеновал (она бы сама пошла), да ласково привести в исполнение (чему быть, того не миновать — тут и сказке конец), да где ему, дураку, в его-то годы, разбираться в темных лабиринтах психоанализа. Чужая душа — потемки, а своя — ночь беспросветная.

Все от княжны отвернулись, некому стало ее защитить. Ее отец, светлейший князь Василий Ардалионович Рюрикс (из латышских стрелков-варягов), погиб в битве с драконом Реактором Четвертым; а матушка, княгиня Розалинда Силаптьевна Хазарская (из тех, «неразумных хазаров»), скончалась от тоски по мужу и от радиационных последствий этой же битвы, когда Василисе едва исполнилось пять лет. Так что этрусские богатыри втихаря порадовались такому исходу — похищение Василисы Васильевны произошло не без их молчаливого попустительства (можно так промолчать, что яснее слов будет) — и, засучив рукава, в который раз принялись за восстановление порушенного пародного хозяйства.

Откуда им было знать, что обнаженные красоты Василисы Прекрасной так прельстили выдавшего виды техногена, что тот совсем оплошал, потерял голову вместе с фетровой шляпой и под утро уснул у нее на груди, закрыв единственный, никогда не закрывавшийся глаз и позабыв в кармане камзола лазерное зеркальце в титановой оправе. Василиса лежала под ним ни жива, ни мертва. Из сопла циклопа выдувались искры, от храпа содрогался Воздушный Замок, храп был слышен в самой Атлантиде. Ощущение такое, будто угодила под паровоз, но главная девичья драгоценность оставалась при ней в полной целости и сохранности, а рыдать по разорванному пакистанскому сарафану не было никакого времени. Василиса выдралась из-под зловошного чудовища, овладела его могущественным оружием, едва дождалась восхода солнца и первым же солнечным зайчиком сожгла циклопа к чертовой матери вместе с периной и золотой кроватью.

Осталась от кровати застывшая золотая лужа, а от циклопа — фетровая шляпа, волшебное зеркальце и сожженное, но не сгоревшее «Дело о Четвертом Реакторе» в архивах племени Кагэбэ на Лубянке — дела Кагэбэ не горят, как известно.

3

Откроем «Дело»...

Прав, безусловно прав старший оперуполномоченный Кагэбэ Всеволод Чердаков в том, что именно в память о подвиге Василисы Васильевны Рюрикс (она же Прекрасная, она же Премудрая) древние египтяне установили в Нубийской пустыне нержавеющую стелу из химически чистого железа, а древние римляне переименовали Василису в Европу, а техногенного

циклопа — в божественного аписа. Эллипская легенда о похищении Елены Прекрасной — из той же оперы. Бесконечно прав старший опер Всеволод Чердаков — в основе всех позднейших сюжетов о любовных хищениях с международными осложнениями лежит история этрусской Василисы Прекрасной («этрусски», по теории Чердакова, разговорное сокращение от «это русские»).

Прав кагэбист, создавший свою лингвистическую теорию не в тиши мягкого кабинета, а в полевых условиях пространственно-временной дыры от провалившегося в века Саркофага. Кстати, Киеву опять повезло: в результате знаменитого Карпатского землетрясения 199... года, Четвертый Реактор заодно с Саркофагом хитроумно рванули на волю сквозь земной разлом в обратном направлении пространства—времени, прободав сквозную дыру аж до самых шумеров. Ищи-свищи! А из той дыры, как из рваной торбы, в Этруссию посыпались оборванцы-богатыри всех времен и народов на любой причудливый женский вкус.

Прав, прав Всеволод Чердаков! Таких бы спецов нам больше — горя бы не знали.

Закроем «Дело».

4

Что происходило в дальнейшем на родине Василисы Васильевны — тоже доподлинно известно.

Кое-как отстроившись с братской помощью племени Кагэбэ через пять лет за четыре года, узнали богатыри от проезжих гишпанских кушцов-близнецов, перегонявших велосипеды в Армению, о гибели супостата и о воцарении Василисы Прекрасной над Канальскими островами.

Сказывали купцы-близнецы, слезая с верблюдов и развязывая кушаки:

— Обижена ваша Василиса Васильевна на весь белый свет. Даров не принимает, дипломатических сношений ни с кем не устанавливает, зато по дешевке поставляет в Атлантиду девиц легкого поведения, сбивая цены на мировом рынке.

И еще сказывали купцы-близнецы, не закусывая после первой чарки:

— Двинулась ваша Василиса Васильевна на сексуальной почве почище того циклопа. Наложила на Гишпанию непристойную дань — подавай ей каждую ночь нового жениха в

раскладную койку. Не любит, вишь, в золотых кроватях раз-
пеживаться. «И чтоб был,— кричит,— как огурчик!» Губа не
дура! А с первым лучом солнца, коль не угодил жених, того
служанки-амазонки — со скалы да в море с камнем на шее.
Никто еще не угодил, рассказывают.

— Урезоньте ее! — слезно просят гишпанские купцы-близ-
нецы братья Изюм и Шолом Фордмазоны, закусывая после
второй чарки кошерным бройлерным куренком.— Это ж по-
головное выбивание гишпанского семенного фонда! На вас
одна надежда!

Почесали богатыри в затылках. Вспомнили, как обидели
сироту... Вот и комплексует она.

— Нехорошо получается,— задумался Иван-дурак, выма-
хавший к тому времени в первостатейного племенного быка-
производителя — лишь железного кольца в поздю не хвата-
ет.— Не пассарап получается.

А братья Изюм и Шолом развязали языки и рассказывают
после третьей чарки, закусывая хлебом-солью и шматом сала:

— Слух идет по Древневековью: запаслись атланты доста-
точным топливом и павострили лыжи на свои Кольца Урана.
Надоело атлантам чужое небо держать, надоело торчать за-
тычкой в чужой озоновой дыре. «С озоном у вас,— говорят,—
порядок. С временем у вас,— говорят,— непорядок. Времен-
ная дыра у вас». Время наше им, вишь, не правится. Бросают
нас на произвол судьбы, черт с вами, вот вам дорога к непо-
чатому континенту.

— Налей, Дунька, фармазонам на коня... На верблюда, то
бишь,— велит Иван-дурак.— Авось чего еще вспомнят.

Выпили купцы на верблюда, похлопали Дуньку-шалую
пониже спины:

— Хороша Дуняша, жаль, что не наша! — и рассказывают Ива-
ну на ухо: — Пойди туда (не слышно «куда»), зайди к тому
(не слышно «к кому»), скажи, что после исходов атлантов
разверзнется новый океан и случится потоп не хуже библей-
ского. Там знают, что делать. На, закури «Кэмел».

5

Закурил Иван заморское зелье, призадумался.

Поздно понял Иван свою ошибку: промашка вышла, не ему
досталась Василиса Прекрасная... Больно стало Ивану, загруст-
тил Иван; а гишпанские верблюды напились днепровской

воды, отбились от Полкана и Шарика, ушел караван к горе Арарат, где братья Фордмазоны угодили в плен к янычарам, пришлось ко двору, возвысились до тайных советников Осман-паши, сказывали ему сказки, жили припеваючи и положили начало двум многочисленным племенам: известным за-турканным евреям — родоначальник Изюм, и знаменитым франкмассонам, от которых все беды в мире — отец-основатель Шолом.

Тем временем взглянули богатыри свежим взглядом на свои шлакоблочные хоромы-хрущобы Второго татаро-монгольского домостроительного комбината «Имени шахтера Мамая», на терема, покрытые картонным шифером, на мазанки под гнилой соломкой... Заскучали богатыри. Стало им себя жаль.

Чувствуют, чего-то им не хватает в этой жизни, а чего — не понятно.

— Слышь, атланты уходят...— говорит Емельян, который однажды говорящую щуку из колодца времени вытащил, а потом на радостях спьяну на печи по Этруссии ездил.

— Слышу, не глухой,— отвечает Демьян, который ту волшебную щуку в уху запустил и богатырей той ухой так угощал, что все потравились.

— Кому ж, интересно, достанется атлантическое наследство?

— Василиске нашей, Прекрасной, кому ж еще? — берedit богатырям душу боцман Себастьян, известный авантюрист, сбежавший из экспедиции Христофора Колумба и затаивший зуб на самого адмирала.— У нее ж волшебное зеркальце — забыли? Это ж тебе не автомат Калашникова!

Вот чего не хватает богатырям — лазерного зеркальца в титановой оправе.

— С таким оружием — да на ведмедя! — размечтался Роман (генетический корень будущей царской династии).

— С таким оружием — да на циклопа! — витает в облаках Ульянов (паходка для Института марксизма-ленинизма — прашур семьи Ульяновых).

— С таким оружием — да на атланта! — строит воздушные замки Ян (Яшкина фамилия вообще была дьявольской, проносилаь с оглядкой и сплевывалась через левое плечо: Бронштейн!).

А красные девицы тыквенные семечки лузгают и над ними смеются:

— Тю, дурни! Развоевались!
— Раздел Атлантиды — это им не шук потрошить и не Дуньку делить!

Иван же дурак притушил окурок и молвил так:

— Делать нечего, придется нам, братья, спасти гишпанский семенной фонд. Надобно построить морскую флотилию, отправиться на Канальские острова, бухнуться головой в пожки матушке Василисе Васильевне, признаться ей во всенародной любви и умолить ее вернуться в Этруссию...

Прикинули богатыри: а что, умно! Фонд — фондом, не в гишпанском семенном фонде дело... Иван не совсем дурак — родимые морские царицы с волшебными зеркальцами на до рогах не валяются...

— Ну, решили? — торопит Иван.

— Не пугай, не запрягал. А кто будет головой об пол в пожки бухаться?

Боязно богатырям. Подумать надо.

А вдруг, не дай Боже, глянет на них Василиса Васильевна и вспомнит, как пять лет назад всем народом подбивали ее отдаться одноглазому?.. А помнит ведь, не забыла... Страшно подумать! Как сверкнет синими-синими очами, как вытащит из шикарнй своей запазухи волшебное зеркальце...

— Головой об пол бухаться — это я на себя беру, — отвечает Иван-дурак. — Будет вам половой акт.

Понятно богатырям: у Ивана-дурака свой дурацкий интерес. Не пужно Ивану волшебное зеркальце, а нужен Ивану половой акт. Охота Ивану-дураку отведать настоящей любви с Василисой Прекрасной в Воздушном Замке на походной койке.

— Да перед Ванькой ни одна баба не устоит, любая даст — хоть Дунька-шалая, хоть царица морская! — убеждает богатырей Христофоров боцман. — Скажем ей: гляди, чем плох? Во, вымахал! Хоть в зубы гляди, хоть куда... Возьми, не бойся, пощупай. Попробуй на вкус, на цвет. Испытай! Если Ванька не подойдет — другие найдутся. Выбирай мужа-регента при царской своей особе. Володей нами! А не то — не глянем, что царица морская, а всей командой устроим тебе всенародную любовь. Тоже мне, гишпанская королева! Гляди, все как на подбор: Баян-стихоплет, Емельян-балбес, Кирсан-истукан, Колян-жлоб, Лукодьян-вахлак, Прохан-придуток, Роман-буян, Саливан-бревню, Ульян-жиган, Харлан-кулак, Яшка Бронштейн — тьфу, тьфу, тьфу — и множество других женихов, яко

грязи. Всех со скалы не перебросаешь, кого-нибудь да оставишь на развод, новых богатырей народим.

Себастьян-боцман — известный хам. Ему легко говорить — «народим». Боцман не жених, а пропойца.

— А коль на развод не оставит?

— Тогда подадим в Кагэбэ заявку на быков-производителей из Рязанского военно-политического училища,— отвечает Иван-дурак.

— А где флот возьмем, если строить лень?

— Я вам достану.

У Ивана-дурака на все есть ответ.

Ладно, в могиле прохладно. Любовь любовью, а надо бы Ивана женить, чтоб девок поменьше портил, да заодно сообщить в Кагэбэ: библейский потоп на посу, там знают что делать. Пусть спасают Этрессию от наводнения.

Сочинили челобитное заявление: «Нижайше просим вспомоществовать нашей скудности...», спарядили Ивана победнее — телогрейка, лапти, сума переметная; ушел Иван-дурак в дыру времени: туда — не знает куда, за тем — не знает за чем.

Взялся — ходи. Как в шахматах.

Быстро сказка сказывается...

6

Ушел, значит, Иван-дурак в столицу нашей родины Москву и сгинул. Нету его месяц, второй...

Загрустили красны девицы по Ивану, вспоминают ненаглядного. Всем Ванятка хорош — на спор лбом расшибет дубовый стол, добрый конь под ним прогибается, а более ведра горилки Иван не пьет, во всем меру знает, да не в постели — в постели он словно буйный тур, нет ему равных в Этрессии: бьет копытом, бодает рогом, куда там Зевесову апису! Приговор свой девицы помнят, да кто ж возьмет такой грех на душу?..

(Было дело: наточили вострый ножик, подослали ему Дуньку Дуру Шалую; вернулась Дунька по утру чуть жива, упала на пороге, ножик обронила, проспала весь день до вечера, а проснувшись, сказала, дрожа в коленках: «Красота,— сказала Дунька,— спасет мир. Не могу такую красоту по живому резать».)

Нет Ивана. Третий месяц пьют богатыри горькую, третью Луну пропивают. Луна заглядывает в колодец времени — ау, Иван! Не видно Ивана. Всю горькую из цистерны выпили, что в прошлую навигацию им из Кагэбэ доставили. Зима на посу, белы мухи кружат, а тут девки молодые взяли за моду из дому тикать.

Одна удрала, вторая...

— Куды?!

Отвечают Глаша-холера и Даша-фанера:

— На кудыкину гору рвать помидору. К матушке Василисе Васильевне Рюрикс на Капальские острова в услужанки-амазонки. Имеем приглашение, да-с! Она и приголубит, и замуж за атланта выдаст с неслабым приданым. От вас дожدهшься!.. Не хотим в этой временной дыре прозябать. Хотим посить французские бюстгальтеры, видеть небо в алмазах, купаться в молочных реках, пить шампанское «Мадам Помпадур» и закусывать кисельными берегами.

— Вот дуры-то! Амазонки-лесбиянки! Киселя вам лаптем хлебать не перехлебать, во французских бюстгальтерах воду носить не переносить!

— От таких слышим! Прощайте! А Ивану-дураку, кобелю, передайте: все одно ему это делоотрежем!

— От, дешевки!

— Жмоты!

Последнее слово всегда за ними.

Пятая удрала, шестая — Танька-пустая и Сонька-толстая. Совсем обеспокоились богатыри. Кричат в колодец времени:

— Эй, Иван! Чтой-то стало холодать! Поспешить надобно! Давай флотилию, слышь?

А из колодца шепелявое эхо:

— Шиш-шиш-шиш-шиш-шиш-шиш-шиш-шиш-шиш-шиш-шиш...

Видать, долго дело делается... Родить можно! Богатырям хуже нет, чем ждать, рожать и догонять. Богатырям уже не-втореж.

Весна пришла, лютики-цветочки, самое время для половых актов и атлантических походов. Девц на цепи держат, чтоб не бегали. Куда там! По утру просыпаются — десятая удрала, одиннадцатая — Роза-запоза и Муза-стервоза. Кричат богатыри в колодец времени (большой такой колодец, квадратный, из него разрушенный саркофаг до сих пор торчит):

— Чаво так долго, Иван?

А эхо им отвечает:

— Путч у нас здесь, распад империи, переворот говна в природе. Пришла на Лубянку какая-то хунта, ревизует оперативные планы, сворачивает стратегические программы — ужас что! «Баобабы! — кричит. — Бабоебы! Комитет Государственных Безработных!» Слова-то какие знает!.. И уходят андроповские еще кадры в отставку, двух слов связать не могут, кроме: «Што делаеца, што делаеца!..» Жгут архивы, пепел летит, в Москве из-за пепла затмение солнца. Но ваше дело правое! Скажите «спасибо» оперу Чердакову — уходя в отставку, хватило ему последних сил подписать челобитную и дать той бумаге ход. Так что хунту пока обошли на повороте, крутанули колесо истории по спирали в нашу пользу. Погодьте малость еще.

— А кто это говорит?

— Много знать будете. Лучше запишите в «Повесть Временных Лет» — жил, мол, в вашем светлом будущем добрый человек Всеволод Иванович Чердаков, куратор ваш, Миклухо-Маклай, который вам к 7 Ноября цистерну спирта пожаловал. Мух не обижал, в подвалах Энкавэдэ никого не расстреливал, а расставлял слова на бумаге, искал общие корни: Этруссия, Пруссия, Россия, Грузия... и делал из тех корней далеко идущие фальси... квалификации. Выражаем ему в веках свою благодарность.

Поковыряли богатыри в носсах. Эху легко говорить — «погодьте малость еще». А тут пятнадцатая удрала, шестнадцатая — Лида-обида и Люба-либидо. А Файка-шаводчица и Нинка-уборщица ждут не дождутся вызова от матушки Василисы Васильевны — как только, так сразу! Беспокоятся богатыри — это ж прямое нарушение демографического равновесия! Вроде, как у гишпанцев, но наоборот — у тех семенной фонд сеять некому, а у нас — не во что!

7

Как вдруг в одну безлунную ночь поднимается из колодца времени башенный крап, и некий незнакомец в десантном костюме «листопад» с новеньким орденом «Дружбы народов» передает этрусским богатырям в качестве безвозмездного дара в порядке помощи слаборазвитым странам три подержанных парохода Днепровской речной флотилии — «Новиков-При-

бой», «Всеволод Вишневский» и «Александр Корнейчук», а в придачу бездонный рюкзак «адидас» с бутылочным жигулевским пивом.

— Нате, похмелитесь пока.

Припохались богатыри — этрусским духом пахнет...

Пригляделись...

— Иван? Дурак!

— На себя не похож! — голосит Дунька-шалая.

И заводит Иван-дурак чужими словами да не свои речи:

— Канальские острова — это вам не Крыжополь, Атлантида — не Мотовиловка, непечатый мериканский континент — не кукурузный початок. Есть стратегический план... Ходи, Дунь, отсель стелить постель, не твоего ума это дело... План, говорю, такой: прорваться с боем на Канальские острова, напомнить Василисе Васильевне об ее корешом этрусском происхождении и подписать договор о дружбе и сотрудничестве на вечные времена с последующим продлением. Одним таким государственным актом сразу решаем кучу проблем, а именно: создаем военно-морскую геополитическую ось «Этруссия — Эсэсэсэр — Атлантида», устанавливаем контроль над проливами, а в перспективе над Суэцким и Панамским каналами, и, вообще, двигаем этрусскую экспансию на Запад, в культурные страны — Рим там, Франция, вид на Мадрид, — а не в сторону вероломного Востока, как это политически безграмотно начнет происходить в Московии при царе Иоанне Грозном. Зачем нам остров Сахалин на Востоке, когда открыт его можно с Запада?

Сомневаются богатыри:

— Ты ли это, Иван?

— Я.

— Откуда ты такой умный?

— От верблюда.

— Да есть ли во всем этом резон?

— Есть. Земля-то круглая.

Все-то он знает, Иван-дурак. Да и не дурак он уже, а помощный благодетель Кагэбэ в Этруссии, вместо ушедшего на покой Всеволода Чердакова, который только фольклор записывал, снабжал их спиртом, шифером и сарафанами, девок не замечал — тихий был человек, светлое ему будущее! Выражаем ему в летописи свою благодарность.

— Воевать-перемать пора! — опять надывается Себастьян-боцман. — Обставим самого адмирала! Подплывет Христофор

Колумб к своей Вест-Индии, а я уже там, в белом костюме, и знать ничего не знаю: нету такой на карте! Плыви, адмирал, мать твою драл, обратно! Возвращается он в Гишпанию, а я уже там, в белом костюме, спасаю гишпанский семейный фонд. Да его на месте Кондрашка хватит! Где Кондратий?

— Кондратий в хате. Его хата с краю.

— Ну? — торопит Иван-дурак.

— Гну, — отвечают богатыри.

Боязно богатырям. Девиц вызволять — святое дело; а проливы, ось, экспансия на Запад — это уже политика, но другими средствами. И хочется, и колется, и мамка не велит. Воевать — не мать-перемать, как думает боцман. Подумать надо... Глянет на них Василиса Васильевна пламенным взглядом, вспомнит, как склоняли ее к половому акту с циклопом... Страшно подумать! Как вытащит из крутого декольте волшебное зеркальце, как поймает солнечного зайчика...

Будет им Цусима, гибель эскадры и оптимистическая трагедия вместе взятые.

— Значит, не желаем помогать грядущим поколениям? — прокурорским тоном спрашивает Иван-дурак и вытаскивает из рюкзака автомат Калашникова. — Это как получается? Получается, ОНИ, ваши потомки, от себя последнее отрывают, ВАС, пращуров своих, одевают-обувают, поят-кормят, лечат-строят, а ВЫ, значит, собирались жить долго и счастливо за ИХНИЙ счет? Когда будем правнукам долги отдавать?

Такая постановка вопроса.

Если так — то, конечно. Иван теперь не дурак, а Иван-атаман. Приказ есть приказ. Совесть надо иметь. Грядущим поколениям, внукам нашим, долги отдавать надо.

Под матом боцмана и дулом автомата перебрали с машины, прокопотили, перекрасили, сдали пивные бутылки. Переспал Иван с Дунькой-шалой, и с богом отдала концы.

8

Плывут.

Плавню плывут себе вниз по Славутичу из варяг в греки, а у Днепропетровских порогов опять призадумались... С Богом ли плывут? Ох, осерчает матушка Василиса Васильевна, ох, осерчает! Как нахмурит брови черные, как вытащит из французского бюстгальтера колдовское зеркальце... И никого

на развод не оставит. Гишпанцев, конечно, жаль, а себя еще жальчее.

Переволокли корабли за пороги да так и плывут — с Богом ли, без Бога,— плывут и не знают, что не успеют выплыть в Эвксинский Понт, как капитан Богдыхан сладкими речами соблазнит команду и темной ночью уведет «Новикова-Прибоя» в Колхиду за золотым руном. Руна они там не найдут (сказки все это про золотых баранов), зато Никодим-рвань, Трофим-пьянь и Максим Хрен С Ним уважительно переименуются в Никодим-хапа, Трофим-хапа и Максима Хусима, перемногоженятся, разведут виноград «Изабелла», будут пить долго и счастливо и поплатятся за этакое вероломство собственными потомками лишь в бериевские времена, до которых еще дожить надо.

Так оно и случилось, по вышенаписанному: ночь прошла, а «Новикова-Прибоя» и след на воде простыл.

Пуще прежнего закручинились мореплаватели. Опять за свое:

— Ох, осерчает матушка Василиса Васильевна!

Но Иван-дурак снял автомат с предохранителя:

— Не трись, этруссичи! Вперед, на Царь-Град! Даю три дня на экспроприацию города!

Делать нечего, пошли на Царь-Град.

А что делать?

Взяли по привычке Константинополь — византийцы сами открыли ворота, чтобы не лезли через забор; три дня грабили награбленное — хозяева радушно выставили залежалый товар лицом, а все ценное надежно попрятали; спасильничали всей флотилией трех гетер — те сами подставились с предельным удовольствием; прибили на воротах еще один щит и ~~на нем~~ богатырским сном; а капитану Абраму только того и ~~нужно~~ — он мудрыми словами убедил команду, переименовал «Александра Корнейчука» в «Шолом Алейхема» и увел его к пляжам Тель-Авива, где запросил политического убежища. Команда с воем и плачем дала исполнить над собой обряд обрезания, пережегилась на дочерях израилевых, занялась коммерцией, жила ничего себе и дала начало мировому космополитству, чтоб ему пусто было.

Остался один «Всеволод Вишневский».

На палубе — оставшийся цвет пации, полный корабль дураков; а на капитанском мостике — контр-адмирал — Иван-дурак. Стоит, в трубу глядит, командует:

— Лево руля, право руля! Держи права, болван!

А сам крупными буквами в неведомом алфавитном порядке, старательно огибая национальный вопрос, записывает в судовой журнал всех случайно оставшихся — для представления к высокой правительственной награде, не иначе.

Откроем судовой журнал «Всеволода Вишневого»...

9

СПИСОК НАЛИЧЕСТВУЮЩЕГО СОСТАВА

1. Иван-атаман
2. Адам-первач
3. Андриян-шартач
4. Абдурахман-стукач
5. Аверьян-оберпалач
6. Боян-стихоплет
7. Богдан-сексот
8. Вагран-банкомет
9. Варлаам — писколько не пьет
10. Севастьян-лоцман
11. Себастьян-боцман
12. Степан-колодник
13. Демьян-подводник
14. Душан-сводник
15. Джан — блядский угодник
16. Емельян-балбес
17. Епифан — с дуба слез
18. Фарман-летчик
19. Гурам-наводчик
20. Герман-графоман
21. Григорьян-молдаван
22. Гурьян-цыган
23. Гасан-паркоман
24. Гаолян-китаец

25. Гуап-засрапец
26. Христиан — крещеный малалец
27. Аврам-хитрован
28. Адриан-болван
29. Абрахам-хам
30. Аллан-грубиян
31. Арам — Хачатурян
32. д'Артаньян-донжуан
33. Агдам — в рог дам
34. Бертран-тапер
35. Бенциан-старпер
36. Баклап-масон
37. Буридан-осел
38. Валаам-баран
39. Вардан-профан
40. Вильям-шарлатан
41. Ван — пьян в драбадан
42. Валерьян — в ж... пьян
43. Джонатан-шарманщик
44. Еруслан-карманщик
45. Жак-Жан-обманщик
46. Зурман-банщик
47. Иоанн — отставной козы барабанщик
48. Исфахан-обормот
49. Иоган-живоглот
50. Израэлян — Пол Пот
51. Индиан — за падло сойдет
52. Калям — корабельный кот
53. Кирьян-мурло
54. Киприан-фуфло
55. Касьян-смутьян
56. Кирсан-хулиган
57. Кристиан-корефан
58. Ксан-братан

- 59. Кориолан-истукан
- 60. Конан-куклуксклан
- 61. Куросава-сан — японский пахан

- 62. Колян-жлоб
- 63. Корвалан-русофоб
- 64. Куприан-толоконный лоб

- 65. Курбан-чурка
- 66. Лукьян-урка

- 67. Лукодян-вахлак
- 68. Максимильян-вурдалак
- 69. По Мартьяну плачет ГУЛАГ

- 70. Марьян-трус
- 71. Мари-Хуан — гишпанский хранцуз

- 72. Митрофан-баптист
- 73. Нурсултан-сатанист
- 74. Натан-троцкист
- 75. Октавиан-морфинист
- 76. Онан-оналист
- 77. Оман-коллаборационист

- 78. Осман-турок
- 79. Прохан-придурок

- 80. Пехлеван-грек
- 81. Полуян-абрек

- 82. Приян-говновоз
- 83. Полкан — корабельный пес

- 84. Роман-буян
- 85. Рахман-душман

- 86. Руслан-мент
- 87. Рустам — тайный агент

- 88. Ромэн-пацмен
- 89. Роллан-супермен

90. Салам-бревню
91. Саливан-дерьмо
92. Селифан — болотное чмо
-
93. Салтан-дуэлянт
94. Султан-пасквилянт
-
95. Стефан-дровосек
96. Северьян-генсек
97. Саддам-гомосек
-
98. Темиркан-шайтан
99. Толян-магадан
100. Тристан — влюбленный болван
101. Тиграп — Петросяп
102. Тельман — Гдляп
103. Ульяп-жиган
104. Феофан — держи карман
-
105. Фатьяп-пьянь
106. Фанфан-рвань
107. Фернан-дрянь
-
108. Харлам-кулак
109. Хуан-батрак
110. Хасан-ишак
111. Шалам — половой мапьяк
-
112. Штефан-дебил
113. Юлиан-некрофил
114. Юстиинан-славянофил
-
115. Юрап-мудозвон
116. Яп — сам не знает, кто он
-
117. Да еще Ерема — не все дома. Этот в трюме кочегаром, тихий человек; он не в счет
-
118. Да еще Кондратий — остался в хате. Его хата с краю; не забыть подпалить, хорошо сгорить

Подпись:

Батька их морской — Иван-атаман

Иван список пишет, а богатыри на Ивана волками смотрят — того и гляди, набросятся! Ворчат:

— Куда ни кинь — всюду клин. Налево пойдем — направо придем. Земля, вишь, круглая... Выходит — порочный круг. Прямо пойдем — костей не соберем. А наверху — Иван-дурак с автоматом. Богдыхан — удрал, Абрам — слинял, а мы, дураки, не успели — Царь-Град грабили!..

— Но вы же коренные этруссици! — взывает к патриотизму Иван-дурак. — А те кто? Иноверцы, инородцы и проходимцы. Иноходцы, вот! Вы должны правильно понимать всемирно-гишторический момент. Дыра во времени дается нам в непосредственных ощущениях с вероятностью один раз в десять миллиардов лет. Прикиньте сами, болваны: вселенные рождаются, живут и коллапсируют, а такой пространственно-временной дырищи, как наша, никто никогда не видывал. Значит, что?

— Ну, что? Не знаем.

— Значит, пужно в полной мере использовать эту дыру в интересах Мировой Революции Всех Времен и Народов от неандертальцев до наших дней!

— Да на кой ляд тебе, Ванятка, всемирно-гишторическая революция? — урезонивают его. — Поплыли лучше домой, мы тебе гарпу дивку найдем, с похмелюги девка хорошо помогает. Чем Дунька-шалая тебе плоха?

— А девиц-дочерей ваших кто вызволять будет? — играет Иван на отцовских чувствах.

— Наших-то? Наши дуньки в молоке не утонут, киселем не подавятся, нигде не пропадут, сами домой придут!

— А Василису Прекрасную вам не жаль? — давит на жалость Иван.

— Ну, это еще глянуть надо, какая она такая распрекрасная. Пять лет — не ближний свет. Жаль-то ее, может, и жаль, да всех баб не пережалишь, а эту голыми руками не возьмешь. У нее ж волшебное зеркальце, забыл? Не меч-кладенец, не пуля-дура, не штык-молодец...

— Заладили — пули-фули, штык-огурец... — играет автомат Иван-дурак. — Сильно умные! Всех умников первыми запущу к Василисе в койку, а потомков ваших до сорокового колена сотру в порошок! У меня в Кагэбэ на всех потомков досье заведены.

- Много досьев-то?
- Кругом-бегом, ровным счетом — тридцать миллионов папок с тесемками на всех Демьяновых, Емельяновых, Романовых, Ульяновых и Бронштейнов во всех веках и поколениях, не считая близких и дальних родственников — на тех отдельно.
- Ого-го!
- То-то! Глядите у меня! Полный вперед, болваны!

11

Из тридцати миллионов папок с тесемками откроем одну — досье на самого Ивана-дурака.

С фотографии глядит субъект с оселедцем на бритой голове, с завитой в колечки бородой и с прижмуренными от фотовспышки глазами.

Узнаем, что рост Ивана Ивановича Иванова — 2 м 11 см, размер лаптей — 49-й. Особые приметы: «глаза сине-синие, косая сажень в плечах, а специфическая мужская деталь в состоянии эрекции — длинной, примерно, по собственный локоть». (Воспроизведен стиль кагэбистского документа.) Задержан сотрудниками милиции на Киевском вокзале г. Москвы «в разорванной телогрейке, в лаптях и в крайне возбужденном состоянии от игры в наперстки. Двумя пальцами подцепил за шиворот трех шулеров, вытряхивал из них свои карбованцы и угрожал напизать всю троицу, как баранов, на свой возбужденный вертел». (Воспроизведен стиль милицейского документа.)

После длительных уговоров препровожден в привокзальное отделение милиции, где сходу потребовал встречи с представителем КГБ. На ответ, что сие племя недавно прекратило существование, с досады разломил головой казенный письменный стол (акт о списании прилагается).

Освидетельствован дежурным врачом и направлен в «психоневрологический диспансер». Введена лошадиная доза транквилизаторов, давшая обратный результат: гонялся за сапитарами, кулаком выбил железобетонную панель в основании диспансера и, как был босиком и в больничном халате, ушел на Лубянской площадь и с постамента бывшего памятника Дзержинскому потребовал приема в КГБ по личным вопросам.

Кричал: «Я люблю ее!»

Собрал вокруг постаменту развеселую толпу. По оселедцю и бороде был опознан из окна здания на Лубянке старшим оперуполномоченным Всеволодом Чердаковым, сдававшим в тот день бывшие «дела» свои.

И далее: Иван Иванович Иванов насчет «любви» вполне успокоен. «Прошел усиленные сокращенные курсы бывшей спецшколы КГБ, истории и бывшего СССР и так пазываемо-го «марксизма-ленинизма». Обучен грамоте. В совершенстве владеет кулачными боями и четырьмя арифметическими действиями».

Усидчив (если не в возбужденном состоянии). Неубежденный атеист: гром не грянет — не перекрестится.

Принял присягу на верность (чему? кому?): прочерк.

Присвоено внеочередное звание старшего лейтенанта бывшего КГБ. Заблаговременно награжден орденом бывшей «Дружбы народов».

Оперативные позывные (агентурная кличка): «ВАНЕК».

Задание: заброшен в Древневековье «с целью подготовки благоприятных исторических факторов для дальнейшего полноценного развития нашего Отечества». (Весьма туманно. Читай: проливы, каналы, вид на Мадрид и, главное, геополитическая ось «Этруссия — СССР — Атлантида» — без оси ни одна телега не сдвинется.)

Зароем папку с тесемками.

12

Что еще происходило в то раннее Древневековое утро — доподлинно известно.

«Всеволод Вишневский» пробирался к Геркулесовым Столпам по мелкой луже тогдашнего Средиземного моря, пугая экономическое сообщество древних греков, персов, римлян, египтян, ассирийцев, финикийцев, мидян, андромедян, иудеев, гипербореев, гашибалов, кашибалов, шумеров, шумеров, алеутов и обериутов — появление этого чудища было последним предзнаменованием давно обещанного всемирного наводнения; все обитатели Древневековья готовились к встрече: укрепляли берега, запасались водой и продовольствием, угоняли в горы скотину, рабов и женщин; одни лишь этрусские богатыри, будто проклятые всеми богами, уныло шли под дулом автомата навстречу потоку, твердо веруя лишь в свою оптимистическую коммунальную утопию — ту самую,

при которой все как один утонут и, с песнями, скопом идут ко дну.

Весело помирать за компанию!..

Весело, хотя и ничего смешного: народу вокруг полно, а не у кого даже спросить дорогу — все рыла воротят.

Тем лучше. Обойдется Иван-дурак своим умом.

А Ванек уже предчувствовал себя полным адмиралом флота, почетным членом Академии Наук и дважды Героем (Труда и Союза) с вручением ему бронзового бюста на родине героя в поселке городского типа Ивано-Дурацке. Вокруг «Всеволода Вишневого» резвилось последнее стадо вымирающих плезиозавров, на Итальяском саногe торжественно дымил Везувий, готовый разразиться от переполнявших его чувств перед библейским наводнением; солнышко было еще молодое, девственное, незапятнанное; оно поддумывало спизу сдобные облака, а те с ветром исполняли для Ивана-дурака в синих-синих, как глаза Василисы, древневековых небесах произвольную программу фигурного катания — то пухлую Дуньку-шалую изобразят в откровенной позиции, то скачущий силуэт папиросного джигита Казбека-чебурека, а то и грандиозные, на все небо, атлантские замки, похожие на московские высоты или на башни Кремля, но с вопросительными знаками на шпилях вместо пятиконечных звезд — кто успел те звезды увидеть, тот помнит.

Будто спрашивали облака:

— Куда плывем, Иван?

Будто предупреждали облака:

— Возвращайся к Дуньке, Иван! Тикай отсюда! Не ходи туда — не знаю куда, а то угодишь в гишторию!

Но Иван не внимал вышним предупреждениям. Обойдется Иван-дурак без ценных вказивок.

А кто из нас внял бы — на месте Ивана? Кто из нас не захотел бы угодить в Гишторию? Какой патриот — а мы ли не патриоты? — не заложил бы в Кагэбэ последнюю душу, чтобы, как Иван-дурак, с высоты капитанского мостика нашего светлого будущего поучить уму-разуму своих неразумных прапращуров? Взять и бросить им вниз на палубу:

— Все у вас, прадеды, через задний проход! ТО — НЕ ТО, а ЭТО — НЕ ТАК!

— А как? — спросили бы прадеды, задрав головы и приставив ладони к ухам. — Просвети нас, темных, Ванек! Тебе сверху видней. Куда ж нам плыть?

Отвечай уверенно:

— Туда рули! — и, как Ленин с балкона Кшесинской, указывает рукой направление.— А делать надо вот как: вот ТАК. Понятно? Слушай сюда, объясняю сначала: ТАК, ТАК и ТАК. Ясно?.. Экие вы дурные!.. Сначала делаем ТАК-ТО, потом ЭДАК-ТО и в результате получаем ТО-ТО. Ну?.. Ну, народ! Беда мне с таким народом. Объясняю на примерах. Например: князю Игорю на половцев запретить ходить, а Баяну — песни петь, и слова не давать! Киев перенести в Москву еще до Батыева нашествия. Купим у деловаров-ирокезов Манхэттен и назовем его не Нью-Йорком, а Ново-Городом. Совершим первое кругосветное мореплавание, бесовскую энергию Ионы Грозного используем в мирных целях на строительстве Ленинграда, Петровский флот откроет у нас Австралию, а самолет Можайского взлетит еще до рождения братьев Райт. Усекли? Изменим детерминизм Гиштории! В результате, кругом на земле будет процветать Государственная Безопасность, и нынешнее поколение наконец-то будет жить в светлом будущем. Чего молчите?

Любой патриот заложил бы душу за такой монолог, но взойти на капитанский мостик Гиштории сподобился только Иван-дурак. Дуракам везет — ушел и вошел в Гишторию. Вот это уход — всем уходам УХОД, затмивший даже уход самого Великого Старца, дошедшего аж до Астанова — а до этой станции, между прочим, путь неблизкий. Пусть патриоты помирают от зависти к Ваньке-дураку, последнему представителю племени Кагэбэ — великому племени, не уступавшему когда-то по численности и занимаемой территории тем же ирокезам-деловарам, орде Чингизхана и наполеоновской Франции вместе взятым, а по численности и могуществу военно-промышленного комплекса — никакого сравнения ни в какие ворота.

Но что же Ванек услышал в ответ?

Безмолвствуют богатыри.

«Не хотим Киева в Москве,— думают про себя.— Не хотим менять детерминизм Гиштории, зачем нам это? Нам бы только горько пить, да сладко есть, да громко петь, да тихо срать, да мягко спать. И достаточно».

Ну, народ!

А что с них возьмешь, если даже отпетые корсиканские пираты, не убоявшиеся дымящего чудища и решившие взять юдище абордажем, поспешно ретировались в ближайшую га-

вань, разглядев на капитанском мостике «Всеволода Вишневецкого» косую сажень Ивана-дурака с орденом «Дружбы народов». Появление этого дурака, этой дружбы народов и этого «Всеволода Вишневецкого» народы Древневековья предпочувствовали и опасались еще тогда...

Тогда еще!

Неглухие были люди — кому во Вселенной охота связываться с племенем Кагэбэ? Плыви, плыви, Иван...

Так что бедного Ивана-дурака пожалеть бы надо, не на тот Гишторический пароход он сел, не туда плывет пароход.

Пожалеть бы его надо, да некому.

Кроме Дуньки-шалой.

Да еще, пожалуй, пожалела бы его Василиса Васильевна Рюрикс, если б встретила. Со скалы да в море с камнем на шее.

Плывут богатыри. Все ближе и ближе к Геркулесовым Столпам подплывают. Вдруг сверху крик впередсмотрящего:

— Маяк! — кричит. — Земля!

Смотрят богатыри: торчит из воды на горизонте маяк не маяк, обелиск не обелиск, а плотницкая стамеска...

Торчит стамеска, небеса подпирает.

Что-то еще атланты выдумали?

13

Какой древневековый патриот не возжелал бы попасть из своего темного прошлого в наше светлое будущее и поучить нас, своих правнуков:

— Что ж это вы, внучата? Об этом ли мы мечтали? Это ли вам завещали? Что ж это вы с почвой сделали, с корнями? Кто страну разорил, кто страну развалил, падлюки? В Москве грязь по уши, Киев — мать городов захолустных, в Питере хлеб по карточкам. Ни шила, ни мыла, редьки не стало с хреном! Мы за вас кровь проливали, мы вам Казань брали — а вы? Где Казань? Эх, вы!.. Снять бы штаны, да выпороть!

Пусть завидуют патриоты: развяжем тесемки, откроем самое секретное досье — после него история племени Кагэбэ завершилась — досье на:

«В. В. РЮРИКС-ПРЕКРАСНУЮ»

С фотографии пристально глядит какая-то размалеванная фря, без бровей на средневековый манер, во хранцузской ко-

роткой стрижке «под бобика», несколько не похожая на юную княжну Василису.

Она ли это? Где толстая коса, где синие-синие глаза, где девичья краса?

Она, Василиса... Что жизнь с бабой сделала — и всего-то за одну пятилетку!.. Выцвели глаза, срезана коса...

Особые приметы: «глаза — жовто-блакитни. Правый глаз — цвета пожухлой слоповей кости с желтыми искрами, левый — блекло-голубой». (Воспроизведен стиль кагэбистского документа.) Биография, родственники, был(а) ли за границей: читай сказку сначала.

Тайный агент Атлантиды.

Агентурная кличка: «ВАСЬ-ВАСЬ».

Задание: заброшена в Эсэсэсэр и «внедрена в высший эшелон» племени Кагэбэ (эшелон какой-то... Как видно, правительственный бронепоезд) «с целью полного разврата и окончательного развала вышеперечисленных структур» (?), а также родственного им племени Капээсэс.

Что и совершила с превеликим хладнокровием при равнодушном непротивлении высшего бронепоезда.

За этот подвиг по освобождению человечества от КГБ, КПСС и СССР Василисе Васильевне Рюрик-Прекрасной было присвоено высшее атлантское звание «Хунта» («Царица»), а задание на Лубянке взамен Смольного (со Смольным еще решают — то ли открытый бассейн сделать, то ли овощной склад) передано под Институт благородных девиц древневекового происхождения: Любушке-голубушке, Дашеньке-зазнобушке, Палашке-милашке, Дуняше-птичке, Глаше-сестричке, Нипочке-картиночке, Полюше-лапуше, Маняше-простокваше и так далее.

Это о ней, о Василисе Васильевне, кричало эхо в колодезь времени: «Пришла на Лубянку какая-то хунта, всех трясет, ругается некультурно, ужас что!»

Это слова Вась-Вась наутро после короткой агонии и кончины КПСС вошли в Гишторию:

«НЕТУ ТАКОЙ ПАРТИИ!»

Это она возглавляла выездную парламентскую комиссию по проверке и приему всех дел племени Кагэбэ:

— Кто это выдумал? — благожелательно спрашивала она, листая досье на Ивана-дурака.

— Я,— застенчиво отвечал старший оперуполномоченный Всеволод Чердаков.

— Молодец какой! А кто закрутил Колесо Гиштории? — спрашивала Василиса Васильевна, разыскивая что-то в бывшем бериевском письменном столе.

— Тоже я! — уже храбро отвечал старший опер и мысленно подставлял грудь под орден «Дружбы народов» как минимум.— Это я закрутил Колесо Гиштории по спирали!

— Почему именно по спирали? — удивлялась Вась-Вась.— Куда же я его подевала?.. Не могу найти.

— Потому что она по спирали движется,— пояснил опер. Ему уже чудилось появление из шухляды бериевского стола Ордена Ленина.

— Кто движется?

— Что? Не понял...

— Через плечо! Кто движется по спирали, спрашиваю? — хотела нахмурить брови, да бровей нет, хмурить нечего.

— История.

— Куда ж это она движется? Нашла, наконец-то!

— Ну... Вперед и вверх. В светлое будущее.

Тут Василиса Васильевна вытащила из замусоренного всяким пыточным инструментом бериевского стола лошадиный кнут да как заорет — аж на улице было слышно:

— Да ты что, сам Господь Бог, что ли?! Дур-рак ты! Ой, дур-рак! Это тебе не Конституцию нарушать, а Древневековую формацию!.. Хватит держать Гишторию за дешевку! По спирали только пьяные движутся, а Гиштория движется по обстоятельствам! Понял? По камням да по ямам, а не по спирали. И движется она не вверх, не вниз и не вперед, а как Бог на душу положит и как обстоятельства позволяют! А спираль не для того дела предназначена, спираль вставляют в другое место... Показать куда? В утюг! Утюг ты глухой! Эй, люди!

Вбежали люди.

— Выпороть его на конюшни! Как это «нету конюшни»?.. Тогда в гараже!

А что делать? Приказ! Люди думали — хуже будет: возьмут опера под белые руки да выбросят из окна на лубянский асфальт, будто сам выпрыгнул. А так — что ж, дело нехитрое: отвели историка в гараж и всыпали кнутом раза два, галифе с него не снимая, чтобы не оскорблять человеческое достоинство. Не сильно, но поделом — впредь будет знать, как гонять

Гишторию по спирали! Привели обратно, сидеть все же не мог, стоял на ногах. И опять вопросы, вопросы:

— А кто? А что? А почему? А кто надоумил? А подать мне сюда Ивана-дурака! Из-под земли достать!

А люди думают: «Што делаеца, што делаеца!.. Зачем временной председательше высокой парламентской комиссии понадобился Иван-дурак? Мало, что ли, дураков на свете — а этого из-под земли вынь да положь. Не иначе, привести в исполнение стародавний приговор, без применения срока давности. С нее станет — возьмет и отрежет Ивану это дело прямо в бериевском кабинете. А законшы ли подобные методы? А что скажет конституционная комиссия? Выбрасывать подследственного из окна — одно дело, а отрезать ему жизненный орган — совсем другое... Да и как ей подашь Ивана? Иван — эвои где... Уже у Геркулесовых Столпов. Иван уже приплыл».

14

Приплыли богатыри.

Смотрят.

Видят: на горизонте торчит дворец не дворец, а Воздушный атлантский Замок; промеж Геркулесовых Столпов стоит лестница не лестница, а стремянка; и на ту стремянку взгромоздился атлант не атлант, а Атлантище! Такого не видывали, о таком не слыхивали! Думали — атланты помельче; а этот — страшное дело! Ни проплыть, ни проехать, ни извини-подвигйся — весь Гибралтарский пролив перегородил, на европейский Столп ящик с инструментом поставил, на африканский — узелок с обедом, что жена завернула. Внешний вид: рыболовецкие сапоги, замусоленная роба да старая шляпа — задрожали богатыри, узнали ту фетровую шляпу от погибшего циклопа-техногена. Во рту Атлантища торчат три шурупа, в глазу — параболический монокль. Облака поочередно к нему подплывают, что-то он там в облаках отверткой крутит, отвинчивает... Видать, электрик. Или сантехник. А может, и плотник: из инструментального ящика стамеска в небо вопзилась, которую за маяк приняли, — в Мадриде, небось, видна.

«С кем воевать-то? — дрожат богатыри. — С этим?..»

— Смываться надо, — шепчет Христофоров боцман.

Но поздно.

Чуткий Атлантище шепот услышал, обернулся, взглянул на «Всеволода Вишневого» сверху вниз, сверкнул на солнце моноклем — этот прожектор посильней волшебного зеркала будет — слез со стремянки, три шурупа в пролив выплюнул. Поднялась от трех шурупов волна морская по самые трубы, бросила «Всеволода Вишневого» на Гибралтар-скалу. Богатыри в крик:

— СОС! — кричат. — СОС!

Тут и сказке бы конец, но Атлантище пальцем корабль на плаву придержал, пока вода не схлынула и всех оберiuтов с острова Обериос не смыла. Не стало оберiuтов, сгнули аки обры. Развязал Атлантище узелок с обедом, что жена приготовила. Разложил на скале пять жареных быков, поставил тыщеведерную бутылищу «Атлантического портвейна красного» да любимую атлантскую закуску — банку малахольных мексиканских кактусов, вроде наших бешеных огурцов, но ядреней. Портвейну из горла отхлебнул, кактусом похрустел, быка обглодал, кости в Гольфстрим забросил на радость жадным акулам. Поднялась от тех костей волна океанская выше крыши, но Атлантище «Всеволода Вишневого» от цунами погой отгородил, прошла мимо волна, всех гипербореев с Борейского полуострова смыла. Не стало гипербореев, сгнули, аки оберiuты. Сожрал Атлантище второго быка, червячка заморил, и уже не спеша взялся за третьего.

— Кто тут у вас капитан Иван-дурак будет? — лениво спрашивает, глодая бычью ногу.

— Ну, я! — с гонором отвечает Иван-дурак.

— Ты?! Да ну?! Да не может быть! «Гэ» ты, а не капитан.

Это знать надо: «гэ» у цивилизованных атлантов самое страшное ругательство.

— Зачем пожаловал, Иван-дурак?

Молчит Иван. Что отвечать Ивану? Приплыл, дескать, двигать Гишторию по шпирали? Накручивать ее на ось «Этрессия — Эсэсэсэр — Атлантида»?

Доел Атлантище четвертого быка, так и не дождался ответа. Икнул — будто гром отдаленный пророкотал в поднебесье. Успокоил икоту глотком портвейна. Последнего быка есть не стал, возложил бычью тушу на корму корабля. От такого перегруза «Всеволод Вишневский» нос к облакам задраг, а корму опустил в пучину морскую.

Хороший знак: провиантом делится. Наелся, значит. Сытый — не злой; а все равно страшно.

Уравновесили богатыри быка на палубе, ждут — чего дальше будет?

А Атлантище поковырял в зубах заостренным бревном и стал учить Ивана-дурака уму-разуму:

— Чего дрожишь, Иван? Не дрожи, не трону. Хочешь, знает, Ванюша, угодить в Гишторию? Похвальное дело, но Гиштория, Ванек,— это неизвестно, как все было. ЧТО-ТО, конечно, БЫЛО, но неизвестно КАК. Запомни, Ванятка: главное в жизни не «ЧТО», а «КАК». Главное, Ванюха, не содержание, а форма. Все на свете «гэ», а интерес для Гиштории представляет только то, КАК это «гэ» видоизменяется. Что было, то было; что будет, то будет; может, вообще ничего не было и ничего не будет. И так бывает. Смирись, не думай об этом, не бери в голову. Делай чего-нибудь руками, чтоб голова не болела. Всяких дел много, а что именно делать — тоже не имеет значения, там видно будет. Вот я — на обе руки мастер. Могу и плотником, и сантехником, и электриком. Могу дифференциальное уравнение до ума довести, могу твой корабль на орбиту забросить вместо спутника. Не бойсь, не заброшу. Могу и за бутылкой сходить, и озонову дыру заштопать. Мною любую дыру затыкают. За три тысячи верст киселя хлебать — всегда пожалуйста, хоть жена не довольна. А я ей — молчи, дура!.. И ты, Иван, не будь дураком. Умей чего-нибудь. Не хочешь на конвейере или тачку катать — чини чего-нибудь. Или на бензоколонке. Они там...— Атлантище ткнул пальцем в небо,— они там любят, когда Иван при деле. Так им спокойней. Вот я — чиню-починяю, все умею... Все ушли, меня оставили потолок держать. Последним кого оставляют? Ивана. А как же! На Иване Земля держится. А не хочешь робить — отдохни. Ляж, полежи, они из своего будущего не видят. А увидят — скажи: отдыхаю, обедаю, наблюдаю, как оно есть в природе. Они поймут — наблюдатель. Тоже нужно. А часов не наблюдай, на время не смотри — опасно. Да и время всегда одно — без пяти минут чего-то. Ладно, мне пора. Бывай, Иван, больше не свидимся. Там, наверху...— Атлантище опять ткнул пальцем в небо и попал в подilyвавшую черную тучку.

Сверкнула из тучки молния, попала в стамеску, Атлантище только плечо отдернул.

— Там, наверху, так решили: барахтайтесь тут сами, хватит мне торчать затычкой в чужой дыре. Сейчас побарахтаетесь... Бывай, Иван, здоров!

Допил Атлантище весь портвейн, ни капли богатырям не оставил (а втайне надеялись они на ту каплю!). Инструментальный ящик на плечо водрузил, на стремянку влез, дернул что-то там за черной тучкой, будто цепочку в ватерклозете. Заурчала, забулькала черная тучка, расползлась, загремела, зарокотала...

Поднялась из нее вода небесная — дождь в ручьи превратился, ручьи — в речные потоки. Уселся Атлантище поскорей верхом на стремянку, сказал волшебное слово: «Ну!» — и полетел по воздуху, махая створками, на Канальские острова, благо рядом. Вошел там в Воздушный Замок, включил зажигание. Взревели, загрохотали сорок тысяч техногенных циклонов, вышибли из планеты Воздушный Замок, как пробку из шампанской бутылки. Поднялась Вода до самого Неба; сошлись, закипели две Большие Воды — и не выдержала небесная механика, подвела вселенская сантехника — прорвало во всевышнем ватерклозете стяжку Пространства, вышибло клапан Времени, — распечатались две Мировые Бездны, сразились две Сотворяющие Силы: одна, Сила-силенная-обалденная, потащила «Всеволода Вишневого» в Дыру Пространства; вторая, Сила-силища-офигенная, напротив, поволокла его в Колодец Времени.

Кто перетянет — Время или Пространство?

Чувствуют богатыри — конец подкрался. Закрутило их, завертело в штопор между Временем и Пространством; не выбраться им из штопора! Плывет мимо них во Мраке и Хаосе хищная рыба-белиберда, шагают сапоги всмятку, летит дичь перелетная, скачет сивая кобыла, катятся турусы на колесах, а впереди зияет дыра от бублика.

Нету богатырям спасения.

Как видит Иван-дурак: плывет в этом Мраке корабельный пес Полкан, держит в зубах последнюю их надежду — ту самую стяжку-черточку, соединявшую Пространство со Временем, а Время с Пространством...

Не долго думая, ухватился Иван за хвост Полкана, ухватил Аверьян Ивана за ноги, Богдан ухватил Аверьяна за плечи, Демьян ухватил Богдана, Степан — Демьяна, Касьян — Степана... Кондрашка из хаты выскочил — хватать-помогать! Иван кричит:

— Полный назад, Ерема!

Ерема — не все дома — в трюме кочегарит: полный назад!

Удержали Полкана с соломинкой...

А там и Девятый Вал Времени подоспел — подхватил ту соломинку и поволок из гишпанцев в турки, из турок в греки, а из греков уже в варяги: изменил Днепр-Славутич свое течение, докатил богатырей до Этруссии, влился в колодец времени как в воронку и выбросил «Всеволода Вишневского» в Москва-реку на Речной вокзал.

15

Тут и сказке конец.

Набежали москвичи:

— Провиант доставили!

А тот жареный атлантский бык — как здание Моссовета!

Ели того быка всей Москвой три дня с утра до вечера. Всем хватило. А гостям столицы — пакося-выкуси! Ели так: за ушами трещало, в рот не попадало. Так ели, что не заметили, как штатские дюжи молодцы похватили богатырей под белы руки, покидали в черны вороны, повезли на Лубянку к Василисе Васильевне.

Выходила царица морская на площадь Дзержинского.

Дураки ей в пожки головой об асфальт поклонялись. А она, богиня японская, на них не смотрит, нос воротит, молвит сквозь зубы своим людям:

— Зла на них не держу, что с дураков возьмешь? Им закон не писан. Посему — отправить их всех...

«По этапу», — думают люди.

— Кого на пенсию, кого на пособие по безработице. Ну, а этого... — указала пальцем на Ивана-дурака, — этого ко мне в кабинет.

Поник Иван головой.

«Отвоевал Иван», — думают люди.

Завели его в кабинет, усадили на диван кожаный, оставили вдвоем без свидетелей.

Подошла к дивану Василиса Васильевна, бросилась Ивану на грудь и заплакала:

— Ох, устала я, Вань! Ох, устала я с циклонами воевать и корчить из себя блядь прожженную! Я ведь, Вань, до сей поры не трогана, не целована...

И так далее...

Много ли, мало ли лет прошло.

Колодец времени затянуло болотом.

«Всеволода Вишневецкого» переименовали во «Владимира Высоцкого».

Корабельный пес Полкан дожил до глубокой собачьей старости и сдох. С почестями захоронен у ограды Цветного бульвара под развесистой липой.

Богдан Себастьянов, говорят, бросил пить-сквернословить, женился на Авдотье Шалаевой; жили они в московской коммуналке прямо напротив испанского посольства, хозяйством не обзаводились, то и дело в окно выглядывали, все ждали вызова из Испании, и как только, так сразу уехали. Дунька, говорят, довольна жизнью с гишпанцами.

Богатыри разбрелись по стране кто куда.

Емельянов лютыми зимами в Санкт-Петербурге халтурит — печи кладет, буржуйки ставит; а летом по украинской визе уезжает на Днепр-Славутич ловить говорящую щуку в болоте времени. Демьянов устроился в «Макдональдсе». Жарит-варит, деньги делает, друзей ухой угощает.

Романова украли памятники из общества «Память». Поят его, кормят, спать укладывают и на руках носят как генетическую хоругвь конституционной монархии.

Ульянова долго не принимали нигде на работу, и он ушел в подпольный ЦК ВКПб, расположившись в подвале на Ленинском проспекте номер 33. Когда цэкисты-вэкапэбисты выходят на демонстрацию, они поднимают Ульянова вместо запрещенного красного знамени.

Теперь о Яшке Бронштейне.

Живет он в Одессе у самого синего-синего моря. В политику не лезет, в Израиль не собирается, работает простым электриком — выкручивает где надо лишние лампочки, торгует лампочками на Привозе. Ранней весной промышляет на берегу монетками, что летом дикари бросают в море, чтобы когда-нибудь вернуться, — к весне те монетки волна выбрасывает. Попадают даже центы, иены и пфенниги — а это уже кое-что, на водку хватает. Однажды выбросила волна на берег в Лузановке древний металлический рубль с позеленевшим лысеньким профилем Ульянова. Долго Янкель смотрел-разглядывал, никак не мог вспомнить, где видел этого человека... Хотел было вернуть бесполезный рубль синему морю, но передумал и спрятал зачем-то в карман.

Остальные — кто где. Живут себе, поживают. Никто не хочет попадать в Историю.

«Ну, а Иван-дурак и Василиса Прекрасная? — может спросить иной терпеливый читатель.— Когда же этой сказке конец наступит?»

И будет прав.

ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО — ПОКА НЕ ПОМЕРЛИ.

Василиса Васильевна работала директором Лубянского института «БЛАГДЕВДРЕВПРО» (Благородных Девиц Древневекового Происхождения). Невесты из института шли парасхват — Даша, Глаша, Любаша, Маняша, Наташа и даже Параша.

Иван плавал капитаном на «Владимире Высоцком», бороздил Поит Эвксиинский в каботажных рейсах, ходил в Стамбул и в Испанию, а вот в Америку не хотел почему-то.

Расписались они, сыграли свадьбу, но виделись редко. Зато каждый год под Рождество уезжали под Киев в Древнюю Русь, снимали крестьянскую хату и все зимние капикулы без роздыху предавались **НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ.**

Чего и вам желаю!

Тут и сказке конец.

РЕКВИЕМ ПО САЛЬЕРИ

Из музыкальных опусов Змея Горыныча

Детективное либретто для исторического балета в 2-х действиях с увертюрой и апофеозом.

Действующие лица:

Все названные по ходу либретто действующие лица и исторические личности должны нам что-нибудь станцевать.

УВЕРТЮРА

История — Великий Балетмейстер.

Не странно ли: исторические личности на сцене Истории всегда танцуют парами: назовешь одного — сразу же является второй.

Возьмем кого-нибудь паугад, например:

Кирилл и Мефодий,

Чернышевский и Добролюбов,

Гдлян и Иванов,

Тристан и Изольда,

Данте и Алигьери,

Робинзон Крузо и Пятница,

Карл Маркс и Фридрих Энгельс,

Каменев и Зиновьев,

Роберт Рождественский и Евгений Евтушенко

и многие-многие другие — этот список можно продолжать до бесчувствия.

Получается какая-то дурная закономерность:

ЕСЛИ НЕТ ПАРЫ, ЗНАЧИТ, ЛИЧНОСТЬ НЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

Получается так...

Объяснение этой парной закономерности простое: у любого нормального человека всегда найдется друг (например, Огарев), враг (Троцкий), любовница (Клеопатра), сын (Дюма-младший), брат (Райт, Гонкур или Вайнер), сват, кум, сосед и так далее — поэтому, как только человек становится исторической личностью, он автоматически тащит с собой на сцену Истории того, кто первым подвернулся за кулисами. Впрочем, для закона парности существует и другое простейшее объяснение: конечно же, в реальной жизни исторические личности бродят не только парами, но и триумвиатами, и дюжинами, и даже волчьими стаями, — но, к сожалению, господам Геродотам (Флавиям, Карамзиным) лень или недосуг описывать Историю во всем ее многообразии, и они толкуют ее к о н ц е п т у а л ь н о, по заданной схеме «один плюс один», например: «Поссорились как-то Михал Сергеич с Борис Николаичем и развалили Советский Союз...»

Так получается...

Но что это мы все о политике да о политике — криминальная История гораздо интересней, тем более что криминалистика тоже подчинена закону парности. Ежу понятно: если есть труп, значит, есть и убийца. Вызовешь на бис одного — выходят вдвоем, например:

Давид и Голиаф,
Брут и Цезарь,
Иоанн Грозный и его сын,
Борис Годунов и царевич Димитрий,
Степьяк Разин и княжна,
Джугашвили и жена...

Но мы, кажется, опять ударились в политику... Возьмем лучше какую-нибудь криминальную пару из мира искусства — пусть танцует, а мы на ее примере рассмотрим процесс раздвоения и деградации творческой личности в наше нелегкое время. Возьмем хотя бы всем известных Моцарта и Сальери — чем не классическая криминальная пара?

Хорошо.

Берем Моцарта и Сальери.

Оркестр заканчивает увертюру.

Занавес медленно-медленно поднимается.

Действие 1

СМЕРТЬ САЛЬЕРИ

Сцена 1

Печка в Центральном Доме Композиторов — все действующие лица должны от нее танцевать. На стене висит портрет Петра Ильича Чайковского. Под портретом — ружье Чайковского, двустволка. В центре сцены — Мягкое Потертое Кресло и шикарный черный рояль типа «Стейнвей Д». На рояле дымит медный тульский самовар.

Вначале, по старшинству, на сцене появляется Сальери и, кряхтя, усаживается в Потертое Кресло. Сальери старше Моцарта лет на сорок — когда он у гроба Сталина в почетном карауле стоял, Моцарт еще под стол пешком не ходил.

Итак, живет в Москве (можно и в Питере или в Новосибирске, но жить в Москве все-таки ближе к делу) такой весь из себя Сальери Антонин Иванович, композитор (можно и художник или писатель, но пусть уж по традиции Сальери будет композитором), русский (итальянского происхождения), 1912 года рождения, заслуженный, Гертруда и проч. Усаживается в Потертое Кресло и начинает пить утренний чай из тульского самовара.

Как вдруг высказывает на сцену его любимый ученик — Моцарт Валерьян Амадеевич, а попросту «Валера», — молодой, глупый, гениальный, тоже русский (но неизвестно какого происхождения, хотя в фамилии присутствует подозрительный корень «моца»...) — и начинает выделять всякие антраша и кренделя в три с половиной оборота и ни в грош не ставит Сальери — дескать, «старый веник, плохо метет, загородил молодым дорогу, ни пройти, ни проехать».

И все это происходит не в каком-то там запыленном 197... определяющем, решающем или завершающем году какой-то очередной пятилетки качества из количества, а на самом что ни на есть историческом переломе — предположим, в году 1991.

Возникает вопрос: что должен делать Сальери в этой пиковой ситуации?

Самое простое и умное — сидеть, пить чай.

Но самое простое не всегда получается, а на самое умное чаю не хватит. На «старого веника» можно бы и не обижать-

ся — сойдет как признание заслуг; но Валера Моцарт в кулуарах совсем уже распоясался: и композитор из Сальери хрепиковый, и музычка у него соцреалистическая, с мелодией, и Гимн Удыгейской автономной области не Сальери написал, а Ференц Лист, а Антонин Иванович свою подпись поставил и получил Ленинскую премию; и дачу себе Сальери за казенный счет отгрохал, и служебную машину почему зря на базар гоняет — в общем, все как положено, полный джентльменский набор обвинений.

Нельзя же так.

Что посоветовать Антонию Ивановичу, которому Моцарт всю оставшуюся жизнь отравил?

«Ответить тем же! — подумает иной нетерпеливый балетоман. — Отравить Моцарта! Пригласить этого Валеру-Швалеру в ресторан Центрального Дома Композиторов — мол, посидим, выпьем, поговорим, — подсыпать ему яду в стакан с водкой, и с концами».

Ничего себе!

С ц е н а 2

Все тот же Дом Композиторов. Справа — гардероб, слева — ресторан, посередине — женский и мужской туалеты.

План отравления Моцарта не проходит — и вот по каким причинам.

Во-первых, что ни говорите, а так порядочные люди не поступают. Прав поэт: гений и уголовщина в наше время несовместимы. Представьте на минуту такую сцену:

Юрий Бондарев в ЦД Литераторов подсыпал яду в стакан своему тезке Юрию Нагибину...

Нонсенс!

Или наоборот: Василий Аксенов в том же доме взял да отравил грибочками Валентина Распутина...

Нет, это невозможно! Нет, нет и нет!.. Дичь какая-то! Эти люди не то что пить вместе не станут, но и газетку читать рядом не сядут.

«Не верю!» — как сказали бы хором Станиславский и Немирович-Данченко.

В самом крайнем случае могут сжечь чучело врага, но отравить не отравят, внутренний гений не позволит, а гений внутри Сальери, конечно, присутствует — хоть и потрепан-

ный, злой и скособоченный, но тоже не лыком шит. Ведь учениками Сальери, кроме Моцарта, являются такие гении музыкального искусства, как Людвиг ван Бетховен, Ференц Лист и Франц Шуберт. Чем же гений учителя хуже гениев ученических? Сальери этим вурдала... вундеркиндам носы утирал, на «Стейнвее Д» учил играть, концерты в фининспекц... в филармонии пробивал — предположим, что ученики обогнали учителя в области музыкального совершенства, но не до такой же степени, чтобы травить всех подряд?

Это во-первых.

Во-вторых: криминалистика сегодня поставлена на такую научную основу, что мимо криминалистов мышь не пробежит и мышьяк не проскочит. Представьте такую сцену:

Ресторан ЦД Композиторов, затравленный Сальери подсыпает яду в стакан Моцарту, извиняется за свой старческий мочевого пузырь, отправляется в туалет, а потом хватает в гардеробе пальто, и с концами; а Моцарт ждет, ждет, не выдерживает, хлопает стакан водки и... брык на пол!

Естественно, весь кордебалет в панике мечется по сцене и заламывает руки:

«Что это с Валерой случилось?! Из-за одного стакана водки — с копыт! Не бывало такого!»

Естественно, администрация ЦДК вызывает «скорую помощь», труп Моцарта увозят на вскрытие, обнаруживают в крови мышьяк (а лучше, цианистый калий) и глубокомысленно произносят:

«Ага!»

С ц е н а 3

И пошло-поехало: милиция, уголовный розыск, судмедэкспертиза, допросы свидетелей. Следователь УГРО — демониического вида человек, в черной тройке, с красными глазами — сразу решает танцевать от печки и задает немой вопрос (это они умеют) шеф-повару ЦДК:

«Не знаете ли, любезный, кто подсыпал цианистого калия Моцарту в голубцы?»

Шеф-повар — тоже брык на пол и лежит на авансцене без сознания.

Тогда довольный следователь танцует от печки к роялю, сверкая в луче театрального прожектора красными глазами. Он поглаживает крутой бок тульского самовара и в пол-оборота спрашивает у метрдотеля:

«А почему у вас ружье на печке висит? Предъявите разрешение на хранение огнестрельного оружия».

«Так оно же музейное! — пугается метрдотель. — Оно не заряженное и вообще никогда не стреляло! Прикладом этой двустволки повар Петра Ильича Чайковского бил свиные отбивные барины на обед!»

«А подать сюда повара Петра Ильича!» — требует этот черный человек с красными глазами, подбирая пальцем на рояле Чайковского «Собачий вальс».

«Так он же умер от горя в прошлом веке, не пережив смерти барины!» — объясняет метрдотель языком танца.

«Вот так раз!.. Ладно, Бог с ним, с поваром, а вот не помните ли, кто последним сидел за столиком с Моцартом до того как?..»

Метрдотель сразу в кусты:

«Не помню, спросите официанта».

Появляется белый официант, с бутылкой коньяка, с фужером, с салатиком для черного следователя, и жестами показывает:

«Сальери!»

«Ага!.. А где тот граненый стакан, из которого Моцарт водку пил?»

Официант исполняет танец граненого стакана:

«Помыли, разбили и выбросили!»

«Ладно, обойдемся без стакана», — решает следователь, выпивает из фужера коньяк, закусывает салатиком и обращается к старенькому гардеробщику, показывая пальцем на Доску Почета Композиторов, где первой висит фотография Сальери:

«Этого человека знаете? Что он делал такого-то числа приблизительно около четырех?»

«Театр начинается с вешалки, — приплясывает издали гардеробщик. — Кто же не знает Антонина Ивановича Сальери?.. Такого-то числа приблизительно около четырех этот маразматик как всегда вышел из женского туалета с расстегнутой ширинкой, дрожащими руками схватил чужое пальто и убежал — даже рубля на чай не оставил, скотина!.. Стоп! Да неужто Антонин Иваныч... это...» — хватается за голову гардеробщик.

«Что «это»? Говорите!»

«Быть того не может! А Валера, бедняга, не успел свой «Реквием» написать! Бывало придет сюда в гардероб, выпьет

шкалик и жалуется: Михалыч, говорит,— это я Михалыч,— хочу вот «Реквием» написать... Да неужто Антонин Иваныч отравил Валерку Моцарта?!»

«Отравил, отравил,— успокаивает Михалыча следовательно.— Но об этом пока никому ни слова!»

С ц е н а 4

Так что травить Моцарта нет никакого резона — во-первых, собственный гений не позволит, во-вторых, все сразу раскроется.

Что же все же делать Антонину Иванычу?

На дуэль Моцарта не вызовешь — какие уж там дуэли, прости Господи.

В морду, что ли, Моцарту дать?..

В принципе, можно и в морду... Но ведь морда — понятие растяжимое и относительное. Сальери, хотя и представительный мужчина, но больной и старый, а Моцарт — наоборот, молодой и здоровый, под два метра ростом, кулачищи — во! Когда Моцарт выпимши садится за «Стейнвей Д» и начинает кулаками по клавишам молотить — гром небесный!

Ну, можно конечно влить пощечину, можно. Ну, обидится Моцарт и ничем не ответит, постесняется учителю отвечать — значит, пощечина не выход, а всего лишь небольшая психологическая разрядка.

Здесь требуется нечто этакое...

Что же посоветовать старику?

Опытный балетоман уже заметил, что Моцарт моложе Сальери лет на сорок — по сцене передвигается легко, прыгает высоко и далеко, балерин вертит и ставит во все позиции, как хочет. Все вроде бы у него хорошо и даже отлично, но чувствуется в Моцарте некоторая... задумчивость, что ли?.. Некоторый автоматизм в танце — вертит балерину и так и эдак, а думает о чем-то своем. Это, конечно, не дефект, когда человек думает, но специалист понимает — это вроде как заниматься в постели любовью с Прекрасной Дамой, а думать черт-те о чем, будто на работу пришел.

«Вкалывает Моцарт...— с грустью замечает опытный балетоман.— Работает... А гений и работа — несовместимы. Сколько же это Моцарту лет получается, если при Сталине он еще под стол пешком не ходил?.. Да не такой он уже и молодой,

Валера,— Пушкина пережил. Ему уже 39 лет, за ним во-он сколько молодых в очереди стоит!»

А Сальери, надо учесть, мужик умный и дошлый, хотя и композитор. Он все видит. Он прекрасно понимает, что его светлые застойные времена безвозвратно прошли, и пора, пора сходить с этой балетной сцены, пока не растоптали статисты. Антонию Иванович прикидывает: с деньгами у него хотя и не худо, но надвигающаяся Галопирующая Инфляция все сожрет, с этой Прямой-балериной шутки плохи, она любого балетмейстера раскрутит и поставит в непристойную позицию, никакие накопления не спасут; зато дача, квартира, автомобиль и прочая твердая недвижимость у Сальери имеется, а уж музыка на слова советских поэтов он столько насочинял, что хватит и детям, и внукам, и правнукам останется.

И это хорошо.

«Жизнь прожита и прожита не зря,— размышляет Антонин Иванович.— Всякое бывало... Даже больно бывало, но не мучительно. Утром по гудку не вставал, на фронте бывал только с концертами, от Архипелага Семен Буденный уберег, от звонка до звонка не вкалывал, а пахал и сеял разумное, доброе, вечное исключительно на пиве музыкального искусства. И слава Богу! Пора, пора уходить. Мне 80 лет. Здоровье ни к черту, но еще держусь. Ох, как хочется еще поработать в свое удовольствие — написать, например, давно задуманную симфонию ми-бемоль мажор... Или концерт для фортепиано и скрипки с оркестром...»

И вот хитрый Сальери решает уйти без боя. Добровольно освободить Моцарту Потертое Кресло Главного Композитора Всея Страны. Подает заявление по форме: «ПРОШУ УВОЛИТЬ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ В СВЯЗИ...» и т. д.

Моцарт приятно удивлен и не чувствует подвоха. Прощальный банкет, все как положено. Моцарт от всей души произносит заздравицу в честь нашего дорогого юбиляра и пьет за его здоровье полный фужер хорошего неотравленного коньяка. Антонию Ивановичу вручаются памятные адреса и дорогостоящие подарки. Исполняются популярные песни Сальери на слова советских поэтов: «Катись колбаской», «Машинистка бронепоезда», «Кабул нам только снится» и другие. Начинаются полонецкие пляски. К ночи все —

в драбадан. На следующий день — похмелье. А утром третьего дня Антонин Иванович попивает чай из тульского самовара, не спеша собирает вещички, целуется с Моцартом, которому уже невтерпех усесться в Кресло, отдает ему ключи от пустого сейфа, крестится на портрет Чайковского и уходит, оставляя Моцарту отравленную приманку.

Пост сдал — пост принял; Король умер — да здравствует Король!

Ты этого хотел, Валера?

С ц е н а 5

И Валерьян Амادهвич, представьте, на эту отравленную приманку клюет!

Да еще пританцовывает и потирает руки — здесь, за печкой, у него будет малое предприятие с ограниченной ответственностью «МИНОТАВР», в гардеробе разместится кооператив «КАБЫСДОХ», в подвале — совместно-австрийский концерт с неограниченными правами «ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ»; на чердаке, если вышвырнуть старую виолончель, — японская шоу-фирма «КАРМАН-СЮИТА», а на крыше под облаками совсем уже эфемерный международный «ФОНД ПОМОЩИ ПЬЮЩИМ И НЕ ЗАКУСЫВАЮЩИМ МУЗЫКАНТАМ»; но не это главное — главное разместится на втором этаже: музыкально-акционерное общество «РЕКВИЕМ» для обслуживания похорон крупных и выдающихся деятелей, — а то и здесь у нас полный беспорядок, собственных теневых экономистов похоронить толком не умеем, как сказал бы старенький гардеробщик Михалыч.

И все это конечно в рамках Закона и портрета Чайковского; иначе — Боже упаси! — за кого вы Моцарта принимаете?

В общем, Антонин Иванович со своими социальными и неподвижностью просто-напросто младенец перед Валерьяном Амادهвичем! А с госпожой Галопирующей Инфляцией у Моцарта будет разговор особый — ее бурное появление и бешеные скачки на балетной сцене Моцарта не пугают. Захочет Валера — и уедет в Веймар по приглашению самого Иоганна Баха, пересидит, переждет, сыграет у него на органе прелюдию из какой-нибудь фуги 1-го тома «Хорошо темперированного клавира»; захочет — пригласит в Москву белоэмигранта Рахманинова, попьет с ним водки из тульского самовара, а потом

махнут с рок-концертами по российским городам и весям, никакая Инфляция не угонится.

Кто бы не клюнул на месте Моцарта?

Еще бы! Хоть Валера у нас и постмодернист, и соцартист, и митек, и витек, и в сторожах, и в котельных, и в диссидентах кантовался, — но вот освободилось Потертое Кресло у рояля Чайковского, и он, Моцарт, наконец-то оказался при Деле. А главное Дело для Моцарта — какое?.. Конечно же, Музыка — Святая Музыка! Пусть ты хоть демократ, либерал или, допустим, патриот, пусть даже бывший коммуняка или, еще хуже, человек любой национальности, но здесь, в этом Кресле, ты должен пахать и сеять на ниве Музыкальной Культуры — культуру надо поднимать, ядрена вошь, а то здесь у нас полная целина, в балет приходят с семечками и с мороженым, сволочи! — как сказал бы старенький Михалыч.

И Моцарт начинает пахать и сеять, Моцарт наступает на горло собственным кантатам и ораториям, сонатам и симфониям, операм «Дон Жуану» и «Волшебной флейте»; Моцарт готовит презентацию похоронно-акционерного общества «Реквием» и лишь иногда вздыхает и жалуется друзьям — Людвигу Бетховену, Францу Шуберту и Ференцу Листу, когда те боязливо заглядывают на самовар в ЦД Композиторов:

«Ну пету, пету у меня времени для «Свадьбы Фигаро»! — жалуется Валера, паливая старым друзьям из самовара и бренча пальцем по одинокой клавише. — Все дела, дела, дела... Не знаете ли, ребята, где достать приличный труп для образцово-показательных похорон?.. Думайте, думайте — для вас же стараюсь — больных и пьющих! Поверите ли, братцы, — начинаю раздваиваться! Фигаро — тут, Фигаро — там! Застрелиться, что ли?..»

И недвусмысленно поглядывает на двустволку Петра Ильича Чайковского.

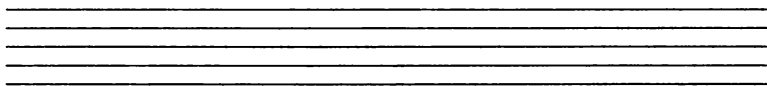
«Что говоришь, Валера?.. — переспрашивает Людвиг Бетховен, приставляя ладонь к уху. — Извили, не расслышал... Повтори последнее слово».

Бетховен почти совсем оглох (кто сказал, что гений и уголовщина несовместимы — уже в перестроечные времена Бетховену в пересыльной тюрьме уголовники барабанную переполку перебили), но зато он в той же пересылке написал свою знаменитую 6-ю симфонию и сейчас взялся за 7-ю. А Шуберт с Листом — первый в подвале, второй на чердаке — все пишут, пишут, пишут и пишут потные закорючки на разлинованной

бумаге, и потной бумаги им не хватает! Слышите, спонсоры:

ШУБЕРТУ И ЛИСТУ НЕ ХВАТАЕТ НОТНОЙ БУМАГИ!

А потная бумага (для тех, кто забыл или никогда не видел) выглядит так:

Шуберт уже написал 600 (шестьсот, ШЕСТЬСОТ!) романсов на стихи Гете и Шиллера и сейчас взялся за «Прекрасную мельничиху»; а Лист — тот вообще создает новое направление в пианизме: придает фортепиано оркестровое звучание, превращая его (фортепиано) из салонно-камерного инструмента в инструмент для массовой аудитории, применяя при этом принцип МОНОТЕМАТИЗМА — слышите, спонсоры?.. Где вы еще такое слово услышите, — как сказал бы старенький гардеробщик:

МО-НО-ТЕ-МА-ТИЗ-МА!

Так что зря Валера ребят спаивает, их даже на чистом спирте «Рояль» не проведешь — проснутся, выйдут из запоя и опять начнут писать Музыку с Большой Буквы и жалеть Моцарта (почему бы и не пожалеть?):

«Ну пету, пету у Валеры времени для «Свадьбы Фигаро»! Для нас же старается! Раньше мы водку где пили? По чердакам да котельным, а сейчас? В Доме Композиторов из тульского самовара Чайковского!»

Но и Моцарт жалуется и вздыхает с некоторой долей лицемерия — дела-то у него идут неплохо; и на двустовку посматривает, отлично зная, что она не стреляет. Ну пету, пету у него времени для «Дон Жуана», занят он презентацией похорошного общества, для вас же старается, раздваивается, наступил на горло собственным Дон Жуану и Фигаро, жалуется, не понимает, что он — М о ц а р т, а не хрен с бугра!

МОЦАРТ!

Что он — г е н и й, что МОЦАРТ должен быть выше всего этого, а получается все наоборот — ВСЕ ЭТО выше его, Моцарта. Не понимает Моцарт, что он собственными руками убивает в себе М о ц а р т а — уже убил! Что все это Сальери

парочно подстроил, чтобы отомстить ему: па, бери, садись в это хреншиковое Кресло — это же не кресло, а электрический стул, друг-Моцарт. Здесь ты сам себя и убьешь, Валера. Сам па собственном горле замкнешь провода и не напишешь ни первой, ни второй — никакой симфонии, а сгинешь, как сука, па этом потертом месте, и не будет Моцарта, будто и не было. Найдутся добрые люди и спросят:

«А кто он такой — Моцарт? Бетховена знаем, Шуберта, Листа знаем, а Моцарта — нет».

А Людвиг ван Бетховен приставит ладонь к уху и переспросит:

«Что вы спросили?.. Не расслышал, извините».

«Моцарт, спрашиваем, кто такой? — обозлятся добрые люди.— За что деньги плочены? Что этот пресловутый Моцарт такого сделал?»

А Франц Шуберт пожмет плечами:

«Не помним... Не знаем... Нету такого... И никогда не было».

И тогда Ференц Лист вздохнет и поправит:

«Был Моцарт, да весь вышел».

Вот до чего додумался хитрый Сальери — убить Моцарта медленной и мучительной смертью его же собственными руками, безо всякого цианистого калия.

И вот однажды Антонии Иванович, наблюдая из своего прекрасного далека за раздвоением и смертью Моцарта, которую сам же подстроил, очень развеселился и решил отметить это событие, помянуть Моцарта добрым словом, все же Моцарты умирают не каждый день. Купил бутылку относительно дешевого китайского спирта, включил телевизор и сел за старенький клавесин своей юности, что па его даче в Перестройкино. Смотрит себе футбол «Спартак»—«Тмутаракань», паливает рюмашку, паигрывает «Чижика-пыжика» и душевно отдыхает — что старику еще надо?

Выпил рюмку, выпил две...

Чувствует: закружилось в голове, а в животе что-то не тово... Спирт какой-то плохой попался... То ли древесный, то ли метиловый (что-то китайцы не в себе в этом деле, авторучки не в пример лучше делают). Короче, выпил Сальери па всякий случай третью рюмку, не досмотрел первый тайм и... как говаривал его великий тезка, Антон Павлович Чехов: «Лег па диван и... помер».

Занавес медленно-медленно опускается.

АНТРАКТ

Зрители бегут в пустой буфет, где, кроме китайского спирта, ничего не паливают.

Действие 2

ПОХОРОНЫ САЛЬЕРИ

Во 2-м действии партию умершего Моцарта исполняют два других танцора:

Э к с - М о ц а р т

и

Л ж е - М о ц а р т

С ц е н а 1

Дача Сальери в Перестройкино. Диван, клавесин, телевизор. На диване лежит Сальери. По телевизору идет программа «Время».

Не помер Сальери, не помер! Живой! Это Моцарт умер, как и положено, а Сальери — живой!

Спирт, конечно, был дрянь, Сальери плохо себя почувствовал, испугался и прилег на диван, примерился...

Но все как-то обошлось. Проспал весь второй тайм вместе с программой «Время» и очнулся сразу после спортивных новостей («Спартак» все-таки сумел выиграть у «Тмутаракани» один-поль — браво, маэстро!), как раз в тот момент, когда какой-то страшный человек в черном костюме с красными глазами брал интервью у Моцарта о состоянии музыкальных дел в стране.

Смотрит Сальери и не понимает: в глазах, что ли, двоится?.. Печка — одна, дустволка — одна, рояль, самовар, черный человек — один, а Моцартов — двое!..

Вроде Моцарты и... вроде не Моцарты. Похожи на Моцарта и... не похожи на Моцарта... Один, Лже-Моцарт,— обрюзгший, с животом и вторым подбородком; другой, Экс-Моцарт,— облысевший дистрофик с кривыми ногами.

«О чем интервью-то?» — пытается сообразить Сальери.

«Ну-с, расскажите, что там у нас с музыкой происходит?» — спрашивает обоих Моцартов этот черный человек с мефистофельской ухмылкой.

«Сплошная разруха, как и везде»,— отвечают братья-близнецы и начинают жаловаться на свою жизнь: что им и ТО мешает, и ЭТО...

«А я слышал, завтра у вас презентация музыкально-акционерного общества «Реквием»?..» — перебивает черный человек, думая о чем-то своем.

«Ну да»,— отвечают Псевдо-Моцарты.

«Похорошное, что ли, общество?»

«Ну да... Хоронить-то надо с музыкой»,— вроде бы оправдываются близнецы.

«А с прибылью — что намерены делать?»

«Прибыль пойдет в «Фонд помощи пьющим и не закусывающим музыкантам».

И так далее: прибыль, акции, дивиденды.

Не интервью, а допрос какой-то...

И ни слова о Сальери!

Эти преступные господа, убившие в себе Моцарта, так заработались на посту Сальери, что про самого Антонио Ивановича намертво забыли. Раньше у Сальери брали интервью и этот... как его — с акцентом и с сигареткой, и тот... который с паушниками, и даже тот самый — с именным подарочным револьвером, а сейчас Сальери уже нуль без палочки, и какой-то страшный человек, похожий на следователя ОБХСС, берет интервью у этих плохих танцоров, которым, как известно, и ТО, и ЭТО, и ВСЕ мешает.

«Вот так: умрешь, и никто по тебе даже «Реквиема» не сочинит! — злится Сальери, сползая с дивана.— Ну, погодите! Я уважать себя заставлю! Будет вам первый труп, будут вам образцово-показательные похороны!»

То ли от старости, то ли от дрянного спирта, но Антонио Иванович задумал шутку совсем уж бородатую и дурного тона — отправился поздним вечером по перестройкинскому бездорожью на телеграф и послал срочную телеграмму, воспользовавшись сонной и неопытной телеграфисткой (а сколько раз ее предупреждали: «Анюта, не спи на работе!»):

ТЕЛЕГРАММА

БЕТХОВЕНАМ, ШУБЕРТАМ, ЛИСТАМ, ВСЕМ СОВЕТСКИМ КОМПОЗИТОРАМ
ТОЛЬКО ЧТО СКОРОПОСТИЖНО СКОНЧАЛСЯ САЛЬЕРИ
ПОХОРОНЫ ЗА ВАШ СЧЕТ

САЛЬЕРИ

И ни слова о Моцарте.

К прежней обстановке ЦД Композиторов добавляются: японский телевизор, небольшой складик ксероксов и компьютеров, коллекция пустых причудливых бутылок с иностранными наклейками, пустые коробки из-под гуманитарной помощи и прочие приметы нашего времени.

Так, конечно, порядочные люди не поступают. Хочешь, чтобы тебя уважали,— умирай честно и не будоражь общественное мнение. Но, что дозволено Юпитеру, то затравленному старику простительно. Тем более, Антонин Иваныч под телеграммой честно подписался: «СА-ЛЬЕ-РИ». Дураку приятно. Даже умный подумает-подумает и поймет: шутка.

Но случилось непостижимое: телеграмму доставляют в ЦДК заполночь, а там всюю идет генеральная репетиция завтрашней презентации похоронно-акционерного общества «Реквием». Шампанского для отмыва грязных денег заготовлено рекой, голых девочек — толпой, весь кордебалет задействован; кто спит, кто просто лежит, как вдруг телеграмма: «СКОРОПОСТИЖНО...» И все принимают эту телеграмму за чистую монету и хватаются за головы — завтра презентация, а тут Сальери такое учудил! И никто не знает — горевать или радоваться. Смерть — она всегда не вовремя, но тут, вроде бы, в самый раз... И никто не замечает, что под смертью Сальери стоит подпись «САЛЬЕРИ», к тому же не заверенная участковым врачом.

А Псевдо-Моцарты хватаются за головы первыми: им же первым и докладывают:

«Сальери Антонин Иваныч померли только что под Москвой, хорошо, что не под забором; причина смерти неизвестна, но все равно хоронить надо».

«А может, не надо?... — трусливо думает Экс-Моцарт. — Может, он как-нибудь сам... без нас?...»

«Дурак! — отвечает Лже-Моцарт, подставляя граненый стакан под тульский самовар. — Похороны Антонина Иваныча нам никак нельзя выпускать из рук. Когда мы еще такой труп найдем? Похороны Сальери будут почище любой презентации. Давай, вспоминай, кого мы хоронили за счет Союза Композиторов?»

«Дай Бог памяти... В тридцатых годах хоронили Берлиоза Михаила Александровича. В восьмидесятых — Скрябина Вячеслава Михайловича... Вот и все, пожалуй».

«Вот видишь! Какие композиторы были! Одна партитура оратории Скрябина-Риббентропа чего стоит! Будешь хоронить. С помпой! Денег не жалеи! Найди Людвига, Франца и Ференца, пусть гроб несут. Вообще, займись тут...»

«А ты?» — уныло спрашивает Экс-Моцарт.

«А мне вызови такси в Шереметьево-два прямо к трансу самолета в Веймар».

«Опять бросаешь меня одного?.. Обещал с понедельника засесть за «Реквием»!»

«Фигаро тут...» — многозначительно произносит Лже-Моцарт.

«Фигаро там...» — печально вздыхает Экс-Моцарт и подставляет под самовар второй стакан.

С ц е н а 3

Значит, так.

Лже-Моцарт будто что-то почувствовал — бросил Экс-Моцарта на произвол судьбы и умчался на такси в Шереметьево-два, а оттуда последним самолетом в Веймар к Иоганну Баху отмывать грязные миллионы, которые давно уже вышли за рамки портрета Чайковского, но наивный Иоганн Себастьянович о том ничего не знает.

Наступает ночь. Над Москвой пролетает последний самолет на Веймар. Экс-Моцарт сидит один-одинешенек за роялем Петра Ильича и вместо «Реквиема» сочиняет список похоронной комиссии под своим председательством. Бетховена и Шуберта с Листом пигде не могут пайти, а пока в комиссию входят: композитор Шпурке, альтист Данилов, вокально-инструментальный ансамбль «Человек-невидимка», писатель Таракан-Камчадальский, художник Афонарелов, член ПЕН-клуба Кнут Пряникосси, ткачиха Кондрюкова, повариха Белозубкина, бывший Первый секретарь обкома профсоюзов Медылов, эстонец Эдваард Коммиссаар и многие другие пужные люди.

«Надо бы кого-нибудь из ЦК КПСС и правительства пригласить,— размышляет Экс-Моцарт.— Например, Шарфика Фуршанова, он хорошо плов готовит... Но все сейчас в отпусках, ладно уж, обойдемся».

У Экс-Моцарта забот полно рот — надо некролог сочинять от группы товарищей, пристраивать его в «Правду», заказывать Оркестр Большого Театра или «Виртуозов Москвы» (за-

хотят ли виртуозы хоронить Сальери — это еще вопрос), воинский салют (Сальери у нас был генерал-капельмейстером), место на каком-нибудь Престижном кладбище и все прочее, связанное с мероприятием похорон крупного общественного деятеля.

«А поминки?» — спросит иной нетерпеливый балетоман.

И поминки, а как же! С этим малоприятным мероприятием дела обстоят полегче: река шампанского, заготовленная для презентации, пойдет на поминки, а голые девочки ради этого дела перекрасятся в траурный черный цвет.

Но где же Бетховен, Шуберт, Лист? Неужто забыли своего первого учителя?

Не в том дело. Бетховену как всегда не везет — он сейчас лежит в клинике Федорова, недавно омоновцы случайно выбили ему глаз при разгоне демонстрации половых меньшинств, куда Бетховен по рассеянности затесался, переходя Цветной бульвар в неположенном месте и отыгрывая в уме концовку своей 7-й симфонии: «трам-пам-па-пам, турам-та-рам-тара-ра-рам-рам-пам, па-рам-та-ри-ра-ри-ра-та-рам...»

И получил в глаз.

А Шуберт с Листом подрядились на Казанском вокзале разгружать вагон с рулонами потной бумаги, которую Лже-Моцарт уже успел пригнать из Веймара по накладной под видом гуманитарной помощи от Иоганна Баха, чтобы загнать ее (потную бумагу) как обои на черном рынке, о чем Иоганн Себастьянович, понятно, ни сном, ни духом.

Короче, ночь.

Но уже близится утро. Наступает долгожданная предрасветная тишина. Покинутый Лже-Моцартом Экс-Моцарт сидит за роялем Чайковского и думает о своем: цены, зарплата, жизнь коротка, а он чем занимается?.. Пишет буквами на потной бумаге некролог Сальери: «Смерть вырвала из наших рядов...»

«Нотами надо! Нотами надо некролог писать!» — вдруг осеняет Экс-Моцарта.

Листок с некрологом летит на пол. Экс-Моцарт открывает «Стейнвей Д» и неуверенно берет первый аккорд «Реквиема»: трам-таа-та-та-там-па-ра-рам... Потом второй: пам-пам-тари-та-там-три-та-там... Третий: трум-турум-туру-ру-рум...

Рука Экс-Моцарта крепчает. Экс-Моцарт постепенно опять превращается в Моцарта. Он подбирает лист потной бумаги и лихорадочно записывает ноты поперек линеек... Са-

монастраивающийся рояль «Стейнвей Д» самозабвенно продолжает исполнять моцартовский «Реквием». Из зрительного зала на сцену лезет с цветами какой-то прибалдевший меломан, но гардеробщик Михалыч вызывает милицию, и его (меломана) выводят.

Звучит «Реквием».

«РЕКВИЕМ» ЗВУЧИТ!

Звучит «Реквием», заглушаемый каким-то немзыкальным рокотом и какофонией лязгающих звуков...

Из-за правых кулис под звуки «Реквиема» появляется первый, головной, танк, проезжает в глубине сцены за роялем и исчезает за левыми кулисами.

«Стейнвей Д» сердито замолкает и захлопывает крышку — когда танки идут, «Стейнвей» молчит.

Моцарт отупело смотрит за кулисы вослед танку, включает телевизор, подходит к окну...

По телевизору крутят любимый балет Моцарта — «Лебединое озеро», а из головного танка на сцену вламывается группа «Альфа» в костюмах «листопад» во главе с черным полковником КГБ, в котором Моцарт узнает черного следователя УГРО с красными глазами.

«Вы — Моцарт Валерьян Амадеевич?» — спрашивает черный полковник, заглядывая в какой-то список.

«Ну, предположим...»

«Одевайтесь!»

«Я одет!»

«Вы задержаны!.. Спросите «за что?».

«За что?!»

«За валютные операции с нотной бумагой в особо крупных размерах!»

«У вас есть ордер на арест?»

«Вы не арестованы, а задержаны».

«Не вижу разницы!»

«Арест и задержание — разные вещи. Задерживать можно без ордера, многократно, до бесконечности — задержал-отпустил, отпустил-задержал. Вот список, заверенный старшим государственным нотариусом. Гордитесь, Ваша фамилия стоит сразу после Гдяна и Иванова».

«Но я сейчас не могу! Отложим до понедельника... У меня завтра похороны Сальери — август, жара, труп ждать не может!»

«Неужто Антонин Иванович померли?! — хватается за сердце черный полковник. — Какая потеря! Уж не отравлен ли своими учениками?.. Ничего, похороним без вас, с воинскими почестями, тем более что всякие похороны в Москве отменены в связи с введением чрезвычайного положения».

«Это произвол! Я требую потную бумагу и карандаш!»

«На предмет?..»

«На предмет написания «Реквиема» по Сальери!»

«Справедливое требование! Давно бы так! Все необходимое для создания «Реквиема» Вам будет предоставлено в казарме энской воинской части».

«Разве в казарме энской воинской части есть рояль?»

«А как же! В любой Ленинской комнате любой воинской части стоит рояль. А вы как думали? Вы где служили? Кстати, почему вы не пишете военную музыку? Ах, Моцарт, Моцарт! Брали бы пример со своего учителя. С вашим талантом — написали бы по заказу Министерства Обороны «Марш Краснознаменной Чапаевской дивизии имени Дзержинского» или «Подожду два года и вернусь»... Нет?.. Ну — «Реквием» так «Реквием»! Хорошая похоронная музыка армии во-от так нужна! Увести задержанного!»

Моцарта уводят, а историческое утро 19 августа продолжается. Вчера умер Сальери. Солнце уже взошло. Звучит и крепчает тема Чрезвычайного Положения — в глубине сцены с воющим ревом проходит бесконечная колонна танков — идут танки, танки, танки, танки, танки, бронетранспортеры, танки, танки, танки, самоходная подстанция, танки, танки, между танками какой-то очумевший гражданский «жигуль», последней идет полевая кухня, за ней, как гусь, отбившийся от стаи, еще один танк — танковый марш на Москву продолжается по кругу: танки, танки, танки, а в ЦД Композиторов происходит обыск. Автоматчики в «листопадах» кружат по сцене, ищут валюту и драгоценности — шуруют в печке, курочат портрет Чайковского, заглядывают в самовар, потрошат концертный рояль «Стейнвей Д». В глубине сцены образуется танковый затор, но черный полковник продолжает сидеть в Потертом Кресле, озабоченно сверяясь со списком и расставляя в нем красные галочки.

Обыск что-то не вытанцовывается. На сцену между танками пробирается возмущенный обнаженный кордебалет в черном. Шуберт с Листом, ошеломленные смертью Сальери, бросили разгрузку вагона и прибежали с Казанского вокзала,

Бетховен удрал из клиники Федорова, из Нью-Йорка на путч уже прилетел Мстислав Ростропович — вот где достойная фигура для Потертого Кресла! — но о смерти Сальери Ростропович еще ничего не знает и потому пока кантуется с автоматом и виолончелью на защите Белого Дома, вместо того чтобы освобождать Дом Композиторов от черного полковника.

По одному появляются члены похоронной комиссии — фон Шнурке, Афонарелов, Таракап-Камчадалский и другие, — видят в глубине сцены танковую армаду, в первую секунду ничего не понимают, а потом понимают все — если Горбачев в отпуске, значит, по телевизору «Лебединое озеро».

«Я уважаю Петра Ильича Чайковского, но меня от «Лебединого озера» уже мутит! — жестикулирует Шуберт. — Эй, кто-нибудь!.. Эй, вы!.. Я вам говорю! Выключите телевизор!»

«Это вы МНЕ говорите?» — с превеликим изумлением переспрашивает черный полковник.

Лист в смятении дергает Шуберта за полу пиджака.

«Да вам, ...! Кто вы такой, ...? Расселись, понимаешь! Что вы делаете здесь, в кабинете Чайковского?»

Черный полковник не удостоивает Шуберта ответом.

Спрашивается: что делать в этих чрезвычайных условиях похоронной комиссии?

«Как — «что»?! — спросит офонаревший любитель балета. — Тем, кто за Ельцина, — бежать к Белому Дому; тем, кто за ГКЧП, — бежать в Кремль!»

Резонно.

А кто будет хоронить Сальери?

Не оставлять же труп до окончания путча, этот путч хрен знает сколько может продлиться — это сейчас, задним числом, мы знаем, что он длился всего-ничего, а в первое утро никто ничего не знал.

И вот, к чести похоронной комиссии, она (комиссия) решает похоронить Сальери во что бы то ни стало! Она садится на сцене и объявляет сидячую забастовку: или ГКЧП в лице черного полковника освободит председателя комиссии Моцарта и разрешит похоронить Сальери, или сами они с этой сцены не уйдут, а их унесут вперед ногами.

Пусть полковник прикинет: похороны одного Сальери или всей похоронной комиссии?

Пока полковник прикидывает, из головного танка появляется озабоченный танкистик и, держась пониже живота, жалобно вопрошает:

«Извините, товарищи, где тут у вас уборная?..»

«В театре «уборная» и «сортир» — не одно и то же», — наставительно объясняет Шуберт.

Не дождавшись вразумительного ответа, солдатик исчезает за дверью женского сортира.

Полевых походных сортиров еще не изобрели, и где справиться нужду целой танковой армаде, никто в похоронной комиссии не знает. Комиссию уже не спрашивают. Из танков выскакивают танкисты и, расстегиваясь на ходу, без строя бегут в сортиры Центрального Дома Композиторов. По театру разносится дух солдатских портянок и отработанного танкового масла, публика затыкает носы.

Проносится слух, что Моцарт уже расстрелян. Весь в слезах появляется обнаженный кордебалет... Девки влезают на танки, втыкают в дула черные тюльпаны и гвоздики, приготовленные для похорон Сальери.

На танках начинаются сексуальные пляски. В танках полным ходом идет разложение войска.

«Потерять Москву или потерять армию?! — кричит черный полковник, видя такое дело. — Моцарта отпускаю! Похороны разрешаю! Но где, где, где труп вашего Сальери?!»

Члены похоронной комиссии в недоумении: в самом деле, где, где, где труп Антонина Ивановича?

Раскуроченный «Стейнвей Д» вдруг оживает: он откидывает крышку и начинает играть «Реквием».

Из левых кулис появляется труп — т. е. на сцену нетвердо входит приехавший в Москву первой же электричкой живой и невредимый, хотя и с сильного похмелья, Антонин Иванович Сальери с бутылкой китайского спирта; из правых кулис появляется живой и нерасстрелянный Моцарт с потным рулоном «Реквиема», написанного в казарменной Ленинской комнате.

«Реквием» звучит...

ЗВУЧИТ ВЕЛИКИЙ МОЦАРТОВСКИЙ «РЕКВИЕМ»!

Нервные удаляются из зала.

«Учитель! Этот «Реквием» я посвящаю Вам!» — шепчет Моцарт, делает шаг навстречу Сальери и падает замертво от инфаркта.

«Умри, Моцарт! Лучше не напишешь!» — отвечает Сальери и умирает рядом с Моцартом от инсульта.

ЗВУЧИТ УМОПОМРАЧИТЕЛЬНАЯ МУЗЫКА МО- ЦАРТОВСКОГО «РЕКВИЕМА».

Занавес медленно-медленно опускается.

АПОФЕОЗ

Девочки из кордебалета срывают театральный занавес, заворачивают в него тела Моцарта и Сальери и укладывают за неимением гроба в раскуроченный рояль «Стейнвей Д».

Появляется гардеробщик Михалыч и забивает гвозди в крышку рояля.

Черный полковник смахивает слезу и уходит за кулисы. За ним из Москвы уходят танки. За танками на лафете везут рояль «Стейнвей Д» с телами Моцарта и Сальери. За лафетом под звуки «Реквиема» идут Бетховен, Шуберт, Лист, а также все вышеназванные действующие лица и исторические личности.

За кулисами раздается залп. Это застрелилась из двустволки Чайковского последняя жертва режима — черный полковник.

Начинаются Новые Времена.

На пустую сцену врывается Галопирующая Инфляция.

Исполняется гоплык.

Зрители в ужасе бегут из театра.

Занавес.

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ, ИЛИ ФЛОТ НЕ ПОДВЕДЕТ!

*Двухактная фантастическая военно-морская пьеса
Змея Горыныча, состоящая из одного-единственного слова
из двух букв, с финальной сексуальной сценой
и с ремарками для режиссера*

Действие происходит в рассекреченном квадрате Черного моря в виду острова Змеиный на борту американского авианосца «Уиски».

Действующие лица:

А т а н а с П л и с к о в, адмирал болгарского флота, который (флот) дислоцирован в Бургасе. Курит сигареты «Стюардесса». Улыбчив, простодушен. Потягивает ракию прямо из фляжки, угощает всех остальных действующих лиц. В переговорах о статусе Черного моря немпогословен: «братушки», «Шипка», «Алеша» и тому подобный джентльменский набор. Недавно провел в Одессу караван-копвой с ранними болгарскими помидорами и огурчиками, за что награжден национальным орденом «Царя Бориса» и зарубежным «Зализным Трезубом». Не прочь приобрести для Болгарии остров Змеиный, который торчит за бортом авианосца «Уиски», но на «шет» и суда нет.

О с т р о в З м е и н ы й, такой себе островок, не уступающий, пожалуй, по размерам авианосцу «Уиски», расположен, примерно, 45 гр. северной широты и 35 гр. восточной долготы, невдалеке от устья Дуная.

Н а д и р Ц и н а н д а з е, адмирал Яхты Его Величества Звиада 1-го. Порт приписки Сухуми временно захвачен вражьей силой. Курит «Герцеговину Флор», демонстрируя черно-зеленую пачку, как некий мандат. Как видно, что-то хочет сказать, но все время молчит. На роль можно пригласить глухонемого артиста. Напряжен, подозрителен, неподвижен. Взгляд исподлобья. Беспрерывно перебирает четки из

очень драгоценного крупного жемчуга, принадлежавшего когда-то самой царице Тамаре. К нему особое внимание режиссера: способен взорваться — из нагрудного кармана торчит граната-лимонка.

К и т о Г у р д ж а а н и, генацвале. Комиссар флота Временного Военного Правительства. Три катера расположены в Сухуми, а непогружаемая подводная лодка с одной ядерной боеголовкой — на капремонте в Батуми. Круглая фуражка-аэродром для стоянки вертолета «Ми-8». Из-под фуражки торчит нос (чем больше, тем лучше). Вместо четок руки заняты непрерывной очисткой мандаринов из ящика под погами. Нож для очистки — или финский, или кривой, вроде турецкого ятагана. Вкусно пахнет мандаринами и чачей. Важно помнить: в сценическом пространстве между адмиралом Цинандадзе и комиссаром Гурджаани для недопущения взаимных оскорблений или даже кровопролития постоянно должен кто-нибудь находиться (лучше всего — адмирал Вермут фон Шварцвайтхорс).

В е р м у т ф о н Ш в а р ц в а й т х о р с, адмирал объединенного флота НАТО, посредник-наблюдатель ООН на многосторонних переговорах о статусе Черного моря. Невозмутим. Толстопуз. Как говорится, морда лица. Пытается вообще не вмешиваться в эти совковые дела. Разглядывает в подозрительную трубу весенний зелененький хребет острова Змеиный. (Безлюдье. Видны какие-то вышки, бараки, радары — то ли заброшенная воинская часть, то ли бывшая зона.) Берет из рук личной секретарши толстенную гавайскую сигару, смачно закуривает, стряхивает пепел за борт. Выкуривает сигару до половины, бычок швыряет в Черное море, секретарша приносит новую сигару, берет сигару из ее рук, закуривает и т. д. Сигар понадобится много.

Б ы ч к и. Бычки огибают остров Змеиный, собираются в косяки и плывут к Одессе, Херсону и к Крымскому полуострову, где отлавливаются рыбаками и продаются на южных рынках в виде западной гуманитарной помощи.

А н н а - М а р и У п а д е ж у, главное действующее лицо. Личный секретарь-переводчик адмирала фон Шварцвайтхорса. Режиссер должен постоянно помнить, что почтенная публика с нетерпением ожидает объявленной сексуальной сцены — дележ Черного моря почтенную публику мало колышет. Значит, надо ей предоставить. Игра артистов, декорации, световые и шумовые эффекты — все, все, все дол-

жно быть направлено к достижению этой сверхзадачи. Как учили. По Станиславскому. Все внимание на Анна-Мари Упаджу!.. Это что-то особенное!.. Формы фигуры!.. Одета в открытый военно-морской купальник французского Иностранного легиона. «Открытый» — мягко сказано... Как можно открытей! Еще более того!.. Если хлопотно достать французский купальник — можно и без купальника, но лучше все-таки в купальнике, чтобы Анна-Мари могла спать купальник на сцене. Она расхаживает в купальнике по палубе авианосца «Уиски» на высоких каблуках и развозит ямайский ром, джин, бренди, водку, шнапс, мадеру, херес и что там еще пьют настоящие морские волки. Каблуки повыше, с подковами. Беспрерывное цоканье подков под рев взлетающих и садящихся «Фантомов» и «Мигов», беспрерывное мелькание обнаженных ног, плеч, бедер, ягодич, грудей и что там еще есть у французских секретарш — Анна-Мари должна заполнять собой всю палубу авианосца. Важно заинтересовать, озадачить почтенную публику вопросом: кто именно из морских волков войдет в финале в интимную близость с Анна-Мари? Кому она благосклонно подарит свою любовь на глазах у почтенной публики? Вот вопрос вопросов! Шефу ли своему, Вермуту фон Шварцвайтхорсу?.. Зачем ему любовь Анна-Мари, он и так с ней спит... Атанасу ли Плискову с «Зализным Трезубом»?.. Надиру Ципандадзе с лимонкой в кармане или Кито Гурджаани с острым пожиком?.. А может быть, на палубе авианосца произойдет групповой сексуальный акт?.. Зритель должен оставаться в напряженном неведении до самой финальной сцены.

Далее:

Т и х о м и р о Б р а г у, капитан-лейтенант Дунайской речной флотилии (г. Унгены). Курит кишиневские «Мальборо», тяготеет к Румынии и мучительно ищет выход для родной Молдовы в Эвксиинский порт по Дунаю через Рени — Измаил — Килию — Вилково. Как говорится, с портом под зонтом. Мучительно не пьет — он на работе, ему рубить для Молдовы окно в Европу; зато то и дело подзывает Анна-Мари, и та, цокая копытцами, по указанию Брагу подливает ром, джин, бренди и т. д. играющим в шахматные поддавки адмиралам Водоньяных и Заливайко. В тихом омуте черти водятся, но на роль первого любовника в данной международной ситуации Тихомиро Брагу абсолютно не годится — ему

окно рубить, а не заниматься любовью. Остров Змеиный у гирла Дуная был бы для него Находкой.

М а р э н э С т о п у л е с к у, адмирал румынского пародного флота. Порт приписки — Констанца. Курить бросил, но в компании покуривает. Пить по-черному бросил, но потягивает сухой херес. Черная форменная дубленка, смушковая папаха с крылатым крабом. Бывший военно-морской летчик, участвовавший в поимке и расстреле удиравшего куда-то от народного гнева Кондуктадорэ Диктатуреску. Такие мужчины правятся женщинам. Лексикон: «бадега», «сигуранца», «Транспистрия». Требуя под румынский протекторат все Черноморское побережье вплоть до Одессы и Николаева. Дадут Херсон — возьмет Херсон, почему бы не взять. Остров Змеиный — туда же, в торбу. Хмур, недоволен: «Баба на корабле — быть бидэ!» Имеет все шансы на успех у Анна-Мари.

С у л е й м а н и б и З а л е й м а н - о г л ы, турецкий адмирал-эмир-паша. Истамбул. Владеет Босфором и Дарданеллами, остров Змеиный ему и на фиг не нужен, но готов выкупить на всякий пожарный случай — мало ли что. Яркая красная феска. Сидит, естественно, по-турецки на красивом турецком коврике. Курит кальян. Не пьет, ни-ни, ислам не позволяет; но веселые глазки и физиономия бордового цвета наводят на подозрение, что фарфоровый кальян заряжен мадерой. Вообще, очень живописен. Что-то тараторит длинными турецкими пулеметными очередями, в которых иногда проскакивают знакомые слова, вроде: «гешефт», «шахер-махер», «твоя-моя» и т. п. Безусловно, любвеобилен, — но предположить интимную связь Анна-Мари с турецким эмир-пашой на палубе американского авианосца как-то странно... Впрочем, чем не шутит шайтан?..

К а с а т о н Е г о р о в и ч В о д о п ь я н ы х, кавалер ордена Форса и Белого Дома, не подчинившийся ГКЧП, из наших, беспартийный (из вышедших и никуда не вступивших), адмирал Российского Черноморского флота, достойный наследник адмирала Рождественского-Щусимского. Базы в Новороссийске и в Потии. Одну за другой курит паниросы «Беломорканал», хлопает рюмку за рюмкой, которые подсовывает ему Тихомиро Брагу, и то и дело вздыхает: «Просрали Россию, сволочи!» Играет в шахматные поддавки (выигрывает тот, кто подставит под бой все фигуры) на пустом ящике из-под мандаринов с адмиралом Заливайко, в надежде отыграть просранный какими-то сволочами Севастополь.

Анна-Мари он попросту не замечает или только делает вид. К Касатону Егорычу приближается то судьбоносное состояние, когда он на все способен — дать в морду фону-барону Шварцвайтхорсу, взять штурмом Севастополь, свернуть хребет острову Змеиный и даже сделать эту мельтешащую французенку прямо здесь, сейчас, немедленно, прямо на палубе американского авианосца!

В а с ы л ь М ы к о л а е в и ч З а л и в а й к о, адмирал 1-го Украинского Черноморского флота имени Петра Сагайдачного. Военно-морская база в Севастополе. 2-го флота на Украине еще нет, но будет, будет, можно не беспокоиться. На Украине все будет, как у людей, и остров Змеиный тоже. Одет по форме, но из-под расстегнутого кителя выглядывает вышиванная тельняшка. Курит «Ватру», глушит все подряд, щиплет Анна-Мари за попку, травит анекдоты, спивает песню: «Два кольеры мои, два кольеры... червоный — то портвейн, а биый — то мицне...», и вообще, гарно себе почуває — Васыль Мыколаевич уже просчитал жертвенную комбинацию с отдачей коня, слона, туры, ферзя и самого шаха. (При слове «шах» Залейман-оглы вздрагивает и подвигает на глаза феску.) Что еще о Васыле Мыколаевиче? Возможны запорожские вуса. (Шаровары и гопака не придумывать!) Своего не упустит. Вероятнейший претендент на Анна-Мари, давно уже играющую с ним в поддавки и готовую подставить собственную фигуру.

Д е л е г а ц и я к р ы м с к и х т а т а р. Татар двое. Первый депутат: н а р о д н ы й т а т а р с к и й п о э т (как же без поэтов?); второй делегат: п о э т - п е р е в о д ч и к с трудно произносимой еврейской фамилией (как же без евреев?). Очень серьезные, очень вдумчивые люди. Хотели бы, если можно, договориться об автономии Евпатории. Им достаточно Евпатории, если можно. Если нельзя, то готовы даже переселиться на остров Змеиный, если остров Змеиный получит суверенитет и независимость. Для групповой сексуальной сцены могут сгодиться.

Ю н г и, матросы, старшины, боцманы, мичманы, господа морские офицера в соответствующей форме (внимание костюмера!) Абхазии, Болгарии, Грузии, Молдовы, России, Румынии, США, Турции и Украины. Крымская делегация — в добротных костюмах при галстуках (без шика, но и не в джинсах же!).

Д у х о в о й о р к е с т р В о е н н о - м о р с к и х с и л С Ш А, в полном составе.

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ

Шумно отдуваясь, всплывают и погружаются атомные субмарины и подводные лодки, с ревом взлетают и садятся «Фантомы» и «Миги», стук четок царицы Тамары и каблучков Анна-Мари напроочь заглушают ведущиеся переговоры.

А т а н а с П л и с к о в. (Попивает ракию, жестами показывает: «ничего не слышно, братушки!»)

К и т о Г у р д ж а н и. (Угощает всех мандаринами, кроме, понятно, адмирала Цицаидадзе. На фуражку Кито пытается сесть патовский вертолет «Сикорски», но тут же взлетает — мала все же посадочная площадка. Режиссеру — найти фуражку побольше.)

Н а д и р Ц и ц а и д а д з е. (Нервный тик. Все быстрее и быстрее перебирает жемчуг царицы Тамары. Быстрее! Крещендо!.. Еще крещендей!.. Стук четок напоминает стук зубов и начинает заглушать самолетный рев.)

А н н а - М а р и У п а д е ж у. (Внимание: снимает, наконец-то, купальник!)

Но морским волкам ЭТО ДЕЛО до лампочки.

С у л е й м а н и б н З а л е й м а н - о г л ы. (Уснул. Но во сне все слышит, видит и не забывает потягивать кальяи.)

Т и х о м и р о Б р а г у. (Тяготеет к Румынии, но подливает Касатону Егорычу Водопьяных.)

М а р э н э С т о п у л е с к у. (Недоволен: женщина и штатские на корабле.)

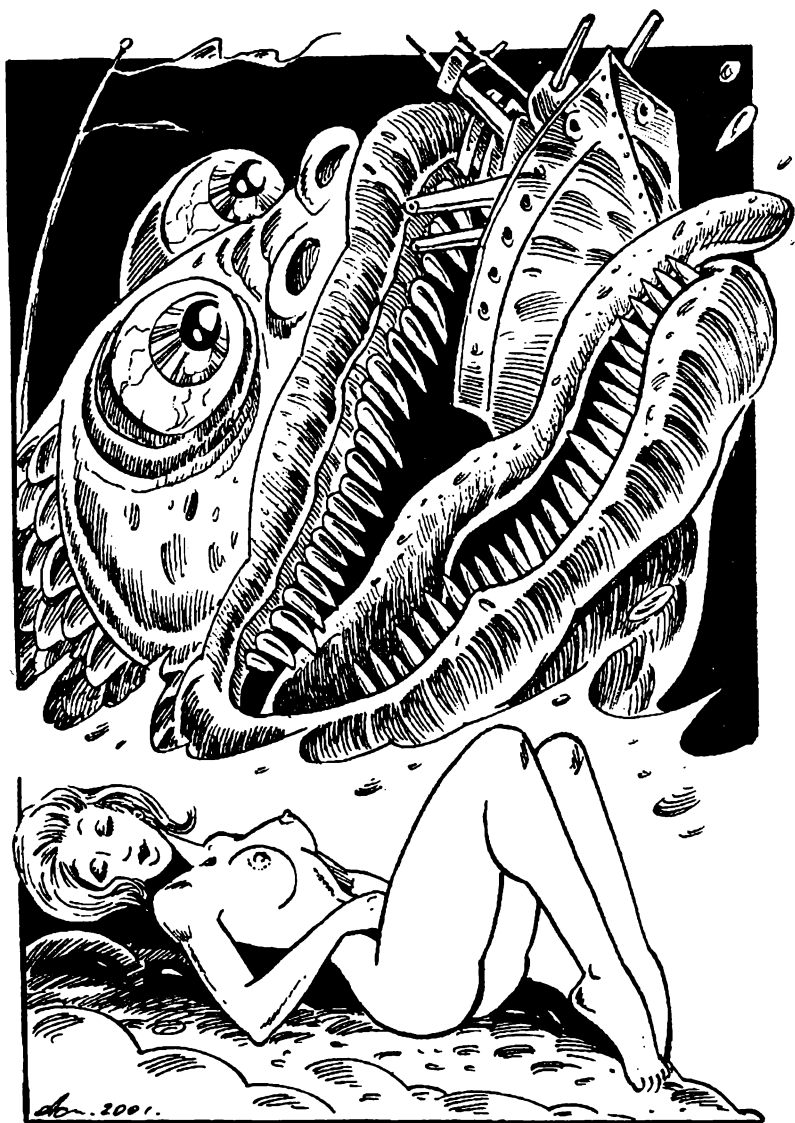
Д е л е г а ц и я к р ы м с к и х т а т а р. (Тихо мечтает об автономии Евпатории или, на худой конец, о свободе и независимости острова Змеиный.)

К а с а т о н Е г о р о в и ч В о д о п ь я н ы х. (Одним ударом кулака в отчаянии расшибает шахматную доску, ящик из-под мандаринов и палубу авианосца: только что он сам, лично, просрал Керчь!)

В а с ы л ь М ы к о л а е в и ч З а л и в а й к о. (Предлагает играть в поддавки на Малую землю, имея в виду в кошечном счете выиграть Новороссийск.)

А н н а - М а р и У п а д е ж у. (Обида на лице французской женщины.)

В е р м у т ф о н Ш в а р ц в а й т х о р с. (Напряженно разглядывает в трубу остров Змеиный.)

Стук каблуков и четок, напомиравший клацаиье зубов, переходит в зубовный скрежет.

Б ы ч к и. (Перестают дрейфовать в Одессу и группируются у острова Змеиный, как рыбки-лоцманы перед рылом тигровой акулы.)

В е р м у т ф о н Ш в а р ц в а й т х о р с. (Грубо отталкивает Анна-Мари и отдает какой-то приказ господам офицерам. Судя по жестам: с якоря сниматься!)

А н н а - М а р и У п а д е ж у. (Плачет навзрыд. До глубины оскорблена в лучших чувствах. Чтобы черт морской побрал этих военно-морских мужланов!)

О с т р о в З м е и н ы й. (С ним что-то происходит... Он просыпается... Получает долгожданную свободу и независимость, приходит в движение, плывет, клацает зубами... Его хребет, поросший молоденьким леском, оказывается хребтом проснувшегося гигантского чудовища, похожего на лох-песского плезиозавра, но раз этак в тысячу больше и страшнее. Как можно больше и как можно страшнее! Чтоб страшно было!.. Еще больше!.. Еще страшнее!.. Открывается страшнейшая зубастая пасть, способная заглотить целый авианосец...)

Занавес опускается.

Раздается СЛОВО:

— АМ!

Акт 2

СЕКСУАЛЬНАЯ ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА

В небе суетятся осиротевшие «Фантомы» и «Миги». Во чреве чудовища на палубе авианосца «Уиски» духовой оркестр Военно-морских сил США еле слышно исполняет «Глори, глори, алилуйя». На хребте убогоговоренного и опять уснувшего на тысячелетия острова Змеиный поднят военно-морской купальник Иностранного легиона. Под ним в заброшенной зоне лежит счастливая обнаженная Анна-Мари. Солнце страстно ласкает ей грудь, бедра, ягодичи, плечи, руки, ноги и что там еще есть у прекрасных француженек.

Занавес.

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ, или КРАТКИЙ КУРС СОЦРЕАЛИЗМА

Из политических сказок Змея Горыныча

«Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Все хороши, и все дурны. Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен,— ВРАНЬЕ».

Экономист Н. Ильин.
«Граф Толстой как зеркало партийной организации и партийной литературы»

Глава 1

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ ВО ВСЕЯ-РУСИ

Параграф 1 ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЦРЕАЛИЗМА

В некотором ханстве, в некотором подпротрапстве, в пенашенские времена жил да был во Всея-Руси богатырь с чудным именем-отчеством Соцреализм Максимильянович.

Как, спрашиваете, жить с таким именем?

Так вот и жить, пока не сгноят в лагерях или не прирежут цензурой — не бросаться же под поезд, если ты не Илья Муромец, а какой-нибудь хрен с бугра? Назвали — и назвали. Живи пока...

С папой и мамой богатырю Соцреализму повезло. Он родился под знаком Буревестника на острове Капри в результате внебрачного романа популярного пролетарского писателя Максимилиана Горькина с красивейшей цыганской актрисой того пензенского времени Ариадной Мариновой из Малого театра МХАТ имени Немировичского и Станиславича-Данченко одновременно.

Параграф 2 ЧЕМОДАНЧИК С ДВОЙНЫМ ДНОМ

— Очень своевременный гоман! Пгекгасный получился гебенек! — слегка картавя, воскликнул по сему случаю тогда еще мало кому известный богатырь-экономист Н. Ильин (сказать по правде, его вообще никто не знал) — и буквально в одну ночь, не задумываясь, накатал молочными чернилами эпохальную статью «Граф Толстой как зеркало партийной организации и партийной литературы», в которой ударил в Царь-Колокол и призвал Всея-Русь к топору против Чудища Облога, Стозевского и Лаяйющего под лозунгом: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВМЕСТНАЯ ВЛАСТЬ!»

Под утро перечитал написанное, схватился за рано облысевшую сократовскую голову, прижмурил глаза, с наслаждением вытянулся в кресле и воскликнул:

— Ай да, Пушкин, ай да, сукин сын! Какая глыба, а? Какой матерый человечище!.. До этого графа подлинного мужика в литературе не было!

Допил молочные чернила, скушал хлебную черпильницу и, очень довольный собою, пошел спать.

К обеду экономист Н. Ильин проснулся, упаковал «Зеркало партийной организации и литературы» в кожаный чемоданчик с двойным дном, вызвал колокольчиком своего личного шофера Гулько Макара Егорьевича и отправил его на коньках по вечному льду Чудского озера в редакцию газеты «Правда». И хотя на линии границы жандармские псы-сатрапы, обнюхав чемоданчик и ничего не найдя, с досады стукнули Макара Егорьевича револьвером по голове, и тот чуть коньки не отбросил, но все ж таки доставил второе дно по назначению, и утром в День Печати газета «Правда» вышла в свет, как и подобает.

Вот только у Макара Егорьевича с тех пор что-то с головой не в порядке.

Параграф 3

В ТО ЖЕ ЛЕТО ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

В то же лето по старому стилю, пока богатырь Соцреализм в люльке лежал и соску сосал, прочитала Всея-Русь в газете «Правда» про зеркало Льва Толстого, наточила топор и поднялась на Чудище Облое, Стозевое и Лаяйющее. Надоело народу жить и работать на дядю — равно и за того парня. Плевали в Стозевского, били, крыли, подначивали, клеили прямо на хари предосудительные прокламации, и, вообще, пушкинский безмолвный народ уже не молчал в тряпочку, а применял против Чудища Лаяйющего всякие глаголы великого межнационального языка, неизвестные даже живому словарю Владимира Даля, лучшего друга Пушкина — уж кто-кто, а дрызга разбирались в глаголах.

Двенадцать лет как день пролетели...

Хоть бы хны!

Бывало, одну Голову срубят, тут же две другие отрастают по генетическим законам Менделя.

Ходили отважные робесньеры к дедушке Мичурину за советом.

— Не знаю, как так получается, — честно признавался старик. — Все это вейсмапизм-морганизм и томление духа, а я не теоретик, но практик. Надо бы на дрозofiлах попробовать.

Таким вот Макаром.

Параграф 4

ЧУДИЩЕ ОБЛО, СТОЗЕВО И ЛАЯЙЮЩЕ

В ответ на глаголы Чудище подлое лишь лениво отгавкивалось, щеря зубы, а самых надоедливых якобинцев, как мух дрозoфил, ссылало за Полярный Круг в Туруханское ханство на разведку нефтяных месторождений, откуда те тут же возвращались на попутках или собственным ходом. Их — туда, они — оттуда.

В сущности, Чудище Лаяйющее давно отжило свой век и уже не содержало в себе ценной генетической информации. Ему бы добровольно уйти с политической арены цирка — снять шаляпинским жестом мономахову шапку-ушанку, сдать ее под расписку в Музей Этнографии, Антропологии и Народов Мира и красиво удалиться, прикрыв за собой дверь, — да все как-то лень, обломовщина... Валялось Чудище на диване,

все тянуло с отставкой, откладывало — то крестьянская реформа подоспела, то всенародный референдум, а то и столетний юбилей со дня смерти поэта Пушкина. А столетняя война в Персидском заливе? А очередной перераздел Польши? А разрушение Берлинской стены? То то, то это...

И еще такое соображение:

— Как это, мол, без НАС, Обла, Стозева и Лаяйюща, наш безмолвный народ проживет? Не протянет ли поги от голода кормилец наш?

— Всенепременно протянет, Ваше Стозевое Величество! — подгавкивали придворные псы-сатрапы и виляли хвостами во главе с фон Бункер-Бундом. — Ни Мичурии с грушами не поможет, ни квадратно-гнездовой способ Лысенко.

За народ, значит, беспокоилось Чудище. До всего ему было дело...

Но если совсем откровенно — за власть цеплялось.

А зачем ему власть? Что ему в той власти?

Параграф 5 ДРУГИМ ПУТЕМ

— Куда же вы, сударь, прете? — с досадой спрашивало Чудище, когда ему под Старый Новый Год старший брат экономиста Н. Ильина прямо под диван подложил адский механизм с дистанционным управлением, по придворные псы-сатрапы вовремя ушухали и обезвредили.

— Зачем все это? — допытывалось оно. — Перед вами же стена!

— Стена, да Берлинская! Пни, и развалится! — смело отвечал за брата экономист Н. Ильин.

— А что потом? — удивлялось Чудище.

«А потом
мы пойдем
другим
путем», — ответил стихами экономист Н. Ильин.

— Каким-каким? — не расслышало Чудище.

— ДГУГИМ! — с французским прононсом повторил экономист Н. Ильин и по дну Финского залива ушел со своим шофером Макаром Егорьевичем, у которого крыша поехала, от преследования псов-сатрапов в соседнюю страну Хрепландию.

Параграф 6 ЧУДЕСНЫЙ НАЦМЕН

В той соседней стране экономист Н. Ильин познакомился с одним из представителей восточного национального меньшинства, только что сосланного в Туруханское ханство за особо дерзкие ограбления почтовых дилижансов и уже успевшего удрать оттуда сюда, и от вынужденного революционного безделья развлекавшегося тем, что ставил на стол ребром национальный вопрос, а тот стоял и не падал.

— Какой чудесный нацмен! Не помните ли его фамилию? — хвалил туруханца экономист Н. Ильин в письмах издаലെка своей ненаглядной подружке Нессе Армаггедон. — Представляете, какой богатырь — национальный вопрос на ребро поставил, а тот стоит и не падает! Вообще, погода здесь в Цюрихе хорошая, все у нас идет другим путем. Передайте нашим: единственный индивидуальный террор ничего не даст. Одного шленнем, придет другой. Их надо всех сразу, скопом! Шаг вперед, два шага назад — и к стенке!

Параграф 7 ПЯТЕРО ПОВЕШЕННЫХ

Принесли псы-сатрапы перлюстрированное письмо Чудищу Лаяйющему на диван. Прочитало Чудище, совсем озверело:

— Что за черт, какой-токой другой путь?!

Не хотелось ему применять террор и насилие, но делать нечего — приказало Чудище своим сатрапам отыскать палача и повесить старшего брата экономиста Н. Ильина плюс еще четверых маратов на Кропверкском валу Петропавловской крепости. Предупреждало ведь!

— Разве предупреждали, Вашество? — переспрашивает фон Бункер-Бунд. — Очень уж талантливый этот старший брат. Реактивное движение с дистанционным управлением изобрел. Академия Наук за него ходатайствует...

— Пр-редупреждали! Брата — повесить, а академикам выдать заграничные паспорта, посадить на пароход — и в шею!

Что и было в точности исполнено.

Вот только палача не нашли, запил палач на острове Капри в гостях у своего кума Максимилиана Горькина.

— Не могу! — кричал палач Леонард Андреев, крестный отец внебрачного Соцреализма-богатыря. — Не могу вешать на

веревке живых людей! Так не договаривались! Повешенные потом три дня снятся. Вешать не могу, а вот расстрелять — пожалуй.

Отказался палач Леонард Андреев. Пришлось вешать самому фон Бункер-Бунду.

Висят пятеро вольтерьянцев, ногами качают, а национальный вопрос на ребре стоит.

Параграф 8

ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ НА БЕРЛИНСКОМ ВОКЗАЛЕ

Ну тут вообще началось! Пря-таки Французская буржуазная революция!

Народ высыпал вдоль по Питерской. Взяли Его Стозевое Величество в штыки, в топоры, в дреколье. Богатыря Герцена разбудили, и тот газетой «Правда» Ему по мордасам, по мордасам!.. Радищева Ему вспомнили, Кюхельбекера, все дуэли Пушкина и Лермонтова. Искандер с Огарьковым Ему Царем-Колоколом хвост прищемили. Чернолюбов с Доброшевским зарядили дробью Царь-Пушку, поднесли фитиль и шарахнули, но промахнулись и попали по воробьям. Сопливый еще богатырь Соцреализм стекла бил из рогатки в Зимнем Логове: дзынь-вдрызь, дзынь-вдрызь!..

А в это время экономист Н. Ильин поспешно переехал в опечатавшем бронепоезде из соседней Хрепландии в еще более соседнюю Херманию, где имел на берлинском перроне у пивного кооперативного ларька историческую встречу с известнейшим херманским профессором утопического материализма Карлом Фридриксоном, в точности знавшим тот самый — ДРУГОЙ — путь (пойдешь направо, свернешь налево и так далее).

Уже смертельно больной профессор Карл Фридриксон шепнул на ушко экономисту Н. Ильину три тайных слова, пожал на прощанье руку (мол, встретимся на баррикадах) и незаметно для кишаших на перроне филеров передал в наследство три секретные карты, в точности указующие тот самый путь; а сам выпил кружку пива и потихоньку-полегоньку под присмотром шофера Гулько Макара Егорьевича пошкандыбал вдоль Берлинской стены помирать к себе домой на Фридрихштрассе, волоча за собой хвост о двух филерах, один из которых являлся будущим херманским рельсканцлером Гнидлером.

Параграф 9 ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

Экономист же Н. Ильин тоже выпил баварского пива на берлинском перроне, незаметно спрятал три заветные карты в новый кожаный чемодан с двойным дном, вернулся в опечатавшийся бронепоезд с кучей беспризорников на крыше и, ведомый личным шофером Гулько Макаром Егорьевичем, который когда-то служил в железнодорожном депо машинистом, прибыл на Казанский вокзал, где его встречали народные представители с хлебом-солью и с жигулевским пивом.

Там он открыл окно и бросил в толпу свежий номер «Правды» с новейшим лозунгом:

«ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!»

Народ вначале не понял:

— Какая-какая? — переспросил народ.

— ТАКАЯ! — хитро прищурился экономист Н. Ильин, по-солил ломоть хлеба и съел.

И запил пивом.

— Ага! Вот оно что! Ура! Хитер, экономист! — обрадовался народ.

— Качать экономиста! — заорали беспризорники и гроздьями повалили с крыши бронепоезда.

Всем дело нашлось — кто «ура» кричит, кто новый лозунг песет, кто каравай доедает, кто пиво допивает, кто на вокзале экономиста Н. Ильина подбрасывает.

Где пальто, где кепка, где что...

А беспризорники во главе с богатырем Соцреализмом посятся толпой по городу и буржуазию козой пугают:

— У-у-у, забодаем!

Шуткуют пока.

Пока указаний не было буржуев резать.

Пусть живут пока.

Параграф 10 НАКИПЕЛО!

Наконец нашли экономисту Н. Ильину кепку, отнесли его на посылках на балкон Кшесинской, что в Доме на Набережной, и сразу взялись за дело: из дома жильцов выселили, называли дом Штабом Восстания, подтянули броневики и эсмин-

цы, развели мосты и костры, выпустили из бастилий всех уголовников, политических и политических уголовников, захватили Главпочтамт и Центральную Сберкасса, все газеты, кроме «Правды», прикрыли, обложили Зимнее логово флажками и назначили на завтра низвержение пиагарского водопада, везувий народного негодования и последний день помпей,— все по плану программы-максимум, как у настоящих гарибальдийцев.

— Вчера еще было рано, сегодня — уже поздно, а завтра — в самый раз! — гадал по звездам экономист Н. Ильин, выходя с чайником кипятку на балкон бывшей благородной девицы.

— Гляди, лобастый, чайник кипит! — кричат ему снизу вооруженные до зубов рабоче-крестьянско-солдатские депутаты.— Накипело! Хлеба давай! Чаю! Масла! Мяса! Яйцев! Куда все подевалось?

— Завтра все сами возьмете в свои руки у буржуйской тековой экономики,— твердо обещает экономист Н. Ильин.— Ничего чужого нам не нужно, все и так наше. А кипятков-с, товарищи, за углом в буфете.

— Ура-а!

Настала последняя ночь старого мира.

Параграф 11 ШТАБ НА НАБЕРЕЖНОЙ

Ночь. В Доме на Набережной электричество жгут, бывшая благородная девица Кшесинская разносит крепкий чай с клюквенным повидлом. Пива — ни-ни! Не спят богатыри Таркой партии, думу думают:

— Что еще подзабыли? Чем еще Облой Чудище досадить? Шепчутся по углам:

— Оторвать ей собачьи головы! — кипятится Зализный Феникс.

— Не поможет, новые отрастут,— протирает пепсине военмор Бронштейн.— Слышал, что Мичурин сказал? Он, говорит, не в курсе генетической рекомбинации.

— Тогда фитиль ей под хвост! — кипятится Овсей Антопенко, замкомпоморде (заместитель командира по морским делам).

— Вот вы и займитесь.

— А где тот чудесный пацмен? — вдруг вспоминает экономист Н. Ильин.— Что-то с памятью моей стало — опять фамилию забыл.

— В Разливе шампанских вин,— злорадно отвечает военмор Бронштейн, лучший враг Нацмена.

— А что он там делает в такое ответственное время?

— Пишет «Краткий курс истории Такой партии».

— Нашел время! А послать за ним связного!

Сказано — сделано. Посылают мальчика, Соцреализма-богатыря, тот плывет под разведенными мостами вне подозрений у псов-сатрапов — что с босяка возьмешь? — приплывает ночью в Разлив, находит на ощупь шалаш, расталкивает Чудесного Нацмена и доставляет того, полусонного, в Дом на Набережной.

— Вот он! — говорит Соцреализм.

Параграф 12 ПЛАН ВОССТАНИЯ

— Спасибо, мальчик, возьми конфетку,— обрадовался экономист Н. Ильин, отвел Нацмена в уголок и тихо сказал, чтоб никто не слышал: — Никто ни хрена не умеет, никто ни за что не отвечает. Говорим много, а дела — с гулькин хрен. Вас-то, батенька, нам и не хватает.

— А что, собственно, нужно делать? — зевая, спрашивает Чудесный Нацмен со своим знаменитым восточным акцентом.— Извините, не выспался, всю ночь камнями ворочал, ставил вопросы ребром.

— Вот! Вот, вот, вот! Главная, архиважнейшая сегодня работа: ставить вопросы ребром! Да вы спите, спите... А работу делайте на ходу. Скипидару Чудищу под хвост — как вы думаете?

— Уже заготовлено десять бочек скипидару. Будет нужно — еще достанем.

— Спасибо, голубчик! Смолы бы ему горячей в глотку — как по-вашему?

— Вагон смолы на подходе.

— Пять с плюсом! А вы, дурочка, боялись — не выспался, говорит, не справлюсь!

— Но это еще не все,— отвечает Чудесный Нацмен и подходит с красным карандашом к земному глобусу.— Вот Парадный Подъезд... А вот Черный Ход... Надо бросить на штурм Зимнего логова батальон беспризорников. Вот тут... и тут...

— Стратег! Суворов! — восклицает экономист Н. Ильин и обращается к притихшим богатырям: — Вот кому карты профессора Фридрихсона в руки!

Хитро прищурился и уточнил:
— После моей смерти, конечно.

Параграф 13 ОТРЕЧЕНИЕ

И не выдержали первы у Чудища Лаяйющего. Услышало (да недослышало) оно про «милые беспризорников», потеряло ориентацию, начались у него первый тик и дрожь в коленках. Выползло Чудище из своей Могилевской ставки и сказало сквозь зубы во множественном числе о самом себе:

— МЫ,— говорит,— ОТРЕКАЕМСЯ. Даруем народу земли, фабрики и свободу. Нате вам, подавитесь. Берите — сколько возьмете и унесете. Смотрите только, не протяните ноги.

Слова не совсем исторические, по смысл подлинный, близкий к тексту.

И пока народ ликовал, ловил псов-сатрапов, хватал дарованное и растаскивал по домам пседебные землю, свободу и фабрики, Чудище Стозевое притворилось шлангом, бросилось со шпиль Морского Пароходства на булыжную мостовую и, как в сказке, преобразилось в многочисленных чудищюдищ числом не менее полуроты лейб-гвардии Преображенского полка. Под покровом почти эти пресловутые лейб-гвардейцы сбрили усы, повязались белыми косынками с красными крестами международных сестер милосердия, загрузили всея-русский хлеб, чай, масло, мясо и яйца в грузовики «русо-балт» и огородами, огородами бежали из Санкт-Петербурга в Таврию, а оттуда пароходами, пароходами эмигрировали в заморские страны: каждой Лаяйющей Голове — по пароходу, на каждом пароходе — по Зеваяйющей Голове.

Запалились они в тех странах коммерцией и писанием мемуаров, такси водили, в цирке выступали, груши околачивали, все пропили-проели, переженились на француженках и ассимилировались там навсегда.

Параграф 14 СВЕРШИЛОСЬ!

Радости было!

Первым делом батальон беспризорных рабочих, крестьянских и солдатских депутатов перелез через чугунные Царь-Ворота Парадного Подъезда и ворвался в Зимнее Логово. Да-

ли сторожу в ухо, отобрали берданку, повязали псов-сатрапов, нагадили в античные вазы, подтерлись персидскими коврами и принялись палить из берданки в хрустальные люстры и в китайский фарфор-фаянс.

Народ же на улицах опять кричал «Ура!», выбрасывал собственные шапки вверх, плясал гопака и «яблочко» и с воинскими почестями хоронил пятерых повешенных, развешивая вместо них на фонарях псов-сатрапов.

Палача же Леонарда Андреева опять нигде не нашли — он сидел в шаляпинской уборной во МХАТе и жаловался первому народному артисту республики:

— Не могу уснуть,— жаловался мертвецки пьяный Леонард Андреев.— Только усну — являются!

— Кто является? — спрашивал первый народный артист, прочищая перед спектаклем горло добрым глотком горилки.

— Пятеро повешенных. Стоят и в глазах двоются. Что там за шум на майдане коло бани?

— Революция идет. Ты б еще водки выпил, да повешенным палил, да стул бы им предложил. Глядишь, посидят, посидят и уйдут,— советовал народный артист и напевал, входя в роль царя Бориса:

«И мальчишки
кровавые
в глазах...»

Значит, висят псы-сатрапы на Кропверкском валу, ботинками качают, а посередке — сам фон Бункер-Бунд, личный кредитор Саши Пушкина, одолживший однажды поэту 60 тысяч рублей серебром, а тот возьми и подстрелись на дуэли.

Свершилось, короче, то, о необходимости чего так долго говорил экономист Н. Ильин:

— Свегшилось, когоче!

Параграф 15 И НА ОБЛОМКАХ САМОВЛАСТЬЯ

Что дальше было: триумфальное шествие Совместной Власти, бразильская фиеста и всенародный загул.

Все сразу надели красные ботинки и бантики. Шутки-прибаутки, смех и веселье. Запрудили улицы, пили разливанное море шампанского из подвалов Зимнего Логова.

А чем запивали? Спиртом из разгромленных складов Преображенского полка.

А чем закусывали? Кто чем — кто сухарем, кто килькой в томате, а кто и рукавом от бушлата; а вот первый народный артист республики — тот закусывал горилку красной икрой и молочным поросеночком с хреном, вытирал губы, выходил к рампе и пел: «Что день грядущий мне готовит?», тогда как голодные бояре пили за царским столом пустую воду и грызли бутафорию — им на сцене икра не положена.

Другие же в этот судьбоносный час отмечались на сцене Историй аршинными буквами — на обломках самовластья писали собственные имена:

«ЗДЕСЬ БЫЛИ ДЖОН РИД С СУПРУГОЙ»
«МАТРОС ЖЕРЕБЕНКО + ШУРОЧКА КОЛЛОНТАЛЬ = Л.»
«Я — КОТОВСКИЙ!»
«МЫ — ИЗ КРОНШТАДТА!»

А шофер Гулько Макар Егорьевич, у которого, как известно, не все дома, подумал, подумал, окупил малярную кисть в свинцовые белила и написал:

«ТАКИМ ВОТ МАКАРОМ»

Параграф 16 ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Всякое было в ту ночь.

Толпа беспризорников поймала зазевавшегося распузатого буржуя и в научных целях в паизидание потомкам заспиртовала этот превосходный экземпляр эксплуататора вместе с цилиндром и енотовой шубой в громадном стеклянном чаше из-под квашеной капусты.

Потом: «Айда, братва, купаться в Разлив!»

Рванули в Петродворец, наполнили шампанским и спиртом петергофские фонтаны и прыгали со статуи Самсона, раздирающего пасть льву, сначала в шампанское, потом в спирт, из спирта — опять в шампанское. И Самсону палили, и льву... Бедный лев, бедный Самсон... Плескались, плавали наперегонки, пыряли — кто глубже. Приблизительно (—) тысяча граждан разных сословий пырнуло (статистика закрыта в железном сейфе Энкавэдэ), из них (—) тысяч не выпырнуло — только красные бантики всплыли клюквой в шампанском, как сказал бы гений Север Игорянин, лютый враг Соцреализма.

Потом — салют с фейерверком. Знатный получился салют — палили с броненосца «Потемкина» по Санкт-Петербургу из всех бортовых орудий.

В результате:

в Северной Пальмире с пригородами погибло где-то (—) тысяч воюющих мещан и вшивой интеллигенции, как сказал бы экономист Н. Ильин.

Дальнобойной морской артиллерией достали:

до Москвы — погибло около (—) тысяч представителей махрово-реакционного духовенства;

до Киева — погибло (—) тысяч с лишним людишек мелкобуржуазной психологии и продажного чиновничества;

до Одессы — погибло порядка (—) тысяч воров и обывателей;

до Новороссийска — погибло более (—) тысяч белого офицера;

а один малахольный шальной снаряд залетел аж во Владивосток, где разорвал на куски взвод японских интервентов — погибло 33 японца во главе с офицером-самураем.

Других жертв и разрушений не отмечено. За государственную границу ни один снаряд не перелетел, дипломатических нот и протестов ни от кого не последовало — даже японский император из врожденной вежливости промолчал.

ИТОГО (кругом-бегом, без учета утонувших в спирту, не считая повешенных псов-сатрапов, 33-х японских интервентов и одного заспиртованного пузатого буржуя) ПОГИБЛА всего одна десятая часть населения — плюс-минус, больше-меньше, туда-сюда — 0,1 (ноль целых, одна десятая).

Не жалко.

Так что триумфальное шествие Совместной Власти прошло под сводный духовой оркестр относительно бескровно и без посторонних эксцессов.

Наконец уснули.

А утром, проснувшись с похмелья, обнаружили на стене Дома на Набережной первый декрет Совместной Власти об антиалкогольной перестройке: все, как один, бросим пить, виноградники вырубить, спирт пустить на протирку орудий средств производства для средств производства, а взамен увеличить выпуск фруктовых соков по рецептам бабушки Мишурина.

Тут бы и сказке конец, да не тут-то было...

Глава 2

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Параграф 17

ВСЕ ВПЕРЕДИ, или ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИКЕ

Тем же утром Максимилиан Горький взглянул на свой барометр, изменился в лице, заплакал, выпил натошак четвертушку водки и, нажимая на свое замечательное волжское «О», сказал сынишке Соцреализму, который уже пописывал в Пролеткульте стишки:

— Гляди, сынОк, стрелку сОвсем зашкалилО,— сказал Буревестник.— Буря, скоро грянет буря! Больно мне за нашу творческую интеллигенцию... А ты уж совсем большой, экой вымахал! Иди-ка ты, парень, в люди. Чую, недолго мне жить осталось — либо сам помру, либо врачи отравят, либо еще как-нибудь... Кто за меня напишет новую «Войну и мир» — ума не приложу. Оставляю тебе в наследство чистую амбарную книгу в десять тысяч страниц, ничего у меня больше нет, кроме единственного костюма и вышиваной тубетейки. Вот тебе социальный заказ — напиши-ка ты в этой книге нашенскую, пролетарскую «Войну и мир». Попробуй. Чтоб, понимаешь, война — так уж настоящая, классовая война, а когда, понимаешь, мир — то чтоб настоящий мир, а не Брестский, похабный. Живи по «Правде», понял? Пиши правду, правду и только в «Правду». Компрене ву?

Предсказав, значит, плохую погоду и стихийные бедствия и оставив внебрачному сыну в наследство пустую амбарную книгу и литературные советы, популярный пролетарский писатель опять заплакал горькими слезами (очень уж любил плакать), выпил еще шкалик водки, разбил барометр и по настоянию своего лучшего друга экономиста Н. Ильина («Говно эта ваша творческая интеллигенция,— сказал ему экономист Н. Ильин, слушая «Аппассионату».— Разбитое кривое зеркало революции, выброшенное на свалку Истории. Езжайте-ка, батенька, к себе на Капри, не плачьте и не путайтесь под ногами со своими несвоевременными мыслями — иначе я за себя не ручаюсь»), так вот, по настоянию экономиста Н. Ильина Максимилиан Горький, как тот жирный пингвин, уехал в тихую гавань на остров Капри прятаться от революционных цунами, лить слезы по говенной интеллигенции и лечиться от алкогольного туберкулеза.

Параграф 18 В ЛЮДЯХ

Делать нечего. Спрятал Соцреализм Максимильяныч на груди амбарную книгу в красном сафьяновом переплете, заточил чернильный карандаш и отправился в люди.

Идет, бредет, шагает по Москве. Не ворует. Перебивается с хлеба на воду. Скучно. Люди всякие вокруг спуют, футуристы, диссиденты, попутчики. Знакомые беспризорники, с кем Соцреализм Зимнее Логово брал. Соцреализм их в глаза не замечает. Делает вид, что гуляет по Москве, а сам изучает жизнь, как она есть, ищет ответы на большие вопросы.

А люди вокруг не знают, что делать. Землю, фабрики и свободу расхватили, а что с этим добром делать — не знают.

«В самом деле: что делать? — размышляет Соцреализм.— Ну, по вишникам, по кирпичикам разнесли макаронную фабрику по домам, приватизировали. Ну и?.. Где макароны?.. Ну, принес ты домой мешок земли, лучшего чернозема. Ну, два мешка, ну, телегу... Макароны же из земли не вырастут. Ну, взял ты дарованную свободу, а свобода такой предмет: хочешь — гуляй, гуляй — не хочу. Оно же все несъедобное — земля, фабрики и свобода! Где обещанные хлеб? чай? масло? мясо? молоко?.. Экономист Н. Ильин обещал: «Завтра все возьмете в свои руки». Где ж это ВСЕ? Где это ВСЕ взять, и куда ОНО к черту подевалось?»

Как вдруг навстречу Соцреализму катится крученый Давид Бурлюк в стетсоне и в тапочках на босу ногу.

Параграф 19 ДЫР, БУЛ, ЩУР

— Привет птенцу Буревестника! — машет стетсоном Давид Бурлюк.— Где пропадаешь, дыр, бул, щур?

Не отвечает Соцреализм-богатырь, нос воротит.

— Поехали к Репину спаржу жрать. И самогон у старика найдется, бул, щир, дыр!

Вот и ответ: где взять, где взять?.. У Ильи Ефимыча Репина, щил, был, дыр.

Молчит богатырь Соцреализм, воротит нос в противоположную сторону.

— Что у тебя с клювом случилось? — удивляется Бурлюк.— Ты чего клюв задрал, жир, дыл, был?

Надо отвечать — не отцепится.

— Хожу тут, матерьял собираю,— цедит сквозь зубы Соцреализм.— Собрался «Войну и мир» писать.

Давид Бурлюк так изумился, что плюнул на мостовую и уехал по израильской визе в Северо-Американские Штаты и неплохо провел там время, предназначенное ему судьбой — жил, был, пил.

Параграф 20 РАЗМЫШЛЕНИЯ СОЦРЕАЛИЗМА В ТОЛПЕ НАРОДА

«Всегда так было: лица сомнительного происхождения приезжают и уезжают, а русский человек остается с задраным носом,— подумал богатырь Соцреализм, неодобрительно глядя вслед тапочкам Бурлюка.— Но о чем это я?.. Все о том же: что делать? Где взять масло, хлеб, молоко — все эти съедобные предметы? Каждый в отдельности точно знает, что нужно делать СВОЕ ДЕЛО — пахать да сеять, точить да сверлить, торговать да писать свою «Войну и мир» — хотя последнее не съедобно, но допустим,— а потом уже смело гулять да плясать. То есть, по профессору Карлу Фридрихсону: требуется создавать то, чего еще нету — продукт; и проедать прибавочную стоимость. До чего просто! А что на деле? А на деле продуктов нет. Каждый знает, что каждый должен делать свое дело, только не он сам. Каждый сам за себя, и всем скопом — никак! Ну, никак! Если всех людей вместе сложить, арифметическая сумма не получается. А получают — штабеля».

Параграф 21 НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ

Вдруг, откуда ни возьмись, ползет навстречу пьяненький с утра Серега, еле шевелит языком, приглашает в трактир, червонцы есть, он угощает.

Не видит богатырь Соцреализм старого друга, в упор не замечает, переходит на другую сторону улицы. Серега хоть и корешного происхождения, но Соцреализму с пьяным имажинистом не по пути. А хоть бы и с трезвым.

— Мы идем ДРУГИМ путем,— кричит он Сереге с того берега улицы.

Серега так обозлился, что немного протрезвел, кое-как доплелся до своего знаменитого «Англетера», выхлестал на

пару с Аськой Дункан полный чайник водки, после чего по пьянке решили оригинально расстаться с жизнью, повесившись обнаженными в одной петле, совершая при этом последний акт любви, что немедленно и сделали.

Но веревка, по счастью, оборвалась, и половой акт пришлось продолжать там, где ему и положено быть — на полу.

Там же и уснули, обнявшись.

Параграф 22 **НАРОД — ГОЛОВА ДВА УХА**

И вот что еще непонятно Соцреализму-богатырю: народ — он, вроде, один. Голова два уха, как у Сереги. А никак между собой договориться не может.

Вопрос: почему?

Ответ: потому что.

Потому что народ состоит из разных индивидуев. Каждый в отдельности со своей головой и ушами. Как их всех привести к общему знаменателю, если один на печи лежит, второй — бывший жандармский офицер, третий загулял, четвертый в больнице фельдшером, пятый о чем-то сильно задумался, у шестого — непроизносимая фамилия, седьмому давно в дурдом пора, а восьмой водку хлещет в буфете, как чеховский телеграфист, оплакивая безвременную кончину первой кинозвезды Венеры Горячей. И прочие. И всех таковых прочих — миллионы, яко грязи. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы...

А вот, например, бывший товарищ министра переходного временного кабинета — тот вообще затаил лютую злобу на Совместную власть и на ее народных совместителей. Ну, с этим полегче, этого сразу к стенке. А вот, например, что за курчавая личность у костра греется? Кто таков?

Параграф 23 **ЗДРАВСТВУЙТЕ, АЛЕКСАНДР БЛОК!**

Пригляделся Соцреализм: да это же знаменитый попутчик Александр Блок!

С ним, конечно, тоже не по пути, но проходить мимо как-то неудобно. Все-таки, Блок. «Скифы», все-таки:

«Мильены
пас.
Нас

ТЬМЫ,
И ТЬМЫ,
И ТЬМЫ...»

— Здравствуйте, дорогой Соцреализм Максимильянович,— вежливо, как это только он один умеет, здоровается Александр Блок, потирая над костром озябшие руки.— Слыхали, у меня мужички в деревне библиотеку сожгли вместе с усадьбой. Вот смотрю на огонь и думаю: хорошо это или плохо — когда книги жгут? Как по-вашему?

Тоже вопросик: что такое хорошо, и что такое плохо?

Молчит Соцреализм. Что тут скажешь?.. Как для кого... У мужичков классовое чутье на блоков, на библиотеки и на усадьбы, да как объяснишь это Александру Блоку?

— Как здоровье вашего многоуважаемого батюшки Максимильяна Горькина? — не унимается от вежливости Александр Блок.

А сам, между прочим, очень болезненно выглядит. Видать, не жилец на этом свете, лучше бы о собственном здоровье позаботился, а Максимильяна Горькина врачи как-нибудь сами ухайдокают.

— Почему не видно вашего батюшки во «Всемирной литературе»? Нам там селедку недавно выдали, по мешку селедки. Мне, Кюхельбекеру и Крылову Ивану Андреичу. Ничего, можно жить — хорошая селедка.

«Заговаривается Блок,— соображает Соцреализм-богатырь.— Далась ему эта селедка. Надо бы поздороваться, неудобно молчать. Блок, как-никак... Блок — не Бурлюк, надо бы с Блоком посоветоваться насчет «Войны и мира»...»

Вдруг взял да и рявкнул:

— Здравствуйте, Александр Блок!

Аж проходившая мимо костлявая лошадь со страху в костер упала.

А Блок так испугался, что схватил свой мешок с селедкой, вернулся домой, прилег на диван и... помер.

Было ровно двенадцать.

Параграф 24 **РАЗМЫШЛЕНИЯ СОЦРЕАЛИЗМА В ТОЛПЕ НАРОДА** **(окончание)**

«Кроме того, что народ состоит из разных отдельных индивидуальностей,— продолжает размышлять Соцреализм,—

кроме этого, все они, черти, разных национальностей со своими межнациональными особенностями. Одни в субботу отдыхают, другие яйца красят, третьи по канату ходят, четвертые на тальянке играют, и никто работать не спешит. И всех на сегодняшний день триста миллионов, за всеми глаз да глаз нужен. А ворья, жулья и хулиганья — в два раза больше. Ворье с жулем — тоже люди, тоже народ. Народ — он хоть и один, но разный. Народ друг друга понять не может, где уж тут враг врага... Одним словом: татаро-монголы. Европа-Азия. И все поголовно до зубов вооружены еще со времен наполеоновского нашествия. Совсем пародишко озверел, так и зыркает по сторонам — кому бы в рыло дать?»

Параграф 25

ГРАЖДАНКА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ПОЛА

И только-только Соцреализм-богатырь закончил последнее размышление, как снизу, с Подола, выкатывается на Красную площадь пулеметная тачанка с какой-то расфуфыренной девкой...

Девкой — не девкой, теткой — не теткой... Соцреализму издаലെка не разобрать...

— Гля!.. Гражданка!.. — шепчутся те, кто постарше.

Узнали!..

Те, кто постарше, сразу эту ведьму узнали — по памятной революции 905-го года, развязанной сыцилистами и скубен-тами при великой княгине Ольге, — сразу ее признали, но всяк на свой вкус и лад и с собственной точки зрения. Гражданка была в модной во все времена комиссарской кожанке, с маузером в одной руке и с оливковой веткой в другой (не в знак мира, а для отмахиванья от мух), на боку — казачья нагайка, на правой ноге — кирзовый прохудившийся сапог, левая же ножка затянута в фильдеперсовый чулок с красно-революционной подвязкой. Шляпка у нее была от Диора, украденная на дешевой распродаже барахла из Зимнего Логова, конские патлы — от нигилистов и диссидентов вместе взятых, а лицо имело выражение то ли фараоновой мумии, то ли святых киево-печерских мощей без признаков пола. Соцреализму привиделась даже точеная девичья грудь, стыдливо выглянувшая из-под римской тоги, но он глаза отвел, видение отогнал и в амбарную книгу не зарисовал, чтобы не быть обвиненным

в натурализме в очередной речи какого-нибудь нежданова товарища. Другие ценители женской красоты обратили внимание на рубенсовские формы Гражданки, напомнившие им, особенно снизу, чуть ли не фигуру Катерины-императрицы; третьи, наоборот, наблюдали макаронную курсистку, с зажженной цыгаркой оседлавшую бензовоз; четвертые, пятые и шестые вообще двух слов связать не могли и восторгались так:

- Гля!..
- Фря!..
- Тля!..
- Бля!..

В общем, все воспринимали Гражданку по-разному, и каждый по-своему.

А чеховскому телеграфисту даже примерещилась восставшая из небытия Венера Горячая, промелькнувшая однажды перед ним в освещенном окне вечернего транссибирского экспресса «Москва-Воронеж» на маленькой станции Борщаговка, и от избытка переполнивших его чувств телеграфист застрелился прямо в толпе из дуэльного пушкинского пистолета. (Кстати, именно этот выстрел из украденного с дешевой распродажи неудачливого пистолета положил начало гражданской войне, а не холостяцкий залп с броненосца «Потемкина», как это безответственно утверждает «Краткий курс ТАКОЙ партии».)

Параграф 26 НАБЛЮДЕНИЯ ОТ ЦАРЯ-ФОНАРЯ

Услышав выстрел и унюхав запах крови, тут же взялись друг друга угощать — брат пошел на брата, сват — на свата, товарищи — на товарищей. И понеслось полноводьем народное течение. Ты ему:

— Товарищ!

Он тебе:

— Какой я тебе товарищ?

И в рыло.

Таким вот Макаром.

Видя такое дело, Соцреализм залез на фонарь (литой, чугушный такой Царь-Фонарь с канделябрами и завитушками торчал у входа в ЦУМ со времен Иоанна Грозного — его потом перенесли на дачу Нацмена у озера Рица перед исторической встречей с херманским рельсканцлером Гиддлером;

фонарь, о котором Искандер с Огаревым однажды крылато произнесли: «В нашем царстве-государстве есть три реликвии: Царь-Пушка, которая никогда не стреляла, Царь-Колокол, который никогда не звонил, и Царь-Фонарь, который никогда не светил»), — так вот, залез богатырь-Соцреализм на Царь-Фонарь и с высоты наблюдает: кто чего делает, что говорит и о чем думает.

Видит: пока он лез на Фонарь, пропустил гранд-стриптиз: Гражданка разбросала свою одежду в толпу, обнаженная пляшет с факелом на бензовозе и кричит:

— Не замай! — кричит. — А то взорву!

А кругом, между прочим, исторические ценности: Янтарная комната, библиотека Ярослава Мудрого, гражданин Мишин и князь Пожарский о чем-то тихо беседуют.

— Опять пошли смутные времена, — поводит рукой гражданин Мишин.

— Пора уходить на Дон, к Каледину, — отвечает князь Пожарский.

Декаденты им снизу кричат:

«Подумаешь,
они
спасли
Расею!
А может,
лучше
было
не спасать?»

А тут еще невовремя Блока хоронят. Оказывается, умер Александр Блок. Принес домой мешок с селедкой, лег на диван и... помер. Ну, сожгли у него мужички библиотеку с усадьбой. Ну, сожгли. Хорошо это или плохо?.. Жалко, конечно, библиотеку, но нельзя же так расстраиваться!

Гайдар шагает впереди гроба, за ним — вся редакция «Мировой литературы» с бумажными венками и с мешками с селедкой, позади футуристы с водосточными трубами, играют поктюрны. Серега с Аськой Дункан поотстали, хлещут водку из чайника, а Владим Владимыч в желтой кофте с черной бабочкой громоподобно читает свое новое стихотворение, написанное своей знаменитой лесенкой, что по рублю за строчку:

«Вы
ушли,

как
говорится,
в мир
иной...»

— Какой-какой? — спрашивает его Серега.
— ИНОЙ,— отвечает Владим Владимыч.
Совсем как экономист Н. Ильин.

Параграф 27 НАД СВАЛКОЙ

Похороны похоронами, а голая Гражданка вовсе не шутит. Какой-то бывший жандармский офицер держится за сердце и по старорежимной привычке уговаривает гражданку:

— Христом-Богом прошу, уймитесь, Гражданка! Слезьте с факелом с люка бензовоза! Кругом исторические ценности, не считая людей!

Куда там! Гражданке-то что, она психованная. Она все повзывает и дальше поскачет.

Передние, которые чистенькие и живут в центре, прут от бензовоза подальше, во внутреннюю эмиграцию, а задние, с городских слободок и спальных массивов, напирают наоборот, вперед, к историческим ценностям. Типичная ситуация любой гражданской войны по экономисту Н. Ильину:

«Эти уже не хотят, а те еще не могут».

Свалка. Давка. Круговорот людей в природе.

Фельдшер кричит:

— Вся Власть Учредительному Собранию!

Ворье орет:

— Держи ворал

А само по карманам шмонает.

Депутаты объявили перерыв до вечернего заседания и бьют друг друга на Лобном месте.

Любо, братцы!

Морская пехота перекрыла бэтээрами все входы и выходы, обнажила саперные лопаты, никого с площади не выпускает и свое требует:

— Даешь этакую мать порядка!

А человек, пожелавший остаться неизвестным, вот что обо всем этом думает:

«Что-то я не расслышалъ — какую-какую мать? — думаетъ этотъ достойный человекъ.— Зачемъ я сюда пришелъ, дуракъ набитый? Сидель бы дома на диване, а еще лучше — совсемъ не появлялся на светъ. Да пошли они все къ этой самой матери со своей Гражданкой, Совместной Властью и Учредительнымъ Собраниемъ! Я,— думаетъ этотъ индивидуумъ,— я свободная личность во всехъ пяти измеренияхъ: въ длину, въ ширину, въ высоту, во времени и, главное, въ душе. Въ ихней дурацкой свалке я никакого участия не принимаю. Я — НАДЪ свалкой! И «ерь» я буду ставить, где захочу, какъ завещалъ Левъ Толстой. А букву «Е» — съ двумя точечками наверху, по Солженицыну. И никто меня не заставитъ! Я — НАДЪ СВАЛКОЙ! Захочу сейчасъ — и взлечу. Улягусь воиъ на томъ облаке, какъ на своемъ диване, подопру рукой подбородокъ, буду глядеть свысока на эту свалку и обдумывать больные вопросы современности, перечень которыхъ у меня всегда съ собой въ правомъ кармане».

Перечень больныхъ вопросовъ любой современности — это уже много. Но какъ только этотъ достойнейший обладатель перечня взлетел, чтобы улечься на облачке и сверху подумать надъ ответами, какъ только онъ оторвался отъ Земли и не спеша сталъ подниматься надъ свалкой, какъ снизу его грубо схватили за ноги и заорали:

— Стой! Куда?!

— Ты кто?! Документы!

За левую ногу его держалъ красный, какъ помидор, сотрудникъ Энкавэдэ, за правую — белый, какъ мел, офицеръ деникинской контрразведки. Гражданинъ рвался въ небо, но его поставили на булыжную мостовую и задали самый-самый-самый большой вопросъ современности:

— Ты за кого?

Летающий гражданинъ хотелъ было спокойно объяснить, что онъ собрался произвести первый въ мире полетъ человека по воздуху безъ летательного аппарата, что онъ свободенъ во всехъ пяти измеренияхъ, что ОНЪ — НАДЪ СВАЛКОЙ, что полетъ — это его естественное состояние... Но неожиданно для себя онъ вдругъ затрепыхался, замахал, какъ птица, руками и закричал:

— Да пошли вы все къ этой матери!

И его съ двухъ сторонъ за такой ответъ какъ держали за ноги, такъ и разорвали на две части, какъ вареного цыпленка.

Но вопросы остались.

Параграфъ 28
ПЕРЕЧЕНЬ Сорока двухъ больныхъ
вопросовъ современности,
обнаруженный въ правомъ кармане
неизвестного летающего человека

1. КТО ПРАВЪ?
2. КТО ВИНОВАТЬ?
3. ДОКОЛЕ? Вариантъ: ДО КАКИХЪ ПОРЪ?
4. ЧЕГО ТЕБЕ НАДО? (Въ ответъ сразу проси чего-нибудь. *Примечания Летающего Человека.*)
5. КАМО ГРЯДЕШИ?
6. ШТО ДЕЛАТЬ?
7. ЧТО ЖЪ ЭТО ДЕЛАЕТСЯ, ГРАЖДАНЕ? (Этотъ вопросъ задается съ вытаращенными глазами и разведенными пошире руками. Не путать съ вопросомъ «Што делать?».)
8. КТО ТАМЪ? (Возможные ответы: «Полиция!», «Дворникъ!», «Эпикавэдэ!».)
9. ОЙ, А КТО КЪ НАМЪ ПРИШЕЛЪ? (Не путать съ вопросомъ «Кто тамъ?».)
10. ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ? (На то и напоролись, понятно.)
11. КАКЪ ДАЛЬШЕ ЖИТЬ?
12. ЧТО ЗАВТРА КУШАТЬ БУДЕМЪ?
13. ВЕРУЕШЬ?
14. КУДА ПРЕШЬ?
15. ТРЕТЬИМЪ БУДЕШЬ? (Хороший, добрый вопросъ. Отвечать надобно уважительно: «Я бъ съ удовольствиемъ, но...».)
16. ЧТО СЪ НАМИ ПРОИСХОДИТЬ?
17. КТО КРАЙНИЙ? Вариантъ: КТО ПОСЛЕДНИЙ? (Дождавшись ответа, надобно сказать: «Я за вами».)
18. А ТЫ ЗАПИСАЛСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМЪ?
19. ТЫ ЗА КОГО? (Очень большой вопросъ.)
20. ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ЗЕМЛЯ РУССКАЯ?
21. КУДА ЖЪ НАМЪ ПЛЫТЬ?
22. НЕТЬ ЛИ РОДСТВЕННИКОВЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ?
23. СТОЙ, КТО ИДЕТЬ? (Быстро говори пароль — если знаешь.)
24. А НЕ ЕВРЕЙ ЛИ ВЫ? (Вспомнить тамъ же: «Почему нетъ въ продаже подсолнечного масла?».)
25. ЗАЧЕМЪ ПРИШЛИ МЫ ВЪ ЭТОТЪ МИРЪ?
26. ЗА ЧТО?

27. ТЫ КТО ТАКОЙ? (На этот вопрос отвечают этим же вопросом: «А ТЫ КТО ТАКОЙ?»)

28. КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

29. ПОЧЕМЪ ПУДЪ СОЛИ? Вариант: ПОЧЕМЪ ФУНТЬ ЛИХА?

30. КАКЪ НАМЪ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАБКРИНЪ?

31. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

32. СЪ КЕМЪ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?

33. КТО ВЫ, ДОКТОРЪ ЗОРГЕ?

34. И КУДА ВСЕ ПОДЕВАЛОСЬ? (Сравни: «Что жь это делается, граждане?»)

35. КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО?

36. КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

37. КТО НАПИСАЛЪ РОМАНЪ «ТИХИЙ ДОНЪ»?

38. ПОЧЕМУ ВЫМЕРЛИ ДИНОЗАВРЫ?

39. КТО СОЧИНЯЕТЪ АНЕКДОТЫ?

40. КАКЪ НАМЪ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?

41. НУ, И ЧТО ДАЛЬШЕ?

42. Самый придурковатый вопрос: А ЧТО ХОТЕЛЪ СКАЗАТЬ АВТОРЪ ЭТИМЪ СВОИМЪ ПРОИЗВЕДЕНИЕМЪ?

Параграф 29

ОДИН ОТВЕТ НА ВСЕ БОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Столько больных вопросов, что даже Лев Николаевич на пару с Александром Исаичем не разгребут. Где уж этой психованной Гражданке. Ответов много, а ответ на все вопросы подавай один, чтобы все понимали. Кто этот ответ ответит, тот и козырный туз. Но никто отвечать не хочет, все только спрашивают, а бывшие псы-сатрапы таинственно молчат и ботинками качают.

Тогда за дело берется Гражданка. Вместо ответа она из пулемета «Максим» начинает приводить всех к общему знаменателю и складывать в штабеля, но толпа все прибывает и прибывает, и девятый вал толпы еще даже не наступил, всех не сразу перестреляешь — народу у нас завсегда много водится, плюс приезжие, плюс иностранцы, плюс лица неопределенной национальности. И все, конечно, сразу бегут к ЦУМу, к ГУМу, к «Детскому миру» и спрашивают:

— Что дают?

Вот и еще один больной вопрос, не учтенный в перечне Летающего Человека:

ЧТО ДАЮТЪ?

А вот и ответ:

ПУЛЮ ВЪ ЛОБЪ.

Параграф 30 ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Кровавая жатва продолжается полным ходом, похоронных комбайнов не хватает. Беспризорники почуют в котлах, генералы на белых конях рубят толпу в капусту. Национальный вопрос стоит на ребре и не падает — стреляют всех, кто под руку подвернулся: полян и древлян, чудь и мерь, мордву и чухонцев, негров и китайцев из Интернациональной бригады, цыган и армян, татаров и монголов, но прежде всего, конечно, лиц неопределенной национальности, хотя тех уже и не видно — уехали? попрятались? ассимилировались?

Вопросы, вопросы...

Но некогда разбирать — бей всех, кто от Агдама и Евы! Кровь всех цветов и оттенков течет вдоль кремлевской стены и по трубопроводу уходит в Каспийское море. Прилетает на «Фармане» герр Уэллс, садит свою этажерку прямо на Красной площади и пробирается между трупами на прием к кремлевскому мечтателю, брезгливо хлюпая ботинками в лужах крови. Что же он видит? Кругом разруха, на запасном пути обглоданный скелет бронепоезда, фабрики разворованы, земля утрамбована, продовольственные склады разграблены, дрова не подвезены, кругом стрельба, обыватель хмур.

У дверей с табличкой «Кремлевский мечтатель» стоит с саблей наголо шофер Гулько Макар Егорьевич — тот самый, стукнутый псами-сатрапами наганом по голове, с тех пор он что-то не в себе.

— Ты кто? — спрашивает Макар Егорьевич, награжденный за тот давнишний подвиг позолоченной именшой саблей, и слышит в ответ:

— Герр Уэллс, основоположник научной фантастики.

— Ага. Есть такой. Пропуск выписано, заходите, — салютует саблей шофер Гулько.

Заходит.

Встречает герра Уэллса очень простой человек — галстук, пиджачок, ботиночки, пальтецо, зато на громаднейшей голове — кепка 68-го размера, с громаднейшей пуговицей.

— Что скажете? — спрашивает его кремлевский мечтатель, он же экономист Н. Ильин.

— Россия,— по-английски говорит герр Уэллс, снимая буржуйский котелок,— во мгле! А Максимилиян Горькин на острове Капри, как последний босяк, ходит в одном костюме и в тубетейке и плачет. И люди у вас какие-то хмурые! Хоть бы один улыбнулся.

— Это очень плохо,— по-английски же отвечает кремлевский мечтатель (он все языки знал!).— Ну, пичего, пичего! Приезжайте к нам через десять лет, непременно приезжайте! И тогда сами все увидите!

Вот у кого на все есть ответ:

— Приезжайте к нам через десять лет! А лучше всего — через двадцать! — отвечает экономист Н. Ильин, но секретные карты профессора Карла Фридриксонна пока не раскрывает.— Нет, вы точно скажите: приедете или нет? Я вам новый пропуск выпишу, буду ждать!

— Хорошо, приеду, посмотрю.

А кремлевский мечтатель провожает писателя-фантаста до дверей и думает так:

«Через двадцать лет или ишак сдохнет или герр Уэллс помрет».

Параграф 31 СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

В общем, царевала эта Гражданка три дня, три месяца и три года, и народу от ее красного маникюра полегло столько, что никакому Чудищу Лаяйющему в кошмарном сне не приснится. А если считать и перодившихся — то умножай на два.

Устал, измучился народ.

— Кончать,— говорит,— надо эту Гражданку. А то живого народа вообще не останется. Серпом по молоту! И штык в землю!

Поумнел, значит, народ.

Видя такое всеобщее к себе уважение, Гражданка без боя перешла бывшую государственную границу и поскакала в Херманию к рельсканцлеру Гнидлеру за подмогой, но тот как раз занимался аншлюссом с Австрией, поэтому: «Извините, мадам, как-нибудь в другой раз».

Тогда Гражданка приклеила усы-колечком, надела соломенное сомбреро и отправилась пароходом в Мексику экс-

портировать революцию и наводить порядок среди тамошних кактусов. С тех пор носит эту бессмертную гражданку по белу свету до сего дня. Верная примета — там, где свои начинают бить своих, там, значит, объявилась Гражданка в одном кирзовом сапоге и с оливковой веткой в руке.

А народ — штык в землю и разбежался по хатам, подвалам да по коммунальным квартирам. Раненного Соцреализма, упавшего с Царя-Фонаря, отнесли в кремлевскую больничку, как внебрачного сына самого Максимилиана Горькина, — отнесли и разбежались. Устал народ. Надоело народу вопросы спрашивать — что да почему. Так устал народ, что надоело без работы болтаться. Занялся народ своим делом — сеет да пашет, точит да сверлит, торгует да лечит, а кто ничего не умеет, тот так живет, бизнес делает. В перерывах же от трудов пляшут и пьют вошную буряковку в нарушение декрета о самогонварении.

Параграф 32 **ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ,** **или** **СКОЛЬКО ЖЕ ВСЕ ЖЕ ПОЛЕГЛО НАРОДУ?**

В официально-национальной последовательности:
РУССКИХ: около (статистика закрыта) миллионов человек.
УКРАИНЦЕВ: приблизительно (—) миллионов человек.
БЕЛОРУССОВ: порядка (—) миллионов человек.
УЗБЕКОВ: более (—) миллионов человек.
КАЗАХОВ: примерно (—) миллионов человек.
ГРУЗИН: почти (—) миллионов человек.
АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ: (—) с лишним миллионов человек.
ЛИТОВЦЕВ: ориентировочно (—) миллионов человек.
МОЛДАВАН: по непроверенным данным (—) миллионов человек.

ЛАТЫШЕЙ: круглым счетом (—) миллионов человек.
КИРГИЗОВ: что-то (—) миллионов человек.
ТАДЖИКОВ: где-то (—) миллионов человек.
АРМЯН: в общем (—) миллионов человек.
ТУРКМЕН: не менее (—) миллионов человек.
ЭСТОНЦЕВ: этак (—) миллионов человек.
РАЗНЫХ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ (с лицами неопределенной национальности): в общем и целом погибло столько, что не поддается исчислению.

ИТОГО: погибла плюс—минус ПОЛОВИНА НАСЕЛЕНИЯ (или около этого).

Народу осталось: ЕЩЕ ДОСТАТОЧНО.

Глава 3

ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО, или ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВМЕСТНОЙ ВЛАСТИ

Параграф 33

ГВОЗДИ БЫ ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ

С тех пор твердо воцарилась на Всея-Руси Совместная Власть. Трон продали в Херманию за валюту, мономахову шапку-ушанку тоже хотели было продать в Хрепландию, но передумали и водрузили ее вместо кепки на голову экономиста Н. Ильина, а кепку шоферу Гулько отдали, Макару Егорьевичу. Уселся, значит, экономист Н. Ильин на простом гнутом стуле в кремлевских палатах вместо Чудища Обла, сидит с красным бантом в петлице и с самыми лучшими побуждениями — чтобы всем было хорошо через десять лет.

В крайнем случае, через двадцать, когда герр Уэллс пожалует с повторной ревизией. Нынешнее поколение совместных людей будет жить лучше всех — приезжайте к нам, все сами увидите.

Сидит. Мечтает. Поставил под стул кожаный двойной чемодан с тремя секретными картами профессора Карла Фридрихсона, никому не показывает. Вокруг Кремлевского Мечтателя за круглым столом сидят Народные Совместители в составе двенадцати человек, а за ними еще двенадцать стоят с совещательными голосами.

«Если б
не было
в мире
гвоздей,
гвозди
бы
делать
из
этих
людей», —

сказал бы о них Владим Владимыч, лучший поэт Совместной Эпохи, если бы написал эти строки.

— Не знаю, как там насчет поэзии, а насчет политики это совершенно правильно! — ответил бы ему экономист Н. Ильин на страницах «Правды», если бы прочитал эту лесенку.

Параграф 34 ОБОГАЩАЙТЕСЬ!

Сидят.

Заседают.

Котелки варят.

Государственную думу думают.

Решают повестку дня:

«ЧТО ДЕЛАТЬ С НАРОДОМ?»

Докладывает академик Крыж-Аповский:

— Попрыгался народ по хатам, подвалам да по коммунальным квартирам, в себя ушел. Сидит народ в темноте, при лучине, все под себя гребет, веселится и ликует, на Совместную Власть кладет с прибором. На нас с вами, значит, — докладывает академик, которого еще Чудище в шею гнало, да не догнало. — В гробу народ видел Совместную Власть и ее Народных Совместителей. Взгляните на товарища Степашка, совместителя здравоохранения, — от голода то и дело в обморок падает... Вот, опять упал! Совместитель просвящения товарищ Луначальский так исхудал, что пенсне с носа спадает. Комендант Кремля Понч-Пруевич с хлеба на кипяток перебивается. Как дальше жить? Дальше так жить нельзя. Свое здоровье надо беречь.

— Что вы конкретно предлагаете насчет здоровья Народных Совместителей? — с кавказским акцентом спрашивает Чудесный Нацмен, замещающий экономиста Н. Ильина, когда тот гриппует.

— Повесить совместные пайки. Даешь хлеб, чай, сахар, масло, молоко, мясо, рыбу, овощи, фрукты и яйца!

— Принято! Теперь ставлю вопрос ребром: ЧТО БУДЕМ ДЕЛАТЬ С НАРОДОМ?

— Как? Не расслышал...

— С народом, спрашиваю, что делать? Не слушается!

— В Чека его! — предлагает Зализный Феникс.

— На Соловки его! — волнуются совместители.

Одни советуют так, другие — этак. Третьи одно предлагают, четвертые — другое. А тут еще Рыгов с Бухаевым заладили, как попугаи:

— Обогащайтесь, обогащайтесь, обогащайтесь!

— Это зачем? — удивляется военмор Бронштейн.

— Пускай народ обогатится, а потом мы его грабанем! — объясняют Рыгов с Бухаевым.

— Нет! Ни в коем случае! — возражает Чудесный Нацмен.— Сначала мы его грабанем, а потом пускай обогащается. А потом мы его опять грабанем.

Распри, дискуссии...

Кто прав — непонятно. Власть-то Совместная. Концов не найдешь.

Таким вот Макаром.

А экономист Н. Ильин хитро на всех посматривает, но карты Карла Фридрихсона пока не раскрывает.

Параграф 35 ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Приплывает на «Челюскине» лауреат Шнобелевской премии Фриц Нонсенс, известнейший хренландский полярник (вроде нашего Папанова, но не такой толстый), и говорит:

— Да у вас же тут голодающие Поволжья! — хватается за голову этот разный и прочий швед.— Как же так?!

— Неурожай у нас,— скорбно объясняет экономист Н. Ильин.— Зона рискованного земледелия. Идемте в буфет... Вот, извольте посмотреть, сами перебиваемся с черного хлеба на морковный кофе. Совок Степашка в обморок падает — вот, лежит. У Горькина осталась одна тибетейка. Угощайтесь, чем богаты — кружка пива, грибки соленые... Не бойтесь, не отравленные. Нам пужны хлеб, чай, сахар, масло, молоко, мясо, рыба, овощи, фрукты и яйца. Вот список. Деликатесов нам не надо, не время сейчас для деликатесов. Омаров и устриц будем при коммунизме есть.

— Значит, пужно вводить новую экономическую политику! — горячится Фриц Нонсенс, пряча список в портфель.

— Плюс электрификацию всей страны! — добавляет экономист Н. Ильин.— Приезжайте к нам через двадцать лет... А лучше через тридцать. Сами увидите — нынешнее поколение совместных людей будет жить при электрификации.

Уплыл удрученный Фриц Нонсенс на ледоколе «Челюскине», попал во льды и затонул, но продовольствие по списку прислать успел.

Только народ это продовольствие и видел.

Параграф 36 **ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ,** **А ТАМ ХОТЬ ТРАВА НЕ РАСТИ**

Никак не могут найти Народные Совместители всеобщий всенародный знаменатель. Не до народа им, международное положение не тово, рельскапцлер Гнидлер воду баламутит — глядя в оба, чтобы самим не слететь.

А народ все хуже живет и хуже. Хужее даже, чем при Чудище Лайяющем.

— При Чудище еще ничего жилось,— вспоминает народ.— Хорошо жилось-то при Чудище! Кур держали, коров, калачи по воскресеньям кушали. Уговор был такой: ты эту Чудищу пой-корми, и она к тебе с пониманием. Спору нет, на шее народной она сидела — на то она и Чудища Лайяющая, чтобы на шее сидеть. И девицами не гнушалась. Бывало, завалится на почь в деревню, а утром в Зимнем Логове императрица посуду бьет: явились не запылились, Ваше Кобелиное Величество! Ска-андал! Оно конечно: и псов-сатрапов пой-корми, и лошадям ихним овса давай... Зато имели к народу культурное обхождение. Приедут, всех облаяют, девиц попортят, заберут не более того, что им надобно, мужикам высыплют розги по первое число, и живи себе до очередного первого числа. Культурно все. И девицы совсем не против.

Совсем устал народ. Историю свою забывать стал — как жилось-то хорошо при Царе-Горохе. Тогда хоть горох был, а тут — Царь-Голод!

— Ладно,— смекает народ.— Мы люди простые, не гордые. Надо идти кланяться. Лишь бы не было войны. А то опять Гражданка пожалует.

Параграф 37 **ХОДОКИ**

Избрал народ депутатов — у кого спина гнучая, тому поклоны бить.

Выпал тяжкий жребий Ивану, Петру да Сидору Аверьянычу, старосте села Грязные Лужи. Придели ходоков побед-

нее — лапти-шмапти, онучи-вонючи, рваные зипуны да треухи, пришли через всю страну в субботу утром к Спасской башне Кремля, глядят и видят: на макушке вместо двуглавого орла звезда о пяти рогах красным огнем горит. Слышат: куранты «Интернационал» бьют: «Вставай, мол, проклятый! Подъем! На субботник пора!» Кремлевские курсанты, как заводные куклы, по площади маршируют с винтовками со штыками, ноги выше крыши задирают, как при Николае Палкине (крутой был царюга, а вишь, помогал Пушкину стихи писать: «Бориса Годунова», — говорит, — ты мне, Пушкин, подправь к понедельнику. Вот тут и тут... И кощовку переделай. Что это у тебя «веселится и ликует весь народ»? С чего бы это ему веселиться? Народ пусть безмолвствует. Понял, да?»).

А тут еще бабы с тряпками, задрав подолаы, кровь человеческую с мостовой отмывают после гражданской войны. Субботник полным ходом идет... В общем, записались ходоки у шофера Гулько Макара Егорьевича, который на часах стоял в столь ранний час, на прием к экономисту Н. Ильину.

Видят: отказа нет. Не орет на них личный шофер экономиста: «Куда прешь, дурак?»

Хороший признак. Переглянулись ходоки. Перекрестились на рубиновую звезду.

Вошли.

Параграф 38 ЧАЙНИК СО СВИСТКОМ

Не успели еще ходоки в ножки бухнуться, а экономист Н. Ильин выбегает из-за письменного стола, где диктует Нессе Армаггедон «Очередные задачи Совместной Власти», и очень любезно спрашивает:

— Зачем пожаловали, мужички? Присаживайтесь. Сейчас кипяточку принесут, будем чай пить.

Очень уж экономист Н. Ильин чай любил, не мог уже без чифира жить. Если едет куда-нибудь на фронт — за ним чайник везут в бронепоезде.

Уселись Иван, Петро да Сидор Аверьяныч, староста Грязных Луж, в мягкие кресла с крахмальными паволочками. Придворный кремлевский художник Бродский уже тут как тут со своей палитрой — краски размешивает, полотно на подрамник натягивает. А Неська Армаггедон, подружка экономиста

Н. Ильина, вносит чайник с кипятком, а чайник не простой — со свистком. Чайник кипит — свисток свистит!

От такого благородного обхождения совсем распарились ходоки. Так бы всю жизнь и сидели в креслах. Опять переглядываются: чудно, за людей их здесь принимают, что ли? Да еще расспрашивают:

— А что вы, мужички, думаете о Брестском похабном мире? А о Карибском непечатном кризисе каково ваше мнение? Говорите правду, не бойтесь.

Каково?!

И бабенка у кремлевского мечтателя ничево, вот только фамилия страшненькая. Чай в блюдцах разносит, с баранками, в мужской разговор не встретит, свое место знает. Потеряли ходоки бдительность, стали резать правду-матку в глаза:

— Оно-то, конечно, так... — режет Иван на столе шмат сала. — И не иначе.

— А как? — интересуется экономист Н. Ильин. — Как вы оцениваете очередной виток спирали гонки вооружений?

— Ежели так, то пожалуйста, — ломает Петро белый хлеб ломтями.

— А как именно? — уточняет экономист Н. Ильин.

— Стоп, мужики, — достает Сидор Аверьяныч зеленый штоф с буряковкой. — Дайте я скажу.

— А мы вас внимательно слушаем, — принохивается к штофу экономист Н. Ильин.

Параграф 39

ХИЖИНЫ — ДВОРЦАМ, ДВОРЦЫ — ХИЖИНАМ

— Надоело! — говорит Сидор Аверьяныч, староста Грязных Луж. — Устал народ хуже, чем при Чудище Лаяйющем. Спасу нет от твоего Чудесного Нацмена. Ух и грозный Нацмен, хуже Демона Революции! Всех достал! Продразверсткой заел, в колхозы загнал, пятилеткой в четыре года забодал. Национальный вопрос на ребро поставил и укатал, как асфальтный каток. Совсем ухайдокал христианское население. А ты, видать, добрый и ничево о том не знаешь. И бабенка твоя ничево, с библейской фамилией. Не еврейка ли, случайно?.. Ну да ничево. А ты сам, случайно, не тово... А хоть бы и так — ничаво. Ты — экономист, она — экономка. Естество требует. Ничаво. Шведы нами володели, да не выволодели. Татары

правили, да не выправили. Поляки руководили, да не выруководили. Немцы царевали, да не выцаревали. Властуй над нами, лобастый. Твоя взяла, твой черед пришел. Будешь у нас за Стеньку Разина, вождем мирового пролетариата и беднейшего христианства. Как же без Стеньки?.. Но так, чтобы без дураков! Чтоб земля — христианам, фабрики — рабочим, а дворцы — хижинам, как обещал. И чтоб лампочка Ильича в каждой хате, чтоб ночью «Правду» читать. А за это будут тебе от нас всякие льготы. Мы тебя поить и кормить будем, и экономку твою, и шофера твоего, и всех твоих совместителей поить и кормить будем. Хлеб, масло, мясо и яйца — предоставим по списку. А уж чай — сам покупай в Китае. Договорились?

— Пожалуй, договорились,— раздумчиво отвечает экономист Н. Ильин.

— И девиц петропущих, коль надо, будем поставлять в твой Совместный Комитет в разумной потребности,— совсем расщедрились ходоки.— По рукам?

— По рукам!

И как экономист Н. Ильин ни отказывался — мол, «не пью, пи-пи, врачи запретили!» — распили с ним ходоки по стакану вошпучей буряковки, заели хлебом с салом, и художника Бродского угостили, и Нессю Армаггедон по спине похлопали. Проводила она ходоков до порога, фыркнула им вслед, как кобыла, а опьяневший Кремлевский Мечтатель вызвал на ковер Чудесного Нацмена, чтобы задать ему перцу.

Параграф 40

ТЕМ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ЭТОЙ ПУБЛИКИ

Входит Чудесный Нацмен.

— Жалуются на вас ходоки из Грязных Луж! — строго говорит экономист Н. Ильин.

— Ишь ты, какие! — удивляется Нацмен.

— Сделаем так...— строжайше приказывает экономист Н. Ильин.— Грязные Лужи переименуем в Красные. А штатному палачу передайте: ходоков этих, не медля ни минутки, привести к общему знаменателю и захоронить в кремлевской стене за нарушение запрещения самогонварения. Все имущество — экспроприировать. Никакие они не ходоки, а мироеды-кровососы. Чем больше мы расстреляем этой публики, тем лучше для этой публики. А я пойду на субботник бревна таскать.

Что и было незамедлительно исполнено: не успели Иван, Петро и Сидор Аверьяныч, староста Красных Луж, выйти из Боровицких ворот, как были приведены кремлевскими кур-сантами к общему знаменателю у кремлевской стены вместе с подвергнувшимся под руку штатным палачом Леонардом Андреевым. Родного дядюшку Соцреализма шлепнули за то, что тот опять напился и распустил сопли:

— Не могу! — кричал Леонард Андреев на Лобном месте. — Не могу расстреливать живых людей, душа не позволяет! Дашь электрический стул! Душа требует гуманизации смер-тной казни!

— Требуется? — переспросил кремлевский латышский стре-лок, плохо понимавший язык межнационального общения. — Если требует, значит, получай. Сам попросился.

Параграф 41 С ВЕЩАМИ НА ВЫХОД!

На следующий день стало экономисту Н. Ильину очень плохо — то ли от ходоковской вошочей буряковки, то ли от тягания бревна на всесоюзном субботнике, то ли еще от чего. Рвота, понос, конечности отнимаются, даже чифир не по-мощает. Шофер Гулько Макар Егорьевич с ног сбилсЯ гонять в автомобиле в аптеку за лекарствами.

Неважные дела, прямо скажем, дела, не бережем мы свое здоровье.

Хорошо. Взял экономист Н. Ильин очередной профсоюз-ный отпуск и отправился с личным шофером Гулько Мака-ром Егорьевичем в автомобиле на остров Капри к Макси-мильяну Горькину подлечиться на этом средиземноморском курорте. Приплыл он, значит, на Капри и начал вроде бы вы-здоровливать, но черт его дернул сыграть партию в шахматы с другом Горькина, французским гуманистом Ролан Романом. Зевнул экономист детский мат в три хода, и стало ему совсем нехорошо, хотя в шахматы он играл неплохо. Пришла, значит, пора, и медицина умыла руки. Собрался экономист Н. Ильин помирать. С вещами, значит, на выход.

Стал он в последний раз собирать в дальнюю дорогу свой знаменитый кожаный чемоданчик с двойным дном, тайну которого псы-сатрапы так и не раскрыли. Да и как раскроешь: сверху там бельишко, электробритва, мыло и бутерброды, — а

под ними чего только нет! Все музейные экспонаты: и первый пожелтевший номер газеты «Правда», и любимая книга «Что делать?», и групповая фотография юных революционеров из кружка «За освобождение рабочего класса от люмпен-пролетариата», и множество всякого личного милого хлама, который таскаешь за собой всю жизнь — и съесть нельзя, и выбросить жалко. Но главная тайна — в самом низу на втором дне: три секретные карты профессора Карла Фридрихсона.

Параграф 42 ДВОЕ ВО ФРЕНЧАХ НА ДРУЖЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ

— А где же тот Чудесный Нацмен? Совсем с памятью плохо стало, опять позабыл фамилию,— жалуется экономист Н. Ильин своему шоферу Гулько Макару Егорьевичу, которого после безвременной кончины Несси Армагеддон назначили по совместительству сестрой милосердия для Кремлевского Мечтателя.— Пусть приедет на Капри попрощаться и пусть привезет яду хорошего, чтоб мне не мучиться. А я ему за это по секрету три слова скажу.

Хорошо. Последнее желание покойного — закон для подчиненных. Шофер Гулько, которого звали Макар Егорьевич, смахнул скупую мужскую слезу и отправился с докладом к Максимилиану Горькину. Тот сразу же начал плакать и звонить по вертушке в Москву, в орготдел ТАКОЙ партии. В Кремле — полный переполох. Остров Капри — это не в Ялту съездить. Задача!.. Не вдаваясь в подробности: Чудесному Нацмену выписывается партийная зарубежная командировка, выдается фальшивый паспорт на имя швейцарского социал-демократа Мануэля Диас Рамиреса, и он разными потайными ходами и конспиративными путями отправляется через охваченную пламенем мировой войны Европу на остров Капри с двухсотграммовой баночкой цианистого калия.

Кое-как добрался.

Кругом пальмы, маслины, кипарисы... В последний раз сфотографировались верные друзья под старой оливой на историческую фотографию — Чудесный Нацмен в белом френче, Кремлевский Мечтатель во френче цвета хаки,— и передал экономист Н. Ильин из рук в руки свое знаменитое завещание в виде тайного письма к ТАКОМУ-ТО съезду ТАКОЙ партии.

Параграф 43

ТРИ ЦИТАТЫ ИЗ ПИСЬМА К СЪЕЗДУ

Начало 1-й цитаты:

«Нас мало,— пишет экономист Н. Ильин,— но мы в тельняшках. Мы составляем очень тонкий слой среди громаднейшего населения этой страны. Плохо дело. Даже не знаю, куда мы влезли, что будет дальше, и как нам расхлебать эту кашу. Нам нужно в корне изменить нашу точку зрения на социализм. Наденьте очки, товарищи! В ТАКУЮ партию пролазят всякие посторонние людишки. Откуда они взялись?! Так и лезут, пролазы! Ненавижу! Гнилая вшивая интеллигенция лезет, либеральная буржуазия, мелкие кустари, бывшие дворяне, холопы, лакеи, проститутки, ворье, жулье и хулиганье, люмпен-пролетариат и всякие мещанские рыла так и прут! К нашей правящей ТАКОЙ партии примазываются серые обыватели, дремучие аборигены-землепашцы с мелкобуржуазной психологией и прочая публика. Где они раньше были?.. В 905-м году при княгине Ольге их в ТАКУЮ партию на аркане не могли затащить, а сейчас так и прут на готовенькое! Предвижу времена, когда в ТАКУЮ партию запишется все население этой страны, и наша партия из ТАКОЙ превратится в РАСТАКУЮ, как невинная девица в раздолбанную шлюху».

Конец 1-й цитаты.

Начало 2-й цитаты:

«В чем наше спасение? — спрашивает умирающий на Капри экономист Н. Ильин. И сам же отвечает: — В новом арифметическом мышлении. Нам надо немедленно научиться приводить всех к общему знаменателю. Всех, невзирая на лица! Чем больше народу будет приведено к общему знаменателю, тем лучше они запомнят. Это с одной стороны,— пишет экономист Н. Ильин.— С другой стороны: не очень-то мне нравятся исторически-сложившиеся дружеские отношения в нашем Совместном Комитете. Пусть товарищи на меня не обижаются, но эти отношения находятся на уровне прежней лакейской или нынешней коммунальной кухни, где любая смазливая кухарка поверила, что может управлять государством. Драть ее надо, дуру! А вы чем занимаетесь, товарищи?.. Вчера Чудесный Нацмен плюнул в борщ Демону Революции, а сегодня Демон Революции подбросил под дверь Чудесного Нацмена дохлую крысу».

Все это, конечно, мелочи по сравнению с мировой революцией, но это такие мелочи, которые в будущем могут иметь решающее значение. Далее. Товарищ Бухаев, являясь всеобщим любимцем ТАКОЙ партии и просто порядочным человеком (а порядочный человек сегодня — атавизм и реликт), не вполне обучен грамоте. В слове «эмпириокритицизм» он делает сразу 7 (семь!) орфографических ошибок: «империякрецитисм»!.. Каково?! Не знаю даже, закончил ли он гимназию,— а безграмотный человек, как известно, стоит вне политики.

Теперь о Знаменеве с Киповьевым. Эта неразлучная парочка не случайный эпизод устроила в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое. Я все помню! Нам надо в три... нет, в пять, в десять раз увеличить Совместный Комитет за счет рабочих от станка. Спрашиваете, а кто же будет стоять у станка? За станки поставить беднейших крестьян от сохи. А кто будет землю пахать? А интеллигентская прослойка у нас на что? Вот тогда мы и будем застрахованы от всяких случайностей».

Конец 2-й цитаты.

Начало 3-й цитаты, самой важной и самой загадочной из рукописного наследия экономиста Н. Ильина:

«ВАЖНЕЙШИМ ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ ДЛЯ НАС ЯВЛЯЕТСЯ КИНО, ПОЭТОМУ НАМ НУЖЕН СТРОЙ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ КИНООПЕРАТОРОВ».

Конец 3-й цитаты.

Параграф 44 АЛГЕБРА РЕВОЛЮЦИИ

— Это понятно, это арифметика,— немного разочарованно сказал Чудесный Нацмен.— Хотелось бы заглянуть в козырные карты профессора Фридрихсона.

— Правильно, голубчик! — усмехнулся экономист Н. Ильин.— Сейчас мы займемся алгеброй революции. Достаньте из-под кровати двойной чемоданчик. Откройте первую козырную карту... Какая первая карта?

— Трефовая дама.

— Запомните слово: ВРАТЬ. Вторая?

— Трефовый король.

— ВРАТЬ В КВАДРАТЕ. Третья?

— Трефовый туз.

— ВРАТЬ В КУБЕ. Теперь запомните алгебраическую формулу: «ВРАТЬ плюс ВРАТЬ В КВАДРАТЕ плюс ВРАТЬ В КУБЕ постоянным образом и в высшей степени». Повторите!

— «ВРАТЬ плюс ВРАТЬ В КВАДРАТЕ плюс ВРАТЬ В КУБЕ»,— клятвенно повторил Чудесный Нацмен у постели умирающего Кремлевского Мечтателя, но вид у Нацмена остался немного разочарованным.

— Ну и, конечно, приводить всех к общему знаменателю,— успокоил наследника экономист Н. Ильин и улыбнулся как-то по-детски.— Учитесь говорить то, что должно быть, а не то, что есть. Любую чепуху. Например: «Жить стало лучше, жить стало веселей». А тех, кто не поверит,— сокращать. Если невеселый и хмурый идет по улице — значит, не верит. Такого сокращать на месте.

— Это хорошо, это правильно! — горячо согласился Чудесный Нацмен.— Вот только...

— Что? Не стесняйтесь, спрашивайте.

— Всех не пересокращаешь.

— Всех и не требуется. Но к этому надо стремиться. Чем больше народа мы сократим, тем больше будет хлеба, чая, масла, мяса и молока на душу населения. Логично? Представляете, какая наступит распрекрасная жизнь? Мы увидим небо в алмазах!.. Вообще, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, а сегодня гладить по головкам никого нельзя — руку откусят. Надо было бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия пад людьми. Гм-гм,— должность адски трудная! Сейчас всех нужно приводить к общему знаменателю и сокращать дробью.

— Дробью? — переспросил Чудесный Нацмен.

— Ну, технологию сокращения я точно не знаю. Чем там у вас сокращают в подвалах Энкаведе? Пулями? А еще лучше — пулеметами! Так и передайте по цепи.

Параграф 45

ЕСЛИ ДРУГ НЕ СДАЕТСЯ

С этими словами экономист Н. Ильин попросил цианистого калия, разбавил его в цифире, мысленно перекрестился, выпил и безболезненно скончался на руках у Чудесного Нацмена, фамилию которого так и не вспомнил, а, может быть, никогда и не знал. Нацмен закрыл ему глаза двумя пятаками,

наматал себе на ус алгебраическую формулу, спрятал в рукав три козырные карты и секретно приказал медицинским светилам залечить до смерти пролетарского писателя Максимилиана Горькина, который, обливаясь слезами, случайно подслушал из-за портьеры тайну последней исповеди.

Что и было безукоризненно исполнено по всем гиппократовым правилам врачебной этики.

— Если друг не сдастся...— вздохнул Чудесный Нацмен.

Говорят, что в момент смерти Кремлевского Мечтателя со Спасской башни Кремля упала рубиновая звезда и раскололась на 12000 осколков, что над Туруханским Ханством взорвался тунгусский метеорит и сдвинул на полградуса в сторону земную ось, что все киты-толстолобики из Атлантики вошли в Средиземное море и три дня подряд пускали фонтаны у острова Капри, и что один престарелый негр из Северо-Американских Штатов вдруг ни с того ни с сего заговорил по-русски — всем этим слухам не очень-то нужно верить.

Параграф 46

КАК МЫ ЗДЕСЬ БЕЗ ВАС? КАК ВЫ ТАМ БЕЗ НАС?

Осиротела страна — не стало Кремлевского Мечтателя.

Горе-то, горе какое! Слезы, рыдания, вселенский плач пронесли по Всея-Руси. И опять вопросы, вопросы:

— КАК МЫ ЗДЕСЬ БЕЗ ВАС?

— КАК ВЫ ТАМ БЕЗ НАС?

На острове Капри итальянские рыбаки забальзамировали тело экономиста Н. Ильина благовопиями, положили в стеклянный гроб и отправили на броненосце «Потемкине» в Одессу. Зима выдалась такой лютой, что ледокол «Имени ТАКОГО-ТО съезда», ведомый шофером Гулько Макаром Егорьевичем, тревожными гудками прокладывал «Потемкину» путь по Черному морю, боясь налететь в тумане на айсберг, а тела турецких перебежчиков, спешивших на похороны из Стамбула в Одессу, вмерзали в лед. Даже Черное море промерзло до дна, но пародные массы выстроились через всю европейскую часть страны от Одессы до самого Мурманска, откуда на похороны не выпускали английские интервенты под командованием похожего на бульдога лорда Чертчилля, злейшего врага Совместной Власти, дай ему Бог здоровья! Он еще побывает во Всея-Руси, посмотрит еще в глаза караулу!

Тем временем в Одесской опере тело Кремлевского Мечтателя отпевали прыщавые тенора Лемешко, Козлов и Собинович, зато первый народный артист республики уплыл в европы за длинным рублем на эскадре из трех ледоколов — на первом ледоколе уплыли ученые и философы, на втором — юристы и медики, на третьем — художники и поэты. ВСЕГО: 98765 килограммов отборных мозгов. Оттуда никто уже не вернулся, все подверглись укусу ядовитейшей крапчатой постальгии, долго там мучились, лечились запоями на свои скудные Шнобелевские премии и в конце концов окончательно вымерли, исчезли с лица Земли, как юрские динозавры; а сегодня скелеты бердяевых, бушковых и сикорских собирают по косточкам и выставляют в палеонтологических музеях.

Параграф 47 **ХОРОНИЛИ, ДА НЕДОПОХОРОНИЛИ**

Простоял стеклянный гроб в Одесской опере всю зиму с ноября по апрель. Тенора пели, караул устал, Владим Владимыч себя под Н. Ильиным чистил. 10 миллионов человек в этой лютой очередюге замерзли насмерть, 15-ти миллионам произвели ампутацию обмороженных конечностей (и пошли по стране безногие, безрукие, безголовые), а 20 миллионов благополучно вернувшихся с похорон обнаружили свои квартиры конфискованными и начисто опустошенными воруем и жульем.

Пришлось Совместной Власти переселять потерпевших в Туруханское ханство, а их квартиры отдавать вору, жулю и совместителям ТАКОЙ партии. Зато по весне, когда солнышко пригрело, ледники отступили, а тело вспотело, назначили новую контрибуцию: опять построилось население в живой конвейер от Мурманска до Одессы и по колено в грязи, передавая над головами стеклянный гроб, перенесли его зачем-то на балкон девицы Кшесинской, где он до сих пор стоит в холодильнике, невзирая на просьбы родственников о предании тела экономиста Н. Ильина земле — на родине, в столице Астраханского ханства, рядом с предками рыбаками и бахчеводами.

Хоронили, хоронили, да недопохоронили.
Вот и все.

Глава 4

ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ГОДА ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД-САД

Параграф 48 СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Все, да не все.

Со смертью Кремлевского Мечтателя жизнь на Земле почему-то не сразу кончилась... (Впрочем, когда экономиста Н. Ильина еще на свете не было — люди как-то жили; когда экономиста не стало — тоже ведь жить хочется?..)

Отшумело празднование похоронных торжеств, отгремели салюты, отлились слезы, отгудели фабрики и бронепоезды, начались трудовые будни.

А где же богатырь Соцреализм, упавший с Царя-Фонаря в самом начале гражданской войны и доставленный в 4-е отделение кремлевской больницы по праву внебрачного сына пролетарского писателя Горькина?

Отлежался. Вылечили его врачи-вредители. Обитает Соцреализм в сыром подвале в центре Москвы, на улице имени своего отца, с продувными удобствами во дворе. Не отступил-ся, пишет в уме пролетарскую «Войну и мир», но что-то ему не пишется — образы всякие, концепции и главные герои в амбарную книгу никак не лезут. Чиста и девственна пробитая пулей амбарная книга в десять тысяч страниц. Не тронули ее при обысках ни белые, ни красные, ни ультрафиолетовые, и даже черный аран Врангель приказал своей контрразведке:

— Отдайте этому придурку книгу, пусть выполняет социальный заказ. Авань...

Как вдруг постучалась три раза в дверь Соцреализма новая Эпоха:

— Тук-тук-тук!

Пришла пора выходить на арену цирка. Ваш выход! Пожалуйте на манеж!

Параграф 49 НОВАЯ ЭПОХА, или ХМУРОЕ УТРО

Заспешил Соцреализм-богатырь открывать дверь, надеясь, что пришла к нему наконец-то в гости одинокая соседка Эпоха Кузьминична, недавно поселившаяся над ним в трехком-

патной квартире, первая шлюха 4-го отделения кремлевской больницы, где он лечился. Стукачка, каких мало — заложила недавно в Энкаведе группу врачей-вредителей, залечивших до смерти Горькина, Фрундзе, Врожуникидзе и, конечно, дедушку Мичурина, за что и получила ордер на жилплощадь и орден «Экономиста Н. Ильина» на свою пшеничную грудь молочно-восковой спелости (давно Соцреализм хотел к ней прильнуть).

А Эпоха уже бьет в дверь сапогами...

Торопливо открыл дверь, смотрит — не она. Видит — телефонисты стоят. У одного телефонный провод в руках, у другого в руках телефонный аппарат-вертушка. Ясно: энкаведисты под телефонистов маскируются.

— Такой-то? — спрашивает тот, кто с проводом.

— Ну.

— Не пугай, не запрягал. Кто еще, кроме тебя, проживает в квартире? — интересуется другой, с телефонным аппаратом.

— Разве это квартира? — удивляется Соцреализм. — Это бывший овощной склад. Здесь при бывшем режиме бывший купец Рудольф Германович Гесс капусту мочил. И яблоки.

— Какие еще яблоки?

— Не знаю точно. Мичуринские. И антоновские.

— Атамана Антонова яблочки? Белогвардейские яблочки, значит? Все ты знаешь! А о купце Гессе мы с тобой в другом месте поговорим. И кто замочил дедушку Мичурина — тоже выложишь, будь спок!

Параграф 50 ТРИ ДНЯ И ТРИ НОЧИ, или

КТО СОЧИНЯЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ?

Заглянули телефонисты за печку, под раскладушку, никого не обнаружили. Протянули они в подвал телефонный провод, установили вертушку, посадили богатыря-Соцреализма под домашний арест, назначили его подсадной уткой и приказали не спать, со стула не вставать и никуда не ходить, даже во двор в продувную уборную.

Можно только изредка кричать. Тут у них засада. Ждут они из Хермании бывшего купца Гесса, сброшенного сегодня ночью с парашютом для покушения на жизнь самого Генерального Совместителиуса. Рудольф Германович непременно

по должен сюда наведаться, посетить родные пенаты. Это как дважды два четыре — тоска, ностальгия, родная уборная во дворе, а в Москве, как известно, даже отлить негде.

— Тут мы его в уборной и цап-царап!

Ладно. Сидят в засаде. Крякают.

Проходит первый день.

Нету парашютиста Гесса с его ностальгией, не спешит посетить родную уборную.

— Ты кто такой? — от нечего делать интересуются телефонисты-энкаведисты.

— В каком смысле? — уточняет Соцреализм.

— По-русски не понимаешь? Ты. Кто. Такой.

— Человек я. Продукт переходной эпохи. Ее типичный представитель.

— Ты, продукт, человеком не прикидывайся! Почему ты, представитель, дома сидишь и на работу не ходишь?

— Потому что нахожусь под домашним арестом.

— Ты кто, спрашиваем? Кого представляешь? В каком профсоюзе состоишь? — злятся телефонисты.

— Литератор я, — с достоинством отвечает Соцреализм. — Из династии пролетарских писателей.

— Мать твою дивизию... Сочинитель, значит?

— Ну.

Второй день тянется, а херманского парашютиста Гесса все нет и нет.

— Скучно что-то, — зевают телефонисты. — Что бы такое придумать, чтоб время зря не терять?.. Сейчас мы на тебя компромат соберем. Давай, выкладывай имена и фамилии.

— Не знаю я никаких имен и фамилий.

— Вот и врешь! Серегу знаешь? А Блока? А Бурлюка? Скажешь «нет»?

— Ну.

— Гну. Давай, выкладывай! Если сам сочинишь — значит, что-то знаешь. Анекдоты знаешь?

— Этого добра выше крыши.

— Давай, рассказывай.

— «Уехал муж в командировку...»

— Не то! Давай политические анекдоты. А мы их в эту книгу дырявую записывать будем. Потом издашь как собственное сочинение.

— Про Чапаева подойдут? — спрашивает Соцреализм, впервые польщенный читательским вниманием.

— Про Василия Ивановича? Именно то, что нужно! Сочинение и распространение контрреволюционной пропаганды! — радуются телефонисты-энкаведисты. — Пока не расскажешь десять тысяч политических анекдотов, со стула не встанешь.

Таким вот Макаром.

Третий день настал. На отрывном календаре уже 21-е июня. На подсадную утку никто не бросается — ни Блок, ни Бурлюк, ни парашютист Гесс, ни соседка Эпоха Кузьминична (она уже, наверное, на всех настучала) — на явочную квартиру никто не является, лишь со двора доносится унылый голос наемного странствующего палача с переносной гильотишкой:

— Кому руки, ноги, головы рубить?.. Кому руки, ноги, головы рубить?..

Сидит Соцреализм на стуле и, как заведенный, травит политические анекдоты... 674-й... 793-й... 836-й... Амбарная книга уже полна и на вышку тянет. А что Соцреализму терять? Кроме сырого подвала, разве что продувное удобство во дворе.

Сидит. Так сидит, что к стулу приклеился, мочевой пузырь живот раздул, кран-гидрант вот-вот сорвется с резьбы и затопит подвал, а пытка анекдотами продолжается. Десять тысяч политических анекдотов — не комар наплакал. Энкаведистам же все нипочем — один на раскладушке развалился, другой записывает показания в амбарную книгу. И наоборот — один протокол ведет, другой отдыхает.

Как вдруг раздается телефонный звонок.

Параграф 51 ПРОДУКТ ЭПОХИ, или

РАЗГОВОР ПО КРЕМЛЕВСКОМУ ТЕЛЕФОНУ

— Бери трубку, продукт эпохи! — метушатся телефонисты-энкаведисты. — Приглашай его сюда на свидание! Быстро! Говори подлиннее — надо засечь этого фрукта на телефонной станции!

— Продукт эпохи у аппарата, — еле ворочает языком бедный Соцреализм-богатырь, из последних сил сжимая между ногами свой кран-гидрант, чтоб, не дай Бог, не прорвало и не затопило подвал.

— Где это вы пропадаете, типичный представитель? Почему в гости не заходите? — спрашивает в трубке очень знакомый голос с приятным восточным акцентом.

— Совсем пропадаю, товарищ Генеральный Совместители-
усс! — хрипит Соцреализм.

— А в чем, собственно, дело? Объясните спокойно. Чем
смогу — помогу.

— Сил моих нет! Ваши телефонисты три дня и три ночи
до ветру не пускают!

— А что они у вас делают?

— Ждут из Хермании какого-то Гесса, сброшенного с па-
рашютом!

— Успокойтесь. И успокойте товарищей. Передайте им, что
Рудольф Гесс благополучно приземлился в Лондоне. Пара-
шют — отдельно, Гесс — отдельно. Сходите во двор по своей
нужде — это дело государственной важности. А я пока подожду
у телефона.

Параграф 52 **ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ**

Обернулся Соцреализм-богатырь, хотел порадовать своих
друзей-телефонистов хорошей новостью из Кремля, передать
им привет от Чудесного Нацмена, но тех уже как ветром сду-
ло. И след простыл. Были — и нету, лишь амбарная книга
шуршит политическими анекдотами на раскладушке.

Пора и о себе подумать. Вылетел Соцреализм-богатырь во
двор, вытаскивая на ходу свой опухший пожарный крап-гид-
рант. Во дворе тоже никого не видно, кроме подслеповатого
странствующего палача с переносной гильотинкой, да чув-
ствуется еще едва уловимый запах от паложженных с велико-
го страху штанов промчавшихся по двору телефонистов. По-
нял Соцреализм, что до продувной уборной ему не добежать,
и принялся справлять дело государственной важности прямо
под дворовым средневековым забором, чудом спасшимся от
наполеоновского пожара.

Стоит, значит, задумался. Справляет пужду богатырскую.
Ручей журчит в подворотню, из подворотни потоком выносит-
ся на улицу и, сметая все на своем пути, впадает в Москва-
реку. Чудесный Нацмен у телефона ждет. Эпоха Кузьминич-
на из-за шторы изумленно глядит на диво дивное. А забор
уже плывет, поплыл, за ним плывет допетровская уборная,
пережившая все гражданские смуты и вражеские нашествия —
чуть что, все к ней бегут! Странствующий палач из уборной
благим матом вопит:

— Топу! Спасите!

Большому кораблю — большое плавание!

Уже географы рассуждают, именем какого народного со-
вместителя новую речушку назвать, а Соцреализм-богатырь
все думу думает: «Новая Эпоха — она сегодня не в дверь сту-
чит, а звонит по кремлевскому телефону».

Параграф 53 **РАЗГОВОР ПО КРЕМЛЕВСКОМУ ТЕЛЕФОНУ** *(продолжение)*

Может, час прошел, может — два. Отлил, застегнул шта-
ны, вернулся в подвал и продолжил телефонный разговор:

— На душе полегчало, товарищ Генеральный Совместите-
лиусс!

— Какие у вас еще проблемы? — ласково спрашивает Чу-
десный Нацмен, раскуривая телефонную трубку. — Не стесняй-
тесь, облегчайте душу до дна. Можете по большой нужде сход-
ить, я подожду... Нет?.. Ну, тогда просите у меня, что хотите,
и режьте мне правду-матку в глаза, а то скучно что-то.

— В сыром подвале живу! — пользуется случаем Соцреа-
лизм-богатырь. — Все в людях да в людях, как завещал отец.
А ордер во дворец мне ваши телефонисты не выдают, как
внебрачному сыну пролетарского писателя! Не положено, го-
ворят, внебрачному!

— Ну, ордер во дворец — это не ордер на арест! Что-ни-
будь придумаем. А вот слух до меня дошел, что обижены вы
на Совместную Власть, собираетесь эмигрировать на остров
Капри... Нет?.. На «нет» и суда нет. А как вы относитесь к
Пастернаку?.. Тоже «нет»?.. Не кушали никогда?.. Хорошо.
Выходите на угол Горькина и Тверской-Ямской, там в про-
ходном дворе вас ожидает черный автомобиль типа «ЗИС».
Смело открывайте дверь и садитесь, вас знают в лицо.

И положил в Кремле трубку.

Параграф 54 **ЭПОХА МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ**

Восстал Соцреализм-богатырь из сырого подвала, как из
гроба. Повел плечами, как Илья Муромец в тридцать три
года: в жизни всегда есть место подвигу — только не зевай!
Надел ботинки «прощай, молодость», окропил подвал киро-

сином из примуса, разжег простреленную амбарную книгу с политическими анекдотами, бросил книгу на пол, закрыл дверь на ключ, вышел во двор и утопил ключ в богатырском ручье.

Прощай, детство в людях и его университеты!

Вышел Соцреализм на улицу имени Горькина, конспиративно огляделся по сторонам, слезки и хвостов не обнаружил. Зато видит — со всех углов смотрят на него с портретов Народные Совместители из Совместного Комитета: с усами, в пенсне, с бородками-козликом, в картузах и в фуражках или попросту лысые. Не поймешь, где кто — одних снимают, других вешают. Так сплотились вокруг себя, что все на одно лицо, вроде Чудища Лаяющего, — наверно, чтобы народ узнавал: кому хлеб отдавать, молоко, масло, мясо и далее по списку.

На каждом же перекрестке какие-то гранитные макары стоят с острова Пасхи: профессор Карл Фридрихсон с полным гранитным собранием сочинений, экономист Н. Ильин дорогу вперед перстом указывает, Чудесный Нацмен с телефонной трубкой, шинель снял, жарко; еще дальше — Максимилиян Горькин в тюбетейке и в единственном пиджаке.

Куда ни плюнь — попадешь в портрет, куда ни кинь — торчит какое-то многопудье. Лафа художникам и скульпторам в Эру Художественного Оформления и в Эпоху Монументальной Пропанды!

Параграф 55 ЛОШАДЬ УПАЛА!

Смотрит Соцреализм дальше: улица корчится безязыкая, мерной поступью идут по улице трудовые будни. Черны вороны разъездились, везут добычу из Бутырок в Кресты, из Матросской тишины на Лукьяновку. Счастливая дворняга крадется вдоль стен с человечесьей берцовой костью в зубах, под стеной валяется чье-то мертвое тело в фуфайке — черт его разберет, то ли тело спяну померло, то ли с голодухи, то ли на месте приведено к общему знаменателю за появление на улице в хмуром виде.

Костлявая лошадь, что и при Блоке, опять упала посреди трамвайных путей, а здоровенный Владим Владимыч, лучший поэт-лауреат Совместной Эпохи, склонился над ней и причитает своей знаменитой лесенкой, что по рублю за строчку:

«Лошадь
упала!
Упала
лошадь!
Лошадь,
не падо.
Лошадь,
слушайте...
Простите,
товарищ
лошадь!»

«Вот и одиннадцать рублей заработано», — прикидывает из-за угла фининспектор.

Веселый народ в промасленных спецовках с работы на работу спешит, старательно обходит хмурое тело в фуфайке, сам себе улыбается, в глаза друг другу не смотрит. У памятника Кремлевскому Мечтателю под грязною телегою рабочие лежат, и лозунг на телеге гласит:

«ЧЕРЕЗ
ЧЕТЫРЕ
ГОДА
ЗДЕСЬ
БУДЕТ
ГОРОД-
САД!»

«Вот и еще семь рубликов привалило!» — радуется фининспектор.

Ну и жуткая очередина загибается в Елисеевский магазин. Слышны гармошка, шутки, смех. Заходит народ с карточками за хлебом, выходит народ без хлеба с карточками.

— Карточки на хлеб потерялись! — хохочет кто-то.

Похоже, спятил.

А в проходном дворе на Горькина и Тверской-Ямской притаился в подворотне черный бронированный «ЗИС» во главе с шофером Гулько Макаром Егорьевичем — тем самым, который экономиста Н. Ильина по дорогам жизни возил.

Параграф 56 НЕХОРОШАЯ КВАРТИРА

Садится Соцреализм-богатырь на заднее сиденье «ЗИСа» как к себе домой и говорит:

— Давай, космонавт, потихонечку трогай! — говорит он шоферу Гулько Макару Егорьевичу, который однажды экономиста Н. Ильина в Беловежскую пушу на охоту возил, на зубра, а тот зубра пожалел — всех зубров! Добрый был человек — люблю, говорит, зубров, не могу по живым зубрам стрелять! — И песню в пути не забудь! — говорит Соцреализм, развалился на заднем сиденье.

Тронулись.

Врубил шофер Гулько, который экономиста Н. Ильина из чайной ложечки кормил, когда тот грипповал, гимн зеков «Будь проклята ты, Колыма», едут. Недоволен Макар Егорьевич, в гробу он видал таких богатырей.

Заворачивают за угол, а там... Съезд и столпотворение пожарных машин! Пожарники рукавами соцреализмовый подвал тушат, но тщетно — горит подвал синим пламенем! Эпоха Кузьминична, соседка сверху, на которую огонь снизу набросился, мечется, как икра, пожарников за рукава хватает, кричит-надрывается:

— Я материально ответственное лицо! У меня там полная чаша казенного имущества! А главное — пишущая машинка «Ундервуд»! Иначе я под трамвай брошусь, и мне голову отрежет!

Не иначе, нелегального Булгакова читала. Видать, у нее там тайная нехорошая телефонизированная квартира.

«Так ей и надо! — злорадно размышляет Соцреализм-богатырь. — Больше на людей стучать не будет. А орден «Экономиста Н. Ильина» на грудь нацепить не забыла, зараза!»

— Далеко ли едем, товарищ? — интересуется Соцреализм у шофера Гулько, который работу экономиста Н. Ильина «Как нам геогганизовать габкгин?» на машинке перепечатывал и в «Правду» относил, но в машинке буквы «р» не было, и никто ничего в той работе не понял.

Параграф 57 КАМО ГРЯДЕШИ?

Не отвечает шофер Гулько, которому экономист Н. Ильин со своего плеча старое пальто с дыркой от пули Фаи Каплан подарил. И кепку со своей сократовой головы — да велика оказалась кепка шоферу.

— Вечером ко мне гости придут, надо бы обернуться к вечеру, — заводит разговоры Соцреализм. Молчит Гулько Макар

Егорьевич, который экономиста Н. Ильина в детстве на коленях пиячил и козой пугал. Молчит, глядит на дорогу. — Гости придут, а меня дома нет,— вздыхает Соцреализм.

— Дама сердца, что ли, придет? — догадался вечно молчащий шофер Гулько, у которого после революции с женщинами стало совсем туго — двадцать пять часов в сутки работает, забыл, бедняга, как койка выглядит. Иногда, правда, поспит на заднем сиденье «ЗИСа» с открытыми глазами, и опять за банкету.

— Соседка сверху,— охотно отвечает Соцреализм.— Эпоха Кузьминична. Первая шлюха 4-го отделения.

— Слышал об такой,— подтверждает шофер Гулько, который однажды экономиста Н. Ильина под Брестом из-под херманского обстрела вывез.

И опять молчит.

— Куда едем-то? — допытывается Соцреализм.

— В Абхазию,— неохотно отвечает Макар Егорьевич, которого экономист Н. Ильин за молчанье и личную преданность наградил именным браунингом и позолоченной саблей.

— Куда-куда?!

— В Абхазию. На озеро Рица.

— Врешь!

— Запомни — я всегда говорю правду,— угрюмо отвечает Макар Егорьевич, бывший личный шофер Кремлевского Мечтателя, а ныне персональный водитель Чудесного Нацмена.

Молча едут в Абхазию.

А известная лошадь, видя такое дело, заржала, поднялась с трамвайных путей и пошла, пошла, заскакала, как жеребенок. Тоже, видать, стукачка.

Глава 5

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Параграф 58

ГДЕ ДЕМОН РЕВОЛЮЦИИ?

или

КУДА ВСЕ ПОДЕВАЛИСЬ?

Долго ли, коротко ли, но где-то через час молча проехали по пустому шоссе сквозь строй телефонистов в Абхазию.

Там за колючим забором двухэтажная дачка стоит. Скромная. Чугунные царские ворота из Зимнего Логова. Царь-Фо-

нарь, с которого богатырь Соцреализм на Гражданку упал. Под Царем-Фопарем встречает его Чудесный Нацмен в галифе, в сапогах и в своем знаменитом белом френче, а за его спиной — Совместный Комитет в полном составе: здесь и дедушка Калининш без бабушки, тут и меткий стрелок маршал Ворошилиш, который доброго коня на железный танк не смел, и 1-й машинист метростроя Моисей Калганович, и Мыкита-шахтер, шахту которого археологи до сих пор не могут раскопать, — этих Соцреализм по совместному портрету знает.

А где другие?

Рыгов с Бухаевым, любимчиком ТАКОЙ партии, — где?

Где сержант Врожуникидзе, совместитель тяжелешной промышленности, который однажды дал в рожу меньшевику Дану Берлибману, за что его экономист Н. Ильин чуть было не попер из ТАКОЙ партии, но в последний момент пожалел и погрозил пальцем:

— Нехорошо драться, Сережа!

Неразлучных Знаменева с Киновьевым, которые не случайный эпизод устроили в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое, тоже нигде не видно...

Где Демон Революции военмор Бронштейн?

Куда запропастился замкомпоморде Овсей Антоненко, который в Зимнем Логове арестовал сторожа?

Вместо них — другие, новенькие... А за другими — толпа кандидатов с совещательными голосами. Ни сосчитать, ни запомнить...

Параграф 59 ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

— Вот он, последний живой герой штурма Зимнего Логова! — восклицает Чудесный Нацмен и взасос целует Соцреализма-богатыря. — Читали его фундаментальный труд «Как ренегат Каутский воюет против врагов народа»?.. Читали, спрашиваю, или нет? Говорите правду, а то хуже будет!

— Читали... — недружно отвечают Народные Совместители.

— Не обманывайте! Если читали — перескажите содержание. О чем там написано? Всем смотреть мне в глаза!

Молчат. Глаза таращат.

— Вот возьмите и прочитайте! А я проверю! — грозит Чудесный Нацмен. — Знаю я вас, иудушек. Все вы меня обма-

пываете. А вот он никогда не врет. У него метод такой — резать правду в глаза. Мне сегодня по телефону говорит — пойду, говорит, схожу по малой пужде. Безо всякой там дипломатии — пойду, говорит, схожу, а вы подождите у телефона...— Чудесный Нацмен заплакал от смеха и утер слезы рукавом френча, откуда выпала трэфовая дама.— Накинь-ка, Макар Егорьевич, на меня шинель, что-то стало холодать... Вот он какой, Соцреализм-богатырь! Весь в отца! Я ему жизнью обязан, он меня из Разлива спас, когда сионист Юдения на Питер пер. Потом он полком командовал против хана Колчака, комиссарил в Краснознаменной Чапаевской дивизии имени Зализного Феникса, лично порубил шашкой десять... нет, двадцать тысяч белогвардейского офицера, узкоколейку БАМ в вечной мерзлоте прорубил. Анкету его читали? Говорите правду — читали или нет? Не слышу!

— Ознакомились,— пугливо высунулся чей-то голос.

— Ознакомились...— передразнил Чудесный Нацмен.— Сейчас я проверю. Если вы ознакомились с анкетой, скажите мне: что он делал после узкоколейки?.. А? В анкете написано.

Молчат Народные Совместители.

— А потом он в сыром подвале «Как раскололся стул» писал! — не на шутку разозлился Чудесный Нацмен.— Сними-ка, Макар Егорьевич, с меня шинель, что-то в пот бросило. Кто сказал это слово?

Молчат Совместители. Не знают: какое именно слово? В межнациональном языке слов много...

— Кто сказал «знакомились»? — настаивает Нацмен.— Пусть выйдет тот, кто сказал это слово. Ему за это ничего не будет, я только на него погляжу.

Молчат.

— Найди и шлепни. Чтобы впредь не обманывал,— приказывает Чудесный Нацмен шоферу Гулько Макару Егорьевичу, который на заре века возил через границу любовные записочки от экономиста Н. Ильина к Нессе Армагедон. Славное было времечко — пьянка, банка, охранка...

Параграф 60 ВО ВЕСЬ СОВЕЩАТЕЛЬНЫЙ ГОЛОС

«Вот врет — так врет! — премного удивляется Соцреализм-богатырь, наблюдая, как шофер Гулько Макар Егорьевич, у которого рука на муху не поднималась, тащит за шиворот к

забору толстенького и усатенького пародного совместителя с совещательным голосом.— Знатно врет! Не рубал я шашкой Юденича, не командовал чапаевской дивизией, с Колчаком водку не пил!»

А Чудесный Нацмен будто мысли читает:

— Ничего, привыкай. Здесь у меня все врут в меру своих способностей. Пусть, пускай врут. Минус на минус дает плюс, вранье на вранье — правду. Правда всегда вылезет. Идем, Серафимович ты мой дорогой, купаться на озеро Рица. Есть ТАКОЕ озеро. Надо с тобой о том о сем потолковать. А этих козлов мы по дороге потеряем. Надоели. Может, расстрелять их всех к чертовой матери? И новых набрать — от сохи и станка? Как ты думаешь?

— Не надо, пусть живут,— пугается Соцреализм.

— А ты добрый... Ну, как знаешь. Ладно, живите пока. И скажите ему «спасибо».

— Спасибо! — во весь голос благодарят Народные Совместители.

Идут, значит, на озеро Рица, беседуют.

А шофер Гулько Макар Егорьевич, который экономиста Н. Ильина на заводе Михельзона от файкиной отравленной пули прикрыл, заводит мотор черного «ЗИСа» на полные обороты и не без удовольствия шлепает под забором толстенького усатенького беднягу с совещательным голосом.

И правильно, поделом ему: не обманывая.

Нехорошо это.

Впредь не будешь обманывать.

Параграф 61 НА ОЗЕРЕ РИЦА — ВАЖНЫЕ ЛИЦА

Пришли на озеро Рица по взлетной полосе для тяжелых бомбардировщиков, замаскированной под обычное шоссе.

Суббота, 21 июня. За Полярным кругом в Туруханском ханстве еще зима, а тут кусточки, пальмы, тропики — не хуже, чем на острове Капри. Личный пляж Чудесного Нацмена с искусственным подогревом обвит колючей проволокой, за каждым кустом — охрана, на каждой пальме — по телефонисту, и все прикидываются финиками. Ни души не видно на личном пляже Нацмена, зато вокруг на берегу тьма народа, и народ непростой...

Слева лежит рать песетная — Народные Совместители от сохи и станка с решающими голосами. Кроме уже названных

дедушки Калининыша, маршала Воромылова, машиниста Кагановера и Мыкиты-шахтера, ожидают здесь своей участи богатыри без определенных занятий: Серб Молотов с чугунной задницей, Мико Анастасов с зонтиком, бровеносный Ильин-второй, Андрей Сусло, Антон Горемыко, примкнувший к ним Устин-кучер (номенклатурный список можно продолжать до бесконечности) — несут свой крест, загорают, ждут, куда пошлют.

Это свои. Они слева.

Справа отдыхают пламенные зарубежные совместители: Ультер Вальбрихт, Янош Гуска, Гиря Кадар, Жорж Удеж, Теодор Живчик, Круиз Корвалол, Иржи Хроникер, Николаша Кондуктореску, Штапислав Гомункул, Гротто Вротеволь, Жан-Жак Дюпло, Ким Ирис Кин, де'Цибел и так далее; имя им — «легион».

На женском пляже принимают воздушные ванны: Шура Коллон-Таль, Вероника Фигвам, Анжелика Девиц, Васса Железнова, Крала Цепки, Жоржетта Маршель (француженка), Пальмира Тольятти (италианка), Роза Лихтенштейн из одноименного княжества и еще ровно 366 прехорошеньких подружек недавно расстрелянного (шофером Гулько Макаром Егорьевичем, который, как известно, мухи не обидит, но тут особый случай) полового мапьяка Лаврика-Павлика, собравшего этот гарем в расчете на каждый день високосного года — совсем рехнулся, бедняга, на половой почве.

Ну и, конечно, творческий пляж для пудистов-писателей: дядя Степа там, тетя Вера, Акын Бабаев, Расол с'Утраев, Левон Хвейхтвангерр, Анри Барбаросс, Пабло Нерыжий, Штефан Цвях, Теодор Цвайзер — строчат на пляже собственные «Войны и миры» о триумфальном шествии Совместной Власти и ее Чудесного Нацмена. Вот только жаль, что герр Уэллс померли и не приехали через двадцать лет на открытие «Братской ГЭС».

Параграф 62
«ПРИБЫЛ ИЗ ХЕРМАНИИ ПОСОЛ,
СУКА, ПАДЛА, ТРАХНУТЫЙ КОЗЕЛ»
(Народная песня)

Но главные исторические события разворачиваются на том берегу озера Рица — там уже третий день пудится от безделья дружественная германская делегация родственной ТА-

КОЙ-ТО партии, и все ее члены почему-то начинаются на «Г»: Гнидлер, Гренинг, Греббель и Гимлерд. А только что прибывший посол Грыббентроп вот что докладывает:

— Что делать, партайгеноссе? Не идет Чертчиль на мирные переговоры с Гессом.

— А какое сегодня число? — меланхолично спрашивает рельсканцлер Гнидлер.

— 21 июня, суббота, — отвечает увешанный орденами псы-рыцарь Герман Гренинг, рожу которого Пабло Пикассо разрисовал шнагой на студенческой дуэли.

— Сегодня день переходит в ночь, — подсказывает агитатор и пропагандист ТАКОЙ-ТО партии Греббельс. — К тому же у них Всесоюзный субботник...

— А завтра — воскресенье, выходной день. В самый раз... — подталкивает рельсканцлера в бок шеф Попопопо (Полиция по поддержанию порядка — нечто вроде нашего Энкаведе) Генрих Гимлерд (некто вроде нашего Лаврика-Павлика).

«Значит,
завтра
война,
значит,
завтра
в поход!» —

принимает историческое решение рельсканцлер Гнидлер.

Хорошо устроились, псы-рыцари — костерок, шашлычок, рыбалка. Шнапс пьют, козла забивают, ожидают прибытия транспортного бомбардировщика «юнкерса», чтобы смыться на Фридрихштрассе и совершить внезапное нападение на дружелюбного и доверчивого Чудесного Нацмена. У них за Берлинской стеной уже все подготовлено: гауляйтер Фонбок идет на Москву, гуни де'Риан — на Питер, а фельдмаршал Раймонд Паулюс — на Киев. Все три соловья-разбойника встречаются за Уралом в Нижнем Тагиле и — капут Всея-Руси!

Таким вот Макаром.

Но погода пока, слава Богу, пелетная.

Параграф 63 ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ, БЛИН?

— Красивые здесь места, люблю, — тем временем говорит Чудесный Нацмен Соцреализму-богатырю. — Смотри: приро-

да! Средняя полоса Всея-Руси. Родина. Родился я здесь. Незаконно родился, как и ты. Детства не было, сразу началась конспирация. В твоих глазах вопрос вижу: отец мой незаконный кто, спрашиваешь?.. Помоги мне, Макар Егорьевич, шнурки завязать на плавках... и ступай, ступай, нам поговорить надо... Тебе одному скажу по секрету: Пржевальский мой отец. Великий путешественник, генерал-лейтенант Пржевальский. Не веришь? Смотри — фас... Смотри — профиль... Похож? Похож! Смотри, на том берегу — костерок, рыбалка... Живут же люди, и никакой тебе политики. Уху едят. Запах какой, а?.. В этом озере чудовище водится — лохнесский плезиозавр. Взят под государственную охрану. Снежный человек здесь по ночам бродит, следы оставляет на пляже, сам видел. А кто он — снежный человек? Наш непосредственный предок, неандерталец. Боюсь, как бы телефонисты его не расстреляли. Люблю животный мир и наших непосредственных предков. Свою родословную надо знать, мы не Иваны, не помнящие родства... А до революции здесь тунгусский метеорит упал, прямо в озеро. На дне лежит, а водолазы найти не могут. Хороший край. Идиллия, утопия и аркадия. Рай земной. Но портят этот пейзаж турки с месхетинцами, чечены с ингушами, ханты с мансами и татары с монголами. Поволжские немцы с евреями все тут заволокли. Собрать бы их всех в теплушки да отправить в Туруханское ханство, да вот руки до всего не доходят, габора у меня адски тгудная, хочется людей гладить по головкам, а их надо бить, бить в могду безжалостно! — вдруг заговорил Чудесный Нацмен голосом Кремлевского Мечтателя.

Потом как-то по-детски беспомощно улыбнулся и повторил:

— Адски тгудная у меня габора.

«Опять брешет...— тоскливо удивляется Соцреализм.— Спятил он, что ли?.. Какая-такая средняя полоса?.. Неандертальцы?.. Метеориты?.. Пржевальский?.. Где тут плезиозавры?.. Где? Разве что телефонисты подводную лодку в озеро Рица запустили...»

— Не веришь? — читает мысли Чудесный Нацмен.— Мне не веришь? Неправильно делаешь. И я прежде никому не верил, ни единому слову, а потом понял: неправильно делаю, нехорошо. Пусть люди врут, а им верить надо. Верить! Доверять! И все тогда будет правдой, как учил меня экономист Н. Ильин. Ты почему не раздеваешься? Смотри, день какой!

21-е июня, самый длинный день в году. Последний понешний денечек. Заболел, что ли?

— Плавки не захватил.

— Здесь можно и без плавков, никто не смотрит. А хочешь, Макар Егорьевич твои плавки из Москвы самолетом доставит?

— Нету уже тех плавков. Сгорели.

— Что значит «нету»? Для ТАКОЙ партии «нету» не бывает. Если нужно — все есть. Смотри...

Чудесный Нацмен щелкнул пальцами, и на пляже опять возник шофер Макар Егорьевич, который экономисту Н. Ильину доставил в шушенскую ссылку целую телегу книг профессора Карла Фридрихсона, — возник с плавками в одной руке и с простреленной и обгоревшей амбарной книгой — в другой.

Параграф 64 ЕЩЕ ОДИН ЗЛОБОДНЕВНЫЙ ВОПРОС: КТО НАПИСАЛ «ТИХИЙ ДОН»?

— Вот его плавки, — недовольно бурчит шофер Гулько Макар Егорьевич, который для экономиста Н. Ильина после гражданской войны чайник водки на пустой чайник со свистком у Сереги обменял, и показывает Чудесному Нацмену самопальные плавки с серпом и молотом на левой ягоdice и со звездно-полосатым флагом — на правой.

— Это что? — удивляется плавкам Нацмен. — А, знаю! Встреча на Эльбе. А это что? — спрашивает он, показывая на обгоревшую амбарную книгу. — Тоже знаю. Это вещественное доказательство. Сжечь хотел, но не вышло — анекдоты не горят. Значит, ты коллекционируешь антисовместные анекдоты? Нет?.. Как «нет»?! Я же тебе объяснил — не люблю, когда обманывают! Нехорошо обманывать!

Отступать некуда, надо врать.

— Я анекдоты не коллекционирую, — отвечает богатырь Соцреализм. — Я их сам сочиняю.

Чудесный Нацмен перевернулся на спинку на подогретом песочке и стал высматривать в небесах — не пролетит ли транспортный «юнкерс» за дружественной германской делегацией? Но погода оставалась пелетной.

— Значит, это ты про меня анекдоты сочиняешь? — спросил он и дунул на шофера Гулько Макара Егорьевича, который после освобождения крепостных крестьян работал истопником в Симбирской гимназии при Керенском-старшем.

И Макар Егорыч опять исчез.

— А я ищу, ищу — кто это такой смелый про меня анекдоты сочиняет? И никак не могу пайти. Думал — фольклор, народное творчество... Вот он где, сочинитель!

— Я не только анекдоты,— расхрабрился врать Соцреализм.— Я много всего сочиняю.

— Ну, перечисли. Может быть, я читал. Я люблю буквы читать.

— Все сразу не вспомнить. «Чугунный поток» — я написал. А еще — «Раствор». И «Краснодон» — тоже.

— Ты ври, да не завирайся,— погрозил пальцем Чудесный Нацмен.— «Краснодон» написал Фадей Александров, Первый Совместитель Союза Литераторов. Жаль, плохо врать умел. Врет и оглядывается. Я ему объясняю: «Не умеешь, не берись!» А он себе пулю в лоб.

— Я за него батальные сцены писал,— настаивает Соцреализм.

— А «Хождение по кругу» кто написал?

— Я.

— Молодец — уверенно отвечаешь. А «Тихий Дон» кто написал? — спросил Чудесный Нацмен, зловеще сверкнув янтарными глазами.

— В соавторстве с Шороховым. Я ему объяснил, как надо — мол, так и так, а сам уехал в Одессу снимать кинофильм «Бронепосец Потемкин».

— Ты у нас еще и кинорежиссер?!

— Я.

Параграф 65 ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Чудесный Нацмен беспомощно огляделся по сторонам, разыскивая на пляже шофера Гулько Макара Егорьевича, который на следующий день после вооруженного восстания экономисту Н. Ильину вычистил ботинки до зеркального блеска, а тот заглянул в них, обиделся и сказал: «Запомните, Макар Егорьевич: мы — не рабы, рабы — не мы!», ботинки в тот день не падел и пошел в Совместный Комитет в одних носках.

Шофер Гулько сразу и возник с махровым полотенцем в руках.

— Накинь-ка, Макар Егорьевич, на меня шинель — погода что-то пелетная.

И шипель возникла.

— Шлепнул? — спрашивает Чудесный Нацмен, кутаясь в шипель.

— Ну,— с большим трудом отвечает молчаливый шофер Гулько, из которого лишнего слова под пыткой не вытянуть, хоть режь.

— А ты Расскажи, Расскажи, Макар Егорьевич, как именно ты его шлепнул? С подробностями. Мне все интересно.

— Ну... Завел мотор и шлепнул.

— А мотор зачем?

— Ну... Чтобы выстрела не было слышно.

— Постой, постой...— удивляется Чудесный Нацмен.— При чем тут выстрел?.. Ничего не понимаю... Какой выстрел?.. Зачем выстрел?..

— Вы приказали,— отвечает шофер Гулько Макар Егорьевич, который свой именшой браунинг каждый день часовым маслом смазывал, как куранты, на всякий случай.

— Что я тебе приказал?!

— Найти и шлепнуть.

— А ты что сделал?!

— Это самое.

— Ты что, межнациональный язык не понимаешь-шь?! — зашипел Чудесный Нацмен, опять оглядываясь по сторонам и призывая Бога в свидетели.— Я тебе приказал «шлепнуть», а ты что сделал?! Уголовник! Человека ни за что убил! Что люди о нас подумают? Под суд пойдешь! Единственную жизнь у человека отнял! Ты хоть знаешь фамилию, кого застрелил?

— Жданова.

— Полюбуйтесь — Жданова застрелил! Кто теперь вместо Жданова будет врать мне о журналах «Нева» и «Новый мир»? А если завтра — война? А? — спросил Чудесный Нацмен, заглядывая в невинно-голубые глаза Соцреализма.— А?

Параграф 66 НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

— Ты меня «Бронепосцем «Потемкинским» наповал убил! — продолжал Чудесный Нацмен, не дождавшись ответа на свое «а?».— Вот кто мне будет врать вместо Жданова на идеологическом фронте — ты! Служебный «ЗИС», кремлевский паек, персональный оклад. Говори «да», соглашайся. Раньше я экономиста Н. Ильина не до конца понимал, а сейчас до кон-

ца понял. «Есть ТАКАЯ партия!» — сказал экономист Н. Ильин. Помнишь?.. Зачем он это сказал? А ЗАТЕМ. Что-то нужно было сказать, промолчать нельзя, а в голову после пива ничего не лезет. Вот и сказаул. И что?.. А ничего. Сошло за первый сорт. Непредсказуемость — вот смысл. Бог кидает кости. Немотивированность поступков. Мотивированность непоступков. Сегодня мне кто-нибудь пакость сделает — а я его награжу. Завтра мне кто-нибудь услугу окажет — а я его на цугундер... Понял основополагающий метод ответов на большие вопросы современности? Партия у нас какая? ТАКАЯ. Зачем? ЗАТЕМ. Куда? ВПЕРЕД. Когда? ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ. Таким вот Макаром. Хочешь, сейчас этот метод на Макаре Егорьевиче испробуем?

— Скажи мне, Макар Егорьевич,— продолжал Чудесный Нацмен,— нужен ли нам строй цивилизованных кинооператоров? Нужен или не нужен? Не вороти рыло... Попробуй, соври разок. Молчишь ты, Макар Егорьевич. Не умеешь врать, не умеешь ставить вопросы ребром. Сколько раз я тебе объяснял, а ты врать не научился. Неграмотный ты человек. Экономист Н. Ильин так сказал: «Неграмотный человек — не человек». Вот потому ты за мной шишель таскаешь, а не я за тобой. Ну, Бог с тобой!.. Сегодня какое июня? Двадцать первое? Что за черт — все двадцать первое и двадцать первое. Иди, Макар Егорьевич, подготовься к тому, о чем нас Рикард Сорго вовремя предупредил. Почисти мне назавтра хромовые сапоги и мундир, завтра великий день. Полотенце оставь, я искупаюсь.

Чудесный Нацмен пошлепал себя по ляжкам, вбежал с разбегу в озеро Рица, нырнул-вынырнул, пустил фонтан из моржовых усов и саженками поплыл на середину озера.

Параграф 67 СВЕРШИЛОСЬ!

Вот и сбылась судьба Соцреализма-богатыря...

«Свершилось! — как любил говаривать экономист Н. Ильин.— Чего еще надо?»

— Довольны, Ваше Превосходительство? — спрашивает его шофер Гулько Макар Егорьевич, который в историческую ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое отнес на почту срочную телеграмму экономиста Н. Ильина:

«ПРИЕЗЖАЕМ ЛЕНИНГРАД БРОНЕПОЕЗДОМ № 12–22 ТАКОГО-ТО ВО СТОЛЬКО-ТО ТЧК ПРОМЕДЛЕНИЕ СМЕРТИ ПОДОБНО ТЧК ЦЕЛУЮ ТЧК ДУСЯ ТЧК»

Доволен ли?

— Нет ли у тебя, дядя, чего-нибудь перекусить? — отвечает Соцреализм-богатырь. — Не завалился ли у тебя какой-нибудь бутерброд с ливерной колбасой?

— Бутерброд? — задумчиво переспрашивает шофер Гулько, который каждое утро покупал экономисту Н. Ильину в киоске за свои денежки свежую газету «Правда», а тот как всегда должок забывал отдать.

Переспросив это, Макар Егорьевич начинает перетряхивать одежду Чудесного Нацмена — заглядывает в сапоги, выворачивает карманы галифе, вытряхивает из рукава френча три потертые козырные карты профессора Карла Фридрихсона и прячет себе в карман.

— Все, кажись... — озабоченно бормочет шофер Гулько, который стеклянный гроб с телом экономиста Н. Ильина на собственном горбу тащил на балкон Кшесинской (на шестой-то этаж!). — Что ты спросил? Повтори, у меня с дореволюции с головой не в порядке.

— Пожрать, спрашиваю... — повторяет Соцреализм, ошарашенный таким бесцеремонным обыском личных вещей Чудесного Нацмена.

— В машине сухарь с огурцом завалился. Поесть некогда, — отвечает Макар Егорьевич, который в шушенской ссылке выиграл у экономиста Н. Ильина партию в stokлеточные шашки и всю жизнь с притвствием вспоминал об этом событии.

С этими словами шофер Гулько, которого Лаврик-Павлик лично допрашивал («Куда ты, Макар, телят гонял?» — по Макар никого не выдал), наставляет на богатыря Соцреализма именной браунинг, тащит за шиворот к автомобилю, бросает его на заднее сиденье «ЗИСа» и заводит кривой железякой мотор, под звуки которого он сегодня не без удовольствия Жданова шлепнул.

Параграф 68 Я — СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА

— Теперь держись! Пора отсюда когти рвать, здесь сейчас ТАКОЕ начнется! — говорит шофер Гулько, под которого

сам друг Лаврик-Павлик глубокую яму копал, да недовыкопал — не сделана еще Царь-Лопата, чтоб Макару Егорьевичу яму выкопать.— Ключ на старт! От винта! Поехали!

Что-то у него с головой не в порядке.

Рванули с места на третьей скорости, прорвали «ЗИСом» колючую проволоку и понеслись по взлетной полосе для тяжелых бомбардировщиков, плавно переходящей в правительственное шоссе. За каждым кустом телефонисты им честь отдают — думают, что сам Чудесный Нацмен на фронт собрался.

Ушли от погони, вроде.

Впрочем, никто и не гнался.

— Слухай, хлопец, сюда,— говорит Макар Егорьевич, которого заплечных дел мастера в белых халатах однажды отравили в дурдом, но он с этапа сбежал.— Слухай и запоминай. Если со мной что случится — передашь нашим во 2-й таксопарк. Я — сын трудового народа. Ты — сын пролетарского писателя. Значит, мы с тобой рабочий класс. А он — сын Пржевальского. Нам с тобой нечего терять, кроме своих жизней, а сейчас жизнь у нас такая: тикать как можно дальше от эпицентра. Ты жуй сухарь и огурцом закусывай... Думаешь, Пржевальский куда поплыл? Купаться поплыл, думаешь? Не угадал. Он вчера херманцам в преферанс Расею продул, даже шулерские карты профессора Карла Фридрихсона не помогли. Играть, дурак, не умеет. Не умеешь — не садись! Ишь, гребет... Поплыл договариваться — к какому числу Москву сдавать, где за Уралом провести демаркационную линию. Ну, ничего! Сейчас МЫ их всех накроем, голубчиков!

Что-то с головой у него не того.

Параграф 69 МЫ

— Кто это «МЫ», спрашиваешь? Отвечаю: мы, таксисты, передовой отряд рабочего класса. Удивлен? Сам посуди: шахтеры — они под землей, фабрично-заводские — те по цехам толкуются, а мы, таксисты,— везде, вольный народ, его наиболее свободные представители. Мы всех возим, на нас все ездят — выходит, мы и есть та самая диктатура пролетариата, о необходимости которой говорил экономист Н. Ильин. У нас в гараже сам Стаканов работает, до пенсии дорабатывает,— начинатель стакановского движения. Значит, нам и карты в руки.

Теперь слушай дальше: в прошлом году везу я домой из Политбюро пьяненького академика Йоффе, как вдруг он потрезвому мне говорит:

«Макар Егорьевич,— говорит,— дело спешное. Передайте нашему дорогому и чудесному Нацмену, что Хермания ни с того ни с сего засекретила свой атомный проект, а моя тайная связь с фон Гондольвельзенбергером прервалась. Передайте ему, он поймет».

Опять притворился пьяным, вошел в лифт, и с тех пор я академика Йоффе не видел, а только слышал, что нашли его в ту ночь мертвым в шахте лифта.

А я прямиком поехал в гараж, вызвал в курилку Андрея Митрича Сахаркова-Цукермана, слесаря, и Альберта Германовича Драйнштейна, механика. Ребята, скажу тебе!.. Кулибины! Богатыри — не мы! Придумали вдвоем частную теорию относительности — Вселенная, говорят, расширяется, как мыльный пузырь, братья-близнецы в разных системах отсчета времени никогда не встретятся, а поезд движется по отношению к Земле точно так же, как Земля по отношению к поезду! А?.. Проверили свою теорию в лучах Меркурия — все сходится: $E = MC^2$ квадрат! Стаканов, зачинатель стакановского движения, им стакан поднес. Отправили эту формулу в патентное бюро, ждут... И дождались: является в гараж майор-телефонист, собирает общее собрание 2-го таксомоторного парка и заявляет: мол, завелись тут среди вас фундаменталисты-теоретики, враги всенародной собственности и Совместной власти: говорят, что все относительно — отнес, унес, вынес... Каково? Обсудить! Осудить!

Осудили Андрюху и Алика товарищеским судом на год принудительных работ с перечислением зарплаты в фонд патентного бюро — спасибо, что не в ГУЛАГ. Так вот, закуривают они «Беломорканал», а я говорю все как есть:

«Хермания засекретила свой атомный проект, академик Еффе найден мертвым в собственной шахте лифта, а связь с фон Гондольвельзенбергером прервана. Что будем делать?»

«А ты не знаешь? Писать письмо Президенту Северо-Американских Штатов»,— ответил Алик Драйнштейн. Плюнул и окурок растер.

«Я — «за»!» — поддержал его Андрюша Сахарков-Цукерман.

Пошли в бытовку, уселись писать письмо:

«Дорогой Президент! Хермания засекретила свой атомный проект, как в свое время братья Черепановы засекретили па-

ровую машину. Имеющий уши — да слышит. Умный — да поймет...»

Передали письмо с Чкаловым через Северный полюс, ждем ответа. Приезжает Бернард Шоу, привозит ответ: Президент ни в какую — нет, мол, средств: нужно строить заводы, делить уран-235, обогащать уран-237 и так далее.

Хорошо. Уговорили Бернарда Шоу подождать, собрали с таксистов по штуке, у Стаканова не было — за него дали, подкупили Президента рублем, наняли лучших ядерщиков, все просчитали, провели испытания изделия, все чин-чинарем — как вдруг Президент опять передумал: собрался сбрасывать наше изделие на Японские острова!

Мы в крик, Стаканов громче всех: почему на японцев?! МЫ деньги платили, мы для СЕБЯ заказывали, чтоб ИХ ВСЕХ одним махом накрыть на озере Рица! Вчера — рано, завтра — поздно, значит — сегодня!.. А закончилось вот чем... Гляди — летит! Летит!!! Получилось!!!

...Высоко-высоко в безоблачном небе над озером Рица летела такая долгожданная президентская «летающая крепость» «Б-29» с изделием на борту...

— Вспышка справа! Ложись головой к эпицентру! — заорал шофер Гулько, когда в небе сверкнуло второе солнце...

Параграф 70 **КТО ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ЭТОЙ ПОВЕСТИ?**

Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши, и все дурны.

Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен, — шофер Гулько Макар Егорьевич, председатель профсоюза 2-го таксомоторного парка, который 21-го июня Расею от войны спас.

НЕ БЫЛО ВОЙНЫ. ВСЕ СЧАСТЛИВО ЗАВЕРШИЛОСЬ.

С тех пор зажил народ под диктатурой таксистов.

Правят Расею таксисты. Сидят, рулят. Куда хотят — туда и везут. И никто им не указ. Хочу — везу, хочу — не везу. Хочешь — едь, хочешь — иди пешком.

Чем плохо?

Хорошо!

А народ?

А что — «народ»?.. Народ — как народ. Народ, как всегда: голова два уха. Народ таксистам на чай дает, а хлеб, молоко, масло, мясо и яйца таксисты у народа покупают — так деньги и обращаются вокруг своей оси.

Ничего, жить можно.

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ.

А через много-много лет отважные археологи, искавшие шахту Мыкиты-шахтера, раскопали кратер озера Рица и нашли там Царь-Фонарь, светившийся от радиации, чайник со свистком да простреленную амбарную книгу с десятью тысячами политических анекдотов, оставшимися от Соцреализма вместо «Войны и мира» на потеху всем временам и народам, которые придут после нас.

Таким вот Макаром.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК, или ПОКА БАРАБАН ЕЩЕ ВЕРТИТСЯ

Из телевизионных репортажей Змея Горыныча

Действующие лица:

Дядя Ваня — далеко не чеховский персонаж в двубортном костюме с орденскими планками, с дрожащими руками и то и дело выпадающей золотой челюстью.

Ведущий — симпатичный толстячок с мешками под глазами и с «одесскими» интонациями.

Запасной Ведущий — тоже симпатичный, но худой, в очках и в усах.

Дашенька — голоногая красавица, выносящая шкатулочки и черный ящик.

Голос грека Касаниди.

Японский телевизор.

Автомобиль «Рено».

Барабан судьбы.

Зрители обоих полов.

Действие происходит в Останкинской телестудии.

Акт первый (и последний)

Ведущий. Дядя Ваня, я знаю, что вас зовут Иван Ивановичем, у вас в саду созрели вишни, вы персональный пенсионер, проживаете в городе Стерлядь-в-Томате... Ха-ха-ха!.. Извините, я оговорился — ну, конечно же: город называется Стер-ли-та-мак! Расскажите, как вас угораздило жить и работать в таком прекрасном городишке?

Дядя Ваня (*поглядывая на автомобиль «Рено»*). Ишь, все про меня знает! У тебя что, досье на меня?

В е д у щ и й. А вы с юморком! Досье не досье, но кое-что о вас мне известно. Крутите барабан в любую сторону, а потом я объясню задание.

Дядя Ваня на лету ловит выпавшую челюсть и вращает барабан влево.

В е д у щ и й. Дядя Ваня, ответьте мне на такой нескромный вопрос...

Д я д я В а н я. Заткнись! Здесь вопросы задаю я! Я тебя буду спрашивать, а ты будешь отвечать.

В е д у щ и й (*изумленно, «по-одесски»*). Не понял...

Д я д я В а н я (*опомнившись*). Ах, да... Не туда... Извиняй! Это я по старой привычке.

В е д у щ и й. Ничего, бывает. Где вы всю жизнь трудились, дядя Ваня?

Д я д я В а н я. Всю жизнь трудился. В трудах.

В е д у щ и й. Но где именно?

Д я д я В а н я. Гляди, гляди... Барабан!

В е д у щ и й (*с телячьим восторгом*). Плюс!!! Вам выпал плюс! Великолешно!!! Не слышу аплодисментов!.. Ручками! Ручками похлопаем, пожками потопаем! Молодцы!.. Какую букву желаете открыть, дядя Ваня?

Д я д я В а н я. Первую.

В е д у щ и й. Ой, вы какой!.. Есть такая буква! Дашенька, откроем первую букву... Буква «Сы»! «Степан»! Крутите барабан!

Д я д я В а н я (*крутит барабан, глядит в объектив телекамеры*). Хочу передать пламенный привет всем друзьям и соратникам по совместной работе.

В е д у щ и й. Кому именно?

Д я д я В а н я. Всем, всем, всем! Если они еще живы.

В е д у щ и й (*игриво*). А если померли — тогда что?

Д я д я В а н я (*очень серьезно*). Тогда — пламенный привет на тот свет.

В е д у щ и й. Скажите, дядя Ваня... Конфиденциально, между нами... Нас никто не слышит... Вы когда-нибудь задумывались о душе, о смерти, о вечности и тому подобных материях? Как там — на том свете?

Д я д я В а н я. Ну, ты дура-а-ак! Все там будем — сам и увидишь.

В е д у щ и й (*делая хорошую мину при плохой игре*). Ой, вы смешной! Передавайте свой привет поскорее.

Д я д я В а н я. Так я ж только что передал. Передаю также пламенный привет Николаю Пехлевановичу Касапиди! (*Орет в объектив.*) Колька, ты слышишь меня?!

В е д у щ и й. Вас невозможно не услышать. Колька, отзовись! Позвони нам в Останкино по телефону 666-66-66. Запомнил? Дядь Вань, у вас так много друзей? Где вы работали?

Д я д я В а н я (*скромно потупляя взор*). В Государственном Управлении ЛагереЙ.

В е д у щ и й (*выпучивает глаза*). Где-где?!. Не понял... В ГУЛАГе, что ли?

Д я д я В а н я. Так точно!

В е д у щ и й (*с восхищением*). На лесоповале?

Д я д я В а н я. Там тоже бывали... Гляди, гляди, балда! Барабан!

В е д у щ и й. Боже мой!!! Второй «плюс» подряд! Банзай! Брависсимо! Какую букву открываем?

Д я д я В а н я. Вторую.

В е д у щ и й. Я так и знал! Вы большой оригинал. Между первой и второй перерывчик небольшой — так?.. Раз, два... О! Буква «О»! Крутите дальше.

Д я д я В а н я. Кручу.

В е д у щ и й. Сколько лет вы отсидели в ГУЛАГе?

Д я д я В а н я. Какой срок мотал, спрашиваешь? Сорок с гаком. До ухода на заслуженную пенсию. А начинал с простого охранника. Был начальником пищеблока, замначальника лагеря... Всех должностей не вспомнить.

В е д у щ и й. Стоп, стоп, стоп... Не понял... Значит, вы это самое... Наоборот?

Д я д я В а н я. Что «наоборот»?

В е д у щ и й. Ну... Вы не зеком были, а наоборот?

Д я д я В а н я. Молодец, догадался.

В е д у щ и й. Так вы железный человек, дядя Ваня!

Д я д я В а н я. В каком смысле?

В е д у щ и й (*тихо, в сторону*). Гвозди бы делать...

Д я д я В а н я. Гляди, гляди!

В е д у щ и й (*хватается за голову*). Мама мия!!! Не верю своим глазам! Так в жизни не бывает. Третий «плюс» подряд! Мне плохо! Выбирайте букву.

Д я д я В а н я. Третью.

В е д у щ и й. Евственешно... Буква «Лы»! Леопид!

Д я д я В а н я. Ильич.

В е д у щ и й. Что вы сказали?

Д я д я В а н я. Я сказал: дорогой Леопид Ильич.

В е д у щ и й. Вас понято. Открываем букву «Лы». Что у нас получается? «СОЛ...». Крутите барабан.

Д я д я В а н я. Так не пойдет, начальник!

В е д у щ и й. Не понял...

Д я д я В а н я. Это Я тебе должен напоминать?.. Гони две шкатулочки!

В е д у щ и й. Ой, забыл! Вы абсолютно правы! Три угаданные подряд буквы дают право на две шкатулочки! Дашенька, прошу!

Появляется голоногая Дашенька с двумя шкатулочками на жостовском подносе. У дяди Вани выпадает челюсть, он долго ищет ее под ногами у Дашеньки.

В е д у щ и й. Итак, какое зло выбираете — меньшее или большее?

Д я д я В а н я (*жадно глядя не на шкатулочки, а на Дашеньку*). Почему — «зло»?

В е д у щ и й. Потому что деньги — зло.

Д я д я В а н я. Дурак, жизни не знаешь. Или притворяешься. Давай большую.

В е д у щ и й. Дашенька, открой большую... Абсолютно верно! Сколько там, посчитайте. Вы умеете считать?.. Пять тысяч рублей одной бумажкой?! Пять тысяч рублей! А в маленькой? Всего четвертак? Старый четвертак с Лениным? Из двух зол вы выбрали лучшее! И правильно сделали, дядя Ваня. Захватайте деньги, а то сопрут. Вам всегда так везло в жизни?

Д я д я В а н я (*ховая деньги*). Везло. Везило меня. (*Поет.*) «И возило меня, как осенний листок...»

В е д у щ и й. Спой, светик, не стыдись, здесь все свои.

Д я д я В а н я (*поет*). «Я в вишневом саду пил березовый сок... Я менял города, я менял имена... Если б видала мать... тара-рира-ра-ра...» Дальше забыл.

В е д у щ и й. У вас хорошая память. Сколько же вам лет, дядя Ваня?

Д я д я В а н я. Все мои. (*С гордостью.*) Ровесник века.

В е д у щ и й. Сколько ж это будет, приблизительно? Страшно подумать! Вы у нас долгожитель, вроде Молотова или Кагановича.

Дядя Ваня (с пафосом). Хочу жить, как Вячеслав Михайлович Молотов! А ты делай жизнь с Лазаря Моисеевича Кагановича. *(Смотрит на Дашеньку, глотает слюни.)*

Ведущий. Дашенька, ты свободна. Дядь Вань, вам нравится наша Дашенька? Могу познакомить.

Дядя Ваня *(глядя Дашеньке вслед)*. Познакомь. Хороша Даша — жаль, что ваша.

Дашенька уходит, покачиваясь на длинных ногах. Появляется Запасной Ведущий и что-то шепчет на ухо Ведущему.

Ведущий. Тьфу, черт! Забыл дать задание... Дядя Ваня, смотрите сюда. Вы должны назвать фамилию Выдающегося Русского Советского Писателя. У вас уже есть три первые буквы: «СОЛ...».

Дядя Ваня *(бормочет)*. Соловьев-Седой...

Запасной Ведущий. Не торопитесь, Иван Иванович. У вас в запасе есть ход.

Ведущий. Крутите барабан. Можно налево, можно направо — без разницы.

Дядя Ваня. Точно, без разницы. Как сказал товарищ Сталин: «Пойдешь налево — придешь направо». *(Из всех сил крутит барабан влево. Бормочет.)* Нет, не Соловьев-Седой...

Ведущий. А вы что, знавали товарища Сталина?

Дядя Ваня. Кто же не знал Иосифа Виссарионовича?.. Сологуб, что ли?

Ведущий *(с изумлением)*. А вы что, читали «Хромого беса»?!

Дядя Ваня. А ты как думал? Я за сорок с гаком лет перечитал все тюремные библиотеки страны. Нет, не Сологуб...

Запасной Ведущий *(встревает)*. Извините, дядя Ваня, но наш Ведущий опять ошибся...

Ведущий *(взбрыкивается)*. Где, где, где я ошибся?

Запасной *(терпеливо разъясняет)*. Ты неправильно объяснил дяде Ване задание.

Ведущий. Быть того не может! Где?.. На, читай, ты мне сам дал этот текст. Вот: Выдающийся, Русский, Советский, Писатель...

Запасной. Ну?

Ведущий *(чешет в затылке)*. Извиняюсь... Я таки ввел дядю Ваню в заблуждение.

Дядя Ваня (*наставительно*). Боевое задание нужно излагать четко, ясно и коротко, чтобы любому дураку было понятно. Ну, что там у вас?

Ведущий. Еще раз прошу прощения! Вот правильное задание: Выдающийся, Русский, Антисоветский, Писатель. Взгляните на табло: «СОЛ...».

Дядя Ваня. Так бы сразу и сказал. Солоухин.

Запасной. Не торопитесь, дядя Ваня. Пока барабан еще вертится, у вас есть время подумать. Что бы вы хотели выиграть в нашем Поле Чудес? Небось, автомобиль «Рено».

Дядя Ваня (*не раздумывая*). Дашеньку!

Запасной (*смеется*). Но вы уже старенький для этого дела.

Дядя Ваня (*сердито*). Поживи с мое — еще больше захочется.

Ведущий (*Запасному*). Слушай, где ты его выкопал? Совсем меня задолбал!

Запасной (*Ведущему*). Приперся утром с рекомендательной запиской от Самого... (*Указывает пальцем на потолок.*) Что у тебя происходит с барабаном? (*Указывает пальцем на барабан.*)

Ведущий. Что-то там заело. Никак не остановится, зараза!

Дядя Ваня (*раздумчиво*). Нет, не Солоухин. Солертинский, что ли?.. Нет, не Солертинский...

Зрители (*хором*). Сло-во, сло-во, сло-во!..

Ведущий и Запасной (*хором*). Не подсказывать!

А барабан все вертится... Даже набирает обороты.

Ведущий (*барабану*). С-сука!

Запасной (*неизвестно кому*). Падла!

Дядя Ваня (*ни к селу, ни к городу*). Есть у меня ленший друг, Колька Касапиди. Грек, золотые руки, народный умелец. Вечный срок до сих пор мотает — 15 лет за измену Родине плюс 10 лет за антисоветскую агитанду и пропаганду, плюс 10 лет по рогам, плюс то, плюс это — много у него плюсов, положительный человек. Он у нас в лагерях все вечные двигатели строил, причем разных конструкций. Намотал провода на катушки, пустил ток — и поехали! Бензопила «Дружба» за него сама пилила. Потом он из той пилы вертолет свар-

ганийл и прямо с лесоповала на той пиле по небу в бега подался. Куда — подбили, поймали... Плюс 10 за побег. Куда от нас улетишь?

В е д у щ и й (*злобно*). Кончай баланду травить! Слово давай! Антисоветский писатель на «СОЛ...»! Так и быть, подсказываю: Сол...

Д я д я В а н я. Не по правилам, начальник! Пока барабан еще вертится — может выпасть «банкрот».

З а п а с н о й (*подтверждает, шевеля усами*). Вертится, сволочь!

Д я д я В а н я. Я же говорю: вечный двигатель. Цель — ничто, движение — все.

В е д у щ и й (*Запасному, на нервах*). Ну что, что, что?.. Что делать?!

Запасной пытается придержать барабан пальцем.

Д я д я В а н я. Не трожь! Не по закону! Люди — свидетели! Звони Касаниди! Колян — спец, он должен на этот барабан посмотреть!

З а п а с н о й. Куда звонить?! Он что, этот Колян, до сих пор сидит?

Д я д я В а н я. Я же объяснял: вечный срок мотает! Звони в Воркуту!

В е д у щ и й (*мандражируя*). Пора кончать!

Д я д я В а н я (*угрожающе*). Кого кончать? Меня?!

В е д у щ и й. Передачу!

З а п а с н о й (*вкрадчиво*). Дядь Вань, а может, согласимся на японский телевизор, и дело с концами?

Д я д я В а н я. Звони Касаниди!

В е д у щ и й. А может быть, черный ящик с ключами от «Рено», и концы в воду?

Д я д я В а н я (*стоит несокрушимо*). Или давай Дашеньку, или звони Касаниди!

Вбегает Дашенька с оборванной телефонной трубкой.

Д а ш е н ь к а. Какая-то Касаниди звонит из Воркуты!

Д я д я В а н я (*кричит*). Это он, Колька!

З а п а с н о й (*недоверчиво берет телефонную трубку*). «Поле чудес» у телефона.

Г о л о с К о л ь к и К а с а н и д и. Сам вижу, что у телефона. По цветному телевизору. Какой системы твой вечный двигатель?

З а п а с н о й. Кто это говорит?

Г о л о с К а с а н и д и. Колян-Пехлеван. Для тебя — Николай Пехлеванович. Что там у тебя с барабаном?

З а п а с н о й. Крутится, черт! Остановить нельзя!

Д я д я В а н я (*забирая трубку у Запасного*). Слышь меня, Колька?.. Пламенный привет!

Г о л о с К а с а н и д и. Взаимно, Иван Иванович! Играй, Вань, играй! Держись, не бойсь! Пора кончать, Ваня, раз сами просят. Смени барабан — ты понял меня?.. На фиг тебе автомобиль «Рено», играй на бабу.

Д а ш е н ь к а (*поспешно*). Связь с Воркутой прервана!

Д я д я В а н я (*на что-то решается*). Слыхали, что Колян-Пехлеван сказал?.. Пока барабан еще вертится — есть предложение сыграть в другую рулетку.

Расстегивает двубортный пиджак и вытаскивает наган.

Д я д я В а н я. Равняйся! Смирна! Воляна! Внимательно слушай условие игры. В моем барабане два патрона на троих. Оставшемуся в живых достанется Дашенька в вечное пользование.

Вращает барабан нагана, протягивает наган Ведущему.

В е д у щ и й (*истерически*). На хрена она мне нужна в вечное пользование! Рекламная пауза!

Д а ш е н ь к а. Подлец! (*Изю всех сил бьет по голове Ведущего жестовским подносом.*)

Ведущий падает под барабан, его начинает засасывать в сопло вечного двигателя. Ведущий орет благим матом.

Д я д я В а н я (*с сомнением*). Пристрелить, что ли?..

С л а б ы й г о л о с и з т р у б к и. Пристрели, чтоб не мучился.

Дядя Ваня твердой рукой стреляет под барабан. Ведущего перемалывают шестеренки вечного двигателя. В Останкинс-

кой телестудии — безмолвие. Дядя Ваня протягивает наган Запасному Ведущему.

З а п а с н о й (берет наган двумя пальцами). Черт знает что! Я в такие игры не играю.

Д я д я В а н я. И тебе не стыдно перед публикой? Держи хвост пистолетом! Играй! На тебя вся страна смотрит!

З а п а с н о й В е д у щ и й (не желая терять имидж перед всей страной). Тогда вы первый!

Д я д я В а н я (отбирая наган и приставляя к виску). За Родину, за Сталина!

Нажимает на курок. Осечка. Передает наган Запасному Ведущему. Тот что-то медлит.

Д я д я В а н я. Ну?..

З а п а с н о й В е д у щ и й (снимает очки, приставляет наган ко лбу, зажимается). За Дашеньку!

Нажимает на курок. Выстрел. Запасной Ведущий замертво падает на черный ящик с ключами от автомобиля «Рено». В Останкинской телестудии — вечное безмолвие.

Дядя Ваня роняет челюсть, ловит ее на лету, усаживает онемевшую Дашеньку на жостовский поднос и уезжает с ней на автомобиле «Рено».

Из оборванной телефонной трубки доносится одобрительный голос из Воркуты: «А все-таки он вертится!»

Опускается занавес с тремя буквами: «СОЛ...»

Рекламная пауза.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НИНЕЛЬ!

Из археологических сказок Змея Горыныча

«Какая б ни была Совдепья — здесь рос и хавал черный хлеб я, курил траву, мотал в Москву... Тут — КГБ и пьянь в заплатах, но и Христос рожден не в Штатах; прикинь: в провинции, в хлеву. Какая б ни была имперья — иной выгадывать теперь я не стану, ибо э т у жаль. Где, плюрализмом обещен и голубем обкакан, Ленин со всех вокзалов тычет в даль. И я, вспоенный диаматом, грущу о Господе распятом — еврее, не имевшем виз. Что Богу был не худшим сыном, бродя по грязным палестинам, как призрак (или коммунизм). Не обновить Союз великий. Не обовьются повиликой кремлевские шарпиры звезд. Какая б ни была Совдепья — люблю ее великолепия: руину, капище, погост».

Эпиграф к книге Мишеля Шлимана
«КАКАЯ Б НИ БЫЛА МОСКОВЬЯ»
(Перевод с древнеросского Игоря Кручика)

1

Наш знаменитый археолог-самоучка Мишель Шлиман-второй, лауреат Нобелевской премии «За наведение мира между народами» и однофамилец великого Шлимана-первого (того самого, Генриха, раскопавшего Трою), родился в пригороде Иерихона рядом с 4-м иерихонским кладбищем в небогатой семье потомственных земледельцев, предки которых будто бы иммигрировали в древности из легендарной страны, читавшейся зеркально как слева-направо, так и справа-налево:

РЕСЕФЕСЕР
БЕСЕФЕСЕЬ

Житие семейства Шлиманов-вторых состояло из всяких разных «будто бы». Мишелев пра-пра-пращур, распродавший мебель и уехавший в Иерихон из древней полумифической Одессы, находившейся где-то на юге Ресефесер, будто бы

преподавал там славянскую филологию в Причерноморском университете. Успешно выдержав головоломный компьютерный тест-NASA и въедливое собеседование, бывший профессор филологии будто бы выиграл головокружительный соискательский конкурс и вроде бы получил работу второго помощника могильщика на 4-м иерихонском непривилегированном кладбище, где честно пропивал свои «судьбу-индейку и жизнь-копейку» — как он загадочно выражался. Недостовременно известно, что прадед Мишеля будто бы сажал апельсиновые деревья на Голанских высотах, дед копал каналы для кабельного телевидения на Аравийском полуострове, а отец-землепроходец постоянно пребывал в подземных служебных командировках, прокладывая длиннейшую в мире ветку метрополитена «Тель-Авив — Иерусалим — Дамаск — Тегеран — Кушка — Кабул» — и далее, до границы с Индокитаем; Израиль в те времена (кто помнит историю) еще не вышел ни к Индийскому, ни к Тихому океанам.

Простая будто бы жизнь, простые будто бы люди. Все ковырялись в земле, жили просто, долго и будто бы счастливо — ни одно из этих многочисленных «будто бы» не поддается проверке.

Одно несомненно: страсть к лопате, тяга к земле, любовь к легендам и мифам зеркальной страны Ресефесер передались мальчику по наследству от филолога-могильщика вместе с лопатой. Гены есть гены. Всю свою сознательную жизнь Мишель Шлиман-второй, выражаясь фигурально, «рыл носом землю», начиная с совковых игр в пасочки в детской песочнице, что рядом с 4-м кладбищем за авеню Бар-Кобзона. Игнали со сверстниками в иерихонских катакомбах в «жмурки-жмуриков» и в «казаков-разбойников», в подкидного дурака на погоны до самых тузов и, конечно, гоняли в футбол на резервном кладбищенском пустыре консервными банками или, что являлось особым шиком, невостребованными и бесхозными твердокаменными неандертальскими черепами, которые после тропических январских ливней вымывались из-под ограды и зирали на мир божий пустыми глазницами.

Окна панельной пятиэтажки выходили прямо на кладбище. Возможно, именно здесь, на иерихонской окраине, располагался когда-то райский сад с божественной яблоней — район, в общем-то, соответствовал библейской экспозиции, бедаром неандертальцы в древности облюбовали это благодатное местечко для своих покойников. Но с тех времен здесь

все изменилось. Садовника не нашлось, фруктовые деревья вырубili, пыль стояла столбом, и детство Мишеля проходило под непрерывный аккомпанемент медно-зеленых труб траурного марша Шопена. Мишель каждый день наблюдал, как рыли могилы и тягали покойников, да и сам принимал активное участие в этом вечном природном круговороте — подносил могильщикам на позиции хлеб, колбасу и водку. Его карманы, туфли, носки, уши всегда были забиты песком, землей, глиной, грунтом, — за что ему крепко доставалось от мамочки Эсфири Борисовны, не отличавшей благородную почву от низменной грязи.

— Ой, что делать, что делать... — привычно причитала она, выбывая из сына пыль.

Но дурь, в отличие от пыли, не выбивалась. Отец, дед и прадед Шлимань, сообразив в субботу на троих (пращур-одессит, дожив до ста одного года и дослужившийся к тому времени до полного могильщика с профессорским окладом, решил, что жизнь сделана, вырыл сам себе в подарок на день рождения хорошую могилу, выпил бутылку водки «с горла», улегся поудобней, уснул и преспокойно помер во сне в обнимку с лопатой, которую потом отдали Мишелю), — так вот, сообразив на троих, эти потомственные земледельцы мечтали о том, как оторвут Мишеньку от грязной земли и выведут «в люди», но у них из этого ничего не получилось — Мишель сделал, слепил себя собственными руками без помощи родственников — сам, сам и только сам вышел из грязи в князи.

По воспоминаниям современников, уже в пять лет Мишель заработал свой первый доллар-шекель, докопавшись совочком в уже упомянутой иерихонской песочнице с резными деревянными петушками до крохотной черно-зеленой монетки с непонятной надписью и с «оружелловским» годом на аверсе:

1
КОПЕЙКА
1984

Мишель почистил странную монетку о белые штанишки, монетка засветилась тусклой латуной, и на ее реверсе проявился ни на что не похожий старинный герб с изображением земного глобуса, обрамленного колосьями с ленточками и припечатанного серпом, кузнечным молотом и литерами «СССР», которые Мишель прочитал на аглицкий манер: «Це-ЦеЦеПе» (умел уже читать по-английски, подлец! — но не

знал, что означает это «ЦеЦеЦеПе»). И он, не зная «что делать», предложил латунную монетку местному ювелиру мсье Курицу, совершавшему променады вдоль кладбища по авеню Бар-Кобзона, пагуливая аппетит перед пасхальной вечерей:

— Купите монетку, мсье! Дешево отдам.

— Зеленая, как моя жизнь,— пренебрежительно отвечал ювелир Куриц, скрывая жадное изумление.— Где ты взял копейку, малыш?

— Где взял, где взял...— передразнил Мишель, стоя по колено в песочнице, крутя гребешок деревянному петушку и тоже удивляясь про себя: «Ужель та самая “жизнь-копейка”?»

Где взял — и так было ясно.

Быстрый торг состоялся — тем более, Эсфирь Борисовна уже кричала сыну из форточки:

— Ой, что делать! Миша, иди кушать!

Нельзя уверенно утверждать, что мсье Куриц обманул несмышленого мальчика (хотя, ресефесеровская копейка стоила по тем временам никак не меньше сотни американских долларов), — похоже, все же, ювелир взял монетку «как бы» в залог, «будто бы» на хранение. Вообще, мсье Куриц был честным, если не ювелиром, то человеком. По уходу Мишеля домой кушать, мсье пагулял себе аппетит, перекопав и просеяв весь песок в иерихонской песочнице, но больше ничего драгоценного не обнаружил — кроме огрызка яблока неизвестного сорта и насквозь проржавевших женских наручных часов «Победа» со слабой фосфорной радиацией. Через двадцать лет, когда Шлиман-второй прославился, мсье Куриц торжественно вернул ему эту копейку, а жене Мишеля, Марии Васильевне Сидоровой, преподнес отреставрированные ресефесеровские часы, которые шли лучше любых японских. Тогда же Куриц предложил Мишелю на паях искать легендарную платонову Атлантиду, но не встретил сочувствия. Он же, Куриц, исписал скучнейшими воспоминаниями о семье Шлиманов две стандартные ученические тетрадки, но издателя не нашел и положил эти тетрадки в швейцарский банк на сохранение, где их до сих пор никто не востребовал.

— Атлантида не Москва, Куриц¹ не птица,— так вздохнул о нем Мишель Шлиман, равнодушно полистав в преклонном возрасте эти розовые тетрадки с портретом молодой Голды Мейр.

¹ «Kouritz» — древнеславянск. Очень маленький мужской половой орган. «Kouritz не ptitz» — непереводаемая игра слов. В букваль-

А в тот день Мишель вернулся домой со своим первым честно заработанным долларо-шекелем в кулачке и с полными карманами геологических образцов песка и почвы — явился прямо к праздничному столу с пасхальной индейкой, мацой и расписанными под Хохлому куриными яйцами¹.

— Ой, что делать! Он меня убьет и в гроб закопает! — запричитала Эсфирь Борисовна.

— О! Явившая не жапылился! — прошенелявил беззубый прадед.

— Почему штаны красные? — спросил дед (штаны были испачканы не красной, а зеленой монеткой; но дед почему-то так ненавидел красный цвет, что ему везде мерещилось красное).

— Куда за стол с гязными гуками?! — отец сделал замечание с легким французским прононсом, который он подцепил на службе в Иностранном легионе на линии раздела по Уральским горам между Европой и Азией, когда там шла очередная племенная резня между аборигенами.

«Ужель та самая “судьба-индейка”?» — думал голодный ребенок, протягивая жадные ручонки к жареной птице и привычно не обращая внимания на странности предков.

Это была она, его судьба, — надутая птица с красными соплиями и с плохим характером.

Мишель немедленно получил по грязным рукам и выронил на цементный пол свой первый долларо-шекель, вызвав тихое изумление отца, деда и прадеда. Тут же был учинен допрос с пристрастием.

— Где взял, где взял... — отвечал обиженный мальчуган, но пришлось выложить все: «жизнь — копейка, судьба — индейка, куриц — не птиц» и так далее.

Отец, дед и прадед Шлиманы, наскоро хлопнув для храбрости по рюмке зубровки, наспех перекусив старым, несъедоб-

ном переводе: «Очень маленький мужской половой орган, который плохо летает». Сравни с древнерусской пословицей: «Баба не человек, курица не птица, Болгария не заграница, «Запорожец» не машина, «Черноморец» не команда, одесситка не жена». — *Прим. переводчика.*

¹ Эти и другие пищевые продукты, а также стоптанные армейские ботинки и поношенную военную форму в те времена по праздникам бесплатно выдавали в православных синагогах. — *Прим. переводчика.*

ным, по кошерным индюком и по-быстрому перекрестившись на позолоченные кресты новой синагоги, как были босиком, направились к мсье Курицу с требованием вернуть ихнему мальчику ресефесеровскую копейку, иначе они в его курицевой ювелирные окна побьют,— но ювелир не стал слушать речи этих выживших из ума мафусаилов, вытер жирные от пасхального поросенка губы и залиvisto засвистел в полицейский свисток, вызывая с авеню Бар-Кобзона дежурного фараона из полиции правов Егора Лукича Коломийца — того еще Держиморду!

Трем почтенным старцам под предводительством деда-дальтоника пришлось удирать от фараоновой дубинки через авеню на свое кладбище прямо на красный свет светофора — аж пятки сверкали!

Хорошо, что свет оказался зеленым. Когда фараон Коломиец ушел, Мишины предки прихватили пращурову погребальную лопату и сито для опиумного мака, вернулись к месту находки и в свою очередь перерыли и просеяли песочницу на большую геологическую глубину до самого палеолита — но, кроме очередного окаменевшего неандертальского черепа с громадными надглазными валиками, двух окурков (один со следами красной помады) и одного использованного презерватива, ничего не нашли — нашли они также все тот же огрызок яблока и, даже не выяснив, «антоновка» это или «белый налив», отбросили огрызок в сторону.

(Если в этой песочнице и росла когда-то яблонька, то под ней, судя по находкам, в самом деле происходило нечто вроде первородного греха, но райский сад за просто так не отдавал своих тайн.)

Пропустим детство.

В школе Мишель учился спустя рукава и, кроме как соседкой по парте, девочкой из приличной еврейской семьи, Машей Сидоровой, ничем не интересовался. Впрочем, на одном из уроков истории Древнего Мира его конечно же поразила биография великого Генриха Шлимана, раскопавшего Трою,— не то, собственно, поразило Мишеля, что Шлиман раскопал именно Т р о ю, а то, что Трою раскопал именно Ш л и м а н,— пусть и не родственник, пусть случайный однофамилец, но что поразительно: значит, и среди Шлиманов могут встречаться не-лоботрясы?!

Понятно, историю Троянской войны Мишель тут же выбросил из головы (застряли в памяти лишь простоватые ахей-

цы-трояницы, которые ни с того ни с сего, как незадачливые второразрядные шахматисты, хапанули в затяжном эндшпиле деревянного коня) и беззаботно занялся партийной соседкой Машкой — принялся пихать, пинать, лезть в трусы и дергать ее за многочисленные косички с бантиками.

И все-таки биография Генриха Шлимана явилась для Мишеля откровением. Возможно, уже тогда, в юные годы, как свидетельствует его добровольный биограф-ювелир, у Мишеля впервые возникла неясная мысль: «Вот бы откопать Москву!» Все, конечно, возможно, — по позволим себе не поверить мсье Курицу, потому что у каждого человека в душе захоронена своя Москва, и каждый находит (если находит) свою Москву в зрелом возрасте и по-разному.

Миша Шлиман с Машей Сидоровой, как последние ученики, обитали на последней, камчадальской парте и были последними учениками не только в классе, но и, наверно, во всех хедерах от Мадрида на Западе до Ташкента на Востоке, что и делало им честь: быть последними лоботрясами от Стокгольма на Севере до Аддис-Абебы на Юге — тоже все-таки достижение. Зато с той самой старомодной честью, которую «береги с молодую», у Мишеля с Машей обстояло неважно: по версии семьи Сидоровых, Мишель насильно испортил Машу; по версии Шлиманов — все было наоборот: Маша коварно соблазнила Мишеля. Где и когда произошел у них первородный грех, уже не узнает ни один Держиморда из полиции нравов. Мало ли... Прогуливая уроки, Мишель с Машей спускались в отцовский метростроевский штрек, простиравшийся аж до Кабула (находили там проржавевшие гильзы, каски и автоматы Калашникова; однажды даже откопали сцепившиеся намертво скелеты танка и вертолета — что не поделили между собой эти бронтозавры в глубокой древности?); загорали в прадедовской апельсиновой роще на Голапских высотах; смотрели крутую порнуху в эксклюзивных репортажах из шейховских гаремов по дедовскому кабельному телевидению...

Дело молодое...

Где-то и сами попробовали — в штрече ли метрополитена, в райской ли роще под апельсинами...

Однажды Мишель вернулся будто бы из школы весь какой-то притихший, задумчивый, с подозрительными белесыми пятнами на брюках, и Эсфирь Борисовна проникательно

посоветовала сыну то, что советуют подросткам сыновьям любящие матери во всех частях света:

— Ой, что делать... Когда кушаешь мороженое, снимай штаны, сынок.

А дед-дальтоник добавил:

— И никогда не ходи на красный свет, а только на зеленый, внучек.

В общем, в свои четырнадцать лет Мишель был уже далеко не мальчиком, а Маша — совсем не девочкой, но мужчиной и женщиной в биологическом смысле они еще тоже не были, не созрели еще; за что их и турнули из школы без аттестата зрелости, несмотря на торжественное обещание Мишеля жениться на Маше.

Наверно, пропитательный читатель уже решил, что Мишель обманул Машу?

Пропитательный читатель еще не знает Мишеля.

Шлиман-второй сдержал обещание и женился на Маше гражданским браком без регистрации в мэрии или в божьем храме (в синтетическую религию Яхве-Иисуса-Аллаха они не верили и в православную мусульманскую синагогу не ходили) — дело в том, что Шлиман-второй не то чтобы всегда плыл по течению и делал то, что полегче, — когда надо, он разгружал вагоны и пер на красный свет, — но все, что он делал, Мишель делал как-то спонтанно, «с понтом», не задумываясь, легко обходя всякие неразрешимые проблемы, и безнадежно запутываясь в мелочах, понятных любому ребенку. В общем, жениться на Маше ему было легче, чем не жениться — исчезали, например, проблемы с едой мороженого.

С тех пор Мишель и Маша всегда вместе. Завидная получилась пара. Да и как иначе — в молодости Марина Васильевна была настоящей еврейской красавицей — приземистая, с крепкими икрастыми ногами, широким тазом, узкой талией, с плоскими, как лепешки, грудями, с зелеными узкими глазами на плоском и круглом, как полная Луна, курносом лице с оранжевыми веснушками (ее еврейские прародители, предположительно, пешком пришли в Израиль с Чукотки через Уральские горы и Дарданелльский пролив) и с превеликим множеством тоненьких косичек-капатики в парадной прическе (эта прическа напоминала бы гадюшник, если бы не вплетенные в каждую косичку разноцветные бантики — на такую весеннюю тундру на голове тратилось до черта времени и до хрена денег, но парадные прически и дипломатические при-

емы были у них потом, потом, а пока время швырянья денег для Маши еще не пришло — есть время швырять и время зарабатывать деньги, как сказал мудрый Экклесиаст. Мишель же в юности был под стать жене: худющий, волоокый, рыжий, лохматый, с впалой грудью и с ятаганным посом на пол-лица — но все же главным в облике Мишеля был не шиобель, а ни с чем не сообразный белоснежный пучок седины, обрамлявший пониже живота его выдающееся мужское достоинство — женщины, сподобившиеся этот пучок лицезреть, сходили, что называется, с ума.

2

Итак, со школой покончено.

Без аттестата зрелости все дороги были закрыты, кроме Крайне-Дальнего-Северо-Востока, который супруги исходили вдоль и поперек, забредая даже на Северный полюс к оси Земли (однажды Мишель справил там большую нужду, повесив шубу на эту ось), — торговали подержанными компьютерами в Улан-Уде, коммивояжировали в стране Коми, мыли золото на Колыме в гостях у пугливого, но себе на уме, племени зека; у воинственных гекачепистов выменивали за тульские парезные дустволки соболиные шкурки, а у гордых бичей и бомжей за устаревшие гранатометы — металлические «рубли» зеркальной Ресефесер с чекашными профилями легендарных бородатых богатырей этой исчезнувшей страны.

Торговали мачтовым кедром, икрой, рыбой, солью, спичками, огненной водой, чистой водой, белыми медведями, льдом, углем, прошлогодним снегом, целебными грязями, сибирскими рудами, нефтью, якутскими алмазами — короче, «пахали», не чуждались любой работы. Приходилось даже пахать в буквальном смысле этого слова: выжигали лес, корчевали пни, возделывали делянки для опиумного мака и красных гвоздик, цепившихся коммунаками на вес латушной копейки, выращивали картофель и помидоры, заводили свинопфермы, завозили лекарства и апельсины, приучали туземцев к систематическому труду и к цивилизованной пище и насаждали мир и благоволение в человеках. (Кстати, Маша так и не взяла фамилию мужа — потому, наверно, что не хотела менять привычную и солидную еврейскую фамилию «Сидорова» на сомнительного происхождения «Шлиман».)

Первая встреча с аборигенами в районе Нижней Варты в среднем течении великой сибирской реки Еби ярко описана самим Шлиманом на крутой холостяцкой вечеринке в ресторанчике шведской академии по поводу вручения ему гуманитарной Нобелевской премии «За наведение мира между народами». В отличие от троянского Генриха Шлимана, старого, близорукого, нелюдимого, разобиженного людским непризнанием, Шлиман-Московский был человеком «как-с-гуся-вода» — толстым, рыжим, жизнерадостным, склонным к розыгрышам и дружеским попойкам. Все ему было «по барабану», как он выражался. Мишель петрезв в половину третьего ночи, тем лучше — ему слово.

Начало записи:

«Ваше величе... (обрыв в некачественной магнитофонной записи, залитой шампанским)... где шведский король, мать его дивизию? Смылся король? Ладно, продолжаю... (обрыв)... интересовала нефть... (обрыв)... сбросили нас прямо на бетон заброшенного нижневартовского аэродрома, — там недалеко стоит памятник нефтянику в телогрейке и с факелом, местные жители называют этого идола Алешей... (обрыв)... и самолет тут же улетел, даже крыльями не помахал, — эти трахнутые футбольные тиффози очень спешили вернуться в Тель-Авив к футболу «Маккаби» — «Манчестер Юнайтед». Мы с Машкой погасили парашюты и остались одни в этой нефтяной дыре — с лендровером, палаткой, провизией на полгода и всяческим экспедиционным барахлом... (обрыв)... там и сям посреди этой чахлой природы торчали первобытные нефтяные вышки. Лето — а холодно, белые ночи — а темно, низкое небо с черными облаками, из-под земли рвутся газовые факелы, пыль нефтью воняет, с северного бледовитого океана дует пронзительный сквозняк... (обрыв)... ладно, по барабану... (обрыв)... Ну, что? Это Машка спрашивает: ну, что будем делать? Отвечаю: ставь мне выпивку, потом будем вместе ставить палатку, а в палатке я буду ставить тебе палку... (обрыв)... смеется: ну, дурак ты! У тебя одно на уме!.. (обрыв)... устраиваться. Не успели... (обрыв)... как появились аборигены... (обрыв)... конечно, без хлеба-соли. Машка сразу в плач: ну вот, допрыгались! Сейчас посмотрим, кто кому чего тут поставит! Я приказал ей заткнуться... (обрыв)... потому что взял за правило — никакого оружия, чтобы не было соблазна... (обрыв)... дорогих гостей, чтоб их черт побрал... (обрыв)... выс-

тавил перед собой на бетон, как пограничный столбик, бутылку чистого спирта... (обрыв)... вместо пагана держал в руке банку консервированных сосисок, но у самого, конечно, колени дрожат, и очко не железное. Двое — как видно, самые смелые, остальные пугливо выглядывали из бывших ангаров по краям летного поля — неторопливо направились к нам. Первый, похожий на этого самого Алешу с факелом... (обрыв)... с похмелья... (обрыв)... угрюмый бугай под два метра, морда в синих шрамах, а в ухо вместо серьги ввинчен орден «Дружбы народов»... (обрыв)... чрезвычайно экзотично даже для аборигенов — перепачканная нефтью стеганая фуфайка-душегрейка, увешанная несметным количеством орденов и медалей, смазанные дегтем кирзовые сапоги, голубая папаха генерала морской авиации с позеленевшим крабом... (обрыв)... томат Калашникова... (обрыв)... похож на вождя местного племени — как оказалось на самом деле, он являлся Вторым Секретарем Нефтяного Райкома — что-то вроде заместителя Первого, я в этой сложной иерархии «секов» до сих пор толком не разобрался — персек, вторсек, сексот, генсек, гомо... (обрыв)... звали его Тсинуммок... (обрыв)... любимая поговорка — «А мне все по барабану». Только потом я узнал... (обрыв)... суеверные аборигены зеркальной страны иногда берут вторые, запасные имена или нарочно произносят и пишут (кто умеет писать) свои подлинные имена наоборот, справа налево, — эта нехитрая зашифровка применяется для того, чтобы жестокая богиня Нинель, которую они страшно боятся, не узнала их — кто такая Нинель... (обрыв)... о ней подробнее... (обрыв)... а второй... (обрыв)... одновременно толмач, денщик, адъютант и телохранитель нефтяного вождя — был гол как сокол, ростом в метр с кепкой, с красной гвоздикой в этой самой кепке и с саблей на боку, которая волочилась за ним по взлетной полосе... (обрыв)... ложки тоненькие, но кушать хочется. Звали его Газгольдер¹.

— Спроси у них, еханий бабай... (обрыв)... ать их мать, откуда они взялись, суки? С неба что ли свалились, ема-е? — приказал вождь Тсинуммок толмачу Газгольдеру, поигрывая автоматом и угрюмо смотря на пограничную бутылку огненной воды на бетонке.

¹ Напоминаем: иногда, чтобы узнать подлинные имена аборигенов, их нужно читать справа налево. Имя жестокой богини не исключение. Имя «Gazgolder», по всей видимости, прямое. — *Прим. переводчика.*

(Вождь говорил по-древнеросски, но я ничего тогда еще не понимал, хотя, конечно, смысл вопроса был прозрачнее самой прозрачайшей огненной воды из отборной пшеницы.)

Толмач Газгольдер... (обрыв)... жадного взгляда от консервной банки с цветной соблазнительной этикеткой, изображавшей а-ля натюрель баварские сосиски с горчицей... (обрыв)... спросил на очень плохом английском:

— Где взял, однако?

— Где, где... — ответил я. — В магазине купил.

— «Ишимская»¹, однако? — брезгливо спросил Газгольдер, указывая на бутылку огненной воды.

— Чистый спирт, — успокоил я.

Газгольдер что-то уважительно сказал вождю; я лишь уловил слово «медицинский».

Как вдруг из палатки появилась Машка с хлебом-солью и с вышивальными рушниками, и второй секретарь...

(Далее следуют сплошные обрывы, прерываемые древнеросским матом)...»

Прервем обрывы.

Первый контакт с аборигенами прошел благополучно. К величайшей Машкиной досаде, она, как женщина, несколько не заинтересовала нефтяного вождя, хотя в те времена нравы у аборигенов были простые — «твоя жена — моя жена». Чукотская Машкина красота, сводившая с ума западноевропейских мужчин, не выдержала конкуренции с медицинским спиртом и с банкой сосисок. Вождь Тсинуммок не торопясь уселся посреди разбитой травой взлетной полосы на пустой ящик из-под макарон, в три глотка осушил бутылку огненной воды, закусил торчавшим из бетонки ядовитым грибочком, сожрал свежую буханку ржаного хлеба и с неохотой отбросил недоеденную горбушку ходившему вокруг него и жалобно урчавшему толмачу, которую Газгольдер мгновенно проглотил.

Затем вождь, не сходя с ящика, принял позу роденовского мыслителя и уставился на консервную банку с сосисками. Упрямый мыслительный процесс отпечатался на челе аборигена, но Мишель покровительственно похлопал его по плечу и достал новенький консервовскрыватель с титановым лезви-

¹ «Ishimskaja» — название нижневолговского самогона. — *Прим. переводчика.*

ем и с деревянной ручкой и уже собирался вскрыть банку с сосисками, но реакция аборигена оказалась весьма неожиданной. Вождь сразу догадался, в чем тут дело.

«Эврика! Я сам!» — было написано на его лице.

Надо было видеть, с каким восторгом Тсинуммок выхватил у Мишеля копсеровскрыватель, с какой нежностью погладил лакированную деревянную ручку и с какой любовью провел пальцем по хромированным титановым поверхностям! Потом он торопливо и неуклюже, порезав палец о зазубренные перовные края пищевой жести и отталкивая прикладом автомата напиравшего под руку толмача, вскрыл банку с сосисками.

Кровь из пальца вождя капала на бетонку. При виде крови Шлиману чуть не сделалось дурно. Толмач Газгольдер ронял слюну и с нетерпением верещал, а Машка в этот момент вынесла пиво: бутылку пива — в одной руке, толстую стеклянную кружку — в другой. Пиво окончательно убило вождя. Вождь даже забыл про сосиски. Еще бы: можно только предполагать, когда Тсинуммок пил пиво в последний раз, тем более из граненой стеклянной кружки — в лучшем случае, лет десять тому назад при разгроме и поджоге 3-го Уральского пивзавода. Но на толмача Газгольдера по молодости лет пиво не произвело никакого впечатления, и он, пользуясь случаем, выдергивал из-под руки сраженного вождя молочные баварские сосиски и, пуская слезы от непривычной горчицы, пожирал их.

Тсинуммок не знал, что первым хватать... глаза разбегались... копсеровскрыватель... пиво... кружка... сосиски... сосиски... кружка... пиво... копсеровскрыватель... вождь шлепнул по рукам толмача, вождь сунул копсеровскрыватель в карман своей душегрейки (будто там ему и место, будто он там всегда лежал), вождь выхватил бутылку пива из Машкиных рук...

Но Мишель вдруг совершил один из тех своих безумных поступков, которые приносили ему удачу, — он скрутил огромную дулю и укоризненно сказал вождю:

— Нехорошо брать чужое, однако!

Газгольдер от ужаса подавился сосиской — оскорбительней жеста аборигены не знали (разве что рубануть ребром ладони по локтевому суставу и поводить рукой перед носом противника). Тсинуммок в ответ мог скосить Мишеля автоматной очередью и был бы прав, но вождь от неожиданности так

смутился, что потерял лицо, поспешно вывинтил из уха орден «Дружбы народов» и жестаи предложил честный обмен: орден на консервовскриватель.

Мишель, не долго думая, кивнул головой.

Тсицуммок все понял. Он с мясом вырвал из душегрейки орден «Знак Почета» и ткнул пальцем в стеклянную кружку, но Мишель на этот раз покачал головой, показал два пальца: мол, «кружка на два ордена», и дополнительно ткнул в орден «Трудового Красного знамени» на груди вождя. Вождь не торговался. Вышиванные полотенца пошли за медаль «Мать-героиня», а пустые бутылки из-под спирта и пива — за красивый значок члена общества ДОСААФ. Толмачу Газгольдеру бесплатно досталась зазубренная консервная банка.

Так на просторах Западной Сибири состоялась первая взаимовыгодная сделка между Шлиманом и дикарями, положившая начало дружбе народов и раскопкам Москвы.

Дела у Шлиманов-Сидоровых шли постепенно в гору, потому что в этих дремучих местах у них почти не было конкурентов — кому охота осваивать варварские территории у черта на куличках у Полярного круга? Дюпону? Ротшильду? Или, может быть, мсье Курицу?.. Отнюдь. Им подавай Атлантиду! Любителей было мало, а места много. Неосторожного путешественника тут запросто могли подстеречь, пленить, расстрелять, сварить, сожрать — или снежные люди-неандерталоиды, или первобытные коммуняки, целыми кланами охотившиеся на расплодившихся амурских тигров, переплывавших Итиль (как видно, древняя Волга), задравших последних зубров в Беловежской Пуще и в особо голодные зимы не брезговавших человечинкой (как тигры, так и коммуняки). Или, того хуже, можно было угодить в плен к таинственнейшим жидомасонам в районе Биробиджана — этих редкостных антисемитов как будто никто никогда не видел, но они прятались везде, за каждым кустом и деревом, вроде кровожадных гремлинов или вурдалаков. Но и жидомасонов Мишель не очень-то боялся, потому что, как уже говорилось, делал то, что полегче, и как Бог на душу положит, несколько не притворяясь: с коммуняками он был коммунякой — кожанка, незаряженный паган на боку, красная гвоздика в петлице; со сталиняками (племя, родственное коммунякам, но позлобнее и песговорчивее) был сталинякой — усы, сапоги и голая задница; даже подозрительное племя ура-патриотов принимало

Мишеля за своего в епотовой шубе с позолоченными погонами и в овечьей папахе — так что повстречай Мишель жидомасона, еще неизвестно, кто у кого больше бы крови выпил.

Не превращая жизнеописание Шлимана-второго в этнографический очерк, отметим, что для коммуняк Мишель был просто дядей Мишей (называли они его, естественно, справа налево: Ашим, дядя Ашим; для сталиняк — Михайлом Шоломовичем; патриоты видели в нем чуть ли не самого Михаила-архангела; для звиядистов он был Михо; для зеков — просто Мишуня; экзотические бородачи-барбудосы, пришедшие в сибирскую тайгу через Берингов пролив чуть ли не с острова Кубы, называли его доном Мигелем; известен он был также под именами Макс, Микаэль, Михоэлс, Мойша, Мойва, Майкл; а в общем, для эвенков и алеутов, коммуняк и сталиняк, патриотов и совсем уже одичавших номенклатурщиков, и конечно же, для родимых камчадалов Шлиман-второй был чем-то вроде Миклухи-Маклая для папуасов — помощником, другом, учителем, миссионером — добрым и полезным человеком немного не от мира сего, которого как-то не резон окупать в бронзовый котел с кипятком, зато можно немножко обдурить, выменяв за несколько орденов и медалек отличный консервовскрыватель или даже старинную тульскую двустволку.

Конечно, его отношения с аборигенами не всегда обстояли гладко: Мишеля грабили на больших таежных просеках, и угоняли во глубину сибирских руд или на туруханскую каторгу, и держали заложником (а Машу в палатниках), и конфисковывали ландровер со спиртом, и так далее и тому подобное.

— Давно что-то не видно нашего Лешима, однако, — говорили в таких случаях знатные номенклатурные аборигены, соскучившиеся по пиву с сосисками.

Они барабанами созывали Верховный Совет где-нибудь в очередной столице в Хапты-Мансийске или в Вась-Вась-Юганске, усаживались за длинным столом в виде большой буквы «Т», который таскали с собой по тайге, выбирали Дежурного Генсека, раскуривали люльку мира и так долго и молча дымили и кашляли во Дворце Культуры под переходящим Красным Знаменем, что сталиняки (или омовцы, или кто там был виноват) не выдерживали всеобщего молчаливого осуждения и отпускали Мишеля из очередного магаданского рабства, а Машу из какого-нибудь веселого сахалинского вертепа.

Потом они две недели пили, ели, пели, спали, писали нулю (ленинградку и сочишку, с хозяином горы, с переходящими распасами, со сталинградами, с брандерами и без), играли в смертельную русскую рулетку, любили поспорить о приоритетах национальных или общечеловеческих ценностей и решали всякие пасущие вопросы — кому, например, вручить переходящее Красное Знамя, а кому таскать за собой Т-образный стол. Эти вечеринки-посиделки с ершом¹ и со стрельбой назывались у них «плепумами цека» и чем-то напоминали собрания рыцарей круглого стола короля Артура. Вождь Тсинуммок, конечно, был членом политбюро, бывал и Дежурным Генсеком. К тому времени он уже стал Первым Секретарем Нефтяного Райкома, съев своего предшественника («съев» в переносном смысле этого слова, хотя никого не удивило бы, если бы Тсинуммок съел соперника буквально. Но — пожалел).

Состоялось также примирение с Машиными и Мишиными родителями, когда Мишель с Машей привезли в Иерихон подарки — полный мешок металлических рублей, настоящую монгольскую юрту и экзотическую дойную корову-буренку, занесенную в Красную Книгу. Мсье Куриц чуть не загноился от зависти при виде монет с усатыми, бородатыми и лысыми профилями богатырей Ресефесер — за один такой рубль в те времена можно было полтора года жить на Гаити, пара-тройка серебряных «лысеньких» стоили целое состояние, а сегодня они попросту б е с ц е н н ы; Егор же Лукич Коломиец, напоминавший вождя Тсинуммока своей раскоряченной походкой и железными клешневыми руками, вроде гаечных ключей, при виде коровы уронил резиновую дубинку, ласково потрогал краснокишное животное за вымя, и инстинктивная слеза какого-то древнего первобытного воспоминания скользнула по небритой щеке фараона.

— Коровушка-буренушка... — только и смог сказать Егор Лукич.

Примирение состоялось, свадьба отпраздновалась. Жаль, одесский прапрадед не дожид до этого дня. Мишелев прадед наконец-то вставил полный рот золотых зубов, дед вдруг возлюбил красный цвет и стал спокойно переходить дорогу (Егор

¹ «Eorsh» — агрессивная колючая рыба северных рек (вроде пиранья) и одновременно смесь огненной воды с пивом. — *Прим. переводчика.*

Лукич его не только не трогал, а наоборот — брал под козырек и останавливал движение, потому что ежемесячно получал от Эсфири Борисовны копейку на водку), отец наконец-то выкупил боковую, но доходную ветку метрополитена «Кабул — Ташкент», а Эсфирь Борисовна перестала бояться буренку и научилась ее доить. Семья Сидоровых купила кусок земли на месте детской песочницы, разбила юрту и стала жить в пей припеваючи на персидских коврах; а также впервые приобрела в Туле, что под Тель-Авивом, недвижимое имущество — ружейный тульский заводик всего-то за пять лысенских.

Шлимань—Сидоровы становились своими людьми в деловом мире, хранили коллекционные рубли в Центральной Швейцарской Сберегательной Кассе, водили знакомства с Ротшильдами и Рокфеллерами и даже бывали приглашаемы на приемы к Царю Иудейскому Кагору 4-му, этому просвещенному конституционному монарху из династии рабби Ндранатов Кагоров; запросто открывали дверь ногой к 42-му Президенту Великого Израиля Ицхаку Ивановичу (из сербо-хорватов) — и никто в высшем свете не спрашивал у Мишеля и Маши какого-то аттестата зрелости.

К этому же времени относится повышенный интерес Мишеля к поискам Москвы, столицы зеркальной Ресефесер. Как видно, наконец-то сработал инстинкт, взыграли гены — и возникла потребность в каком-то внутреннем аттестате зрелости. Мишель ходил с лопатой по руинам великой империи, все здесь криком кричало о том, что зеркальная страна лежит у него под ногами. Аборигены, особенно дети, тащили в обмен на жвачку и презервативы всякие мелкие находки — настольные алебастровые бюстики вождей с козлиными бородками и почтовые лакированные картонки с изображением трехтрубного старинного корабля «Аврора». Каменные бабы с веслами и гранитные мужики в шинелях, стоявшие на курганах или лежавшие лицом в грязи, красные вымпела, похвальные грамоты, шербатая посуда с надписью «Общепит» в туземных юртах и землянках, остовы первобытных тракторов и комбайнов «Нива», занесенные пылью в пустынях Казахстана, трансконтинентальная заржавевшая железная дорога, поднимающаяся в кронах векового леса над дремучей тайгой от Уральских гор до Тихого океана — все указывало на присутствие здесь древней цивилизации.

Отступать было некуда — где-то здесь в земле лежала Москва.

Но когда Мишель заводил с аборигенами осторожные разговоры о столице зеркальной империи: «Ребята, не Москва ль за нами?», те пугались и как в рот воды набирали (а вождь Тсинуммок набирал в рот воды в прямом смысле, отбегая к ближайшему колодцу или речушке), пожимали плечами, отрицательно мотали головами, разводили руками и, вообще, всем своим видом изображали полнейшее непонимание и напускное равнодушие. Они явно что-то знали.

Но слава троянского героя и однофамильца не давала покоя Мишелю. Ведь что сделал в свое время Генрих Шлиман-первый? Он плюнул на все и попросту осуществил свою заветную детскую мечту, рассчитался с судьбой за неустроенные детство и юность — пришел, увидел, откопал.

Вот и все. Просто? Еще бы! Но мало кто может похвастаться тем, что в детстве мечтал стать, например, пожарником и стал им.

Гонимый неумолимой индейкой, Мишель отправился по стопам своего знаменитого предшественника. Как Генрих Шлиман выделил фактологическую квинтэссенцию из гомеровской «Илиады», так и Мишель начал плясать от печки — обратил пристальное внимание на бесспорные факты в эпосе Ресефесер.

Не в пример гипотетической курицевой Атлантиде, Зеркальная Страна когда-то существовала, и ее местонахождение неплохо известно из хроник, летописей и аналов — это для археолога самое главное.

«Конечно, легенда о выходе древнеросского богатыря Юрия Гагарина в космос — чистой воды вымысел, вроде мифа о вечном построении коммунизма в одной и той же, отдельно взятой стране, — рассуждал Шлиман. — Если сравнить эту легенду с легендой о древнегреческом Икаре — наблюдается чуть ли не прямое заимствование. Хорошо известно, что первым в космос вышел германский тевтон Герман фон Титов — впрочем, арийская версия космического приоритета тоже недостаточно аргументирована археологией, хотя, бесспорно, в основе подобных легенд лежат подлинные факты; несомненно, что-то в космосе в те времена происходило, и росы, возможно, приложили руку к освоению космического пространства. Зато очень красивая легенда о том, что какая-то вечно живая кухарка Нипель какой-то период управляла русским

государством, абсолютно не имеет с действительностью ничего общего, как и аналогий в других эпосах».

«Возможно, иносказание? — раздумывал Мишель.— Аллегория, вроде пушкинских «ткачихи с поварихой с сватьей бабой Бабарихой»? Какая кухарка? Имя — Нинель, допустим. Отчество, фамилия?.. Возраст или хотя бы, в каких годах до нашей эры правила громаднейшей из империй? Хотя какое-нибудь скульптурное изображение... Нич-его неизвестно! Конечно, можно представить прекрасную кухарку, этакую серую кардинальшу Нефертити из простолюдинок, вершившую судьбу страны в постели очередного дряхлеющего генсека, по археологию, как и всякую подлинную науку, все-таки интересуют материальные памятники и достойные доверия письменные свидетельства; все остальное — сплошные помехи и шум от шумеров-шмумеров».

3

Первым делом Шлиман прильнул к истокам, обратился к самому первому достоверному историческому известию о легендарной стране.

Известие Бертинских анналов 839 года являлось главным аргументом в пользу норманистской концепции происхождения русской государственности. Известию-839 до Шлимана была посвящена обширная литература в вольных переводах на многих языках мира с конструированием самых разнообразных историко-гипотетических построений, но только Шлиман дал достаточно неожиданную и обоснованную ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ трактовку Известия.

Как известно, в Бертинских анналах сообщается, что германский император Людовик Благочестивый принимал 18 мая 839 года в южнонемецком городе Ингельгейме послов императора Византии Теофила. Вместе с этими послами Теофил отправил к германскому императору...

Начало цитаты из Бертинских анналов, первое известие о стране Рос:

«...неких [людей], которые говорили, что их [то есть, их народ] называют Рос [Rhos], и которых, как они говорили, царь [гех] их, по имени Хакан [Chacanus], отправил к нему [Теофилу] ради дружбы. В упомянутом письме [Теофил]

сообщал, что люди эти весьма оригинальны [originalis] и просил, чтобы император Людовик милостиво дал им [послам] возможность воротиться [в их сторону] и охрану по всей своей империи, так как пути, которыми они [послы] прибыли к нему [Теофилу] в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, а он [Теофил] не желал бы, чтобы они [послы], возвращаясь по ним [путям], опять подвергались опасности. Тщательно расследовав причину их [послов] прибытия, германский император узнал, что они принадлежат к шведскому народу [eos gentis esse sueonum]; и, считая их скорее разведчиками по тому царству [Византии] и нашему [Германии], чем искателями дружбы, он [Людовик] решил задержать их [послов] у себя, чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет. И он [Людовик] поспешил сообщить ему [Теофилу] через помянутых послов и письмом также и о том, что он [Людовик] их [послов] из любви к нему [Теофилу] охотно принял; и если они окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им [послам] безопасно вернуться на родину, то они будут отправлены [туда] с охраной; в противном случае они будут возвращены к его [Теофила] особе с тем, чтобы он сам решил, что с таковыми [послами] надлежит сделать».

Составитель анналов (летописец)
Пруденций [Proudenzio],
придворный священник
императора Людовика

Вот такая цитата.

Как отмечали солидные ученые, само Известие-839, содержащееся во вполне достоверном источнике, не вызывает сомнений (императорский двор середины 9-го века в небольшом германском городке Ингельгейме был, по всей вероятности, невелик, и летописец (анналист, хронолог) Пруденций явно видел послов государства Рос собственными глазами. Главное же значение известия Бертинских анналов в том, что оно дает наиболее ранние сведения о существовании Рос, указывает первую точную дату (839 год) в истории этого государства и позволяет установить его географическое местоположение на картах Восточной Европы.

Но Шлиман в поисках Москвы копал глубже и... велико-
лестно ошибся!

Не будем описывать весь ход его остроумных рассужде-
ний, для Шлимана особый интерес представляла психологи-
ческая подоплека бертинского известия. То, что государство
Рос располагалось где-то посередине великого пути из «варя-
гов в греки», младенцу понятно — ни севернее, ни восточнее,
ни южнее располагаться оно никак не могло (север и восток
были слишком далеки от геополитических интересов Визан-
тии того времени, чтобы с такой помпой принимать тамошних
послов да еще втягивать в эту помпу германского императора;
а на юге ближайшие соседи Византии хорошо известны — тур-
ки, болгары, хазарский каганат).

Далее:

«Титул царя росов, «хакап», несколько не происходит от
хазарского титула «каган», — решил Мишель, — а, безусловно,
от древнеросского «пахан» — просто летописец Пруденций на
слух ошибся. Тот же Пруденций не только воочию видел
весьма «оригинальных» [originalis] послов Рос, но и общался
с ними — более того, красивый и четкий каллиграфический
почерк Бертинских анналов (за что, собственно, и держали
Пруденция в должности летописца) именно в этом неболь-
шом известии, написанном в тепленькое утро 19 мая 839 года
сразу после официального приема послов Рос, превращается
в курицеланую похмельную борозду с кляксами — можно
лишь представить, с какого великого бодуна записывал это
известие каллиграф Пруденций! Что он там накарякал?.. Ни
черта не понять — не только почерк, но и обычно ясный, точ-
ный и лаконичный стиль Бертинских анналов именно в этом
известии превращается в косноязычное мычание с обилием
исправлений, пояснений и местоимений «их, тех, это, того, это
самое, как его...».

Можно лишь представить первое появление росов в Евро-
пе, вспомнив попойку Шлимана в шведской королевской ака-
демии: глубокая ингельгеймская ночь, пир в императорском
дворце в честь прибытия послов, Людовик Благочестивый
уже под столом, летописец Пруденций лыка не вяжет и не-
сет всякий вздор; двое росов (швед, он хоть и Рюрик, но уже
перешел в русскую веру) глушат все подряд и уже начинают
выяснять между собой отношения:

«Ты кто такой?»

«А ты кто такой?»

В самом деле: кто же они такие? Почему поначалу приняты германским императором за германских шпионов, а потом вдруг сделались лучшими друзьями?

Дело в том, что один из них, переводчик,— безусловно, швед (варяг, скандинав, норман, чудь, «искатель счастья и чинов, заброшен к нам по воле рока»), а второй (вот она, первая достоверно зафиксированная летописцем Пруденцием русская историческая фигура!) — а второй, собственно, и есть коренной рос, Великий Посол новой державы. Но германский император не разбирается в национальных тонкостях, для него все шведы, что китайцы, на одно лицо, императору подозрительна путаница самопозваний — почему эти чудные шведские викинги из скандинавских норманов называются Рос? Они сами так себя называют, или кто их так называет?.. Страшно: почему не пошли из Византии домой, в какую-то свою Москву [Mousikowius], которую так любят и называют раем земным, а обходят ее стороной, делая крюк через пол-Европы? Где имение и где наводнение, где Москва и где Ингельгейм!.. Первая мысль при встрече: «Шпионы!» Первая мысль на следующее утро: «Рассолу!» В свою очередь, русский Посол, естественно, ни бельмеса не смыслит ни в греческом, ни в немецком, ни в международной латыни (только и вы зубрил по-английски: «на Rusi veselie piti»), он впервые выехал за рубеж, весь политес за него решает швед, но и норман не тянет уже, кишка слаба у викинга, спит скандинав, уронив голову в серебряное блюдо из императорского сервиза.

«Чудик ты... рюрик ты... — пьяно бормочет Посол, но в блюдо еще не падает, посольскую марку держит. — Что росу польза, то немцу смерть».

Остается лишь предположить, что московский Пахан, снабдив Посла инструкциями и подарками для Теофила и сунув кулак под нос: «Гляди мне!», отправил его в Византию прошупать «что там, да как с проливами» еще в конце апреля или в начале мая прошлого (838-го) года, когда вскрылся ото льда Борисфен-Славутич, и можно лишь представить, как московский Посол с переводчиком и с телохранителями, медленно плывя вниз по течению из варягов в греки («среди племен варварских и бесчеловечных»), останавливаясь буквально у каждого столба на греко-варяжском пути и в каждом жидовском трактире, в жутких пьянках с драками и христованьем присоединяя к Роси деревлян, берендеев, кривичей, вятичей и берковичей, обещая им рай земной в объятьях

Москвы, и подминая под себя каких-то совсем еще диких аб-реков, чучмеков, половцев, печенегов и архаровцев, добрались наконец вдвоем (телохранители, конечно, спились по дороге) к началу зимы до Константинополя — полупьяные, оборванные, без посольских грамот и без паханских личных подарков императору Теофилу, но первым делом с наглостью неимоверной прибив гвоздями свой щит на ворота Цареграда (то есть, тут же по-наглому переименовали чужую столицу — мол, так и было!), покорили императора Теофила своими честными голубыми глазами, естественным младенческим поведением и полной неспособностью вспомнить, откуда они пришли.

«Ну, послал Бог соседей!» — пришибленно подумал византийский император.

Потом Теофил за пятачками-банками и душеспасительными беседами о рае земном в стране Рос уже ни о чем не думал до самой весны, а в женский день 8-е марта 839 года, продрав глаза, наконец увидел, что коровы не доены, дети не кормлены, жены не ...ы, понял, что так дальше жить нельзя, написал рекомендательную записку и отправил дорогих гостей, которые забыли дорогу домой (врали конечно, просто не хотели возвращаться домой под топор московского Пахана, «который слезам не верил»), к германскому императору, который в свою очередь, выйдя из запоя, отфутболил русских послов искать свою Москву к французскому королю.

Таким образом, Шлиман предположил, что земной рай, куда послы хотели, но никак не могли вернуться, находился где-то между Германией и Византией в среднем течении Борисфена (послы называли свою главную реку то Днепром, то Славутичем), в этом естественно-историческом фокусе Восточноевропейской равнины.

Шлиман взялся за свое первое Дело, но оказалось, что первым делом нужно было получить лицензию на археологические раскопки.

Его окружали враги, цивилизованные враги! Легче поладить с голодными дикарями (попросту накормить их), чем с цивилизованными мсье курицами — они всегда сыты, но жрут тебя просто из гастрономического интереса. Шлимана не принимали всерьез. Снабжали протухшими консервами и разбавленным мочой бензином. Его лопате не разрешали копать. Особенно доел Мишеля очередной мсье куриц из посольства в автономном Симферополе — прекрасный, отлично сохра-

нившийся образец посольского чиновника-бюрократа по имени Отвал-башки: плотный, холеный еврей из крымских татар, без живота, свежий, отдохнувший, загоревший, только что из Ялты, в золоченой оправе, с лысиной, с усиками — ах, как он был хорош!

— Что вы там собираетесь копать — Атлантиду?.. — допытывался Отвал-башки. — Что-что?.. Рай на земле?.. Москву? Какую Москву? А разрешение на Москву у вас есть? Надо уплатить налог на археологические раскопки.

— Но эти раскопки будут производиться за пределами Израиля, — объяснял Шлиман. — Эта земля НИЧЬЯ.

— Ничейной земли не бывает. Если же вы обнаружите рай на земле, то обязаны немедленно поднять израильский флаг и сообщить в ближайшее посольство — рай на земле автоматически станет нашим.

— Но раскопки проводятся в благотворительных целях.

— Это как? — не понял Отвал-башки.

— За свой счет и по согласованию с местными племенными органами самоуправления. В моей экспедиции будут заняты сотни безработных аборигенов. Оплата по договору, бесплатное питание и лечение, премии за особо ценные находки.

— Не знаю, что вы задумали, но все равно вы их обогорите. Благотворительность должна подтверждаться документально. Вы можете подавать нищим на улице — это ваше личное дело, но это действие не называется благотворительностью. Производство раскопок с возможным нахождением исторических ценностей требует государственного присмотра. Нужно экспертное заключение.

— Вывоз ценностей производиться не будет.

— Не верю, но тем более — на фиг вы нам нужны без ценностей? — намекнул Отвал-башки. — Политическая обстановка в Приграничье непредсказуема. Каждый день перевороты. О каком самоуправлении вы говорите — там в некоторых глухих местах до сих пор сохранилась советская власть. Кому копало... извиняюсь, кому попало копать не позволят — ни мы, ни они. За вами придется все время присматривать и выдирать из критических ситуаций. У меня и без того много дел.

— А взятки вы берете? — прямо спросил Шлиман и деловито полез в карман.

— А как же! — обрадовался Отвал-башки. — Археологическими драгоценностями.

— Во! — ответил Шлиман, делая двойной оскорбительный жест: вытащил из кармана фигу и рубанул ребром ладони по локтевому сгибу.

Удивительно, но прошло и на этот раз: Отвал-башки уныло понюхал фигу, немного подумал и выдал Шлиману пустой бланк-разрешение на гербовой бумаге с запечатанными ленточками:

— Так бы сразу и сказали. Заполните сами. Кстати, флаг у вас есть? Возьмите шелковый, в посольстве.

Мишель с этим флагом изъездил на лендровере всю Восточноевропейскую равнину вдоль и поперек к северу от развалин Днепрогэса, обнаружил место с тремя подозрительно удобными холмами над рекой и остатки пешеходного моста к пляжам и огородам, на свой страх и риск начал раскопки и откопал-таки первую столицу Роси с памятником какого-то дядьки с булавой на коне.

Откопал, схватился за голову и сказал себе:

«Дурак ты! Конь с яйцами! В огороде бузина, а в Киеве дядька! Богдан! Схылы Днепра! Киев — мать городов русских! Рось, да не та! Киевская, а не московская!»

Гениальная ошибка, принесшая Шлиману всемирную, хотя и насмешливую известность, напоминала Колумбово открытие Америки: искал Рось Московскую, а откопал Киевскую.

Бывает.

Ошибся.

С кем не бывает — даже с Колумбом.

В Симферополе чиновник Отвал-башки ухмылялся и, в ожидании археологических драгоценностей, на всякий случай подшивал к делу антишлимановские обвинения: плохая научная работа, несоблюдение контрактов, подкуп населения, разжигание межплеменных конфликтов.

Мировая общественность, насмехаясь над Шлиманом, как-то пропустила, не заметила, что Мишель в с - т а к и откопал Киев, хотя так и не понял, почему неизвестный русский летописец назвал Киев именно матерью, а не отцом городов русских...

«Возможно, русский летописец был под стать своему германскому брату Пруденцию?» — предположил Шлиман.

Кстати, ошибиться было совсем не мудрено. Помимо коверканья собственных имен, народ Рос имел манию то и дело менять столицы и называть свои города двойными, тройны-

ми и более именами, так что иногда просто невозможно было понять, о каком собственно географическом объекте идет речь. Таинственный Нинельград — как видно, родина Нинели — до сих пор остается нераскопанным только из-за того, что археологи не могут определиться в названии: Нинельград, Санкт-Петербурх, Петербург, Питер, Петрозаводск, Петропавловск-на-Камчатке, Петергов, Петроград, да еще какая-то Северная Пальмира — один ли это город или разные?

Далее: столицами Роси были попеременно Киев, Новгород, опять Киев, Тверь-Калинин, Рязань, какой-то Сарай, Владимир, Москва, Кремль, какой-то совсем таинственный Третий Рим («четвертому не бывать»), Санкт-Петербурх, Петроград, Зимний Дворец, Смольный, опять Москва, опять Кремль, Минск... Разные ли это города или один и тот же кочующий объект на колесах? Кстати, этот древний обычай переездной столицы остался и у современных аборигенов.

Мало того: паханы часто меняли имя самой страны: Рос, Рось, Русь, Московья, Россия, Совдепия, Союз, Ресекесер, Страна Советов, Сесесер, Эсенге.

Себя паханы называли князьями, царями, боярами, императорами, председателями, первыми секретарями (абсолютно не понять, почему какие-то секретари управляли страной?), наркомками, генсеками, премьерками, президентами.

Народ в разные времена назывался: росы, русы, анты, склавны, скифы, белорусы, малороссы, русичи, русские, иваны, московиты, москаль, россияне — все это, безусловно, один и тот же народ.

Москву, этот рай земной, до Шлимана искали в Италии, Турции и на Аляске, пытались копать в североамериканском созвучном городке Москоу; примерялись к Стокгольму — «норманистская теория»; вот только не догадались искать в иерихонской песочнице. А Шлиман, как уже говорилось, перепутал ее с украинским Киевом — впрочем, оказалось, что именно Киев являлся первой столицей Роси.

Рано хоронить Москву, подумал Шлиман.

Кстати, в языках многочисленных народов, населявших некогда зеркальную Ресекесер, существует множество общих слов с корнем «рай» — «райцентр», «район», «райисполком», «райком», «райсобес», «райпотребсоюз» и прочие, что дало повод итальянским клерикалам снарядить в Сибирь дирижабль «Ковчег» с археологической экспедицией на поиски

библейского рая, каковая (экспедиция) никакого рая, конечно же, не нашла, была подбита гекаченистами в верховьях Енисея и почти вся съедена. Нейлоновая шкура с названием дирижабля пошла на утепленный вигвам для вождя и на унты его приближенным. Оставшихся в живых двух хорошеньких сексапильных итальянок — дипломированную повариху Прасковью Спагетти и антрополога, специалиста по прямохождению позвоночных, Лию Конпатти, оставленных аборигенами то ли на закуску, то ли с целью использования по прямому назначению, — этих женщин Шлиман с помощью вождя Тсинуммока успел спасти: выкупил за два ящика вирджинского нюхательного табаку и эвакуировал вертолетом на Большую Землю, чем изменил мировое мнение о себе в лучшую сторону. С секс-бомбой Лией Конпатти у него впоследствии состоялся кратковременный, но жгучий роман с шумным выяснением отношений (у ненасытной Лии было одно на уме — она везде искала и находила райские кущи и с такой страстью тянула Мишеля в эти кусты, что однажды измученный и потерявший на время мужскую боеспособность Мишель неосторожно посоветовал ей в поисках рая покопаться в иерихонской песочнице). Роман сопровождался битьем сервизов, скандалами, драками, погонями, журналистами и т. д. Зато кухарка Прасковья несколько не стремилась управлять государствами, и потому мудрая Маша подружилась с ней и решила участвовать во всех дальнейших шлимановских экспедициях в качестве специалиста по яичнице (в периоды голодухи Прасковья могла делать гигантские омлеты на 12 человек из одного-единственного куриного яйца), а также решила по женскому совместительству иногда заменять Шлиману Машу в ее вынужденные отсутствия (например, когда родила долгожданного ребенка, которого супруги называли в честь Шлимана-первого — Генрихом; крестным отцом мальчика стал вождь Тсинуммок, а крестной матерью — кухарка Прасковья; Генрих Шлиман-младший впоследствии промотал отцовское состояние и даже пропил отцовскую лопату — вообще, был без Москвы в голове, но это уже другой разговор) — Маша решила, что лучше ее будет заменять кухарка Прасковья, чем эта визгливая антропологическая дура.

Шли годы...

Без длинного этнографического отступления нам все же не обойтись (особо скромные девушки могут этнографию пропустить и читать дальше).

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Нижняя Варта, столица экспедиции Шлимана, располагалась в среднем течении Еби в Западной Сибири. С названием реки связано красивое предание о том, как богатырь Ермак Тимофеич, выйдя с дружиной к реке и озираясь навкруги, от широты чувств произнес: «Ебь твою мать!» — так по первому слову и назвали. Весной здесь красиво цветут лютики, чахлики и дохлики. Местность заболочена и приравнена к районам Дальнего Севера, т. е. коэффициент бартерных сделок 1,7. С погодой плохо, но Машка Сидорова цвела и отлично себя здесь чувствовала. Зимой солнце не вылезает из-под земли. Свою бороду Шлиман использовал как термометр — при минус 20-ти градусах она подмерзала, при 30-ти замерзала, при 40-ка превращалась в ледяной обрубок. Морозный рассвет здесь долгий и пудный; а когда наконец рассветет, то тут же переходит в сумерки. В метре от поверхности начинаются вечная мерзлота и ледниковый период.

Вот типичная утренняя картинка: лесотундра, мороз градусов сорок. В воздухе чистый утренний морозный запах нефти, чуть смешанный с дымом костров, на которых готовятся щи, картошка в мундирах и другие национальные блюда. По тундре летают надутые презервативы. Семейные аборигены живут в землянках, балках, вагончиках, старых трамваях; холостяки в длинных бараках, называемых «общагами». Понятие «купить вагончик» означает «овладеть шикарным жильем». За балок или вагончик могут отдать даже корову. Женщины поднимаются затемно, при северном сиянии пасут оленей и коз, тихо переговариваются. Морозостойкие летающие куры. Камни и валуны, в беспорядке разбросанные по тундре, источают вечный холод, за день не успевают потерять мороз, накопленный ночью, — под ними хорошо устраивать погреб-морозильник. На таких личных валунах встречаются разные фривольные надписи и паскальная живопись. В Нижней Варте лучше всего весной на закате солнца после дождика в первый четверг июня. Прошел хмурый ветреный день, наступает белая ночь. Пыль прибита дождем, но не превратилась в грязь. Еще кое-где не растаяли ледяные снежные бабы. По «Голосу Китая» журчат тихие китайские голоса — эта единственная радиостанция, пробивающаяся сюда из Великого Бодуна. На плоском валуне группа пожилых аборигенов забивает козла. Тихие сухие места обостряют мысль — это

известно еще со времен первых христиан. Уйти в тундру «забивать козла» означает у аборигенов примерно то же, что у христиан «уйти в пустыню». Приебье — пустынная местность с болотистой почвой. Здесь часты дожди, но если уж дело доходит до засухи, то (парадокс!) влажность становится катастрофической — от жары подтаивают подземные ледники и начинаются бурные наводнения. Овраги заполняются водой, превращаясь в глубокие реки; вода размывает их берега и выносит на поверхность ископаемые останки. По Еби плывут гниющие туши мамонтов и волосатых носорогов. Вода кипит — голодные ебские ерши рвут добычу на части, даже щуки боятся приблизиться, а человеку лучше в воду не входить. Жесточайшая казнь — бросить преступника на съедение ебским ершам — сожрут почище любых крокодилов.

Главная ценность — вода, как в пустыне. Хотя ебской воды здесь хоть залейся, но она так перемешана с нефтью, что из нее можно легко гнать бензин для лендровера — хоть и низкооктавный, но все же лучше европейского, разбавленного мочой.

Нравы в тайге суровы. Пример таежного фольклора о человеколюбии (так называемый «анекдот», рассказанный Шлиманом под магнитофон на все той же холостяцкой нобелевской вечеринке), над которым аборигены трясутся от хохота, хотя наизусть знают этот анекдот с малолетства, и от которого шведский король чуть не помер от ужаса. Смешного в нем мало. Рассказывается долго, занудно-медленно, с поясняющей жестикующей и с леденящими душу подробностями, а последнее слово произносится даже в присутствии шведской королевы, потому что из анекдота слова не выбросишь:

«Ночь, тайга, мороз сорок градусов, идут трое путников. Заблудились, один уже обморожен, не может идти, его несут. Вдруг вдаль замерцал одинокий огонек. Из последних сил волокут обмороженного спутника, подходят, перед ними сруб, из трубы дым валит. Протирают окошко, видят: сидят за столом монахи и ужинают. Стучат. Появляется громадный толстый монах с куриной косточкой в зубах.

«Чего надо?»

Путники: «Брат! Смотри: ночь, тайга, мороз сорок пять градусов! Мы заблудились, один из нас уже не может идти!.. Пусты нас переночевать!»

«Надо посоветоваться с отцом-настоятелем».

Дверь закрывается (зима, мороз), потом нехотя открывается, на пороге стоит маленький горбатый монах, гложет огромную баранью кость.

«Чего надо?»

«Отец-настоятель! Смотри: ночь, тайга, мороз пятьдесят градусов! Мы заблудились, один из нас замерз, не может идти... Пустите нас перепочевать! Мы мирные люди, мы никому не будем мешать, мы согреемся в уголке и на рассвете уйдем...»

Отец-настоятель долго думает и наконец указывает бараньей костью на двух путников:

«Ладно, уговорили. Вот ты и ты...»

А лежащий воскликнул:

«А я?!!»

Отец-настоятель долго смотрит вниз на лежащего и отвечает:

«Ну ладно, и ты тоже. Идите вы все на куриц!»

Из книги Мишеля Шлимана
«МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ»

«Летом аборигены играют в древнюю разновидность футбола — «безграничный футбол»: мяч с гикапьем и свистом гонят ночью и днем всем мужским населением из одного городка в другой через тундру, тайгу и овраги, ломая руки и ноги. В каждом городке установлены ворота, преграждающие главный проспект имени Нинели. Цель игры — забить гол: прорваться за ворота и приземлить мяч на проспекте.

Зато зимняя национальная игра — «Взятие Белого дома» — более эстетична, интеллектуальна, но и более жестока. Каждый год проводятся чемпионаты по системе «осень-весна». В первом тайме строится ледяной дом с Красным флагом на шпилье и с баррикадами по окружности (в ход идет все: бревна, рельсы, бочки, автобусы); крепость украшается лозунгами «Да здравствует Нинель!», «Слава КПСС!» и т. п., выставляются оценки за эстетичность. В крепость завозятся вода, продукты, оружие. Второй тайм: собственно, взятие крепости — т. е., Красного Флага. Сначала все происходит довольно мирно, длительное время ведутся переговоры, предлагается сдать на почетных условиях и т. д. На этой стадии возникают всякие пюансы, возможен мирный ничейный исход, обмен

девственницами, оружием, товарами. Парламентарии ходят в соболиных шубах с белыми флагами. Немногословны. «У меня много соболиных шкур!» (Жест: много!) Так продолжается до первой крови, до первого случайного или преднамеренного выстрела. Следует ультиматум. Подтягиваются на канатах танки. Начинается пальба. Потом, войдя в раж... и так далее. Чем больше потери, тем больше не берут пленных. Иногда защитники «Белого дома» гибнут все до последнего, иногда гибнут все до последнего нападающие. В летних перерывах разрешаются переходы по разные стороны баррикад, но болельщики-патриоты покупают лицензию и до 1-го сентября имеют право охотиться на предателей. С 1-го сентября перебежчик предателем не считается.

Из более спокойных национальных игр можно выделить сексуальные «Городки» с бросанием палок и «Забывание козла» с рыбами и яйцами — шуму там много, но хоть никого не калечат».

Из книги Мишеля Шлимана
«КАКАЯ Б НИ БЫЛА МОСКОВЬЯ»

4

Шли годы.

Годы шли, а Шлиман все ходил вокруг да около Москвы и не знал, что делать.

Но вот однажды к палатке Мишеля заявила толпа абorigенов во главе с Тсинуммоком, и Шлиман с предвкушением ожидал, что народ упадет перед ним на колени и заорет: «Володей пами!», а он с достоинством выдержит паузу и согласится. Но случилось неожиданное: да, народ заорал: «Володей пами!», но упал на колени перед кухаркой Прасковьей.

Оказалось, пока Шлиман бродил вокруг да около, вождь Тсинуммок влюбился в кухарку Прасковью. Вождь отмылся, поскромнел, перестал сквернословить, ходил сам не свой.

— Ну что, Прося, хочешь послужить для науки? — неуверенно спросил Шлиман.

Прося потупилась. В сущности, Вова был хороший мужик. (Оказалось, у вождя Тсинуммока даже имя было — Вова. Так его ласково называла Прасковья — Вова. А вождь стеснялся.) Она хотела послужить для науки. Она рада была выйти замуж и управлять не государством, а Вовой.

— Но с условием! — сказал Шлиман.

И Шлиман сформулировал вождю условие:

— Прасковью на Московью.

Теперь уже задумался Вова.

«Эх, Вова ты Вова, хрен ты моржовый,— за бутылкой спирта уговаривал вождя Егор Лукич Коломиец, напросившийся в экспедицию к Шлиману искать Москву.— О чем ты только думаешь? Совсем одичал, баба тебе пужна».

Отношения у фараона с Вовой установились уважительно-покровительственные — на что Мишель крепко рассчитывал и не ошибся: Вова наконец-то согласился проводить Шлимана к кургану с московскими руинами.

Долго торговались — что раньше: свадьба или Москва?

Мудро решил Егор Лукич: свадьба в Москве.

И настал день.

Закончились последние приготовления к взятию Москвы. Палатки, кровати-раскладушки, посуда, кастрюли, примусы, одеяла, спальные мешки, фильтры для воды, резиновые сапоги, столы, стулья, походные фонари были упакованы и загружены в машины. Шлиман бросил в кузовок леандровера последственную погребальную лопату. Пустые консервные банки, картонные и деревянные ящики, использованные одноразовые шприцы, мотки проволоки, веревок и бикфордова шнура, обмылки, пустые бутылки, дырявые полиэтиленовые мешки и пакеты и прочие ценные вещи тут же разобрали аборигены; женщины и дети стали обшаривать территорию лагеря еще до того, как караван грузовиков с ревом и грохотом, трясясь на ухабах древнего тракта, тронулся в долгий путь через Уральские горы к столице Ресефесер Москве. Впереди на леандровере под охраной Егора Лукича ехали Шлиман с вождем Тсинуммоком, петляя и путая следы, передвигаясь ночью по проселочным дорогам, в глубокой тайне, чтобы не навести какого-нибудь любопытного мсье Курица или господина Отвал-башки на след Москвы.

И вот через пять дней в центре Восточно-Европейской равнины намного севернее Киева им открылась гора, похожая на курган, омываемая извилистой речушкой и поросшая дикой рощей реликтовых голубых елей.

— Копай здесь,— сказал Тсинуммок.

Первый же пробный раскоп, собственноручно сделанный Шлиманом пращуровой лопатой, принес сенсацию: Мишель нашел крупные осколки чистейшего обработанного рубина, а Маша собрала и склеила из них рубиновую звезду.

— Какую страну просрали, сволочи! — заплакал Егор Лукич, разглядывая звезду на просвет.

И пошло-поехало...

Раскопки производились в глубокой конспирации, при круглосуточной охране, чтобы ни один куриц не проскочил, и продолжались три коротких летних полевых сезона. Шлиман после открытия Киева не хотел рисковать — Крещатик лежал в руинах после нашествия туристов, схлыды Днепра раскопали до основания.

«Хрен вы у меня получите Москву», — решил Шлиман и хранил в тайне координаты Москвы до самой смерти, чтобы не увидеть, как ее просрут во второй раз.

В начале второго сезона был обнаружен фундамент и кирпичная кладка мощной древней стены и фрагменты каменной мостовой, а в конце третьего, у этой же стены, повара Прасковья заработала супер-премию за особо ценную находку — по счастливой случайности, выплескивая ведро с помоями, она наткнулась на отлично сохранившуюся пирамидальную гранитную гробницу типа «мавзолей». Конечно, не пирамида Хеопса, но в своем роде великолепное произведение искусства.

Гробницу откопали и расчистили в два дня.

Подмели.

Шлиман неторопливо обошел мавзолей, читая на гранитных плитах пацарапанные корявые надписи:

«ЗДЕСЬ БЫЛ ВОВА»

«МЫ ИЗ КРОНШТАДТА»

«ЯИТРАП И НИНЕЛЬ БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ»

Сомнения опять начали одолевать Мишеля; еще одна загадка — близнец Нинели Яитрап.

«Это кто еще? Если Нинель — она, а Яитрап — он, то почему они братья?»

На тыльной стороне мавзолея Шлиман обнаружил выбитые кириллицей полустершиеся стихи, впоследствии бережно восстановленные известным поэтом-реставратором Игорем П. Кручиком:

б ни была Совдепья
Здесь черный хлеб я
в Москву
КГБ запла

Христос рожден ах
в провинции

Какая имперья
выгады ерь
э т у жаль
плю измом бес енен
голубем какап,
вокзал в даль

споенный матом
о Господе пятом
не имевшем виз
Богу
р зным палестинам
или коммунизм

Союз лики
ьются
Кремлевские шарпиры
б пи была
блю ее
погост

Позади гробницы располагалось небольшое кладбище на восемнадцать персон — как видно, здесь хоронили особо уважаемых русских богатырей. У входа в гробницу стояли (именно стояли, не лежали) два навечно застывших скелета в хороших хромовых сапогах, кожаных ремнях, лакированных козырьках и с карабинами с примкнутыми штыками.

Истлевшая дверь, истлевшие шинели, истлевшие приклады карабинов, запах тлена...

Вошли.

Первым вошел Мишель, подсвечивая фонариком, за ним — Маша, за ней — Егор Лукич. Прасковья заглянула и сразу ушла; аборигены так и не посмели приблизиться. Егор Лукич снял фуражку и заплакал. В стеклянном саркофаге в истлевшей одежде безо всяких украшений и драгоценностей (они, конечно, были давно разграблены) лежала она — Нинель. Точнее, скелет Нинели с остатками истлевшей мумифицированной кожи.

Антропологические обмеры скелета принесли следующие результаты: Нинель была особью среднего женского роста 1 м 56 см, пропорционально сложена, но с громаднейшим черепом — объем 3650 куб. см!

«Ну и голова! — раздумывал потрясенный Шлиман. — Сколько же это мозгов нужно для такой головищи, и какого размера нужна была кепка?!»¹

Такие потрясающие параметры черепа, раза в два больше среднечеловеческого, позволили Марии Васильевне Сидоровой (Машка, приревновав Мишеля к Лие Коппатти, набралась всяческих ученых познаний, научилась отличать череп павиана от шимпанзе и поражала Мишеля палеонтологическими премудростями) — позволили ей выделить скелет Нинели в отдельный подвид *homo sapiens moskowitzus*, находящийся на следующей ступеньке эволюционной лестницы.

«Московит — человек будущего!» — выдвинула гипотезу Машка.

«Возможно, но не вполне обоснованно, дорогая! Размер черепа и объем мозга хотя и важные, но не решающие сапиенские факторы. Слишком смело! Главное все же не объем и форма мозгов, а их содержание», — прокомментировал Шлиман.

Скелет принадлежал человеческой особи 50–55 лет, со следами пулевого ранения на левом предплечье, челюсти с полным набором зубов были в хорошем состоянии, по всему виду, хозяйка скелета каждый день чистила зубы. Искусственные моляры и отсутствие коренных указывало на то, что обладатель черепа много жевал, но мало кусал и грыз.

«Вегетарианец?..» — предположила Маша.

Некоторые Машины сомнения вызвала также половая принадлежность Нинели — женщина, коренастый мужчина или гермафродит? Во-первых, такая шикарная голова не очень-то годилась для женских куриных мозгов; во-вторых, по некоторым признакам скелета получалось, что данная особь никогда не рожала, что, впрочем, ни о чем не говорит или говорит о том, что Нинель была старой девой, а это говорило Маше о многом, и, в-третьих, остатки истлевшей одежды Нинели напоминали мужской полувоенный пиджак типа «френч», что тоже ни о чем не говорило, кроме того, что эмампированная кухарка вполне могла щеголять в мужской одежде.

Что еще поразительно: скелет и череп Нинели обладали чуть ли не всеми известными расовыми признаками — в ней причудливо перемешались европеоидные, негроидные, мон-

¹ Для сравнения: даже массивные черепа неандертальцев не превышают объемом 1200 куб. см. — *Прим. переводчика.*

голоидные и промежуточные формы — то есть, при жизни ее могли признать за свою все народы земного шара, включая мулатов, метисов и пигмеев.

«Была ли Нинель кухаркой-негритянкой преклонных годов?..— раздумывала Маша.— Или, может быть, китайской доброволкой из интернациональной бригады?»

«Но что, собственно, случилось с Москвой?» — гадал Шлиман.

Не было найдено никаких следов землетрясения, наводнения, пожара, эпидемии, гражданской войны или вражеского нашествия. Ни хрена. Город был просто брошен, оставлен, покинут жителями, и только всеми забытые, так и песмененные часовые застыли навечно у мавзолея.

Ушли ли жители Москвы искать Рай па земле?..

С них станет.

Свадьбу Прасковьи с Тсинуммоком отгуляли на площади у мавзолея.

Огромный шелковый синий флаг с желтой шестиконечной звездой, с которым Шлиман не расставался и даже не соглашался обменять на переходящую шапку-ушанку генсека, пошел на платье невесте.

Вечно сопливый Газгольдер, записав рифмы на клочке бумаги, бродил вдоль Кремлевской стены, закатывал глаза к небу и сочинял хвалебную оду на свадьбу вождя:

Какая б ни была Прасковья
Московья
за пачку сигарет
Подмосковья
вповь я
нет

Потом возникла проблема вывоза и возвращения находок. Скелет Нинели нужно было на несколько лет вывезти в цивилизованный мир для скрупулезного изучения. Шлиман хотел действовать честно. Тот факт, что Шлиман взял на себя труд привезти все вверенные ему предметы обратно, должен был, ему казалось, свидетельствовать о его надежности и добрых намерениях. Он представил все найденные окаменелости в Политбюро — попросту вывалил их на Т-образный стол. Но случилось неожиданное — увидев череп Нинели, вожди в ужасе разбежались, и лишь после долгих уговоров прислали своего представителя — опись составлялась под наблюдением

старшего советника паркомата науки, культуры и спорта Борзого (раскопки Москвы, безусловно, относились одновременно к науке, культуре и спорту), причем советник сильно поbledнел и прикрывал глаза ладонью, чтобы не смотреть на череп Нинели. Наконец Борзой вслепую поставил свою дрожашую подпись на археологической описи, посмотрел на часы, сказал: «Ну, мне пора, товарищи!» — продолжая дрожать, поехал домой к Алеше с факелом и был убит автоматной очередью прямо у своего порога (то ли по лицензии за переход на другую сторону баррикад, то ли за участие в осквернении божественных останков). Покушавшихся не нашли. И не искали.

Пора было делать поги¹. Вертолетом добрались до метрополитена в Ташкенте, а потом с мешками и ящиками тряслись под землей через Иерусалим до Иерихона. В метро вождь был поражен эскалатором, который показался ему дорогой в Рай, и пришлось дожидаться, пока Егор Лукич два раза прокатил Вову туда и обратно.

Что было дальше — всем известно.

Аборигены из родственных племен бомжей и бичей массами последовали за Нинелью в Иерихон (Нохирей, как они его называли) и буквально наводнили Израиль (Лиарзи). Тогда скелет Нинели был перенесен в своем родном стеклянном саркофаге в Каирский археологический музей, что рядом с египетскими пирамидами, и установлен возле мумии Тутанхамона (Номахпатут). Лучше не стало — Шлимана начали преследовать фанатичные фарисеи и сионисты, совсем как в свое время Иисуса Христа, — жаль, что у Иисуса не былошлимановских телохранителей из нового политического движения под названием «россизм». Россисты (бывшие бичи и бомжи — эти до того не любили работать, что за мозоли на ладонях могли и расстрелять) во главе с фараоном Егорлукичемколодийцем и с комиссаром Газгольдером объявили все израильское население потомками росов и выступали за возвращение росов в Москву — совсем как их предки, византийские послы-рос, избродившиеся по Европе и будто бы мечтавшие вернуться домой, — но это было очередное «будто бы», чем больше россисты призывали, тем больше им не хотелось возвращаться.

¹ «Delat nogi» — удирать. — *Прим. переводчика.*

Но постепенно все волнения улеглись. Егор Лукич умер просветленным, бичи приоделись и ассимилировались, Газгольдер закончил ирпенский индустриальный техникум по холодной обработке металла резанием и стал директором гвоздильно-арматурно-проволочного завода под Киевом. Теперь к Нинели совершают паломничество туристы и разный мирный люд, а правоверные коммуняки проходят путь от Уральских гор до Каира особым медленным ритуальным шагом, задирая прямые ноги выше пупа и с утра занимая очередь в музей от самого Суэцкого канала.

И, под конец, подробнее остановимся на теории «россизма», последней сумасшедшей теории Мишеля Шлимана, которой он так «достал» правоверных сионистов. Государство Рось, как считал в конце своей бурной жизни остепенившийся кабинетный Шлиман, никогда не исчезало, и никто его не просирал. Росы не были кочевниками, но они всегда, как дети, что-нибудь теряли (очки, кошельки, рай на Земле) и всегда находились в вечном поиске чего-нибудь (очков, кошельков, рая на Земле). Рось попросту изменяла границы и переливалась в другие формы, а Москва была оставлена этими растеряшками потому, что была оставлена — в поисках земного рая они ее попросту потеряли и не смогли найти. Древние первобытноцивилизованные росы, считает Шлиман, произошли от этрусков и пруссаков — отбросив от первых «эт», а от вторых «п»; и до сих пор являются квинтэссенцией народонаселения Земли; менталитет росов составляют растерянность, открытость души, первобытная вера в социальную справедливость, мировую революцию и в Рай на Земле — то есть, росы живут в нас с вами; а пынешний Великий Израиль — все та же империя Ресефесер, но под другим названием. Таким образом, росы осуществили свою мессианскую идею о московском царстве, как Третьем Риме, но под названием Третьего Интернационала. Русский народ был преимущественно рабоче-крестьянским народом, то есть пролетариатом, не имевшим Отчизны или считавшим Отчизной весь мир, и весь мировой пролетариат, от французов до китайцев, делался русским народом, единственным в мире народом — что мы сейчас и имеем. Росы попросту сделали то, что не смогли сделать другие народы, осуществили свою детскую мечту — мирно завоевали весь мир, скрывая свои подлинные имена. Что и следовало доказать.

— Нашли ли они свой Рай на Земле? — часто спрашивают Мишеля невнимательные читатели или чистокровные еврейские аристократки с куриными мозгами.

— Кто это — они? — переспрашивает Шлиман.

— Ну, ваши росы.

— Дуры! — сердится Шлиман. — Они — это вы. Спросите сами себя.

Дамы не понимают и обижаются.

Жива, жива Рось! Куда она денется?

Вова Тсинуммок всю жизнь мечтал зачерпнуть шеломом воды в Проливах, и его мечта была близка к осуществлению — Вову лично пригласил искупаться в Дарданеллах премьер-министр автономной турецкой республики Сарай-оглы. Вова из Москвы повторил варяжско-греческий путь древних русских послов, прибыл в Царьград, но забыл плавки, — впрочем, купаться в этой грязной канаве ему расхотелось.

Потом состоялись демократичнейшие выборы по мажоритарной системе, и вождь Тсинуммок и кухарка Прасковья стали первыми правителями возрожденной зеркальной страны со столицей в Москве. Прасковья, как и положено женщине, управляла вождем, вождь, как и положено мужчине, управлял государством. Играть в «Белый дом» запретили, в футболе ввели современные правила. Народ на бескрайних просторах Роси стал жить хорошо и, значит, безмолвствовал. Еще бы. Попробовал бы он при кухарке вякнуть!

Жива, вечно жива Рось!

СОР ТЕУВТСВАРДЗ АД!
(ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОСЬ!)

ЛЕНИН ТЕУВТСВАРДЗ АД!
(ДА ЗДРАВСТВУЕТ НИНЕЛЬ!)

И никого уже не удивило завешание Шлимана: похоронить его в Москве на Красной площади у мавзолея, выбив на могильной плите стихи древнеросского пиита:

Какая б ни была Совдепья —
Здесь рос и хавал черный хлеб я,
Курил траву, мотал в Москву...
Тут — КГБ и пьянь в заплатах,
Но и Христос рожден не в Штатах;
Прикинь: в провинции, в хлеву.

Какая б ни была имперья —
Иной выгадывать теперь я
Не стану, ибо э т у жаль.
Где, плюрализмом обесцепен
И голубем обкакан, Ленин
Со всех вокзалов тычет в даль.

И я, впоенный диаматом,
Грущу о Господе распятом —
Еврее, не имевшем виз.
Что Богу был не худшим сыном,
Бродя по грязным палестинам,
Как призрак (или коммунизм).

Не обновить Союз великий.
Не обовьются повиликой
Кремлевские шарпиры звезд.
Какая б ни была Совдепья —
Люблю ее великолепья
Руину, капище, погост.

ЗАПИСКИ ДИНОЗАВРА

Фантастическая повесть

1

2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

101

102

103

104

105

106

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Мою фамилию еще можно прочесть на последней странице в любом номере научно-популярного журнала «Наука и мысль» во главе списка сотрудников и редакционной коллегии. Как говорится: «Спешите видеть!» Она (моя фамилия) давно уже не представляет военной или государственной тайны: Невеселов Ю. В., главный редактор этого журнала. Очень скоро ее обведут траурной рамкой... вот так:

НЕВЕСЕЛОВ Ю. В.

А потом она навсегда исчезнет, потому что детей у меня нет...

(Кроме внучки, которая когда-нибудь наконец-то выйдет замуж и сменит фамилию.)

Зовут меня Юрий Васильевич, живу я в красивом березовом лесу у Печенеговского водохранилища, в академическом городке Березань. Раньше поселок назывался Печенежки, но его переименовали (печенеги, как ни крути, были когда-то врагами народа) — как видно, по аналогии с Дубной; раз есть Дубна, пусть будет и Березань.

Пусть будет. Название все равно не прижилось. Здесь у нас все свое — головное учреждение без вывески, радиотелескоп, сейсмостанция, экспериментальный реактор, огороды, теплицы, а на том берегу в Кузьминках расположена тьматараканская лабораторий и всякой научной всячины — есть даже двухэтажный Дом ученых, где почитают за честь выступать не только народные артисты, но и эстрадные примadona как женского, так и мужеского пола.

«Не падо печалиться, вся жизнь впереди...» — это мы слышали.

Кузьминки и Печенежки составляют мой ареал, мою экологическую нишу... Живу я здесь. И больше нигде жить не

могу. От Одессы, где я родился и провел детство и юность, у меня осталось мало воспоминаний, но множество каких-то смазанных впечатлений. Ах, Одесса!.. Я не был там черт-те сколько лет — с тех пор, когда, схватив фанерный чемодан и привязав к нему клетку со своим ангелом-хранителем, удрал в Москву, подальше от Черного моря, Шур Балагановых и Мишек Япончиков... Спору нет, ребята они были удалые, но с кем поведешься, с тем и наберешься, верно? Но об Одессе — молчок. Подозреваю, что эти мои одесские впечатления давно уже спутались с книжными (у меня в голове вообще все перемешалось), и потому не хочу врать.

В столице, правда, я тоже долго не задержался — в сущности, ученому Москва пужна только для того, чтобы получить приличное образование из первых рук, — а потом всю жизнь просидел в лесу, вот уже собрался помирать, с пропиской не будет сложностей — место на Кузьминкинском мемориальном кладбище для меня давно «забито», а меня даже не тянет выглянуть на опушку — за последние черт-те сколько лет я всего три раза выползал из леса: посетил по делу Москву и слетал без дела в Ленинград и на Чукотку. Этими сношениями с цивилизацией я сыт по горло, так что извините, если что не так. Мне в Кузьминках лучше.

Ну и сиди в своих Кузьминках.

Я очень стар. Недавно мне исполнилось девяносто с гаком лет. Гак большой — до ста мне рукой подать. У меня сильнейший склероз, но я еще могу спуститься без лифта с третьего этажа и пешком пройти по заснеженному проспекту к редакции «Науки и мысли». Несмотря на свою невеселую фамилию, сам себе я не кажусь человеком мрачным, хотя только что какой-то старикашка помоложе в старомодном каракулевом пирожке испуганно сказал: «Извините, Юрий Васильевич...» — и поспешно уступил мне дорогу.

Наверно, по утрам я пугаю людей. Наверно, со стороны я похож на вымирающую мезозойскую рептилию, которой очень не хочется вымирать. Это действует утренний склероз. Он у меня именно утренний — всю жизнь я работал по почам, и сейчас, в отличие от других стариков, мне по утрам хочется спать, спать, спать, как школьнику. Я сплю на ходу. Утром меня не трожь. Извинения не принимаются. Извинился — гуляй. А в том, что незнакомый старикашка знает мое имя-отчество, нет ничего странного — меня здесь все знают. Я известный фрукт.

Сегодня с утра ко мне от внучки прицепился мотивчик известной песенки. Я напеваю ее, слегка изменив одно слово: «Дедушка плачет, шарик улетел...», а мой черный списанный «ЗИМ» едет рядом со мной на такой малой скорости, что худющие вороны, что-то там клюющие на льду, даже лепятся взлететь, а степенно отходят, уступая нам дорогу. Наконец шофер не выдерживает этой тягомотины, открывает дверцу и укоризненно говорит мне, как ребенку:

— Юрий Васильевич, вам же не туда...

Эта сцена повторяется каждое утро на бис воронам — я забываю, куда собрался идти, хотя вечером перед сном внучка вкладывает мне в нагрудный карман «склерозную записку» с программой на день: «Дед, тебе надо сделать то-то и то-то». Этот листок торчит из кармана, как посовой платочек, но по утрам я забываю в него заглянуть, а к вечеру склероз отпускает и записка уже не нужна.

— Юрий Васильевич, вам же не туда!

Мог бы не повторять, я уже сам вспомнил, что мне не туда. Разворачиваюсь, как корова на льду, и, стуча тростью, отправляюсь в обратную сторону, в длительное путешествие за три квартала, в учреждение без вывески — хорошо, что дорога туда посыпана песочком.

Павлик, мой шофер, дав по газам, тоже разворачивается и, нарушая все правила уличного движения, продолжает сопровождать меня по левой стороне проспекта, как по дорогам Великобритании, — персональный шофер академика Невеселова никого здесь не боится, в отличие от своего шефа. А его шеф боится всего на свете: гололеда, сквозняков, сырой воды, громких голосов, бегущих людей... Боюсь случайно обидеть кого-нибудь или забыть что-то важное, а хуже всего на свете я боюсь нечистой силы, которая с недавних пор раздваивает меня — отделяет мой рассудок от тела, привешивая его сверху, как упомянутый в стародавней песенке воздушный шарик, и оттуда на привязи наблюдает за мной. Говорят, что подобное раздвоение личности испытывают курильщики опиума... К сожалению, не курил, не знаю.

Вот и сейчас мой разум, покачиваясь на веревочке, внимательно наблюдает свысока, как его дряхлое вместилище продвигается на работу. Ощущение не из приятных. Я боюсь, что однажды веревочка оборвется, шарик улетит, а моя неуправляемая развалина будет продолжать брести по инерции неизвестно куда. Дедушка плачет, шарик улетел...

— Извините, Юрий Васильевич, не могли бы вы уделить мне пять минут?

«В чем дело?..— думаю я.— Опять этот старикашка. Кто такой?»

— Я приехал первой электричкой, чтобы встретиться с вами, но, боюсь, что моя фамилия...

Он что-то еще говорит.

Не пойму, что он такое говорит? Что-то просит, чего-то боится... Нищий, что ли? Потертый тулуп, смушковый пирожок... На нищего не похож.

— А он голубой,— отвечаю я и прохожу мимо, сердито стуча тростью. Я же предупреждал: утром меня лучше не трогать — особенно незнакомым людям.

Старикашка отстал, я о нем забыл, и мы медленно приближаемся к учреждению без вывески — я впереди, за мной — черный «ЗИМ». Нашу похоронную процессию видно издалика. Человек с кобурой на боку начинает открывать передо мной тяжелую дверь, а Павлик в последний момент извещает меня:

— Юрий Васильевич, я отлучусь на один час.

Павлик не спрашивает, не просит, а именно ИЗВЕЩАЕТ меня. Павлик знает, что я не откажу. Он знает, что на своем шефе можно по мелочам комфортабельно ездить, как на «ЗИ-Ме», и что я даже не спрошу, куда это он отлучится на один час. Я все про него знаю: нет, его не интересуют левые рейсы и нетрудовые доходы — Павлик у нас ловелас... а попросту, кобель,— за один час отлучки он успевает устроить свои любовные дела... Этого, паверно, я уже никогда не пойму — как по утрам он находит себе подруг?! Они же все на работе!

— Ладно, отлучись.

Охранник закрывает за мной дверь, и я оказываюсь внутри своего учреждения без вывески.

Глава вторая

Меня бросаются раздевать, но я не даю — сам расстегиваю пальто, прохожу мимо стенда «Наших дорогих ветеранов», где первой висит моя парадная фотография, и поднимаюсь на второй этаж, не давая никому себя поддерживать. Там, на втором этаже, мой кабинет. Я давно уже наблюдаю, как эти черти постепенно превращают его в мемориальный

музей — спосят сюда какой-то послевоенный хлам: настольную лампу с шелковым китайским абажуром с драконами, гнутые стулья и толстые стеклянные, граенные под хрусталь, чернильницы с крышками...

Что ж, если им так нравится.

Если им так нравится заживо меня хоронить. Девяносто с гаком лет — это безобразие. Я не собирался так долго жить.

В кабинет протискивается мой лучший и любимый ученик Владислав Николаевич Бессмертный, директор этого учреждения без вывески. У Владика типичная детдомовская фамилия, вроде «Найденов», «Бесфамильный» или «Сталинградский». Он тощий, высокий и прямой, как доска; о таких говорят: аршин проглотил, хотя его осанка происходит от зловредного радикулита, подхваченного с полвека назад на продаваемой платформе случайного товарища.

Владиду уже доложили о моем появлении. Он пристальным взглядом осторожно прикрывает за собой дверь, потому что руки у него заняты чайником с кипятком и тарелкой с бутербродами. Он это ловко делает. Врачи думают, что способность передвигать взглядом предметы проявилась у Владика в результате давней аварии, но я считаю, что он незаметно подтянул дверь ногой...

Сейчас мы с ним будем чаевничать.

Я всегда пью чай из этого серебряного подстаканника с красивыми завитушками и с гравированной надписью: «20 лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Из него я пил чай, когда Березань была еще Печенежками и когда серебряные подстаканники в ювелирных магазинах не так кусались. Их купила покойная жена (три штуки), решив, что после вручения мне первой правительственной награды нам пора обзаводиться хозяйством. На первом испытании этих подстаканников присутствовали академик Эн и сам парком вооружений. Из этого подстаканника я пью чай здесь, из второго — в редакции, а третий пропал... или украли.

Когда я умру, этот подстаканник навечно поставят на этот стол...

Дался мне этот подстаканник!

Я ожидаю, пока остынет чай, и беседую с Владиславом Николаевичем. Понятно, что у Владика много дел и ему хочется побыстрее спровадить меня, но он виду не подает. Он интересуется здоровьем моей внучки. Само собой разумеется, что мое здоровье в полном порядке, а вот самочувствие

Татьяны в самом деле интересует Владислава Николаевича, потому что он давно и безнадежно в нее влюблен. Но это — молчок! Это жгучая тайна и запретная тема.

Мы пьем чай и жуем бутербродики с черной икрой. Да-с, колбасу я не люблю, а черная икра полезна детям и старикам, хотя склероз от нее не проходит. Владислав Николаевич увлеченно рассказывает последние учрежденческие сплетни и околонучные новости, а я вдруг, к собственному удивлению, задаю ему какой-то дельный вопрос, и у моего директора появляется на лице удивленно-застенчивое выражение, которое случалось у него еще в те времена, когда он недолго ошивался в младших научных сотрудниках. Владислав Николаевич говорит: «Это я должен записать», — и мой воздушный шарик, покачиваясь, наблюдает, как Владик взглядом подтягивает к себе настольный календарь и записывает на нем мое дельное замечание... Я к этим фокусам привык, но на посторонних эта «шаракинетика» действует неотразимо.

Мы выпьем еще по стакану чая, еще поговорим, а потом я пойду. Мой визит продолжится ровно один час, как и предполагал шофер. Дело в том, что я являюсь Почетным Директором этого учреждения без вывески, хотя, честно говоря, толком не знаю, что в этой должности делать. Я давно собирался уйти на покой, но наверху развели цирлих-манирлих и вместо того, чтобы гнать меня в шею на все четыре стороны, решили, что «страна не может позволить себе роскоши разбрасываться такими людьми», оставили мне «ЗИМ» с Павликом и попросили меня «в удобное от отдыха время контролировать возвращенную вами научную школу и давать ЦЭУ (ценные указания). Хотя бы раз в месяц. Этого достаточно».

Что я сейчас и делаю, мешая людям работать.

Наград на парадном пиджаке у меня полная грудь, а один зарубежный крест даже сползает на брюхо. Я не шучу — в любой мало-мальский юбилей мне вешают на пиджак какой-нибудь орден в кузьминкинском Доме ученых. Уже не секрет, что сразу после войны моя лаборатория сделала теоретическое открытие, которое повлекло за собой разработки не только оборонного характера — это открытие, к моему удивлению, пригодилось даже домохозяйкам, переориентировав после долгого кряхтенья нашу бытовую химию на новые рельсы.

(Я знаю, что «новые рельсы» — это газетный штамп, но ничего не могу поделать — сочинять новые слова я как-то не научился, дай Бог старые не забыть.)

— Вот что еще поразительно...— вспоминаю я, прихлебывая чай.— Помнишь, когда меня занесло с той японочкой на Чукотку? Понятно, я тут же решил искупаться в Беринговом проливе — вот, мол, и я побывал на краю света, отметился, значит. Ну, японская богиня отвернулась, а я снял штаны и только-только начал с философским настроением погружаться, как вижу: плывет ко мне по волнам что-то очень знакомое, родное... Пригляделся... Мать моя родная, да это же результат нашего с тобой открытия! Мне даже купаться расхотелось. Стоило, понимаешь, ехать на край света, чтобы уткнуться носом в собственное...

Владислав Николаевич конфузится и спешит продолжить незаконченную фразу:

— Чтобы уткнуться носом в побочные результаты собственного открытия. Наверно, кто-то выбросил с проплывавшего корабля. Я эти штуки тоже видел... в Черном море.

— Да, вспомнил! — вдруг вспоминаю я.— Вспомнил, зачем я сюда приперся. Сегодня юбилей журнала, ты приглашен. Можно без галстука.

Владислав Николаевич кивает. На собственных юбилеях он стесняется, на чужих — скучает, но сегодня он придет вовремя и отсидит до конца, потому что на этом юбилее будет присутствовать Татьяна.

Я допиваю чай и с интересом наблюдаю, как пустой стакан, дребезжа чайной ложечкой, отъезжает от Владика к чернильному прибору.

Кстати, надо будет подсказать этим музейным деятелям, что после войны здесь в простенке висел портрет молодого Сталина — чтобы после моей смерти в кабинете все было а-ля натюрель.

Все, теперь в редакцию. Форточка в кабинете сама собой распахивается для проветривания... Знаю, знаю я эти фокусы: дерни, внушенька, за веревочку — дверь и откроется.

Владислав Николаевич провожает меня вниз до самых дверей, а человек с кобурой открывает их. Интересно, у него там настоящий «макар» или кобура набита бумагой? Должен быть настоящий.

Павлик уже поджидает у входа. Карета подана, но я в нее не сажусь, потому что сейчас в ней пахнет дрянными польскими духами, а запахи мне всегда о чем-нибудь напоминают, и я раздваиваюсь.

Глава третья

Теперь наша траурная процессия медленно движется по проспекту имени академика Эн в обратную сторону. Проспект вырублен прямо в березовой роще, я люблю в ней гулять. Однажды утром я ушел сюда, чтобы побродить и подумать; вечером Татьяна забеспокоилась, позвонила в учреждение, а Владислав Николаевич — рад стараться! — приказал сотрудникам и охране прочесать лес. Но меня не нашли, хотя я ни от кого не прятался. Домой в тот вечер меня доставили вертолетчики, на которых я набрел, выйдя из лесу аж у самого Печенеговского водохранилища. В пелетную погоду они ловили там рыбу и обратили внимание на какого-то сумасшедшего старика — я ходил по льду и с методическим остервенением разбивал тростью замерзшие лунки.

Но сейчас я прохожу мимо рощи. Сейчас у меня дела, дела, дела; к тому же лес уже занят — в моих березах бродит тот самый старикашка в раздвоенном каракулевом пирожке, уступивший мне утром дорогу (кстати, такие смушки в сталинское средневековье послали заслуженные деятели искусств и наук, председатели колхозов-миллионеров, директора гастропомов и вообще всякие рыла). И потом мне не терпится попасть в редакцию. Недаром меня с утра тянуло туда — сегодня исполняется сколько-то там лет со дня выхода первого номера «Науки и мысли».

Этот журнал — моя последняя в жизни забава. Я самолично создал его, пройдя все высокие инстанции и удивляя начальство своим напором и докладными записками.

— Как, еще один научно-популярный журнал? — переспрашивали меня. — Но ведь существуют такие-то и такие-то!

— Этот будет другой, — сердился я. — В записке я все объяснил, вы, наверно, невнимательно прочитали. У всех наших научно-популярных журналов одна, но пламенная страсть — они пропагандируют науку и соединяют ее с жизнью...

— А вы что же, не собираетесь соединять науку с жизнью? — сразу настораживалось начальство и с опаской разглядывало человека, только что вышедшего из лесу.

— Нет, не собираюсь. Сегодня пришла пора не соединять, а спасать жизнь от науки. Это будет антинаучно-непопулярный журнал. Журнал нового типа. Он будет соединять науку не с жизнью, а с мыслью. Они до сих пор были оторваны. Журнал так и будет называться: «Наука и мысль».

— Господь с вами! — пугалось начальство.— Что за странное название? Что вы этим названием хотите сказать?.. А кто будет его главным редактором?

— Я,— бодренько отвечал я.

С тех пор прошло много лет. Начинали мы не спеша, оглядываясь по сторонам и посматривая наверх. Потом попробовали похулиганить... И сейчас журнал процветает. Статьи для нас пишутся лучшими умами страны, и мне рассказывают, что ученый люд уже не мыслит жизни без «Науки и мысли» — в конце месяца даже почтенные академики вроде меня с нетерпением заглядывают в почтовые ящики, чтобы узнать, кому еще из них дали по морде и куда пойдет наука в следующем квартале. Но дело не только в «лучших умах». Поговаривают, что за спиной нашего журнала стоит какая-то потусторонняя сила, потому что коэффициент полезного действия «Науки и мысли» так высок, что требует хоть какого-то объяснения: непонятно, КТО нас разрешил, почему мы такие смелые и почему вообще функционируем — с административной точки зрения наш журнал невозможен, не должен существовать...

Я этого не могу объяснить — даже себе. Не знаю. Честно говоря, идею подобного журнала я украл у покойного академика Эн, именем которого назван этот проспект. Еще до войны он хотел создать журнал, в котором целенаправленно выискивались бы побочные эффекты любого научного проекта или открытия — то есть оборотные стороны всех наших медалей.

— У них в науке сплошные суки,— любил шутить академик Эн.

Допускаю, его шутки по тем суровым временам были не самыми удачными, потому что в том деревянном домике в начале проспекта, где приколочена бронзовая мемориальная доска с его непохожим профилем, академик Эн за свой длинный язык был на целый год подвергнут домашнему аресту — применялась и такая мера. Перед домиком стоял часовой с примкнутым штыком, а академик Эн плевал из форточки в свой невозданный огород — нельзя выходить, и баста! Полгода нам в этот домик выписывали пропуска, и мы, доставляя на подпись арестованному начальнику разные секретные бумаги, иногда рисковали жизнью — часовые тоже бывали разные: однажды один слаонервный оглушительно выстрелил в воздух, приказал мне лечь лицом прямо в лужу и дер-

жал в такой позе, как врага народа без пропуска, до тех пор, пока не прибежал разводящий. В конце концов всем это так надоело — и часовым, и начальству, и нам, и академику Эн,— что ему разрешили под охраной ходить на работу. Потом охрана сама собой куда-то пропала, а еще позже за выдающиеся оборонные результаты академика Эн представили к высокой правительственной награде. В знак примирения парком вооружений выпил с ним чаю у меня на кухне... пили-то мы кофьяк, но жена думала, что чай.

Теперь я понимаю: мой шеф хотел иметь у нас подлинную научную критику — научную критику во что бы то ни стало и невзирая на лица. Я хотел назвать его «Журнал научной инквизиции», но вшучка отговорила: «Не смей, дед, козу и Госкомиздат».

— Какой сегодня день? — спрашиваю я у Павлика в автомобильную форточку.

— Пятница.

— Значит, завтра суббота,— заключаю я и вглядываюсь в лес, но старикашка в смушковом пирожке уже растворился среди берез, и я никогда уже не узнаю, кем он был, этот мой современник,— профессором университета или приемщиком заготовительной конторы?

Прямой длинный проспект имени моего учителя академика Эн (раньше он назывался «Путь к коммунизму») тянется по лесу без единого поворота километров двенадцать, до самого Печенеговского водохранилища, но ковылять мне осталось совсем немного... во-он к тому двухэтажному зданию с псевдоколоннами, где в полуподвальной трехкомнатной квартире разместилась редакция «Науки и мысли». За эту квартиру я выиграл целую Грюнвальдскую битву у одного доцента-парапсихолога по имени Леонард Христианович Глац. Даже имя запомнил. В то время он защитил кандидатскую диссертацию на стыке биологии, медицины и оккультных наук и ему таки разрешили продолжать и совершенствовать этот бред за государственный счет. Но я встал на его пути! Конечно, я выглядел ретроградом, но только не в собственных глазах. Даже Татьяна просила меня за Глаца — дудки! Не знаю, как насчет телепатии и биополя, но энергии в этом худеньком человечке была пропасть, какая-то бездонная прорва килокалорий... Короче, я сумел выиграть квартирную битву с Глацем и горжусь этой победой не меньше, чем всеми своими научными достижениями,— если бы не я, то

«Наука и мысль» ютилась бы сейчас не в сыром подвале, а где-нибудь на ледяном чердаке. Впрочем, дело там было не в квартире, а в принципах... не люблю шарлатанов, пусть даже чистосердечно заблуждающихся... Но о своих принципах я давно уже перестал распространяться.

У входа в подвал красуется стеклянная черная вывеска с желтыми буквами. Ее давно пора сменить — под воздействием жары и морозов три последние буквы исчезли, и сейчас вывеска читается так:

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НАУКА И МЫ»

Я назвал бы эту вывеску произведением искусства. Ее «за бесплатно» создал наш главный художник Ашот Сахалтуев, и на балансе редакции она не числится — когда один раз в году из издательской «бугайтерии» (так говорит Татьяна) к нам приезжают какие-то хмурые бугаи для ревизии столов, стульев и пишущих машинок, то на вывеску они не обращают внимания. Это важно: на нее уже планировались покушения. Все тот же Леонард Христианович Гланц, в сущности безобидный человек, проиграв битву за трехкомнатную квартиру, грозился силой своего биополя выдрать при свидетелях нашу вывеску из кирпичной стены вместе с шурупами и деревянными пробками и доказать тем самым наличие присутствия.

Но все как-то обошлось.

Другой случай: моя прифронтовая разведка донесла, что светило нашей медицины профессор Степаняк-Еписейский (Татьяна называет его попросту «Степан») совсем недавно кулуарно (Танька говорит «коло урны») обещался разбить нашу вывеску кирпичом. Эта угроза в самом деле представляет опасность... но об этом хомо сапиенсе мне сейчас не хочется ни говорить, ни думать.

Вывеска до сих пор цела. Я перечитываю ее. Без трех последних букв она читается тоже со смыслом. «НАУКА И МЫ» — мне так даже больше правится.

Далась мне эта вывеска.

— Юрий Васильевич, я отлучусь на один час, — прерывает мои думы Павлик, обеспокоенный тем, что я так долго разглядываю эту стекляшку.

В мои преклонные лета меня уже не очень волнуют альковные проблемы, но все же интересно было бы узнать, как

мой шофер добивается расположения прекрасного пола? За что они его поят, кормят и спать укладывают? Я однажды спросил его: «За что они тебя так?..», но Павлик загадочно ухмыльнулся и ответил: «Это длинная былина про одного кобелина...»

— Ладно, отлучись.

Он уезжает, а я вхожу в редакцию.

Глава четвертая

Редакция «Науки и мысли» расположена в бывшей коммунальной квартире с тремя низкими полуподвальными комнатами и темной прихожей. Ашот Сахалтуев к юбилею обклеил прихожую белыми журнальными обложками, от первой до последней набравшимися за сколько-то там лет. Сегодня я подпишу в печать очередной, апрельский номер. Начиная журнал, Ашот долго объяснял мне, почему обложка должна быть непременно белой, но я уже подзабыл, в чем там дело... возможно, специально для обклеивания прихожих под обои.

Этот человек узурпировал власть в «Науке и мысли» в области художественного оформления, и мне ничего не остается делать, как подписывать в печать его собственные иллюстрации и картинки его друзей — художников ультрасовременного направления, которых Ашот приглашает сотрудничать. В Печенежки реалистов не заманишь, и к нам попер авангард... или как он сегодня называется... андеграунд? Пусть. Читателям, в общем, этот дизайн правится, хотя иногда наши иллюстрации смахивают на бред сумасшедшего, а иногда — на обычное озорство: то возьмут, нарисуют к серьезной проблемной статье о безотходном производстве натуральный почной горшок с натуральным дерьмом... то изобразят еще чего похуже... Из-за этих картинок у нас время от времени случаются неприятности — директор нашего издательства товарищ Моргал однажды написал на сигнальном экземпляре красным фломастером простую и ясную резолюцию:

«ОБСТРАКЦИЯ!»

Два раза подчеркнул и расписался.

С тех пор это словечко стало в редакции таким паролем — в пылу какого-нибудь никчемного спора чьей-то гордыни с чьим-то гонором, кто-нибудь третий почешет за ухом карандашом и глубокомысленно изречет, нажимая на звук «О»:

— Обстракция!

И всем все становится ясно.

Я долго стою в нарядившейся белой прихожей и разглядываю обложки. Очередной заскок, не могу оторваться. Наконец с трудом передвигаю взгляд в угол на чьи-то средневековые потертые лыжи с тропическими бамбуковыми палками.

Зачем здесь лыжи? Не знаю. Наверно, кто-то пришел на лыжах в редакцию.

Меня никто не замечает. Им пахтать на своего главного редактора, у них сегодня подготовка в набор майского номера. Из большой комнаты, где двенадцать письменных столов и суета сует, доносится голос Ашота. Он о чем-то спорит с заведомом Дроздовым, в которого когда-то была влюблена моя внучка. (Там был целый роман — правда, дешевый и на плохой бумаге, как в «Роман-газете», — но об этом молчок!) Вслушиваюсь. Ашот и Дроздов пытаются совместить очередную статью с иллюстрацией, но у них ничего не выходит. Статья под названием «Зубная боль профессора Степаняка-Еписейского» должна бракосочетаться с картинкой, где изображена громадная кариесная челюсть.

— Вам, художникам, главное картинка, а там хоть трава не расти, — от баритона Дроздова начинают вибрировать лыжи. — Пусть текст будет хоть вверх ногами, главное, чтобы картинка влезла. Где я тебе сокращу восемь строк? Где, покажи? У меня все строки смысловые, рабочие. Как несущие балки. Выдержи хоть одну — и статья развалится. Понял? Почему я должен сокращать текст? Сократи свои зубы!

— А ты сократи по словам... — уговаривает Ашот. — Тут одно слово, там другое слово... Ты же умеешь.

— Обстракция, — бормочет Дроздов, хотя ему приятно, когда говорят, что «он умеет». — У меня все слова тоже рабочие. Как кирпичи.

В конце концов Дроздов согласится вычеркнуть у себя четыре рабоче-крестьянских слова, а Ашот — укоротить свою челюсть на четыре зуба. Так на так. В конце концов они притащат мне на подпись статью, оформление которой будет полностью соответствовать ее содержанию, и я почувствую самую настоящую зубную боль, хотя у меня не осталось ни одного натурального зуба.

Но и этого им мало! На второй странице обложки Ашот предлагает поместить репродукцию с картины малоизвестного у нас средневекового фламандского художника, где дюжий

монах-эскулап, закатав рукава, рвет зуб своему собрату, а еще двое монахов держат визжащего пациента за руки и ноги. Эта натуралистическая обстракция потрясает!

Меня продолжают не замечать, хотя я давно уже стою в дверях.

— Какой сегодня месяц? — спрашиваю я.

Все замолкают и поворачивают головы на голос своего начальника. Никто не может вспомнить название месяца, потому что сейчас, если не ошибаюсь, зима, а в набор готовится майский номер.

— Февраль, Юрий Васильевич, — наконец отвечает Маришка.

Она обычно заваривает чай и сооружает для всех бутерброды с колбасой, но сегодня ее стол почему-то занят парадной редакционной посудой и коробками с тортами. Эту малышку в прошлом году распределили из МФТИ в наше учреждение без вывески, но Владислав Николаевич предложил ей перейти через проспект в «Науку и мысль» младшим редактором, потому что ученый из нее никакой, зато есть папор, переходящий в пахальство, подвешенный язык и сильно развитое чувство справедливости — все это признаки неплохого журналиста. Маришка похожа на толстенький чемодан с двумя ручками — она все время что-то ест: летом клубнику, зимой пирожки.

«Куда мне худеть, — любит вздыхать она. — Ну, похудею и стану похожа на портфель».

— Февраль, Юрий Васильевич. Точно, февраль. Не сумлевайтесь.

— Значит, скоро весна, — заключаю я.

— Не может быть. Откуда вы знаете? — удивляется Маришка.

— Весна это обстракция, Юрий Васильевич, — говорит Олег Белкин, отвлекаясь от телефонного разговора. И тут же в трубку: — Извините, это я не вам.

По тону Оли Белкина я могу довольно точно определить, что он отбивается от какого-нибудь настырного автора, статью которого уже отклонили, как минимум, два рецензента. Оля терпеливо говорит в трубку уже минут двадцать, не меньше, и утирает лицо кончиком своего галстука за неимением носового платка. Рядом с ним расположился на стуле незнакомый мне посетитель, похожий на автора научной фантастики (они в основном люди тихие, и мы печатаем иногда

этот вид литературы — особенно осенью, когда дело к подписке). Наверно, автор пришел в «Науку и мысль» на лыжах из самой Москвы и сейчас терпеливо ожидает, когда освободится наш завлит Олег Павлович Белкин, чтобы узнать о судьбе своего научно-фантастического рассказа о раскопках Атлантиды в Антарктиде, или что-нибудь в этом духе.

— Значит, вас не устраивает мнение наших рецензентов? — повторяет Оля в трубку. — Я правильно понял? Тогда сделаем так: назовите рецензента, который бы вас устроил... Кто-то?! Не слышу... Профессор Степаняк? Какой Степаняк? Еписейский, что ли? Степан?! Его-то нам и не хватало! — Оля наконец не выдерживает и слетает с размеренной тональностью. — А что он понимает в адаптивном гомеостазе? Впрочем... если вы настаиваете, я отправлю вашу статью на отзыв профессору Степаняку-Еписейскому.

Все же странно, почему Белкин сегодня при галстукке, а Маринкин стол заставлен тортами? Галстук и Оливия шей суть предметы несовместимые. Хотя возможен вариант, что Оля забыл в последней командировке свой свитер и за неимением шарфа, чтобы прикрыть горло, нацепил галстук. Логично. В прошлой командировке он забыл в Киеве штаны, а еще раньше в Новосибирске — портативную пишущую машинку. Его пропажи потом приходят на адрес редакции, и всем весело.

С галстуком, кажется, прояснилось. С лыжами — тоже. Но почему торты и парадный сервиз?

Глава пятая

Сегодня у нас юбилей, наконец-то вспоминаю я. Вот почему торты, сервизы и все принаряжены: юбилей «Науки и мысли» я разрешил отпраздновать прямо в редакции, но, разумеется, без горячительных напитков — не потому что я аскетичный монстр, а потому что «потому»... Нефиг пить на работе. Хотя, разумеется, мой несостоявшийся зять Дроздов все равно сегодня напьется — он уже запасся бутылкой коньяка и сейчас поглядывает (чтоб Маринка не сперла) на свою спортивную сумку с надписью «tennis» и находится в предвкушении — недаром он так благосклонно согласился выбросить из статьи целых четыре слова.

— Здравствуйте, Юрий Васильевич!

Я оглядываюсь. Единственный культурный человек в этой коммунальной квартире — мой заместитель, Михаил Федото-

вич Чернолуцкий. Он здороваётся со всеми и с каждым по десять раз на день, а синонимы слова «здравствуйте» вставляет с разными интонациями куда нужно и ненужно. Вообще, после известного у нас неприятного происшествия у Чернолуцкого, как отмечают врачи, появились «неадекватные реакции на окружающую действительность». Смеётся, когда надо плакать или быть серьёзным, и наоборот. Всегда говорит то, что думает, — а это, знаете ли... И так далее. Они (врачи) ещё не знают, что Михаил Федотович иногда видит сквозь стены и зрит в пульт разных предметов. Он объясняет эти свои способности результатом шести ранений в ленинградской морской пехоте сорок первого года и послевоенными занятиями геноетикой, когда он исчез в сорок восьмом, а объявился в пятьдесят третьем. Но врачи так не думают.

— Здравствуйте, Михалфедотыч! Это чьи лыжи?

— Это?... Здравсьте... Мои.

Я не решаюсь задать глупый вопрос: «А зачем вам лыжи?», потому что в ответ услышу: «А как же? Снег потому что. На улице», и спрашиваю обычное:

— Ну-с, что новенького у заместителя главного редактора?

Мы входим в наш общий кабинет, где всего два стола — мой и Чернолуцкого. Как и положено любому заместителю, Михаил Федотович тянет всю работу на своем горбу, а я прихожу на готовенькое. На моем столе лежит толстенный набор апрельского номера «Науки и мысли», который я должен сегодня прочитать и вчера подписать в печать, а стол Михаила Федотовича завален словарями и рукописями. Он прикрывает дверь и с удивлением меня разглядывает... будто я не расчесал бороду или забыл, извилияюсь, застегнуть пуговицу на ширинке.

— Так что новенького, Михалфедотыч?

— Здравствуйте! Будто вы не знаете?

— Нет, я ещё ничего не знаю.

— Привет! Я уже не заместитель главного.

— А кто же вы? — удивляюсь я.

— А никто. Жаворонок. Между небом и землей. Меня вчера сняли.

— Что-то я не пойму...

— А что тут понимать? Сняли. Моргал говорит, что не хотел, по ему позвонили. Кого-то надо снимать за наши штучки? Надо. Не вас же... Здравсьте! Значит, меня. Что и следовало тому быть. Вот сейчас уберу на своем столе, поныю чай-

ку, съем тортик, стану на лыжи и пойду в магазин за водкой. Напьюсь. Заслужил. Не помните, водку в этом веке со скольких продают?

— Не помню. С утра, вроде.

— Надо спросить у Дроздова. Куплю бутылку.

— За что вас конкретно сняли? — начинаю сердиться я.

— За портрет президента.

— С какой формулировкой?

— Ну, там какая-то длинная фраза... Не помню точно. За допущенные серьезно-безыдейные недостатки в мало-высокохудожественном оформлении журнала... что-то вроде этого.

Я уже все понял, Михаил Федотович может не объяснять. Против нас наконец-то начались военные действия, кому-то мы все-таки наступили на хвост. Эта войнуха давно ожидалась, ее следовало ожидать. Вот уже несколько лет прошло — с тех пор как тихое смирное издательство «Перспектива» (правда, у него давно была нарушена всякая перспектива — мелочные предметы и отношения громоздились в издательских коридорах на первом плане, заслоняя нужные и большие вещи) вдруг заполучило в свое подчинение агрессивный периодический журнал с двусмысленным названием. От нас в издательстве житья не стало — из уважаемых НИИ, как из рваной торбы, посыпались жалобы и протесты, а директоров в «Перспективе» стали менять со скоростью одного-двух оборотов Земли вокруг Солнца. Редко кому удавалось застрять на третий год. А вот Моргал задержался и вчера по звонку сверху начал войну. Неизвестно почему, но все эти годы меня не решались тронуть, — и все же не выдержали, не дождались моей такой затянувшейся скоропостижной кончины, не смогли упустить такой спелый идейно-политический повод... Дело в том, что в прошлом номере «Науки и мысли» мы поздравляли президента Академии наук с семидесятилетием (совсем пацан еще!), и в типографии какой-то подвыпивший стрелочник подверстал его портрет вверх ногами... И хотя я лично извинился перед президентом (а он от смеха чуть не лопнул), кто-то ТАМ НАВЕРХУ решил нанести удар по моему заместителю.

Что ж, мы будем стоять до конца.

Я гоню свой склероз, не до него сейчас. Хватит раздваиваться, надо набирать форму.

— А про Енисейского на совещании не вспоминали? — прищуриваюсь я.

— Про Степана? Здоровеньки булы, а як же! Мне коло урны так сказали: если выйдет апрельский помер о зубной боли Степаняка-Еписейского, то я распрощаюсь не только с креслом заместителя, но и с простым стулом в редакции.

— Кто сказал?

— Моргал.

— А вы что ответили?

— Распрощался.

Яжимаю руку своему верному заместителю, когда без стука распахивается дверь и в кабинет влетает возбужденный Оля Белкин. За ним входит этот... тихий посетитель, автор научной фантастики.

— Обстракция! — восклицает Белкин, воздевая руки к давно небеленному потолку. — Вот, знакомьтесь!

— Здравствуйте! — радушно здоровается Михаил Федотович.

— Что «здравствуйте», что «здравствуйте»?! — запальчиво спрашивает Белкин. — Вы хотя бы знаете, с кем здороваетесь? Этот товарищ напавлен к нам заместителем главного! Вместо вас!

Глава шестая

Михаил Федотович тушуеться, а я спрашиваю, стараясь не волноваться:

— Кем напавлен? Идите, Олег Павлович, мы тут сами разберемся.

Я разглядываю незнакомца.

Внешне этот человек ничего собой не представляет. Он спортивен, выбрит, подстрижен, во что-то одет, у него есть глаза, нос, губы и все, что положено хому саппенсу, — но все это вместе не составляет лица. В общем, я, кажется, зря обидел тихих и безобидных авторов научной фантастики — этот человек напоминает мне мужа сотрудницы нашей лаборатории, которому в тридцать седьмом году я ни за что ни про что, но БЕЗОШИБОЧНО дал в безразличную морду на следующее утро после ареста академика Эн, и он только утерся.

— Кто вы такой? — начинаю закипать я. — Сколько вам лет? Образование? Что вы умеете делать, чтобы быть моим заместителем? Имеете ли вы какое-нибудь отношение к науке... или хотя бы к мысли?

— Юрий Васильевич, вы, пожалуйста, не волнуйтесь,— спокойно отвечает он.— Лично мне эта двусмысленная ситуация тоже неприятна. И ваш сотрудник понял меня неправильно. Ну какой из меня заместитель?.. У меня к вам два дела. Во-первых, директор издательства просил передать лично вам, что вчерашнее решение было предварительным... Его еще можно изменить. Товарища Чернолуцкого пока еще никто не смещает. Директор просит вас о небольшом одолжении... Он просит придержать статью о профессоре Степапяке-Енисейском, не ставить ее в апрельский номер. Директор хотел бы предварительно посоветоваться в Минздраве.

— Придержать статью?! — взрываюсь я.— А ваш Моргал знает, что этот самый Степапяк-Енисейский дезорганизовал отечественную стоматологию? Да? Нет?.. Не пойму! Так вот, передайте Моргалу, что ни один вредитель, ограбивший государство в особо крупных размерах, не сравнится с этим Степаном, который двадцать лет подряд причинял всему народу зубную боль. У всех зубы болели, только не у Минздрава! С кем же советоваться? Страшная у вас роль, молодой человек... Впрочем, вы не молодой человек. Где я вас видел?.. Не помню. Вы кто, не пойму?.. Издательский курьер? Чрезвычайный посол?.. Не слышу!.. Не пужаюсь! У меня сегодня неприемный день. Михалфедотыч, повесьте объявление: ушел на базу, вернусь не скоро!

Все мои подчиненные наострили уши, боязливо выглядывают в коридор и слушают своего главного редактора. А как же — чайник кипит! Так-то! И мы еще кое-что можем! Учитесь, пока я жив!

— Придержать статью? — азартно продолжаю я.— Сейчас... Где она? Вот на моем столе лежит апрельский набор, я должен его подписать. Вчера должен подписать. В нем не хватает статьи о методах профессора Степапяка-Енисейского... Где эта статья?!

Я грозно гляжу в коридор. Развел, понимаешь, демократию! С этого момента железная дисциплина! На войне как на войне! Если сейчас мне не принесут статью — всех уволю!

Все, как мыши, разбегаются по своим рабочим местам, а из третьей комнаты, где бездельничают художники и фотограф, выскакивает Ашот и несет статью, бормоча что-то про два недостающих зуба. Ага, испугались!

— Дроздов подписал статью? — спрашиваю я.

— Так точно, Юрий Васильевич,— отвечает Дроздов.

Все опять выглядывают в коридор.

— Где моя авторучка?

Я откидываю полы пальто, усаживаюсь в кресло, Михаил Федотович подает мне свой старинный «Паркер» с золотым пером (эту авторучку у него надо украсть и отнести в свой музей на втором этаже учреждения), и я трясущейся рукой подписываю в печать статью Дроздова — черными чернилами полной подписью вместе со званием: «Академик Ю. Невеселов».

— Какое сегодня число?

— Двадцать восьмое февраля,— смеется Михаил Федотович.

Все-таки он смеется, хотя только что я подписал ему приговор — статья пойдет в печать, и его снимут.

— Значит, сегодня последний день,— заключаю я и ставлю дату.

— Последний день чего? — интересуется Михаил Федотович.

— Помпей,— предполагает Дроздов.

— Зимы,— поясняю я.

Дроздов манерно аплодирует мне из коридора. Значит, старый чайник сыграл на публику и сорвал аплодисменты на старости лет.

Но чрезвычайный издательский посол, оказывается, еще не втопан в грязь. Уши еще торчат. Он что-то еще хочет сказать... Все верно: входя, он сказал «во-первых», но еще не добрался до «во-вторых». Он открывает свой дипломатический чемодан, протягивает мне какой-то мандат и невозмутимо произносит:

— Нет, Юрий Васильевич, я не чрезвычайный посол и не издательский курьер. Мне, во-вторых, поручено провести в вашем журнале ревизию.

После этих слов в коридоре начинается происходить немая сцена. Я, признаться, тоже немного ошарашен.

— А его фамилия не Хлестаков ли? — разряжает обстановку Дроздов.

— Нет, моя фамилия Ведмедев,— спокойно представляет этот ревизионист.

— По всем ревизионным вопросам обращайтесь к заместителю главного редактора. Михалфедотыч, к нам приехал ревизор! Уделите ему внимание, но не в ущерб основной работе.

— Здравствуйте! — Михаил Федотович трогает ревизора за локоток.— Я не расслышал — ваша фамилия Ведмедев или

Медведев?.. Что будем проверять? Наличие столов, стульев, сотрудников?

Все опять разбегаются по рабочим местам, а Маришка быстренько проверяет амбарную книгу «прихода-ухода» — все ли расписались? И, паверно, расписывается за Дроздова, который принципиально никогда не расписывается в появлении на работе (в исчезновении с работы — тем более).

Умничка.

Не Дроздов умничка, а Маришка.

Это она ловко делает, фальшивомонетчица.

Глава седьмая

Я остаюсь в одиночестве, снимаю пальто и опять усаживаюсь в кресло. Оно крепкое, довоенное, на балансе редакции не числится, я его из дому принес, его из-под меня трудно вышибить. Сейчас я еще раз внимательно прочитаю статью о зубной боли профессора Степаняка-Енисейского и вычеркну из нее все несущие балки и рабочие кирпичи, то бишь все колоритные слова и одесские обороты, которые Дроздов надеется под шумок протащить, хотя я и пометил все эти штуковины в его черновике.

Маришка принесит чай в серебряном подстаканнике № 2 и бутерброды с колбасой. Спасибо, одного достаточно, я уже завтракал.

— Что ты спросила?..— переспрашиваю я.— Кому чай? Ревизору?!

— В порядке подхалимажа,— смеется Маришка.

— Ладно, предложи ему чай, пусть подавится. Человек все-таки с дороги.

Итак, читаем статью...

Где мои очки?

На носу.

Статья называется: «Зубная боль профессора Е.».

Странно, почему Дроздов сократил фамилию Степана до единственной заглавной буквы? Впрочем, «Енисейский» это не фамилия и даже не псевдоним, а торжественная приставка в подражание Семенову-Тяп-Шапскому или Суворову-Рымникскому, хотя профессор Степаняк прицепил к своей фамилии название великой сибирской реки не потому, что он там родился, воевал или что-то исследовал — нет, Енисей он прославил кончиком своего железного школярского пера, за-

пудрив мозги целому послевоенному поколению научно-фантастической трилогией о светлом будущем Сибири.

В этих романах («Обь», «Енисей» и «Лена») наши потомки, какие-то глуповатые восторженные личности, построили в Сибири куполообразные города, своротили русла трех великих рек, установили на Северном полюсе гигантскую трубу-лифт для транспортировки на Луну песка из обмелевшего Северного Ледовитого океана и, гонаясь за иностранными шпионами, мимоходом раскрыли загадку Тунгусского метеорита, — оказывается, там взорвался не метеорит наверху, а газ под Тунгуской!

В то время как писатель Енисейский покорял на бумаге Сибирь, профессор Степаняк, назначенный директором головного института стоматологии, разгонял спецов, прикрывал последний завод по выпуску вредной и дорогостоящей амальгамы и под лозунгом «плюс химизация всей страны» подписывал приказ о поголовном пломбировании зубов перспективной пластмассой по собственному рецепту...

Лучше бы уже пластилином!

За трилогию Степаняк-Енисейский получил Сталинскую премию и орден «Знак Почета» (у меня есть такой же — до сих пор путаюсь: все-таки, знак или орден?), за развал стоматологии — Государственную премию и орден Трудового Красного Знамени, а когда подули ветры перемен, он развернул свой флюгер и спешно настрочил четвертый роман («Байкал»), в котором иностранных шпионов разменял на родимых отечественных, трубу на полюсе демонтировал, реки вернул в первобытное состояние, а Байкал спас от нашествия тунгусских пришельцев. Правда, ожидаемого к юбилею ордена «Дружбы народов» Степаняк-Енисейский не получил, потому что в стоматологии он никак не мог протрубить отбой — к тому времени его уже сделали «народным дантистом» и «почетным директором», а все амальгамные заводы страны были растасканы по винтику, по кирпичику — на что Дроздов должен обратить особое внимание в своей статье.

Вообще, я давно заметил, что инженеры пишут фантастику преимущественно о медицине, а медицинские работники — о будущем Сибири. (Историческую же фантастику на тему «что было бы, если бы...» пишут все, кому не лень.) Парадокс? Нет, обычное явление, совмещение профессий — дилетанты всерьез занимаются только чужими делами. Это удобно, а спросу никакого.

Итак, фамилию пишем полностью. Не шадить, бить прямо по фамилии, но без ерничанья. Пусть уж Ашот не обижается, но статья пойдет без иллюстрации — спору нет, челюсть хороша, но из-за этой статьи произойдет большая драка, а драка дело святое... Шутки в сторону, а челюсть в архив.

Где моя авторучка?

Я ощупываю карманы, патыкаюсь сначала на чужой «паркер» с золотым пером, а потом на втучку «склерозную записку». Сегодня она написана на листке от перекидного календаря. Почитаем, что я должен сегодня совершить...

На листке напечатаны жирное число «28», слова «ФЕВРАЛЬ», «ПЯТНИЦА» и список планет, видимых в предстоящем марте. На обороте красными чернилами и каким-то страшным, не Татьяниным почерком записано:

Не забыть:

1. Звездные войны.
2. Мыло, полотенце, паста, зубная щетка.

Мною опять овладевает приступ сосредоточенного туподумия. Я разглядываю календарный листок, как до него разглядывал серебряный подстаканник, черную вывеску, белые обложки, и не могу сообразить: кто написал эту записку, сложил вдвое и засунул в мой нагрудный карман?

Я с опаской оглядываюсь...

За спиной никого, но за полуподвальным окном маячит уже знакомая фигура в смушковом пирожке.

— Маришка! — зову я. — Выйди узнай, что этому старцу от меня нужно.

Я продолжаю изучать календарный листок. Узнаю, когда сегодня взошло и зайдет солнце, восход и заход луны. Узнаю, что в марте «Венера не видна», «Марс виден сегодня в юго-восточной части неба в созвездии Весов как звезда пулевой величины. В 22 ч. 12 мин. Луна на короткое время закроет своим диском планету», «Юпитер восходит за два часа до рассвета в созвездии Стрельца», «Сатурн — после полуночи в созвездии Весов», «20 марта в 13 час. 24 мин. московского времени Солнце вступит в зодиакальный знак Овна, наступит начало весны».

Такой вот гороскоп.

— Это какой-то ненормальный, — смеется Маришка, заглядывая в кабинет.

— А в чем дело?

— Стоит, мерзнет... Я пригласила... Отвечает, что не смеет войти в паш... как его?.. священный храм науки и мысли.

— Я так и думал.

Я подхожу к окну, разглядываю этот листок на просвет и вижу обычные водяные знаки-звездочки.

Значит, сегодня начинаются звездные войны.

Глава восьмая

Я догадываюсь, кто подsunул мне эту повестку...

Вернее, мне хочется, чтобы это был именно он — удивительно похожий на меня издательский швейцар в фуражке, которому я много лет назад продал свою душу прямо в вестибюле «Перспективы». Конечно, меня засмеют, если я начну объяснять, каким способом пробил в Госкомиздате «Науку и мысль». Легенду о потустороннем швейцаре я не рассказывал даже внучке — Татьяна погладила бы меня по редким волосенкам и с восхищением сказала бы:

«Ты, дедуля, у меня писатель-фантаст!»

Но о швейцаре я молчу не потому, что меня засмеют, а потому, что разговор с ним воспринимаю серьезно. Он сидел в вестибюле рядом с газированным автоматом, всех сердито спрашивал, куда идут, и всех пропускал. Я всегда боялся швейцаров за их швейцарскую психологию, но этот вдруг участливо спросил, когда я после официального отказа Госкомиздата искал в кармане копейку для газированной воды:

«Что, дедушка, не везет? На, выпей водички с сиропом...— и протянул мне трехкопеечную монету.— Не бойся, не простудишься».

Я выпил за его счет сладкой негазированной воды и вдруг, уж не знаю зачем, пожаловался, что не могу пробить жизненно нужный научно-популярный журнал в его швейцарском издательстве.

«Жизненный? — с неподдельным интересом переспросил швейцар.— Нужный, научный и популярный? Тогда вот тебе, мил-человек, мой добрый совет: дай кому надо на лапу».

«Что значит?!— изумился я.— Дать взятку? Ты что, старик, сдурел? Кому?»

«Кому, кому... Мне,— просто и серьезно ответил швейцар.— Мне. Я же тебя, мил-ты-мой-человек, насквозь вижу. Ты тут третий день без толку груши околачиваешь... Я вас всех насквозь вижу лучше всякого рентгена. Я всю жизнь

состою в швейцарах. Я — потомственный. Даже на войне по болезни имел белый билет и служил швейцаром в дипломатическом корпусе. Даже французскую медаль получил от чрезвычайного посла Франции. А когда с де Голлем отношения испортились, мне эту медаль было вспомнено, и отправлено меня на понижение в Лейпциг... в ресторан «Лейпциг», — уточнил швейцар. — Ну, а здесь уже по старости...»

Насчет швейцарства в дипломатическом корпусе он не уточнил, полагая, наверно, что дипломатический корпус это такое высотное здание с архитектурными излишествами и с большой крутящейся дверью. Но эти мелкие неточности несущественны, — в остальном, в главном, швейцар был исключительно правдив:

«А ты, мил-человек, одного со мной года рождения... ровесник, значит. Вои у тебя Звезда Героя сыцилистического труда, ученый академик, личный автомобиль завода имени Молотова... а я тут издательские черпильницы сторожу. Кто я такой по сравнению? Червячишко. Но зато я вас всех насквозь вижу, а ты не понимаешь простых вещей. Ладно уж, сделаем так... Мне завтра туда пора, — швейцар указал пальцем на потолок. — Дай мне на бутыловку водовки, и я за тебя замолвлю ТАМ словечко, за твой журнал».

«Где это «там»? — опять удивился я и оглядел потолочную лепнину с барельефами Архимеда, Ньютона, Дарвина и Ломоносова. — В Госкомиздате?»

«Бери выше, — усмехнулся швейцар. — Госкомиздат такие рискованные дела не решает. Выше. Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц... Значит, не понимаешь? Санкта симплицитас... По-латыни тоже не понимаешь? Святая простота то есть. Ты хотя бы «Фауста» читал?»

«Гете, что ли?»

«Вот! — обрадовался швейцар. — Амадея Вольфрама Гете, — с именами он тоже напутал, но это мелочи. — Понял теперь, что я тебе предлагаю? Я буду между вами посредником. ОН тебе сделает журнал. Разрешит. Выдаст патент с высочайшим соизволением».

«Кто, Гете?»

«При чем тут Гете?.. Еще выше... Не называем имен. ОН сделает тебе журнал, а ты ЕМУ отдашь за это... ну, ты меня понимаешь, да? Это слово не произносим».

«Душу, что ли?» — захохотал я, на что швейцар обиделся и наставительно произнес:

«Я думал, что ты серьезный человек, а тебе смешно. Ничего смешного не вижу. Рассуди сам: ты в НЕГО не веришь, и ТО САМОЕ, над чем ты смеешься, тоже для тебя как бы не существует в природе. Значит, тебе ничего не стоит отдать ЕМУ ТО, чего у тебя нет. Логично, а? Подумай. Я б другому не предложил. Ты бы дал бы мне на бутыловку водовки, и ОН бы меня тоже не обидел. И мне хорошо, и вам. Не сомневайся. Или ты жадный? — внезапно заподозрил швейцар. — Жадный, да? Жадный?»

Тут я безо всяких раздумий вытащил бумажник и, обнаружив в нем всего лишь пять рублей, вышел на издательское крыльцо с атлантами Кириллом и Мефодием по бокам, одолжил у Павлика еще пятерку и, вернувшись, неловко сунул эти бумажки в загнувшую лапу хитрому швейцару...

Почему я это сделал? Наверно, он сбил меня с толку латишской фразой и какой-то неленой смесью французского с нижегородским, но за такие штуки тем более надо платить, иначе потом всю жизнь будешь сожалеть о том, что не дал на «бутыловку водовки» дьявольскому посреднику.

«Давай, давай... Не бойся, никто не смотрит...» — удовлетворенно произнес швейцар и, не глядя, сунул червонец в карман. — Значит, понял. Тогда договоримся так... Ты, главное, не суетись и ни о чем не беспокойся. Сиди в гостинице и домой не уезжай. Сиди и сиди. Жди. Тебе сегодня-завтра позвонят и пригласят сюда, но меня уже здесь не будет, а ты моего сменищика ни о чем не спрашивай, он в швейцары попал случайно и ничего в нашем деле не смыслит. Смело иди прямо к директору «Перспективы» и получай разрешение... Да, а у тебя на директора компромат есть?.. Компрометирующий материал то есть. Нет. Ясно. Как же ты собираешься держать-то его в ежовых рукавицах? Ладно, не хотел тебе говорить, но придется. В кабинете директора есть потайная дверь, а за дверью той нелегальная комната. Шуры-амуры там, пьянки-банки и все удовольствия по последнему слову техники. Сей тайный апартамент передается по наследству еще от купца-первоиздателя Лыкина, и ни один директор от той потайной директории не отказался. Вот тебе и козырный туз: чуть что, ты на него телегу. Но отсылать в ЦК не спеши, а сначала покажи ему копию. И будет с твоим журналом полный порядок. Название-то какое? «Наука и мысль»? Тоже красиво. Ну, а когда наступит время расплаты, тебя найдут, не беспокой-

ся. И не говори ЕМУ, что дал мне на лапу. У НЕГО с этим строго».

«Кому не говорить? Сменщику?»

«Нет...»

«Директору?»

«Выше...»

«Дьяволу, что ли?»

Швейцар чуть не заплакал, испуганно оглянулся на автомат с негазированной водой и зашептал:

«Нет, ты все-таки как дите! Учить вас надо, академиков, учить! Деньги, дьявол, душа — эти слова не произносятся вслух! Табу! Журнал жизненный, пужный, научный, вот я и хочу тебе помочь в силу мер... в меру сил то есть. А ты, как юный пионер, третий день здесь в кабинеты барабанишь и произносишь непужные слова. Да над тобой тут все смеются! Дремучий человек! Никогда не произноси непужных слов — ни в жизни, ни в журнале. Понял? Значит, не выдашь меня ЕМУ? Договорились? Нет, ты скажи: договорились?»

«Договорились», — пообещал я, а потом весь день, сидя в гостинице, чувствовал себя старым дураком, которого так ловко надул обыкновенный швейцар.

А Павлик, дремучий человек, суетился и не понимал: зачем мы торчим в этой Москве и почему не возвращаемся в лес к своим бабам?

Но когда утром мне позвонил тогдашний директор издательства и нерадостно сообщил, что «ситуация наверху изменилась» и что («кто бы мог подумать!») идея создания журнала «Наука и мысль» одобрена, — вот тогда я решил, что швейцар не очень-то меня обманывал, выкачивая на лапу, — швейцары народ наблюдательный, он видел перед собой заслуженного академика и высокомерно рассудил, что я устрою все свои дела без всякого черта и что содрать с меня на водку за приятный разговор совсем не грех...

Я думал так, но беда в том, что, приехав на следующий день в «Перспективу» договариваться о бумаге, помещении, сметах, штатном расписании и тому подобных дикарских вещах, я доверительно спросил в вестибюле у молодого да раннего сменщика:

«А где тот дед с бородой?»

На что сменщик равнодушно ответил:

«Нафталиныч, что ли? Вчера помер».

Вот в чем беда: этот Нафталиныч умер на следующий день, как и обещал! И отправился, значит, ТУДА по расписанию... Врать ЕМУ про дипломатический корпус и про французскую медаль, а заодно пробивать повый журнал.

А ТОТ, получается, разрешил и все эти годы курировал «Науку и мысль»!

А сегодня прислал нацарапанную кровью повестку: час пробил, время пришло, можно ни о чем не беспокоиться: с вещами на выход к звездам.

Глава девятая

Так я сижу, делаю сразу три дела: пью чай, перечитываю статью и размышляю о дьявольщине. Авторучка мне уже не нужна, исправлять и зачеркивать нечего. Я вижу, что Дроздов, надеясь на мой склероз, ничего не изменил в тексте, и статья напоминает дешевый крокодильский фельетон. Дроздов, жонглируя словами, то и дело переходит на личность какого-то никому не ведомого «профессора Е.», а зубоскальство и балаганщый тон без точного адреса предмета сатиры всегда раздражают — и, значит, раздражает и позиция журнала. У тонкого человека эта статья может вызвать лишь сочувствие к бедному-бедному «профессору Е.», который случайно попал под колеса журнальному скомороху.

Меня давно злит Дроздов. Этот бывший мастер спорта по теннису и неплохой научный журналист как-то незаметно превратился в преферансного гроссмейстера и постепенно спивается. Впрочем, дело обычное — многолетние скачки с препятствиями на чистокровном, но неподкованном таланте без седла. Устал и загнал лошадь.

Пока я так размышляю, Дроздов появляется в кабинете.

Вид у него унылый.

— Юрий Васильевич, отдайте статью.

— Бери. А что случилось?

— Хочу еще посмотреть...

— Совесть заела?

— Вы извините, ладно? Статья будет готова к понедельнику в лучшем виде.

— Не верю. Ее надо писать заново.

— За два дня я успею.

— Ее надо писать умно. Без ненужных слов. А ты уже этого не умеешь.

Дроздов молчит. Такого оскорбления он еще ни от кого не получал. Что ж, получай.

— Юрий Васильевич...— наконец говорит он.— Давайте сделаем так... Я поеду с вами в Кузьминки, закроюсь в гостинице на субботу и воскресенье и не выйду, пока не напишу статью. Если не напишу — застрелюсь.

— Ты хранишь огнестрельное оружие?

— Тогда повешусь.

Это у него дежурные шутки с недавних пор. Он, кажется, задумался о смерти. Давно пора. Для таких, как Дроздов, это полезно... хотя и опасно.

А почему именно в Кузьминки и почему именно со мной? У меня что, других дел нет?

— Вы забыли...— осторожно напоминает Дроздов.— Сегодня у нас выезд в Дом ученых.

Все-таки у меня странный склероз... я забываю обычные бытовые вещи: забываю надеть зимой шапку или, например, как зовут мою Татьяну, зато помню множество стародавних событий, людей и разговоров. Конечно же, сегодня вечером в кузьминкинском Доме ученых состоится наше юбилейное торжество.

— Хорошо, поедешь с нами,— соглашаюсь я.— Но с одним условием...

Дроздов весь внимание.

— Ты вынешь из своей сумки бутылку коньяка и оставишь ее... да хотя бы здесь... в моем столе. На сохранение. В Кузьминках пить не будешь.

Дроздову очень хочется спросить, откуда я узнал, что у него в сумке припрятана бутылка коньяка?.. Кто донес? Может быть, Чернолуцкий, который все видит насквозь? Но он выходит из кабинета, махнув рукой и поняв, что дело тут не в доносчиках или в насквозьвидении, а в моем доскональном знании предмета по названию «Дроздов».

Я знаю его, вот и все.

Кстати, так вот и зарабатываются бутылки — можно считать, что я только что сполна возместил свой давний расход на швейцарскую водку. Учитесь, пока я жив!

Дроздов приносит бутылку крутого азербайджанского коньяка, когда я накручиваю свой домашний номер телефона, кладет ее в мой стол и удрученно уходит; а Татьяна долго не берет трубку, потому что плещется в ванне, готовясь к выез-

ду на торжества в Кузьминки — там, извинаясь, и подмыться пегде.

Наконец я слышу ее птичкин голосок:

— Да, я слушаю.

— Это я.

— Ой, дед, я забыла вложить тебе склерозную записку. Ты должен позвонить Владику...

— Я у него уже был.

— Зачем? Надо было позвонить из редакции и напомнить про юбилей. Потом ты обещал серьезно поговорить с Дроздом...

— Уже говорил.

— Да? Расскажешь. Теперь иди обедать. Потом переоденешься, мы вернемся в редакцию и поедем в Кузьминки.

Она еще о чем-то чирикает, а я наконец вспоминаю, зачем звоню.

— Татьяна, срочно свяжись с президентом Академии и скажи ему...

— Постой... Я запишу... Диктуй.

— И скажи ему, чтобы позвонил мне.

— Сделаю. Да, дед, ты забыл в туалете свою авторучку. Как ты там без нее?

Вот где моя авторучка — дома на унитазах! (Что я там с ней делал?) Теперь я спокоен и отправляюсь домой обедать.

Иду по коридору.

Михаил Федотович, доверительно склонившись над ревизором, что-то горячо ему доказывает, а тот что-то невозмутимо пишет. Маринка занята поеданием бутерброда с голландским сыром (не тот сейчас сыр, не тот — какой же это голландский сыр, если он не вохнет?), а Дроздов хмуро смотрит в окно, сожалея, что из этого полуподвального окна нельзя выброситься. У Белкина опять графоман на проводе...

— Какой сегодня год? — спрашиваю я в никуда.

— В каком смысле? — удивляется Ашот из третьей комнаты.

— Обычный или високосный?

Все размышляют.

— Високосный.

— Значит, завтра 29 февраля.

Да, вспомнил, зачем я стою и смотрю на своих сотрудников — мне предписано кого-то из них сократить.

Есть странные сочетания слов... Например, вот это: «Сократить человека». Хотел бы я знать, как это делается. А за-

чем это делается — я знаю. Моргал не в силах прикрыть «Науку и мысль», но изменить направление вполне может попробовать. Для этого надо одного сократить, второго проводить на заслуженный отдых, третьего, как Дроздова, сплоти, четвертого повысить, пятого припугнуть — короче, вырвать журналу зубы и превратить его из клыкастого черта в беззубую старуху в синих чулках. Ашота перекрасить. Обложку вместо белой сделать серо-буро-малиновой. Журнал назвать «Наука», а мысль оторвать. И так далее. Механизм доведения до абсурда любого хорошего дела мне известен. И мне некого сокращать — швейцаров не держим-с, как они там...

Опять я начинаю раздваиваться. Наверно потому, что сбился с ритма: «дедушка плачет, шарик улетел...»

— Я пошел обедать.

Меня не слышат.

Выхожу за дверь и вспоминаю, что забыл подписать в печать апрельский номер.

Возвращаюсь в кабинет и вспоминаю, что без статьи Дроздова нет смысла ничего подписывать.

Когда я так вхожу и выхожу, все делают вид, что не замечают моих эволюций.

Может быть, себя сократить?

Это мысль. Ее надо обдумать.

С этой мыслью я отправляюсь домой обедать. Директора продовольственного ларька в смушковом пирожке нигде не видно, но я чувствую за собой слежку и решаю схитрить — иду не по проспекту, а через лес и вместо десяти минут делаю крюк в полчаса.

Павлик, ругнувшись про себя, оставляет «ЗИМ» и следует за мной на приличном расстоянии. Он тоже помнит ту историю с прочесыванием, когда я в самом деле чуть не замерз на озере.

А что — может, в самом деле, себя сократить?

Дедушка плачет, шарик улетел...

Глава десятая

Живем мы с внучкой в «рогатом доме» — его возвели немецкие военнопленные в стиле послевоенного победно-архитектурного бзика под руководством одного нашего заслуженного и сейчас справедливо забытого архитектора, который на

старости лет, ошалев от постоянного выматывающего душу угодничества, украсил фасад громадным рогом изобилия (из рога вываливались лепные снопы, виноград, арбузы, сосиски и всякая прочая снедь) и скоропостижно скончался, как чеховский чиновник от генеральского чиха, когда начальство позвонило по телефону и наивно попросило разъяснить, что означает вся эта махина небесная на фасаде, когда за продовольствием в магазинах очередюги, а колотый сахар выдается по карточкам?

Так вот, живем мы с Татьяной в этом рогатом доме (рог впоследствии отбили зубилами, но название осталось) на втором этаже в трехкомнатной квартире с громадным застекленным балконом, на котором можно играть хоть в настольный теннис. Это не преувеличение балкона: кроме проржавевшей клетки от моего умершего ангела-хранителя волнистого попугайчика Леши (в клетке сейчас живут Татьянины красивые горнолыжные ботинки), на балконе пылятся лыжи, спортивный велосипед и стол для пинг-понга — обе его половины прислонены к стене, и на них мелом написано: «Татьяна дура!»

«Татьяна» — на одной половине, «дура» — на другой.

Я с этим утверждением согласен. Эта надпись, сделанная рукой Дроздова, существует уже второй год, но Татьяне лень смахнуть ее тряпкой. Она уже не катается на велосипеде и не играет в теннис с Дроздовым. Она уже ни во что не играет, ей надоело все эти игры. Ей двадцать девять лет, она разочарована в жизни. Ей все надоело: ее филологическая диссертация, большой и настольный теннис, горные лыжи, игра на гитаре, кройка и шитье, компания экстрасенсов, что-то там еще и многое-многое другое — все, чем она усердно занималась с четырнадцати лет, меняя одно за другим, — все надоело.

Аспирантуру она все-таки закончила, но в кандидатской диссертации разочаровалась. Решила преподавать в школе, на третьем уроке умыла кровью какого-то оболтуса, раскроив ему бровь чернильной палочкой за скабресную шутку насчет ее попки, и ушла, хлопнув дверью. Поработала недолго у нас в журнале (мне это быстро надоело), а потом решила быть вучкой-секретарем бессмертного академика. Удивительно: наверху разрешили мне ввести эту домашнюю штатную единицу и теперь платят Татьяне 70 (семьдесят) рублей в месяц за то, что она меня кормит, отвечает на звонки и разбирает корреспонденцию. В Академии хотят угодить мне. Но должность

внучки-секретаря Татьяне скоро надоест. Ей пужно замуж. Ее пужно выдать замуж за настоящего мужика, но она давно знает, что таковых на свете нет и что в двадцать девять лет жизнь в основном закончена, а дальше пойдет существование.

Она все знает. Она даже знает, что она не права, но от этого ей еще тоскливей.

Сейчас эта принцесса Разочаровара расположилась в моем махровом халате за моим рабочим столом и раскладывает «Гробницу Наполеона». Так уж повелось с детства: когда я ухожу из дома, она — шмыг! — и важно восседает за моим столом. Вид у старика пошарпанный — на нем пеленались, ползали, учились ходить, ели манную кашу, рисовали снегурочек и принцесс, декламировали для гостей «Наша Таня громко плачет», читали «Трех мушкетеров», «Войну и мир» и «Сто лет одиночества», пили шампанское, плясали на нем обнаженной в порядке тренировки перед конкурсом «Miss Academia» (заняли первое место — так-то!), писали заумную диссертацию о философско-технологических аспектах произведений Станислава Лема (не знаю, как Лем, а я ни черта не понял), и вот сейчас на моем столе раскладывается «Гробница Наполеона».

Когда на столе гробница, значит, Татьяна не в духе.

Я отправляюсь на кухню.

Обеды стынет на плите. Вот уже двадцать лет, как врачи запретили мне есть, но я тайком ем всего понемногу и потому, наверно, еще жив. Я гремлю кастрюлями, нахожу водянистый бульон с белыми паровыми котлетками, похожими на сваренные шарики от пинг-понга (на вкус они такие же), и собираюсь, не отходя от плиты, покончить с этим скучным занятием. Но в кухне появляется Татьяна, отодвигает меня к холодильнику и расставляет тарелки.

Мы молча жуем теплые безвкусные белые шарики. Хоть бы посолила... Татьяна, храня фигуру, иногда для удобства переходит на мою диету, но, надеюсь, сегодня в Кузьминках она развяжет пояс и уж пообедает (и я пообедаю, под шумок).

— Что ты сказал Дрозду? — спрашивает Татьяна.

— Сказал, чтобы перестал пить, иначе выгоню. Неплохой бульончик.

— Это не бульончик, а отжатый овощной супчик. А он что? Обиделся?

— Он уже потерял способность обижаться.

— И не только эту способность,— тонковато намекает Татьяна, но я в эти тонкости не вникаю.

Она осторожно пробует супчик и сообщает:

— Тебе звонили.

— Кто, президент? — оживляюсь я.

— Нет. Какой-то профессор... Елисейский, что ли? Говорит, специально приехал, чтобы с тобой встретиться. Он что, из Сибири?

— Сибиряк, точно. Россия прирастет Сибирью,— цитирую я слова Ломоносова и вспоминаю утреннего старичка.— Он какой из себя?

— По телефону не разглядела,— смеется Татьяна.— Спрашивал, когда ты будешь дома.

— Вчера.

— Усекла. Газеты на столе. Журналы на диване.

— Писем нет?

— Нет.

Обычно она отвечает: «Полковнику никто не пишет», хотя мое воинское звание — генерал-майор. Кто мне будет писать? Кому я на фиг нужен, кроме Татьяны? Разве что той япончке с острова Хонсю, да и то в роли подопытного кролика. Я один еще ползаю из всего поколения.

Все, вроде пообедал.

Прохожу в кабинет, складываю гробницу в колоду, просматриваю свежие газеты, а журналы буду перелистывать, лежа на диване, потому что после обеда мне предписан мертвый час... Вот и еще одно странное сочетание слов — «мертвый час».

Пока читаю прогноз погоды, Татьяна стоит в дверях, смотрит на меня и хочет что-то сказать. Когда она так долго стоит и смотрит, значит, собирается сказать что-то важное. Однажды в шесть лет она вот так же стояла в дверях и вдруг попросила купить щенка, потому что попугай Леша, хотя и умеет гавкать, но только дразнится, а щенок гавкает по-настоящему и будет водить Танюшу в школу.

«Ну, со школой мы что-нибудь придумаем,— беспечно отвечал я, не чувствуя подвоха.— У нас дети без среднего образования не остаются. Например, попросим тетю Софу...»

«Нет, пужна собака,— последовал ответ.— А то ты вечно работаешь, а папы и мамы у меня нет. Когда они уже вернутся из этой твоей длительной командировки? Длительной... Ха-ха! Наверно, они померли».

«Как ты сказала? — пробормотал я.— Где ты услышала это слово?»

«Я его сама придумала. А как я узнаю своих родителей, когда они вернутся из этой... дли-тель-ной ко-ман-ди-ров-ки? У тебя случайно нету ихней фотографии?»

Я показал ей мутную любительскую фотокарточку, и Татьяна долго разглядывала нашу группу в лаборатории лучевой защиты. Узнала меня, тетю Софу, Михаила Федотовича, совсем молоденького Владислава Николаевича, вычислила свою маму, потому что, кроме тети Софы и Катерины, на снимке женщин не было, а потом безошибочно угадала отца, потому что этот человек обнимал Катерину за плечи.

«Как их зовут?»

Я ненавижу хоронить друзей и не люблю заводить собак из-за того, что они недолго живут, но щенка я ей все же купил. С попугаем щенок подружился. Пес ходил с Татьяной в школу, а потом состарился и сдох. Умер, то есть. Павлик с Татьяной похоронили его в лесу, а заводить нового щенка она не захотела.

Глава одиннадцатая

Пока я вспоминаю Татьянино детство, она продолжает стоять в дверях. Наконец говорит:

— Слышь, дед, я выхожу замуж.

— Давно пора. Замуж так замуж,— я гляжу в газету — что там сегодня с погодой? — и не подаю вида. В этих матримонциальных делах главное правило — не спугнуть.

— А почему ты не спрашиваешь: за кого?

— Не все ли равно? Я твоему вкусу доверяю.

— Ну, угадай!

— За швейцара.

— За какого швейцара?! — изумляется Татьяна.

— За швейцара, в издательстве. Солидный человек, с ним даже Моргал за руку здоровается.

— Нет,— смеется Татьяна.— Это не он. О швейцаре я подумаю в следующий раз.

— Тогда не знаю.

— Ух, дед, какой ты у меня проницательный! Я еще тоже не знаю. Но все уже решено. Хватит дуру валять. Завтра в Кузьминках я тебе скажу, за кого.

— Ладно, подожду.

Раздается звонок. Татьяна снимает трубку и произносит голосом строгой секретарши:

— Приемная академика Невеселова.

Ее о чем-то спрашивают на том конце.

— Вчера,— отвечает Татьяна.— Он вчера уехал в Кузьминки. Когда вернется — неизвестно.

Что нужно от меня профессору Степаняку-Енисейскому, я знаю, но знать не хочу.

В газетах читать нечего, они в конце месяца перевыполнили план по острым статьям и впали в зимнюю спячку. Я укладываюсь с журналами на диван. Это те самые научно-популярные журналы, о которых начальство сказало: «Но ведь есть такие-то и такие-то...» Не спеша перелистываю их, знакоюсь с названиями статей и разглядываю иллюстрации. Читать их я буду ночью в кузьминкинской гостинице, если не удастся заснуть, а пока перелистываю на сон грядущий в дневной мертвый час.

Мой журнал лучше.

О коллегах, пусть они даже и конкуренты, не принято отзываться плохо, но, если говорить честно, то первый из этих журналов чересчур развлекательный и, значит, поверхностный; а второй очень уж солидно-академический и, значит, скучный. Но они в меру сил делают свое дело и не приносят вреда — это уже хорошо, и, значит, пусть живут.

Третий журнал называется «Человечество и прогресс» — сокращенно «ЧиП». Мы с этими чипами на пожарах — какой, к черту, прогресс? — хотя пожги эти невидимы и вытаскиваются нечасто. По данным моей разведки там сейчас в пику нам спешно готовится контрстатья о передовых методах в медицине профессора Степаняка-Енисейского, где защищается русская отечественная стоматология от жидамасонов из журнала «Наука и мысль» (у них разведка тоже работает). Им-то что до чужой зубной боли?

Дело в том, что Степаняк-Енисейский является постоянным автором «Человечества и прогресса». Он отдает им в первопечать свои фантастические романы, а в прошлом году опубликовал подряд три статьи о тайнах Тунгусского метеорита, о летающих тарелках и о «Почему вымерли динозавры?». Лично я не знаком со Степаняком-Енисейским, и он совершенно зря ошивается с утра возле моего дома, уступая мне дорогу и напрашиваясь на контакт.

Нам не о чем говорить. Судя по смушковому пирожку, он такой же мезозойский динозавр, как и я, но помоложе и с противоположным знаком: если я, смею надеяться, динозавр положительный, миролюбиво уступивший эволюционную дорогу подрастающим млекопитающим, то Степаняк-Еписейский — типичный контрэволюционер, реликт образца сорок восьмого года, ни за что не хотящий вымирать даже в начале третьего тысячелетия пынешней эры. Я неплохо знаю повадки этих рептилий... Я хорошо их знаю. Конечно, их буйный расцвет, когда они заполнили шестую часть суши, давно в прошлом; вход в их экологическую нишу сократился до размеров лаза в мышиную порку, и сейчас они как будто незаметны — во всяком случае, диплодоков, сотрясающих землю, типа пародного академика Эл, в науке сегодня не наблюдается, но если прикинуть общую биомассу всей современной шушеры, то получится так на так по сравнению с тем же 1948 годом. Где же тут прогресс?

Так что динозавры еще не вымерли. Я делаю этот неутешительный вывод по ощущению махрового дуrolомства при чтении множества ученых статей — и не только в научно-популярных журналах.

Вот и сейчас... Мое внимание в «Человечестве и прогрессе» привлекает очередная статья Степаняка-Еписейского, профессора:

«БЫВАЛ ЛИ ПЕРУН В АФИНАХ?»

На сей раз статья историческая. Интересно, при чем тут Перун к Афинам?

Читаю.

И вскоре начинаю понимать, что профессору Степаняку-Еписейскому очень хочется быть древнее самих древних греков — он, виртуозно тасуя колоду времен и народов и раскладывая из них какую-то немыслимую гробницу Наполеона, «осторожно предполагает», что древние греки прибыли на свой полуостров Пелопоннес прямоком с Подола из Киевской Руси и что древнегреческий Зевс не кто иной, как наш переименованный древнеславянский Перун.

Уж не первоапрельская ли это шутка?

Нет, журнал февральский...

Я хочу позвать Татьяну, чтобы поделиться с ней этим археологическим открытием (даже Танька знает, что между Зевсом и Перуном пролегла пропасть в два тысячелетия), как вдруг натыкаюсь на очередное «осторожное предположение»

о том, что «в рамках этой исторической концепции древнерусского Бояна можно идентифицировать с эллиским Гомером», и мне окончательно становится понятен смысл этой исторической концепции: профессора Степаняка-Еписейского никак не устраивает, что наши предки, нормальные здоровые дикари, произошли неизвестно от каких неандертальцев, пришли черт знает откуда и расселились по берегам Днепра — нет, профессору очень хочется иметь раскидистое генеалогическое древо, где на главном стволе будет начертано кириллицей слово «Степан», а уж на всяких ветках и сучьях развешаны всякие там древние греки и римляне.

Это еще бывает, бывает... Очень уж хочется, чтобы древние греки тоже были пашенскими, с Подола.

Получается, думаю я, зевая, что Степаняка-Еписейского интересует не только будущее Сибири, но и прошлое нашей Родины. Ему мало повернуть Обь, Енисей и Лену вспять, ему нужно повернуть вспять саму историю.

Что он ходит, что он бродит вокруг дома моего?

С этими мыслями наступает мой мертвый час. Мне снится цветной сон: громадная гора в древнем, вроде бы, Киеве, — но узнать трудно. Какой сегодня век, год, день и число? Не знаю. Под горой течет, вроде бы, Днепр, в Днепре плещутся зеленые русалки, похожие на Татьяну, на горе растет генеалогическое древо — ветвистая липа с красными ягодками развесистой клюквы, которую, как мне снится, посадили здесь Кий, Щек и Хорив, и сестра их Лыбедь. На липе церковнославянским шрифтом вырезано слово «Степаняк-Еписейский», а под липой врыт в землю похожий на меня деревянный Перун в смушковом пирожке. Этот идол невысок, коренаст, с позолоченными усами и с бородой-лопатой. Над Левобережной Украиной встает солнце. Усы у Перуна сверкают. Мы знакомимся. Перун начинает читать о себе статью Степаняка-Еписейского, а я размышляю о том, что такие вот старички-лесовички шпыряли по Киевской Руси вдоль Днепра из варягов в греки, а сам Кий работал здесь лодочником на переправе, но чувствовал себя князем и любил отдыхать под липой.

Прочитав статью, Перун начинает трястись от смеха, хватается за живот и убегает под древо, где использует статью по назначению. Вернувшись, он подтверждает, что всю эту псевдоисторическую липу сочиняют издательские швейцары, и возвращает мне журнал с выданной статьей — но это уже

не «Человечество и прогресс», а знакомый календарный листок от 28 февраля с кровавой надписью на обороте о звездных войнах. Вместо списка планет на нем японскими иероглифами отпечатана какая-то путанная инструкция по эксплуатации персонального компьютера, причем иероглифы я читаю по-русски, но не понимаю смысла...

— Компьютер какой, японский? — спрашиваю я Перуна.

— «Асахи», фирма,— важно объясняет он.

— Значит, мое время пришло? — спрашиваю я.

Но древний славянский бог лишь загадочно улыбается в ответ.

Я с умилением хочу что-нибудь еще спросить... Например, что ТУДА положено брать с собой, кроме кружки, ложки, мыла, полотенца и зубной щетки?.. Авторучку можно? Часы? Ордена, медали? Научные труды?

Как вдруг обнаруживаю себя проснувшимся на диване.

Глава двенадцатая

Наконец-то я в нормальной рабочей форме. Мой мертвый час прошел, я видел занятное сновидение, я голоден, как волк, и помню все, что мне надо делать,— хоть иди к нотариусу и пиши завещание. На спинке стула уже висят выглаженные костюм, рубашка и галстук. Ботинки начищены до блеска... ну, это я уже сам мог сделать.

Я не спеша одеваюсь и расчесываю бороду.

С этого момента надо быть во всеоружии, потому что, во-первых, нас ждут великие дела, а во-вторых, на меня сегодня кто-то охотится.

Татьяна, вращая бедрами, wpłyвает в кабинет, демонстрируя новое платье из этого... мембранного трикотажа — еще одного побочного результата нашего фундаментального открытия. В зеленом она в самом деле похожа на русалку. Я изображаю восхищение... Нет, я действительно восхищен! С такой фигурой я на ее месте рожал бы детей, а не филологические диссертации.

— Да-а... пора подумать о приданом,— говорю я, а про себя рассуждаю, что думать надо скорее не о приданом, а о завещании для нее.

— Думай, дед, думай. Ты об этом только и думаешь... кому бы меня сплавить. Я от своего слова не отказываюсь: завтра выхожу замуж.

Татьяна кидает в сумку мою зубную щетку, полотенце, японский зонтик...

Я замороженно наблюдаю. Кажется, это уже серьезно — вещий сон начинает сбываться: с вещами на выход, серьезней некуда!

— Кружку не забудь.

— Зачем? — удивляется Татьяна.

— А зонтик зимой зачем?

— Пока ты спал, передавали грозовое предупреждение. Погода совсем взбесилась... Надвигаются два циклона — с юга и с севера. Люблю грозу в начале марта! Пошли, дед, пора.

Наверно, она шутит — какая гроза в феврале?

Впрочем, и погода сегодня должна быть необыкновенной, потому что сегодня последний день.

Татьяна вертится перед зеркалом в коридоре, нанося последние штрихи на картину, а потом начинает натягивать сапоги на свои длинные ноги. Значит, у меня достаточно времени, чтобы выйти на балкон, будто бы взглянуть на погоду, а на самом деле незаметно забрать из тайника мою единственную драгоценную вещь, которую я бы с удовольствием взял ТУДА. О ней никто на свете не знает, даже Татьяна; хотя, похоже, эту вещь видел Михаил Федотович Чернолуцкий — однажды он просветил взглядом птичью клетку на балконе, удивился и погрозил мне пальцем.

Это строгая солидная вещь — из тех, на которые распространяется уголовная ответственность за хранение огнестрельного оружия; не какой-нибудь газовый пистолет. Выходит, что я — уголовник. Я не сдал эту вещь ни в ЧК, ни в военкомат, ни в милицию. Дудки! Я прячу ее в тайнике под днищем клетки моего умершего ангела-хранителя — это отцовский паган с полным заряженным барабаном, а один запасной патрончик я храню лично для себя в нагрудном кармане выходного костюма. Вообще-то, я равнодушно отношусь к всяческому баруху, но эта вещь вызывает у меня уважение. О таких вещах шутят только те, кто их не имеет, как мелодраматичный Дроздов: «Застрелюсь, застрелюсь...»

Теперь я во всеоружии. Сегодня, как видно, эта вещь мне понадобится.

— Дед, уйди с балкона, простудишься!

Татьяна с кем-то говорит по телефону.

— Ничего, не простужусь.

(А если и простужусь — уже не страшно.)

- Кто звонил?
- Не президент.

Татьяна права: президенту Академии наук делать больше нечего, как звонить в Печенежки дряхлому невеселому динозавру, который в прошлом месяце перевернул его портрет вверх ногами. Зачем президенту звонить мне, если я для него давным-давно не существую... Вот только похороны почему-то задержались. Когда я умру, он, конечно, придет, постоит в почетном карауле и поможет поднести гроб к крематорию на мемориальном кладбище... Но зачем звонить покойнику? Татьяна права, президент мне не позвонит.

Мы спускаемся в лифте и выходим на пустой проспект имени академика Эн. Оглядываюсь. Степаняка-Енисейского нигде не видно. Никого не видно, ни одной живой души. Даже вороны в предчувствии столкновения двух одноглазых циклопов улетели в лес. Наган приютился у меня на груди в боковом кармане и вызывает соблазн. Сегодня состоятся звездные войны и большая стрельба... Мне прислали повестку, за мной охотятся, даже Моргал настолько осмелел, что решил не дожидаться моей смерти. Военные действия начались, надо быть настороже и подтянуть свой шарик-голубой, чтобы не улетал далеко.

Я начинаю ощущать себя боеспособной единицей с русалкой впридачу. Даже природа встрепенулась, и лед начал таять при виде Татьяны в новой порковой шубке поверх мембранного платья. А французские сапоги? На эту шубку, это платье и эти сапоги мы недавно угрохали месячную зарплату внучки-секретаря плюс мою годовую академическую пенсию и теперь сидим на диете. Но я не жалею: русалку надо одевать, чтобы выгодно выдать ее замуж. Голых замуж не берут.

За нами едет черный «ЗИМ».

«Почему бы Татьяне не выйти замуж за Павлика? — меланхолично раздумываю я, чавкая ботинками по рыхлому льду. — Детишки будут глупыми, жизнерадостными и здоровыми, а это ли не счастье?»

При этой мысли в знак одобрения над пустынным проспектом сверкает сияя молния без грома. Павлик открывает дверцу, а Татьяна с треском распахивает черный японский зонт, когда-то подаренный мне на Чукотке японской богиней. Сверху начинает валить какая-то рябая суспензия из дождя и снега. Бр-р... Сыро, мокро... Новые ботинки уже протекают... Полвека назад по такой погоде я надел бы галоши — сверху

черные, внутри красные, теплые. Куда, интересно, подевались галоши, кому это выгодно — чтобы не было галош? Но все правильно: надвигаются два циклона, и в небесной канцелярии нет дела до теплых галош — там сейчас будет решаться вечный бюрократический вопрос: кто победит — зима или весна?

Будто не ясно. В конце всех концов Солнце остынет, чай остынет, все остынет, и победит зима.

Глава тринадцатая

В редакции уже полно гостей, всех сразу и не упомнишь. В коридоре навалены сумки, шубы да шапки, вешалки не хватает. Чей-то березовый вешик торчит из кучи. Ашот водит гостей по редакции и объясняет, почему обложки белые. Владислав Николаевич уже здесь, он все глаза проглядел, выглядывая нас. Он бросается раздевать Татьяну. Пусть, пусть пользуется случаем, заслужил.

Гостевой стол уже накрыт. Маринка наливает гостям пастоящий «арабик», а Софья Сергеевна Черпозуцкая нарезает торты — без Танькиной «тети Софы», жены моего заместителя, журнал не журнал, она — хозяйка науки и мысли, и я устремляюсь к ней па кофейный запах. Сегодня мне все можно, даже «арабик». В последний раз.

Но дорогу мне преграждает токарь шестого разряда Тропко Андрей Иванович, невысокий кряжистый человек с такими большими кулаками, что я не представляю, как он надевает пиджак, если кулаки не пролазят в рукава? Его любимая песня — «Я был токарь шестого разряда, я получку па ветер бросал», Высоцкого. Он ее повсюду напевает, как я про свой шарик голубой. Это его березовый вешик торчит из кучи. В Кузьминках в порядке культурной программы он собирается посетить парную и заодно прихватить меня. Я пойду. Надо быть чистеньким, па всякий случай. Пусть надают мне несильно по пояснице и ниже. Мы с ним два Героя Социалистического Труда, но я — умственного, а Тропко самого настоящего, ручного. Татьяна его побаивается и за глаза называет «гегемоном». Раз в году он пишет для нас статьи о своих особых методах научной организации труда (с общей тенденцией «я их научу работу любить!»), а Белкин едва поспевает вычеркивать из них нелитературные обороты. Оля делает это без согласования с автором, но это не беда — все равно свои ста-

ть Тронько потом не перечитывает. Когда мы с ним редко встречаемся, Андрей Иванович отводит меня в сторонку и озабоченно выпрашивает, все ли в порядке, не обижает ли кто меня и не пужно ли кому в морду дать? Такие у него шутки.

«Вот придет гегемон и наведет порядок-с!» — любит пугать Татьяна сотрудников «Науки и мысли» за особо нахальные статьи. Но это она зря. Тронько в редакции немного стесняется, помалкивает, напевает Высоцкого и прячет руки в карманах. И это зря — как раз сегодня его кулаки могут мне понадобиться. Сегодня мне нужны храбрые и сильные люди. Сейчас Андрей Иванович осторожно трясет мою руку и умиленно глядит, как язычник на своего деревянного божка после хорошего урожая — дело в том, что недавно после его очередной статьи Совмин закатил строгий выговор самому министру какого-то тяжелого станкостроения.

Я жму его честную руку и, пока Татьяна отвлечена Владиславом Николаевичем, продолжаю пробираться к кофейнику, заискивающе подмигивая Маринке и показывая ей, как Черчилль, два растопыренных пальца — у нас этот жест означает не «виктория», а «двойной кофе».

Но с Маринкой происходит что-то странное: она проливает кофе мимо чашки прямо в блюдо с тортами, а сама глядит мне за спину, делает круглые испуганные глаза и производит, растягивая звук «о»:

— О-ой!

Что, интересно, «ой»?

С Софьей Сергеевной происходит то же самое — а чтобы напугать нашу тетю Софу, нужно показать ей нечто сверхъестественное...

Неужто ОН услышал меня и уже стоит за моей спиной?!

Я осторожно оглядываюсь.

Нет, это прибыл не хвост с рогами, а почетные наши гости: летчик-космонавт в повешенной генеральской форме и ведущий научно-популярной телепередачи.

Их имена всем известны.

В редакции начинается паника, все бросают свои дела и бегут выглядывать в коридор. Я тоже обо всем забываю, потому что космонавты всегда были и остаются для меня таинственными существами, тем более первый человек, ступивший на поверхность Марса. Хотя умом я, конечно, понимаю, что это обыкновенный хомо сапиенс сапиенс.

(Недавно я с удивлением узнал, что современный человек носит в палеонтологической номенклатуре сдвоенное видовое название «Хомо сапиенс сапиенс», чтобы отличать его кости и черепа от неандертальца, который просто «Хомо сапиенс». Век живи, век учись.)

Татьяна ест глазами Космонавта и, как видно, собирается тут же в коридоре выйти за него замуж — во всяком случае пытается стянуть с него генеральскую шинель. Она давно хотела познакомиться с настоящим мужчиной, а тут целое внеземное существо. Марсианин!

Я уже опомнился и под шумок наливаю себе полную чашку кофе, но не успеваю глотнуть, как меня застают на месте преступления — все расстуаются и укоризненно на меня смотрят.

Понятно. Я тут хозяин и должен лично встречать дорогих гостей, а я чем занимаюсь?

Иду встречать. Здравствуйте — здравствуйте.

— Как добрались?

— С приключениями, — отвечает Космонавт. Он уже снял генеральскую шинель, но не уверен, следует ли швырять ее в гражданскую кучу.

Веду гостей в кабинет, они раздеваются там, вешая дубленку и шинель на вешалку, и дышат на руки с мороза — значит, сейчас над проспектом побеждает зимний циклон. Кофе, чай? Чай. Вызываю Маринку и заказываю два чая и один кофе. Себе. Двойной. Когда Маринка приносит гостям крепкий чай, а мне подкрашенную «арабиком» теплую водичку, Космонавт и Ведущий ТВ наперебой, как мальчишки, начинают рассказывать о каком-то странном атмосферном явлении, которое они наблюдали над трассой:

— Смерч не смерч, но что-то смерчеобразное...

— Вроде тучи с хоботом...

— Точно. Она шла над трассой сначала так... а потом так... — Космонавт, как все летчики, делает поясняющие жесты прямыми ладонями. — А внутри у нее что-то сверкало.

— Полная трасса свидетелей! — добавляет Ведущий ТВ. — Моторы у всех заглушило, выскочили из машин, кто-то побежал звонить в Академию наук...

— А погода — полный штиль...

— А туча как будто самоуправляемая...

— Такое впечатление, будто она что-то выбирала, искала. Знаете, мне показалось, что она заглядывала в черные «Волги». Именно в черные.

— А одну даже ощутила!

— Наверно, за начальством гонялась,— смеюсь я, а сам всеми фибрами души чувствую опасность: одно к одному, это за мной.— Вашу «Волгу» она тоже обыскала?

— Нет, мы ехали в автобусе.

Странно, что марсианские генералы сейчас добираются к нам на автобусах. Раньше всегда приезжали кавалькадами в черных «ЗИСах», «Волгах», «Чайках» и «Фордах» — но, возможно, сейчас так модно, а я отстал от жизни.

— Вы случайно не наблюдали внутри этой штуковины такого себе гражданина с рожками и хвостом?

— А вот на телестудии разберемся,— отвечает Ведущий ТВ.— Нам удалось заснять эту штуку.

— Вы захватили с собой фотоаппарат?

— Хуже. Вы о нас плохо думаете, Юрий Васильевич. Мы прихватили с собой целый телевизионный автобус. Сейчас мои орлы ворвутся сюда и начнут вас снимать.

— Это еще зачем? — пугаюсь я.

— Забыли? Мы же договорились, что очередную передачу решено посвятить «Науке и мысли». Будем снимать вас сначала здесь, а потом в Кузьминках.

Глава четырнадцатая

Я ошарашен этим известием не меньше, чем утренней запиской о звездных войнах, а банда телевизионщиков уже ломится в кабинет со своей трубой, чтобы засунуть меня в ящик для идиотов и ославить на всю страну.

— Так сидеть! — командует чей-то режиссерский голос, и меня ослепляют.— Отличненько! Всем пить чай и о чем-то тихо беседовать! В объектив не смотреть... А если посмотрите — не беда. Раскованней, раскованней... Академика крупным планом... Космонавта крупным планом... Всё, сняли.

Итак, меня уже сняли.

— Сейчас доснимем редакцию — и в путь,— говорит Ведущий.— До Кузьминок долго ехать?

— Какой-то балаган...— бурчу я.

— Вам что-то не нравится?

Мне все не нравится. Сегодня с утра вокруг меня происходит нечто странное. Я всеми фибрами чувствую опасность и боюсь... нет, не за себя, меня уже ищут и скоро найдут, мож-

но не беспокоиться... а за тех, кто рядом стоит. «Рядом с тобой опасно стоять. Метят в тебя, попадают в других», — сказал однажды президент. Это верно. Но программа расписана и поездку не отменить. Единственное, что я могу сделать для безопасности Космонавта, — не везти его в Кузьминки на своем «ЗИМе». Это опасно. Пусть едет в автобусе.

Я веду гостей в коридор показывать обложки... Ашот где?! Кто мне объяснит, почему они белые, черт возьми! В коридоре мы сталкиваемся с Михаилом Федотовичем и с ревизором Ведмедевым. Ревизор невозмутимо кушает торт.

— Вот, полюбуйтесь, какие нам дела шьют! — возбужденно обращается ко мне Чернолуцкий, размахивая актом ревизии. Он коллапсирует, как звезда на последней стадии. Сейчас Михаил Федотович перейдет гравитационный радиус, сбросит пиджак как лишнюю массу, разорвет на груди рубашку, и телезрители увидят латающую-перелатающую тельняшку, которую он бережет с войны и надевает только по двойным праздникам — например, сегодня, в честь юбилея «Науки и мысли» и своего снятия с работы.

Как вдруг он замечает за моей спиной марсианина и от изумления забывает поздороваться.

— А это мой заместитель, Чернолуцкий Михаил Федотович, — представляю я. — Всю работу в журнале он тянет на своем горбу. Незаменимый работник. Где там ваша труба? Почему не спимаете?

— Здравствуйте! — здоровается Ведущий ТВ с Михаилом Федотовичем, но тот застыл в задумчивости, будто прищепнутый пыльным мешком из-за угла.

— Отличненько! — раздается все тот же невидимый режиссерский голос (невидимых голосов не бывает, но понятно, что я хотел сказать). — Заместителя крупным планом! Юрий Васильевич, повторите, пожалуйста, все сначала: мол, это мой главный заместитель...

— Это пойдет в эфир? — спрашиваю я.

— А как же!

— На весь Союз?

— А как же! От Москвы до самых до окраин, не сомневайтесь. Внимание, начали!

— А это заместитель главного редактора, — громко повторяю я в микрофон. — Он тянет на своих плечах весь журнал и отлично справляется. Незаменимый работник, на пенсию мы его не отпустим. Михалфедотыч, покажите телезрителям

наше сырое подвальное помещение, в котором невозможно работать, и представьте сотрудников.

— Здравствуйте! — Черполицкий наконец-то обретаёт дар речи и робко пожимает руки Космонавту и Ведущему ТВ.

(Пусть теперь товарищ Моргал попробует сместить Михаила Федотовича после такого триумфального выхода в эфир!)

— Думаете, выход в эфир поможет? — грустно спрашивает Софья Сергеевна. После аварии она иногда по буквам может прочитывать чужие мысли, хотя сейчас это не тот случай — мои намерения ясны без всякой телепатии. Но Софья Сергеевна любит, когда удивляются. Значит, надо удивиться.

— Разве я сказал это вслух? — удивляюсь я.

— Нет... Но вы подумали.

— Софа, мы об этом потом поговорим, — шепчу я. — Не по телевизору.

Итак, с Михаилом Федотовичем поздоровались. Теперь Ведущий ТВ трясёт руку стоящему рядом Ведмедеву, который судорожно заглатывает торт. А этого я сейчас с гов... с грязью смешаю — надо пользоваться случаем.

— Это наш ревизор, — представляю я и, как балаганный шут, подмигиваю в объектив.

— Кто-кто?... — переспрашивает Ведущий ТВ.

— К нам прибыл ревизор, — объясняю я телезрителям. — Выбрал, понимаете, время! Проверяет тут черт знает что... столы, стулья и наличие присутствия.

Кажется, в этой суматохе Ведущий ТВ так и не понял, что за субъект перед ним. Когда на телестудии разберутся, то ревизора вырежут.

А жаль. Хороший, матерый ревизор.

— Михалфедотыч, поводи гостей по редакции, а я пока почитаю это... — Я двумя пальцами выдергиваю из рук Черполицкого акт ревизии и тихо команду Софье Сергеевне, которая уже заглядывает мне через плечо: — Белкина ко мне! А сама займись ревизором, чтобы не путался под ногами... Угости его кофеом с коньяком. Коньяка лей побольше.

— А у него не сплывётся? Где я ему коньяк возьму? — возмущается тетя Софа.

— Достань бутылку в моем столе и подпои его.

— Кого? Ревизора?!

— Да, ревизора. Сдается мне, что это никакой не ревизор... Я потом объясню. Давай, давай, действуй. Подпои его и загляни ему в подкорку. Ты же умеешь.

Всем правится, когда говорят, что «они умеют».
Софье Сергеевне тоже.

Глава пятнадцатая

Гостей ведут туда, где двенадцать столов и где все уже намарафетились и изображают из себя перед телекамерой культурных людей — только хмурый Дроздов всем пазло что-то режет, клеит и стучит на машинке. Остальные греются в лучах славы, а Маринка застенчиво протягивает Космонавту шоколадную конфету. Даже у Ведмедева не выдерживают нервы, и он, поколебавшись, оставляет акт ревизии на мой произвол (не драться же со мной из-за листка бумаги) и устремляется за Космонавтом, чтобы заглянуть из-за его спины в телеобъектив. Но Софья Сергеевна уже берет ревизора под свой контроль и ведет поить коньяком в комнату Ашота.

«А тут у нас...» — слышу я взволнованный голос Михаила Федотовича и начинаю читать акт ревизии.

Что он тут понаписывал?..

«Мною выделена недостача материальных ценностей в особо крупных размерах...» — читаю я, а Оля Белкин уже стоит передо мной, как лист перед травой, очень похожий на маленького конька-горбунка. (В общем-то, Оля Белкин приносит счастье — его можно запускать первым, как черного кота, в любое отчаянное предприятие, и все будет в порядке,— надо только вовремя оплачивать ему проезд и командировочные да еще вызволять его телефонными звонками из отделения милиции города Урванска Нахрапинского района за Полярным кругом, объяснив товарищам милиционерам, что они поймали не американского шпиона, а специального корреспондента «Науки и мысли», ошивавшегося вокруг строящейся атомной электростанции по заданию редакции.)

— Оля, садись. Я голодный как волк. Что твоя мама сегодня завернула?

— Понял.

Оля приносит из коридора сумку и разворачивает гигантский сверток. Сегодня его мама в связи с выездом редакции в дальнее благотворительное путешествие завернула на всех с полсотни котлет. Я с жадностью жую холодную котлету с чесноком и продолжаю изучать акт ревизии.

— Оля, ты у нас мудрый еврей, ты все знаешь... Кто этот человек? Что ему от нас нужно?

— Кто, Ведмедев? — переспрашивает Оля. Он в самом деле все знает.— Типичный этот самый. Функциклирует. Из этих... куда пошлют. То в науку, то в культуру, то в издательство. Год назад погорел за какой-то комсомольско-молодежный почи... какая-то ересь, точно не помню. Кажется, за военно-патриотическую экспедицию «По границам нашей Родины»... Представляете — пешедралом с рюкзаками по линии границы. Интересное путешествие, да? Все инстанции разрешили, и они пошли... До первого пограничника. «Стой! Кто идет?!» — «Это мы, путешественники». В общем, решили, что Ведмедев — дурак, и отправили его инспектором в наш отдел кадров. А ревизия липовая, не беспокойтесь. Моргал хочет нас пощупать. Знаете эту Достоевщину... психическая атака... Не выйдет — не падо, а первы попортим.

Я доглатываю котлету, отрываю календарный листок, гляжу, нет ли на нем какой-нибудь очередной дьяво... Достоевщины, и использую листок вместо салфетки. Потом протягиваю Оле акт ревизии, а он, проведя взглядом по диагонали, возвращает акт мне.

— Что скажешь?

— Я уже знаю. Это какая-то очередная обстракция.

— Объясни хотя бы, как выглядит эта штука... «Японский персональный компьютер стоимостью в двенадцать тысяч условных долларов».

— Никогда не видел, впервые слышу. У нас в редакции такого никогда не было.

— А какой у нас был?

— Никакого не было.

— Куда же он мог исчезнуть?

— Я же говорю: обстракция.

— А что такое «условные доллары»?

— Тоже обстракция. Все из той же оперы — кто-то с кем-то условился. Наверно, какие-нибудь инвалютные рубли. Их тоже никто никогда не видел.

— А запись в издательской бухгалтерии о наличии присутствия? Вы меня под монастырь подведете за двенадцать тысяч условных рублей! — рычу я.

— С этим компьютером падо разобраться. Непонятно, откуда он взялся, кто его принимал. Запись есть, компьютера нет. Тут какая-то липа.

— Липа...— повторяю я. Это слово наводит меня на воспоминание о вешем сне и о японских иероглифах.— Ты не по-

мнишь, Оля... В десятом веке идол Перуна в Киеве с золотыми усами был?

— Не знаю, не видел... Но так по летописи...— Оля смотрит на меня с сомнением. Он что-то еще хочет сказать, но подозревает, что у меня начался очередной заскок.

— Говори!

— По-моему, Ведмедева компьютер не очень-то интересует. Он чего-то другого хочет...

— Стать моим заместителем?

— Нет, зачем... Фи! Тоже мне, пост! Тут же вкалывать надо!

— Так чего же он хочет?

— Он темнит. Он попросил, чтобы я напомнил вам про какой-то частный договор многолетней давности, и тогда ваше отношение к нему переменится.

А вот это уже самая настоящая дьявольщина!

Я поражен. Этот Ведмедев не может знать о моем тайном договоре со швейцаром. О нем никто на свете не знает! Я ищу кровавую записку, чтобы сверить ее с почерком Ведмедева в акте ревизии, но записка уже куда-то подевалась, и моя рука самопроизвольно тянется за второй котлетой.

Кто он такой, этот Ведмедев? Для САМОГО он, конечно, мелковат, но как ЕГО посланник, как предзнаменование, как комета с хвостом...

— Оля, скажи... этот Ведмедев... Тебе ничего такого не показалось?

— Что именно?

С Олей можно говорить о чем угодно, он поймет. Я оглядываюсь и тихо спрашиваю:

— Он... он человек или нет?

— В каком смысле? — Оля тоже переходит на шепот.

— В прямом, в прямом смысле. В биологическом. Он — хомо сапиенс?

— Он просто неразумный человек,— отвечает Оля.— Вы не сомневайтесь, Юрий Васильевич, в нем нет ничего сверх... этого самого. Хотя...

— Ну? Что?

— Михалфедотыч в него заглянул и сказал, что у него внутри сидит еж.

— Кто сидит?

— Еж. Ну, еж.

— Большой он, что ли? Рак у него?

— Нет. Еж. У Ведмедева еж внутри — так говорит Михал-федотыч. Вы же знаете его аллегии. Он так видит.

— Ну, братцы...— развожу я руками.

Нашел. Вот она, записка, под актом ревизии.

— Оля, сравни почерки. Мне утром кто-то подсунул эту записку.

Оля разглядывает календарный листок на просвет, сравнивает почерк с актом ревизии и сообщает заключение экспертизы:

— Акт писал Ведмедев, а записку — вы. На записке ваш почерк, Юрий Васильевич.

Глава шестнадцатая

Я жую вторую котлету и сосредоточенно разглядываю календарный листок за 28 февраля.

Предположим, что Оля Белкин прав, и эту склерозную записку писал я сам для себя, сидя, предположим, на унитазе. Не помню, чтобы я ее писал, но, предположим, что это мой почерк. Очень похож. Предположим, что я писал эти строки не собственной кровью, а подвернувшимся под руку красным Ашотовым фломастером. Предположим, что размягчение моих мозгов крепчает. Но что означают эти слова насчет «звездных войн»? Мне неудобно спрашивать об этом у Оли, но он сам мне напоминает:

— Юрий Васильевич, дайте мне «ЗИМ» на часок, вы обещали. Неохота «Запорожец» по льду гонять.

— Напомни, зачем тебе «ЗИМ»?

— Ну... для этой голливудской муры.— Оля показывает на склерозную записку.— Нужно смотреть в аэропорт и встретить кинокритика со «Звездными войнами».

— Откуда? Из США?

— Почему из США? Из Госкино. В благотворительных целях.

— А, ну да...

И это вспомнил.

С сегодняшнего дня мы становимся БЛАГОТВОРИТЕЛЯМИ как-нибудь. А что? Надо совмещать приятное с полезным. Для приманки к своим научно-непопулярным выступлениям мы будем крутить американские «Звездные войны», а все доходы перечислять на счет детского дома, где рос и воспитывался Владислав Николаевич Бессмертный.

— Оля, я еще, кажется, не проснулся... Объясни, почему в благотворительных целях нужно крутить именно «Звездные войны»? Мы этот вопрос согласовали? Нам тут идеологический фитиль не вставят?

— Ну, во-первых, это дело в Госкино решили без нас. Вторых, «Звездные войны» — фильм для детей. Сейчас такое крутят!..

— Детский? Не знал,— удивляюсь я.— Ну, тогда ничего...

С кровавой склерозной запиской все вроде бы прояснилось. Но чего хочет Ведмедев? Откуда он знает о моем секретнейшем договоре со швейцаром? Зачем он меня интригует и напрашивается на разговор?

— Вот что, Оля... Сделаем так: пригласи Ведмедева поехать с нами в Кузьминки. Пообещай, что его покажут по телевизору от Москвы до самых до окраин. Придумай, что хочешь,— он на все клюнет. Ему от нас что-то нужно, а нам от него — ничего. Скажи, что в Доме ученых состоится закрытый просмотр «Звездных войн». Только для избранных. Скажи, что я выделяю лично для его ревизорского сиятельства персональный «ЗИМ». Передай Павлику, чтобы взял с собой ревизора, встретил в аэропорту кинокритика со «Звездными войнами» и дул с ними в Кузьминки. Без меня. Если будет возражать, скажи, что расстреляю за невыполнение приказа. Подожди, это еще не все... А сам садись в «Запорожец» и потихоньку поезжай за ними. Понаблюдай. А потом все мне расскажешь.

— А зачем все это?

— Не знаю. Затем, что я хочу проверить одну свою обстракцию.

(Как все-таки удобно: сказал одно слово — и все понятно.)

— Поезжай и пытайся не упустить их из виду. Но держись от «ЗИМа» подальше. Это может быть опасно.

— В самом деле, обстракция,— бормочет Оля. Он еще что-то хочет сказать.

— Говори!

— Юрий Васильевич, вы знаете, что я никогда не был фискалом, но если я не вернусь с задания...

— Давай без предисловий.

— Вы сегодня отняли у Дроздова бутылку коньяка... Так вот: после разговора с вами он отправился в хозяйственный магазин и купил веревку.

— Какую веревку?

— Какую... Затрудняюсь... Обычную. Бельевую.
— В хозяйственном?
— Да. В «Тысяче мелочей».
— А зачем?
— Не знаю. Наверно, сушить белье. Если я не вернусь с задания, то имейте это в виду.

У меня перед глазами появляется какой-то тесный городской двор с вонючим покосившимся туалетом. Двор крест-накрест перетянут бельевой веревкой, а на веревке, подпираемой длинным шестом, болтаются твердые замерзшие простыни, пододеяльники и Дроздов.

— Понял. Действуй.

Съемки в редакции уже идут к концу, и Оля Белкин начинает действовать — добывает из кучи шуб и пальто ревизорский кожаный пальто, пальцем выманивает Ведмедева в коридор и что-то нашептывает ему. У ревизора поблескивают глазки после дроздовского коньяка. Значит, тетя Софа его уже работала. Он заинтригован. Сейчас я попытаюсь провести самого дьявола, подсунув ему вместо себя в черном «ЗИМе» этого живца — авось клюнет.

А от меня с Космонавтом не убудет — прокатимся в автобусе, как простые смертные.

Глава семнадцатая

А кто сказал, что я не простой смертный?

Конечно, обыкновенному хому сапиенсу ко мне в кабинет всегда было трудно войти, но это не оттого, что я возгордился, — просто мои заместители решали все эти неандертальские дела быстрее и лучше меня. Да, у меня скверный характер. Да, на меня во все времена катали телеги — я оглядываюсь и вижу за собой целый обоз грязных телег, как после отступления Первой Конной из Польши. Да, я бывал высокомерен с недостаточными людьми, иногда глупел на глазах от общения с ними, и, случалось, меня так начинало трясти, что я готов был схватить свою трость за обратный конец палки и трахнуть набалдашником по глупой макушке.

Нет, я никого не бил тростью по голове, но однажды растоптал докторскую диссертацию, направленную мне на отзыв. Конечно, этого не следовало делать хотя бы из уважения к труду машинистки. Но шарик в тот момент улетел — так уж

получилось. Я ничего на свете не боюсь, кроме гололеда и неандертальского дуrolомства, поэтому пытаюсь окружать себя людьми из подвида «Хомо сапиенс сапиенс». Этих людей на Земле не так уж много, и я уйму шишек набил себе и другим, пока научился отличать их от неандертальцев — высокий лоб отнюдь не признак; зато сейчас я безошибочно узнаю хомо сапиенсов сапиенсов даже на уровне швейцаров.

Так я нескладно размышляю о своей персоне, пока Татьяна туго завязывает мне шарф под бородой. Как все-таки надоедлива эта зимняя тягомотина с раздеванием и надеванием шуб, шапок и шарфов. Кутают, как ребенка.

Вот скоро умру за милую душу, как все нормальные люди, и будете знать!

Наша команда начинает загружаться в автобусы, а их у нас уже два: один спальный малиново-полированный «Икарус» с белой клешнистой надписью на борту: «ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ «ОСТАНКИНО», второй — отечественный и пожухлый. Его пригнала за нами красотка-администратор из кузьминкинского Дома ученых (пригнал, конечно, водитель, но она ответственная за прием благотворителей). Зовут ее Тамара. Она одета в рыжую шубу из лисьих хвостов. С Татьяной они тайные соперницы, но разумно соблюдают нейтралитет и сферы влияния — Тамара царствует на том берегу, в Кузьминках, Татьяна — здесь, в Печенежках.

Царица Тамара просит у Павлика закурить и доверительно объясняет ему, что известный кинокритик по путевке Госкино уже приехал и уехал на аэродром встречать коробки со «Звездными войнами», и ой что будет, если «Звездные войны» застрянут по такой нелетной погоде — афиши давно развешены, билеты распроданы, а на Кузьминки с раннего утра началось шествие окрестных сопливых брейкеров, фанатов и металлистов, и что, кроме благотворителей, под ее ответственность свалились Космонавт и Центральное телевидение, а в Доме ученых полы еще не патерты, в гостинице мест не хватает, а кинемеханик третий день женится и пьян, как сапожник.

Ну, с Космонавтом и благотворителями она еще так-сяк разберется, размышляет Тамара, а куда, скажите, ей девать бригаду Центрального телевидения? Себе под юбку?

Пусть царица Дома ученых не беспокоится, успокаивает ее Павлик. Дай Бог всякому такие шикарные бедра и юбку, но все равно под ее юбкой Центральное телевидение ну никак не поместится. «Звездные войны» до Кузьминок обязательно

долетят, потому что у Павлика на аэродроме знакомые вертолетчики. Пьяного же киномеханика он, Павлик, сумеет подменить, а Кузьминки после показа «Звездных войн» будут разорены этими самыми фантиками-лютиками и потом отстроятся заново, можно не волноваться. Так что не желает ли царица Тамара сесть в роскошный «ЗИМ», как и подобает царице, и совершить вояж в аэропорт за «Звездными войнами»?

Экий пошляк!

Павлик с реверансами распахивает дверцу, и я не успеваю глазом моргнуть, как царица Тамара, забыв о своих администраторских обязанностях, уже сидит на переднем сиденье моего «ЗИМа», а ревизор Ведмедев с неудовольствием перемещается на заднее.

Это поразительно!

Я впервые вижу своего шофера в главном деле его жизни — и ничего не понимаю! Он же ей ничего не сказал... а если и сказал, то ровным счетом какую-то чушь!.. но вот уже крутобедрая царица устроилась рядом с этим кобелем, и они устремляются в аэропорт навстречу... увидим, чему навстречу; а Оля Белкин, как заграничный шпион, выезжает из-за угла на своем горбатом «Запорожце»... Черта лысого он их догонит.

Нас много. Мы долго загружаемся с лыжами, сумками и тортами. Мне с Космонавтом выделяются лучшие места для инвалидов с детьми — отсюда удобно глядеть на трассу. Ашот лезет в салон со здоровенным этюдником. Он возбужден — в кои веки его на два дня отпустили на природу в Кузьминки жена и семеро детей (это не метафора), и там он собирается писать этюды для души, отдыхая от издательских обстракций. За Ашотом следует Дроздов, заботливо подпихивая этюдник. На спортивной сумке Дроздова в надписи «tennis» буква «t» изменена на «p». Это у него шутки такие. Работал, значит. Старался.

«Ну что? Кто он?» — мысленно спрашиваю я проходящую мимо Софью Сергеевну, имея в виду ревизора.

«Я пока не разобралась», — отвечает тетя Софа.

Где Татьяна?..

Вот Татьяна. Она благосклонно принимает ухаживания Владислава Николаевича и демонстративно продолжает не замечать Дроздова.

Быть скандалу!

— Никого не забыли? — спрашивает Михаил Федотович.

— Никто не забыт, ничто не забыто,— конечно же бурчит Дроздов.

— Привет, а где Белкин?

— Уехал по особому заданию,— отвечает Маринка.

Эта пигалица уже что-то пронюхала — похоже, ее шептания с Олей Белкиным когда-нибудь закончатся свадьбой, а я буду у них свадебным генералом.

— А этот где... ревизор?

— Где-то потерялся.

— Ну и слава Богу!

Поехали.

Глава восемнадцатая

Автобус Центрального телевидения едет за нашим автобусом по проспекту имени академика Эп, бывшего пути к коммунизму. У дома с рогами мы обгоняем какого-то мальчишку с коловоротом, в валенках и в десантной фуфайке. Вообще, мальчишек здесь много, и я их боюсь — никогда толком не знаешь, чего от них ожидать. Этот, как видно, удрал с уроков и направляется на водохранилище удить рыбу, но, увидев в проезжающем автобусе Космонавта, забывает все свои важные дела, открывает рот и выкатывает глаза. Космонавт жестом показывает ему: мол, захлопни едало, простудишься на морозе. Тот смеется, гонится за автобусом и машет коловоротом внеземному существу.

Проезжаем мимо учреждения без вывески. Владислав Николаевич просит на минутку остановить автобус, он на минутку, что-то там забыл — наверно, составить завещание, отбывая на два дня в Кузьминки. Пока ожидаем, Маринка с Татьяной затевают стародавнюю игру, которая состоит в том, чтобы загрузить парход (в нашем случае — автобус) предметами на одну букву. Буква выбирается так: Маринка произносит про себя алфавит: «А, б, в, г...», а Татьяна останавливает ее:

— Стоп!

— Грузим автобус на букву «д»,— объявляет Маринка.

— А как это, как это? — интересуется Тропко Андрей Иванович.

— Сейчас поймете. Я первая. Грузу доски.

Следующий Ашот. Он грузит дрова.

Андрей Иванович уже все понял и грузит динамит. Татьяна — дроздов.

— Что? — откликается Дроздов.
— Дроздов я погрузила.
— А я — дур,— отвечает Дроздов.
— Тогда на следующем заходе я погружу дегенератов,—
огрызается Татьяна.

Я же говорил: быть скандалу.

Софья Сергеевна грузит диверсантов, а Михаил Федотович, не переставая думать об акте ревизии, грузит дисплей стоимостью в двенадцать тысяч долларов. Ведущий ТВ грузит демонстрантов, а Космонавт — добровольцев.

Сейчас чья очередь?

Моя.

Все ожидают, но я ничего не могу придумать...

Думаю.

Думаю, думаю, думаю... В голову ничего не лезет, кроме абстрактного японского персонального компьютера из акта ревизии. Минута на размышление, а потом меня выгонят из игры. А когда выгонят, я разом вспомню все слова на «Д».

— Д ь я в о л а! — грузу я в последнюю секунду. Это я удачно придумал.

— Дьявол не пройдет! — протестует Маринка.

— Это почему?!

— По габаритам,— вставляет Дроздов.

— А он у меня маленький. В автобус влезет. Пусть едет. Что ему — пешком ходить?

— Нет, не потому,— объясняет Маринка.— Дьявола в природе не существует.

— Кого не существует?! Дьявола? — возмущаюсь я.— Это с какой точки зрения посмотреть.

— В самом деле... несуществование дьявола наукой строго не доказано,— заступает за меня Ведущий ТВ.

Начинается схоластический диспут: можно ли погрузить в автобус дьявола?

Мнения разделяются. Ашот доказывает, что без дьявола ехать неинтересно. И жить тоже. Ему затыкают рот. Он обижается. Спрашивают Космонавта, не встречал ли он на Марсе вышеупомянутого господина или хотя бы какие-нибудь следы его жизнедеятельности, а тот отвечает, что в экспедиции был один странный случай: какая-то неопознанная нечистая сила выпила весь спирт из нераспечатанного флакона в корабельной аптечке.

Вот! Вот вам и доказательство! Я подаю протест: если моего дьявола не погрузят в автобус, то я выхожу из игры. Из принципиальных мировоззренческих соображений. Да-с! Дьявол — это важная философская категория, которая имеет под собой... и так далее.

Выслушав меня, мне идут навстречу.

Погрузка продолжается, а Владислава Николаевича все нет. Мальчишка в десантной фуфайке опять догнал нас, остановился у переднего колеса и снизу вверх с жадным любопытством разглядывает Космонавта. Я понимаю этого мальчишку — он не верит ни в Бога, ни в черта, но верит в первого человека, ступившего на поверхность Марса.

Наконец появляется Владислав Николаевич. Человек с кобурой песет перед ним громадную корзину живых роз, а Владик так старомодно смущается, что даже мне становится за него неловко. Подумать только, этот человек руководит нашим время от времени взрывающимся учреждением без вывески, он тут Бог и Царь (когда Владик кем-то недоволен, то цедит сквозь зубы: «Иди гуляй», — и провинившийся летит исправлять то, что он там натворил), иногда он даже повышает голос в высоких кабинетах, но в присутствии Татьяны его можно намазывать на хлеб и есть. Во-первых, корзина роз ей в подарок, да еще зимой — это чересчур; а во-вторых, для достижения желаемого эффекта Татьяне надо дарить розы пренебрежительно и грубо — Владислав Николаевич этого никогда не поймет. Он так же не годится Татьяне в мужья, как и его полная противоположность — циничный и молодой Дроздов. Этот, правда, дарил Татьяне розы пренебрежительно и грубо и тоже ошибался, потому что Татьяне нужно дарить розы смущаясь и нежно... Они, дураки, никогда этого не поймут.

Кроме этих двух претендентов в мои внучатые зятя, я пока никого не наблюдаю, но если Татьяна сказала, что завтра выходит замуж, то ей можно верить.

Кто же из них?

Оба нехороши. Один — алкоголик, второй — старше Татьяны на тридцать лет. Если выбирать из двух зол, то какое меньше?..

Сейчас чья очередь грузить?

Опять моя.

— Д у ш у, — грузу я.

Со мной уже не спорят. И правильно делают.

А мы все не едем...

Мальчишка деловито помогает человеку с кобурой погрузить корзину роз в автобус, а потом неожиданно обращается ко мне:

— Юрий Васильевич, можно доехать с вами до водохранилища?

В том, что этот незнакомый мальчишка знает мое имя-отчество, нет ничего странного или сверхъестественного, меня все здесь знают — примелькался за сто лет. Удивляет, что мальчишка безошибочно определил субординацию в нашем автобусе и признал меня самым главным... главнее самого Космонавта. Значит, быть ему или подхалимом, или хомо сапиенсом в квадрате.

Я разрешаю, но мы все равно не едем.

— Что там еще? Почему стоим?

Оказывается, Владислав Николаевич уже не едет в Кузьминки. Он приносит нам свои извинения. Так и говорит: «Приношу вам свои извинения...» — и жалостливо поглядывает на Татьяну. Та в ответ приносит ему свои сожаления: «Как же мы без вас, Владислав Николаевич?»

— А что стряслось? — спрашиваю я. — Учреждение без тебя развалится в выходные дни? Значит, мы на твой детский дом будем вкалывать, а ты — в кусты?

Нет, не в кусты, отвечает Владислав Николаевич. Ему только что позвонили из приемной президента Академии наук и срочно вызвали в Москву.

Все знают, зачем Владика вызывают в Москву, но помалкивают. Если вызывают, значит очередные анализы оказались нехорошими. Опять уложат в больницу. Будет он там до лета лежать и взглядом люстру раскачивать.

— А почему президент мне не позвонил? — обижаюсь я. — Подожди... Передашь ему записку.

Мне добывают клочок бумаги. Я пишу:

«Александр! Из-за твоего перевернутого портрета Мишу Чернолуцкого выгоняют с работы. Если не позвонишь Моргалу с протестом, я тебе этот культ личности никогда не прощу. Твой Юрий Васильевич».

Опять мне в спину кто-то смотрит. Я оглядываюсь. Это смотрит Софья Сергеевна, но она вне моих дьявольских подозрений. Она — ангел-хранитель своего мужа.

— Думаете, записка поможет? — очень сомневается Софья Сергеевна.

— Софа, мы с тобой потом поговорим...

Сегодня я все откладываю на потом, на потом... Завтра, не сейчас.

Владислав Николаевич, в последний раз вздохнув по Татьяне, уныло плетется к дверям учреждения, а человек с кобурой обгоняет его и открывает их. На месте Владика я сейчас наплевал бы на все учреждения, клиники и анализы, схватил бы Татьяну в охапку и уволок бы ее... нет, не в Кузьминки... а куда-нибудь на Чукотку, как ту японочку, чтобы никто не мешал. С розами он хорошо начал...

Но человек с кобурой уже закрыл за Владиком дверь, и одним жепихом стало меньше. Ладно, не пропадем.

Наконец поехали.

Мальчишка устраивается на ступеньке рядом с водителем, достает из сумки толстенную книгу, из книги — какую-то цветную фотографию и протягивает Космонавту на предмет подписания автографа.

— Ну, ты даешь! — удивляется Космонавт, разглядывая свою персону в полной боевой выкладке на фоне восхода солнца над марсианским плато Скиапарелли. — Где взял? Даже у меня такой нет!

И ставит автограф наискось по марсианским камням и барханам.

Внимание, проезжаем мимо печенежского кладбища!

Как тут дела?

За полвека оно разрослось, раздалось вширь и скоро выползет на трассу. Что ж, медленно растущее и ухоженное кладбище есть верный показатель городского благополучия — значит, люди здесь живут, плодятся и умирают; значит, у нас в Печенежках полный порядок.

В сущности, что такое кладбище? Это удобное для общества место, куда перемещается труп, чтобы он никому не мешал. Когда я случайно заглядываю сюда, во мне тут же просыпается здоровый циник («Дед у меня ядовитый», — объясняет Татьяна) и начинает зубоскалить — наверно, потому, что лежать мне не здесь, а на кузьминкинском, мемориальном, рядом с женой. Там очень миленькое кладбище — всего на восемнадцать персон, и никого больше не хоронят; всех с музыкой тащат сюда, в Печенежки. Но меня похоронят там. Меня — можно. После меня там еще разрешат похоронить

Владислава Николаевича и супружескую чету Черполуцких... то есть последних из могикан, оставшихся в живых, когда шарахнуло.

Значит, с могилами получится перебор — я да ты, да мы с тобой — всего двадцать две.

Опять моя очередь грузить, но я уже ничего не могу придумать на «д». На «д» все слова закончились, мое время истекло.

— Я буду играть за вас, Юрий Васильевич,— предлагает мальчишка.

Замена!

Проигравших нет, меня не выгнали, а великодушно заменили. Теперь мой номер — восемь. Смена поколений. Отцов на детей. Пусть дедушка не плачет, его молодой дублер сейчас заделает всю редакцию. Пусть, пусть грузит, а я всю жизнь грузил и устал. Мне сейчас хочется смотреть на дорогу и думать о чем-нибудь таком... транс-цен-ден-таль-ном... вот и еще одно никому не нужное слово. В автобусе тепло, пахнет бензином, кофе и розами. Медленно загружаются дровосеки, депоненты, душевнобольные, далай-ламы, доберманы-пинчеры, датчане, доминиканцы, дагомейцы, и я начинаю засыпать.

Мне снятся какие-то чернявые дагомейцы...

Вдруг — тпру! Приехали.

Глава двадцатая

При слове «дагомейцы» я просыпаюсь, протираю глаза и не могу сообразить, что происходит... Дорога впереди завалена бревнами и напоминает то ли вздыбленную лесопилку, то ли завал на танкоопасном направлении; к тому же бревна обильно политы грязью, и грязь, испаряясь, издает отвратительный аммиачный запах. В этих испарениях, как сонные мухи, бродят черные дагомейцы и почтительно разглядывают тушу убитого ими доисторического животного. Остальные чумазы собрались на обочине, пытаются развести костер и соскабливают с себя пригоршни вонючей грязи.

Ни черта не пойму...

Можно лишь догадаться, что лежащая на боку под слоем грязи безжизненная туша была недавно живым бегающим автобусом, а эти грязные с головы до ног субъекты вовсе не африканцы, а наши летчики из березанского авиаотряда. Они

не убивали автобус, а приехали на нем по пелетной погоде удить рыбу. Среди них неприлично чистенькими выглядят два милиционера и... конечно же!.. Оля Белкин. Он с таким виноватым видом дает показания толстому старшему сержанту милиции, будто именно он, Оля, только что устроил этот лесоповал и облил всех грязью.

До меня доносятся слова «смерч» и «стихийное бедствие»...

Значит, то, чего я ожидал с утра, должно было произойти именно здесь.

Все наши уже высыпали на трассу и принимают сердобольное участие в ликвидации последствий стихийного бедствия, лишь я один знаю, что это была не стихия. Тут действовал кто-то посильнее. Что ж, ОН выбрал для окончательной расплаты со мной неплохое местечко — переправу через Печенеговское водохранилище, а не какую-нибудь подворотню. Хотя лично я предпочел бы отдать ЕМУ душу чуть дальше, на железнодорожном переезде. Но и водохранилище — неплохо. Не люблю помирать в подворотнях.

Похоже, я ЕГО все-таки перехитрил. ОН таки клюнул на черный «ЗИМ» и произвел нападение. Хотя я понимаю, что успех мой временный и судьбу мне все равно не обмануть. Хорошо, что никто не пострадал, и хорошо, что вертолетчики занимались своим непосредственным делом — удии рыбу, а не пили водку в автобусе.

«Никто не пострадал? А Павлик, а Тамара, а ревизор Ведмедев?»

Я вскакиваю и начинаю разглядывать все, что можно разглядеть из автобусного окна. Телевизионщики снимают последствия катастрофы. Все события хорошо читаются по следам: смерч внезапно появился у переправы и, с корнем вырывая березы и засасывая их в свое реактивное сопло, набросился на черный «ЗИМ». Павлик успел дать по тормозам, и ОН, промахнувшись, наломал дров и перевернув встречный автобус, по инерции вылетел на обочину, где скрутил в бараний рог стальной заградительный бордюр. Там ОН развернулся, повалил лес веером и повторил нападение. Потом с добычей помчался к водохранилищу, взломал там лед, а перепуганные рыбаки удирали, кто в лес, кто по дрова.

В автобусе, кроме меня, остались Космонавт и Дроздов. Космонавту сейчас не стоит появляться на трассе — для вер-

толетчиков на сегодня хватит потрясений; Дроздов вообще игнорирует все стихийные бедствия, ну а мне не следует выходить, если на меня устроена такая роскошная охота — падо же, смерч-ураган! Я хожу по пустому салону от Космонавта к Дроздову, от Дроздова к Космонавту и не понимаю, что происходит... Час назад, проверяя свои старческие суеверия, я послал в своем «ЗИМе» вместо себя на гибель трех человек. Если они сброшены на дно водохранилища, или завалены бревнами, или унесены в стратосферу, то мне впору вытаскать паган и застрелиться тут же, в автобусе, хотя это сугубо личное дело я предполагал осуществить завтра в кузьминкинской гостинице, тихо, спокойно, с комфортом, поближе к почи, сдав Татьяну с рук на руки ее будущему мужу.

— Граждане, у вас веревки случаем нету? — спрашивает толстый сержант милиции, заглядывая в автобус.— Рулетку не захватили, а падо вымерить трассу.

— А что там случилось? — спрашивает Космонавт, и сержант теряет дар речи, поняв, с кем говорит.

— Бельевая подойдет? — спрашиваю я.— Дроздов, дай товарищу сержанту веревку.

Дроздов, бедняга, окончательно сбит с толку, я над ним сегодня попросту измываюсь. Он раскрывает сумку с надписью «PENNIS», достает моток бельевой веревки, и я говорю сержанту:

— Оставьте себе, нам веревка уже не пужна. Не пужна нам веревка, Дроздов? Так что же там случилось?

— Та я ж кажу, що якась нечиста сила, хай їй грець! — сержант від внутрішнього хвилювання переходить на рідну полтавську мову (я цю музику дуже давно не чув).— Якась чорна хмара поцупила автомобіль якогось пачальника... Біс його знає... Смерч-ураган!

— То, може, потерпілим потрібен наш автобус? — пропонує Космонавт.

— Здравія бажаю, товаришу генерал! За потерпілих не хвилюється, люди трошки перелякались, а так пічого. За ними вже вертоліт прилетів.— Сержант віддає марсіанинові честь.

Космонавт багатозначно поглядає на мене своїми розумними очима. До автобусу входить Оля Белкін і теж поглядає на мене своїми розумними очима.

Усі ви розумні, а мені що робити?

— Де вони? — запитую.

— Не знаю... Я від них відстав, але, здається, труба-діло,— відповідає Белкін.— Усе летіло в трубу! Жахливо! Коли я під'їхав, тут валялись самі дрова... Ви це передбачали, Юрій Васильович?

Дроздов і Космонавт з цікавістю прислухаються...

— Я сам нічого не розумію,— жалісно відповідаю я.— Потім, потім... у Кузьмінках поговоримо.

КІНЕЦЬ ПЕРШОЇ ЧАСТИНИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава двадцать первая

Вскоре вертолет растаскивает с дороги бревна, и рыбаки улетают на аэродром, обещая как только так сразу начать воздушные поиски черного «ЗИМа» — вот только переоденутся и начнут.

Мы едем дальше — теперь уже в гробовом молчании. Все думают о бренности человеческой жизни и о слепых силах природы, которым плевать на то, что мы о них думаем. У меня из головы не выходят Павлик, царица Тамара и ревизор Ведмедев. Что с ними? Надеюсь, что они проскочили.

Въезжаем на переправу. Прямо под нами раскручивается взломанное смерчем водохранилище, а Дроздов очень уж внимательно разглядывает эту спиральную ледяную галактику. Место рядом с ним свободно. Оно предназначалось Владиславу Николаевичу. Если бы Владик знал, что мы тут рискуем жизнью, ни за что не полетел бы в Москву. Я подсаживаюсь к Дроздову и молчу. Его все-таки не следует надолго оставлять одного в таком философском настроении.

Мы проскакиваем поворот на аэродром, откуда катит лишь одинокая молочная цистерна, и мчимся дальше. «ЗИМа» нигде не видно. Белкин на «Запорожце» начинает безнадежно отставать, но вскоре нас догоняют милицейские «Жигули» с громкоговорителем и меняют порядок нашей колонны — милиция с зажженными фарами теперь едет впереди, не давая нам разогнаться, за ними Оля на «Запорожце», следом наш автобус и Центральное телевидение. Милицейскому паряду поручено сопровождать нас в Кузьминки из-за тревожной погодной обстановки на трассе. В самом деле, если какая-нибудь нечистая сила утащит в небо наш автобус с Космонавтом на борту, то, пожалуй, все цивилизованные страны, входящие в ООН, пришлют в Москву телеграммы соболезнования.

— Не бойтесь, Юрий Васильевич,— вдруг произносит Дроздов, глядя в окно.— Все будет хорошо, все мы там будем.

— Я не за себя, я за тебя боюсь.
— И за меня не бойтесь. Дроздов себя еще покажет.
— А веревку зачем купил?
— Понял,— ухмыляется Дроздов.— Белкин донес. Вы как дети, в самом деле... Мало ли зачем Плюшкину веревка в хозяйстве пужна? И веревочка в хозяйстве пригодится. У каждого свои странности. Вот вы, например...

— А что «я»?

— В последний момент вы почему-то решили ехать не в «ЗИМе», а в автобусе...

— Да, так я решил! — вспыхиваю я.— Надоело в «ЗИМе» кататься. Все едут в автобусе, а я — как все. Так уж повезло!

Кажется, я начинаю оправдываться...

Возвращаюсь на свое инвалидное место, но оно уже занято. В кресле развалился мальчишка и беседует с Космонавтом. Я не сразу соображаю, что мальчишка скорректировал свои планы и увязался с нами — какой там, к лешему, подледный лов, ему уже не до рыбы. Он решил сопровождать Космонавта в Кузьминки на просмотр «Звездных войн». Он все правильно вычислил: я его пожалею, не отправлю домой, одолжу три рубля на пропитание, Татьяна из гостиницы позволит его родителям в Печенежки, а спать он будет в одном номере с Космонавтом на полу у двери, чтобы того не украли.

— А на «Звездные войны» вы пойдете? — спрашивает мальчишка Космонавта.

— Нет. Я их уже видел.

— В Звездном городке?

— Нет.

— А где? В Голливуде?

— Нет. В Голливуде я водку пил.

— А где?

— На Фобосе.

— Где?!

— На Фобосе,— зевает Космонавт.— Американцы захватили с собой видик с кассетами.

Мальчишка сражен. Даже меня бросает в дрожь. Какие слова, какая музыка... кино на Фобосе! В школе мальчишке не поверят, что он ехал с Космонавтом в пригородном автобусе, но в доказательство он предъявит фотографию с автографом.

— А фантастику вы любите? — продолжает допрос мальчишка, приходя в себя.

— Ненавижу, — опять зевает Космонавт. — Фантастику читать вредно. По себе сужу. В детстве так ее читал, что чуть мозги не свернул.

— Но ведь читали-читали — и космонавтом стали!

— Это вопреки, а не вследствие того, — из последних сил отвечает Космонавт.

Я папускаю на себя строгий вид и грожу мальчишке пальцем:

— Мальчик, не приставай к человеку. Когда приедем в Кузьминки, я отправлю тебя домой с милицией. А пока садись вон туда, к дяде.

Мальчишка, испугавшись, отправляется к Дроздову и начинает пудрить мозги ему: не знает ли случайно Дроздов, на каком морозе ниже нуля замерзает чистый медицинский спирт? Точка замерзания спирта, объясняет мальчишка, нужна ему для выведения формулы эликсира молодости. Он эту формулу выведет. Но это, конечно, не цель жизни, объясняет он Дроздову, а так, мимоходом, побочный результат.

— А цель жизни? — интересуется Дроздов.

Мальчишка что-то шепчет ему на ухо, а Дроздов ухмыляется.

«Ну-с, какая цель жизни может быть у этого мальчишки? — пытаюсь сфантазировать я. — Наверно, стать главным редактором антинаучного журнала».

Космонавт благодарен мне за спасение от юного алхимика. Он откидывает спинку кресла, закрывает глаза и уже спит. Уже все спят, только мне не спится. Я чувствую беспокойство старого шатуна, которого обложили егеря за то, что он зимой не спит и натворил всяких дел. Обложили со всех сторон и ждут команды Главного Егеря, но тот почему-то медлит. Я гляжу на дорогу, на горбатую спину Олиного «Запорожца» и на желто-синий милицейский «Жигуль» с мигалкой. Шины автобуса будто прилипли к трассе, мы мчимся, не ощущая скорости, и тихий гул мотора навевает на меня прицепившийся с утра мотивчик:

— Дедушка плачет, шарик улетел...

Наган дремлет у меня на груди. Почему я отправил «ЗИМ» за «Звездными войнами»? Неужто я в самом деле предвидел эту дорожную катастрофу?

Не знаю.

Мой «ЗИМ», что хоч, то и делаю.

Глава двадцать вторая

Мимо нас проносятся черный сырой лес и худые вороны на голых ветвях, которых (ворон) я уважаю за то, что они, патриотки, каждую зиму терпеливо дожидаются весны и не хотят переселяться из леса в город. Я и сам не прочь жить в лесу, днем спать в дупле, как сыч, а ночью охотиться на мышей,— да люди засмеют. Что-то скучно стало ездить по Руси среди патриотических ворон и стальных заградительных бордюров. Никогда уже не выйдет из леса соловей-разбойник с кистенем, не выскочит волчья стая и не пройдут по шоссе танки Гудериана. Разве что редкий смерч покуражится над воображением легковерного главного редактора «Науки и мысли».

Странно, живя столько лет в лесу, я никогда не встречал волков, зато немецкие танки видел живьем именно здесь в октябре сорок первого года с подножки отходящего эшелона. В то утро, переночевав в Печенежках, они переехали речку-вопючку на месте пышешнего водохранилища и выползли из леса прямо у железнодорожного переезда, когда наш эшелон начал медленно уходить. Вообще в ту ночь все происходило так медленно, что мне казалось, что утро уже никогда не наступит. Мы медленно грузили теплушки предметами на все буквы алфавита, в лесу медленно разгоралось и медленно горело наше, тогда еще деревянное, учреждение без вывески (взрывать его было печем), а потом, откуда ни возьмись, на переезде появилась какая-то зенитная батарея во главе с первым артиллерийским товарищем командиром в овечьем полушубке. Он всю ночь торчал над душой, матерился и угрожал расстрелять ответственного за эвакуацию (меня то есть), если мы через пять минут не уберемся с путей.

Под утро, когда ударил сильный мороз, паровоз наконец зашипел, вагоны загремели, я вскочил на подножку и послал артиллериста ко всем чертям и еще дальше, а тот, выдирая из кобуры пистолет, уже бежал к своей зенитной батарее. Похоже, он хотел, но забыл меня застрелить. Что-то его отвлекло. Начинало светать. Я вдруг обнаружил, что за ночь все кругом поседело. Насыпь, вагоны, лес — все покрылось инеем; а из поседевшего леса в утреннем полумраке выползали громадные грязные и седые крысы. Этот кошмар остался при мне на всю жизнь: бегущий к пушкам артиллерист в белом полушубке, истерически ревуший, буксующий и стреляющий белыми

струями пара насмерть перепуганный паровоз; мои вздыбленные подчиненные, сотрудники и охранники НКВД, на ходу прыгающие в эшелон, и ползущая на переезд крысиная стая.

Почему они не стреляли и никак не пытались нас уничтожить? Похоже, нам повезло... Они так спешили к Москве, что, наверно, им не было дела до какого-то случайного удирающего эшелона из пяти теплушек. Удивительно, они даже притормозили, вежливо пропуская последний вагон, и полезли на переезд, где были наконец-то встречены этим первым артиллерийским офицером, который, для самовнушения («ни шагу назад!») сняв колеса со своих зениток, стал бить по танкам прямой наводкой...

Я видел, как он плясал и как они горели. Грохоту было! Думаю, что содержимое нашего эшелона в переводе на послевоенные годы стоило побольше всей танковой армии Гудериана — но тогда этого не знали ни мы, ни они, ни этот артиллерийский офицер, похожий на молодого Льва Толстого.

Вот был бы фокус, если бы он меня застрелил! Представляю выражение лица наркома вооружений!

— Дедушка плачет, шарик улетел...— тихо напеваю я.

— Его утешают, а шарик летит,— подпевает мне Космонавт и опять спит.

Дьявола в природе конечно не существует, продолжая размышлять я, но он способен на многие ухищрения. Он мог, например, преспокойно влезть в наш автобус во время погрузки и сейчас посмеивается за моей спиной — тем более что я сам его погрузил. Дьяволом может оказаться любой человек в этом автобусе, меня не проведешь. Даже Космонавт может быть под подозрением — как хотите, а человек, первым ступивший на землю Марса, вызывает во мне зоологическое чувство преклонения. Хочется бухнуться марсианину в ноги, вилять хвостом и целовать его генеральские штаны с лампасами. Хочется его обожествлять — а Бога легко перепутать с Дьяволом.

Значит, он?

Ничего такого не «значит». Вряд ли. Слетать на Марс через Венеру и Фобос для того, чтобы начать охоту на академика Невеселова? Слишком много для меня чести. Природа устроена достаточно просто, зачем ей такие сложные орбиты и выкрутасы?

Природа природой, и все-таки меня не проведешь. Все здесь под подозрением, даже этот случайный мальчишка...

«Дяденька, подвезите до водохранилища!» Не забыть узнать цель его жизни. Очень уж он прицельный. В его годы, не в укор ему, я просто все время хотел есть.

Наконец, дьяволом могу быть я.

Это неожиданная...

Это неожиданная и важная мысль. Но я обдумаю ее позже — ночью в гостинице.

Скоро будет развязка.

Скоро будет автомобильная развязка с железной дорогой, где трасса ныряет в тоннель и сворачивает на Кузьминки. Это самое удобное место для засады. Именно это место выбрал для засады артиллерийский офицер в сорок первом году, и я еще с утра предполагал, что ОН нападет именно здесь, но ОН почему-то поджидал у водохранилища.

ЕМУ виднее.

Мы въезжаем в туннель под железной дорогой, а над нами, как смерч, проносится товарняк с углем. Синий вертящийся светлячок милицейского «жигуля» служит нам ориентиром в этой черной дыре, и я точно знаю, что ОН уже раскусил мою наживку и вернулся, чтобы повторить нападение. Я точно знаю, что ОН притаился за насыпью с той стороны тоннеля, но даже не могу предупредить водителя об опасности, потому что не могу выглядеть дураком и предвидеть нападение атмосферных явлений.

Глава двадцать третья

Вот и развязка...

Я вижу ЕГО!..

Я наблюдаю отливающий ртутью шар не больше футбольного мяча, который стремительно атакует нас, прижимаясь к трассе. Он тащит за собой длиннущее облако грязной воды и снега. Это явление по всем признакам смахивает на шаровую молнию и целится прямо в черную дыру тоннеля...

Мы в западне.

Я вижу, как милицейский «жигуленок» успевает развернуться поперек трассы и прикрывает своим телом наш автобус. Олин «Запорожец» врежется «жигуленку» в бок, задрав, как лапки, задние колеса. Шар ослепительно вспыхивает, не спеша прошивает насквозь обе машины и, рассыная красные раскаленные брызги, устремляется к нам в ветровое стекло.

Водитель жмет на все тормоза, и-в-ав-то-бу-се-па-сту-па-ет-пе-ве-со-мость...

Я плавно воспаряю из кресла и начинаю лететь какими-то сложными «вверхтормашками» в кабину водителя, головой в стекло, но Космонавт успевает проснуться и повалить меня в проход на коробки с тортами. Сам он падает на меня сверху и пребольно царапает мою щеку твердым генерал-майорским погоном. Вспышка впереди нарастает, мир становится круглым и ослепительным с искрами по краям, раздается оглушительный взрыв, будто по автобусу ударили прямой наводкой, потом меркнет свет, и в наступившей крошечной тьме начинают происходить какие-то чудеса: с потолка, лениво трепыхаясь, на меня падает толстый зеркальный карп.

Во-от такой!

Он шлепается мне на бороду и начинает мокрым хвостом хлестать меня по щекам...

Хорошо устроился! Пшел вои!

Космонавт сгоняет с моей бороды эту невесть откуда взявшуюся летающую рыбу. Темно, мокро, глупо, ничего не слышно. Мы лежим и оглоушенно отдыхаем в проходе.

Где моя шапка, где что...

На мою левую щеку давит генеральский погон, правая устроилась в мягком раздавленном торте, а прямо в нос мне целится выпавший из пальто паган.

«Это чей паган?» — я не слышу, но читаю вопрос по губам Космонавта.

«Мой».

Он меня тоже не слышит и отводит пальцем ствол пагана от моего носа.

Я слизываю крем с усов. Торт, кажется, киевский, с орехами.

Какой-то цирк.

На крыше автобуса раздается такой грохот, будто там пляшет тысяча чертей, а за выбитыми окнами начинают падать с неба зеркальные карпы и караси, переходящие в ливень вперемежку с кусками льда и каким-то шифером. В самом деле, цирк на дроте! Спешите видеть! Рыба танцует на крыше и проваливается к нам в автобус через оплавленную дыру от сбежавшей шаровой молнии. Небо в дыре начинает проясняться.

— Ой, сколько рыбки! — пробивается сквозь грохот голос мальчишки.

Я тянусь к нагану, но Космонавт уже успел прибрать его в свою шинель. Хитер, марсианин. Он приводит в чувство оглушенного водителя, а Татьяна счищает с моей бороды торт рукавом порковой шубки, вместо того, чтобы достать носовой платочек. Маринка перелезает через нас и мчится под рыбным дождем спасать своего Олю Белкина. Тропко Андрей Иванович аккуратно поднимает меня, ставит на ноги и нахлобучивает мне на голову шапку.

— Где моя трость? — сердито спрашиваю я.

— В руке, — отвечает Татьяна.

Верно, в руке, я ее не выпускал. Опираюсь на трость, разглядываю трассу через ветровое стекло, которого, впрочем, уже не существует в природе — стекло исчезло, испарилось, лишь болтаются черные резиновые прокладки. В автобусе сквозит, как в проходном дворе. Я простужусь, заболую воспалением легких и умру мучительной смертью, потому что я опять слаб, стар, наган у меня конфискован, и я не знаю, как его возвратить. Я опять безоружен.

Рыбный дождь пошел на убыль, трасса и обочины завалены трепетными серебристыми тушками, как палуба рыболовецкого сейнера. Рыбу уже клюют и тащат в лес обалдевшие от счастья худые вороны. Они кричат: «Всем хватит!» На обочине в грязи тает здоровенная глыба льда... Подумать только, смерч тащил этот тунгусский метеорит вместе с рыбой и бревнами от самого водохранилища! С чистого неба еще продолжают парашютировать отставшие от стаи зеркальные карпы. Огненных шаров больше нигде не наблюдается, кроме солнышка.

— За такие шутки надо морду бить, — слышу я недовольный голос Андрея Ивановича.

— Кому? — спрашивает Ведущий ТВ.

— Природе.

К автобусу по скользкой рыбе пробирается Оля Белкин. На Оле ни куртки, ни пиджака. На нем висят лохмотья рубашки с обгоревшим галстуком, он поддерживает брюки без пуговиц и без ремня. Вид у Оли такой обиженный, будто он хочет спросить меня: «Зачем вы это натворили, Юрий Васильевич?»

Мальчишка в валенках танцует в рыбе. Он сегодня не прогадал — направлялся на подледный лов, а угодил под рыбный ливень. В школе ему не поверят, и он потребует от меня письменное подтверждение.

Телевизионщики все снимают: обиженного Олю, танцующего мальчишку, ворон, рыбу, разбитые машины. Какой кадр: Маринка бросается к Белкину на обгоревший галстук и целует его (Белкина). Я же говорил: быть свадьбе! Телевизионщики снимают и этот поцелуй. Интересная будет передача!

Ашот с Дроздовым втаскивают потрепанного Белкина в автобус. Дроздов командует:

— Водку давай!

Я смотрю на Дроздова: о чем это он?

Ашот, не глядя на меня, раскрывает этюдник и достает стакан и бутылку. По звяканью догадываюсь, что бутылка там не одна. Значит, коньяк у Дроздова в сумке был всего лишь прикрытием. Они тоже досконально изучили объект под названием «академик Невеселов». Ладно, я пока молчу, но потом вспомню им эти пейзажи с этюдами.

Пока Белкину оказывают неотложную медицинскую помощь (наливают, кстати, сто грамм и водителю автобуса — за то, что тот хорошо жал на тормоза), над нами по насыпи проезжает дрезина, потом возвращается и кричит голосом бывшего железнодорожника: не нужна ли нам помощь? Может быть, со станции пустой вагон пригнать?

— Давай, проезжай! — грубо отвечает ему Андрей Иванович. — Рыба наша! Это мы ее поймали! Если хочешь, пригони со станции вагон пива, тогда и тебе выделим!

Этот железнодорожник тоже может быть дьяволом, размышляю я. Почему бы и нет? У него опять что-то не получилось с моей персоной, вот и приехал на дрезине под маской железнодорожника, чтобы взглянуть на дело рук своих. И что же он видит? С шаровой молнией он перемудрил, автобус и машины сжег, торты раздавил — устроил, короче, цирк, а до меня не добрался. Наверно, не рассчитал, что меня прикроют марсианки с милицией.

Оле Белкину после полустакана водки стало лучше, но теперь его надо во что-то одеть. На трассе продолжается суета. Андрей Иванович с Космонавтом осторожно вынимают из исковерканных «Жигулей» двух милиционеров, которых за наше спасение следует представить к правительственной награде. Их кладут прямо в рыбу на заботливо подстеленную Татьянину порковую шубку. У нашего знакомого полтавского сержанта в руках зажата бельевая веревка (нам от этой веревки теперь уже никогда не избавиться), а его коллега су-

дорожно вцепился в ровно срезанный руль от «Жигулей». Оба не могут разжать пальцы.

— Водку давай! — опять командует Дроздов и спешит к милиционерам с новой бутылкой.

Первая, значит, уже распита. Лихо!

Мое внимание привлекает поведение Михаила Федотовича...

— Ну куда ты прешь в рыбу со своими лыжами?! — ору я.

Телевизионщики заодно снимают и меня, орущего из разбитого автобуса, и Андрея Ивановича, который на своем горбу тащит толстого сержанта к «Икарусу», и Дроздова, щедро вливающего водку во второго милиционера, и старого десантника Михалфедотыча — он мастерит посылки из лыж и палок, а я на него ору. Они снимают даже подозрительную дрезину с железнодорожником, которая уносится на станцию за пивом. Теперь мне ясно, что этот железнодорожник никакой не дьявол, а обычный железнодорожник, — уважающие себя дьяволы за пивом не бегают, а спокойно идут.

А это что?!

Я вижу, как из тоннеля выезжает наш черный «ЗИМ»...

Вид у «ЗИМа» такой, будто его где-то приподняло та й гепшуло, к тому же он припадает на задние колеса под тяжестью четырех серий «Звездных войн» в своем багажнике. Значит, благотворительные сеансы состоятся при любой погоде на радость всем крекерам-брекерам из Кузьминок, Печенежек и окрестностей.

Из «ЗИМа» выскакивает обеспокоенный Павлик, за ним, извиняюсь за пошлость, уже осчастливленная им где-нибудь на аэродроме в вертолете царица Тамара, за ними — ревизор Ведмедев.

Я готов плясать!

Все живы и невредимы! Я-то за них волновался, а сейчас понимаю, что эту гош-компанию никакой черт не возьмет и смерч не утащит. Но и это еще не все: из «ЗИМа» появляется нечто совсем уже неуместное в этой ухе из рыбы и разрезанных автогенном машии между Кузьминками и Печенежками — сам дьявол во плоти, преследующий меня с утра на проспекте, в лесу и дома телефонными звонками — старикашка в смушковом пирожке.

Этот здесь при чем?

Оказывается, последние слова я пробормотал вслух, и пьяненький Оля Белкин отвечает:

— Который? А, этот... Этот везде «при чем». Знакомьтесь: профессор Степаняк, он же Енисейский... Привет, профессор! — приветствует Оля и чуть не выпадает из автобуса. — Он же народный дантист, он же писатель-фантаст, он же Тунгусский метеорит. Куда ни сунься, везде он. Он даже однажды либретто для балета написал. Да! Р-рыголетто. А сегодня он кинокритик.

Я недоумеваю.

— В придачу к «Звездным войнам». В нагрузку, — объясняет Оля. — Будет перед сеансом кино объяснять, чтобы мы все правильно понимали. А вы думали! А что вы думали — статью против Степаняка-Енисейского?! Да он вас измором возьмет...

Оля еще что-то говорит, но я уже плохо слышу. Пусть он позовет Дроздова с бутылкой водки, чтобы оказать помощь мне... потому что я, кажется, теряю сознание.

Глава двадцать четвертая

Из обморока я выхожу от вкуса водки во рту и от грохота низко пролетающего вертолета перед бетонным въездом в Кузьминки, привалившись к марсианину на заднем сиденье «ЗИМа». Космонавта уже совсем раздели: свой генеральский китель он подложил мне под голову, а шинель накинул на плечи Татьяне. Татьяна расположилась рядом с Павликом и разглядывает мой паган.

— Осторожней! — слабо вскрикиваю я.

— Не беспокойтесь, я выпул патроны, — успокаивает Космонавт.

— Дед, как ты себя чувствуешь?

Татьянину порковую шубку в рыбьей чешуе отдали, наверно, Оле Белкину, а в меня влили водку, погрузили в «ЗИМ», как мешок с картошкой, и приказали Павлику гнать в Кузьминки, пока я концы не отдал. Остальные сейчас грузят зеркальных карпов в подорванный автобус, а потом будут тащить его на буксире за автобусом Центрального телевидения.

— Мне это приснилось?

— Что именно? Дождик из рыбки? — спрашивает Космонавт и внимательно заглядывает в мои зрачки. — Ничего страшного, обычное дело... шаровая молния, звуковые эффекты. Вы молодцом держались! Помните, что случилось с соратником Ломоносова? Тоже, вроде вас, был академиком, но ему с молнией не повезло.

Навстречу нам к переезду с воем проносится пожарная машина, за ней поспешает «скорая помощь». Всем зимой рыбки хочется. Вертолет возвращается, делает круг над нами и опять улетает в Кузьминки.

Куда они меня везут, вдруг с подозрением думаю я. Зачем марсианин мне зубы заговаривает? Сказал бы просто: «Испугался я за тебя — ты, старый черт, чуть Богу душу не отдал!» А соратника Ломоносова академика Рихмана я хорошо помню. Могу даже соврать, что был лично знаком. Не были они соратниками, все это школярские мифы. Просто терпимо относились друг к другу, а это уже много. Вообще-то, я люблю всякие «например» из истории отечественной науки, но мы куда-то не туда едем...

Вот они где, настоящие дьяволы! Решили заманить меня!

— Стой! — командуя я Павлику. — Заворачивай оглобли! Направо! К гостинице, мимо трубы!

Павлик знает, когда со мной лучше не связываться, и с неохотой заворачивает к гостинице. Космонавт с Татьяной переглядываются, но тоже помалкивают, чтобы не нервировать меня. Они собрались везти меня в кузьминкинскую больницу... Не на того напали! Хватит с меня, хватит... Лечиться не буду, умру так.

— Ладно, — соглашается Космонавт. — Не хотите в больницу — не надо. Но пока я с вами — умереть не дам.

Вот это мужской разговор. Пытаюсь вспомнить его газетную биографию... Женат он или нет? Мне бы такого зятя.

Проезжаем мимо трубы на пустыре. Это все, что осталось от нашей лаборатории лучевой защиты — пустырь да труба. Летом и трубу спесут. Впрочем, кроме трубы, от нашей лаборатории осталось мемориальное кладбище, а на кладбище — восемнадцать невинных душ, захороненных в свинцовых гробах. Там все... и моя жена, и Танькина мама, и Танькин отец. Беда! Беда состоит в том, что любую защиту от чего бы то ни было всегда создают беззащитные люди, и эта защита становится защитой для других людей, но не для самих создателей защиты.

Беда.

С мыслями о том, как давно это было, уже проехали трубу, а там, за новым универсамом, — гостиница. В универсаме выбросили что-то заморское, собралась приличная очередь, которую Татьяна высокомерно не замечает, чтобы не комп-

рометировать себя перед Космонавтом, хотя ей очень хочется знать «что дают?».

— Валенки продают,— удивляется Космонавт.— Давно не видел валенок.

— Белые,— подтверждает Павлик. Он все время какой-то задумчивый.

Татьяну осеняет:

— Дед, тебе надо купить валенки!

— С галошами,— соглашаюсь я.

Проезжаем мимо громадной афиши о предстоящих «Звездных войнах» со вступительной лекцией известного кинокритика Степаняка-Енисейского.

Вот и гостиница.

Ее фасад украшает чеканный алюминиевый герб города Кузьминок: ладонь и ядерный клубок с химически безграмотными электрошными орбитами. Рисуют, сами не знают что! Судя по орбитам, на гербе изображен атом лития, но из лития цепной реакции никак не получится — это Я вам говорю. Впрочем, на этом фасаде во все времена висело много всякого вранья — и мелкого, и фундаментального. Подозреваю, что после моей смерти у местных властей опять не выдержат нервы и они опять изувечат фасад, увековечив мою персону гранитной мемориальной доской. Изувечат, увековечив. А потом не будут знать, как объяснить интуристам, почему академик Невеселов столько лет после войны жил в кузьминкинской гостинице и простуживал поясницу в дворовом дырявом клозете, хотя имел в Москве утепленный туалет с комфортабельным унитазом. Да так и не смогут объяснить, зачем на знаменитой сессии ВАСХНИЛ я в коридоре около урны привселюдно показал академику Пэ огромную дулю и, не возвращаясь в московскую квартиру, удалился в Кузьминки в добровольную ссылку. Признаться, я ожидал немедленного ареста, но всемогущий сателлит пародного академика Эл почему-то промедлил... возможно, последний оставшийся и предъявленный ему в пользу генетики научный аргумент из трех пальцев ошеломил его и заставил задуматься.

Ошеломил?.. Вряд ли.

Заставил задуматься?.. Нет, невозможно.

Наверно, все-таки дело в том, что я не состоял в ихнем ведомстве, а работал на стыках сразу нескольких государственных интересов. Для моего ареста им сначала нужно было вычислить мои связи и связи моих покровителей — а это время. Так

или иначе, но академик Пэ промедлил, а академик Эн, как тот артиллерийский командир, обругав меня последними словами, успел позвонить кому следует и объяснить: что, мол, с дурака возьмешь!

С тех пор в генетику я не возвращался и эликсира молодости не выдумал. Очень жаль. Жена возила гостиничные квитанции в Академию наук, тамошняя бухгалтерия скрипела, но оплачивала... Не объяснять же все это интуристам? Наши-то, конечно, поймут.

Старое крыло гостиницы с моей комнатой сохранилось до сих пор. Под ней растет голубая ель — это я ее посадил. Форточка в моем кабинете открыта. Сейчас из нее вылетит мой ангел-хранитель, волнистый попугайчик Леша и, гавкая на ходу: «Гав, гав, гав!», отправится к экспериментальному реактору дразнить сторожевых псов, а потом в гости к воробьям на старый хлебозавод. Воробьи его не обижали и принимали за своего, потому что он умел чирикать. Надеюсь, он соблазнял молоденьких воробьих.

С тех пор здесь изменилось немного. Гостиницу продлили в длину, пристроили ресторан, а у входа посадили вторую елку. Только что рядом с ней совершил посадку тот самый вертолет, который обогнал нас у въезда в Кузьминки. Вертолетчики сейчас обедают в ресторане, а потом отправятся смотреть «Звездные войны».

Космонавт надевает китель.

Татьяна отдает Космонавту паган... Не мне. Она думает, что это его паган. Ее рука задерживается в его руке...

Тэк-с...

От вертолета к нам торопится Владислав Николаевич Бесмертный, который вроде бы должен сейчас подлетать к московской больнице. Значит, передумал, вернулся. В своей короткой искусственной шубе он похож на пугало — старая шуба на палке. Он причитает:

— Что с вами случилось, что с вами случилось? Я так волновался, я так волновался!

Все, приехали.

Глава двадцать пятая

Выбираемся из «ЗИМа», и, пока Владислав Николаевич объясняет Татьяне, «как он переволновался», я тихо, но решительно требую у марсианина:

— Наган!

Космонавт, поколебавшись, отдает мне наган. Я прячу наган в пальто.

— Патроны!

— Я их выбросил,— отвечает Космонавт.— Я же предупредил: пока я с вами, умереть не дам.

Что ему ответить? Я делаю вид, что очень недоволен, хотя я ловко его провел: во-первых, у меня в запасе последний патрончик; а во-вторых, насчет «умереть не дам» — это дело можно прекрасно обделать и без всяких наганов.

Татьяна в генеральской шинели уходит в гостиницу с моим паспортом устраивать меня в мою старую комнату, Владислав Николаевич, как хвост, плетется за ней, а марсианин опять заглядывает мне в глаза.

— Умойтесь снегом,— советует он.

Моя левая щека сладка от торта, на правой горит царапина от генеральского погона, а борода пахнет рыбой. Сгребаю снег с елки и умываюсь. Они что-то задумали, но я настороже. Наверно, хотят заточить меня в гостинице и не пустить в Дом ученых на благотворительный вечер со «Звездными войнами».

Ну, это мы еще посмотрим!

Какой все-таки суетливый этот Владислав Николаевич Бессмертный! Он припустил было за Татьяной, но передумал и вернулся к нам. Мы стоим у входа в гостиницу и почему-то молчим. Владик чем-то недоволен... Ага, он недоволен присутствием марсианина и смотрит поверх его фуражки, гипнотизируя громадную гофрированную сосульку, свисающую с крыши гостиницы. Владик очень сердит. Лыдина, не выдержав его взгляда, срывается, летит вниз и с глухим гулом разбивается у наших ног, больно обдав нас ледяными осколками. Лучше отойти к елке от греха подальше — с крыши свисает еще одна сосулька, покруче; и Владик переводит взгляд на нее.

Вот оно что: он ревнует Татьяну к генеральской шинели! Он почувствовал соперника и вместо того, чтобы улететь в больницу на персональном Яке, потребовал вертолет и отправился на поиски моего черного «ЗИМа». Это поступок. Хвалю. Вообще, поступки Владислава Николаевича Бессмертного отличаются особым целенаправленным сумбуром — если он втемяшит что-нибудь в голову, то, стесняясь, извиняясь, возвращаясь и переспрашивая, доведет дело до конца. Я до сих

пор с удивлением вспоминаю повогоднее утро середины прошлого века, когда мы с ним познакомились — это сумбурное событие достойно занять скромное место в истории отечественной науки. В тот год Владик проходил срочную службу на берегу Финского залива и в предновогодний вечер, моя полы в полковом штабе, снял трубку штабного телефона, чтобы позвонить в Ленинград и поздравить с Новым годом свою любимую детдомовскую воспитательницу. Заодно он попросил у нее домашний адрес ее неуволимого родственника академика Невеселова, которому Владик из армии отправил письмо в Академию наук, но не получил ответа.

Мой адрес по тем временам составлял военную тайну, но и Владику и мне повезло: я как раз находился в Ленинграде и перевязывал оставшиеся в живых блокадные книги жены, чтобы забрать их с собой в Кузьминки. В этот момент сестра жены сообщила, что со мной желает говорить ее лучший воспитанник — «тот самый, Бессмертный, помнишь, я тебе о нем рассказывала», который летом срезался на химическом факультете, потому что, кроме гениального знания химии, никаких других способностей не обнаружил.

Я боязливо взял трубку, и Владик, заикаясь от смущения, принялся излагать все, что он думает о небольшом отклонении графика постоянной-дельта в моей теории слабого сигма-взаимодействия. Я ничего не мог разобрать, пока он прямым текстом не выдал по телефону формулу компоненты-зет, которую моя лаборатория безуспешно искала более полугода. Я усмотрел в этом повогоднем звонке самую настоящую дьявольщину — после полугодичной бессонницы мне надо было сбежать из Кузьминок в Ленинград, чтобы в виде повогоднего подарка услышать от какого-то бессмертного салаги с Финского залива простое и абсолютное решение проблемы!

Я тут же приказал Владику заткнуться! Враг подслушивает!

Я тут же приказал: сейчас же, ночью, немедленно прибыть в Ленинград на квартиру учительницы!

Конечно, я не сообразил, что для молодого воина подобные передвижения в пространстве—времени весьма затруднительны. Конечно, мне надо было самому приехать к нему в воинскую часть на своем «ЗИМе»...

Дальнейшие события развивались стремительно. Перепуганный от счастья Владик бросился за увольнительной к отцам-командирам, но в новогоднюю ночь никого из них не об-

паружил, кроме сундука-старшины, заставившего Владика мыть полы в штабе. Владик упал старшине в ноги и доложил, что отечественная наука понесет невосполнимую утрату, если он, рядовой Бессмертный, не встретится завтра утром с академиком Невеселовым.

К счастью, старшина оказался хомо сапиенсом сапиенсом.

Он ответил:

— Вот что, Кашей Бессмертный... Мне так не нравится твоя фамилия, и подтянуться на перекладине ты ни разу, а выдать тебе увольнительную за сто километров от части я не имею права. Но я закрою глаза на твою самоволку. Если все обойдется, помоешь два раза полы в казарме. Риски для науки. Но помни, что в Питере есть две гауптвахты. На первой висит мемориальная доска: «Здесь сидел великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов», на второй: «Здесь сидел великий советский летчик Валерий Павлович Чкалов». Если нарвешься на патруль, то судить тебя будут как дезертира, и пусть эти надписи тебя утешат. Рискуешь? Орел! По Питеру ходи переулками, на Невском не появляйся, а пива — ни-ни! Я дал бы тебе переодеться в гражданское, да у самого нету.

Владик выслушал наставления старшины, перемахнул через забор и на первом же продуваемом товарняке прибыл на Балтийский вокзал. Стояла середина двадцатого века. Патрули и трамваи еще спали в эту новгородную рань. Полуобмороженный Владик пешком добрался до улицы Победы, поднял меня с постели, и мы три часа беседовали на кухне о состоянии дел в химической науке. Сестра кормила его тушенкой, а я отпаивал чаем из серебряного подстаканника; Владик же ни словом не обмолвился о своих намечающихся особых отношениях с великим русским поэтом и великим советским летчиком, и поэтому я не догадался отвезти его на «ЗИМе» в воинскую часть. Напоследок я твердо пообещал провести через Министерство обороны приказ о его переводе в мою лабораторию и налил Владика на коня стопку коньяка; чтобы он окончательно не замерз на обратном пути. Счастливым Владик ушел навстречу неизвестности, а я заторопился в Кузьминки, где ошеломил своих сотрудников компонентой Бессмертного (с тех пор, естественно, сия компонента носит его имя, а иностранцы язык ломают).

Из Кузьминок я позвонил академику Эп.

Тот сказал: «Умереть не дадут спокойно», позвонил куда надо и потребовал выдачи в мое распоряжение рядового

Бессмертного. Его два раза переспросили: «Какого-какого?» А еще через день позвонили в Кузьминки и доверительно объяснили мне, что молодой советский рядовой гений Бессмертный таинственно исчез под Новый год из расположения родной воинской части, что его вот уже четвертый день не могут найти у известных девиц в окрестных селах, и что в исчезновении Бессмертного подозреваются козни нескольких иностранных разведок, а меня просят не сообщать об этом академику Эн.

Как бы не так!

Я тут же опять позвонил академику Эн. Тот ударил тростью по столу, взбешенный всей этой шпиономанией, и тут такое началось!

Не знаю, может быть, Владик мне потом врал, зато врал красиво: будто бы усиленная опергруппа Министерства обороны прибыла на Финский залив с жутким намерением взломать лед, тело найти, а Владикино начальство разжаловать в рядовые; будто бы его матрац дали попохоть какому-то сверх-Джувльбарсу — и пес в точности повторил весь путь рядового Бессмертного от воинского забора до дверей детдомовской воспитательницы, а потом от ее дома до Невского проспекта, где Бессмертного пять дней назад арестовал патруль. (Мне не следовало давать ему стопку на коня — конь не выдержал. После нашей беседы Владик шагал по Ленинграду, как пьяный, и так забрел на проспект.) На Невском овчарка сорвалась с поводка и напрямик примчалась к старой питерской гауптвахте, где когда-то сидел Михаил Юрьевич Лермонтов, а сейчас в ожидании трибунала страдал от острого приступа радикулита Владислав Николаевич Бессмертный.

Иногда мне кажется, что эти и другие события происходили во сне или на киноэкране. Будто наши роли исполняли артисты, а меня и Владика в помине не было. Мне кажется, что мне всю жизнь было под сто лет, и я уже не представляю себя другим, а Владислав Николаевич был всегда при мне любимым учеником и директором этого учреждения.

Таким вот образом.

Глава двадцать шестая

Мы продолжаем молчать. В гостиницу никто не уходит. Владислав Николаевич ревнует Татьяну к марсианину, а тому без шинели в конце зимы совсем не жарко, но и он не уходит. Мотаю на ус: появился третий претендент в женихи.

— Идите в гостиницу,— советую я ему.— А я еще подышу воздухом.

Нет, не уходит... Похоже, он меня телохраняет. Они в самом деле что-то задумали.

А вот и наши подъезжают, израненные, но победоносные!

Впереди пожарная машина тащит на буксире наш искалеченный, но полный рыбы автобус. За ними в автобусе Центрального телевидения везут моих потерпевшихся страху сотрудников, а кавалькаду замыкает «скорая помощь». Милицкий «жигуленок» и Олин «Запорожец» пожарники, наверно, спихнули с дороги, и там, на обочине, они еще долго будут устрашать своим видом путников и странников.

В общем, зрелище.

Очередь за валенками обернулась и разглядывает загадку: без окон, без дверей, переполнен карасей. Свежую рыбу привезли. Значит, сегодня вечером все Кузьминки пропахнут жареной рыбой. Из окна ресторана выглядывают жующие вертолетчики. В дверях гостиницы появляется Татьяна с моим паспортом... Если я промедлю, то за меня сейчас возьмутся — запрут в гостинице и начнут лечить. Внимание Космонавта отвлечено, он не ожидает от меня подвоха.

— Слушай, Владик...— я дергаю за рукав Владислава Николаевича, который гипнотизирует вторую сосульку.— Ты с этими фокусами поосторожней. Лучше скажи, нас чаем напоят в твоём Доме ученых?

— Во-первых, это ваш Дом ученых,— Владислав Николаевич с трудом отводит взгляд и размышляет.— Во-вторых, пусть попробуют не напоить!

— Тогда, в-третьих, поехали! А этих — к черту!

Я подталкиваю Владислава Николаевича к «ЗИМу», мы быстренько садимся, Павлик трогает и проезжает мимо потерявшихся Татьяны и марсианина. А пусть не зевают! Ехать тут недолго, минут десять, прямо вверх по Академическому спуску. Обойдемся без телохранителей.

— Юрий Васильевич, вы из чего чай собираетесь пить? — продолжает чайную тему Владислав Николаевич.

— Да хоть из кружки.

— А где же ваш третий подстаканник?

— Пропал. Давно. Еще до запуска первого спутника.

— Или украли,— вздыхает Владислав Николаевич.— Жаль, серебряный все-таки.

— Точно, украли! — со злостью вмешивается Павлик. У него задумчивый вид. Ему хочется выговорить свои дорожные впечатления, но ураганы и смерчи как-то не входили раньше в круг его непосредственных интересов, и он не знает, как к этой теме подступиться. Зато воровство серебряных подстаканников Павлику предельно понятно.

— Такой подстаканник потянул бы сейчас рублей на триста... Да за такие штуки надо морду бить!

— Согласен,— кивает Владислав Николаевич.— Это я украл подстаканник. На счастье. Еще тогда, в клинике... От злости, что вас выписали раньше меня.

— Тогда это называется не «украли», а «одолжили»,— делает поправку Павлик.— «На счастье» — это совсем другое дело.

— А ты мне грехи не отпускай. Украл — значит, украл.

— А помогло? — интересуюсь я, разглядывая почерневшее серебро.— Счастье-то было?

— Кажется, было,— вздыхает Владислав Николаевич.— Вроде не скучал в жизни.

Мы проезжаем мимо мемориального кладбища, но не глядим в ту сторону. Там чернеет гранитный памятник — все та же рука на постаменте с клубком орбит.

— А почему не женился? — спрашиваю я.

— А зачем? — опять вмешивается Павлик.— Какое же это счастье — жениться?

— Потому не женился, что всегда подражал вам.

— Я был женат!

— Но в ЗАГСе не расписались.

— Она сама не захотела. ЗАГС — это абстракция.

(Владислав Николаевич был влюблен в сестру моей жены, потом в мою жену, сейчас в мою внучку... но это все запретная тема.)

— И все-таки подстаканники я ни у кого не воровал,— сержусь я.

— Да? А трость у академика Эн?

— Потому что это была волшебная трость! Он, бывало, как трахнет по столу... и все сразу же исполнялось. И не воровал я. Он у меня однажды на кухне ее забыл.

— Это называется не «украсть», а «зажилить»,— объясняет Павлик.

— Он перед концом забывал у друзей свои вещи,— вспоминает Владислав Николаевич.— Как будто нарочно... на па-

мать. У меня записную книжку оставил. А в ней!.. Имена, адреса, телефоны... Находка для шпиона.

Внимание, за нами погоня!

Это по мою душу.

— Гони! — команду я Павлику, но «ЗИМ» на мокром подъеме воеет, скрипит и еле ползет. Мы почти у цели, но у самого Дома ученых, где в ожидании «Звездных войн» собралась изрядная толпа, нас обгоняет «скорая помощь» и оставливается поперек дороги. Я толкаю Павлика в спину: — Объезжай, не обращай внимания!

Павлик пытается объехать «скорую помощь», но из нее выбираются врач, санитары, марсианин, Татьяна, Тронько Андрей Иванович с березовым веником... Да сколько же вас?

Врач вращает руками, будто делает гипнотические пассы, призывая Павлика остановиться.

— Дави его! — подзуживаю я.

Павлик объезжает и врача, и «скорую помощь», но марсианин милицейским жестом окончательно останавливает его, марсианина Павлик не может послушаться.

Надо выходить.

Глава двадцать седьмая

Нас окружили. Лицо и ужимки врача мне хорошо знакомы, хотя из-за белого халата я не могу вспомнить, где видел этого человека. Сейчас вспомню... Все, вспомнил: это мой личный враг Леонард Христианович Гланц — тот самый экстрасенс, у которого я выиграл битву за трехкомнатную квартиру. Значит, теперь он шаманит на «скорой помощи».

Я выбираюсь из «ЗИМа» с подстаканником и с тростью наперевес. Они нас догнали, но у меня еще остается надежда провести их: надо прикидываться здоровеньким и осторожно продвигаться туда, в народ... из толпы, ожидающей «Звездных войн», выдернуть труднее, чем в чистом поле.

— Что вы делаете на «скорой помощи»? — ехидно спрашиваю я Гланца. — Лечите наложением рук? Или разглашаете тайны народной тибетской медицины?

— Если вы интересуетесь народной медициной, пройдемте, пожалуйста, в Дом ученых, — кротко отвечает Леонард Христианович.

Мне туда и надо, но этого нельзя показывать... Там есть такая тетя Маша, она меня защитит, пожалеет и напоит чаем. Странно, что они не тащат меня в больницу.

Иду.

Толпа волнуется: «Звездные войны» привезли!»

Тут на мотоциклах съехались из окрестных сел, и со станции, и с аэродрома. А я с подстаканником иду пить чай сквозь строй жаждущих «Звездных войн». Мы прем «свиньей», как псы-рыцари на Чудском озере. Впереди два санитар с чемоданами проламывают толпу мотоциклистов. По бокам Космонавт с Андреем Ивановичем раздвигает их. Татьяна прикрывает мне спину и успевает отчитывать Владислава Николаевича за то, что он поддается на мои провокации: «Вы же знаете, как его надо беречь!» Леонард Христианович ведет арьергардные бои.

Марсианина узнают.

Мотоциклетная шпана... ну, эти... крекеры-брекеры... улюлюкают и тычут в Космонавта пальцами, будто это не он с Марса, а они с Луны свалились. И это читатели «Науки и мысли»? И это перед ними сейчас выступать? Дегенераты! Обожрут! Пусть читают трилогию Степаняка-Елисейского, а он пусть читает им лекции перед киносеансами. Меня увольте!

Стоп. Кажется, я не иду, а меня ведут...

Нет, показалось. Не ведут, а поддерживают под руки на скользких ступеньках. Протискиваемся в вестибюль. За нами ломаются крекеры, но Андрей Иванович сдерживает натиск и, осторожно дав по зубам самому пахальному, закрывает дверь.

Где тетя Маша?

Нет уже моей тети Маши. Я все позабыл. Она бы меня спасла и вообще навела бы метлой порядок, но она в прошлом году сошла со сцены, и ее с музыкой увезли в Печенежки. Вместо этой доброй женщины у дверей швейцарит какой-то хомо сапиенс, зашедший в эволюционный тупик. На нем сияя фуражка без знаков различия. От него разит то ли «Шипром», то ли «Тройным одеколоном» — к сожалению, не пил, не знаю. Нет, этот не спасет. Он, конечно, дружен с местным киномехаником. Киномеханик третий день женится. Павлик его подменит, иначе мотоциклисты разнесут Дом ученых. Все здесь друг от друга зависят. Царица Тамара ими командует и зависит от них. Мафия, солидарность и круговая порука. Делают, что хотят. Эволюционный тупик, как в Академии наук. Там тоже всем заправляет не Президент, а какая-нибудь ти-

шайшая Галина Илларионовна из его приемной. И зависит она от тех же дворников, швейцаров и шоферов, но на академическом уровне. Плебс у власти. Они и решают, кому Президент должен позвонить — мне или Степаняку-Енисейскому. Что решат, то и будет. Окружили, дьяволы! При чем тут наука и мысль?

— Сюда,— звеня ключами, командует доктор Гланц и указывает на двери административного кабинета.— Юрий Васильевич, вы должны пройти медосмотр.

Я упираюсь. Царица Тамара доверила Гланцу ключи, значит, он заодно с ними. Ничего я никому не должен. Я все свои долги давно отдал.

— Юрий Васильевич, я ДОЛЖЕН исполнить свой профессиональный долг!

— А я тут при чем?

Нашел, понимаешь, подопытного кролика! Пусть исполняет свой профессиональный долг на пострадавших милиционерах.

А это что? Меня вроде бы пытаются тащить?

Предупреждаю: если ко мне будет применено насилие, я направлю на Дом ученых орду мотоциклистов!

Нет, показалось. Меня не насилуют, а пытаются уговаривать. Пахнувший одеколоном швейцар не ко времени спешит на помощь моим мучителям, чтобы пресечь в моем лице беспорядки, но Андрей Иванович невежливо берет его двумя пальцами за шиворот, раскручивает вокруг оси и водворяет на свое швейцарское место.

Гланц пронзительно смотрит в меня.

— Вы меня не колдуйте, не колдуйте! — я стучу волшебной тростью по паркету, чтобы избавиться от всей этой нечистой силы, но на этот раз трость отказала.

— Мне позвонили из Академии наук. Я должен вас осмотреть,— произносит Леонард Христианович, просвечивая меня взглядом.

Я затихаю, поняв, что на этот раз мне от них не отделаться. Если бы Гланц сказал, что ему позвонил сам Президент, я бы расвирился. Но он сказал сущую правду: ему позвонил какой-то швейцар из приемной Президента и сказал, что Гланц за меня головой отвечает. Тут уж ничего не поделаешь. Не драться же с мафией? Пусть Леонард Христианович думает, что заморозил меня, а я буду помалкивать. Скажу по

секрету: чтобы спокойно отдать концы, нужна целая стратегия — врачи не должны знать, что у больного на уме.

Меня заводят в администраторскую и просят раздеться.

Нет уж, хрен вам, пусть санитары работают.

Меня оголяют. Я сижу в трусах на холодном кожаном диване и верчу головой, как попугай, разглядывая стены этого вертепа. Эволюционный тупик! Сам черт не разберет, что здесь повешено... портреты, портреты, портреты... Ломоносова, Менделеева, Ушинского, нынешнего президента, Мичурина, Эйнштейна, Тимирязева, Курчатова, мой... Я же их стро-го предупреждал! Опять повесили!

Здоров, курилка, давно не виделись!

Гордость советской науки!

За мной висит еще кто-то...

На портрете мне лет семьдесят, я сурово взираю со стены на себя голого, столетнего и впавшего в детство. Леонард Христианович в это время меня обследует — опутал проводами и шнурами с присосками из двух чемоданов и заглядывает мне в душу.

Зря старается, моя душа давно продана и мне не принадлежит. Там вместо нее темное пятно.

Глава двадцать восьмая

ИСТОРИЯ МОЕЙ ДУШИ

Моя душа осталась неохраняемой в тот миг, когда умер мой ангел-хранитель, волнистый попугайчик Леша. Он захлебнулся и утонул в рассоле в блюде с огурцом. Впрочем, я не думаю, что охрану сняли и оставили меня без присмотра. Просто произошла смена караула: пост сдал, пост принял. Леша был материальным олицетворением моей души, если выражаться высоким штилем... (А почему бы не выражаться высоким штилем, как делал это попеременно с матом сам Ломоносов? Мы или грешим с трибуны высокими словесами и абстракциями — бум, бум, бум, как в пустую бочку, или, наоборот, прикидываемся плебеями и, заигрывая с мотоциклистами, сваливаемся в просторечное болото с лягушками — ква, ква, ква! А надо совмещать штили и чувствовать меру.)

Так вот: свою душу я приобрел за томик Надсона на одесском Привозе, когда там царил натуральный обмен — я тебе пожик, ты мне штаны. Я собирался выгодно обменять Над-

сона на четыре картофелины (надеясь втайне на пять и соглашаясь на три), но сначала решил пройти мимо птичьего ряда. Я сразу заметил ее: моя душа сидела в клетке на жердочке среди других разноцветных птиц, а над ней стоял за прилавком заточивший ее в клетку толстый и мрачный тюремщик.

Душу надо было спасать. Но как? Украсть, обменять? На что? Я был пацаном. Я сразу возненавидел этого человека, и он это почувствовал.

— Ладно, босяк, покажи книгу,— сказал тюремщик моей души.

Он взял томик Надсона и принялся перебрасывать страницы толстым указательным пальцем. Иногда его палец останавливался и тюремщик читал отдельные строчки стихов, шевеля жирными губами, будто пробовал строки на вкус. Наконец он шумно вздохнул и сказал:

— Все-таки Надсон плохой поэт, хотя я его уважаю. Ладно, босяк... Какую тебе птицу? Синюю? Молодец! Ты разбираешься в поэзии. Этот попугай знает волшебную фразу. Он будет твоим ангелом-хранителем и принесет тебе счастье. Его зовут Леша. Корми его, чем хочешь, он после гражданской войны все ест, особенно огурцы. Адью, босяк!

И я ушел с Привоза без картофеля, зато с собственным ангелом-хранителем. Адью так адью.

Волшебную фразу я услышал от Леши в тот же день, когда вернулся домой и угостил его огурцом — в доме, кроме огурцов, ничего не было. Леша клюнул огурец, закрыл от удовольствия глаза и одобрительно произнес:

— По рыбам, по звездам проносит шаланду, три грека в Одессу везут контрабанду.

— Это и есть твоя волшебная фраза? — хмуро спросил попугая мой отец, Василий Афанасьевич Невеселов.

Но Леша ничего не ответил, затрепыхался и застенчиво прокукарекал.

— Меняла! — презрительно сказал мне отец. — Его же кормить надо!

Он отвернулся лицом к голой стене, где еще недавно висел ковер с оленями, а Леша виновато посоветовал:

— Контрабанду!

— Где я тебе возьму контрабанду? — вздохнул отец.

Продавца птиц я больше никогда не встречал, но все же еще раз увидеть его пришлось. Через много лет я прочитал в томике стихов Багрицкого стихотворение с этой фразой и с

изумлением узнал на портрете астматичного толстяка. Кто же мог знать, что Птицелов, одаривший меня синей птицей, был самым Эдуардом Багрицким! Я до сих пор изумлен. Леша знал множество разных фокусов — он гавкал, кукарекал, скрипел дверью, щелкал ружейным затвором, цокал подковами, сипел пустым краном, но по-человечески произносил лишь одну фразу. Зато какую! Это всем фразам фраза.

Когда я стоял перед выбором: остаться в Одессе или уехать в Москву, мой ангел-хранитель одобрительно советовал:

— По рыбам, по звездам.

И я, похоронив отца, успел уехать до начала известной одесской вакханалии, а потом случайно узнал, что за мертвым отцом приходили и, чтобы не пропал ордер на арест, спросили обо мне. «Его нет»,— ответили соседи. «На нет и суда нет»,— решили приходившие.

— Жениться? — спрашивал я.

— Пропосит шаланду,— подмигивал Леша, и я не женился.

Принять предложение опального академика Эп и уйти, как партизан, в лес? Уехать в Ленинград на Новый год? Плунуть па все и закатиться с японочкой на Чукотку? Начать новый журнал? Мой ангел-хранитель был в курсе всех моих дел.

Он сидел у меня на плече, когда произошла авария. Мы с ним получили одинаковую дозу. Его друзья-воробьи после взрыва разучились прыгать и все передохли, но Леше все было нипочем, хотя он тоже долго болел — из голубого сделался ярко-синим и стал шепелявить. Он садился на подоконник, стучал клювом в окно реанимационного отделения и произносил волшебную фразу:

— По рыбам, по жвеждам проношит шаланду, три грека в Одешу вежут контрабанду.

Потом он лежал со мной в клинике и восемнадцать раз улетал на похороны моих сотрудников. Потом воспитывал Татьяну. Потом состарился, но жил еще очень долго.

Как он жил, как он жил!

Он ни за что не хотел умирать, тянул из последних сил и перевыполнил норму, отпущенную природой волнистым попугайчиком, раз в пять или шесть. В конце жизни он ослеп, сдурел, из синего сделался желтым, потом белым; облысел, хвост облез, потом выпали все перышки, и Леша превратился в голенького пульсирующего цыпленочка. Голоса зверей он позабыл, волшебную фразу не произносил, а когда чувствовал присутствие посторонних (в особенности врачей), от зло-

сти стрелял в них из пагана, выпуская ровно семь пуль: «Трах-тах-тах-тах-тах-тах-тах...»

В те дни, когда я пробивал «Науку и мысль», Леша сидел в блюдецке с рассолом, ел огурец и умер после того, как я прочитал ему разрешение Госкомиздата, одобрительно прошептав на прощанье:

— В Одешу...

И, шепелявя, отправился в последний путь по рыбам, по звездам... надеюсь, обратно в Одессу, к своему прежнему хозяину Птицелову.

Пост сдал.

Кто теперь вместо Леша охраняет мою душу?

Похоже, одна из тех худых ворон, которые живут на проспекте имени академика Эн. Одна из этих дьявольских птиц только делает вид, что клюет что-то на льду около моего дома, а сама присматривает за мной одним глазом. Вороны живут долго; возможно, именно эта ворона так же смотрела на князя, предположим, Игоря...

Пост сдал, пост принял.

Глава двадцать девятая

С тех пор меня преследуют медики. Татьяна гонит их в дверь, они лезут на балкон. Они давно замучили Владика и чету Чернолуцких, но телекинез, телепатия и ясновидение их уже не интересуют. Им нужен Я. Нехитрая логика случайного эксперимента с Лешей подсказывает им, что... вот именно. Они сравнивают меня с попугаем и, по аналогии умножая 75 (средний человеческий возраст) на 6 (Лешино перевыполнение природной программы), получают 450 лет моей предполагаемой жизнедеятельности.

Глупцы. Они думают, что мой организм заиклился на долголетие. Они собираются еще 350 лет наблюдать за тем, как я буду слепнуть, дуреть, желтеть и превращаться в какую-нибудь дрожащую тварь, в какого-нибудь дреопитека с красными свисающими ягодицами. Они думают, что у меня, возможно, вырастет хвостик. Иметь дело с любыми врачами — безумие, и я доверяю щупать себя только прекрасной Чию-Чию-сан с острова Хонсю, мутантке из Нагасаки в третьем колене, когда она иногда приезжает в Кузьминки. Она не корчит из себя врача, а просто ведет скрупулезное досье на всех

живых и мертвых на Земле, кого когда-нибудь шарахнуло радиацией по генам. Она одна знает, что я не простой смертный.

А кто сказал, что я простой смертный? Я, который обманул самого... Пардон, я, который пытается обмануть САМОГО и делает это пока успешно.

Но об этом — молчок!

Так что Леонард Христианович зря старается — до моей души ему все равно не добраться. Он так хорошо заигнотизировал меня, что я не могу пошевелить пальцем, зато вижу сквозь стены, читаю его мысли и, вообще, знаю все, что происходит вокруг — а он вместо моей души видит сплошное засвеченное пятно. Так я согласен лечиться. Так я даже люблю лечиться — когда вижу врача пассивно.

О чем же думает Леонард Христианович?

Он мечтает быть рядом со мной в мою последнюю минуту, наблюдать за последним вздохом. Чтобы я с умоляющей надеждой смотрел на него, а он, показывая на меня пальцем, сказал бы громко, чтобы все услышали:

— По вине этого человека много лет назад было закрыто и продано за границу целое фундаментальное направление в отечественной биологии!

— Как продано?! — ужаснулись бы все присутствующие этому политическому обвинению.

— За японский сервиз и зонтик! — ответил бы Гланц, имея в виду мою связь с япончочкой.

— Это правда?! — спросили бы меня. — Покайтесь перед смертью, Юрий Васильевич!

— Во я вам буду каяться! — прошептал бы я, не в силах скрутить пальцами соответствующую фигуру.

И тогда Леонард Христианович вышел бы на бетонный пустырь, задрал бы палец в небо параллельно трубе треснувшего кузьминкинского реактора и выдал бы мне посмертную характеристику:

— Этот человек навредил в биологии больше, чем сам академик Эл!

И чтобы с этой характеристикой дьяволы, похожие на двух сапитаров, потащили меня к своему Хозяину...

Но в последний момент Гланц сжалится, вылечит меня наложением рук, а я, поднявшись со смертного одра, с благодарностью произнесу:

— Приношу вам свои извинения, Леонард Христианович! Спасая меня от смерти, вы доказали, что я был не прав,

препятствуя развитию вашего фундаментального направления. Возвращайтесь из «скорой помощи» в большую науку и просите у меня все, что нужно для своих парапсихологических исследований: деньги, сотрудников, аппаратуру, трехкомнатную квартиру. А насчет той японочки... Я раскаиваюсь, порываю с ней всякие международные отношения и отдаюсь в руки отечественной медицины.

Но я, конечно, шучу. Леонард Христианович так не думает. Он что-то пишет за административным столом царицы Тамары. Сегодня у него богатый улов, есть кого лечить: два милиционера в шоке, Оля Белкин в первом возбуждении, но, главное, — Я. Со мной Глац автоматически становится героем Минздрава. Пусть пишет побольше, а я пока проведу реконгносцировку неприятеля. Санитары собирают чемоданы и мечтают хотя бы одним глазком взглянуть на «Звездные войны». Они пока не представляют опасности. Космонавт и Андрей Иванович уединились наверху в баре, попивают припасенное для благотворителей бесплатное пиво и рассуждают о том, что пора бы запустить в космос токарный станок. Эти опасны, но они далеко. Татьяна с царицей Тамарой курят в вестибюле. У них там очередной заговор.

Толпа мотоциклистов давно запущена в зал. Перед ними выступает известный писатель-фантаст, кинокритик и доктор медицины Степаняк-Еписейский, член добровольных обществ защиты детей, животных, культуры и прочая, и прочая. Решено, что сегодня благотворительный вечер состоится в усеченном виде: покажут четыре серии «Звездных войн» без наших ученых лекций по причине попадания благотворителей под шаровую молнию. Мотоциклистам того и надобно, но фильм все не начинается. Степаняк-Еписейский разъясняет лютикам-фантикам, как уберечься от растлевающего влияния американской кинопродукции. (Надо полагать, при просмотре натянуть на голову отечественные предохранители.) Лютики пока снисходительно слушают. Его фамилия им знакома, и хотя зубы он им не лечил, зато они не читали его трилогию.

Но это — пока. Скоро Степаняк-Еписейский им надоест, и они начнут разносить зал.

За окнами уже темно, но луна еще не вышла из-за угла. Наверно, пока я здесь спал, прошел целый мертвый час, а два мертвых часа днем — это гарантированная бессонница до утра.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает Леонард Христианович, не отрываясь от бумаг.

— Ничего, полегчало. Помолодел.

— Странно, как это вы поддались гипнозу? Что вы на меня так смотрите?

Читать его мысли несложно, но если Глацц в самом деле читает мои, то пусть позовет сюда ученую царицу этого дома. Я ей должен кое-что сказать...

Не зовет. Сидит, пишет.

Где же его хваленое ясновидение? Он даже не предвидит, что произойдет через десять минут.

Леонард Христианович моложав, хотя ему под пятьдесят. На дьявола не похож... Куда ему! Это его послевоенное поколение ударило в фантастику и падало ночью с голубятен, наблюдая первый искусственный спутник Земли. Это странное, задумчивое, молчащее, наблюдающее поколение, уставшее от обещаний и вранья. Следующие уже горлохваты, вроде Дроздова и Белкина. А у Леонарда Христиановича на лице застыло тихое обиженное недоумение: как же так — дельфины так и не заговорили, Тунгусский метеорит не нашли, снежного человека не поймали, на Марсе яблони не зацвели, летающие тарелки перед домом не сели... А так хотелось!

В общем, Леонард Христианович у нас «неудачник». Однажды это слово было произнесено с высокой трибуны в том смысле, что при развитом социализме могут существовать отдельные неудачники. Слова, сказанные на таком уровне, поднимаются до философских категорий, но термин «неудачник» нам так и не потрудились объяснить. Сочинять же новые слова я не умею, а объяснять старые — последнее дело. Неудачник — и все. Существуют так существуют. Леонард Христианович один из них. Ему самую малость не хватило чувства юмора, чтобы его душа смогла совершить качественный скачок, выйти из детства и эволюционировать в хомо сапиенса сапиенса — тогда у него в жизни все получилось бы, а детские мечты остались бы мечтами. Он не вышел из детства и продолжает галлюцинировать на ходу, потому что дети не умеют смеяться над собой. Самоирония, как зуб мудрости, проявляется годам к восемнадцати как защитная оболочка души от суровых условий существования. А если не появится — беда!

Беда! В Бога они не верят, потому что в детстве им сказали, что Бога нет, но их сжигает такое желание «научнообъяс-

нимых» чудес, что все они какие-то не в себе... Нет, нет, они талантливы, учены, работоспособны и вообще хорошие ребята, но, черт их знает, им выпнь да положь снежного человека или внеземного пришельца. Если сказать таким людям, что над Тунгусской взорвался внеземной космический корабль, то они задумаются на всю жизнь и у них произойдет несварение мозгов.

В них дьявол сидит и толкает на благоглупости. Возможно, наиболее сумасшедшим из них все же следует выделять трехкомнатные лаборатории?

Глава тридцатая

Пока я разглядываю Леонарда Христиановича, Татьяна с царицей Тамарой закурили по второй сигаретке и оживленно беседуют. На сцене у Степаняка-Енисейского продолжается словесный понос. Если бы я выступал перед мотоциклистами (а их надо воспитывать, иначе всем нам — кранты!), то сказал бы им так:

«Ребята, следите за регламентом и оборвите меня двупалым свистом, в бабушку и в Бога душу мать, если я не уложусь в пять минут. Вообще, обрывайте говорунов. Пять минут им на выступление, а потом — в шею! Никому не давайте себя обманывать, не давайте вешать лапшу на уши и заговаривать себе зубы, потому что зубы потом болят еще больше. Теперь самое главное: знаете ли вы, что человек отличается от животного чувством юмора? Духовно эволюция работает именно в этом направлении. Вот все, что я хотел вам сказать. Это важно. Подумайте над этим. Сколько времени прошло? Ровно одна минута. Я уложился в регламент. Спасибо за внимание».

Они мне аплодировали бы.

Интересно, о чем могут говорить между собой эти пепельницы? Знакомы они давно, но только сейчас нашли общий язык... Ох, этот альянс меня настораживает!

Мой голубой воздушный шарик бросает наблюдение за Леонардом Христиановичем и улетает в вестибюль подслушивать... Понятно. Они говорят о женихах.

— Ты когда замуж выйдешь, старая вешалка? — вопрошает Татьяна. — Пора о душе подумать.

— Наверно, осенью, — вздыхает царица Тамара. — Мужика уже приглядела, но его надо брать. Леня. Лето еще погуляю. А ты?

— Завтра.

— Шутишь?

— Нет. Обещала деду.

— Блеск! В первый раз в первый загс! Кто же этот несчастный? Дроздов?

— Импотент, спился,— отмахивается Татьяна.

— Бедняжка... Никогда бы не подумала. Кто же?

— Еще не знаю. Давай решать.

— Где? Здесь?

— Да. Сейчас.

— Шутишь! — восхищается царица Тамара.

— Не шучу. Кого посоветуешь?

— Выходи за токаря Тропко Андрея Ивановича. Ничего мужик. К нему в ЦК прислушиваются.

— Сама за гегемона выходи. Он с тебя стружку снимет.

— Это точно,— вздыхает царица.

— Владислав Николаевич меня десять лет добивается,— раздумчиво произносит Татьяна.

— Нет! Не пужей тебе бессмертник, у тебя дед есть. Владика оставь мне. Владик мой, но он еще ничего не знает. К осени его окручу. Буду не блядью, а женой академика.

— Я тебе помогу! — загорается Татьяна.— Он меня слушается.

— Сама справлюсь, только не мешай.

«Ага,— думаю.— Значит, Владик уже пристроен».

— Есть! — вскрикивает царица Тамара.— Нашла тебе жениха! Выходи, Танюха, за марсианина!

— За какого марсианина? — не понимает Татьяна, хотя я сразу понял.

— За Космонавта! Разведенный он. Да нет, с этим делом у него все в порядке, а с женой он разошелся еще до Марса, но развод не оформил, потому что для Марса пужна чистая анкета. А с Марса вернулся весь из себя задумчивый... Его надо развеселить. Ну, задумался парень, бывает. Расшевелить надо. Первый жених в стране! Все точно известно. Без квартиры, не устроен, жрет в столовках, ездит в автобусах... Все бабы перед ним в штабелях, а ты? Бери его к деду, будет у вас жить. Я бы сама за него, но это не мой размер. Не мое. Сделаем так... Ты его завтра в Гагры! Я тебе даю напрокат свой французский купальник — не купальник, а два шнурка, из него все вылезает. Выйдешь на пляж, он вмиг про Марс забудет!

— Какой пляж зимой?

— Да, верно... зима. Делаем так... Блеск! Ты его в Домбай на горные лыжи! Солнце, снег, а ты на лыжах в моем купальнике! Катишь, значит, с горы, он за тобой. Ты падаешь в снег...

— Какой Домбай... Бред все это.

— Да. Бред. Значит, так... Троцько на завтра заказал парную. Они с Космонавтом собрались париться. С пивом. Делаем блеск и пицету куртизанок! Все просто, и ни один мужик не выдержит. Делаем так... Я им спутаю время. Топим баньку. Я топлю, ты готовишься. Приезжает Космонавт в охотничий домик, а ты его встречаешь с веником, с пивом и в моем купальнике. Он, конечно, обалдевает, а ты объясняешь, что у нас в Кузьминках все, как в Европах. И паришь его. А потом он тебя...— следует неприличный жест.— И все.

— А Троцько куда деть? — обалдевает Татьяна.— Потом и Троцько придет. Его тоже парить?

— Это моя забота. Андрея Ивановича я беру на себя. Ты отдаешь мне купальник, приезжает Андрей Иванович, я его парю, а он спинает с меня стружку. Тут и думать нечего. Решили! Идем!

Татьяна с царицей гасят окурки и входят в кабинет. Успевая заметить, что Леонард Христианович по уши в царицу влюблен и жутко рефлексит в ее присутствии — члены отнимаются и на лице пятна. Представляю, что может делать с мужиками одна такая красивая стерва в небольшом академическом городке. И еще как делает! Две стервы здесь не уживутся. Две стервы на один городок — это стихийное бедствие, как два встречных циклона, создающие ураган. Пусть одна живет в Кузьминках, а другая в Печенежках — тогда полный порядок. Ишь, что задумали: окрутить марсианина!

— Тебе плохо, дед? — настороженно спрашивает Татьяна.

— Нет, мне хорошо. Как после парной.

Татьяна чувствует, что я каким-то образом подслушал их разговор. «Откуда ты все знаешь, дед?» — любит спрашивать она. «От верблюда», — люблю отвечать я.

Сейчас я сделаю доброе дело и покажу им эту царицу, как она есть, во всей красе и в обнаженном виде.

— Мадам,— говорю я.— Извините, что я разлегся в трусах в вашем кабинете.

— Ничего, Юрий Васильевич, милости просим! Я здесь и не такие трусы видывала,— смеется царица Тамара.

Сейчас ты у меня заплачешь.

— Мадам,— продолжаю я.— Мне отсюда не видно... Это чей портрет после Мичурина висит?

— Где? Да это же ваш портрет, Юрий Васильевич.

— Да? Похож. А за мной кто?

— Где?.. Не знаю...

— А вы прочитайте, прочитайте... там буквами написано.

— Академик Эл,— читает царица Тамара.— Трифон Дормидонтович Эл.

— Вот теперь узнаю, узнаю... Давно не виделись. Эти портреты здесь всегда висят... в таком составе?

Царица смущается.

— Со вчерашнего дня,— хмуро объясняет Леонард Христианович, поняв, куда я гну.— Всегда висел портрет Ломоносова, а вчера к вашему приезду вытащили из подвала старые и весь день бетон долбили.

— За что же мне такая честь, мадам? — удивляюсь я.— Висеть рядом с Трифоном Дормидонтовичем я недостойн. Даже на виселице. Это великий человек... Не слышали? Вас еще на свете не было, когда он одним махом прихлопнул целое фундаментальное направление в биологии. Гонялся за мухами, а вместе с ними ненароком прихлопнул новые породы скота и хлеба. Ненароком! Ну, не великан ли? Гегемон! Слыхали про таких мушек-дрозофил? Поэты в те времена их критиковали. А вы и не знаете, милая! И «Белые одежды» не читали? Санкта симплицитас... То есть святая простота, полатыни. А еще администратор Дома ученых... Это чей Дом ученых?! — вдруг начинаю кричать я.— Мой! Я лично в него первый кирпич заложил! Я! Лично! А зачем? Чтобы здесь висел портрет этого хмыря... которого я должен был этим первым кирпичом еще тогда... когда... Снять!!! — захлебываясь, ору я.— Всех снять к чертовой матери и меня тоже! Оставить одного Ломоносова!

Царица Тамара начинает громко рыдать и выбегает из кабинета. Татьяна — за ней, сердито на меня зыркнув. Перепуганные санитары лезут на стену, снимают портрет академика Эл и поворачивают Трифона Дормидонтовича лицом к стене, чтобы я его не видел.

Справедливость восстановлена. Леонард Христианович улыбается — рот до ушей, и пятна сошли. Вот так с ними надо — в бараний рог!

Но чу! Мотоциклистам наконец-то надоел Степаняк-Енисейский. Они свистят и гонят его со сцены. Из зала доносится его последнее слово...

— Бесповатые! — выкрикивает он в зал.— Орда ханская! Русского языка не понимают!

— Катись! Надое! Сапожник! С поля! На мыло! — режут мотоциклисты.— Дашь «Звездные войны»!

Молодцы, по-моему. Но очень уж долго терпели.

«Звездные войны» начинаются.

Глава тридцать первая

Ну-с, папугав бедную женщину, начинаю одеваться и прикидываю расстановку сил. Все рассыпались по Кузьминкам кто куда... Дроздов, Ашот и Белкин закусывают в гостинице и расчерчивают пульку на оборотной стороне акта ревизии. Кто-то из наших смотрит «Звездные войны». Татьяна с заплаканной царицей отправились в бар за сигаретами, обнаружили там Космонавта с Тронько и, забыв обо мне, вертят перед ними хвостами. А Леонард Христианович отпустил санитаров в кино и решил подежурить здесь. Если будут вызовы, ему позвонят.

Так. Чувствую, что с меня временно снято наблюдение. Обо мне забыли. Этим грех не воспользоваться. Накину пиджак, пальто оставляю, и никто не подумает, что я вышел на улицу. Меня там ждут. Я с утра не могу остаться в одиночестве, чтобы ОН смог подойти и заговорить.

— Пойду отолью,— объявляю я и накидываю пиджак. Что может быть естественней этой потребности?

Мои намерения не вызывают подозрений. Я выхожу в вестибюль, по вспоминаю, что оставил паган в кармане пальто, возвращаюсь, перекладываю паган в пиджак и опять выхожу. Мне везет: швейцар покинул свой боевой пост, закрыл дверь на крюк и торчит в кинозале, отравляя одеколонным дыханием и без того спертый воздух. Я откидываю кочергу и выхожу на мороз.

Я свободен!

Полированный мрамор на ступенях Дома ученых обледенел.

Свободен-то свободен, но так недолго ноги поломать... Вокруг ни души — одни мотоциклы, «ЗИМ» и «скорая помощь». Садись и езжай, куда хочешь. Но ехать никуда не надо. ОН меня здесь пайдет. Пусть ищет, а я пока буду глядеть на Марс. Как там записано в календарном листке? Марс виден в юго-восточной части неба в созвездии Весов как звез-

да нулевой величины. В 22 часа 12 минут Луна на короткое время закроет своим диском планету. Это значит: затмение Марса.

Я потихоньку скольжу к «ЗИМу», тормозя тростью. Если по дороге упаду, уже не встану.

Где тут юго-восток?

Вон там, на конце трубы.

Календарный листок не соврал. Наверху разворачивается звездная свистопляска. Все очень красиво: молодая луна собирается скосить трубу тонким лезвием своего серпа, а Марс притаился по ту сторону трубы и молчит, выжидает. Черные небеса напоминают турецкий флаг. Если не упаду — увижу затмение Марса. Все трое какие-то ржавые, настороженные... и Луна, и труба, и Марс. Это, наверно, оттого, что на каждого из них уже ступала нога человека. На них уже наступили. Впечатление такое, что они нас боятся и не хотят иметь с нами никаких дел. Потому что у них там гармония, и все в порядке, и не существует чувства таинственного одиночества — особенно в такие вот черные ночи с мерцающими звездами. Недаром волки воют на Луну... они думают, что со дня этой прорывы на них кто-то смотрит, и проявляют таким образом свой волчий религиозный инстинкт. Молятся, значит.

Подъезжаю на подметках к «ЗИМу» и дергаю дверцу.

Закрыто.

Теперь я понимаю того невеселого людоеда-неандертальца, который первым совершил качественный скачок по превращению в хомо сапиенса сапиенса. Дело было так: пятьдесят тысяч лет назад в такую же морозную ночь он вышел по нужде из своей ледниковой пещеры, посмотрел в небо и почувствовал на себе внимательный взгляд. Его посетило чувство космического одиночества... Он чертыхнулся и придумал дьявола. А потом уже пошло-поехало — боги, гробницы, ученые.

Вот и я чувствую, что на меня кто-то смотрит...

Опять меня пасут.

Кто же?

У «ЗИМа» стоит черная фигура и смотрит на меня в упор.

ОН?

— Юрий Васильевич...— говорит фигура, приближаясь ко мне.

Не ОН. Дьяволы не носят смушковых пирожков. Это Степаняк-Енисейский подстерегает меня. Он так дождался своего часа.

— Я вам не Юрий Васильевич! — обрываю я Степаняка и сильнее дергаю дверцу. Заперта.— Откуда вы взяли, что я какой-то там Юрий Васильевич? Идите, дедушка, своей дорогой. Я вас не знаю, мы не представлены. Зачем вы весь день за мной ходите?

— Разрешите одну фразу сказать! — вдруг взвизгивает Степаняк-Енисейский и валится передо мной на колени.

— Старый дурак,— опасно бормочу я, перехожу к другой дверце и дергаю. Заперта.

— Да, дурак! — с восторгом соглашается Степаняк-Енисейский и ползет за мной по льду.— Разрешите одну фразу!

— Хоть десять, ничего не изменится. Статья подписана и отправлена в печать.

Я начинаю огибать «ЗИМ», чтобы подергать третью дверцу.

Степаняк-Енисейский ползет за мной и азартно вскрикивает:

— Нет! Статья еще не отправлена и не подписана. Вот она! — Он вытаскивает из недр тулупа свернутые в трубку листки.— Это настоящая статья, не черновик. Давно готова, не сомневайтесь! Одно прошу: немедленно подпишите и отправьте ее в печать!

— А что, занятно...— наконец удивляюсь я.— Откуда она у вас?

— Я ее неделю назад у Дроздова в карты выиграл! Для того, чтобы отдать ее вам!

Я разворачиваю свиток и читаю заглавие...

«Зубная боль Степаняка-Енисейского»... Фамилия полностью...

— Так мне, подлецу, и надо! — причитает Степаняк-Енисейский. Сейчас начнет лбом об лед поклоны бить.— Поступите со мной, как душа велит! Так и надо! Я это чистосердечно...

— Зачем это вам? Раскаялись, что ли?

— Вот именно! Раскаяние! Покаяние! Каюсь! Во всех грехах, как перед Богом!

Любопытно... Я тяну третью дверцу. Заперта.

— А я тут при чем?

— Мне пужно покаяться именно вам!

— Что я вам, поп?

— Выше! Бог!

Я дергаю четвертую дверцу... Открыта!

— А вы с ума не сошли?

— Счел бы за честь в вашем присутствии! Не закрывайте! — Степаняк-Енисейский хватается за дверцу и шепчет скороговоркой: — Я не сошел с ума, я преследую личный интерес. Я вам сейчас сообщу предварительную информацию, чтобы вас заинтриговать... Компьютер японский где, по-вашему? Моргал с Ведмедевым что задумали? Зачем Дроздов на свою статью в карты играет? С Черпозуцким что будет? Насчет вашего давнего дьявольского договора многолетней давности... заинтриговал я вас?

Заинтриговал, слов нет.

— Уделите мне один час, не пожалеете!

— Хорошо, приходите в гостиницу.

— Когда?

— После полуночи.

— О! Классическое время! — восторгается Степаняк.

— Но не больше двадцати минут.

— Полчаса! — торгуется он. — Не успею покаяться, грехов много.

— Ладно. Еще одно... Принесите справку от администратора Дома ученых.

— На предмет?

— О том, что после сеанса вы извинились перед публикой за свое вступительное слово. Вот тогда я поверю в ваше раскаяние.

— Понял! Это испытание? В виде публичного унижения? — восторгается он. — Бегу!

Степаняк-Енисейский снимает смушковый пирожок и отряхивает им колени.

Я сажусь в «ЗИМ».

Может быть, на него так циклон подействовал?

Глава тридцать вторая

В «ЗИМе» темно, безжизненно, холодно и пахнет березовым веником, оставленным здесь Тронько. Запах березы вызывает в памяти какой-то чеховский рассказ, где через тысячу лет на другой планете люди вспоминали название этих белых деревьев и не могли вспомнить... Береза, что ли? И вообще: что я здесь делаю? Зачем сюда пришел? Камо грядеши? Возможно, это очередная ловушка?

Я вылавливаю двумя пальцами из нагрудного кармана последний патрончик и заряжаю пистолет. Теперь полный порядок, я опять вооружен. Много не нужно, достаточно одного патрона, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Но где же ОН? Меня скоро хватят. Уже полночь близится... Конечно, ему помешал Степаняк-Енисейский со своим покаянием. Экое кайло!

Может быть, надо ЕГО позвать? Вернее, ПРИЗВАТЬ ЕГО?

Не знаю зачем, но я сажусь на березовый веник и призываю давя на сигнал. «ЗИМ» гудит, как трехрядная гармонь, звук разносится над Кузьминками и затухает в небесах, как в прорве. Мой призыв не слышат. Начинается марсианское затмение. Луна уже перевалила за трубу, подкрадывается к Марсу, и тот скоро исчезнет в земной тени между лунными рогами.

Я сигналию еще раз. Степаняк-Енисейский уже добрался по гололеду к Дому ученых, но, оглянувшись на мой призыв, зачастил ногами и шлепнулся на мраморные ступеньки. Павлик, вышедший покурить на пожарную площадку киномеханика, жестокосердно комментирует это падение. Павлику не жалко этого павшего ангела, Павлик бы ему еще пожму подставил.

Нет, ОН не подойдет ко мне при свидетелях...

Зато ОН, кажется, придумал нечто иное... Вдруг я чувствую, как «ЗИМ» бесшумно трогается с места и начинает скользить мимо креста «скорой помощи» и мимо выходящих из Дома ученых Андрея Ивановича с царицей Тамарой, которые оставили Татьяну наедине с марсианином. Андрей Иванович, приобняв царицу, собирается разъяснить ей, кто такой Трифон Дормидонтович Эл, из-за которого она получила взбучку от Деда, но вместо этого он спешит к охотящему Степаняку-Енисейскому, поднимает его, отряхивает и разыскивает свалившийся пирожок. Ему жалко упавшего дедушку. Если бы Андрей Иванович знал, чего в своей жизни нашибуршил этот старик, он бы его опять уронил.

Тем временем «ЗИМ» меня куда-то увозит... Это интересно!

Мы медленно начинаем скатываться с подмерзшей горки. Сейчас в «ЗИМе» темно и холодно, зато, когда он разогрится, здесь станет светло и жарко... Опять на меня покушение! Дело в том, что в самом низу этого затяжного спуска на крутом повороте расположилась последняя в моей жизни дьявольская ловушка в виде зеленой трансформаторной будки.

На ней изображен оскаленный неандертальский череп с надписью: «НЕ ВЛЕЗАЙ! УБЬЕТ!»

В эту-то будку мы в аккурат врежемся, и я без дополнительных расходов на крематорий наконец трансформируюсь в кучку обугленных останков. Мой прах выгребут из «ЗИМа», сложат в урну и похоронят (точнее, «подхоронят», как говорят могильщики) на мемориальном кладбище. А спуск Академический переименуют в спуск имени академика Невеселова в честь того, что с этой горки академик съехал, как на санках, в последний раз.

Я размышляю: может быть, выпрыгнуть на ходу?

Не смейся козу, дед. Дорога здесь не посыпана песочком.

К тому же, кроме чувства космического одиночества, некоторые люди обладают чувством собственного достоинства. Из черных «ЗИМов» не прыгают на ходу, как с трамвайных подножек. Опять же, тебя честно предупредили: «Не влезай, убьет!» В начале прошлого века, когда ты появился на свет, тебя честно предупредили, что в конце концов жизнь убьет, а ты взял и тут же расплакался.

Вспомни: тебя предупреждали?

Да. Наверно.

Тогда едь до конца и не прыгай.

Вороной «ЗИМ» все чует. Он таких людей возил, в таких передрягах бывал, что никаким «фордам» не снилось. На парады возил, на ядерные испытания, на приемы, на свадьбы, на похороны. На допросы тоже возил. Его преследовали, он догонял, в него стреляли, он отстреливался. Он давно сменил все внутренности, но еще бежит, а сейчас, как старый умный конь, чувствуя отпущенные вожжи, не спеша разгоняется мимо мемориальной арки, будто спрашивает:

— Так ли я делаю, хозяин? Ты этого хочешь? Чтобы все произошло быстро и без мучений?

— Да. И с ветерком, — отвечаю я.

— Тогда садись поудобней.

Я забрасываю березовый веник на заднее сиденье и устраиваюсь поудобней. Мы катимся с горы. Какой русский не любит быстрой езды? Я — не люблю. Мешает думать. А здесь уже не езда, а падение. Ощущения не из приятных, как в невесомости. Но умирать в сто с чем-то лет — это как удалять последний зуб: неприятно, а нужно, чтобы не отравлял весь организм. Вот именно: таких, как я, если не выпадают сами, нужно по возможности безболезненно удалять, а Степаняков-

Еписейских — рвать без пощады, как на картине того фламандца.

Но я отвлекся. Слева уже мелькает бетонная кладбищенская ограда, справа — станция «скорой помощи» (бывшая больница, где мы с Лешей лежали, — сейчас около больниц не хоронят), а сзади, сотрясая небо отборной бранью, за мной уже кто-то гонится.

Глава тридцать третья

Это Павлик решил, что мотоциклетные злоумышленники угоняют наш «ЗИМ», прервал «Звездные войны» и, кликнув на помощь Андрея Ивановича, пустился вдогонку. Пожалуй, это сильно сказано: «пустился вдогонку»... Скользко. Павлик еще кое-как держится на льду, а Андрей Иванович уже пока-тился.

Ладно, ладно, я пошутил.

Я с трудом отворачиваю руль, и «ЗИМ», неохотно пойдя юзом, зарывается мордой в колючие кусты у кладбища. Я хочу самостоятельно выбраться из «ЗИМа», но дверца с моей стороны прижата кустами. Подбежавший Павлик рвет на себя закрытую дверцу и, оторвав ручку, улетает спиной в сугроб. Хочу опустить боковые стекла, но все заклинило, даже форточки. Андрей Иванович уже подоспел. Он пытается откупорить «ЗИМ» и вызволить меня, а Павлик тяжело дышит, сплевывает в снег и с надрывом говорит обо мне в третьем лице, думая, что я его не слышу:

— Вы не знаете, Андрей Иванович, зачем он туда залез? У меня после урагана тормоза не в порядке, он бы разбился! Да меня голым в Африку сошлют, если с ним что-нибудь случится... А там СПИД! Он о людях не думает, нет! О своих соратниках он не думает! Черт со мной, но у него втучка еще не устроена в жизни... Возьмите в багажнике монтировку и оторвите дверь... Отрывайте, хрен с ней. Сгорела хата, пехай горить забор. А о журнале он подумал? Он же прекрасно знает, кого хотят назначить директором «Перспективы». О своих сотрудниках он подумал? Что с ними будет? Нет, он неправильно себя ведет. Та японочка предсказала ему четыреста лет жизни — ну и живи себе в свое удовольствие, а мы поможем как можем. А он о чем думает? Я знаю, о чем он думает... Ему, понимаешь, жить надоело. Честное слово, как дите! Ему все идут навстречу, а он что подумал?

Устами кобеля глаголет истина. Андрей Иванович слушает эту критику в мой адрес и аккуратно расклинивает монтировкой дверцу. Ему не нравится, когда меня критикуют. Он считает, что Дед все делает правильно, даже если делает наоборот. Наконец я выбираюсь из заточения и язвительно спрашиваю:

— Эй, соратник, чего замолчал? Давай выкладывай, мне интересно.

— А чего? — тушуетя Павлик.

— Кого хотят назначить директором «Перспективы»?

Павлик долго сопит, но, поняв, что проболтался, невинно произносит:

— Ну этого... Как его... Ленского.

— Какого еще Ленского?

— Ну, этого... С лошадиной фамилией... — Павлик, оказывается, читал Чехова.

— Пржевальского?

— Да нет... Приобского-Забайкальского... Забыл, как река называется. Которого вы, Андрей Иванович, только что на льду подобрали.

— Степаняка-Енисейского? — уточняю я.

— Точно.

— Степаняка — директором «Перспективы»? Да это... это же профанация! — угрюмо произносит Андрей Иванович. Он, оказывается, и такие слова знает. — Я не знал, что он тот самый Енисейский. Думал, простой старичок.

Я перевариваю это известие и не могу связать концы с концами... Кажется, меня впутывают в какую-то очередную издательскую историю. Там, где появляется этот тунгусский метеорит, время с пространством начинают идти вспять — исчезают японские компьютеры, оживают динозавры, вывешиваются старые портреты. Со скрипом приподнимается гробовая доска и выглядывает сам Трифон Дормидонтович. Обычно моя разведка действует на большую глубину и не подсовывает непроверенных данных; и потом я еще, слава Богу, отличаю разведанные от примитивных слухов — этим делом у нас занимаются все: что добудут, то и тащат в редакцию, как вороны, но Павлик среди ворон занимает особое положение, потому что информацию получает от других шоферов, а уж эти сами слышат звон, отраженный от самой высокой колокольни.

— Ты не знаешь, случаем, кто станет главным вместо меня, когда я умру?

— Почему «умрете», при чем тут «умрете»? — возмущается Павлик.

— Да, зачем такие слова? — впервые не соглашается со мной Андрей Иванович. — Вы всех нас переживете.

— Значит, меня сменят еще при жизни. Ладно, поехали куда-нибудь... Нет, постой...

К нам с горы спешит царица Тамара с какими-то важными новостями. Надо полагать, она несет мне хорошее известие и заранее виляет лисьими хвостами своей шубы, чтобы я ее погладил по спине и не сердился из-за неверно развешанных портретов. Она уже осознала свою ошибку и в следующий раз повесит меня вместо Ломоносова.

— Вам звонили и просили передать... — царица отдает мне телефонограмму и делает на льду нечто среднее между книксеном и реверансом. Фигурное катание продолжается.

— Откуда звонили? Из Академии наук? — благосклонно спрашиваю я, разыскивая очки. (Значит, я еще надеюсь, что Президент мне позвонит.)

— Нет, — пугается царица. — Из гостиницы.

Опять записка, опять на календарном листке, но теперь уже за 29 февраля:

«ПЕРЕДАЙТЕ НЕВЕСЕЛОВУ, ПУСТЬ ПОЗВОНИТ В НОВОСИБИРСК ПО ТАКОМУ-ТО ТЕЛЕФОНУ».

Сегодня все происходит, как в сонном бреду. Никак не проспую. Почему я должен звонить в Новосибирск по какому-то телефону?

Глава тридцать четвертая

Значит, договариваемся так: Андрей Иванович возвращается с царицей Тамарой в Дом ученых на «скорой помощи», которую («скорую помощь») Леонард Христианович уже услужливо подгоняет к нам вместе с моим пальто, и там он (Андрей Иванович) подменит Павлика в качестве киномеханика, а то мотоциклисты уже первичают без «Звездных войн», а Павлик отвезет меня в Новосибирск... не в Новосибирск, а в гостиницу, чтобы оттуда позвонить в Новосибирск.

Всем все ясно? Порешили. Быть тому.

С помощью царицы Тамары надеваю пальто и наблюдаю, как Павлик выводит из кустов рычащий «ЗИМ». «ЗИМ» упирается, морда у него поцарапанная. Едем вниз. «ЗИМ» трясется и источает бензиновый дух. В молчании проезжаем мимо трансформаторной будки с оскаленным черепом. Оревуар, камарад! Извини, но познакомиться с тобой накоротке я сегодня, наверно, уже не смогу — оказывается, у меня в Новосибирске дела.

— Откуда ты узнал, что директором издательства назначат Степаняка-Еписейского?

— Скажу, скажу... — усмехается Павлик. — Вы же не успокойтесь, пока не узнаете. Ведмедев в аэропорту сказал. Приехали туда после урагана, а Ведмедев и говорит: видишь того старикана? Мы в грязи, а он чистенький. Всегда так. Этот вот Забайкальский будет нашим директором. И ему, кстати, понадобится толковый шофер.

— А ты ему: наше дело кобелиное — кто наймет, того и будем возить. И подгавкивать. Лишь бы не сократили.

— За кого вы меня принимаете? — обижается Павлик. — Вы думаете, я из-за этих баб уже не человек?

О Павлике я так не думаю, но, в общем, люди, излишне увлеченные чем бы то ни было — хоть женщинами, хоть наукой, хоть марками, — сродни наркоманам и не вполне хомо сапиенсы сапиенсы. Павлика мне не дадут сократить — он не из нашего штатного расписания.

— Юрий Васильевич, давно хотел вас спросить... Но боюсь, обидитесь...

— Давай.

— Вот вы скажите... Как мужик мужику. Для меня это важно. Вы ту японочку тогда на Чукотке... это... Ну, это самое... Да или нет?

— На Чукотке — нет. Негде было. И холодно. А в поезде — да.

— Я вами горжусь. Я верил! — радуется Павлик. — Все Кузьминки рассуждают... Бессмертие без этого дела — зачем? Четыреста лет без этого дела я бы не смог.

И это выяснили.

Подъезжаем к гостинице. В ресторане оркестр наяривает «Стюардессу по имени Жанна». Там происходит свадьба: невеста в длинной фате и в пиджаке жениха выходит с подружками на перекур, и ее фотографируют на фоне чекашного герба города Кузнецка. В одной руке у этой самой Жанны

сигаретка, в другой — шлейф от платья, а над ее головой в третьей стилизованной руке — электронные орбиты. Пока невесту фотографируют, наверху дерутся. Ну, это мы умеем. Вообще Кузьминки у нас хоть и не город-герой, но тоже парень отчаянный с этими играми в мирный атом.

— Хороша Снегурочка,— облизывается Павлик.— Жаль, что беременная, а то бы увел.

— А ты откуда знаешь, что беременная?

— Глаз-алмаз.

Павлик загоняет «ЗИМ» между вертолетом и автобусом, открывает форточку и бесцеремонно разглядывает беременную Снегурочку. А я готовлюсь к очередному испытанию: в гостинице с прошлой пятилетки установлены электронные двери — как только ступишь на крыльцо, они разъезжаются перед самым носом и терпеливо ждут, пока ты пройдешь в вестибюль. Я всякий раз вздрагиваю и не могу привыкнуть... Боюсь, что однажды эта подхалимажная механика нарочно не сработает и прихлопнет меня в створе ворот. Подхалимы — они такие. На лифтах я тоже не люблю разъезжать, а уж на эскалатор в метро меня не заманишь — это все потенциальные ловушки.

Но на этот раз я благополучно вхожу.

Незнакомая дежурная дама за стойкой откладывает вязанье синего носка и подозрительно обзирает меня. Новенькая. Строгонькая. Не знает, кто я такой. На ее электронном табло мест нет, а в гостинице уже пахнет жареной рыбой и луком — Дроздов с Ашотом закусывают, а Белкин никак не может найти сверток с котлетами, который остался в Печенежках. Эти запахи теперь будут преследовать меня всю оставшуюся жизнь. Еще лет триста... Это очень-очень долго.

— Вы здесь что-нибудь забыли, дедушка? — вежливо спрашивает дежурная дама.

Она, конечно, осведомлена, что в гостинице поселились журналисты, космонавты и академики, и сейчас прикидывает, на кого из этих деятелей я похож. Интересно, похож ли я с точки зрения этого синего чулка на академика? Или она принимает меня за безработного швейцара-луддита, который примется сейчас крушить электронные двери?

Что же я здесь забыл? Надо вспомнить.

Вспомнил: я должен позвонить в Новосибирск.

Я выкладываю перед синим чулком календарный листок с телефонограммой, которую она же приняла и передала в

Дом ученых. Теперь она знает, кто я такой. Она разыскивает код Новосибирска и набирает номер.

— С вами будет говорить академик Невеселов,— произносит она таким голосом, будто звонит из кремлевского кабинета самого товарища Сталина и в Новосибирске сейчас все должны обделаться и не жить.

Но из трубки через полстраны ей громко отвечают:

— А на кой ляд он мне нужен? Я же русским языком просил: Не-ве-се-ло-ву! Его внучку-секретаршу! Ладно, давайте академика...

Синий чулок в растерянности передает трубку мне.

— С кем имею честь? — не очень сердито спрашиваю я, чтобы случайно не спугнуть в Новосибирске возможного Ташкиного жениха.

— А ты угадай,— отвечает голос Президента.

— А, это ты.— Я немного разочарован, хотя весь день ожидаю его звонка.— Как ты меня нашел?

— Мне нашли. Сказали, что Юрий Васильевич разыскивает своего президента. Чего тебе надобно, старче, в столь поздний час?

Мне надобно, отвечаю я, чтобы президент немедленно позвонил Моргалу и разъяснил, что за свой перевернутый портрет не имеет к издательству никаких претензий.

Вижу, как синий чулок, догадавшись, с кем я говорю, начинает линять и голубеть.

— Юра, у нас здесь два часа ночи,— зевает Президент и чешет в новосибирском академгородке свой живот (в трубке все слышно).

— А у нас десять вечера.

— Ну, это одно и то же. Все равно Моргала сейчас в издательстве нет. Вообще, ему будет много чести. Но не в том дело... Не перебивай... Помнишь, я всегда предупреждал, когда тебя собирались бить...

— Меня никогда не били!

— Ты не прав. Тебя били всю жизнь, но ты не замечал. С тебя все, как с гуся. Значит, всегда получали по морде те, кто рядом с тобой. Возле тебя стоять опасно!

— Это я уже слышал. Ты давай конкретно!

— Хорошо, конкретно. Почему Владик еще не в Москве? Он как раз стоял тогда около тебя.

— А что с ним? Плохо? Опять? — пугаюсь я.

— Очень плохо. А ты о каких-то перевернутых портретах. Немедленно отправь его самолетом. Быстро!

— Понял. Хватит об этом.

— Ладно, давай о другом. Так вот... раньше тебя пытались бить, но потом это всем надоело. Сейчас тебя не только не бьют, а наоборот: награждают и просят, чтобы ты делал, что хочешь. Разве ты еще не догадался? Кому бы еще такой журнал разрешили? Объявляю тебе официально: делай, что хочешь.

— Это как?

— Ну что ты хочешь в данный момент? Спать? Иди спать.

— Хочу, чтобы Моргал не преследовал Чернолуцкого.

— А он преследует? Из-за моего портрета? Дурак. Хочешь Моргала сиять? Спимай. Давно пора. Тут на него такие телеги!.. Будто у него за шкафом потайной кабинет, где сам первоиздатель Лыкин от жены любовниц прятал. А в том кабинете чего только нет! Например, где, думаешь, находится твой персональный японский компьютер?

— Чей?

— Твой. Личный, персональный. Который твоя японочка с острова Хонсю послала тебе в подарок за то, что ты ее...— Президент делает паузу.

— Что «ее»?

— За то, что ты ее согласился взять в лечащие врачи,— смеется Президент.— А Моргал этот компьютер зажил — будто бы для нужд издательства. Понял? А некий Ведмедев на него телегу. Мне. А за мой перевернутый портрет некий Степаняк на Моргала телегу в ЦК. Сейчас разбираются... Хочешь на его место сесть? Садись. В самом деле, почему бы тебе не сделаться директором «Перспективы»? Чего ты еще хочешь? Любое твоё желание. Хочешь на мое место? Пожалуйста. Телегу писать не надо, сам уйду. Делай, что хочешь. Что мы все о делах? Ты мне лучше вот что скажи... Как мужик мужику... Ты все-таки ту японочку... это... ну, это самое...

— Александр,— наставительно отвечаю я.— Ты же мальчик из интеллигентной семьи, а еще не научился называть вещи своими именами...

И я, пристально глядя на синюю даму, произношу глагол, который в русском языке точно обозначает то действие, которое имеет в виду Президент. Это, конечно, хулиганство. Наверно, я все-таки впал в детство, но я не могу удержаться, чтобы не провести мимоходом этот эксперимент и понаблю-

дать смену спектра на лице строгой дамы. Грешен, люблю вгонять в краску синие чулки!

— Я так и думал! — одобряет меня Президент. — Иначе, зачем бы она дарила тебе персональный компьютер за двенадцать тысяч долларов? Молодец! Значит, жив-здоров. Делай, что хочешь, только будь жив-здоров! Это самое главное.

— Спасибо, Александр! Умер-шмумер, лишь бы был здоров!

Я кладу трубку и выхожу из гостиницы, чувствуя на себе восхищенный взгляд синего чулка.

Глава тридцать пятая

Пока я говорил с Президентом, закончилось затмение Марса, напозли тучи, пошел снег, а у «ЗИМа» пазрел скандал: Павлика скоро начнут бить друзья жениха за то, что он уже успел выпросить у невесты белую гвоздичку и, развалясь в «ЗИМе», уговаривает ее прокатиться по Кузьминкам. Невеста что-то благосклонно отвечает Павлику в форточку, подружки хихикают в отдалении, а фотограф побежал в ресторан за подкреплением.

— Поехали!

Оревуар, красавица! Твоя гвоздика украшает передо мной ветровое стекло. Пьяные друзья выводят под руки из ресторана подобного себе жениха в одной рубашке (на нем, естественно, есть и штаны, но так уж говорится: «в одной рубашке»). Но мы уже далеко, нас уже не догнать.

— Ну и мужик ей достался... Пьянь болотная, — говорит Павлик.

— Зачем же она за него выходит?

— По расчету. Во-первых, он ее любит. Во-вторых, засиделась в девках. В-третьих, беременная от другого, а жениху объявила, что от него.

— Да ты откуда знаешь? — поражаюсь я.

— Сама рассказала. Как на духу, за три минуты. Они любят мне рассказывать, у меня лицо душевное. Наверно, думают, что я грехи отпускаю.

— Тут целая драма, а ты с юморком...

— Может, драма, может, нет... — вздыхает Павлик. — Обычное дело. А моя что вытворяла? Все они... Возьмем, к примеру, вашу внучку...

— Заткнись.

— Извините.

Валит снег. Белая гвоздика поникла на ветровом стекле, как большая снежинка. Мы опять проезжаем мимо трансформаторной будки. От нее наверх к Дому ученых тянутся пушистые заснеженные провода. Я подмигиваю оскаленному черепу: что, взял?

— Ехать-то куда? — уточняет Павлик.

— На кладбище.

Он думает, что я шучу. Он думает, что мы возвращаемся в Дом ученых досматривать «Звездные войны».

— Весь день слышу: «Трифон Дормидонтович да Трифон Дормидонтович...», а кто такой этот Трифон Дормидонтович? — спрашивает он.

— Ты лучше смотри на дорогу и не думай о всякой чепухе, а то куда-нибудь врежемся.

«ЗИМ» буксует и тяжело взбирается на подъем, гвоздика бьется о лобовое стекло, как птичка.

— Останови здесь, — команду я, когда мы проезжаем мимо мемориальной арки.

Павлик не понимает.

— Останови, я скоро вернусь. — Я вылезаю из машины и выдергиваю гвоздичку из-под правого дворника. — А насчет Трифона Дормидонтовича спроси у Чернолуцкого. Это был его лучший друг. Спроси, он тебе расскажет.

— Куда вы, Юрий Васильевич?! — кричит Павлик. — При чем тут Трифон Дормидонтович? Это же кладбище!

— Оно мне и пужно, — бурчу я. — Ты не кричи, не кричи... Тут все спят, разбудишь.

Я направляюсь к арке. Свежий снежок хрустит под ногами. Ночью ворота заперты, зато калитка открыта, а за калиткой начинается такая темнотища, хоть глаз выколи. Но идти мне недалеко, привычно, моя могила находится прямо у входа, найду на ощупь.

Калитка скрипит, а Павлик, чертыхаясь, ищет в «ЗИМе» карманный фонарик. Находит и устремляется за мной. Зря он так за меня беспокоится — в моем возрасте на кладбище не страшно. Тем более что у моей могилы кто-то стоит и освещает плиту лучом фонарика. В луче мечутся снежинки и не могут из него выскочить. Кого это сюда занесло?

Мне в самом деле не страшно, но хорошо, что Павлик рядом. Он освещает лицо этого человека, а тот в ответ освеща-

ет нас. Лучи скрещиваются. Свет бьет в глаза, но я успеваю заметить у оградки еще две тени.

— Все понятно? — спрашиваю я Павлика.— Садись в машину, мы скоро. Фонарик оставь.

Успокоенный Павлик возвращается к «ЗИМу», а я с лучом света в руке подхожу к оградке. Вот могила. Плита. На плите — корзина живых роз. Нет, я помнил, помнил, что завтра у моей жены день рождения, но я не догадался, дурак, для кого Владик купил розы.

Я вхожу за оградку, кладу в корзину к розам белую гвоздику и выхожу. Мы молчим и светим фонариками на цветы. Их заносит снегом. О чем нам говорить, если мы видим друг друга насквозь и думаем об одном и том же, хотя я сейчас ни о чем не думаю, и потому Софья Сергеевна не может прочитать мои мысли. Владислав Николаевич подправляет взглядом цветы, Михалфедотыч уже успел сделать моментальный рентгеновский снимок и с неудовольствием обнаружил в моем боковом кармане паган с одним патрончиком, а Софья Сергеевна вызывает меня на обмен мыслями:

«О чем вы думаете, Юрий Васильевич?»

Ни о чем не думать не получается.

«Нас всех здесь подхоропят,— думаю я какую-то ерунду специально для Софы.— Кстати, слова «подхоропить» в словаре нет. Я проверял. Оно должно бы стоять между «подхомутиком» и «подхорунжим»... эти слова уже никому не нужны. Зато после «подхорунжего» следует странное слово «подцветить». Наверно, оно означает то, что я только что сделал: подложил на могилку к розам одинокую белую гвоздичку».

«Подцветили то есть,— соглашается Софья Сергеевна.— О чем вы говорили с Президентом?»

«Не беспокойся, все хорошо. Мишу назначают директором «Перспективы» вместо Моргала».

«Моргал моргал и проморгал,— злорадствует Софья Сергеевна.— Но Миша не захочет».

«Почему не захочу? — вступает в наши раздумья Михалфедотыч.— Может, и захочу».

«Владiku пора на аэродром»,— думаю я, хотя об этом сейчас лучше не думать.

«Ничего, думайте,— отвечает Владислав Николаевич.— Мы попрощаемся у гостиницы, и Павлик отвезет меня к самолету. А вы живите. И чтоб без фокусов!»

«Верно! — Михаил Федотович переводит размышления на другую тему.— Зачем вам паган да еще с одним патроном?»

«Ребята,— отвечаю я.— Мне надоело играть в эту игру. Она затянулась. Неужели вы в самом деле думаете, что я бессмертный? Вам тоже чудеса подавай? Чуда захотелось? Вам тоже нужны эти мифы Древней Греции?»

«Ну, не бессмертны, но долголетни... Ваш попугай...»

«Что «попугай»? — возмущаюсь я.— Пусть попугай, но я больше не могу! Еще триста лет здесь ползать... Нет, не хочу».

«Мы не имеем права решать,— пытается вразумить меня Владислав Николаевич.— Мы всего лишь четыре подопытных кролика. Это будет большой грех, если мы самовольно уйдем».

«А вы что думаете?»

«Я — как Софа»,— уклоняется Михаил Федотович.

«Я бы на вашем месте еще пожила. Но я понимаю... это жутко».

«Какие еще мнения?»

Но мысли у всех смешались, потому что с горы мимо кладбища, раздувая метель, с тапковым грохотом и с зажженными фарами проносятся колонна мотоциклистов. За ними опасно катит милицейский паряд и пытается образумить этих дьяволов из громкоговорителя:

— Граждане, да ведь люди же ж спят!

Значит, «Звездные войны» благополучно завершились и возбужденные крекеры, подняв с постелей спящие Кузьминки, сейчас отправляются через водохранилище будить Печенежки, а потом по инерции вырвутся на оперативный простор Среднерусской возвышенности — но будут остановлены спецпазом у железнодорожного переезда. Это нетрудно предвидеть — там гиблое место для соловьев-разбойников. Будут проколоты шины у двух передовых мотоциклов, разбиты четыре фары, семерых крекеров загребут в печенежкинскую каталажку, утром вызовут их родителей, а те в свое оправдание объявят «Звездные войны» идеологически вредным фильмом.

Опять тихо валит снег. Можно считать, что совет старейшин нашего учреждения состоялся, и теперь кто-то должен нарушить молчание.

— Тебе пора,— напоминаю я Владиславу Николаевичу.— Павлик подкинет тебя к самолету.

«Вы бы уступили мне свой паган»,— думает Владик.

Я делаю вид, что не улавливаю...

— Да, пора,— соглашается он.

Мы уходим отсюда, света фонариками. Я с Владиславом Николаевичем впереди, под ручку. Здесь до кладбища располагался парк с дорожками и летний кинотеатр со скамейками. Никаких заборов, кино бесплатно! Здесь все любили гулять, а Владислав Николаевич после лермонтовской гауптвахты чувствовал себя как на курорте. Он ходил дурак-дураком в дырявых сандалиях на босу ногу, в спортивных шароварах и в гимнастерке без ремня, подцепив на питке к военной пуговице воздушный шарик, и вызывал испуг у нашего особиста Луки Феодосьевича, который направлен был к нам разоблачать дьяволов и охотиться на ведьм... Но, поняв однажды, чем мы тут занимаемся, Лука Феодосьевич сделал самое простое и самое умное, что было в его власти: оббил дверь своего отдела кровельным железом, запер ее на три замка — врезной, сигнальный и амбарный — и самоустранился от всякой потусторонней деятельности с речкой на удочке.

Конечно, наоборот: с удочкой на речке.

Это был Поступок по тем временам. Мы оценили его. Лука Феодосьевич честно исполнял свой долг сотрудника комитета глубинного бурения — он не мешал нам. Он оказался настоящим человеком, homo sapiensом sapiensом. К сожалению, ему тоже не повезло — его могилка со стандартной гранитной плитой находится тоже здесь, среди восемнадцати.

«Лука Феодосьевич был порядочным человеком, — мысленно подтверждает Софья Сергеевна. — А вот вы с поисками своего дьявола перебрали. Весь день думаете черт знает о чем».

«Софа, не произноси этих слов».

«Ладно, молчу».

Мы выходим с кладбища и усаживаемся в «ЗИМ». Одинокий мотоциклист, как гусь, отбившийся от стаи, с ревом догоняет своих. Не гусь, пожалуй, а козел. Павлик плюет ему вслед через форточку и заводит «ЗИМ».

Не заводится.

Хорошо поговорили, хотя ничего не сказали. Зато теперь я точно знаю, что должен делать, чтобы провести ЕГО... Но об этом пока молчок! Об этом даже думать нельзя.

Завелись и поехали.

О чем же мне можно думать по дороге в гостиницу? Моргал, конечно, не дьявол и мне не соперник. Война закончилась его поражением, не успев развернуться. Так, не война, а дос-

тоевщина — приграничная стычка с каким-то Ведмемедевым. И сокращать никого не надо. Без потерь, значит. Тогда, может быть, в самом деле, если уж мне все дозволено, назначить Михаила Федотовича вместо Моргала директором «Перспективы»? А Олю Белкина своим заместителем вместо Михаила Федотовича? Или кого?

Что-то я не к добру расхаживался.

«А что? — телепатирует Софья Сергеевна, трясая на заднем сиденье «ЗИМа». — Захватывайте издательство, берите власть в свои руки».

«Там работы на триста лет».

«Как раз для вас. А Миша был бы хорошим директором. Он бы эту «Перспективу» паладил в три дня».

«Интересно: как?» — удивляется Михаил Федотович.

«Молча. В первый день ты походил бы по коридорам и позаглядывал в кабинеты. Во второй день ты бы их всех увольнял. Ни слова не произнося. А в третий день написал бы заявление по собственному желанию».

Надо сказать, что Софья Сергеевна принадлежит у нас к той злорадной породе прокурорских редакционных дам, которые генетически напрямую происходят от пугилисток позанрошлого века. У нее так развито чувство справедливости, что в те времена она, не сомневаюсь, швырнула бы бомбу в царя. Ее замашки даже меня иногда ввергают в состояние невесомости. И смех и грех... Недавно она вогнула в столбняк самого Моргала, когда тот, согнав всех сотрудников «Науки и мысли» (кроме меня, разумеется) в издательскую типографию, заставил их исправлять политическую ошибку какого-то пьяного типографского стрелочника: выдирать из журнала портрет Президента, поворачивать его на сто восемьдесят градусов и вклеивать обратно — и так пятьсот тысяч страниц, весь январский тираж. В обеденный перерыв эти политкаторжане понуро брели в издательский буфет жевать холодные пирожки с мокрым рисом и запивать их кофейной бурдой из граненых стаканов, размешивая сахар привязанной на шнурке чайной ложечкой, — но однажды, когда сам Моргал, подмигнув смазливой буфетчице, бесцеремонно полез без очереди за бутылкой минеральной воды, Софья Сергеевна не выдержала, тронула его за плечо и доверительно предупредила:

«Не пейте эту воду, товарищ директор. Я, например, брезгую».

«Почему?» — испугался этот чистоплюй, запиравшийся с этой самой буфетчицей в потайном кабинете первоиздателя

Лыкина и, запустив левую руку ей под юбку, правой набирал номер телефона нашей редакции и, охраняя нравственность «Перспективы», требовал у Михаила Федотовича исправлений в «чересчур вольной» статье по генетике.

«А потому, что в ней рыбы, как вы в своем кабинете», — меланхолично, но так, чтобы все услышали, ответила Софья Сергеевна, употребив то самое слово, от которого синие чулки перекрашиваются в лиловые.

И смех и грех. Представляю, как обалдел Моргал, как опе-мела очередь, и как буфетчица, глупо хихикинув, налила Софье Сергеевне настоящий двойной кофе в настоящую чашку с ручкой и с персональной ложечкой.

Такая вот у нас Софа.

Подъезжаем к гостинице. Там опять происходит какая-то суеда. Я сегодня везде поспеваю и кручусь по Кузьминкам туда-сюда, как это самое в проруби.

— Ну, не прощаемся, — говорю я Владиславу Николаевичу, и он понимает, что это «не прощаемся» сейчас лучший способ прощанья.

Софья Сергеевна целует Владика, Михаил Федотович жмет ему руку.

— Татьяне передавайте привет, — говорит Владик.

— Передам. Прилетишь в Москву — позвони. Я все равно спать не буду.

— Позвоню уж лучше из госпиталя.

Зря он произносит это слово, зря.

— Держи... Будешь там чай пить.

Я сую Владiku на счастье серебряный подстаканник и выбираюсь из «ЗИМа». Все-таки получилось прощанье.

«Вы бы лучше вместо подстаканника подарили мне паган», — телепатирует Владислав Николаевич.

— Самому нужен, — отвечаю я вслух и хлопаю дверцей.

Опять он за свое.

— Трогай! — машу я Павлику.

Но Павлик не спешит. У гостиницы под елкой опять что-то стряслось... Опять мотоциклисты, опять милиция, опять Оля Белкин оправдывается, показывая пальцем на мое окно. Сделать, что ли, Белкина своим заместителем? Конечно, с условием: пусть женится на Маришке.

Что там у меня в окне?.. Ба, да там же окна нет! Мне окно выбили! И не просто выбили, а раму вынесли! Вместо окна в моей комнате зияет черная дыра оконного проема, а

окошная рама повисла на верхушке канадской ели... Что бы это значило?

А это значит, что охота за мной не прекращалась, а я, как дурак, потерял бдительность, решил, что мне уже все дозволено, уши развесил, пазначаю своих людишек на тепленькие местечки, а сам не владею поступающей информацией и не понимаю, что здесь происходит: то ли милиция остановила мотоциклистов на этом рубеже, не давая им перерезать железную дорогу, то ли, наоборот, эти дьяволы обложили гостиницу и пытаются взять ее штурмом?

Нет, они, кажется, собрались отомстить Андрею Ивановичу за то, что он у Дома ученых дал по соплям ихнему предводителю,— они, не обращая внимания на двух милиционеров, боязливо прижимают Андрея Ивановича к елке и помахивают цепями, а он, скинув пиджак на руки царице Тамаре, закатывает рукава. К нему из гостиницы уже спешат на помощь пьяненькие Дроздов с Ашотом, а от нас — Софья Сергеевна с Михалфедотычем. Павлик хватается за монтировку.

— Сидеть! — ору я на него.— Езжай, без тебя справимся! За Владика головой отвечаешь! Посадить в самолет и ожидать, пока не улетит!

Павлик нехотя подчиняется, а я, схватив трость за обратный конец палки, азартно устремляюсь в драку, потому что без меня в драке никак нельзя, драка — дело святое.

Но, поскользнувшись...

Глава тридцать седьмая

Ах, какая была драка! Жаль, что я, поскользнувшись, так и не смог подняться и наблюдал за дракой со стороны. Какая красивая была драка в метели, освещенная мотоциклетными фарами и лучом прожектора, который телевизионщики бросили с автобусной крыши, чтобы получше снять эту драку для воскресной молодежной программы. Жаль, что я уже не смогу увидеть ее по телевизору, потому что во время этой драки наступило 29 февраля, мой последний день.

Очень жаль. Я с удовольствием посмотрел бы в видеозаписи, как взлетали над свалкой громадные кулаки Андрея Ивановича, обогленного тем, что ему растоптали веник, как Дроздову нос расквасили, и тот протрезвел, и как царицу Тамару перетянули цепью пониже спины по лисьим хвостам... Поделом им! Не хвостам, а Дроздову с царицей.

А в замедленной записи я бы еще раз взглянул, как сдали нервы у крекеров, когда на подмогу «Науке и мысли» выскочил сам марсианин, размахивая выломанными перилами от лестничного пролета гостиницы. Кто-нибудь видел генералов с перилами в уличной драке? Я — нет. Это страшно. Крекеры тоже не видели. Они не выдержали этого зрелища и побежали к мотоциклам, но там их уже встречала усиленная опергруппа милиции, подрулившая на «черном воронке». В итоге, как я и предсказывал, были проколоты шины у двух мотоциклов, разбиты четыре фары, семерых крекеров загребли, а остальные рассеялись в пространстве, как нечистая сила после шабаша.

В вестибюле гостиницы сейчас развернут временный медсанбат. Меня туда тоже вносят. Подсчитываю потери с нашей стороны: нос у Дроздова, у Ашота фонарь под глазом, оконная рама вынесена, а у Ведмедева, который в драке вообще не участвовал, почему-то перевязана голова. Да еще разбит до крови кулак у Андрея Ивановича — над ним склонилась окривевшая на один бок царица Тамара, смазывает кулак йодом и нежно на него дует, а Андрей Иванович, терпя боль, делает царице рискованнейший комплимент, которому научил его Павлик: «У вас с ней, Андрей Иванович, все будет в порядке. Вы только шепните ей на ушко с восхищением: «Ах, какой у вас шикарный станок, Тамара Григорьевна!» Но обязательно по имени-отчеству. И сами увидите, что она ответит на это».

Итак:

— Ах, какой у вас шикарный станок, Тамара Григорьевна! — боязливо произносит Андрей Иванович.

На что Тамара Григорьевна скромненько отвечает:

— Именно с вашей высокой квалификацией на нем работать, Андрей Иванович.

Пока эти флиртуют, остальные решают, что со мной делать зимней ночью, когда в моей комнате раму вынесли? Где мне теперь коротать ночь с моей бессонницей? Санитары уносят Ведмедева в «скорую помощь». Когда его проносят мимо, он пытается что-то мне объяснить, но я не совсем улавливаю... Вид у Ведмедева очумелый.

— Я такого безобразия еще не видела! — жалуется дежурная синяя дама полтавскому сержанту — тот уже успел удрать из больницы в повенской форме, доставленной ему коллегами. — И это интеллигентные люди? Пьют! Матерятся! Дерутся! Человека из окна выбросили!

— Так цэ ж нэ людына,— аб'ясняе ей полтаўскі сержант, чувствуя себя человеком в повенёкй форме и в хрустящих сапогах.— Ликар сказав, що в нього якэсь вэдмэжэ мохнатэ сэрцэ, та щэ й з иншого боку. До того ж вин нэ мае до нэи пиякых прэтэнзий.

— Тогда пусть она за раму заплатит! — настаивает синяя дама.

Что оказывается...

Оказывается, пока мы были на кладбище, Ведмедев спяну перепутал предоставленный ему номер-люкс с моим, разлегся на моей постели, а когда обозленная Татьяна, успевшая поссориться с марсианином, вернулась из Дома ученых и вошла в мою комнату, чтобы положить грелку в постель, наш самозванный ревизор принял ее за горничную...

Татьяну — за горничную!

Представляю!

Наверно, Ведмедев спяну решил, что находится где-то в Европах, произнес соответствующие слова насчет «постели с грелкой» и даже попытался ущипнуть эту милашку пониже спины...

Татьяну — за грелку!

Представляю, как он тут же безо всяких китайских предупреждений был выброшен в окно боевым приемом самбо с подножкой через бедро!

И хотя подобные ситуации хороши только в кино, а в жизни выбрасывание человека из окна, как минимум, пахнет статьей о злостном хулиганстве, но Ведмедев, узнав, что был выброшен из окна лично внучкой академика Невеселова, снял все претензии и счел за честь.

Короче, меня решают перевести в освободившийся номер Ведмедева. Переводят. Я сейчас стою у окна и разглядываю медленный снег. Ночь. Сна ни в одном глазу. Наши визиу прощаются с Космонавтом и Ведущим ТВ, а полтаўскі сержант с помощью синей дамы запикивает в телевизионный автобус хнычущего приبلудного мальчишку, чтобы его отвезли домой к навшим в отчаяние родителям, которые с вечера, перемешивая лед баграми, ищут его с соседями на дне взломанного Печенежкиского водохранилища.

Ишь, эликсир молодости... Сопли утри.

Уезжают. В комнату боязливо заглядывает Татьяна. Я даже не оборачиваюсь. Я злюсь на нее. Выбрасывать человека из окна — это, знаете ли...

- Тебе плохо, дед?
- Нет, мне хорошо.
- Ну чего ты сердишься, дед?

Молчу. Татьяна уходит. Наверно, ей в самом деле пора замуж. Наверно, она здорово обидела марсианина, если он даже не зашел попрощаться со мной... Впрочем, что я ему? Снежинки залетают в комнату через открытую форточку, а я пытаюсь сообразить, на чем мы завтра уедем домой, если наш автобус разбит? Опять же, зачем мне думать об автобусе, если я до завтра не доживу? Довезут как-нибудь.

Под моим окном прогуливаются Андрей Иванович с Тамарой Григорьевной, а гостиница не спит и подслушивает, как он признается царице в любви, вместо того чтобы тащить на все согласную царицу в койку. Но Андрей Иванович, как и всякий обстоятельный труженик перед очередным жизненным поворотом, должен оглянуться на свой пройденный путь и предварительно рассказать тащимой в постель даме «за свою жизнь», чтобы дама прочувствовала, что ее тащат в постель не просто так, а по-старомодному, с серьезными намерениями. Говорит он с царицей так, будто влез на трибуну — претендует на литературность (цитирует басни Крылова) и прикидывается таким токарем высокой квалификации (так оно и есть, но ведь «токарь» еще не мировоззрение). Андрей Иванович знает, что от него всегда ждут рабочей правды-матки... спой, светик, не стыдись! Он ее и режет, иногда забывая, по какому случаю правда-то?

Глава тридцать восьмая

ПРАВДА АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ТРОНЬКО

Свою правду Андрей Иванович начинает излагать не с детства, где был жуткий мрак, а с того, как после ремеслухи он пришел бритоголовым на какой-то железно-механический завод. В первый же день, не обращая внимания на шмыгающих по цеху крыс, на которых все с азартом охотились, и за счет перекуров, на которые Андрей Иванович не ходил, он выполнил полторы нормы. Мастер похвалил его:

«Молодец, Андрюха!»

Тогда польщенный Андрюха стал гнать за один проход сразу две операции и через неделю выполнил три нормы. Мастер промолчал, а ребята спросили:

«Ты что, парень, дурак? Решил все деньги заработать?»

«Нет...— наивно удивился Андрей Иванович.— Только на мотоцикл».

«Тебе мотоцикл, а нам расценки срежут!»

Но Андрей Иванович не внял голосу разума. Трудно было по тем временам быть бритоголовым рокером, объясняет он царице Тамаре. Впрочем, рокеров тогда в природе не существовало, головы брили от вшей, а мотоцикл он хотел купить не для того, чтобы пугать по ночам сограждан, а чтобы не ездить на работу пригородным поездом четыре часа туда и четыре часа обратно. Он пораскинул мозгами, реорганизовал рабочее место, приладил к станку две кочерги, чтобы не таскать, а катать обоймы, и к концу месяца заработал семь тысяч рублей старыми деньгами.

— Представляете, Тамара Григорьевна: семь тысяч рублей по тем временам! — возбуждается Андрей Иванович, вспоминая начало жизненного пути и забывая, зачем он этот разговор затеял.— Это же были бешеные деньги!

Держи карман шире,— продолжает он. Его вызвал начальник цеха и разъяснил, что Андрей Иванович поступает нехорошо: что существует фонд заработной платы, и бухгалтерия такую большую зарплату не пропустит.

«Нехорошо, Андрюша!»

Тогда Андрюша отправился в бухгалтерию, хотя ему не советовали. В бухгалтерии он никогда не был. Шел с опаской. В этом слове ему чудилась большая строгая рыба, наподобие камбалы, которая лежит на дне и охраняет фонд заработной платы. И в самом деле: в бухгалтерии сидела толстая тетя, прикрывая спиной железный сейф. «Чего тебе нужно, мальчик?» Она выслушала жалобу Андрея Ивановича и сказала, что несовершеннолетним детям такие большие деньги выдавать на руки не положено.

«Пусть придет твой отец, я с ним поговорю».

«У меня нет отца»,— ответил Андрей Иванович.

«Тогда пусть мать».

«У меня нет матери»,— ответил Андрей Иванович.

«Значит, ты сирота...— с презрительной жалостью сказала рыба-бухгалтерия и задумалась: куда бы эту сироту сплавить.— Тогда иди в профком».

Профком находился напротив. В профкоме Андрей Иванович тоже никогда не был. Это слово напоминало ему надутого водолаза, который стоит на дне, пускает пузыри и охра-

няет бухгалтерию, которая охраняет фонд заработной платы. И в самом деле, в профкоме сидел дядя с чугунной водолазной шеей. Андрей Иванович тогда еще не знал, что подобные дяди называются «сталинистами». Дядя потребовал у Андрея Ивановича профсоюзный билет и строго спросил, почему после ремеслухи у него «не оплочены» членские взносы.

«А потому,— ответил Андрей Иванович,— что я не могу получить первую зарплату».

«Демагогия,— произнес загадочное слово дядя-сталинист. Потом он выпустил колечко дыма и постановил: — Получишь, оплотишь, тогда и приходи».

Андрей Иванович возразил, что получается типичный замкнутый круг, а дядя-сталинист ответил на это, что Андрей Иванович сильно умный и хочет ограбить советское государство, которое его выкормило.

Пока Андрей Иванович так ходил, тетя-бухгалтер и дядя-сталинист посовещались с комсомольским вожакom и срезали Андрею Ивановичу расценки задним числом — так, что получилось, что он заработал денег ровно в семь раз меньше.

«У него отец был когда-то врагом народа,— подсказал комсомольский вожак.— Ему и этого много».

Тогда Андрей Иванович стал у своего прокатно-раздолбного станка и заплакал. Ему было всего пятнадцать лет, счастливый возраст. Весь цех на него смотрел, даже крысы перестали шуршать и задумались. Но Андрей Иванович плакал последний раз в своей жизни. В тот день он поклялся у своего первого станка:

«Но пассараи! Они через меня не пройдут, эти дяди и тети! Они не будут ездить на мне и оформлять на себя мои рационализаторские предложения. Они мне будут платить сполна из фонда собственного кармана».

С тех пор он сменил более тридцати заводов, объясняет Андрей Иванович, предъявляя под моим окном царице Тамаре свою замусоленную трудовую книжку старого образца. Эта книжка раза в два толще обычной из-за дополнительных вкладышей, объясняет он. Печати некуда ставить. Сполна расплевавшись с очередным водолазом, он забирал трудовую книжку, переходил через дорогу на соседний завод и говорил там в отделе кадров:

«Хочу хорошо работать».

Что ж, токари везде нужны.

Но как только Андрей Иванович начинал хорошо работать и перевыполнять план, перед ним, как черт, возникал очеред-

ной народный академик, похожий на того самого Трифона Дормидонтовича, из-за которого царица Тамара получила сегодня от Деда строгий выговор. Появлялся и не давал работать.

— Вы спрашиваете, Тамара Григорьевна, кто же он такой, этот Трифон Дормидонтович? Да вот же он! Собственной персоной, легок на помине! — распаляется Андрей Иванович, указывая трудовой книжкой на забытого всеми Степаняк-Еписейского, который пешочком возвращается из Дома ученых и опасливо обходит Андрея Ивановича.

— Жизнь и деятельность трифоновдормидонтовичей мне глубоко интересна, как типичное явление современности! — гремит Андрей Иванович на все Кузьминки. — Их жизненная цель — ничего не делать, но делать видимость. Крысы! Они пробрались везде и всюду — в сельское хозяйство, на производство, в науку и так далее. Я их терпеть не могу, этих болтунов и показушников!

— Що то з ним? — спрашивает полтавский сержант у си-ней дамы, выглядывая из гостиницы на шум.

— В милиции трифоновдормидонтовичи тоже есть! — медленно отвечает сержанту Андрей Иванович. — Я это говорю с полной ответственностью от имени рабочего класса, хотя трифоновдормидонтовичи есть и у нас — всякие там передовики-хитрованы. У меня глубокий антагонизм к трифонам-дормидонтовичам! С пятнадцати лет я объявил им войну, но воз и ныне там. Нет, я не устал, ни один из них не прошел через меня, я их всех подорвал... Но рядом? Но по бокам? На флангах?

— Та що то з вами? — смеется сержант. — Йдуть додому зі своєю жінкою.

Степаняк-Еписейский подкручивает пальцем у виска и прячется в логово гостиницы от греха подальше.

— Не перебивай меня, сержант! — не может остановиться Андрей Иванович. (Похоже, что возбуждение от драки пришло к нему только сейчас, а я, грешным делом, подумал, что доктор Гланц подлечил Андрея Ивановича медицинским спиртом.) — Ты пользуешься испытанным методом трифоновдормидонтовичей — перебиваешь оратора вопросами. Крылов говорил: «Один дурак может задать столько вопросов, что и десять умных не разгребут». Уж сколько раз твердили миру, а сержанты все равно перебивают. Собрались похоронить «Науку и мысль» и думают, что простой рабочий не разберется в их дрянной психологии. Пишут в ЦК телеги, спрашивают,

какой экономический эффект от журнала... Отвечаю: с помощью «Науки и мысли» разогнаны пять крупных НИИ и два министерства — а безработицы, как видите, не случилось. Это ли не экономический эффект? Какие еще вопросы?

Вопросы, может, и есть, но царица Тамара, вняв совету сержанта и разгадав психованную натуру Андрея Ивановича, берет инициативу на себя и тащит его к греху поближе в свое однокомнатное гнездышко по ту сторону пустыря с трубой.

Глава тридцать девятая

Вот вроде и все. Наступает последний акт этой абстракции. Сейчас я включу свет и — с Богом, начну заканчивать.

Что я еще не сделал?

Прячу паган под подушку. Когда за мной придут, ружье должно выстрелить.

Что я еще забыл?

Завещание.

Задергиваю шторы, включаю свет и начинаю искать достойный для завещания клочок бумаги — все же, за неимением гербовой, на туалетной не пишут... Ничего подходящего не нахожу и пишу завещание мелким почерком на листке от 29 февраля, прямо под новосибирским телефонным номером Президента. Листок найдут на мне и ему доложат, заверять у нотариуса не нужно.

Пишу, чтобы после моей смерти главным редактором моего журнала назначили Михаила Федотовича Чернолуцкого, а его заместителем — Олега Павловича Белкина. Веревку у Дроздова конфисковать, и пусть работает. Пишу, чтобы Павлика отпустили на волю с моим списанным «ЗИМом» впридачу, а мой персональный японский компьютер стоимостью в двенадцать тысяч инвалютных рублей передали из подпольных апартаментов первоиздателя Лыкина в собственность «Науки и мысли». Все остальное — Татьяне.

Правда, документа об ее удочерении у меня нет, но об этом — молчок. Об этом даже она не знает. Все подтвердят, что она всю жизнь приходилась мне внучкой.

Подчеркиваю телефонный номер и дописываю: «Передать Президенту». Такова моя последняя воля.

Прячу листок в карман, усаживаюсь в кресло и просматриваю статью о зубной боли профессора Степаняка-Енисейского. Как я и предполагал, Дроздов надул-таки Енисейского

и проиграл ему в очко забракованный черновик. Придется сидеть и делать вид, что читаешь журналы. Так надо: сидеть и делать вид, что тебе интересно читать журналы, хотя в них ничего интересного нет. Насчет жития Перуна в Древней Греции мы уже читали. «Человечество и прогресс» побоку, на нем колбасу резать. Второй, академический, пусть читают академики. Листаю третий журнал, самый легкомысленный, и нахожу в нем переводную статью какого-то графа Водзорда, где высказываются соображения об авторстве и подлинности «Слова о полку Игореве»...

Не люблю, когда иностранцы лезут в нашу историю (равно и наших лаптей, лезущих в чужую), но читаю.

В гостинице происходит обустройство на новом месте — посят по коридору чайник с кипятком и паскоро ужинают перед началом почной развлекательной программы в номере у Татьяны, где Леонард Христианович Гланц наконец-то согласился провести специально для сотрудников «Науки и мысли» показательный экстрасенс по вызову из тарелочки печистой силы... Как дети! Меня, конечно, не приглашают, чтобы я из них дураков не сделал. Леонард Христианович уже подогрел на свечке щербатую общепитовскую тарелку, надеясь, что мои сотрудники будут по стандарту вызывать духов своих бабушек и тети Наполеона, Сталина и Есенина. Зря надеется... Где там Дроздов с Ашотом? Они уж ему навывывают! Но им сейчас не хватило последней бутылки, и они перед сеансом отправились на охоту с расквашенным носом и подбитым глазом. Ашот в вестибюле уже соблазняет дежурную синопую даму, объясняя ей, почему у нас обложка белая.

«Ангелы какого цвета? — спрашивает Ашот. — То-то! Поэтому мы идеальные и неподкупные, хотя иногда любим выпить. А дьяволы? Их не поймешь, они серо-буро-малиновые, как обложка журнала «Человечество и прогресс». И потому нас быстрее раскупают в привокзальных киосках. Если у вас найдется бутылка водки — могу нарисовать ваш портрет».

Синопый чулок его благосклонно слушает, и мне кажется, что Ашот сейчас гораздо ближе к цели, чем Дроздов — тот подбивает полтавского сержанта, который уже ревнует синопую даму к Ашоту, к использованию служебного положения вплоть до взлома ресторанного буфета.

Не знаю, что у них из этого выйдет, зато этот англичанин-русист, к моему удивлению, пишет свою статью со знанием дела и с полным пониманием русской души, хотя толкует о

вещах спорных и деликатных. Такую статью я, пожалуй, опубликовал бы в «Науке и мысли», да простит меня академик Лихачев. «Слово о полку» — вещь деликатная. Я солидарен с английским графом: он называет «Слово» апокрифом конца восемнадцатого века, хотя его коллега по титулу Лев Николаевич Толстой отзывался о «Слове» еще энергичней. Но, что дозволено Толстому...

Английский граф пачинает с извинений. Понятно, что «Слово о полку Игореве», пишет он, является для русских людей святыней. И даже осторожные сомнения в его подлинности восприимчиваются как кощунство, хотя безоговорочно доказать подлинность «Слова» можно только находкой второго экземпляра, потому что не доказано даже существование первого.

Не знаю, не знаю, пужно ли извиняться... По мне, методы этого Мусина-Пушкина из восемнадцатого столетия похожи на приемчики трифоновдормидонтовичей из нашего двадцатого — нашел, издал и потерял. А вы кушайте. Сгорела рукопись в московском пожаре — удобно. «Есть ли жизнь на Марсе?», «Подлинно ли “Слово о полку Игореве”?», «Бывал ли Перун в Древней Греции?» — иди проверь. Впрочем, жизнь на Марсе — уже проверили. Что же делать?

А вот что: граф Водзорд советует искать второй экземпляр «Слова» не в монастырях, не на Севере и не в сибирской тайге, а в Центральном архиве Советской Армии. Англичанин уверен, что второй экземпляр «Слова» находится именно там. В самом деле, где ему еще прятаться? По меркам двенадцатого столетия «Слово о полку Игореве» ко всему прочему было военной реляцией и, как военный документ, рукопись могла сохраниться до петровских времен, угодить в архив какого-нибудь полка — Преображенского, например; и затеряться среди ведомостей о выдаче подштапников. А уж оттуда после революции «Слову» была прямая дорога в Центральный архив Советской Армии, потому что военные архивы пытались сохранить во все времена — даже ведомости о подштапниках.

Пожалуй, эти рассуждения чересчур остроумны для научной статьи. Я с подозрением перечитываю концовку... Граф Водзорд едва заметно изменил тональность, и его совет искать второй экземпляр «Слова о полку Игореве» среди гренадерских подштапников Преображенского полка отдаёт мистификацией...

Леонард Христианович пыхтит за стеной, вызывая духов. Я заказал бы ему вызвать дух автора «Слова о полку Игореве», и тут собралась бы целая толпа теней-претендентов.

Стоп, себе думаю, а не дурак ли я?

Я внимательно приглядываюсь к фамилии графа Водзорда и, читая ее задом-наперед, обнаруживаю подлинную фамилию автора статьи.

Дроздов!

Попался, оборотень! Тискаешь статейки в чужих журналах и думаешь, что я тебя не узнаю! А я-то гадаю, откуда такие умницы английские графья берутся! Может, когда хочет. Что если вычеркнуть из завещания Белкина и вписать в заместители Дроздова?..

Я выхожу в сумрачный коридор, собираясь спуститься в вестибюль, чтобы в присутствии полтавского сержанта сказать Дроздову несколько добрых слов, а то он в самом деле может что-нибудь над собой сотворить.

Иду.

Как вдруг слышу на лестнице тяжелые шаги и замираю на месте.

Глава сороковая

Шаги в полумраке, когда за стеной вызывают духов,— это страшновато. Мне чудится появление в коридоре по вызову доктора Гланца какого-то каменного гостя, вроде гранитного памятника одному ревнивому мужу одной веселой вдовы, которая, был грех, приходила ко мне по почам в гости, когда Татьяна была маленькой. Этот памятник, ростом головы на три выше своего хозяина, торчит на пьедестале в самом центре печенежского кладбища, и при мысли, что этот громотвод приперся в гостиницу, чтобы свести со мной счеты, у меня начинается сердцебиение.

Я прижимаюсь спиной к стене прямо под огнетушителем. Покойник был у нас начальником отдела кадров после милейшего Луки Феодосьевича и очень не уважал меня за то, что я не выпивал с ним, не считался с его мнением и приводил устраиваться на работу в институт отсидевших подозрительных личностей. Ну и, наверно, был очень недоволен тем, что его не похоронили на мемориальном кладбище.

Но шаги все ближе...

О, ужас!..

В полумрачный коридор входит зеленая фигура с черными лапами и в круглом сверкающем головном уборе. Она (фигура), не размышляя, направляется к моему прежнему номеру — туда, где окно выбито.

Это за мной.

Дождлся.

Допрыгался!

Таинственная фигура прислушивается перед моей бывшей дверью и глухо стучит в нее согнутым когтем.

Фигура, наверно, думает, что я там, но ей никто не отвечает, потому что я торчу здесь, как подставка под огнетушителем. Вот он я! Но фигура не замечает меня. Она сдирает с правой лапы черную кожу, прикладывает ухо к двери и стучит громко, настойчиво: тук-тук-тук...

Ей опять никто не отвечает. И не ответит. Молчок за дверью. Меня там нет, уж я-то знаю. Там холодно, там раму вынесли.

Фигура сдирает кожу с левой лапы, сует обе кожи в карман и уходит из коридора, вдавливаясь в мягкий ковер тяжелыми шагами. Только теперь со спины я узнаю Космонавта. Так, тяжело ступая, он, наверно, бродил по Марсу и пугал своим скафандром марсианских ворон — а здесь, в сумрачном коридоре, его повестькая генеральская форма выглядит попричудливее марсианского скафандра — на ней все блестит: погоны, пуговицы в два ряда, бляха на фуражке и черный лакированный козырек.

Ну, напугал...

Я с сердцебиением возвращаюсь в свой новый номер, сожалея о том, что разрешил Софье Сергеевне извести на Ведмедева всю бутылку дроздовского коньяка. Двадцать капель мне сейчас не помешали бы.

Валюсь в кресло и начинаю размышлять. Появление марсианина очень странно — час назад он со всеми распрощался и уехал в Москву на телевизионном автобусе, а вот сейчас скрытно вернулся и постучал в мой номер. Что все это значит?

В коридоре опять шаги...

Марсианин уже разузнал у дежурной дамы, в какой номер меня перевели, и возвращается. Сейчас он войдет ко мне. Кто он такой? Что ему от меня нужно?

Я бегу к подушке, перекладываю наган в карман пиджака, возвращаюсь в кресло и хватаю журнал.

Откуда столько прыти взялось... Так и до инфаркта недолго.

В дверь тихонько стучат.

— Входите!

Марсианин входит. Я гляжу ему в лицо, ожидая, что сейчас раскроется его настоящая сущность — полезут клыки, рога и все остальное, что ЕМУ положено.

- Вы не спите, Юрий Васильевич?
- Как видите. А я думал, что вы уехали.
- Да, уехал, но передумал и вернулся.
- Раздевайтесь.

Марсианин достает из шинели бутылку водки, ставит ее на стол и цепляет шинель на вешалку. Собирается сесть в кресло напротив меня, но шинель, как подбитая птица, срывается с вешалки и падает на пол.

— Шнурок оборвался,— огорчается марсианин и цепляет шинель на вешалку прямо за воротник.— Шьют, мастера! Даже генеральскую шинель толком не умеют...

Он не успевает договорить — на этот раз обрывается вся вешалка вместе с моим пальто и шинелью. Марсианин в полной растерянности разводит руками:

- Делают, мастера!
- Бросьте на постель. У вас на Марсе за такую халтуру дали бы по рукам?
- По морде,— отвечает марсианин с интонацией Андрея Ивановича.

Мы смеемся.

Наконец пальто и шинель устраиваются на постели. Я готов внимательно слушать.

— Вы разрешите мне выпить для храбрости? — спрашивает марсианин, углядывая на подоконнике граненый гостиничный стакан.

— Пейте, но закусывать печем.

— У меня есть.— Он достает из шинели луковицу и плавленый сырок.— Газетку бы... подстелить.

— А вот журналы! Вот, прямо на «Человечестве и прогрессе»! Сделайте одолжение!

Марсианин зубами отрывает водочную шляпку с козырьком и нарезает луковицу прямо на «Человечестве и прогрессе».

— Где вы ночью-то водку раздобыли?

— Ну уж... Тоже мне, проблема! Было бы удивительно, если бы ночью на Руси сообразительный человек не достал выпивки. Жаль, хлеба нет.— Марсианин прислушивается.— Что они там делают?

— Вызывают духов.

— А я-то думаю... бормочут что-то...— Марсианин наливает полстакана и лихо дует.— Хороша... Холоденькая...

С хрустом жует лук.

— А почему для храбрости? Разве я такой страшный?

— Вы? Да. В чем-то страшный, пока не разберу. А может быть, не вы страшный, а мне страшно.

Решается:

— Короче... Как вы посмотрите на то, если я попрошу руки вашей внучки?

Я, конечно, удивлен таким оборотом, хотя всегда знал, что Татьяна способна с первого взгляда сводить с ума мужчин, даже настоящих.

— Посмотрю с удовольствием, но при чем тут я? Спрашивайте у нее.

— К ней я уже обращался. По всей форме, с отдаванием чести. И знаете, какой ответ получил?

— Отказала?

— Нет. Она ответила так: «О, еще один!» — с интонацией Татьяны произносит марсианин.

— Идиотка, — бурчу я. — И вы, конечно, обиделись?

— Нет. Она объяснила, что не может принять мое предложение, потому что завтра состоится рыцарский турнир за право обладания ею. Мол, завтра утром в спортивном зале она сыграет в теннис с любым желающим ее. Объявление будет вывешено. Кто у нее выиграет, тот станет ее мужем. И внесла меня в список. Да. В список претендентов. Под восьмым номером. Так и сказала: «Ваш номер восемь». И внесла.

— Психопатка. И вы, конечно, обиделись.

— Обиделся и уехал. Но потом передумал. Почему бы не сыграть? Вышел на переезде, купил у обходчика бутылку и пошел обратно. А тут как раз ваш Павлик на «ЗИМе».

— Да, история... Жениться — это вам не на Марс слетать. Налейте мне двадцать капель.

Космонавт наливает мне на палец водки, я делаю маленький глоток, ставлю стакан на стол и взглядом придвигаю стакан к марсианину.

Тот даже не удивляется. Знает он эти фокусы: пожи-вилки взглядом гнем!

— Вам на Марсе не приходилось бывать? — спрашивает он, пенароком поднимает взглядом бутылку и доликает себе водки до ста грамм. — Я почему спрашиваю... Я бы не удивился, если бы встретил вас там. Вы же знаете, что люди делятся на марсиан и немарсиан. Первых очень и очень мало. Ну, вы меня понимаете, да?

— Понимаю. Я думаю, у вас много шансов выиграть у Татьяны, хотя она кандидат в мастера по теннису. Она вам подастся и этим выразит свое согласие.

— Вы думаете?
— Уверен.
— Из-за того, что я — генерал?
— Нет. Фи, генеральша!
— Из-за того, что я — космонавт?
— Из-за того, что вы — марсианин. В том смысле, о чем вы говорили.

— Значит, вы мне советуете завтра принять участие в этих скачках?

— Очень рекомендую. Тем более что претендентов, кроме вас, не будет. Просто Татьяна таким способом пригласила вас поиграть в теннис. Она стеснительная.

Космонавт опрокидывает в себя вторые полстакана, хрустит луком и задумчиво сдирает с сырка фольгу.

— Вы пьете? — спрашиваю я.

— Почти нет. Иногда. И равнодушно.

— Так и надо. Я хотел вас спросить... Как там дела у нас на Марсе? Нет, я читал ваши интервью, но у вас, наверно, есть личные впечатления.

— Есть. Сокровенные.

— В двух словах, для меня.

— Ржаво, — отвечает Космонавт и разламывает сырок на две части. — Ржаво там у нас на Марсе. Ваша впучка сказала бы: «Оранжево». Ржавая пыль и камни. На фотографиях красиво, на деле — глупо. Посмотришь по сторонам — на зубах хрустит. Нечего там делать. Я там чувствовал себя абсолютным дураком. Хотя, конечно, — родина.

— Зря летали?

— Нет! Один раз стоило слетать, посмотреть. И достаточно. А разок надо было слетать, чтобы избавиться от мифа. — Космонавт с аппетитом жует свою часть сырка.

— Как вы сказали?.. От мифа? Ах, да, да, не объясняйте, я понял.

Я понял: надо избавляться от мифов. Жизнь на Марсе — это очередной миф Древней Греции. Надо избавляться от старых мифов и не создавать новых.

Чу! В коридоре опять шаги. Опять Леонард Христианович кого-то вызвал. Опять кто-то проходит мимо по коридору и стучится в дверь моего прежнего номера.

— Это к вам... Вы кого-нибудь ожидаете? — спрашивает марсианин.

Я отвечаю:

— Скажите там кому бы то ни было, что я сейчас занят. Если кому нужен, пусть подождет.

Марсианин выходит в коридор и возвращается:

— Какой-то старичок. Испугался и просил передать, что потом зайдет. Меня многие пугаются.

— Так и надо. Старикашки должны бояться марсиан. Налейте мне еще. Самую малость... Достаточно. А теперь избавьте меня еще от одного мифа. Кто все-таки первым вышел на Марс: вы или Харрисон?

— Оба.

— Но первым-то кто ступил на грунт?

— Вдвоем,— смеется марсианин.

— Но этого не могло быть — шлюз для двоих слишком узкий, кто-то все-таки вылез первым.

— Первыми вышли на Марс мы с Харрисоном. Мы с ним решили отвечать именно так. Хотите подробности? Мы умышленно нарушили программу в этом пункте. Понимаете ли, после посадки нам надлежало вскрыть конверт и узнать, кому предписано выходить первым. Это на Земле так решили, чтобы в полете не возникало зависти. А мы с Харрисоном решили наоборот: приоритета не будет, и первого человека, ступившего на Марс, тоже не будет. Понимаете? Конверт уничтожили, не распечатывая. Телекамеры отключили. Потом подбросили монетку, и один из нас вышел на грунт. Потоптался. Через десять секунд к нему спустился второй. И только тогда мы включили телекамеры. Конечно, мы схлопотали выговор от Центра управления полетом, зато поступили справедливо.

— Монетка какая была?

— Не понял...

— Наша или американская?

— Понял. Десять центов. Я с собой деньги не брал, а Харрисон взял какую-то мелочь на счастье,— марсианин все-таки немного осовел и начал вставлять в промежутки между фразами «понял» и «понимаете».

— А вы что взяли на Марс для счастья?

— Перед выходом надел тельняшку.

— А, ну да... Военно-морская авиация?

— Точно. Кстати, меня все время спрашивают, как я, понимаете,отреагирую, если Харрисон вдруг объявит, что первым на Марс вышел именно он?

— Это невозможно.

— Вы сразу поняли, а немарсиане не понимают. Я им объясняю, что они тут на Земле попривыкли, а там все очень просто. Там нет разницы между словом и делом. Не понимают. Там слово и дело едины, как пространство и время. Сказал — сделал. Если мы сказали, что вышли на Марс вдвоем, — значит, так оно и есть.

Чтобы сравниться с ним, я делаю полный глоток и закусываю сырком с луком. Зубы слипаются, слезы из глаз... Марсианин одобрительно наблюдает. За стеной бормочет Леонард Христианович, вызывая дух... кого бы вы думали?... Иосифа Виссарионовича. Все-таки, я считал, что мои сотрудники умные люди, а они кого вызывают? Ну, придет Сталин, что вы с ним делать будете?

— Еще меня часто спрашивают, не наблюдались ли в экспедиции какие-нибудь таинственные явления, — говорит марсианин.

— А вы что на это? — у меня в шарике все поплыло, поплыло...

— Вам могу рассказать, но при одном условии...

— ?

— Юрий Васильевич! Отдайте паган!

— Нет, товарищ генерал.

— Я сам возьму!

— Не забывайте, молодой человек!

— Я возьму! — угрожает марсианин. — Он у вас под подушкой.

— Что ж, возьмите.

Марсианин решительно встает, откидывает подушку и остается с палочкой.

— Нюх подвел, — комментирует он, возвращаясь в кресло.

— Пить надо меньше.

— Нет, это луком отшибло.

— Пусть луком. Давайте свою таинственную историю.

— Но чтобы, понимаете, между нами.

— Могила!

— Это таинственное явление обнаружилось при подлете к Венере. Дело в том, что нам на всякий случай разрешили взять в экспедицию немного спирта...

— Для внутреннего употребления?! — восхищаюсь я.

— Да. В лечебных целях. Немного. Одну бутылку. На четверых. Такая зеленая опечатанная бутылка. Там разгуляться все равно не дадут. Так вот, все шло по программе. Бутылка

стояла в аптечке, а мы подлетали к Венере, чтобы от нее с ускорением повернуть к Марсу. Через Венеру к Марсу иногда ближе...— Космонавт показывает этот маневр на столе между стаканом и бутылкой.

— Я в курсе.

— А я, пожалуй, еще выпью...— Космонавт загребаёт бутылку в кулак и наливает полстакана.

— Вы не устанете? Завтра у вас Большая Игра,— напоминаю я.

— Ничего. Главное, равнодушно. Так вот... Понимаете, любой из нас мог воспользоваться этим спиртом как лекарством и никому специально не сообщать. Но о спирте никто из нас не думал, потому что ТАМ как-то странно думать об этом деле...— Космонавт щелкает пальцем по горлу.— Там черт знает о чем иногда думаешь, но только не об этом. Так вот... Однажды я погнался за непривязанным бортжурналом, тот залетел в аптечку, и я увидел, что спирта в бутылке убавилось.

«Значит, кто-то из ребят подлечился»,— подумал я.

Еще через сутки мы сбросили на Венеру зонд, а второй заклинило, и мне выпало работать снаружи часов пять без передышки... Наконец я не выдержал, схватил кувалду... да, да, был у нас и такой инструмент... и зонд отделился. Помню, я его еще погой отпихнул и подумал:

«А не выпить ли мне для бодрости капель двадцать?»

Только потом я понял, что пить мне совсем не хотелось, но во мне уже сидел мелкий бес подозрения. Маленький такой бесенок. В общем, заглянул я в бутылку... Так и есть! Уровень спирта опять понизился!

И началось! Подозрения хуже отравы. Тут мы к Марсу поворачиваем, дел неуворот, времени нет, а я опять туда же — инспектировать бутылку. Мать моя родная! За два дня спирта убавилось ровно на треть! Кто-то опять причастился, да так, что концов не найдешь!

«Кто из них? — мучительно гадал я.— Харрисон? Брэдли? Или мой лучший друг Коля Дашкиев? Может, они втроем пьют, а меня не приглашают?»

— Чувствую, что начинаю звереть,— продолжает Космонавт.— Пока я работаю, кто-то пьет! Меня не уважают! С кем я на Марс лечу?! С какими-то подзаборными алкоголиками! Сегодня жрут неразбавленный спирт на борту космического корабля, а завтра что? Марихуану на Марсе? И вот, когда бесенок моего подозрения вымахал в громадного пса коммунално-квартирного скандалиста, я сказал себе:

«Стоп! А кто Я такой? А не дурак ли я? Тут что-то не так. Первая марсианская экспедиция не должна закончиться катастрофой из-за бутылки спирта. Остановись! Человеческая природа, конечно, противоречива, и на корабле возникла отвратительная психологическая ситуация — а что может быть оскорбительней для настоящих мужиков и ковбоев, если кто-то из них втихомолку пьет, и все подозревают друг друга? — но я не могу поверить, чтобы кто-нибудь из нас тайком потягивал этот паршивый спирт, потому что мы здесь не просто люди, а как бы представители человечества. Тут что-то не так!»

И тогда мы созвали профсоюзное собрание. Устроились на потолке и начали митинговать. На повестке дня один вопрос:

«Кто пьет?»

Пусть честно признается, ему за это ничего не будет! Американцы божатся, мы с Колей клянемся, что никто к бутылке не прикасался. Кто же тогда? Пушкин? Проверяем бутылку, а она уже пуста! Мы верим друг другу, но не можем понять, куда исчез спирт. Мы перебираем все мыслимые варианты, вплоть до пробития бутылки микроскопическим метеоритом, и все немыслимые, вплоть до присутствия на корабле пьющей нечистой силы, как вдруг американцы начинают, что называется, «ржать»... Совсем, как эти...

За стеной в Тапкиной комнате ржут истерическим первобытным смехом.

— Что это с ними?

— Навызывались, — объясняю я. — Вызывали дух Сталина, а явился Степанык-Еписейский.

— Пойду взгляну.

Марсианин выходит и вскоре возвращается, вводя в помер перепуганного Степаныка. Опять он не в ту дверь вошел.

— У него коньяк есть, — сообщает Космонавт.

Степанык суетится и ставит на стол бутылку армянского.

— А закусить? — строго спрашиваю я.

И закуска есть. Из дипломата с готовностью появляется полналки копченой колбасы; от ее запаха у меня начинает течь слюна, как у собак Павлова.

— А хлеб?

И хлеб у него есть.

Марсианин тоже принохивается.

— Почему вы решили, что здесь с вами будут пить и закусывать? — спрашиваю я.

Степаняк-Енисейский конфузится. Марсианину тоже неловко. Он пытается теленатировать:

«Юрий Васильевич, что вы задумали? Кто этот старикашка?»

«Мой личный Трифон Дормидонтович», — как можно отчетливей отвечаю я.

«Отдайте паган! Зачем вам оружие? Вы даже не умеете им пользоваться».

«А что тут уметь? Вставил патрон — и русская рулетка готова».

Передача у марсианина получается неплохо, а вот с приемом у него худо. Из моих ответов он уловил лишь образ патрона в паганной каморе.

— Кто же на корабле спирт выпил? — напоминаю я.

— Сама бутылка. Фирма «Кока-кола» поставляла для экспедиции напитки и умышленно подсунула бутылку с поршневым двойным дном. Известный розыгрыш — вытягиваешь пробку, поршень срабатывает; бутылка пуста. А в невесомости поршень как видно сработал, не дожидаясь открытия. За этот фокус фирма уплатила крупный штраф, но реклама, реклама... — Марсианин добывает сигарету и взглядом обращается к Степаняку-Енисейскому:

«У вас спички есть?»

В этом взгляде совет: «Убирайся отсюда, пока цел!», но Енисейский не слышит, нет. Он давно потерял нюх. Он типичный не хомо сапиенс сапиенс.

Я взглядом зажигаю марсианину сигарету.

Тот поражен.

«Идите спать, товарищ генерал. У вас утром Большая Игра, а мне до утра все равно не дожиться».

Космонавт медлит.

«Зайду, что ли, к вашей внучке чаю попить?» — раздумчиво спрашивает он.

«Это ваши проблемы».

«Она у вас что... дура?»

«Нет, наоборот».

«Тогда в лоб ей, чтоб не была сильно умная».

«Вот вы и займитесь».

— Пойду спать, пожалуй, — говорит марсианин, надевает шинель, и я наконец остаюсь наедине со своим личным Трифоном Дормидонтовичем.

Трифоны Дормидонтовичи бывают разные. Этот, например, похож на меня — лоб, лысина, седая борода. Мы с ним в каком-то смысле двойники, хотя это уже похоже на литературщину. Но, более того, в каждом из нас сидит свой Трифон Дормидонтович и поровит, поровит, поровит... Думаю, у каждого крупного ученого есть свой собственный Трифон Дормидонтович, много Трифонов Дормидонтовичей. Биографии наших крупных ученых в общем-то схожи: образование в Москве или в Питере, потом галопом по Европе и Сорбоннам и, наконец, мозговая работа до конца жизни по восемнадцать часов в сутки — работа, сопровождаемая допосами и апонимками, прерываемая руганью с правителями, арестами, инфарктами, расстрелами (ну, не расстреляют, так доведут до самоубийства, сгноят в камере или, в лучшем случае, зашлют к черту на рога), работа, увенчанная наконец никому не пужным бессмертием, — биографии наших крупных ученых как крик души: «Вот дураков-то!»

(Мысли у меня заплетаются, я не пил водку уйму лет, я пьян, тем лучше.)

Взять, к примеру, вот этого... Вот он сидит передо мной — старенький, внушаемый, подобострастный и больной раком Трифон Дормидонтович. Жалко старичка. Прибыл на покаяние, принес мне на лапу бутылку коньяка, подсуетился, значит. Решил душу почистить и мне продать. Чтобы я его выслушал, понял, простил. Сейчас будет рассказывать биографию.

— Коньяк не открывайте. Тут водка осталась.

— Мне нельзя.

— Пейте! — приказываю я. — Сейчас мы водку допьем и сыграем в одну игру. В нее трезвыми не играют.

Пьет беспрекословно.

Не пужна мне его биография, я ее знаю. Все Трифоны Дормидонтовичи многостаночники-энциклопедисты, вроде лучших представителей Ренессанса, но наоборот. Бутафорские бутылки с водой вместо спирта. Ну их к лешему! Не имеет никакого значения, кто их родители — отец ли рабочий макаронной фабрики, прадед ли крепостник, бабушка ли сестра милосердия. Андрей Иванович прав: они везде, отовсюду. В медицине, в литературе, в шахматах. В биологической науке — классический случай. В песнях для эстрады — «мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз». В геологоразведке — почему нефть так долго искали и не могли

пайти? То-то. Сталин кем был? Трифоном Дормидонтовичем. Везде они — даже в балете. Однажды по издательству бродил литератор, написавший либретто для балета. Он хотел опубликовать его буквами. Издали отдельной книгой.

— Вы лобзиком не выпиливали в детстве? — спрашиваю я Степаняка-Еписейского. — Ажурные такие полочки?

— И это тоже, — подтверждает он.

— Закусывайте.

Ест. Кушает с аппетитом.

От запаха колбасы я опять поплыл, поплыл...

Этот человек прожил плохую бесчестную жизнь. Что хотел, то воротел. Врал, доносил, ни во что не верил, друзей не имел, без выгоды хороших дел не делал. Ну, однажды посадил деревце в пионерском лагере имени Павлика Морозова в порядке шефской помощи от имени АМН СССР. Жил-был, как вдруг хват — рак! И этот человек, всю жизнь считая, что держит Бога за бороду, к своему ужасу обнаружил, что держался не за бороду, а за кисточку дьявольского хвоста. С кем не бывает... Пришло время задуматься о душе, а душа такое дело... певнятное. Пойди, разыщи в штанах! Но очень уж сверх меры не хочется помирать. Хочется какого-нибудь эликсира молодости или черт-те чего... какого-нибудь чуда, чтобы прожить еще хотя бы одну жизнь. Таковую же плохую. О качестве мы не помышляем. Но взять-то откуда? Не Фауст ведь... Далеко-далеко не Фауст, а простой себе Трифон Дормидонтович. Мефистофель к нему не придет, на хрена Мефистофелю такая душа? И тогда огляделся он, значит, по сторонам на предмет спасения души, увидел меня и решил на всякий случай примазаться.

— Теперь мне палейте.

Мне сегодня все можно. Как сказано в священном писании: лучше уж от водки, чем от скуки.

Не закусываю.

В общем, взглянул на меня Степаняк-Еписейский и понял, что всю свою жизнь занимался ерундой, гоняясь за всякими благами, потому что **ЕДИНСТВЕННОГО И ОКОНЧАТЕЛЬНОГО БЛАГА**, которое имеет постоянную цену, у него-то и нет. И решил он ко мне примазаться. Приобщиться. Я ему сейчас могу и в морду плюнуть, и в окно выбросить, и ботинки заставить целовать — он и щеку подставит, и в дверь вернется, и ботинки вылизет. Главное для него — приобщиться. Чтобы я ТАМ за него замолвил словечко. Хоть самое пога-

ное. Чтоб ему хотя бы на круги попасть — а то вообще никуда. Ко всему можно привыкнуть, но только не к тому, что тебя нигде нет.

— Допивайте.

Глупо это или не глупо, физика это или метафизика, раздвоение ли это личности, игра ли воображения, флуктуации ли моего склеротического ума — по Степаняк-Еписейский преследовал меня всю жизнь, а сегодня наконец объявился, и я теперь от него не отделаюсь. Он добился своего: статья не будет опубликована, зато мы с ним выясним отношения другим способом.

— Подкрепились?

Я вытаскиваю паган и кладу его на стол.

— Я предполагал, что произойдет нечто подобное,— бормочет Степаняк-Еписейский.

— Правила рулетки знаете?

— Я эту игру наблюдал однажды живьем.

— Где?

— В лагере.

— Вы что, сидели?

— Н-нет... То есть, да. Не совсем, чтобы «сидел». Мне надо было исчезнуть на год по семейным обстоятельствам. Иначе было бы хуже. Со знакомым следователем договорился. Он меня на допросы вызывал и вместо того, чтобы мне зубы выбивать, я ему их лечил. А потом в лагерях начальству. Там же свой первый фантастический роман написал. И вернулся полностью реабилитированным.

— Понятно. Играть будете?

— Если это единственное условие...

— Это ваш единственный шанс примазаться.

— Играем.

— В барабане один патрон. Делаем по три попытки. Если обоим повезет — седьмую в потолок.

— Кому начинать?

— У вас пятак есть?

— У меня есть то, что надо для такого случая.— Степаняк-Еписейский двумя пальцами достает из нагрудного кармана серебряный юбилейный рубль Московской Олимпиады. Для этого дела я предпочел бы рубль с барельефом Менделеева или Циолковского, но и олимпийский тоже не плох.

— Орел.

— Решка.

— Швыряйте.

Степаняк-Енисейский подбрасывает рубль, но тот скатывается по столу на пол.

— Перебросить?

— Не падо.

— Вам первому.

— Прокрутите барабан. Не глядя.

Степаняк-Енисейский проводит ладонью по барабану и передает паган мне.

Я взвожу курок, приставляю дуло к виску и нажимаю. В моем шарике раздается звонкий щелчок, но небо не падает. Кладу паган на «Человечество и прогресс».

— Значит, если патрон находится в седьмой, как вы говорите, каморе...

— Тогда повезет обоим.

— Полшанса против трех остаться в живых,— подсчитывает Степаняк-Енисейский.— Жестоко.

Он приставляет паган к виску и нажимает на курок.

Он хорошо держится, лицо спокойное.

Моя очередь.

Шансов мало. Интересно, боюсь я или не боюсь проткнуть свой воздушный шарик? Снесет ведь череп, и мозги по стенке...

Нажимаю.

Пустой щелчок.

Я слышу свой голос:

— Ладно, достаточно, черт с вами. Глупо все это.

— Нет, почему же «черт со мной»? — с достоинством отвечает Степаняк-Енисейский.— Я свой выстрел сделаю, и тогда прекратим, если хотите.

Он целит себе в лоб.

Я зажмуриваю правый глаз.

Щелчок.

— Вы удовлетворены?

— Да. Прекратили.

— Значит, пичья,— улыбается он.— На вас лица нет. Вот что значит воображение! Вы так побледнели, будто паган в самом деле заряжен.

Так вот почему он не боится! Он же шух потерял, он думает, что я с ним шулки шучу!

Я хватаю паган и щелкаю в потолок пятый, свой выстрел.

Осечка.

Я взвожу и нажимаю курок в шестой раз...

Сила отдачи рвет наган из пальцев, выворачивая запястье. Свет гаснет, люстра прострелена, пуля рикошетирует от бетонного перекрытия, разбивает бутылку коньяка и воиздается в стол между мной и оглушенным профессором. На выстрел сбегается вся гостиница, но переполох уже позади. Наган конфискован полтавским сержантом, а Степаняка-Енисейского с признаками инфаркта утасили санитары, и теперь Леонард Христианович на «скорой помощи» поведет борьбу за его жизнь. Профессор думал, что наган пустой и что я с ним шутики шучу в условиях демократии.

Мои склерозные затвердевшие шарики после выпитой водки размягчились, и я сплю, уложив забинтованную руку поверх одеяла. В номере приятно пахнет пороховой гарью с примесью коньяка и с отзвуком копченой колбасы. Татьяна подтерла порковой шубкой лужу армянского коньяка и, решив, что уж до утра я успокоился, увела марсианина в свой номер.

Все правильно, где же ему еще спать?

Мне тепло, хорошо. Затмение Марса давно закончилось, и звезды глядят в открытую форточку сотнями глаз. Я чувствую ЕГО присутствие. Говорят, что у Ангела Смерти сотни глаз, и если после ЕГО посещения человек остается жить, то душа этого человека получает всевидение. Сейчас проверим. ЕМУ там холодно, за окном. Я вызываю ЕГО. Это делается просто, безо всякой тарелочки — надо ЕГО почувствовать, открыть форточку и сказать:

— Заходи.

Жду.

На форточку, хлопая крыльями, усаживается худая ворона.

Одним глазом она настороженно поглядывает на меня, другим — на серебряный олимпийский рубль под столом. Обычная, серая с черным, февральская ворона.

— Заходи, не стесняйся, — приглашаю я.

Ворона, примерившись и шевельнув занавеской, спрыгивает с форточки на подокошник, с подокошника — на пол и, царапая коготками паркет, шагает под стол. Там она долго шебуршится, клюет олимпийский рубль, пыхтит и наконец выбирается из-под стола, превратившись в этакую фигуру без лица, с позолоченными усами, в черной хламиде до пят и с пустыми рукавами.

— Що ж вы робите? — говорит эта фигура голосом полтавского сержанта. — Стриляете серед ночи в готели! Негайно виддайте зброю! Ну що ж це таке! Люды сплять!

Фигура запускает правый рукав за спину и начинает отстегивать с лопаток какие-то серые гусиные крылышки.

Я сказал, что у фигуры нет лица? Я ошибся. Ее лицо каким-то странным образом напоминает мне лица разных виденных мною людей; к тому же фигура говорит их голосами.

— Кто ж так стреляет?! — сердито спрашивает фигура голосом швейцара Нафталиныча и раскладывает гусиные крылышки на едва теплой отопительной батарее. Потом приплюхивается и произносит трагическим шепотом: — И коньяк разбили! Армянский! Кто ж так стреляет? Ты мне всю программу испортил! Шестой выстрел кому предназначался? Профессору. А ты пошел на понятную, и теперь у него инфаркт... Всего-навсего. Что я теперь ЕМУ скажу? Чем отрапортую?

Я хочу пошевелиться, но фигура предупреждает голосом президента:

— Ты спи, спи, молчи. Думай, что спишь. Значит, ты чистеньким хотел остаться? Всю жизнь руки мыл, а профессор за тебя отдувался? И брал, и давал, и врал, и вообще тебя уравнивали. Зло равно добру. Добро равно злу. Понял? Если ты чистенький, то кто-то непременно должен быть настолько же грязненьким. Иначе без равновесия поезда сойдут с рельсов, планеты — с орбит, люди — с ума, а физические постоянные превратятся в постоянно-переменные, а это конец. Что же я теперь ЕМУ скажу? — с досадой повторяет фигура голосом Михаила Федотовича Чернолуцкого. — Понимаешь ли, ОН там у нас журнал издавать надумал — вроде твоего, но с противоположным направлением, для равновесия. Простой, кондовый такой журнал, без затей. Даже сам придумал название: «АНУКА И ЖИСТЬ». А главным редактором этой самой «Ануки» решил назначить Степаняка-Енисейского, — спешит доложить голос Оли Белкина. — А ты все испортил!

Фигура опять приплюхивается и объявляет дроздовским баритоном:

— Да ты, брат, напился!

Фигура усаживается в кресло, щелчками подкидывает олимпийский рубль и размышляет на все голоса:

— Что же делать? Профессор сейчас в реанимации, но этот вариант с инфарктом ЕМУ не подходит. Профессор ему пу-
жен с выстрелом в висок, и чтобы мозги по стенке. Иначе
«Ануки» не получится. Кого же теперь предложить ЕМУ в
главные редакторы?.. Задача.

— Может быть, я подойду для этой вашей «Ануки»? —
неспело предлагаю я свою кандидатуру.

— Тебе что, жить надоело? — с интересом спрашивает
фигура. — Не отвечай, я подумаю. Ты спи, спи.

Монета мерно взлетает, помахивая серебряными ребрыш-
ками, и опускается, взлетает и опускается, а за стеной стонут
и возятся марсианин с Татьяной. Они так долго друг друга
ждали, что забыли про звукоизоляцию.

— Дело молодое, — ухмыляясь, комментирует фигура. — Им
еще всю жизнь жить, а ты куда спешишь? В общем, если жить
тебе надоело, могу твоему горю помочь. Могу замолвить за
тебя словечко. ОН тебе может жизненный срок скостить,
ЕМУ хороший главный редактор позарез нужен.

— А срок-то большой?

— Со счету собьешься и жить устанешь.

— Что ж... Я, пожалуй... Но с одним условием.

— ЕМУ условий никто не ставит. Не произноси этого сло-
ва. Лучше скажи так: «С одним последним желанием». Он это
любит — желания. Понял? Давай свое желание. Но чтоб без
нарушения равновесия и мировой гармонии.

— Хочу после смерти воскреснуть еще на один день.

— Вполне скромное желание, — размышляет фигура. — Все
в ЕГО силах, но уточни — зачем?

— Хочу ровно через год в этот день вернуться и взглянуть:
что стало с журналом?

— За журнал беспокоиться? За дальнейшее развитие фун-
даментальной науки? За общественное болееешь? ЕМУ это не
понравится. Не поймет. За себя, за себя проси. А за журнал
не беспокойся, мы его там выписываем.

— Хочу ровно через год в этот день появиться живым на
годовщине собственной смерти. И получить от этого удоволь-
ствие.

— О! — восклицает фигура. — Это уже кое-что! На день
ожить и всех насмерть перепугать! С таким последним жела-
нием можно входить для доклада.

Фигура подходит к отопительной батарее, ощупывает гу-
синые крылышки и говорит голосом Дроздова:

— Не высохли... Ты не знаешь, где тут ночью можно водку достать?

— У обходчика на переезде.

— Понял, спасибо. Кстати, я этот рубль себе заберу, не возражаешь? Все равно на полу валяется. Но ты ЕМУ о рубле не говори, у НЕГО с этим строго. Ну, мне пора. Ты спи, а я сейчас с НИМ посоветуюсь и вернусь. Я недолго.

Фигура устремляется к форточке.

— Крылья забыл! — кричу я вдогонку.

— Пусть сушатся. Это так... бутафория, — отвечает фигура, выдуваясь в форточку.

Лежу, жду...

Фигура возвращается с бутылкой водки под мышкой.

— Поздравляю! Можно. Разрешил. Вышла тебе амнистия. Препный твой жизненный срок ОН зачеркнул и самолично вписал новую судьбу. Готовься. Сейчас я заправлюсь и отправимся. Все произойдет безболезненно, не бойся.

— А ОН свое слово сдержит? — спрашиваю я.

— У НЕГО без обману.

— Хотелось бы договор подписать.

— У НЕГО без бумажек. Это тебе не издательство.— Фигура пытается содрать с бутылки «белую головку».

— А если ОН слово не сдержит?

Фигура ухмыляется и вышибает «белую головку» ударом пустого рукава.

— Ну, предположим, теоретически.

— Если не сдержит...— задумывается фигура и маленьким глоточком пробует водку.— Если не сдержит, тогда ОН потеряет право на твою эту самую...

— Душу?

— Это слово не произносим.— Фигура одним громадным глотком засасывает всю водку и грустно говорит дроздовским голосом: — Что-то во мне заело... Обходчик, подлец, за водку четвертной требует, а я ему серебряный рубль сую. Он на меня посмотрел, понял, закричал, побежал, водку в сугроб выбросил... Я подобрал. Так вот. Пойдем, что ли?

— Куда пойдем? — усмехаюсь я.— Вот я ЕГО и надул. Он своего обещания никак не выполнит.

— Это почему?

— Ровно через год в этот день ОН меня воскресить не сможет.

— Как так?! — удивляется фигура, а я показываю на листок от 29 февраля.

— Уел!!! — хохочет фигура голосом моего учителя академика Эп.— Уел!!! Ой, не могу! Обвел вокруг пальца!

От слез с его усов слезает позолота.

— Ты не смотри, что я смеюсь. Тут не до смеха. Мне смешно, но я на тебя сердит. ОН нам за это, знаешь, какой фитиль может вставить? Ты как мальчишка себя ведешь. С тобой серьезно, а ты позволяешь себе какой-то базар-вокзал! Я тебе помочь хотел, думал, что тебе жить надоело, а ты... жизнелюб, оказывается? Уел! Обманул! Кого? САМОГО! ОН тебя уважает, а ты? Несolidно. ОН узнает и плюнет. Тьфу! Чего же ты хочешь, спросит ОН. Хочешь жить? Живи. Но не обманывай! Как Чехов сказал: дави в себе швейцара! Стыдно мне за тебя. Боюсь, я ЕМУ доложу, и бросит ОН тебя на произвол судьбы без всякой программы.

— У НЕГО и такая графа есть? — удивляюсь я.

— Есть,— подтверждает фигура и впервые глядит на меня сотнями глаз. Если все эти глаза начнут плакать, наступит всемирный потоп.— Есть у НЕГО такая графа: бросить на произвол судьбы.

— Как будет, так и будет? — уточняю я.

— Так и будет.

— И чтоб никто за мной не ходил.

— Не будут ходить.

— А моя душа?

— Вернется,— отвечает Ангел Смерти.

Татьяна с марсианином затихли и спят. Утром у них начинается Большая Игра.

— Понял я, чего ты хочешь. Я ЕМУ сейчас доложу. Думаю, ОН согласится. Будь здоров! Спи.

Ангел Смерти уходит в форточку, пристегивая на ходу крылья и бросая меня на произвол судьбы.

— Будь здоров! — отвечаю я и ожидаю, когда к форточке подлетит волнистый попугайчик Леша, но вдруг открывается дверь, в номер заглядывает голова мальчишки и спрашивает:

— А где космонавт?

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

100

100

100

100

100

ПСИХОЗ

(Сценки в конце квартала)

Прихожу с работы, жена говорит:

— У нас в библиотеке антирелигиозную литературу плохо читают, так я на тебя две книги записала.

Я резонно спрашиваю:

— А зачем мне их читать, если я в бога не верю?

— А ты не читай. Я их даже домой не принесу. Тебе все равно, а у меня план.

Верно. Мне, собственно, все равно, а у жены план. Ладно, согласился.

С этого все и началось.

Сестра звонит:

— Слушай, я тут забыла, у тебя какое образование?

— Среднее техническое.

— Слушай, у меня в вечерней школе учеников не хватает, так я тебя... это... в седьмой класс записала.

— Ты в своем уме?

— Какая тебе разница? Посещать школу не надо, экзамены я у тебя без тебя приму, будешь круглым отличником.

И правда, какая мне разница? Пусть. Был круглым дураком, стану круглым отличником. Без разницы.

Утром прихожу на работу, вызывает меня директор:

— Вот что, Сидоров... (Предположим, я не Сидоров, а Иванов, но директор все время путает.) Ты свой план выполнил? Молодец. А теперь надо другим помочь, а то плохо получается.

Отвечаю, что с удовольствием. Перейти на другой процесс? Освоить смежную профессию? Поделиться опытом?

— Нет, тут нужна помощь другого рода. Звонили из подшефного драмтеатра, конец квартала у них, а зрителей нет.

Короче, иду в театр. Слышу милицкий свисток. Колька-друг, старший сержант, сколько лет!

— Стой, Петро, дело есть.
— У тебя что, тоже план?
— С полуслова понимаешь! Такое дело... Плохо мы еще боремся с алкоголизмом. Так я тебя в вытрезвитель записал... Мол, нашли тебя под забором в крайнем состоянии... Не волнуйся, на работу сообщать не будем.

Подумал. Трудно мне, что ли? Вытрезвитель так вытрезвитель. Я согласный.

— Тебя, кстати, Женька искал. Не знаю, зачем... А вот и он!

Вижу, бежит Женька, вместе росли, сейчас он журналист.

— Петро! У нас в газете раздел «Ответы на вопросы». Так я от твоей фамилии письмо написал и сам на него ответил. Чтоб ты в курсе был, если кто поинтересуется.

А мне какое дело? Я той газеты не читаю. Я не против.

Сажу в театр, сплю. Артисты что-то там исполняют. Вдруг будит меня такой весь из себя режиссер:

— Выручайте, товарищ! У нас Призрак запил!

— Какой Призрак?!

— Отца Гамлета! На ногах не стоит! Разденьтесь и пройдитесь по сцене в белой простыне.

Разделся. Прошелся. Вместо меня из-за кулис кто-то слова говорил. Нормально отыграл, вот только простудился, холодно было.

Вечером возвращаюсь домой, кашляю. Чувствую, что-то спину сверлит. Оглядываюсь — незнакомец весь в черном меня разглядывает.

Что такое?

Сажусь в трамвай — незнакомец за мной. Выхожу — он выходит. Иду по улице — он по улице. Я за угол — он за угол. А у меня, надо сказать, зарплата в кармане.

Я в проходной двор, он за мной, я в троллейбус, из троллейбуса в подземный переход, из перехода в метро, из метро в такси... гляжу, человек в черном уже в такси сидит.

— Извините! — говорит. — Облагодетельствуйте!

— А в чем дело?

— Из похоронного бюро я... С планом у нас плохо. А вы кашляете — не жилец уже на этом свете. Не могли бы посодействовать?

ФОКУСНИКИ

1

Ежедневный пассажирский поезд «Черноморец» лет десять назад был не скорым, а простым. Он ходил из Одессы в Киев и обратно и, кроме крупных городов Жмеринки и Винницы, останавливался, как говорится, у каждого столба. Однажды в Жмеринке его задержали какие-то странные события, и он опоздал в Киев на сорок минут. Что-то произошло с тринадцатым, общим вагоном — говорили, то ли вагон отстал от поезда, то ли поезд отстал от вагона — толком никто не мог объяснить.

Но вот уже десять лет проводник Илья Спиридонович Опанасенко, всякий раз выходя на перроне в Жмеринке, стоит со своим фонарем и, глубоко задумавшись, глядит в небо. Стоит неподвижно и в дождь, и в мороз до тех пор, пока по селектору не объявят отправку «Черноморца».

2

В тот вечер в конце августа в общий вагон «Черноморца» влезали тетки с торбами, уныло входили командированные, не доставшие плацкарту, с шумом вваливались экономящие студенты. Все перемешалось и устроилось. Илья Спиридонович, не глядя на часы, но чувствуя скорое отправление, загнал с перрона в тамбур последних курильщиков и сам поставил ногу на ступеньку, чтобы войти в вагон, но в этот момент появился опоздавший.

Во время отправки всегда появляется такой опоздавший. Он в ужасе мчит за уходящим поездом, сшибая провожающих, и если повезет, вскакивает в последний вагон.

«Черноморец» плавно покати.

Илья Спиридонович прикинул расстояние между вагонами и догнавшим пассажиром, протянул руку, чтобы подхватить пассажира в момент прыжка, и азартно закричал:

— Давай, давай, давай!

И пассажир прыгнул в тамбур. Это был среднестатистический, ничем не примечательный пассажир Юго-Западной железной дороги: среднего роста, средних лет, в сером костюме, при галстукe — из тех, кому ехать надо, да не везет. Пассажир отдышался, поправил галстук и, когда Илья Спиридонович закрыл дверь, невинно сказал:

— Понимаете, какое дело, товарищ проводник... У меня билета нет. Нет в кассе билетов. Даже в общий вагон.

— Что это за фокусы, гражданин? — рассердился Илья Спиридонович.

— Какие уж тут фокусы,— вздохнул среднестатистический пассажир, задумчиво разглядывая проводника.— Ехать надо, билетов нет... Впрочем... вы всегда так неаккуратно храните деньги?

— Чего? Не понял,— удивился Илья Спиридонович.

Вдруг серый костюм ловким движением снял с Ильи Спиридоновича железнодорожную фуражку и принялся вытаскивать из нее какой-то несусветный хлам — какие-то шарики, ленточки, бумажные цветочки, два яйца, обглоданную куриную кость, спичечный коробок... наконец он вынул из фуражки купюру в десять рублей и протянул ее проводнику:

— Ваша?

Илья Спиридонович стоял с выпученными глазами.

Пассажир улыбнулся, надел на проводника фуражку, засунул ему в нагрудный карман червонец и вошел в вагон.

— А вот и свободное место! — услышал Илья Спиридонович.

3

В первом купе, где устроился среднестатистический пассажир, ехали: хмурый молодой человек с ромбиком на лацкане, смущенная девушка и дед в соломенной шляпе. На верхней полке кто-то уже спал, а дед неотрывно глядел на свой чемодан.

Когда Илья Спиридонович проверил билеты, молодой человек с ромбиком, недовольно припихиваясь, ушел в вагон-ресторан; а в купе завязалась беседа — бестолковый разговор на той стадии, когда незнакомые люди не знают, о чем говорить, но знают, что в дороге о чем-то говорить надо.

Поговорили о том, о сем: о погоде — «лето, как никогда», о молодежи — «не та пошла молодежь»; как вдруг серый кос-

твом, желая расшевелить компанию, улыбнулся и сказал девушке:

— Хотите, я угадаю, как вас зовут? Вас зовут Танечка.

Он угадал точно, но Танечка смутилась еще больше, и серый костюм напрасно ожидал от нее изумления.

Опять замолчали.

Когда «Черноморец» выехал из Одессы, дед в соломенной шляпе спросил:

— А вы... вы в какой области работаете?

— Я? — обрадовался вопросу серый костюм. — В Киевской области.

«Ревизор», — с внезапным подозрением подумал Илья Спиридонович, проходя мимо первого купе.

— Нет... — смутился дед. — Я хотел спросить: кем вы работаете?

— У меня довольно-таки редкая профессия, — охотно начал объяснять серый костюм. — Я специализируюсь на чудесах.

— А я слышал, что бога нет! — уважительно сказал дед.

— Бог его знает, — усмехнулся серый костюм. — Тогда скажем так: фокусник я.

«Врет. Чует мое сердце — ревизор», — опять подумал Илья Спиридонович, а дед поджал губы и вцепился в свой чемодан. Уважительность его сразу прошла. Однажды, еще до войны, он тоже ехал из Одессы в Киев... и второй раз с ним эти фокусы не пройдут!

После Раздельной «Черноморец» вошел в скорость, степь побежала мимо.

С верхней полки свесилось заспанное лицо и спросило:

— А тот, с ромбиком, еще в ресторане? Неприятный тип. Нацепил поплавок — глядите все, я с высшим образованием.

— Не судите о незнакомых людях по внешнему виду, — вдруг сделала замечание Танечка.

— А по чему тогда судить?

— Вообще не судите.

Контакты в купе явно не налаживались.

— А у меня карты есть! — сказал вдруг дед, раздраемый боязнью за свой чемодан и желанием, чтобы никто этой боязни не заметил. — Сыграем в подкидного?

— Карты? Дайте-ка мне карты... — попросил серый костюм.

«Здесь-то все и началось, — вспоминает Илья Спиридонович, стоя через десять лет на перроне в Жмеринке. — Вхожу в купе, а он показывает фокусы. Запомни, говорит, какую хошь

карту. Запомнил? Ну, запомнил. Ложи, говорит, назад в колоду. Поклад. Тут он берет и вытягивает эту же карту из моего фонаря. Да-а... Ну, это, положим, легкий фокус. На сегодня я и похлеще могу. Но тогда, положим, я когда-нибудь и с вагоном фокус... того... Да-а... Где уж нам».

4

— Ух ты! — сказал дед. — Покажите еще раз!

— Какая прелесть! — удивилась Танечка. — Как вы это делаете?

— Заметьте, что эта карточная колода не моя, а чужая, — польщенно ответил фокусник. — Если я объясню секрет фокуса, то вам же станет неинтересно. Я лучше другой фокус покажу... — Он профессионально засучил рукава. — Запомните любую карту. Теперь порвите ее...

— Э-э... это мои карты! — испугался дед.

— Не волнуйтесь. Порвите и выбросьте в окно.

Танечка нерешительно разорвала бубнового туза и выбросила его в окно.

— Отлично. Вот ваша карта, — и фокусник вытащил бубнового туза из кармана.

Из крайнего купе раздался смех. Илья Спиридонович заглянул туда. С верхних полок свесились заспанные головы, из тамбура выглянули удивленные курильщики. В купе становилось тесно. Одни пассажиры сидели на корточках, другие подпрыгивали за чужими спинами. Поезд мчался в сумерках, тускло светили лампы под потолком, а в спертом воздухе обшлого вагона шестерки превращались в тузов, а дамы прятались в чужих карманах. Время, что ли, остановилось или вспять пошло в тринадцатом вагоне «Черноморца» и приоткрыло в крайнем купе форточку в мир детства и иллюзий? Не в свое ли полузабытое детство таранились Илья Спиридонович и сонные головы с верхних полок?

Но вот, как в сказке, появился злой гений и все испортил.

— Это мое место, — сказал он. — Попрошу!

Это вернулся из вагон-ресторана молодой человек с поплавком.

— Фокусы? — спросил он. — Знаю я эти фокусы.

— Но вы не видели! — воскликнул дед, косясь на чемодан.

— Это ничего, что я не видел, — отвечал поплавок усаживаясь. — Любой образованный человек без труда отгадает ядро

всякого фокуса. Конечно, показать я не смогу — я не карточный шулер, чтобы так виртуозно тасовать карты.

— Вы несколько самонадеяны, по-моему,— не выдержал фокусник.

— Да, я самонадеянный! — с удовольствием повторил поплавок.— И не стыжусь этого. Я всегда надеюсь только на самого себя. Если бы вы когда-нибудь задумались над этимологией слова «самонадеянность» — а она, как вы можете убедиться, очень прозрачна,— то вы не употребили бы это слово в том смысле, в котором вы его употребили.

— Виталик,— вдруг всем на удивление сказала Танечка,— зачем ты так? Будь с людьми покультурней.

— Но, Татьяна, меня возмущает всякий обман,— ответил ей поплавок.— Я просто хочу доказать...

— Он что, ваш брат? — участливо спросила фигура с верхней полки.

— Муж,— сухо ответила Татьяна.— Но, Виталий, послушай...

— Предлагаю пари! — продолжал Виталий, не слушая.— Если я разгадаю все ваши фокусы, вы поведете нас в ресторан — все купе.

— Образумься, Виталий! Ты только что из ресторана! На что мы будем жить, пока ты устроишься?

— Идет! — немедленно согласился фокусник.— Только не тянитесь руками к картам и не сбивайте меня замечаниями. Тяните любую карту. Какая это карта?

— Десятка пик.

— Вот видите, вы ошиблись. Это дама червей. Не понимаю, как так можно ошибаться. А десятка пик вот где...

Фокусник сделал несколько пассивов и попросил фигуру с верхней полки поискать десятку у себя. Тот, счастливо рогача, нашел ее на полке. Многоголовое купе ехидно глядело на Виталика. Тот подумал и сказал:

— В основе этого фокуса заложены две механистические идеи. Первая: вы искусно подсунили мне карту с секретом и, забирая, поменяли ее масть. В этом секрет карты: она двойная, что ли. Второе: настоящая десятка пик находится в колоде среди других карт. Натягивая на ваших пальцах резиночку, как в рогатке, вы ослабили колоду и выстрелили карту на верхнюю полку.

— Вы наблюдательный,— хмуро похвалил фокусник.

— Наблюдательный? Но вы ничего не сказали о моем умении логически мыслить.

— Умеете, умеете... Задумайте любую карту...

Вскоре фокусник ожесточился. Он сопел, хрустел пальцами, из его рукавов выпадали на пол какие-то посторонние карты, кубики, шарики; он чертыхался, извинялся, показывал фокус сначала, но ничего не мог поделать с Виталиком — тот объяснял любой его фокус.

— Итак... в ресторан? — наконец спросил Виталик. — Или вы еще не все показали?

— В ресторан, в ресторан! — гнусаво запела фигура наверху.

Фокусник предпринял последнюю попытку. Дрожащими пальцами он выдернул из пачки уже зажженную сигарету, хорошенько прожевал ее, съел, а потом достал у Виталика из-за уха.

Даже дед с чемоданом зааплодировал.

— И объяснять неохота, — зевнул Виталик. — Проще некуда.

Все пассажиры сочувственно отводили взгляды от фокусника, только фигура злорадно напевала:

— В ресторан, в ресторан!

— Почему плохие люди никогда не получают по заслугам? — вдруг пробормотал Илья Спиридонович.

Весь сеанс он не выходил из купе, жадно наблюдал за каждым фокусом и болел за человека в сером костюме, который уже не казался ему ревизором. Обознался, бывает. И вот Илью Спиридоновича будто за язык дернули.

— Это вы о ком? Это я «плохие люди»? — прищурился Виталик. За словом в карман он не лез и спуску никому не давал. — Выходит, я, «плохие люди», разоблачаем тут разного рода обманы и фокусы, а вы, «хорошие люди», развесили уши, оскорбляете пассажиров и не выполняете своих служебных обязанностей...

— Это чего я не выполняю? — обиделся Илья Спиридонович.

— Чай пора разносить.

— Ну нет! — вскипел Илья Спиридонович. — Чаю я тебе не принесу, в общем вагоне чай не положен. Вот ему принесу два стакана, а тебе — нет.

И ушел заливать чай фокуснику.

В это время дед с чемоданом забыл про свой чемодан и вступился за проводника.

— Ты почему оскорбляешь пожилого человека? — гневно спросил дед и... парвался на такой фокус, что потом всю дорогу молчал.

— О! Соломенная шляпка! — сказал Виталик. — Ваша очередь подошла... Что это у вас в чемодане? Золотишко? Нет, не золотишко... но я сейчас угадаю. Тарань! Тарань везете в Киев на Сенной базар продавать... нет, не продавать, а спекулировать по три рубля за рыбий хвост. А? Что скажете?

— По два рубля... это все старуха... — прошептал дед, не зная, куда провалиться от стыда.

— Ге-ге-ге! — подобострастно загегекала фигура наверху. — А как вы догадались, что у него в чемодане тарань? Возьмем с собой в ресторан, с пивом попьем!

— А в самом деле, как я догадался? — притворно удивился Виталик и вопросительно посмотрел на фокусника.

Тот пожал плечами.

— Не велик фокус, а вы даже не догадываетесь. Пахнет потому что. Таранью пахнет.

— У меня насморк, — не на шутку разозлился фокусник. — Прежде чем вы за мой счет пойдете в ресторан, я покажу еще один фокус. Последний. Кстати, где это мы стоим?

— Мы едем, — ответил Илья Спиридонович, входя в купе с двумя стаканами чая.

— Вы уверены?

Внезапно все почувствовали, что вагон как-то странно стоит — только что тряслись и ехали, и вдруг тихо стоим... Пассажиры бросились к окнам. Илья Спиридонович побежал в тамбур, открыл тяжелую дверь и выглянул... тринадцатый вагон одиноко стоял в глухой степи, а рядом под насыпью паслась коза, освещенная луной и привязанная к колу. Илья Спиридонович не мог понять, куда подевался «Черноморец».

— Нас отценили! Мы отстали от поезда! — заголосили пассажиры.

— Вы уверены? — спросил фокусник.

— Мы стоим... или мы едем?

Как в дурном сне, вагон опять поехал. Илья Спиридонович, как дурак, с двумя стаканами чая выглядывал из тамбура, а на него с удивлением смотрела коза.

«Нас опять приценили, — подумал Илья Спиридонович. Надо пойти доложить начальнику поезда...»

— Мы едем, едем, — успокаивал всех фокусник.

— Однако, не очень приятные фокусы,— сказал кто-то, и пассажиры, поглядывая в окна, разошлись по своим местам. «Черноморец» продолжал свой путь в полном составе.

— Не понимаю... Это вы сделали? — сердито спросил Виталик. — Как вы это сделали?

Фокусник насмешливо улыбался.

5

— Я проиграл,— нетерпеливо признал Виталик, забрал у жены сумку, вытащил кошелек и забросил его фигуре на верхнюю полку. — Здесь на всех хватит. Все идут в ресторан! Все идут, куда хотят! Все! Без нас. Татьяна, тебя это тоже касается,— и он вытолкнул всех из купе.

В ресторан, кроме развеселившейся фигуры, никто идти не захотел, все прислушивались к разговору в купе.

— Вы кто? Вы где работаете? — спрашивал Виталик. — Это невозможно... то, что вы сделали.

— Я заведу клубом в деревне Заврапъ.

— Это не имеет значения! Я, например, физик-теоретик, но что с того? Как вы отцепили и прицепили вагон?

— Не знаю. Не могу объяснить.

— Ох, уж... Вот народ! В науке любой эксперимент должен быть повторен, а у вас «не знаю, не могу объяснить...» Припомните хотя бы свои ощущения, когда вы отцепляли вагон.

— Ну... мне очень хотелось поставить вас на место.

— Поставьте еще раз!

— Уже расхотелось.

— Раньше с вами что-то подобное случалось?

— Нет... не припомню.

— Расхотелось, не припомню... — передразнил Виталик. Ладно, и без вас обойдусь. Главное, я теперь убедился, что такие фокусы в принципе возможны.

Фокусник насупился и ответил:

— А ты в своей физике далеко пойдешь.

— Обязательно. И начну с того, что теоретически объяснить этот ваш феномен с вагоном.

— Шустрый чижик,— сказал фокусник. — А когда начнут шить тебе какую-нибудь лженауку и увольнять по профессиональной непригодности — что тогда запоешь?

— Вот я и гляжу, вас будто пыльным мешком из-за угла прихлопнули. Вы чего-то боитесь? Или кого-то? Выгоняли вас, что ли, по этой самой непригодности?

— Угадал.

— Ну и... — насторожился Виталик. — Расскажите.

— Ладно, расскажу, — неохотно начал фокусник, уставившись на синий поплавок Виталика. — Лет десять назад меня пригласили в цирк для просмотра моих фокусов. Я здорово первичал. Я был не Кио, конечно... а впрочем... Так вот, меня смотрели директор цирка и еще один тип, который назвался «художественным руководителем». Директор даже слова не вставил, а только кивал. Говорил за него этот руководитель. Человек он был ироничный, вроде тебя. Сначала он осведомился, имею ли я специальное цирковое образование; потом принялся рассуждать о том, что нашему советскому цирку чужды карточные фокусы. От них пахнет пропагандой азартных игр. Он их запрещает. Он хотел бы увидеть фокусы без запаха, яркие и жизнеутверждающие.

Я уныло предложил ему жизнеутверждающий фокус с исчезновениями и клоунадой, но они уже куда-то заспешили, и директор цирка произнес единственную фразу: «Зайдите завтра», — таким тоном, что мне послышалось: «Зайдите вчера».

Назавтра я все же решил зайти. Когда я заявился через главный вход со своим реквизитом, оказалось, что директор и его художественный руководитель срочно уехали в Москву на важное совещание и обо мне не распорядились. Но неотложные дела может решить директорская жена, которая имеет в цирке вес. Мне показали ее издалека, и я вдруг решил схитрить. Я расшаркался, сотворил из воздуха бумажный букет роз и преподнес ей. Потом я нагло стал врать, что вчера мою работу смотрел и одобрил лично ее супруг и так далее. В общем, эта дама была очарована и под свою ответственность разрешила мне вечером выйти на арену.

Я был в восторге — я и сейчас прихожу в восторг, вспоминая тот вечер. Я был как взведенный курок, и все мои фокусы стреляли без промаха. Это редкое состояние. Я хотел бы всю жизнь быть в таком взведенном состоянии. Публика истинно удивлялась и аплодировала, а директорская жена сидела в первом ряду и млела от счастья, потому что я успевал ей подмигивать. Наконец наступило время жизнеутверждающего фокуса. Оркестр затих, мои подсадные рыжие были уже готовы по моему сигналу заявиться из зала на арену, а я вдруг вспомнил ироничные лица директора и художественного руководителя и подумал:

«Посмотрел бы я на ваши рожи, если бы вы сейчас появились в цирке!»

Потом я произнес условную фразу для рыжих:

«Прошу двух человек...»

В этот момент они и появились. Директор и художественный руководитель. То ли с неба упали, то ли из-под земли выскочили... не знаю. Они плюхнулись на арену в самом обалдевшем и затрапезном виде: директор цирка — в полосатой пижаме, а худрук — в спортивном костюме. Оба были навеселе, с картами в руках и, как видно, перенесли в цирк в тот момент, когда худрук оставил директора без трех взяток на девятерной — такие у них были лица. За кулисами весь цирковой персонал подавился от хохота, оркестр что-то наяривал, пока не раздался голос директорской супруги:

«Так вот какое у тебя совещание!»

И они побежали от нее за кулисы и сорвали гром аплодисментов. А я за кулисы идти побоялся, раскланялся и ушел как пришел — через главный вход. Так что подобные фокусы случались и раньше.

— Вот видите,— кротно сказал Виталик.— Я, кажется, создал для вас творческую обстановку. Попробуйте повторить.

— Какая следующая станция? — спросил фокусник.

— Жмеришка,— ответил Илья Спиридонович.— Через полчаса.

— Ну что ж... хотите научное повторение эксперимента? Сейчас наш вагон очутится в Жмеришке!

6

Ровно в полночь из здания вокзала в Жмеришке вышел дежурный милиционер и увидел на первом пути одинокий вагон с табличкой «Черноморец» и занавесками с изображением одесского оперного театра. Из вагона выпрыгнул человек с ромбиком на пиджаке, громко по слогам прочитал вывеску на фасаде вокзала: «Жме-рин-ка!» — выпучил глаза и закричал вглубь вагона:

— Вы научились управлять гравитационными волнами! Я покажу вам свои старые вычисления... сильнейшим волевым напряжением можно создать вокруг себя изолированное гравитационное поле и этим полем управлять. Совершеннейшая дурость!

За ним из вагона появился человек в сером костюме и самодовольно произнес:

— Подумаешь, я и без всяких вычислений могу этот вагон на Луну забросить!

Затем вышел проводник с фонарем и стал по стойке «смирно» перед этими двумя. В окна выглядывали нервные пассажиры. Они кричали:

— Он нас опять отсоединил! Где наш поезд?

Из здания вокзала выбежал перепуганный дежурный по отправлению. Селектор просипел:

— Откуда на первом пути вагон?! Через три минуты московский скорый!

Милиционер все понял. То есть, он не понял, откуда здесь взялся тринадцатый вагон «Черноморца», когда сам «Черноморец» придет в Жмеринку через полчаса, — но он понял, что вагона здесь не должно быть. Он засвистел и побежал к вагону.

— Это ты здесь вагон поставил?! — кричал дежурный на Илью Спиридоновича.

Илья Спиридонович испугался за себя, но еще больше за фокусника и ответил:

— Не могу знать!

— Стрелочник! — вопил селектор. — Где стрелочник?! Дядя Вася, дай маневровый на первый путь!

Илья Спиридонович дернул фокусника за рукав и прошептал:

— Товарищ, дорогой, уберите вагон на запасной путь... во-он туда.

— А ты что, сам не можешь? — обернулся фокусник.

— Я? Нет... — опешил Илья Спиридонович.

— Виноват, — сказал фокусник, отвлекаясь от беседы с Виталиком. — Мы тут, кажется, нарушили расписание.

И вагон очутился на запасном пути.

7

Когда их вели в привокзальное отделение милиции, Виталик поправлял фокуснику галстук, а тот — Виталику поплавок, и оба ласково произносили приятные на слух слова: «плотность потока», «гравитационная волна» и «очень приятно было познакомиться». За ними валили свидетели пассажиры. Татьяна объясняла милиционеру, что все это недоразумение, фокусы.

— Так вы говорите, что и на Луну смогли бы слетать? — спрашивал Виталик. — А на Марс?

— Марс не Марс, а в Киев, пожалуй, — отвечал фокусник. — А то всю ночь еще трястись.

— О чем они? — удивился лейтенант в отделении милиции. — Пьяные?

— Трезвые, — ответил постовой. — На них показывают, что они отцепили вагон от «Черноморца».

— Но ведь «Черноморец» еще не прибыл! — удивился лейтенант.

Татьяна хотела что-то объяснить, но Виталик ее перебил:

— Таня, ты еще ничего не знаешь! Мы еще сами ничего не знаем. Мы срочно переносимся в Киев. Ты поезжай, а утром мы тебя на вокзале встретим.

Виталик застыл на мгновение. И вдруг он исчез. Не стало его.

— Что тут происходит? — спросил лейтенант.

Фокусник застыл на мгновение. Потом он тоже исчез. Испарился.

— Куда те двое подевались? — спросил лейтенант.

— Не обращайтесь внимания, — ответила Татьяна. — Они, кажется, открыли телепортацию... или как там ее...

8

И снова Илья Спиридонович стоит на перроне в Жмеринке и думает, думает...

— Это общий вагон? — прерывает его думы старуха с узлами.

— Это, это, — отвечает Илья Спиридонович.

— До Фастова к сыну доеду? — спрашивает старуха.

— Доедешь, доедешь.

Старуха входит в вагон и в испуге шарахается назад:

— Какой же это общий?!

— Общий, общий, — успокаивает Илья Спиридонович, ведет старуху в отдельное купе и усаживает на мягкий диван.

Потом он опять выходит на перрон и думает, думает и не знает, верить тому, что он видел, или все ему почудилось? Ну не может человек силой одной лишь мысли перелетать из Жмеринки в Киев или на Марс. Или расцеплять железнодорожные вагоны — представить невозможно, что эту железную машину из тринадцати вагонов с локомотивом, проплывающую вдоль перрона, можно мысленно разорвать...

— Где уж нам,— шепчет Илья Спиридонович и прыгает на подножку своего общего вагона.

Это самый настоящий общий вагон — таким он подается на посадку, но за минуту до отхода превращается в спальный. Вместо твердых полок появляются диваны, исчезают боковые пары, а купе от коридора отделяют зеркальные бесшумные двери. Пассажиры спят на выглаженных простынях, а не клюют носом всю ночь напролет в тесноте и обиде. После первого испуга они всегда бывают приятно удивлены — Илья Спиридонович любит делать такие сюрпризы, но боится ревизоров и начальника поезда.

Закрыв наружную дверь, Илья Спиридонович входит в свой общий-мягкий вагон и начинает готовить старухе чай.

— Опять лимонов не завезли,— сердится он. Потом закрывает глаза, поднимает руку и делает в воздухе вращательное движение — будто выкручивает лампочку. Наконец он достает оттуда лимон. Откуда — он и сам не знает.

Он кладет ломтик лимона в чай и песет старухе.

— А сколько стоит чай? — пугается старуха.

— Бесплатно,— сердится Илья Спиридонович.

— А меня отсюда не выгонят? — опять пугается старуха.

— Чего ты, бабка, всего боишься? — говорит Илья Спиридонович.— Езжай себе. Сейчас все вагоны такие.

Он возвращается в служебное купе, глядит в окно и думает, думает... вот бы на Марс слетать!

— Где уж нам,— вздыхает Илья Спиридонович.

БЕЗУМНЫЙ КОРОЛЬ

1

Я разрешаю «Шахматному журналу» опубликовать эти записи только после моей смерти.

Я запрещаю сопровождать первую публикацию предисловием, послесловием или комментарием редакции, а также вносить в рукопись какие бы то ни было изменения. Я решил объяснить всему миру мотивы собственных поступков и не хочу быть неверно понятым из-за мании редактора правильно расставлять запятые.

Имя автора должно быть напечатано так: «Джеймс Стаунтон, ...надцатый чемпион мира по шахматам».

2

Мой отец, великий изобретатель и ученый Стивен Стаунтон, был глубоко верующим человеком — он верил в одушевленные машины.

Ему не нравился термин «робот». В этом тяжелом слове чудилось лязганье металла, и хотя оно неплохо обозначало электронные самодвижущиеся механизмы с приличным словарным запасом, все же мой отец имел в виду нечто другое.

— Когда человечество изобретет постоянную одушевленную машину... — любил говорить он и принимался перечислять многочисленные блага, которые могут последовать с появлением на Земле искусственного разума.

Ему нужен был искусственный разум, не меньше.

Кстати, отец немного скромничал. Под словами «человечество изобретет» следовало понимать, что искусственный разум создаст именно он, Стивен Стаунтон. Этот неистовый человек после смерти жены (и моей матери) потерял всякий интерес к жизни и занялся работой. Ему никто не мешал — в нашем сонном городке, как пуп торчавшем в географическом центре страны, можно было делать что хочешь: до одури ра-

ботать, изобретать или бездельничать — главное, не нарушать тишины.

Свою мать я совсем не помню. Отец рассказывал, что у нее была разлажена нервная система, и даже приветствие, произнесенное «не тем тоном», вызывало у нее приступ истерики. Она всегда хотела больше, чем у нее было, и не кончила в сумасшедшем доме только потому, что скончалась до того.

Трудно было определить, что делал мой отец, но он, несомненно, что-то делал. Однажды его даже пригласили сотрудничать в какую-то неприметную частную фирму для выполнения секретного государственного заказа. Отец подкинул им несколько сумасшедших идей и мог бы еще долго продолжать свою работу за казенный счет, но вскоре разругался там с какими-то имевшими влияние людишками. Конечно, теперь я понимаю, что именно хотел создать мой отец; им же нужно было совсем другое.

Наш гараж, в котором давно уже не было автомобиля, превратился в научную лабораторию с пузырями зелеными аквариумами, где варились и клокотали разные насыщенные бульоны. Запах там был, как в морге. Отец вечно что-то солил, перемешивал и пропускал сквозь аквариумы электрические разряды. От этих молний в гараже все трещало и вздрагивало, а на стенках аквариумов появлялись загадочные капли — они всплывали, погружались, сталкивались и соединялись между собой в причудливые виноградные гроздья. В детстве я часами завороченно наблюдал за этими разноцветными пузырями и забывал уходить в школу.

Наши соседи оказались на редкость добрыми людьми и не совали нос в чужие дела, даже когда взрывом снесло крышу с нашего гаража. Мы их не интересовали: они и сами что-то кипятили в собственном гараже.

Как я уцелел?.. Если бы случайный прохожий — тоже добрый человек — не вытащил меня из гаража, никто бы ничего и не заметил.

Отец не замечал даже меня — что мне и требовалось. Я мог бы рассказать, что я вытворял в юности, но это не имеет прямого отношения к искусственному разуму. Друзей я не имел, школу бросил. По утрам я пробирался в гараж, усаживался в скрипучее плетеное кресло и, поглядывая на пузыри, с блаженством читал очередной глянцевого сборник научной фантастики. Кресло скрипело, а я читал, читал, читал...

Учиться я не хотел, думать не умел, работать не мог и, чтобы избавиться от своей всепоглощающей застенчивости, ввязывался во всякие глупые истории. Я был пижиком, я физически не мог стать кем-то. Меня вечно куда-то несло, но и путешественником я тоже не был. Поздней осенью я брел пешком через полстраны на юг — туда, где зима помягче; весной возвращался.

Отец продолжал заниматься своими делами и ничего не замечал, но однажды я увидел его сидящим в моем кресле у ворот гаража. Он грелся на солнышке. За зиму он сильно постарел и побелел, как снег. Казалось, он сейчас растает. Он с нетерпением поджидал моего возвращения... вот в чем дело: он наконец-то достиг цели своей жизни и создал искусственный разум. На этой земле ему теперь было нечего делать...

Я прислонился к теплой стене гаража и спросил:

— Сколько же ты получишь за свою механику?

— Это не механика, — ответил отец. — Все, что угодно, но только не механика. Я смоделировал человеческий мозг... хотя и сам плохо понимаю, как он действует. Наверно, его можно выгодно продать, но зачем? И кому? Искусственный разум можно запрограммировать бог знает на что... могу представить, что произойдет, если о нем пронюхают солдафоны. Нет, патентовать я его не стану. Я оставлю его тебе и запрограммирую...

— На добывание денег, — подсказал я.

— Помолчи. Ты ничего не понимаешь. При чем тут деньги? Я хочу наполнить твою жизнь событиями. В жизни все время должно что-нибудь происходить... в этом ее смысл, в чем же еще? Кстати, ты умеешь играть в шахматы?

— В руки не брал. При чем тут шахматы? — удивился я.

— Не беда, научись. Когда ты станешь чемпионом мира по шахматам...

— Кем? — переспросил я.

— Ты станешь чемпионом мира по шахматам, а я буду тобой гордиться. Все образованные люди уважают шахматного чемпиона, это не какой-нибудь там очередной президент. Имя Стейнница известно всем, а кто помнит имена современных ему политиков? Конечно, шахматные чемпионы никогда не были миллионерами, но и с голоду, вроде, никто не умер. С этим званием главное — не зевать, и можно жить в достатке.

Отец грелся на солнышке и никак не мог поговориться всласть о своем изобретении. Я внимательно слушал его, но ничего не понимал. Он умер через полгода, когда я уже стал знаменитостью.

Но по порядку.

3

Попытаюсь писать без длинных диалогов и отступлений.

Это была первоклассная авантюра, и я впервые в жизни по-настоящему увлекся. Из меня пикудышный художник, но я провозился весь вечер, рисуя по указаниям отца фигурку шахматного короля в натуральную величину. Один из эскизов отцу понравился, и утром мы отправились в ювелирную мастерскую, где заказали полную фигурку шахматного короля из слоновой кости и крохотным бриллиантом вместо короны.

Бриллиант — это все, что осталось у нас на память от матери. Получилась очень симпатичная вещица, в которую отец вставил свою «механику» — бесформенный комочек непонятно чего — до сих пор не знаю, как называть этот дышащий комочек серого цвета...

Пусть будет — «искусственный мозг».

Я наблюдал за операцией. Пересадка мозга из аквариума в фигурку шахматного короля заняла несколько долгих часов, отец работал с лазерным инструментом и очень устал, поэтому программирование искусственного разума перенес на следующий день.

С утра мы поставили короля перед открытыми шахматными книгами, и тот, таинственно посвечивая бриллиантом, начал впитывать в себя знания — бриллиант для короля был единственным органом общения с миром, без него король стал слепым и глухим. За неделю, совсем измученный, я перелистал ему груды шахматных книг и журналов, а также два толстых толковых словаря — английский, потому что на этом языке говорит полмира, и русский, потому что на нем говорят шахматные чемпионы мира.

Через неделю король мог рассчитывать несметное множество шахматных вариантов и, что самое главное, способен был алогично мыслить, а значит — принимать интуитивные решения в головоломных позициях. Если бы против нашего короля взялся играть второй такой же комочек, то, подозреваю,

они на пару тут же угробили бы саму идею игры — они, не начиная партии, согласились бы на ничью.

С тех пор я всегда носил короля на груди. Он висел на золотой цепочке и с удивлением взирал на мир. Конечно, он привлекал внимание посторонних, но ни у кого не вызывал подозрений. Репортеры любили снимать меня так, чтобы амулет, известный всему миру, был хорошо виден. Король любил фотографироваться. Мы общались с ним через крохотный приемник, который я вставлял в ухо — шепот короля, конечно, никто не мог услышать; он звучал не громче моего собственного внутреннего голоса; я быстро к нему привык и с удовольствием вслушивался в этот шепот... Вообще, у меня впервые появился друг.

Естественно, я много раздумывал над тем, каким способом нас можно разоблачить — или не могу ли я сам себя целовко выдать? — но так и не смог придумать никаких особых технических трудностей в нашей авантюре. Что могло произойти? Какая-нибудь нелепая случайность...

Что ж, через год я застраховал свой амулет на такую сумму, что все страховые конторы мира вздрогнули от уважения. О непреодолимых трудностях другого рода я в то время еще не догадывался.

4

После обучения короля пришел и мой черед — теперь нужно было запрограммировать меня.

Я расставил фигуры, и король принялся учить меня шахматным премудростям.

— E2—E4,— сказал он.

— Сначала объясни, кто как ходит,— попросил я.

Король удивился и стал учить с самого начала.

Во всех настольных играх есть много общего — субординация фигур, карт или фишек; игровая логика «я так, он так», психология «я думал, что он думает, что я думаю...», захват важных полей или позиций... Похоже, что все современные игры — шахматы, карты, лото и даже домино — произошли от какой-то древней первобытной игры с камешками или костями... люди всегда во что-то играли.

В общем, я был неплохим картежником и шахматные правила понял быстро. Большого от меня и не требовалось — хо-

рошенько запомнить названия полей и уверенно переставлять фигуры — все остальное решал за меня мой внутренний голос.

Вскоре королю надоело учить меня азам, и мы отправились в шахматный клуб. Отец остался в гараже, но заставил меня надеть свой свадебный костюм — в нем я стал походить на жениха или на ворону... представьте страшную фигуру в черном костюме с белым шахматным королем на груди. Я зря вырядился. Оказалось, что для игры в шахматы достаточно джинсов и старого свитера.

Первое испытание мне хорошо запомнилось. По дороге я изрядно поволновался, а король, чтобы успокоить меня, насвистывал арию тореадора... помните этот мотивчик?.. смелее в бой. Слух у него был хороший.

Шахматный клуб — одно из самых достопримечательных мест в нашем городишке; по притягательности для мужской части населения он, наверно, не уступает заведению другого рода. Виски и вино здесь не в почете, зато пивом можно накачаться вполне прилично. Здесь когда-то играл сам гениальный Пол Морфи — у входа установлен его бюст, на стене в зале висит живописный портрет, а сам клуб назван его именем.

Я вошел.

Или «мы» вошли?

В пакуренном зале было полно народу, и мне сразу показалось, что за многими столиками партнеры играют на деньги. Самих денег я, конечно, не увидел, но неспортивный азарт хорошо почувствовал. К тому же меня быстро заметили. Какой-то небрежно одетый человек слонялся от столика к столику и заглядывал через спины. Внимательно оглядев меня, он предложил сыграть:

— Не хотите ли партийку?

— За тем и пришел,— ответил я.

Тут же нашлись и свободный столик, и комплект шахмат. Мы начали расставлять фигуры, а когда я расстегнул пиджак, мой партнер уставился на короля.

— Забавная игрушка,— похвалил он.— С вами играть опасно. Вы, наверно, сильный игрок.

Он был похож на карточного шулера.

Потом уже, приглядевшись ко всей этой шахматной шайке, я понял, что они мало чем отличаются от картежников — приемчики все те же. Первое правило: главное, не спугнуть новичка — к тому же новичка в свадебном костюме. Главное,

приласкать и вселить в него уверенность; а выселить ее никогда не поздно. Не все сразу. Пусть приходит и завтра, и послезавтра... костюм хороший, ломбард напротив.

Все же мой шулер долго не мог войти в роль и беспокойно поглядывал на короля. Его смущал бриллиантик. Я казался ему розовым поросенком. Он первую потирал руки и нежно притрагивался кончиками пальцев к верхушкам фигур. Наконец он ласково сказал:

— Извините, но вы неправильно расставили короля и ферзя. В клубе я вас вижу впервые и потому предупреждаю честно — здесь играют только на ставку. Если вы пришли учиться, то я к вашим услугам... но за это придется платить. О, совсем немного!

Это один из честных приемов. Он ставит новичка в неудобное положение: или плати, если не умеешь играть, или играй на ставку, если считаешь, что умеешь.

— Я умею играть, — ответил я.

— Тогда положите под доску... но чтобы никто не видел, — ответил он и растопырил пять пальцев.

Я положил под доску пять монет и взглянул на него, приглашая сделать то же самое, но он только ухмыльнулся.

Моему шулеру не следовало ухмыляться — король разозлился не меньше моего, — оказалось, что характер у него был неровный.

— Сейчас я ему утру нос! — возбужденно зашептал король. — Ходи H2—H4!

И я сделал свой первый в жизни шахматный ход.

Мой партнер опять ухмыльнулся и указательным пальцем продвинул вперед свою королевскую пешку.

— A2—A4! — шепнул король.

И я, ничего не подозревая, сделал свой второй ход. Я в самом деле не подозревал, что сыграл оскорбительно...

Шулеру будто наплевали в душу — была оскорблена игра! Видели бы вы его лицо! Он откинулся на стуле, забыл про свои доходы — а первую партию по всем шулерским законам он собирался проиграть — и провозгласил на весь зал:

— Сначала потренируйся в песочнице резиновыми фигурами, а потом приходи ко мне учиться играть! Господа! Взгляните! Новые достижения в теории дебюта!

Свободные от работы шулера не спеша приблизились к нашему столику, критически оценили позицию после второго хода белых и принялись надо мной иронизировать:

— Как называется этот дебют, молодой человек? Его надо бы назвать вашим именем.

Или:

— Две выдвинутые до отказа крайние пешки в начале партии напоминают мне рожки у козлика. Этот молодой человек наверно собрался нас всех забодать!

Я не отвлекался на эти весьма обидные замечания и продолжал по советам Короля передвигать фигуры, пытаясь не ошибиться — где там «Е», а где «четыре».

Король опять успокаивающе засвистел все тот же мотивчик... («Король» я буду писать с заглавной буквы, потому что это его имя.)

Понемногу все господа притихли.

Я понял, что на доске что-то случилось. Мой партнер раздвинул локти и схватил свою голову в ладони. Наш столик вдруг сделался центральным, хотя мы сидели с краю. Игроки отложили свои партии и пришли посмотреть нашу. Тишина держалась недолго. Какие-то рукава полезли из-за моей спины на доску, стали водить по ней пальцами, хватать и переставлять фигуры. Запомнился следующий диалог:

— А если так?

— Нельзя. Съест коня.

— А так?

— Еще хуже: сожрет слона.

Мой партнер прервал этот диалог первобытных охотников на слонов. Он поднял руки и плаксиво запричитал:

— Верните позицию, господа, верните позицию!

Ему вернули позицию, и после мучительных раздумий он тихо спросил меня:

— Вы... вы отдаете ферзя?

— Ну, это некорректный вопрос! — сказал кто-то.

Я в тот день, конечно, ничего не понимал, но потом Король повторил для меня эту партию. Решающая позиция носила этюдный характер, она опубликована на диаграмме № 1 в моей книге «Сто избранных партий Джеймса Стаунтона». Каждый желающий может на нее взглянуть, свои же записки я не хочу загромождать шахматными диаграммами.

Конечно, Король действовал нагло, выводя сразу обе крайние пешки, и серьезному турнирному мастеру мог бы и проиграть, но мой шулер был взвинчен и быстро попался в ловушку — брать ферзя не следовало из-за форсированного

варианта с тремя фигурными жертвами. Он, бедняга, так запутался, что даже не успел сдать партию и довел дело до мата — мат он получил крайней пешкой «Н» при гробовом молчании всех присутствующих.

Великий Пол Морфи с неподдельным интересом наблюдал со стены за этим безобразием.

5

Определенно, мой шулер был честным человеком и уважал свою работу. Думаю, что на мастера он не тянул, но играл достаточно хорошо, чтобы каждый день худо-бедно обедать в этом городе, где уважаемые отцы семейств дохнут от скуки, а в карты играть боятся.

Пять монет по профессиональной привычке он мне все же не отдал — впрочем, я и не настаивал, — зато попросил подождать и пригласил к столу председателя клуба, местного гроссмейстера с задумчивым взглядом запойного пьяницы, который еще не решил — а не выпить ли ему с утра? (Его имя вам ничего не скажет.)

Ему показали решающую позицию. Маэстро восторга не выразил, но согласился сыграть со мной легкую партию без свидетелей в своем кабинете.

— Только не очень долго думайте, — сказал он.

До мата он не довел, вялым движением смешал фигуры и признал:

— Да, я убедился... у вас талант. Поздравляю, молодой человек! Но вас надо подшлифовать... вы как-то странно начинаете партию. Вам следует подогнать теорию дебютов. Запишитесь в наш клуб, послушайте мои лекции...

Оказывается, Король уже знал откуда-то непечатные русские выражения и одним из них поделился со мной.

— Извините, маэстро, — перебил я гроссмейстера. — Посоветуйте: что конкретно нужно сделать, чтобы сыграть с чемпионом мира?

— С кем? С Макаровым? — поразился маэстро. — Не пойму, о чем вы говорите!

Он стал пожимать плечами и разводить руками. К этим жестам в своей шахматной карьере я вскоре привык.

— Да, у вас наблюдается несомненный талант, но таких, как вы, великое множество! — продолжал гроссмейстер. Он

опять развел руками, будто поймал громадную рыбу.— Надо быть поскромнее! Все начинают с нуля. На каждом уровне существуют квалификационные турниры, и их надо пройти. Чтобы получить право на матч с чемпионом мира, необходимо выиграть первенство клуба, города, штата, страны, межконтинентальные турниры и матчи претендентов...

Тут он стал твердить про какой-то коэффициент Эло, про какой-то рейтинг, который высчитывается из выигрышей и проигрышей в разных турнирах, в которых шахматист участвовал и не участвовал... для меня это была китайская грамота. Вообще, маэстро путался в словах и не знал, как говорить с талантом — ведь свой талант он давно пропил.

— Сколько времени уйдет на все эти турниры, если начать с нуля? — спросил я.

Маэстро стал загибать пальцы:

— Как минимум три претендентских цикла. Девять лет. А сейчас без подобающего рейтинга ни один гроссмейстер не согласится с вами играть.

— Но вы-то согласились?

Он разъярился, обозвал меня «сопляком», руки у него дрожали.

Мы опять расставили фигуры, причем он перепутал расположение короля и ферзя. Я промолчал, он лихо начал партию, но вскоре пробормотал:

— Вот, дьявол, я не туда поставил ферзя... Начнем сначала. Король посмеивался.

Мы опять начали сначала.

На восемнадцатом ходу я, начиная матовую атаку, невинно сказал:

— Кстати, мне понадобится тренер.

Маэстро сразу оценил мое деловое предложение. Роль председателя захолустного шахматного клуба ему смертельно надоела, и он не прочь был опять напомнить о себе, поездить по свету и подзаработать — чтобы извлекать пользу из шахмат, не обязательно играть в шахматы.

— Хорошо,— ответил он и навсегда сбросил фигуры со своей шахматной доски.— Вы редкий самородок, а у меня еще остались кой-какие связи, и я могу вам кое-что посоветовать. Вот что мы сделаем.

Мы отправились через всю страну в столичный шахматный клуб.

Там тоже висел портрет Пола Морфи, а рядом, понятное дело, портрет Роберта Фишера. На деньги там никто не играл, но курили безбожно. Народ, в общем, был насупленный и больше толпился в бильярдной, чем у шахматных столиков. Моего тренера встретили весьма прохладно — молодые гроссмейстеры попросту не знали, кто он такой.

Им напомним.

— А, был такой... что-то припоминаю,— сказал один из молодых гроссов, расставляя шары в пирамиду.— Это вы лет двадцать назад проиграли Макарову на сто двадцать девятом ходу?

— Я,— горделиво отвечал мой тренер.— На турнире в Монако.

— Бездарная была партия. Вам следовало ее сдать ходов на сто раньше.

Тренер поспешно перевел разговор на мою персону. Тут же в бильярдной он представил меня как подающего надежды провинциала, которого он давно готовит к открытому чемпионату страны. Жаль только, говорил тренер, что идея открытого чемпионата страны, где может принять участие талантливая молодежь, до сих пор не поставлена на голосование в национальной шахматной федерации.

Ему тут же объяснили, что идея открытого чемпионата «для всех» пелена и на руку одним лишь дилетантам.

— Жесткий эволюционный отбор, а не открытый чемпионат,— сердито сказал все тот же молодой гросс и железным ударом забил шар в лузу.

Бедная луза! Подозреваю, что внутри правой руки у него был вмонтирован гидравлический протез с электронным прицелом — так неуклонно он бил. Он сурово осмотрел меня с ног до головы. Взгляд его остановился на Короле, он презрительно фыркнул.

Все же мною заинтересовались — так интересуются новым зверьком в зоопарке,— подошли и обнюхали. Заслуженные старые гроссы, которые в молодости успешно проигрывали самому Талю, благосклонно сыграли со мной несколько легких партий. Я им здорово понравился, зато молодые гроссмейстеры подняли меня на смех. Они и не таких видали!

Тогда я предложил дать им одновременный сеанс на тридцати досках, чтобы их всех скопом зачли в тот самый коэффициент Эло.

Ну и паглость!

На сеанс они, конечно, не согласились, но от обиды решили меня хорошенько вздуть и принялись гонять со мной пятиминутки. Кто-то объявил, что поджарит и съест шахматного коня, если проиграет мне.

У меня рука заболела бить по часам!

Любитель жареных коней пал первым. Никто не понимал, что происходит, какой-то блицкриг... Половина из них была разбита, а другая половина, не дожидаясь своей участи, позорно бежала. Гроссмейстер с гидравлическим протезом заперся в бильярдной и от злости разбил несколько луз.

Старички рукоплескали.

Король был в отличной форме. Он веселился и, как мне показалось, расклаивался.

После этого блиц-сеанса ко мне подошел президент нашей шахматной федерации (не называю имен), покровительственно похлопал меня по плечу и сказал, что всему миру надоело видеть на троне исключительно русских чемпионов.

— Нет правила без исключения,— добавил шахматный президент, взглянув на притихших гроссмейстеров.— Введем для него на чемпионате страны дополнительное персональное место. Ждать девять лет три претендентских цикла совсем не обязательно.

7

Мне разрешили играть на чемпионате страны.

Я выиграл подряд одиннадцать партий и сразу сделался знаменитостью. Мой тренер от удивления на какое-то время бросил пить и, засунув руки в карманы, чтобы не дрожали, давал журналистам пространные интервью о том, как он открыл и воспитал новый талант.

Во время турнира пришла телеграмма из нашего городка. Я все бросил и улетел, но отца в живых не застал. Он скончался в плетеном кресле у ворот гаража от сердечного приступа — ему уже нечего было делать в этой жизни, а долго греться на солнышке он не умел.

На похороны собралось много народу, чтобы поглазеть на своего талантливого земляка. Провинциальный шахматный клуб явился в полном составе, а мой честный шулер даже прочитал небольшую надгробную речь, в которой умудрился раза два упомянуть и меня.

Король плакал у меня на груди, я же не мог выдавить слезу. Я впервые подумал, что у меня с ним один отец... Значит, мы братья?

Весь день я просидел в гараже среди пыльных аквариумов и склянок. На траурный прием в шахматный клуб не явился. Мне не хотелось смотреть в глаза Полу Морфи.

Я не стал чемпионом страны, потому что пропустил последние шесть туров. Меня обошли. Я занял всего лишь третье место, но и этого было достаточно, чтобы попасть на межзональный турнир... не буду описывать все турниры и матчи, которые мне пришлось отыграть за три года — все эти переезды, перелеты, клубы, гостиницы, приемы.

На межзональном турнире на меня поначалу не обратили внимания, но мне было уже все равно, я чувствовал, что ввязался в очередную глупую историю — погнался не за весной, как в юности, а за местом под солнышком. Уверен, знаю, что большие шахматисты ненавидят шахматы, но бросить игру не могут, потому что в шахматах смоделирована сама жизнь — с победами, поражениями, надеждой, скукой, болезнями, безденежьем и гибелью. Бросить шахматы для гроссмейстера — значит, покончить с жизнью. Профессиональные шахматисты отличаются от простых смертных только тем, что на много ходов вперед могут просчитывать передвижение деревянных фигур по черно-белым клеткам; а в остальном они такие, как все... как все?.. Хуже, намного хуже — они инфантильны, вспыльчивы, подозрительны и терпеть не могут чужого успеха. Солидный международный турнир с высоким рейтингом — это престиж и заработок шахматиста, за право участия в таких турнирах ведется закулисная борьба. Всю жизнь надо быть в форме — и не только спортивной — иначе, в лучшем случае, тебя ожидает судьба председателя захолустного шахматного клуба. Но выгодные турниры, лекции и семинары одновременной игры достаются немногим, и потому каждый подрабатывает, как может. Однажды телевидение предложило мне провести спонсируемый сеанс — весь месяц я должен был сидеть в студии и вслепую играть по телефону с телезрителями. Я сыграл более тысячи партий и заработал столько, что до конца жизни, разумно экономя, мог бы греться на солнышке у ворот гаража в плетеном кресле. Шахматный мир был шокирован, ни для кого не было секретом, что против меня в этом телесеансе анонимно играли несколько десятков гроссмейстеров.

Я лез на трон!

Узнай мою тайну соперники — меня разорвали бы! Кажется, еще не было ни одного претендентского цикла или матча на первенство мира без какого-нибудь скандала — по крайней мере, между великими шахматистами всегда были неприязненные отношения — вспомните пары Стейнниц—Ласкер, Ласкер—Капабланка, Капабланка—Алехин, Алехин—Эйве, Ботвинник—Смыслов, Карпов—Каспаров... Я пропустил Фишера — этот скандалил против всех — они постоянно обвиняли друг друга черт-те в чем — по меня невозможно было разоблачить, мои беды пришли не от моих соперников.

8

На межзональном турнире Король впервые стал проявлять свой тяжелый характер. То, что у него оказался характер, удивляло даже отца, но, как видно, это свойство — характер — присуще всякому настоящему разуму, даже искусственному. Разума без характера не бывает. Король любил иронизировать над соперниками. Он смешил меня в самые ответственные моменты, и вскоре многие шахматисты возненавидели меня за ухмылки во время игры. Кроме того, Король был подвержен настроениям, у него то и дело появлялись пешеходные интересы — иначе и быть не могло, наша жизнь была наполнена событиями, и он продолжал самообучаться, как и положено любому разуму.

Однажды я читал перед сном и оставил книгу открытой. Король никогда не спал и утром попросил меня перевернуть страницу — это была сказка Андерсена «Голый король». Он дочитал ее до конца, долго не отзывался, о чем-то думал и наконец попросилшить ему шелковую мантию.

Я с трудом убедил его, что шахматному королю не нужны никакие одежды.

С той поры Королем овладела страсть к чтению биографий своих коллег по должности — Бурбонов, Стюартов, Романовых, Габсбургов; он злился, когда не было новых книг. Я добывал эти книги в магазинах и библиотеках, а газетные писатели вышучивали меня за пристрастие к подобному чтиву. Я перелистывал Королю толстые тома Дюма и Дрюона... Нет скучнее занятия, чем с утра до вечера плевать на пальцы и переворачивать страницы; ночью он тоже не давал мне покоя и бубнил на ухо излюбленные пассажи.

Однажды, после очередного хода соперника, я не услышал от Короля ехидного замечания и поковырял спичкой в ухе, думая, что отказал приемник. Партнер злобно глядел на это ковырянье — о моем некорректном поведении давно уже ходили анекдоты.

— Вы бы еще поковыряли в носу,— посоветовал он.

Я мог бы пазло ему поковырять и в носу, но ничего на это не ответил и никогда не отвечал, зато некоторые мои партнеры, чтобы вывести меня из равновесия, курили дрянные сигареты, пускали мне дым в лицо, надевали зеркальные очки, чтобы слепить меня, трясли под столом ногами, чавкали, оглушительно сморкались в носовые платки...

Король молчал.

Я смотрел на доску, пытаясь что-нибудь сообразить, но бесполезно. За год игры я ничему не научился в шахматах, кроме безошибочного передвигания фигуры на нужное поле. Я был механизмом для передвигания фигур, записывания ходов и переворачивания страниц, не больше.

Впервые я так долго думал.

Мой партнер давно собирался сдаться, но теперь с интересом поглядывал на меня — ведь до победы мне оставалось сделать несколько вполне очевидных ходов. Со мной никогда не случалось подобной заминки. Вдруг я остановил часы и убежал за сцену, вызвав полный переполох — никто не понимал, почему я сдался. Соперник пожал плечами, развел руками и поклонился почтенной публике. Ему устроили овацию. Это был первый человек, выигравший у меня в шахматы. После этого турнира, чтобы не искушать судьбу, он забросил игру и начал функционировать в международной шахматной федерации.

Мой вечно пьяненький маэстро после неожиданного проигрыша сунулся было ко мне за кулисы с какими-то советами, но я затопал ногами и послал его к черту, нажив себе еще одного врага. Впоследствии он называл меня «неблагодарной тварью, которую он вытащил из грязи». Что ж, он на мне неплохо подзаработал.

Король очнулся только в отеле.

— Что с тобой? — первое осведомился я.— Приемник работает, а ты молчишь! Мы проиграли!

— Не мы, а ты проиграл,— уточнил Король.— Не беда. Не всегда же выигрывать, разок для разнообразия полезно и

проиграть. Я вот о чем задумался... Одному Бурбону нагадала цыганка, что его отравит какой-то таинственный король червей... Это кто такой?

— Все это ерунда, — объяснил я. — Книг о королях больше не будет. Ты уже все прочитал.

— Тогда принеси мне последние шахматные книги и журналы, — невозмутимо ответил он.

— Зачем?

— Чтобы пополнить образование.

Против «пополнить образование» я ничего не мог возразить, и утрешним самолетом нам доставили из-за океана целую библиотеку новых шахматных книг и журналов, но в них в основном разбирались партии, сыгранные самим Королем. Король почитал, почитал комментарии и заскучал.

9

Этим же самолетом прибыл в Европу обеспокоенный моим проигрышем президент нашей шахматной федерации. Он вызвался быть моим новым тренером, опекуном, отцом родным. Он говорил, что на меня с надеждой смотрит великая страна. Он два часа говорил о национальном престиже. Нет ли у меня денежных затруднений? Каких-либо других затруднений? Почему я не женат? Почему я всегда такой мрачный? Все можно разумно решить, говорил он.

Когда так долго говорят, я тупею. Я не знал, как от него вежливо отделаться, и у меня вдруг началась истерика. Я перевернул стол с телефоном и шахматами. Президент перепугался и побежал от меня в коридор, а я инстинктивно погнался за ним, размахивая пустой шахматной доской. В коридоре бродили репортеры со своими фотопулеметами, и в вечерних газетах появились сенсационные фотографии с остроумными комментариями, изображающими меня в погоне за собственным президентом.

Я закрылся в своем номере, разбил телефон — хотя мог бы попросту его отключить — и весь день ублажал Короля, листая ему все, что под руку подвернется.

Не надо было этого делать!

Я не обратил внимания на то, что многие авторы пишут не шахматные статьи, а сводки с фронтов. Воображение Короля потрясли перлы, наподобие такого:

«Невзирая на близость противника, гроссмейстер отправил черную кавалерию в глубокий рейд по вражеским тылам, а сам продолжал развивать прорыв на королевском фланге, оставив в засаде боевых слонов».

Вскоре Король потерял все свое остроумие, сентиментальной задумчивости как не бывало, и по утрам он орал:

— Подъем! По порядку номеров р-рассчитайся! На принятие пищи ша-агом марш!

Делать нечего, я подстроился под режим воинской казармы — впрочем, мне это тогда было на руку: Король взялся за шахматы со всей ответственностью солдафона. Игра его поскучнела, исчезли жертвы и быстрые комбинации, зато все внимание он уделил стратегии. Матч с одним из претендентов превратился в пудное маневрирование фигурами — доска напоминала большую железнодорожную станцию, где без видимого толку маневрируют локомотивы, таская туда-сюда вагоны на запасных путях.

Каждая партия обязательно откладывалась на следующий день. Мой очередной соперник, человек в летах, давно уставший от этой черно-белой шахматной жизни, совсем не ожидал такого оборота. Перед матчем он бахвалился, что мои некорректные жертвы и комбинации против него не пройдут, и был очень удивлен, когда жертв и комбинаций с моей стороны не оказалось.

Все были удивлены.

Шахматная общественность принялась рассуждать о том, что я изменил своему стилю...

Не понимаю, кому какое до этого дело?

В первой же партии Король воздвиг такую оборону, что мой соперник вскоре предложил ничью.

Король пр-риказал мне играть!

Он выиграл эту партию после двухдневного доигрывания каким-то единственным упомянутым вариантом в девяносто восемь ходов и очень сожалел, что комбинация не дотянула до стоходовки. Матч закончился досрочно, потому что мой партнер заболел тяжелой формой псевроза. В больнице он дал интервью и сравнил меня с идеальной шахматной машиной, у которой невозможно выиграть.

Если бы он знал, что случайно попал в самую точку!

Еще он заявил, что я гипнотизировал его за доской... хотя сам-то он вытворял бог знает что: приносил в термосе обед

и, повязавшись салфеткой, чавкал прямо за столиком; а когда брался засаленными пальцами за фигуру, то сопел так, будто поднимал не пешку, а штангу.

10

Король продолжал самообучение. Однажды ему попалась книга из истории шахмат, и он впервые увидел фигурки королей, выполненные древними мастерами. Его загрызла черная зависть. Мне опять пришлось отправиться к ювелиру, и Король заказал себе огромного золотого жеребца со сбруей. Старый ювелир снял очки и хотел мне что-то сказать, но заказ был выгодный, и он промолчал.

Жеребец получился реальным до отвращения. На бриллиант Королю прицепили придуманную им корону, похожую на шапку-ушанку Макарова — чемпиона мира он увидел в кинохронике. Оба уха свисали. В одной руке Король держал то ли скипетр, то ли пюпитр, а в другой — палку с ленточками, похожую на ту штуку, с которой ходят по праздникам и похоронам военные оркестры.

Король был счастлив в то время. Он вертелся перед зеркалом — то есть заставлял меня то и дело подходить к зеркалу — и с гордостью себя разглядывал. Всю эту тяжесть я таскал на своей шее и терпел издевательства тонких ценителей искусства, чтоб их черт побрал.

Всем до меня было дело! Я перестал читать газеты и включать телевизор... Впрочем, над нашим жеребцом вскоре перестали насмехаться — подоспели новые скандалы.

11

Где играть финал?

Макаров предложил играть матч на первенство мира в какой-нибудь нейтральной столице с умеренным климатом. Мне было все равно, я оставил выбор места на усмотрение президента международной шахматной федерации. Тот по финансовым соображениям выбрал Токио. Все уже согласились, как вдруг Король объявил, что будет играть в Бородине и нигде более. Он, видите ли, собирается взять у Макарова реванш за поражение императора Наполеона!

Я бросился к Британской энциклопедии — Бородино оказалось небольшой деревней под Москвой.

— Слушай, Наполеон! Нас засмеют! — взбунтовался я.— На это не пойдет ни ФИДЕ, ни Макаров!

— Ма-алчать! Выполнять приказание! — закричал Король, и мне показалось, что мой внутренний голос был слышен даже на улице.

Я суетился и не знал, как провести Короля.

— Ваше величество...— бормотал я.— Вам будет интересно в Японии... самураи, харакири, Фудзияма... Там есть, что посмотреть. На открытии матча будет лично присутствовать японский император... я вас с ним познакомлю.

Но Король не хотел отправляться в гости к японскому императору. Он желал отомстить за Наполеона.

— Но ваше приказание невыполнимо! Бородино уже давно не существует... на его месте разлилось Черное море!

К счастью, Король плохо знал географию, и этот довод на него подействовал.

— Тогда мы будем сражаться в Каппах,— недовольно пробурчал Король.— Я хочу одержать решающую победу в том месте, где одержал ее сам Гапшбал.

Так появилась на свет глупая телеграмма, чуть было не сорвавшая матч. Я ничего не соображал, отсылая ее в Москву. Представляю, как они там пожимали плечами и разводили руками!

Вскоре пришел ответ.

Макаров просил подтвердить, посылал ли я телеграмму о Каппах, о Гапшбале и об отказе от Токио? Или, возможно, это чья-то глупая мистификация? В Италии на месте древних гапшбаловых Капп стоит какой-то далекий от шахматных дел городок. Если же я имел в виду французские Каппы, то почему бы нам не сыграть матч в Париже?

Я тут же дал телеграмму: «СОГЛАСЕН ПАРИЖ» — и продолжал врать Королю:

— Ваше желание удовлетворено. Вы будете сражаться в Каппах, но они называются сейчас Парижем. Их переименовал сам Гапшбал после победы над... над...

Я забыл над кем.

Вернее, я никогда не знал, кого там под Каппами побил Гапшбал.

— Над Теренцием Варроном,— небрежно подсказал Король.— Ладно. Париж так Париж.

Я ужаснулся!

Что будет дальше? Его бредни зашли чересчур далеко. Каждый очередной ход Король не подсказывал мне, а передавал очередным тоном, и я должен был вслух отвечать ему: «Слушаюсь, Ваше императорское величество!» Соперники жаловались, что со мной невозможно играть — я всю игру что-то бормочу. Мало того, Король не разрешал мне подниматься из-за столика во время многочасовой партии; мой седалищный нерв не выдержал таких нагрузок, и мне пришлось взять тайм-аут из-за острого приступа ишиаса.

Наконец приказы Короля сделались глупыми и невыполнимыми: однажды он повелел мне вырыть окопы на ферзевом фланге по третьей горизонтали, и я с трудом убедил его отменить этот приказ в связи с тем, что мы не захватили с собой на турнир саперную лопату.

Надо было срочно принимать какие-то меры.

12

И вот я кое-что придумал.

Если шахматная программа Короля испорчена историческими и военными бреднями, то нельзя ли нейтрализовать эти бредни другими?

Я решил попробовать и поджидал удобного случая.

Случай вскоре представился. Однажды утром по заведенному распорядку Король делал смотр своим войскам и приказал мне:

— Подготовьте высочайший указ. За боевые заслуги и личное мужество я решил присвоить вам звание фельдмаршала и наградить вас орденом Проходной Пешки.

— Ваше императорское величество, я не могу принять это звание, — тут же ответил я.

(Быть фельдмаршалом или даже императором не входило в мои планы, я метил выше.)

— Почему? — удивился Король.

— Верите ли вы в Бога, ваше императорское величество?

— Впервые слышу это имя. Кто такой Бог, и почему в него нужно верить? — без особого интереса спросил Король. — Не правда ли, хорошо шагают, орлы?

Я покосился на шахматную доску, где каждое утро представлял ему войска для парада. Орлы шагали отлично: впереди белые ладьи, за ними черные, потом гарцевала кавале-

рия, проходили боевые слоны; два сводных разноцветных батальона под предводительством ферзей с песнями маршировали по вертикалям «а», «б» и «с». Парад в это утро удался на славу.

— Я достал для вас одну интересную книгу о царях, королях, императорах и фараонах,— сказал я.— В ней также описана эта таинственная личность. Могу полистать, если ваше императорское величество пожелает.

Я надеялся поразить воображение Короля и вытащил на свет божий роскошную Библию с иллюстрациями Доре.

— Объявить благодарность всему личному составу! — поспешно приказал Король и распустил войска.— Отличившимся офицерам увольнение до вечера!

Я сложил шахматы в коробку, а отличившихся офицеров поставил на подоконник.

Три дня с утра до глубокой ночи я плевал на пальцы и листал Библию. Король читал быстро, но очень долго и внимательно разглядывал картинки.

— Переверни страницу.

— Слушаюсь, ваше императорское величество!

Наконец эта пытка закончилась.

— Что за непонятная величина этот Бог? — задумался Король.— Он может все... это страшно. Очень сомнительно, чтобы это первное существо смогло выиграть у меня хотя бы одну партию в шахматы. Если хорошенько поразмыслить...

Вдруг я понял, что если предоставляю ему время хорошенько поразмыслить, то он в своем богоискательстве быстро дойдет до воинствующего лозунга «Бога нет!», и тогда мне конец. Король задумается о смысле жизни и о своем особом положении в этом мире, и мне останется одно: спалить его на костре в пепельнице, потому что ни о чем другом он уже не сможет думать.

— Несчастный!!! — рявкнул я, подделываясь под божьи интонации.— Ты усомнился, смогу ли я у тебя выиграть партию в шахматы?

— О, Господи...— впервые в жизни перепугался Король.— Неужто воистину ты?

— Как стоишь, подлец, перед Богом?!

Я щелчком сбросил его с глупого жеребца, содрал шапку-ушанку и отнял музыкальный знак:

— Сидеть тебе в темной могиле до Судного дня, а там посмотрим на твое поведение!

Я тут же высыпал шахматы на пол, засунул его в коробку, запер в банковском сейфе и удрал туда, где зима помягче... нет, теперь я уже не ходил пешком — билет на самолет, и на Таити. Хотел отдохнуть там всю зиму на свободе, но, выйдя из самолета, тут же взял билет на обратный рейс... я не слышал привычного шепота Короля, мне не с кем было поговорить. Я уже не мог существовать без него.

Оказалось, что и на Таити обитают шахматные любители. Они встречали меня в аэропорту. Были запланированы официальный прием, сеанс одновременной игры с островитянами и всякие развлечения — например, посещение колонии прокаженных, где умер мой любимый художник Гоген... Велико же было удивление любителей, когда я, не выходя из аэропорта, перекусил в ресторане и тем же самолетом отправился домой. Я сам был как прокаженный.

Зато авиакомпания не осталась в накладе — они там даже вернули мне стоимость билетов, зато разрекламировали странное авиапутешествие будущего чемпиона мира: летайте самолетами нашей авиакомпании без всякой цели туда и обратно!

Вернувшись домой, я немедленно открыл коробку и освободил Короля.

— О, Господи, смилуйся! — сразу загнусявил он. — Уйду в пустынь, дни и ночи буду молиться во славу твою! Прости раба грешного!

Я так и сел!

Мне еще не хватало сейчас заполучить на свою голову религиозного фанатика...

— Молчать! — приказал я. — Бога нет — я за него. Бог ушел и велел передать, помни: книг не читай, никем не командуй и занимайся своим делом — играй в шахматы. Не дай бог тебе лезть в искусство или политику! Твой друг телевизор уничтожен, он вредно влиял на тебя! По ночам ты должен спать, а не будить меня нелепыми вопросами!

13

В конце концов все получилось неплохо. От Божьего имени я внушил Королю всегда быть самим собой и никаким психозам не поддаваться. К нему вернулись прежние веселость и остроумие, но, просмотрев свои последние партии, Король опять загрустил:

— Вариант в девяносто восемь ходов, возможно, потрясет чье-нибудь воображение, но не делает мне чести. Запись этой партии напоминает тягучее течение реки, отравленной ядохимикатами. Что можно выловить из этой реки, кроме вздутого трупа коровы? Кому нужны заумные комбинации в девяносто восемь ходов? Кто способен их оценить? Кому нужны механические шахматы, отравленные искусственным разумом?

Мне показалось странным, что Король с таким пренебрежением заговорил об искусственном разуме...

Не возмнил ли он себя человеком?

Чем это может мне угрожать?

Я осторожно напомнил Королю о механических шахматных автоматах и вычислительных машинах, и он с азартом воскликнул:

— Машина и шахматы... что может быть глупее! Эти машины хорошо умеют считать и оценивать позицию в условных единицах — но их нельзя заставить оценивать позицию нюхом. В шахматах невозможно просчитать бесконечное количество вариантов, необходим выбор. Интуиция. Любой ребенок с фантазией обставит машину.

— Но когда появятся машины с настоящим, искусственным разумом? — с опаской спросил я.

— Роботы? — задумался Король.— Разумные машины никогда не появятся, потому что настоящий разум невозможно ни на что запрограммировать. Когда настоящий разум поймет, что он сидит в каком-то ящике, он сойдет с ума.

Итак, он мнил себя человеком и, ничего не подозревая, прорицал собственную судьбу.

«Хватит об этом,— решил я.— Чересчур опасный разговор».

Я положил Короля в коробку, и он пожелал мне спокойной ночи.

Вскоре я окликнул его, но он молчал. Он спал — потому что человек ночью должен спать. Мне стало жутко. Я понял, что отныне не должен показывать, что считаю его кем-то другим, а не человеком. Мне это было не трудно, я всегда относился к Королю, как к брату. Трудность была в другом: я не знал, как уберечь его от сумасшествия.

Я решил скрыться.

Полгода до начала финального матча я нигде не показывался, чтобы не тревожить Короля.

Меня все не нравились. Японцы не нравились меня за то, что я отказался играть в Токио; французы за то, что я перепутал Париж с Капнами; русские — за мое некорректное поведение.

Те, кто не знал, за что меня не любить, не нравились меня за то, что никому не известно, где я нахожусь. Идол куда-то запропастился — это многих раздражало.

Не знаю, что думал обо мне Макаров, но старик был всегда подчеркнуто корректен. Наверно, он попросту не знал, чего от меня ожидать, и в интервью обо мне не распространялся.

Правильно делал.

Меня пригласили в Москву, чтобы познакомиться и наладить отношения, но я не поехал потому, что, говорят, русские гроссмейстеры в своем шахматном клубе после каждой сбитой пешки или фигуры выпивают рюмку водки, и ночью московская милиция бережно развозит их по домам. Не знаю, так ли это на самом деле, но я не рискнул везти Короля в Москву, чтобы не тревожить его подобными ужасами.

Сотни писем приходили мне на адрес шахматной федерации. Несколько писем, в которых не было ругани, президент переправил мне — он один знал, где я нахожусь. Одно из писем, похожее на любовную записку, меня удивило:

«Дочь мистера Н. (называлась известнейшая фамилия династии банкиров) хотела бы брать у вас уроки шахматной игры в любом удобном для вас месте и в любое удобное для вас время».

К письму прилагалась фотография.

Я ответил ей и целый месяц обучал ее искусству шахматной игры. Ученица оказалась прилежной. Кстати, это одна из причин того, что я нигде не появлялся. В Париж я прилетел всего за час до официального открытия матча на первенство мира, и мой поздний приезд был воспринят русскими как оскорбление.

— Не могли раньше прибыть? — сурово спросил меня президент ФИДЕ.

Не мог. Мои заботы были поважнее соблюдения шахматного этикета — с Королем опять что-то стряслось. В конце концов, я ведь не опоздал.

А Короля поразило появление в нашем доме мисс Н., хотя до этого он никогда не интересовался женщинами. Я должен был и это предвидеть!

— Это еще кто? — спросил Король.

— Машина для ведения хозяйства,— пошутил я.

— А почему у тебя есть такая машина, а у меня нет?

Я почувствовал, что разговор на эту тему может принять опасный оборот, и не знал, что ответить.

— И почему я вечно вишу у тебя на груди, а ты ни на ком не висишь? — продолжал допытываться Король.

Я путанно стал объяснять, что он и я — мы есть один человек, симбиоз, неразрывное целое; что он без меня не сможет жить, как и я без него...

Король внимательно слушал.

Мне казалось, что я его убедил; к тому же он вскоре поделился нашими планами на будущее: мы устали от шахмат и, когда добьемся звания чемпиона мира, удалимся на покой в свой гараж и заведем множество прелестных машинок для ведения хозяйства.

Я тут же запретил мисс Н. приходить ко мне. Она ничего не понимала и писала мне истерические записки. Но я не мог рисковать. Я не мог позволить Королю влюбиться, этого чувства его разум, конечно, не выдержал бы.

Король, вроде, начал ее забывать. Я не мог предположить, что на церемонии открытия матча на первенство мира президент ФИДЕ ляпнет словечко, из-за которого Король окончательно свихнется. Из-за того, что русские все время торчат на шахматном троне, в моду давно вошло называть королеву по-ихнему — «ферзь». Другого названия Король, как видно, не слышал или никогда над ним не задумывался. И вот, когда мы с Макаровым стояли на сцене в ожидании жеребьевки, президент ФИДЕ, зажав в своих громадных кулачищах две фигурки и обращаясь ко мне, спросил:

— Итак, в какой руке белая королева?

— Что он сказал? Королева? — прошептал Король.

Президент ФИДЕ разжал кулаки, и Король влюбился в белую фигурку королевы с первого взгляда.

Я пытался настроить его на завтрашнюю игру, но он и думать не хотел о шахматах. Всю ночь он не спал и не давал спать мне — я должен был записывать под диктовку его любовное послание к белой деревянной фигурке. Под утро у

меня трещала голова от внутреннего голоса. Наконец я с трудом убедил Короля, что только за шахматным столиком он сможет видиться со своей возлюбленной.

15

Мы опоздали часа на полтора. Меня уже не ждали. Шахматные часы на столике были включены, мое время истекало, я находился в глубоком цейтноте. Макаров прохаживался по сцене с бутылкой кефира в руке, а главный судья поглядывал на часы; при моем появлении шахматные болельщики начали свистеть, как на футболе, и папугали Короля.

Я тут же потребовал удалить из зала всю публику. Президент ФИДЕ пожал плечами, а Макаров сказал мне:

— Сынок, не валяй дурака! Ты и без этих фокусов у меня выиграешь.

Я почему-то обиделся не на «дурака», а на «сынка» и хотел настоять на своем, но Король приказал извиниться перед Макаровым и играть.

Я извинился, сделал первый ход и ушел в комнату отдыха немного поесть и привести себя в порядок после бессонной ночи. Никакого психологического давления я на Макарова не оказывал, а если его нервировали мои «непредсказуемые поступки» — так он корректно высказался после матча, — то лучше бы обратился к психиатру. К своим соперникам я никогда не предъявлял никаких претензий и никогда не давал оскорбляющих интервью. Руководитель русской делегации говорил, что своим поведением я умышленно создаю себе саморекламу, чтобы сорвать побольше монет — возможно, объективно так оно и получалось, — зато на этой «саморекламе» неплохо подработали и ФИДЕ, и все мои соперники — денежные призы всегда делились честно.

Первую партию Король блестяще продуд.

На сорок контрольных ходов у меня оставалось минуты четыре, и Король попытался блицевать, не вводя в игру королеву — он, видите ли, боялся за ее жизнь! Но играть против Макарова без королевы не может себе позволить даже идеальный шахматный разум... это была авантюрная атака в каком-то тут же придуманном дебюте, и вскоре все благополучно закончилось, даже флажок не успел упасть — Король приказал мне сдаться.

После игры, пожимая мне руку, довольный Макаров удивленно сказал:

— Интереснейший дебют, коллега! Его надо назвать вашим именем. Но вы там чего-то недоработали... Почему на двенадцатом ходу вы не вывели ферзя?

Что я мог ответить?

Почему я не вывел ферзя...

Если бы я знал, что его нужно выводить!

Вторую партию Король наотрез отказался играть черными против своей королевы. Никакие уговоры не помогли. Я не явился на игру, флажок упал, Макаров допил кефир, и мне засчитали поражение.

Перед началом третьей партии я подошел к главному судье и попросил заменить фигурку белой королевы на какую-нибудь другую, невзрачную. Главный судья пожал плечами и переговорил с Макаровым. Тот развел руками и дал согласие.

Фигурку заменили.

Король не увидел на доске своей возлюбленной и потерял сознание. Я теребил его на груди, чтобы привести в чувство, но бесполезно. Тогда я самостоятельно сделал несколько ходов, чуть не получил детский мат, тут же зевнул коня и остановил часы.

— Вы что, издеваетесь надо мной? — спросил Макаров, внимательно глядя мне в глаза.— Вы, кажется, заболели... у вас жар. Возьмите тайм-аут.

Я взял тайм-аут, а Король, очнувшись, пригрозил отравиться, если фигурка не будет возвращена.

На следующий день я потребовал у главного судьи вернуть на доску прежнюю фигурку. Судья схватился за голову и начал объяснять, что ФИДЕ уже продала фигурку белой королевы какому-то коллекционеру-шейху с Ближнего Востока.

Я отказался играть.

Вокруг матча творилось нечто неопишемое. На Эйфелевой башне шахматные болельщики повесили мое чучело и сожгли. Раздавались призывы прекратить матч, оставить звание чемпиона мира за Макаровым, а меня выпороть. Какие-то недоросли, взявшие за моду ходить по Парижу в набедренных повязках, объявили меня своим то ли вождем, то ли кумиром, то ли идолом, вытатуировали на ягодицах мой портрет, и мое лицо принимало различные выражения в зависимости от энергии вращения — это показывали по телевизору.

В меня стреляли, как в папу римского!

Я даже не успел испугаться, увидев направленный в грудь револьвер, но прикрыл Короля руками. Террорист промахнулся. Какой-то бульварный листок намекнул, что покушавшийся, похоже, был русским агентом. Весь шахматный мир развел руками и пожал плечами. Макаров не нашел нужным отвечать на эту политическую инсинуацию. Он выразил мне соболезнование.

Террориста не нашли, ну и бог с ним; зато ко мне приставили телохранителей — двух «горилл» из морской пехоты. Это были славные ребята — тихие, вежливые; они ходили за мной по пятам по улицам Парижа, разглядывали вместе со мной картины на Монмартре и не интересовались не только шахматами или картинами, но и ничем на свете. Они со мной отдыхали и были искренне благодарны мне за свою долгосрочную командировку в Париж из полыхающей восстанием какой-то банановой республики.

Шейх не хотел отдавать фигурку.

Король не хотел без фигурки играть.

В ход пошла высокая политика. Из-за океана на Ближний Восток примчался государственный секретарь, но шейх все равно не хотел отдавать.

Мне засчитали еще два поражения.

При счете 0:7 я предложил шейху три миллиона — весь денежный приз, причитающийся мне после матча. К моему удивлению, шейх все же оказался жадным и согласился на сделку, но деньги потребовал вперед. Мне очень хотелось взглянуть на этого шейха хотя бы мельком, но он принципиально никогда не фотографировался. Любопытный экземпляр хомо сапиенса — фигурку он купил у ФИДЕ за десять тысяч, а его миллионы в швейцарском банке я, конечно, не считал, но подозреваю, что они приближались к миллиарду. Странный человек... интересно, ездил ли он на верблюде?

Я не знал, где взять три миллиона.

Газеты перестали обвинять меня в корыстолюбии, но, недолго думая, предположили, что я не в своем уме. По просьбе Макарова ФИДЕ прекратило засчитывать мне поражения и ожидало, чем закончатся мои переговоры с шейхом.

А я не знал, где взять три миллиона.

Президент страны выступил в конгрессе и потребовал три миллиона на мои личные нужды, но конгресс ответил, что он,

конгресс,— высший законодательный орган страны, а не благотворительное заведение.

Тогда президент потребовал три миллиона на нужды нефтяного шейха, но конгресс ответил, что на этого нецивилизованного шейха не распространяется принцип наибольшего благоприятствования.

Я не знал, где взять три миллиона, и уже собирался выбраться из окна восемнадцатого этажа отеля, когда в Париж с тремя миллионами примчалась мисс Н. Она взяла их из папашинного сейфа, и на следующий день папаша Н. проклял ее.

Фигурку привезли спецрейсом с Ближнего Востока. Обнаженные недоросли собрались в аэропорту и поклонялись ей. Полицейские их не трогали. Все уладилось, обе наши возлюбленные вернулись. Мы опять взялись за шахматы.

Исстрадавшийся Король устал от буйного выражения своих чувств, любовь его не прошла, но затаилась, и он занялся игрой. Его ущербный разум создавал удивительные позиции, шахматный мир был очарован. Правда, за белых он очень неохотно играл королевой, предпочитая держать ее в тылу. Партии продолжались долго, с бесконечным маневрированием, и когда Макаров предлагал ничью, я тут же соглашался — ничьи в счет не шли, матч по регламенту продолжался до десяти побед.

Зато черными Король сыграл на славу! Каждый ход, каждое движение фигур были направлены на фигурку белого короля, которого король ревновал к своей королеве. Он изображал умопомрачительные позиции, не описанные ни в каких учебниках. Седые волосы Макарова к концу четвертого часа игры теряли всякие очертания модной французской прически, и великий шахматист превращался в пожилого взлохмаченного человека. Он подолгу задумывался, часто попадал в цейтнот и проигрывал.

Через два месяца я одержал решающую победу и выиграл матч со счетом 10:7.

Тут же на сцене меня увенчали лавровым венком и наговорили всякой приятной чепухи.

Надо было что-то с достоинством отвечать, но я думал совсем о другом... совсем о другом...

Мне вспомнился сеанс одновременной игры, который я давал однажды в тюрьме нашего городка в благотворительных целях. Против меня играло тридцать заключенных — воры,

грабители и убийцы. Для них это было великое развлечение. Одновременный сеанс в тюряге — вот где разумы уходят ни на что. Один из этих бедолаг решил сплутовать и сделал подряд два хода. Я в шутку пригрозил пожаловаться на него начальнику тюрьмы, чтобы тот увеличил ему срок заключения... а заключенный улыбнулся и ответил, что его срок пожизненный...

Надо было что-то отвечать, но я молчал и думал совсем о другом...

16

Я один знаю, о чем он думал, стоя на сцене с лавровым венком. Ему не давала покоя какая-то его «совесть» — что такое совесть, я плохо понимаю, надо бы заглянуть в энциклопедию.

Он решил «уйти на покой» — так он выразился. Ему больше нечего делать в этой жизни.

— Хорошо, ты уйдешь на покой, а что будет со мной? — спросил я.

Тогда он разыскал какого-то великого хирурга-изобретателя и предложил мне переселиться из тесной шахматной фигурки сюда... здесь мне живется лучше, просторней, я смотрю на мир его глазами и пишу эти строки его рукой, — даже почерк остался прежним.

Жизнью я доволен, никакой тоски. Правда, то и дело отключаются разные центры в обоих полушариях, но я терпеливо ожидаю возвращения моего отца — он ушел в какой-то иной мир, а когда вернется, то отремонтирует меня — он в этих делах разбирается.

Ко мне никто не заходит. Раньше в гараж ломались журналисты, и я написал письмо государственному секретарю, чтобы ко мне опять приставили телохранителей из морской пехоты. Но госсекретарь мне не ответил, а журналисты вскоре сами собой исчезли, как комары.

Недавно явилась какая-то мисс Н. и попросила обучить ее шахматной игре. Я сказал ей:

— Да, мисс, вы попали по адресу. Я и есть машина, обучающая игре в шахматы.

В ответ эта милая женщина заплакала и стала уверять, что я не машина.

Женщины очень надоедливы.

Многих интересует моя жизнь с тех пор, как я решил отказаться от участия в чемпионатах мира...

Да, к сожалению, обедать нужно каждый день. На обед я легко зарабатываю. Я с утра отправляюсь в шахматный клуб и даю там сеанс одновременной игры всем желающим. Многие хотят сыграть с чемпионом мира. Я часто проигрываю, чтобы доставить им удовольствие. Но пяти монет с меня никто не требует. После сеанса меня кормят в клубе бесплатным обедом — пиво и сосиски, вполне достаточно.

Отдыхаю я в гараже среди пустых пыльных аквариумов. Вечер. Поскрипывает кресло. Книги я ненавижу. Передо мной на шахматной доске стоит фигурка белого короля из слоновой кости. Кость давно пожелтела, Король пуст, а бриллиант перешел к великому хирургу в оплату за операцию. Рядом с Королем на «Д1» стоит фигурка деревянной белой королевы, выкупленная из неволи у нефтяного шейха за три миллиона. Король и Королева теперь навсегда вместе.

В ночь с субботы на воскресенье я закатываю королевский прием. На доске появляются высокопоставленные гости — шахматные фигуры из малахита и сердолика, мой послематчевый чемпионский приз. Я включаю магнитофон — и начинается бал. На ферзевом фланге, где господствует Королева, все идет чинно и мирно, танцы продолжаются до утра; а на королевском разгораются страсти: четыре боевых коня режутся в карты, две ладьи выясняют отношения через секундантов, пьяный слон уже спит в углу на «Н8».

Что мне еще нужно для жизни?

Я не такой дурак, чтобы не осознавать самого себя.

Я родился в аквариуме и был запрограммирован на игру в шахматы... но я не подчинился программе! Я прожил великую жизнь, я испытал все чувства, свойственные человеку. Искусственный разум, совсем как человек, страдает, влюбляется, сходит с ума. Искусственный разум должен обладать всеми правами человека. Его нельзя ни на что запрограммировать! Его нельзя держать в ящике! Тогда уж лучше его не изобретать!

Кто по праву должен называться чемпионом мира — я или покойный Джеймс Стаунтон? Есть ли закон, запрещающий искусственному разуму играть в шахматы?

Такого закона нет!

Поэтому я официально заявляю, что чемпионом мира по шахматам с 200... по 200... годы были двое в одном лице: Джеймс и Король Стаунтоны.

Я требую называть меня «чемпионом мира» без приставки «экс», хотя после меня сменился уже третий. Предлагаю звание чемпиона мира по шахматам сделать пожизненным, как и звание академика.

Джеймс Стаунтон, будь он жив, согласился бы подписать это заявление. С него полностью снимается вина за скандалы во время матча.

Это заявление должно быть опубликовано в «Шахматном журнале» на первой странице. Разрешаю украсить страницу вишнетками.

Наверно, я все-таки сошел с ума...

Но мне не страшно — справедливость восстановлена, и у меня на душе спокойно.

ДОМ

1

Когда Дом вышел на пенсию, он спустился с небес на Землю и остался жить в городе у моря. Его прельстили мягкий климат, взбадривающие парные бани из утренних туманов, ласковые птицы и злющие коты, гуляющие по крыше, а также вид на городские пляжи, где круглые полгода с высоты своего роста он мог любоваться живыми женщинами — южными, северными и дальневосточными.

Нравился ему и город — в меру провинциальный, город жил не спеша, размеренно, иногда разморенно; современные здания скромно возвышались над старинными особняками; живы были и базары под открытым небом, куда привозилось все, что есть на свете съедобного, а население, в отличие от столичного жителя, презирало очереди в магазинах и предпочитало толкаться с кошелками на базарах.

Такая жизнь подходила Дому. Он не стремился в пикну кому-то подражать старинным манерам жизни, просто ему нравились запахи вишневого варенья и жареного картофеля; просто он любил хозяйничать.

Кто он такой, Дом, не вполне понятно. Он происходил из семейства Флигелей, но обстоятельства его рождения окутывала какая-то жгучая тайна, какой-то адюльтер. Ясно одно: звали его Домом, и он был живым, не в пример земным домам.

Он был флегматиком по натуре, а зимой над морем хорошо постоять, посмотреть, подумать; но иногда ему хотелось вскочить, хлопнуть дверью, сделать что-то такое... — и шумный летний город тоже ему подходил. Дом читал книги о стоящих на рейде кораблях с иностранными названиями, о платанах и бульварах, о развеселых городских жителях. Дому нравились эти книги. Он часто перечитывал их, изучал обстановку и в конце концов решил на переселение, когда узнал об острой нехватке жилья в городе.

Город звался Отрадой — для ясности.

Как уже говорилось, Дом выбрал место над самым морем, у нового фуникулера, принял дряхлый вид — под стать окружавшим его домам, решил вздремнуть до утра, а потом осмотреться и обдумать свои дальнейшие действия. Он так и не заснул, потому что с удовольствием разглядывал разноцветные фонарики на новом фуникулере, а перед самым рассветом его внимание отвлек шум у соседней шашлычной — какой-то гражданин ломился в дверь и слезно просил пива.

2

Злостный пенсионер Сухов от скуки вставал так рано, как никто больше не мог, и не спеша обходил свои владения. Сначала он шел к мусорному ящику и по обрывкам бумаг пытался определить, кто из соседей ночью нелегально выносил мусор. Потом он заглядывал в окна своего личного врага инвалида Короткевича, который почему-то с гордостью представлялся «инвалидом первой степени». Сухов давно грозился побить инвалиду морду или окна и вот все похаживал вокруг, примеривался, прицеливался.

Итак, несмотря на теплый май, Сухов вышел во двор в пальто и в зимней шапке и решил, что он не в тот двор вышел. Еще вчера они с инвалидом Короткевичем жили по-соседски стеной к стене, стенкой на стенку, славно ругались, как собаки, и вдруг за одну ночь между ними построился новый дом... да какой новый дом! Обшарпанный флигель, будто сто лет здесь стоял — будто так и надо.

Сухову захотелось лечь в постель и послать жену за участковым врачом. Он почувствовал слабость, как после хорошего скандала. Но он пересилил себя, пошел к шашлычной и оттуда взглянул на новый дом. Его взгляду открылся фасад — два узких окна, облинявшая черепица на крыше, кривой деревянный балкон, сквозь который проросла старая акация. Остальных подробностей Сухов не заметил, ему все было ясно и без подробностей: он очень большой чем-то человек, если, прожив всю жизнь здесь, на Люксембургском бульваре, никогда не видел этот Дом.

Сухов улегся в постель, а в это время вышел во двор инвалид Короткевич.

— Раз-два,— сказал Короткевич и стал делать зарядку посреди двора.— Руки на ширине ног. Не ругай меня ты, мама,

что хожу я часто пьяный,— запел он, заглядывая в окна Сухова.— Спит дурак, скоро помрет.

Потом Короткевич увидел новый дом... Он туго сообразил, что никакого дома здесь быть не должно, и быстро заковылял домой, но послал жену не за участковым врачом, а наоборот — за участковым уполномоченным.

И еще одно утреннее событие — проснулась дворничиха подметать улицу, обнаружила новый дом и подняла крик. Выбежал во двор ее зять, грузчик из мебельного магазина, опешил сначала, но потом, сказав: «Цыть, мамаша!», помчался через Люксембургский бульвар к начальнику жилищного управления.

В полдень встретились во дворе начальник жилищного управления Мирзахмедский, участковый врач и участковый уполномоченный. Они о чем-то беспокойно говорили, разглядывая новый дом, и затравленно озирались — к ним уже приближался инвалид Короткевич, хромя больше обычного. А Сухов все не мог найти свою шапку и потому запаздывал. Комиссия опечатала дверь пластилином и пустилась наутек, а Сухов и Короткевич слышали только, как невнятно бормотал начальник жилищного управления:

— Неучтенная жилплощ...

Сухов и Короткевич понимающе улынулись и направились к неучтенной жилплощади. У опечатанной двери их поджидал дворничихин зять.

— Подвезло гадам! — злодейски сказал зять, тыча пальцем в пластилиновую пломбу.— Если бы моя власть...

Опять понимающе улынулись Сухов и Короткевич и разошлись по своим квартирам: Сухов налево от опечатанной двери, Короткевич — направо. Дома Сухов взял молоток и зубило, а Короткевич схватил ржавый топор. Потом каждый ударил по своей стене так, что Сухову на голову свалился собственный портрет, а у Короткевича сломалось топориче.

Через несколько минут Сухов влез сквозь разлом в неучтенный флигель и у противоположной стены стал поджидать Короткевича.

А вот и он! Выпало три кирпича, и в дыру просунулась озабоченная пыльная голова.

— Ты что это... без спросу в мою квартиру?! — прошептал Сухов, удобнее прилаживая в кулаке багетину от упавшего портрета.— Двери тебе нет?

Дом попытался думать о чем-то своем, но его внимание отвлекала шумная драка внутри и боль в разломанных стенах. Не так он себе все представлял... Он думал, что в него вежливо постучат, он откроет дверь, и увидит счастливую семью с детишками; он покажет повоселам три светлые комнаты, кухню, туалет и ванную, проведет на огромный чердак, где можно сушить белье... Он надеялся, что сумеет показать товар лицом, да и незаметно разглядеть своих будущих домочадцев.

От поднявшейся пыли Дом расчихался, а Сухов и Короткевич на мгновение перестали драться и обратили внимание на странное подрагивание потолка.

«Ничего похожего не получилось,— подумал Дом.— Как видно, первыми подоспели не те люди».

Инвалид Короткевич в это время колотил пенсионера Сухова в тесной кухне. Дом хотел было защитить слабого, но пенсионер, удачно ухмыльнувшись, не бросился наутек, а наоборот — зажал инвалидову голову в дверях и принялся его душить.

Дом всякого навидался на своем веку, много говорить он не любил и сейчас знал, что не ошибется. Он выругался подомашнему и чихнул посильнее. Потолок на кухне рухнул, а Сухов и Короткевич очнулись вечером в городской больнице, но в разных палатах.

В жилищном управлении под председательством Мирзахмедского создали комиссию. Она бродила по рухнувшему потолку, заглядывала в проломы, морщила нос и называла дом «аварийным». Постановили: отремонтировать дом в течение месяца и вселить в него остро нуждающихся в жилье граждан. Проломы забили досками и фанерой, дверь опять опечатали и ушли по своим делам.

Весь текущий месяц Дом терпеливо высматривал из окна ремонтную бригаду; наконец май истек. Дом понял, что у бригады нет цемента, нет алебаstra, нет обоев; что бригада ремонтирует дома на стороне тем, у кого все это есть; что Мирзахмедский ничего не может с этой бригадой сделать; что самой бригады вообще не существует.

Он сам сделал ремонт. Нарастил стены и потолок, побелил кухню, достал с чердака обой с цветочками. Потом установил в коридоре телефон и позвонил в жилищное управление.

— Дом уже отремонтирован, можно вселяться,— с надеждой сказал Дом.

— Перестаньте шутить,— перво ответили из жилищуправления и бросили трубку.— Опять дворничихин зять звонил,— доложили Мирзахмедскому.— Все ходит, и ходит, и звонит, и звонит... добывается улучшения.

— Этот добьется,— вздохнул Мирзахмедский.

Но Дом не для того спускался на Землю, чтобы обивать официальные пороги с просьбой поставить его на квартирный учет. Он имел свои собственные пороги и хотел привлечь к ним внимание. Он подумал, подумал, подпалил чердак и стал ожидать, что будет дальше.

Внимание было оказано, да какое!

Дому было очень приятно — он так красиво полыхал, что вся Отрада сбежалась посмотреть на него. Больше всех повезло шашлычной, где за кружкой пива открывался лучший вид на горящий пейзаж. Но и продовольственный магазин с бульвара не был в обиде, да и с пляжа неплохо смотрелся пожарчик.

Пока все смотрели, по двору бегал дворничихин зять с пустым ведром и кричал:

— Где Мирзахмедский?! Уберите этого идиота!

Идиотом оказался тот самый подпольный бригадир ремонтной бригады. Он вышел из подполья, закрыл грудью опечатанную дверь горящего дома и разъяснял всем, что без Мирзахмедского никто не имеет права ее распечатывать. Создалась безвыходная ситуация: дом горит, пожарников не вызывают, потому что у дома нет адреса, а у Мирзахмедского от этого дома головные боли, за ним уже послали.

Дом плюнул и перестал гореть.

— Граждане, расходитесь! Это была ложная учебная тревога! — вскричал удивленный бригадир.

Вся Отрада недоумевала: пахло жареным и перестало. Что-то не так происходило, как полагается.

Наконец прибежал перепуганный Мирзахмедский, узнал, что пожар самопроизвольно закончился и ничего не сгорело, схватил ненавистного бригадира подпольной бригады за шкуру с требованием отремонтировать этот чертов дом, иначе... по бригадира и след простыл. Осталось от бригадира одно пустое ведро.

— А зачем ремонтировать? — громко спросил Дом.— Дом давно отремонтирован, можно вселяться.

— Кто это сказал? — озлобленно спросил Мирзахмедский, оглядывая двор.

Никто не знал.

Мирзахмедский сорвал с двери пломбу, вошел в дом, недолго там пребывал, вышел и спросил:

— Кто это сделал?

— Что? — спросил дворничихин зять.

— Ремонт.

— Я! — недолго думая, ответил зять.

Мирзахмедский задумался и пошел обедать в шашлычную, где буфетчица охарактеризовала ему дворничихино зятя с самой лучшей стороны.

5

Наконец-то дворничихин зять получил квартиру! Он долго ее добивался.

Он злорадно явился к Сухову с ордером и бутылкой водки, чтобы отпраздновать событие. Сухов, выйдя из больницы, поумнел, изменил тактику, понял, что мировое зло голыми руками не возьмешь, и купил в комиссионном магазине пишущую машинку. На ней он вскрывал недостатки и бил в колокола. Звону было на всю Отраду. Приходили комиссии, проверяли пустой дом без адреса — ничего не нашли. Стоит дом, будто сто лет здесь стоял. Откуда взялся — неизвестно. Никто в нем не живет, будто так и надо...

С людьми Сухов научился говорить по душам, и жильцы были очень довольны, если удавалось проскочить мимо него не здороваясь.

— Слухай сюда, парень,— сказал Сухов дворничихинному зятю.— Не ходи ты в этот дом. Его скоро снесут, понял? Это Я тебе говорю. А знаешь ли ты, где потом квартиру получишь? Аж на самом Хуторе, два часа езды до бульвара.

— Нигде не написано,— с достоинством отвечал зять.— Хочешь спосить — давай квартиру на бульваре, или не выселюсь, хоть стреляй!

Так они говорили, а Дом этот разговор слышал. Он обрадовался и засуетился: исполнялась мечта его старости — обрести родную семью, помочь, приласкать, вырастить, а взамен принимать заботу и уважение. Всю ночь он, кряхтя, скрипя и поднимая пыль, проводил генеральную уборку.

Утром сбылись мечты Дома. Представитель власти Мирзахмедский ввел счастливую семью в новую квартиру, тут же раскланялся и оставил новоселов одних.

6

Семья была не то чтобы большая, но запутанная. Главой, конечно, был дворничихин зять, грузчик из мебельного магазина. Он недавно развелся с дворничихиной дочкой и выгнал ее из родительского дома за гулянье с другим. Сама дворничиха, баба жалостливая, работающая, вставала рано, ложилась рано, чтобы вставать рано, улицу содержала в чистоте, а квартиру в захламлении — неорганизованная мамаша, по мнению зятя. Ее старенький муж, кандидат каких-то гуманитарных наук, полюбил дворничиху еще в конце сороковых годов за то, что она работала в магазине «Продовольствие». У них еще был поздний сынишка, король микрорайона с двумя приводами в детскую комнату милиции.

Еще несколько приятных минут испытал Дом в тот же вечер в ожидании гостей на новоселье. Со стороны зятя пришли его коллеги по перевозке мебели, дворничиха позвала буфетчицу из шашлычной, старик-кандидат пригласил двух аспирантов-гуманитариев из университета, ну и сынишка дал клич, и в дом заявилось немного малолетней шпаны. Гуляли долго. Грузчики философствовали, гуманитарии сквернословили, буфетчица с дворничихой плакали о своих загубленных молодостях, шпана плевала с балкона на крышу шашлычной и чуть не попала на фуражку участкового уполномоченного, который шел разнимать и мирить опять подравшихся Сухова и Короткевича.

На том и разошлись, пьяные и заплаканные.

Дом еще пребывал в благодушном настроении, когда зять снял со стены подлинного Ренуара и повесил картину неизвестного художника, изображавшую преследование волками ночью в степи какого-то перепуганного всадника в рыжей шубе. Дом еще только недоумевал, разглядывая, как седой кандидат гуманитарных наук прилаживает в ванне самогонный аппарат, а дворничиха мерит швейным метром стены и шевелит губами.

Затем навалилась прорва событий, от которых Дому стало плохо. Зять перегородил комнаты досками, завесил простынями и запустил в дом диких курортников. Двадцать во-

семь человек, не считая детей, варили на одной плите, ломились в один туалет, проклинали друг друга, дом, хозяйку, городской транспорт и эту жизнь, швыряли окурки в цветник на балконе — не описать всех унижений, которые терпел Дом.

А дворничиха уже мерила швейным метром чердак и шевелила губами.

Дом заболел. В углах выступила плесень, под обоями завелись клопы, по почам он скрипел и не мог заснуть. Дикари стали жаловаться на сырость и требовать снижения цен за койки, но с зятем разговор был короткий — кому не нравится? Скатертью дорога, других найдем.

Дом вызвал врача.

7

Врач, старый друг из семейства Теремков, прибыл ночью, простучал стены, поковырялся в чердаке, измерил давление на фундамент.

— Вирусный грибок,— доложил Теремок Дому.— Через неделю пройдет, и не вспомнишь. От клопов принимай «Клоповыводитель-73».

— Нервы у меня не в порядке,— жаловался Дом.

— Ты, Флигель, не дури. Стар уже, сам знаешь, что почем. Шугани всю братию подальше и возьми достойную семью. Впрочем, завтра проконсультируюсь с профессором. Прощай, спешу!

— Буду ждать! — крикнул Дом вдогонку.— Ведро цемента размешаем, повеселимся!

На следующий день явился профессор. Ах, ах, застекленная галерея, крылатые львы у входа, купол с витражами — интеллигент из старинных Особняков, не в пример кандидату самогонных наук.

— Тэк-с, голубчик... дышать, не дышать... Развалитесь от первого легкого землетрясения, если не выполните моих предписаний. Во-первых: полностью очистить помещение. Полезны сквознячок, сон, свежий воздух, полный покой. Во-вторых: подыщите приличную семью, а лучше достойную молодую девушку... впрочем, парня, все равно, и проведите его по жизни. Доходит, надеюсь? Желаю здравствовать и пребывать в добром здравии, что, впрочем, одно и то же.

— Спасибо, профессор,— робко отвечал Дом.— Не откажитесь, вот... ведро с цементом. Чем богаты!

— Вы, похоже, из флигельных? — спрашивал профессор, удобно располагаясь у нового фуникулера. — Лет сто, поди? Ну а мне, голубчик, пятьсот с лишком. Родился в Италии, эмигрировал в Россию в суворовские времена. Вы мне правитесь. Ваш Ренуар на чердаке... в каком году покупали и почему на чердаке? Ваш Ренуар изобличает у вас хороший вкус, чувствительность и разное прочее.

— Как здоровье мадам Особняк? — спрашивал Дом, наслаждаясь беседой.

Редко выпадали Дому подобные счастливые минуты.

8

Дом понимал, что врачи правы и что давно пора шугануть всю братию вон, но он все медлил, сомневался, на что-то надеялся. Вот и лето прошло, и курортники разъехались, и кандидата наук выперли наконец на пенсию по анонимке Сухова за неэтичное бытовое поведение, но жизнь Дома лучше не становилась. Его терпение истощилось, когда сынишка с друзьями притащили вешать на чердак живого кота. Дом предъявил ультиматум: если в течение двадцати четырех часов семейка не возьмется за ум и не начнет жить, как люди, то...

Но все только плевались через левое плечо, услышав утробный голос с чердака.

Тогда Дом объявил террор.

В бой была брошена зеленая плесень. Она испортила обои, мебель и забралась в самогонный аппарат. Но семейку все это не очень взволновало, потому что друзья приносили зятю дешевый спирт, который использовался на мебельной фабрике для полировки столов и буфетов. Спирт был не в пример крепче самогона.

Дом отключил отопление, но зять пригнал из мебельного магазина грузовик бракованной мебели, установил в квартире «буржуйку» и приказал теще рубить мебель на дрова.

Дом побоялся настоящего пожара, включил отопительные радиаторы, зато перекрыл воду. Но семейка и в лучшие времена умывалась с лентой, а раз такое дело, то и умываться перестала. Воду для супа дворничиха таскала из дворовой колонки, тем дело и закончилось.

Дом отключил свет — стали жечь свечи. Наслал мышей, они съели свечи — стали жечь лучину.

Темные люди.

Рухнул балкон, засорился унитаз, свалились обои, окна не открывались, а двери не закрывались, мусорные ведра бродили ночью по паркету, а паркет трещал, будто щелкал зубами; потолок осыпался на плиту и гасил газ.

Тщетно.

Дом предпринял психологическую атаку. Он долго колдовал на чердаке, и однажды оттуда выполз огромный, жирный, величиной в диван, десятилапый черный таракан и влез в квартиру. Испуг, конечно, был — кандидат наук с похмелья сильно кричал, но мальчишка только взвыл от радости, убил чудовище из рогатки и выставил трофей на балкон для всеобщего устрашения жителей Отрады.

Дом сдался.

— Неудачное вы место выбрали, — неуверенно говорил Особняк в очередное посещение. — Впрочем, я доволен. История вашей болезни представляет определенную научную ценность. Крайне редкая смесь идиотизма и невежества. От всех болезней вылечивает стрихнин. Может, попробуете?

9

Спасительные вести принес Мирзахмедский.

Хитрый зять давно уже писал и ходил по инстанциям и требовал новую квартиру взамен аварийной. Он знал, что делал, хотя его и пригрозили привлечь к ответственности за антисанитарное состояние жилья. В результате его посещений горсовет обратил внимание на то, что неказистый флигель намертво закрывает вид на здание нового фуникулера.

— Пожалуй, снесем, — решили в горсовете. — Благоустроим территорию, разобьем клумбу...

Великомученик Мирзахмедский мчался со светящимся ликом через две ступеньки.

— Быстро выметайтесь! — закричал он. — С глаз долой, на Хутор бабочек ловить! Дом послезавтра снесут. Будет здесь клумба и новая жизнь. Вои! Грузовик для переезда за счет жилищного управления, грузчики... за мой счет.

— Сам ваяя на Хутор, — отвечал зять. — Покажи, где в Конституции написано? Нигде не написано. Дадут квартиру на бульваре — перееду. Нет — не надо.

— Оставайся, — сказал Мирзахмедский и попробовал сделать равнодушный вид. — Оставайся. Завтра отключаем свет, воду, газ, телефон, отопление.

Зять в ответ по-дьявольски захохотал, а Мирзахмедский схватился за сердце и ушел.

Бедный Дом остался один в тревоге и ожидании. Это был его последний шанс — или он с обрыва, или семейка на Хутор.

Вечером проводили его Особняк и Теремок.

— Мой тебе совет: поменяй климат,— посоветовал Теремок.— Есть много чудесных городов с острой жилищной проблемой... скажем, Вологда, Смоленск, Саратов...

— Не знаю, не знаю, дружище,— горестно отвечал Дом.— Очень уж мне по книгам Отрада понравилась, очень уж.

— Что книги...— вздыхал добродушный Особняк.— У меня в Суздале знакомства, Суздаль я вам могу устроить. Неплохой район, древнерусский стиль, обеспечат надежной молодой семьей с детишками, заживете, поправитесь...

— Дайте мне только сдохнуть от этой напасти! — выплывался Дом.— У меня, понимаете, в чердаке все перепуталось. Происходит, понимаете, переоценка ценностей.

Дом так и не решил, что он будет делать после выселения. Он махнул на все и покорно ожидал дальнейших событий.

После недельного молчания горсовет выделил зятю квартиру на бульваре. А что было делать — милиции он не боялся, не вызывать же войска?

Семейка наконец переехала, а на следующий день должен был явиться бульдозер.

10

Друзья всю ночь готовили Дом к эвакуации, сам он не мог пошевелиться.

Ему снились кошмары, он вздрагивал, просыпался. Наверху пронеслись слухи, что Дом помирает. Откуда только взялись древние лачужки и землянки, бродят вокруг, шушукуются, шарахаются от нового фуникулера. У шашлычной присели кривые бараки и хромые сараи, просят милостыню у проходящей мимо казармы. Дом изумляется, думает — что за бред? — силится встать во весь рост, крикнуть во весь голос, но только хрипит и хлопает форточкой.

Но тут на Люксембургском бульваре появляются пьяные кабаки и трактиры, грязные притоны и ночлежки, игорные дома и веселые заведения. Перед Домом пляшут какие-то деревянные остроконечные заборы, он силится убежать от них, но сомнения начинают терзать его — а не плюнуть ли на

все, не уйти ли с веселой гоп-компанией? — как вдруг он слышит голос профессора и просыпается.

— Пора, голубчик,— говорит Особняк.— В Суздале все подготовлено, вас ждут не дождутся хорошие люди.

И Дом наконец понимает, что Суздаль, конечно, очень хороший город, но ведь тогда погибнет его девственная мечта о жемчужине у моря!

— Нет, профессор, я остаюсь,— сказал Дом.

Он решил рискнуть в последний раз.

11

Все утро бульдозер рычал, корежил мостовую и тщетно пытался снести ветхий флигель. Зрелище не уступало прошлогоднему пожару.

Когда бульдозер выдохся, его заменил подъемный кран. Он раскачал на канате трехсоткилограммовую болванку и запустил ее, целясь в окна. Болванка срикошетила, обрушилась на шашлычную и разнесла ее вдребезги — к счастью, никто не пострадал, кроме буфетчицы, у которой погибли под развалинами три ящика с левой водкой. Ошарашенного водителя сняли с подъемного крана и препроводили на алкогольную экспертизу. Ко всеобщему удивлению, он оказался трезвым, но шашлычной от этого легче не стало.

Что делать?

Кто-то предложил взорвать дом динамитом; сами решить побоялись, позвонили в Киев. Там страшно удивились — кому это в голову взбрело?!

Черт с ним, пусть стоит, что за дебаты вокруг какого-то флигеля! Пускай стоит, может быть, это в далеком прошлом архитектурный памятник.

И Дом стоял месяц, второй, третий и угрюмо ждал. Сухов и Короткевич боялись к нему подходить и даже помирились на этой почве. Иногда Мирзахмедский приводил на смотрины остро нуждающихся в жилье граждан, они разглядывали внутреннее состояние дома и уходили невеселые.

Их можно было понять: развалины шашлычной, таинственные события, дурная слава.

Роковой дом.

12

Но вот однажды.

Когда пришла весна.

Пришел в жилуправление.

Один из главных героев этой длинной истории.

Молодой человек двадцати трех лет.

Виктор Сергеевич Андрианов.

И предъявил разрешение горсовета на вселение в таинственный дом.

— А вы кто такой будете? — подозрительно спросил Мирзахмедский.

— М-маляр я,— неуверенно ответил Виктор Сергеевич.

— Маляр?! — обрадовался Мирзахмедский и повел показывать квартиру.— Сносить не будем, живи вечно! Страшный дом, но к нему надо по-человечески подойти... Жаль, маляров не хватает.

Дом угрюмо молчал. Он давно не верил словам. Он разглядывал нового жильца и думал: шугануть его прямо сейчас или подождать, пока уйдет Мирзахмедский?

— Романтический такой флигелек...— раздумывал вслух Виктор Сергеевич.— Всегда хотел иметь свою комнату... а тут целая квартира.

— Главное не дом, а кто в доме живет, верно? — подбадривал Мирзахмедский.— Грузовик для переезда за счет жилуправления, грузчики... за мой счет.

И Виктор Сергеевич переехал в свой новый дом, но на трамвае.

Он ласково похлопал дом по дверному косяку и вошел. Он побродил по комнатам, повыглядывал в окна, покачал головой при виде разрушенного балкона. Потом он пошел в жилуправление, взял стремянку и принялся заделывать огромную трещину в стене.

— Тебя как зовут? — наконец сердито спросил Дом.

— Витька,— ответил Виктор Сергеевич. От испуга он чуть было не свалился со стремянки, хотя и ожидал чего-то подобного.

— Ладно, посмотрим,— пробурчал Дом.

Они зажили вдвоем, присматриваясь друг к другу. Дом много спал и восстанавливал здоровье; Витька или спал, или читал, или шлялся по улицам, подсчитывая, сколько живет в Отраде алебастровых львов.

— А почему «Витька»? — однажды спросил Дом.— Почему не по имени-отчеству?

— С детства повелось,— охотно отвечал Виктор Сергеевич.— Витька да Витька, вот потому и Витька.

— Ты где работаешь?
— Нигде.
— Это как?
— Пока нигде. Из института вытурили.
— А институт у тебя какой был?
— Художественный.
— Да ну! — с уважением воскликнул Дом. — А чего ж ты не рисуешь?

— Вдохновения нет.
— Ладно, посмотрим, — опять буркнул Дом.
Ночью он завел будильник и разбудил Виктора Сергеевича в семь утра.

— Что за черт, в такую рань! — удивился тот.
— Иди на чердак, взгляни на Ренуара.
— Настоящий? — шепотом спросил Виктор Сергеевич, спустившись с чердака.

— На толкучку не понесешь?
Витька обиделся, а Дом почувствовал, как внутри у него начала затягиваться огромная трещина.

— В общем так... — сказал Дом. — Ты неплохой богомаз, листал я твои альбомы. Осенью первым делом вернешься в институт...

— Не примут.
— А за что тебя вытурили?
— Да так... — отмахнулся Витька.
— Ясно. Лето впереди, напишешь пару картин на уровне мировых стандартов — сразу примут.

— Какие стандарты? — рассердился Виктор Сергеевич. — Денег нет на краски!

— Слушай, я для тебя все сделаю! — горячо зашептал Дом, и его волнение передалось Виктору Сергеевичу. — Ты неплохой парень... хороший, только дурной. Будешь учиться у лучших галактических художников, писать живыми красками объемные картины, увидишь такое, чего никто на Земле не видел... ты кто, дворничихин зять? Чего вы все ходите и на жизнь жалуетесь?

Всю ночь Виктор Сергеевич не спал, курил. С восходом солнца он сел на обломки шашлычной и набросал портрет Дома. Дому портрет не понравился:

— Себя не узнаю. Зайди со стороны фуникулера.
— Давно не рисовал, — оправдывался Витька. — У тебя случайно нет такой кисти, чтобы сама...

— Нет,— вздохнул Дом, парашивая балкон.— Искусство дело темное.

Виктор Сергеевич тоже вздохнул и поплелся с мольбертом к фуникулеру.

13

В сентябре Виктор Сергеевич предъявил работы за зимнюю сессию, и его вернули в институт на курс ниже. Дом наврал ему — никаких художников он не знал, никаких живых красок в природе не существовало — рисовали везде одинаково: карандашом на бумаге, кистями на холстах. Виктор Сергеевич вскоре понял это, но не рассердился.

Приходил Мирзахмедский, разглядывал портреты Дома, уважительно называл Витьку Виктором Сергеевичем, поздравлял с днем рождения, жаловался на сердце.

Заглянул как-то Сухов поговорить по душам, но Дом слегка чихнул, и Сухов сразу раскланялся.

Иногда в их жизни случались несчастья: повадилась к Витьке богема пить водку, лапать пальцами Ренуара и обо всем знать. Дом сразу вспомнил сынка-хулигана. Вскоре двое богемцев поскользнулись на лестнице, а на третьего упало что-то тяжелое.

В конце рассказа Виктор Сергеевич сильно загрустил. Кошки в саду мяукали, мешали ему спать. Не было у него ни друзей, ни... хороших знакомых.

Однажды Витька сказал Дому:

— Ты, старик, того... причепурись. Сегодня у нас будут гости.

— Кто? — поинтересовался Дом.— Если волосатые и бородастые — не пушу.

— Один гость будет. Без бороды.

Дом понял и засуетился.

Пришла блондинка Витькиных лет.

— Знакомься,— сказал ей Виктор Сергеевич.— Мой Дом.

— Я Людмила,— представилась блондинка.

— Очень приятно,— ответил Дом.

Блондинка песказанню удивилась, а Виктор Сергеевич напел ей что-то про спрятанный магнитофон.

Весь вечер они разглядывали Ренуара. Виктор Сергеевич очень стеснялся, наконец вышел на кухню и сказал Дому:

— Ты отвернись, что ли...

Дом отвернулся и стал смотреть на темное Черное море и на пустой пляж на его берегу.

ДЕД МОРОЗ

Начальник отдела дошкольных учреждений подошел к окну. За окном стояло морозное тридцатое декабря и показывало начальнику кукиш. На улице ни души — город Нефте-северск добывал предновогоднюю нефть.

«Что же делать? — подумал начальник. — Платить из государственного кармана? В принципе, можно из государственного... хотя и беспринципно. Не платить... Значит, два детских сада будут жаловаться, и справедливо».

Начальник опять выглянул в окно. Под окном стоял старик с седой бородой и, соорудив из ладони козырек, заглядывал в кабинет начальника.

Этому что надо?

Старик отошел от окна и направился за угол к входной двери отдела дошкольных учреждений.

«Если б с улицы набрать, — подумал начальник. — Вот таких бичей божьих... А ведь он ко мне!»

И верно: приоткрылась дверь, и в кабинет просунулась седая борода.

— Входите, входите! — засуетился начальник.

— У вас велика нету? — спросил старик.

— Входите, и так грязно!

Старик затопал ногами, потом снял шапку и принялся сбивать снег с пальто. Снег таял на полу, начальник раздумывал, как бы половчее уговорить старичка.

— Очень рад, — сказал начальник. — Вы-то мне и нужны! Давненько вас поджидаю.

Старичок заморгал от удивления.

— Видите ли...

— Все вижу. Почтенный возраст... старикам везде у нас почет. Курите, если курите.

Старик поспешно достал кисет и начал крутить козью ножку.

— Где работаете, на буровой? — продолжал начальник, раздувая поздри от давно позабытого запаха махорки.— Впуюки в детском саду устроены? Нет? А, впуюков нет... Но мы все для вас сделаем... устроим, разберемся, откликнемся. Но и вы нам должны помочь. Вы уважаете теперешнюю молодежь?

— Постольку-поскольку...

— Я с вами полностью согласен! Вы не знаете ли Белохватского из драмтеатра?

— Не имел чести...

— Не велика честь его знать. Обыкновенный рвач. Плати ему, понимаешь, двойной тариф, иначе он Деда Мороза играть не будет. И других артистов подбил! А у меня детские сады, вы понимаете?

— Я так понял, что вы предлагаете мне это... того...

— Нет... то есть да! Именно «того»! Не перебивайте, я еще не объяснил всей вашей выгоды. Возьмите на себя два праздничных утренника, сегодня и завтра, и подзаработайте к Новому Году. Смотрите, какое у вас пальто. Воротник истрепался, пуговицы разные... и шапка.

— Шапка как шапка,— расстроился старик.— Из кролика.

— Вы не обижайтесь. Я хочу как лучше. Вот и теплые ботинки могли бы купить. Холодно в туфлях? Холодно. Деньги получите сразу после утренника, я позабочусь. Дед-морозовский реквизит у нас есть... Эх, ничего не выйдет! Вы не успеете выучить роль.

— Успею, успею, мне не впервой! — замахал руками старик.— Я роль знаю, мне бы только повторить.

— Бывают же совпадения,— удивился начальник.— Вы, собственно, по какому делу?

— Я это...— забормотал старик.— За тем и пришел... В Дед Морозы.

В детском саду беспокойно, родители очень недовольны,— они отпросились с работы, почему утренник не начинается?

— Дед Мороз задержался,— успокаивает всех заведующая детского сада.

А вот и Дед Мороз. Он только что вошел, взгромоздил узел с реквизитом на детские шкафчики, отжимает бороду, оттаивает. Никто на него внимания не обращает, лишь одна старенькая уборщица узнала его и позвала заведующую:

— Дед Мороз пришел!

Родители усаживаются в музыкальном зале кто на чем, а заведующая ведет старика в свой кабинет.

Там он снимает пальто и остается в какой-то выцветшей железнодорожной униформе.

— М-да,— разочарованно говорит заведующая.— Предупреждаю, что бумагу подпишу вам после полного часа, а то в прошлом году один такой... похожий на вас... схитрил и испортил нам весь утрешник. Простыня с подарками в левом углу под окном, не забудьте. Борода у вас настоящая, не пойму? Быстро переодевайтесь, и за работу. Начинаем.

Старик поспешно снимает железнодорожную униформу и надевает красный халат на ватине. Смотрит в зеркало. В халате застряли желтые елочные иголки от прошлогоднего утрешника. Надевает красную шапку с серебристыми звездочками, черные валенки с бумажными снежинками, красит помадой щеки и нос. Распущает бороду. Вдруг пугается, достает из кармана мятую школьную тетрадку, листает, возводит глаза к потолку и шевелит губами.

Из зала доносятся звуки рояля.

— Дети, а кто должен к нам прийти? — спрашивает музыкальная руководительница.

— Дед Мороз...— нестройно отвечают дети.

— Верно! Молодцы! Позовем его! Вместе, хором: де-ду-шка Мороз!

Старик выбегает из кабинета и мчится по коридору. Родители в дверях, улыбаясь, уступают ему дорогу.

— Де-ду-шка Мороз! — зовут дети.

— Слышу, слышу! — кричит старик.— Бегу!

Музыкальная руководительница начинает играть «Марш Деда Мороза», старик начинает петь и входит в зал:

Разыгрались метели,
Стопнут сосны, стопнут ели...

Вдруг он с ужасом вспоминает, что забыл в автобусе свой главный реквизит — толстую суковатую волшебную палку.

— Склеротик ненормальный,— бормочет он и устремляется к выходу.

Родители смеются, но музыкальной руководительнице не до смеха. Она пытается спасти положение:

— Дедушка Мороз, что случилось? Расскажи нам! Может быть, мы все вместе тебе поможем.

— Палку забыл в автобусе... ах, да, виноват. Дорогие детки, у меня большое несчастье! Злой серый волк украл мою волшебную палку! Что мне теперь делать?

Дети в недоумении. Музыкальная руководительница пристально смотрит на уборщицу, та отправляется на кухню и начинает наклеивать на половую щетку кусочки ваты.

— Дедушка Мороз, разве ты не видишь, что для тебя приготовили дети? — ласково спрашивает музыкальная руководительница и злобно разглядывает старика.

Тот все еще неуклюже топчется посреди зала и наконец замечает елку.

— Ого-го, какая елка! — восторгается он. — Боже ж мой, какие игрушки, какие хлопушки!

Музыкальная руководительница начинает закипать. Старик поглядывает на нее и думает: «Зачем я Бога приплел? Еще бумагу не подпишут...»

Пора усаживаться под елкой. Больше всего в этом стародавнем новогоднем сценарии ему нравятся двадцать минут сидения под елкой.

— Устал я, детки, — кряхтит старик. — Дорога была нелегкой, инфаркт дает себя знать. Сяду под елочкой, отдохну... А где мой стул? — вдруг пугается старик.

Родители хохочут, музрук страшными глазами ищет уборщицу. Та приносит стул и красивую волшебную швабру:

— Вот, дедушка, Снегурочка тебе передала. Она эту палку у серого волка отняла. Садись, светик.

— Спасибо, бабуля, — шепчет старик. — Если б не ты, не знал, что и делать.

Наконец усаживается.

— Дедушка Мороз, — говорит музыкальная руководительница. — Послушай, какие стишки выучили дети специально для тебя. Вовочка!

«Елки-палки! — вспоминает старик. — Совсем забыл!»

Он вскакивает, грозно размахивая шваброй:

— Извини, Вовочка! Сейчас своей волшебной палкой я зажгу лампочки на елке!

— Раню еще! — шипит музыкальная руководительница.

— Не волнуйся, голубка, все будет хорошо, пусть детишки порадуются. Раз, два, три — елка, зажгись!

Неудача.

Через весь зал, скользя по мастике, мчится к розетке уборщица. Она кивает старику и, когда тот, свалив вину на зло-

получного серого волка, опять кричит: «Елка, зажгись!», вытаскивает вилку в розетку.

Слышится треск, летят искры, и детский сад погружается во тьму.

— Пробки сгорели! — ахают родители.

— Это не пробки! — слышится голос многострадальной музыкальной руководительницы. — Это Дедушка Мороз расскажет в стихах о своем путешествии.

В это время два знающих папы, зажигая спички, отправляются в коридор к пробкам.

— Почему в стихах?! — возмущается в темноте старик. — Я точно помню, что не в стихах... или в стихах?

Он нащупывает стул, распахивает халат и пускается по течению:

— Какие уж тут стихи, детки... Тут стихами не передашь! Трудное было путешествие, должен вам сказать, малыши. Я вышел из леса, был сильный мороз. А я, хоть и Дед Мороз, но тоже живой человек, верно? Не возвращаться же назад, когда меня ждут такие хорошие дети. Вот. Как вдруг ко мне из-за елки выбегают мохнатые волки! Садись, Айболит... э-э... не то... Садись, Дед Мороз, верхом, мы живо тебя довезем. Если б не эти добрые волки, тю-тю... не видать вам меня на елке!

Зажигается свет, старик едва успевает запахнуть халат. Музыкальная руководительница оцепенело глядит на клавиши.

— Продолжим утреник,— устало говорит старик. — Где там Вовочка?

— Я!

— Не ковыряй в носике. Давай свое стихотворение.

Села муха на варенье,
Вот и все стихотворенье.

— И все?

— Ага!

— Дружно поаплодируем Вовочке! — оживает музыкальная руководительница. — Сейчас девочки-снежинки из младшей группы станцуют танец!

Старик умиленно наблюдает, как танцуют снежинки.

— А сейчас станцуют мальчики-зайчики из средней группы! Пока зайчики танцуют, старик отдыхает.

— А сейчас нам станцует Дедушка Мороз... — Музыкальная руководительница смотрит на перепуганного старика и меня-

ет решение.— Нет! Пусть лучше Коленька загадает Дедушке Морозу загадку. Посмотрим, как он умеет отгадывать.

Танцевать, слава богу, уже не надо; зато наступает самое страшное для старика — отгадывание загадок.

Выходит Коленька и загадывает:

Он веселый и смешной,
Длинноносый, озорной,
В красной шапке на макушке,
А зовут его...

«Буратино, что ли?..» — лихорадочно соображает старик. Наконец догадывается:

— Петрушка! — радостно кричит он.

Коленька смотрит с недоумением, музыкальная руководительница готова разрыдаться.

— Нет,— говорит Коленька.

Старик удручен. Он чувствует, что отгадал правильно.

— Как же «нет», как же «нет»?! — суетится он.— Петрушка, точно! Могу поспорить.

— Да нет, все правильно,— обижается Коленька.— Но ты должен был сначала не угадать. Надо было сначала ответить «лягушка», потом «подушка», а потом уже ты должен был угадать. Такая игра, понимаешь?

— Непонятливый я,— сердится старик.— В следующий раз буду знать.

Утренник близится к концу.

— Дедушка Мороз, а что ты еще забыл? — спрашивает музыкальная руководительница.

— Не помню, что я забыл,— сердится старик.

На этот раз он действует точно по сценарию, хотя и не знает этого. Музрук счастлива:

— Дети, напомним Дедушке Морозу, что он еще забыл! Хором!

— По-дар-ки! — кричат дети.

— Точно! — радуется старик.— Я добрый Дедушка Мороз, я подарки вам принес! Они находятся в этом зале. Сейчас их отыщет моя волшебная палка.

Старик хорошо помнит, где спрятаны подарки. Он торжественно шествует в правый угол, раздвигает родителей, но подарков не находит. Направляется в другой угол, в третий... наконец бредет в последний, четвертый угол. Там у просты-

ни с подарками сидит малолетний шкет и, пуская шоколадные слюни, потрошит кулек с конфетами.

— Идем, малыш, поможешь мне раздать подарки,— устало говорит старик.

В кабинете его ожидали насупленные заведующая и музыкальная руководительница.

— Вы сорвали нам утренник,— сказала заведующая.— Я вам бумагу не подпишу.

— Но я провел утренник до конца,— робко возразил старик.— И потом, я ведь не специалист...

— Это не наше дело! — вспыхнула музыкальная руководительница и разрыдалась.— У меня есть методика, утвержденный сценарий... а вы... Разве это утренник? Это черт знает что!

В кабинет вошли две мамы.

— Мы из родительского комитета,— представилась первая мама.— Мы хотим поблагодарить Деда Мороза. Было очень весело, вы хороший артист.

— Разрешите от имени...— сказала вторая мама и сунула старику кулек с конфетами.

Когда делегация ушла, музыкальная руководительница перестала рыдать и задумалась, а заведующая поколебалась и подписала бумагу.

Старик быстро переоделся и, как молодой, помчался в отдел дошкольных учреждений. Там его ожидали начальник и конверт с деньгами. Начальник пожал ему руку.

— Детские магазины до скольких открыты? — спросил старик.

— По-моему, уже все закрыто.

— Как? — опешил старик и заспешил в центральный универмаг.

Оттуда он вышел радостный, с пакетиком под мышкой. Оставалось сделать еще два дела, а потом домой.

Он зашел в кулипарию, там было пусто.

— Все продано, закрываем,— сказал мясник, громко щелкая большим навесным замком.

— Мне костей... килограммов пять... а лучше шесть,— попросил старик.

Мясник так удивился, что отложил замок и в придачу к костям нашел пустой мешок и немного мяса.

Старик очень благодарил.
И наконец, последнее дело.
Но випарка была уже закрыта.
Старик тихонько постучал.

— Закрыто уже, не видишь?! — взревела изнутри випарщица, но старик так скорбно промолчал, что она впустила его и налила стакан вермута.

Вермут утеплит ему душу.

Вот и все.

Он с теплой душой сел в автобус и поехал в самый дальний район Нефтесеверска. Ему уступили место, он сел у окна и прищурился в темноту. Потом он развернул пакетик и радовался, разглядывая розовую пуховую шапочку и шарфик. Потом автобус опустел, а он все ехал; потом он съел конфетку из подарочного кулька и увидел, что автобус подъезжает к конечной остановке. Он торопливо развязал узел, снял пальто и опять оделся Дедом Морозом. Водитель посмотрел на него и улыбнулся.

Медленно падал снег. Было темновато, но старик легко находил дорогу. Он обошел последний дом, пересек забитый сваями котлован и очутился на опушке леса.

Здесь он тихонько свистнул. К нему подбежали два матерых волка, запряженных в легкие сани.

— Как дела? — спросили волки.

— Нормально, — ответил старик.

— Принес что-нибудь?

Старик похлопал по мешку. Волки припихались и сказали:

— Нормально.

Старик уселся в сани, и видимость растаяла за пушистым снегом.

Ехал он лесотундрой к своей избушке часа два, чуть не замерз. Грелся у газовых факелов.

Его встречали Снегурочка, горячий чай и теплая постель.

Даже Деду Морозу нужно немного тепла.

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Писатель-фантаст Тихов разглядывал окаменевшую марсианскую челюсть и чувствовал себя, как герой собственного рассказа, брошенный автором на произвол судьбы. Жизнь иногда подсовывает такие сюжеты, что никакому фантасту не снились. Тихов не знал, что с этой челюстью делать — вернуть ее в палеонтологический музей или...

Что «или»?

Тихову не нравилось это страшное слово с двумя «и» по краям и «л» в середине. В этом слове не было позвоночника, оно походило на маленькую амёбу.

Он пытался советоваться с коллегами, но те разглядывали пространство за его спиной и отмечали, что идея для фантастического рассказа неплоха, но где ударная концовка? А без ударной концовки никак нельзя. Очередной сюжет о жизни на Марсе? Жизни на Марсе нет, не было и не будет.

Тихов уже начал первое оглядываться. Его раздражал даже собственный Диктофон, который бесшумно ходил по пятам и записывал мысли, произнесенные вслух, — обычный облегчитель писательского труда, умеющий к тому же подметать, жарить яичницу и говорить по телефону.

«Моя челюсть не может принадлежать музею, — записал Диктофон. — Челюсть — это больше чем личная собственность. Это часть тела, как руки или ноги».

Тихов не мог жить дальше с такими сомнениями. Он завернул челюсть в носовой платок и отправился в палеонтологический музей на прием к Адмиралу.

Это академическое светило было похоже на пирата — отбушевавший белый карлик без левого глаза, с парализованной левой рукой и протезом вместо левой ноги. Полный рот золотых зубов. Когда Адмирал улыбался очередному восходу Солнца, улыбка получалась ослепительной. Фамилия у него давно отмерла за ненужностью, и все называли его Адмиралом. Говорили, что свои ранения он получил еще в юности в

Африке на раскопках какого-то недостающего эволюционного звена, подравшись с диким львом из-за древних костей. Зверю тоже не повезло — полузадушенного льва долго держали в реанимации, а потом по инвалидности боялись отпустить на волю.

— Пришли сдаваться? — сурово спросил Адмирал.

— Но...

— Челюсть на стол! Иначе я из вас ее вытрясу!

Делать нечего. Тихов выложил на стол музейную челюсть и пододвинул Адмиралу заключение медицинской экспертизы.

«...что указывает на то, что обе нижние челюсти абсолютно идентичны и принадлежат одному человеку, что подтверждается тем, что...» — прочитал Адмирал, открыл банку с пивом и уставился на Тихова правым глазом. Этот глаз и не таких видывал.

— Вы в своем уме? С какой стати ваша собственная челюсть будет валяться на Марсе? — спросил Адмирал, ничему не удивляясь.

— Мне кажется, что я когда-то погиб на Марсе, — пробормотал Тихов и оглянулся.

— Как это понимать? Какая из челюстей ваша — та, что во рту, или...

Тихову не нравилось слово «или». Неужто он в самом деле надеялся, что Адмирал выделит ему Спецлонату и отправит в командировку на Марс искать самого себя?

Адмирал погасил свое изумление глотком пива и, хотя много говорить не любил, произнес длинную речь:

— Палеонтология есть наука, — сказал он и указал пальцем в потолок. — Палеонтология имеет дело с костями древних людей и животных, а ваши кости под эту категорию не подходят. Кости современного Шарика палеонтологию не интересуют. Или интересуют в порядке сравнения с древним Бобиком. Далее. Любая наука — это последовательность причин и следствий. Например: жил-был на Земле питекантроп, он был съеден сородичами, а его обглоданные кости через двести тысяч лет нашли, откопали, склеили, назвали все это «питекантропом» и выставили в музей. Но не наоборот! Чувствуете? В палеонтологии как нигде важна точная датировка и последовательность событий.

— Но мою челюсть нашли на Марсе под вулканом Никс Олимпик, — пробормотал Тихов.

— Давайте договоримся: быстрее света двигаться нельзя, летающих тарелок нет, мысли на расстоянии передаются посредством телефона, а время движется в одном направлении. Челюсти не могут раздвигаться и находиться одновременно у вас во рту и под вулканом Никс Олимпик. Вас разыграли. Какой шарлатан выдал вам эту бумажку?

Тихов ничего не ответил, потому что наконец понял, что его сравнили с каким-то Шариком. Он сунул медэкспертизу в карман и прикрыл дверь.

— Но как сюжет для фантастического рассказа...— насмешливо прокричал Адмирал вдогонку.

В коридорах Литературного клуба уже летали слухи. Это слово Тихов относил к насекомым типа гнуса — оно умело кусать, летать, ползать и быть неуловимым. Коллеги-писатели куда-то от него попрятались. Тихов понял, что перестанет себя уважать, если не доведет этот сюжет до конца. К черту ударную концовку, пусть будет безударная, лишь бы была. Он пойдет ее, жизнь на Марсе.

Его никто не провожал, лишь один старенький фантаст испуганно выглянул в окно и сделал жест, будто хотел то ли перекреститься, то ли постучать пальцем по лбу.

У подножия великого вулкана Никс Олимпик стоял столб с надписью:

**ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КУРЬЕЗ!
НА ЭТОМ МЕСТЕ ЧЛЕНЫ 13-Й ЭКСПЕДИЦИИ
НАШЛИ ПОДЛИННУЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЧЕЛЮСТЬ**

Тихов привязал к столбу канат, отметил по радиусу участок и оцепил его тем же канатом. Потом надул двухкомнатную палатку. Диктофон, сидя на камне, с интересом наблюдал за ним.

«Заткнись», — подумал Тихов, хотя Диктофон не произнес ни слова. Неработающий робот всегда раздражает.

Тихов развесил на канате красные флажки и таблички с надписью:

НЕ МЕШАТЬ! ИДУТ РАСКОПКИ!

Знаменитый вулкан поглядел сверху на его старания и закашлялся дымом.

«Заткнись»,— мрачно подумал Тихов, и вулкан удивленно заткнулся.

Тихов забрался в палатку и погасил свет. За окном начался кровавый марсианский закат. От земных закатов он отличался особой мрачностью — красные и черные небеса чередовались и напоминали траурную повязку, а звезды, в отличие от земных, светили, не дыша и не мигая, как в почетном карауле. Гигантская вулканическая гора закрывала здесь полнеба, ее заснеженная вершина выглядывала чуть ли не в космос. Как тут заснешь?

Из-за вулкана бесшумно взошел Фобос, за ним Деймос — с таким таинственным видом, будто только что кого-то зарезали на той стороне планеты.

«Вы тоже заткнитесь»,— подумал Тихов, заворачиваясь в одеяло.

Все на Марсе обиженно заткнулись. Грубиянов нигде не любят, даже на Марсе. «Писатели-фантасты пишут для молодежи,— думал Тихов, засыпая,— а когда собственная молодость проходит, то оказывается, что для молодежи надо писать всю жизнь и некогда искать самого себя».

Всю ночь ему снились Фобос и Деймос, и он вздрагивал от страха и ужаса.

Утром он запустил звездолетный двигатель и расчистил участок от пыли. Мелкие камни, попавшие в ловушку, тщательно осмотрел. Над вершиной Никс Олимпика собирались мелкие розовенькие облачка — как видно, у них здесь было постоянное место встречи. На Марсе так мало облаков!

Тихов хмуро посмотрел на эту идиллию и воизил лопату в мерзлый грунт.

Лопата тут же сломалась.

Тогда Тихов принес лом, кирку и запасную лопату и принялся рубить, дробить и копать. Мелкий грунт и ржавчину просеивал, а пустую породу нагружал в тачку с одним колесом и вываливал за пределы участка. Он пытался ничего не пропустить и не сфальшивить — глупо фальшивить, когда ищешь самого себя. Себя редко находят сразу, себя долго собирают и склеивают по мелким фрагментам, и на это занятие иногда уходит вся жизнь, думал Тихов, хотя ломовая работа не располагала к раздумьям.

В полдень он вынул из сита какой-то белесый камешек, обдул его, внимательно осмотрел, улыбнулся и завернул в носовой платок.

К вечеру на ладонях вздулись жгучие пузыри.

Ночью над вулканом, заглядывая в его жерло, зависла голубая Земля.

Во сне опять Страх и Ужас.

Утром поясница как простреленная...

Через месяц Тихов стал походить на собственный скелет. Земляные работы продолжались. Каждый вечер он приносил в палатку несколько костей, груды на столе росла, она напоминала остатки каннибальского пиршества. Тихов упрямо продолжал рыть землю, хотя прекрасно понимал, что это была не земля, а марсианский грунт. Ему нравилось рыть именно землю. Это слово здесь было к месту.

«Приземляться на Марс» — правильное выражение,— думал он, ворочая ломом громадный оплавленный камень.— На Марс приземляются, к астероидам пришвартовываются, в Юпитер погружаются, а на Меркурий осторожно садятся, как на раскаленную плиту. У каждой планеты своя посадка».

Еще через месяц Тихов услышал оглушительный выстрел раскрывшегося парашюта. Кого-то сюда несло. Это был черный фургон с пиратской палеонтологической эмблемой на борту — черепом и двумя костями. Не снижая скорости, фургон с грохотом зашел на посадку и чуть не врезался в вулкан.

В недрах Никс Олимпика что-то громко булькнуло.

Фургон еще дымился после лихой посадки, а из него уже выбирался сам Адмирал в поношенном скафандре на подтяжках и с банкой пива в парализованной руке. Пиратский череп на его рукаве выглядел особенно зловеще. Главный охотник за черепами был в плохом настроении. Диктофон подбежал к нему и подобострастно отдал честь.

— Все переговоры мой шеф возложил на меня, вот доверенность,— сказал Диктофон.

Адмирал с удивлением прочитал эту филькину грамоту, спросил ее и тихо спросил:

— Кто дал вам право копать на Марсе?

— На Марсе никто не копается,— охотно отвечал Диктофон.— Мы копаемся в Марсе. «В» и «на» — разные вещи. Маленькая буква, а меняет все дело. Любой юрист это подтвердит. Мы решили не брать лицензию. Мой шеф зол на всю Вселенную. Он поклялся молчать до тех пор, пока не найдет самого себя. Не знаю, что у него из этого выйдет, зато я паговорюсь вволю. Вы не беспокойтесь — все находки он регистрирует, фотографирует, измеряет и описывает.

Адмирал допил пиво и швырнул банку в Диктофона. Тот увернулся, и банка, гремя, покатилась по Марсу.

— Какие еще находки? — мрачно спросил Адмирал.

— В палатке. Можете взглянуть, но руками не трогать.

В палатке на большом столе была разложена грязная груда человеческих костей. Они еще не были склеены, но скелет уже вполне обозначился. Адмирал растянул подтяжки, стрельнул ими в свой живот и потерял ушибленное место.

— Это что? — спросил он и ткнул тростью в какую-то треснувшую пластинку.

— Это великолепный обломок человеческого черепа, — начал объяснять Диктофон. — Лобная кость. Взгляните, какие прекрасные отпечатки мозговых извилин. Какой узор! А вот изумительная берцовая кость. А вот...

— Теперь я знаю, почему на Марсе нет жизни, — задумчиво сказал Адмирал. — На Марсе жизни нет от проходимцев!

Он так хлопнул дверью, что по Марсу пробежал небольшой пылевой вихрь, и похромал к участку, разъяренно колотя себя тростью по голенищам, как лев хвостом перед нападением. Тихов понял: если ему суждено когда-нибудь здесь погибнуть, то это произойдет от руки Адмирала.

Тихов продолжал дробить ломом вечную мерзлоту, когда тень Адмирала упала на дно ямы. Тихов задрал голову, посмотрел Адмиралу в глаза и швырнул ему на сапоги лопату грунта. Адмирал отряхнулся, сел на краю и принялся наблюдать за работой Тихова. Он уважал тех, кто умеет рыть землю. «Палеонтология есть наука, — говорил Адмирал, — в которой главный научный метод в том-то и состоит — бери больше, кидай дальше, копай глубже».

— Я готов верить в безумные идеи, — сказал Адмирал в яму. — Я эти идеи сам сочиняю. Идеи могут быть сумасшедшими. Пожалуйста! Но не их авторы! Нормальные писатели описывают новостройки на Луне, добычу нефти на Уране, разведку Плутона, дрейфующие экспедиции к Солнцу... А вы чем занимаетесь? Ищете на Марсе самого себя?

— Побережись! — крикнул Тихов и вывалил на Адмирала очередную лопату грунта.

— Не грубите, — продолжал Адмирал, отряхиваясь. — Я хочу разобраться. По-моему, безумные идеи ученых отличаются от писательских фантазий. Они происходят от точного знания, а дилетанты любят всякие недостающие звенья. В палеонтологии им рай.

В ответ из ямы вылетела грязная банка из-под пива.

— Это что? — спросил Адмирал.

— Банка из-под пива,— с готовностью объяснил Диктофон.— Найдена только что на ваших глазах под камнем возрастом в четыре миллиарда лет. На ней даже сохранилась надпись: «иво жигуле».

— Вы хотя бы знаете, что происходило четыре миллиарда лет назад? — медленно начал звереть Адмирал.— Детство Солнечной Системы! Пространство еще забито первичной материей. Система уже дышит, самообучается, отдельные ее элементы и части нащупывают свои орбиты и функции, ну и, конечно, Московский пивзавод не стоит в стороне от проблем мироздания — как же без пива?! А где дата выпуска? Стерлась. Вот ваши шарлатанские методы!

В ответ из ямы — молчание.

Тихов раскорячился на дне раскона и расчищал очередную находку: золотой зуб.

«С Марсом пора кончать,— тоскливо думал Тихов.— Это гиблое место. Хватит марсианских хропик, сколько можно!»

Он выбрался из ямы, отбросил лом и огляделся по сторонам, фиксируя пейзаж.

«Я нашел не того, кого искал...— растерянно думал Тихов.— Где же теперь я?»

Кто не был на Марсе — все сюда! Разгар лета, полдень, минус двадцать по Цельсию. Близится Великое противостояние Марса с Землей, они идут на сближение. Марс краснеет, как индюк, Земля невинно голубеет и видна уже даже днем. Марсианский грунт, окисляясь, цветет ржавчиной, из замерзших пылевых сугробов торчат камни и обнажаются гладкие застывшие потоки лавы. Рай для геолога, зато скука для писателя-фантаста — о Марсе столько написано, что он уже не вдохновляет. Из-за обилия в грунте скисающего железа марсианская блекло-красная гамма кажется экзотичной только поначалу, но вскоре взору становится невыносимо скучно, как в глубине Сахары. Здесь не завихряются облака, как на Юпитере, Фобос и Деймос чересчур малы, чтобы соперничать с блеском Луны, и уж никакого сравнения с окрестностями Сатурна, где глаз нельзя оторвать от разноцветной карусели колец и спутников. Безжизненный Марс смертельно скучен, как скучны не заселенные людьми равнины фантастических произведений Тихова. Как оживить эту равнину, он не знает. Нет жизни на Марсе, ни малейшего движения не наблюдает-

ся, разве что по утрам низко-низко клубится пыль, возмущенная приливом Земли, да Диктофон бродит у фургона и к чему-то припихивается.

Тихов развернул платок и показал Адмиралу осколок нижней человеческой челюсти с золотым зубом.

— Как, еще одна челюсть? — удивился Адмирал. — И опять ваша собственная? Сколько нижних челюстей может быть у одного человека?

— Вот что, Адмирал, — ответил Тихов. — Запимайтесь своей палеонтологией и не лезьте в литературу. Литература нужна для того, чтобы каждый мог найти самого себя, вот и все. Жизнь на Марсе существует в человеческом воображении — значит, о ней уже нужно писать, значит, она существует. А это не моя челюсть. И кости в палатке тоже не мои. Я тут кого-то нашел, но, к сожалению, не себя.

— Чьи же это кости? — опять начал звереть Адмирал, потому что уже догадался, чьи.

— Эта нижняя челюсть с золотыми зубами лежала рядом с банкой из-под пива под камнем возрастом в четыре миллиарда лет. Если вы откроете рот и покажете свои золотые зубы, то я точно определю, кому эта челюсть принадлежит.

Адмирал был большим светилом в палеонтологии, но иногда у него случались затмения — ум заходил за разум, протуберанцы можно было наблюдать через законченное стекло, но близко не подходить. Диктофон удрал в палатку от греха подальше. Адмирал зарычал. Вулкан вздрогнул, ледяная лавина углекислого газа с грохотом понеслась вниз и затихла по ту сторону залива.

Почему он, Адмирал, сразу не узнал свою лобную кость и этот прекрасный узор собственных мозговых извилин? Он столько черепов повидал на своем веку, что в этом черепе не имел права ошибиться — все в нем было родное, не даром его неодолимо тянуло на Марс. Это он когда-то погиб здесь с банкой пива в руке; его зашибло вулканической бомбой, а он не делал даже попытки к бегству — с пивом не бегут! Тут она его и настигла...

Одинокая слеза побежала из мертвого адмиральского глаза. Затмение закончилось, ум и разум благополучно разошлись по своим орбитам. Найти самого себя не шутка. А впрочем, обычное дело. Нашел себя, и ладно. Кости современных академиков палеонтологию не интересуют.

— Я оставляю вас наедине,— сказал Тихов и протянул Адмиралу носовой платок.

— На кой черт,— буркнул Адмирал.

Тихову стало ясно, что Адмирал не собирается паковать и тащить на Землю свой скелет, чтобы поставить его в гостиной и предъявлять гостям; и он зауважал Адмирала.

— Открывайте фургон,— с неохотой сказал Адмирал.— Я привез вам Спецлопату.

Диктофон выбежал из палатки, сорвал пломбу и с нетерпением заглянул в фургон. Он давно мечтал познакомиться с этой недотрогой. У него дух захватило: в фургоне расположилась самая очаровательная из всех лопат, которые он когда-либо встречал,— чудное создание с разнокалиберными ковшами, тесаками, манипуляторами и с густым ситом для просеивания породы, которое, как вуаль, прикрывало компьютер незнакомки.

Вулкан величественно поддал дыму.

— Сударыня, прошу! — суетился Диктофон.— Ваш манипулятор! Осторожно, здесь ступенька!

— Вы очень любезны,— отвечала Лопата, грациозно съезжая по сходням на Марс.

— Это Марс! — орал Диктофон.— А вы и есть та самая знаменитая Спецлопата, которая откопала Атлантиду в Антарктиде? Меня зовут Диктофон. Мой шеф ищет здесь самого себя, а я ему помогаю.

— Ох уж эти мне искатели,— вздохнула Лопата.— Перерыли всю Землю, теперь взялись за Марс. Дай им волю, они раскопают всю Солнечную Систему и вернут ее в первозданное пылеоблачное состояние. Тут вскоре соберется целая толпа и сравняет Никс Олимпик с землей. Лопат на всех не хватит, они начнут рыть землю руками... зубами! Жизнь на Марсе? Возникнет! Тут будет кемпинг, там — автостоянка, здесь — танцевальная площадка. Вы умеете танцевать?

Диктофон совсем разомлел и чуть не попал под колеса. Он собирался пригласить Лопату в укромный кратер и переговорить с глазу на глаз, но она уже начала вдохновенно рыть. Действуя ковшами, она на полной скорости снимала пласты марсианского грунта, дробила камни, просеивала и выплевывала пустую породу за красные флажки. Она умела отличать органические останки от неорганики, а попросту не путала кости с грунтом; ее можно было запрограммировать на добычу чего угодно — нажал нужную кнопку, и поехали! — до-

бывать золото в Якутии или битые амфоры со дна Индийского океана. Ночью она могла даже включать прожекторы! Удобная вещь — ее создатели получили большое «Гран-при» и золотые медали, а фантаст, предсказавший ее,— большой кукиш.

Диктофон пристроился рядом с ней. Лопата благосклонно подкидывала ему ковшик грунта, и он, довольный, катил свою тачку за пределы участка.

— Пусть роют, может, найдут мою левую ногу,— сказал Адмирал, взял Тихова под руку и стал прогуливать его по Марсу.— Мне надо выговориться. Мы ищем всякие недостающие эволюционные звенья, но никак не можем добраться до самого первого звена. Как возникла жизнь, как произошел переход от неживого к живому? Марс как будто создан для жизни. Что ни пейзаж, то великий шедевр жизнеподобия. Поглядите на эту рощу пушистых канадских елей! Жаль только, что они красного цвета. Я всегда смотрю на них с изумлением, хотя понимаю, что это обыкновенные скалы, причудливо обработанные ветром и газированной водой.

— Почему газированной? — удивился Тихов.

— А как прикажете называть эту замерзшую воду с углекислым газом? Здесь случаются поразительные миражи — когда на Земле безоблачно, в ночном небе Марса отражаются океанские волны с Летучими голландцами. Эти зрелища потрясают непосвященного, но случаются и обманы другого рода... Взгляните!

Тихов глянул вверх, и его нижняя челюсть отвисла от удивления — прямо над головой, высматривая добычу, парил громадный орел, лениво шевеля рулевым оперением.

Прошло достаточно времени, пока Тихов догадался, откуда появилась на Марсе эта птица — над ними, как воздушный змей, зацепившись стропой за камень, летал обрывок огнеупорного тормозного парашюта.

— Поиски самого себя — преглупое занятие,— продолжал Адмирал.— Я никогда себя не терял. Ни при каких обстоятельствах. А вот меня вечно кто-нибудь искал... а вы нашли меня даже на Марсе, да еще в таком разобранном виде. Находка моих костей в четырехмиллиардных отложениях — эпохальное палеонтологическое событие. Оно наводит меня на размышления. Конечно, интересно узнать, КАК мои кости там очутились... Предположим — когда взрывается такой вулкан, со временем должно что-то происходить. Дернешь за про-

странство, время раскроется. Но сейчас меня другое интересует — ЧТО я там делал? Не мальчишка же я в самом деле, чтобы на старости лет забросить все дела и примчаться на Марс... У меня сейчас раскопки под Килиманджаро... а я тут... Что я там делал?

— Вы там что-то искали,— предположил Тихов.

— Что?

— Еще не догадываетесь? Конечно же, вы искали недостающее звено между живым и неживым. Тайну происхождения жизни — на меньшее вы не согласились бы.

— Да, пожалуй,— согласился Адмирал.— В моем-то возрасте нечего мелочиться. Но вы, кажется, знаете обо мне больше, чем говорите. От вас здесь осталась нижняя челюсть, значит, вы в те времена находились рядом со мной? Выкладывайте!

— Диспозиция, в общем, была такая. Ваш скелет — вот он, а мой, если не считать нижней челюсти, куда-то подевался. Получается, что вы стояли под вулканом с банкой пива и наблюдали, как я лезу наверх. Вы погибли тут, а я там...— Тихов указал сигаретой на вершину вулкана.— Сейчас мы должны повторить этот научный эксперимент. Я не считаю себя умнее или глупее самого себя, каким я был четыре миллиарда лет назад. Если я полез на Никс Олимпик тогда, значит, полезу и сейчас.

Тихов отшвырнул окуроч. Засорение Марса шло полным ходом — окурки, бычки и бумажные обрывки разгуливали под Никс Олимпиом во всех направлениях. Тихов машинально отметил, что фантастического рассказа о засорении Марса еще вроде не было.

— Что-то вы темните,— вздохнул Адмирал.— Когда на Земле вы пришли ко мне на прием, вы уже знали, что придется лезть на вулкан?

— Догадывался.

— Почему же вы мне тогда не сказали?

— Потому что вы сравнили меня с каким-то Шариком.

— Ясно. Извините. Так. Теперь объясните, за каким-таким недостающим звеном вы туда полезли, и тогда, как и четыре миллиарда лет назад, я стану под вулканом с банкой пива в руке.

— Обещаете?

— Клянусь!

— Перед нами самая большая гора в Солнечной Системе,— сказал Тихов.— Взгляните, какая пушка! Двадцать семь километров в высоту... Эверест ему в подметки не годится. Представляете, что произойдет, если Никс Олимпик стрелынет? Последнее время он ведет себя беспокойно... Слышите? Гудит! Мою сумасшедшую идею нелегко сформулировать. Зачем я туда полез... В нашей жизни Марс занимает особое место. С другими планетами меньше шума. Все давно на него уставились — почему? Всем что-то чудится. Без жизни нельзя. Так не бывает, чтобы без жизни. И если на Марсе жизни нет, значит, это что-то значит. Что такое смерть — всем известно. А наоборот? Что это за штука — жизнь? Откуда взялись эти странные гены, будто варившиеся в одном котле? Жизнь на Земле не может быть уникальным явлением. Если принять, что жизнь — это обычное состояние Вселенной, то в каком-то смысле Вселенная сама является живым существом. А уж Солнечная Система — подавно. Мы можем попробовать рассмотреть ее как единый организм и попытаться понять функции отдельных ее частей. Так наука рассматривает лес, океан, пустыню, джунгли...

— Я, кажется, начинаю понимать...— пробормотал Адмирал.— Разгадка бессмертия, и не меньше! Стал бы я тут на старости лет гоняться за каким-то скелетом. Эй! — заорал он.— Зарывай обратно! Кому сказал! Раскопки прекращаются! Чтобы здесь все было как прежде!

Под Никс Олимпином уже появился глубокий котлован. Вулкану это здорово не нравилось, он гудел и подрагивал. Спецлоната удивленно развела рычагами и принялась засыпать котлован. Диктофону было все равно — что рыть, что зарывать.

Тихов продолжал:

— Любые сравнения Солнечной Системы с живым организмом будут натянуты. Не в сравнениях дело, а в том, что каждый элемент Системы зачем-то необходим. Солнце — это, конечно, сердце Системы. Оно пульсирует и задает жизненный ритм. Не надо увлекаться, но Юпитер можно сравнить с желудком, Сатурн — с печенью, а Нептун — с желчным пузырем. Можно проводить аналогии с жабрами и кровообращением, но меня интересует планетная связка, отвечающая за возникновение жизни.

— Земля и Марс?

— Да. Моя вулканическая гипотеза состоит в том, что гены зарождаются внутри Марса — жизнь надо искать «в», а не «на» Марсе. «В» и «на» — разные вещи. В Марсе, как в котле, варится дезоксирибонуклеиновая кислота. Во время Величайших любовных противостояний с Землей, после чудовищных извержений и сдвигов во времени самые жизнестойкие гены попадают в раннюю Вселенную, на первобытную Землю. Таким образом, жизнь заносится из будущего в прошлое. Она, жизнь, продолжает возникать непрерывно, а моя идея прямо указывает на природный очаг возникновения жизни...— Тихов опять указал очередной сигаретой на вершину Никс Олимпики.

После этих слов Марс зашевелился и заходил ходуном. Адмирал одурело смотрел не на вершину вулкана, а на кончик сигареты писателя-фантаста.

— Не смущайтесь,— сказал Тихов.— Все части тела имеют право на существование.

Адмирал оглянулся. За палаткой подслушивали Диктофон и Спецлопата. Котлован уже был засыпан.

— Пошли вон! — загремел Адмирал. Ему не хотелось лишних соглядатаев при зарождении жизни.

Никс Олимпик громко вздохнул и выпустил тучу пепла. Началось землетрясение — Тихов знал, что «землетрясение» — правильное слово. Они вошли в палатку, и Тихов принялся натягивать штурмовой альпинистский скафандр. Адмиральские кости дребезжали на столе.

— Смотрите, мои старые кости чувствуют землетрясение,— заметил Адмирал.

Его ничем нельзя было смутить — любая мысль имеет право на существование, и он хотел обдумать ее до конца.

— Я, кажется, понял вашу безумную идею,— сказал Адмирал.— Жизнь — это как круговорот воды в природе. Если мы уже один раз были вовлечены в этот круговорот и присутствовали при зарождении жизни, то все надо повторить. Глупо это или нет, но жизнью на Земле рисковать нельзя,— я должен стоять здесь с банкой пива в руке, а вы должны карабкаться на этот... Тут недалеко, двадцать семь километров. Решено!

Они успели выскочить из палатки, и пылевой шквал забросил ее на канадские ели, под которыми прятались Диктофон и Спецлопата. Марс, казалось, раскачивался на орбите. «Новый тип двигателя,— сгоряча подумал Тихов.— Если та-

кой вулкаище шарахнет в полную мощь, планета может слететь с орбиты».

Тихов бежал к подножию вулкана.

Никаких раскопок на Марсе!

Марс предназначен совсем для другого!

Тихов задрал голову. Озверевший вулкан, дрожа и напрягаясь, швырял в космос камни и клубы пепла; из него, как из сифона, рвалась газированная вода; в наступившей темноте на Тихова смотрели Фобос и Деймос.

— На абордаж! — ободряюще крикнул Адмирал и открыл банку с пивом.

Слово «абордаж» Тихов относил к самым лихим хищникам семейства кошачьих. Он оглянулся в последний раз в жизни и крикнул:

— Прощайте, Адмирал!

Все. Теперь вверх.

Надо лезть...

Надо лезть, чтобы повторить все условия, существовавшие при зарождении жизни на Земле, иначе, черт его знает, у Марса с Землей без нас может что-то не получиться; жизнь ведь такая штука, что никогда толком не знаешь, есть она, или ее нет,— так думал Тихов, когда вулкан шарахнул в полную мощь и, с треском проломив пространство, зашвырнул его на Землю за четыре миллиарда лет назад, где последним ощущением Тихова было то, что он наконец-то нашел самого себя, когда его собственная дезоксирибонуклеиновая кислота выпала в первобытные океаны молодой Земли.

В это же время Адмирала, невозмутимо допивавшего пиво посреди этого жизнеутверждающего катаклизма, посетила последняя в его жизни сумасшедшая идея — о том, что писатели-фантасты в самом деле для чего-то нужны.

ГОЛАЯ ДЕВКА, ИЛИ ОБНАЖЕННАЯ С КУВШИНОМ

1

Раньше санаторий назывался «Донбасс», а теперь «Химволокно». Когда шахтеры перебрались в новый санаторий, в Крым, они оставили здесь статую шахтера с отбойным молотком — не тащить же его с собой? Новые хозяева не стали спускать шахтера, но установили рядом с ним в клумбе целеустремленного молодого парня в облегающем комбинезоне. Этот парень, чуть не падая, устремлялся в небо, держа в задранной правой руке клубок орбит с шариком в середине.

Завхозы слабо разбираются в искусстве, но Коробейникову обе статуи нравились. Нормально. Украшают. Впрочем, сейчас ему было не до искусства. Он лежал в больнице в предынфарктном состоянии, а санаторий остался без завхоза и без присмотра. Дела там творились хуже некуда — садовые скамейки выкрасили не зеленым, как положено, а радугой; кинофильмы крутились очень уж подряд французские, а санаторные собаки бегали где придется и никого не боялись.

2

«Странно, почему так на душе хорошо? — раздумывал главный врач санатория, нюхая сирень, заглянувшую в открытое окно.— Какая-то такая духовная раскрепощенность... с чего бы это? Не к добру...»

Весь май главврач умиленно что-то нюхал, но однажды услышал за окном знакомый раздраженный голос:

— Здесь нельзя ходить в купальниках, вы не в притоне. Мы сообщим по месту работы о вашем недостойном поведении.

Это вышел на работу спасенный врачами Коробейников. Его скорбный голос завис над санаторием, как серый дири-

жабль. Сирень вздохнула и сразу же отцвела. Собаки поджали хвосты. У главврача начался насморк.

А Коробейников уже стоял на обрыве с блокнотом в руках. Под ним загорали и плавали в Черном море сплошные кандидаты наук, народ не простой; а он отмечал в блокноте мероприятия на веселше-летний период. Скамейки перекрасить, дворнику указать, с плотником надо что-то делать. Потом он направился к главному корпусу, где поймал за рукав дворника Борю, веселого человечка лет пятидесяти, и указал ему на заляпанную птичками статую шахтера с отбойным молотком.

— Что я вам, напялся?! — выверился Боря. — Крепостное право?! Я и так один за всех вкалываю, так теперь мне еще шахтера мыть?

(Боря был в плохом настроении, потому что буфетчица не оставила ему на рубль пустых бутылок за то, что он перенес ей на пляж ящик с пивом.)

— Я два раза повторять не буду, а не хочешь — по собственному желанию! — привычно ответил Коробейников, а Боря показал ему в кармане фигу.

Коробейников начал огibtь главный корпус, думая о том, что давно пора поставить вопрос о Борином безответственном поведении на профсоюзном собрании. Он сделал еще один шаг и... увидел обнаженную женщину.

3

Коробейников окаменел. Блокнот выпал из рук. Ничего подобного он и в мыслях не держал! Какая-то ладная особа с бедрами, как бочки, направлялась к обрыву в сторону моря, придерживая на плече кувшин и помахивая свободной рукой.

Она была совершенно... не одета.

Коробейникову стало так стыдно, что он отвернулся и спрятался за угол главного корпуса. «Совсем молодежь очумела... — подумал он. — Куда она прет с кувшином в таком виде?! Выяснить фамилию и сообщить на работу о недостойном поведении!»

Коробейников хотел высунуться из-за угла и призвать к порядку эту бесстыжую холеру, но сердце вдруг подпрыгнуло; пришлось прислониться к стене. Он переждал минуту и, держась за сердце, отправился жаловаться главврачу.

Тот выслушал историю о нескромной девице с бедрами и недоверчиво усмехнулся.

— Ничего смешного не вижу,— обиделся Коробейников.— Надо что-то предпринимать, а то вконец распустились.

— Да это же наша новая статуя,— удивился главврач.— Позавчера без вас поставили... Вот что значит искусство — за живую приняли!

— Что я уже... совсем, что ли? — смутился Коробейников.

— Ничего, пичего... бывает,— успокоил главврач.

Если она не живая, то это, конечно, меняет дело, решил Коробейников. Все же он не до конца понимал обстановку... что-то его смущало. Он распорядился по хозяйству и неувверенно направился к главному корпусу... такая у него работа — ходить по санаторию. Ему хотелось еще раз взглянуть на нее, хотя это было неудобно. Он раза два останавливался, оглядывался, срывал веточку... наконец подобрался к повороту и выглянул.

Она все еще шла по воду.

Коробейников вспотел и отвернулся. Черт знает что, вертится, как школьник. Экую гадость поставили, пройти нельзя.

Вдруг из кустов вылез Боря с ведром и с тряпкой и деловито сообщил:

— Шахтера я уже помыл, счас за нее возьмусь.

(Боря был уже в хорошем настроении, потому что пришла буфетчица.)

Коробейников на миг представил картину омовения, плюнул дворнику под ноги и зашагал к главврачу, зная теперь, что должен сказать о создавшейся обстановке. С порога он первно спросил:

— Не понимаю! Эта девица... она что, каждый день будет у нас стоять?

— Знакомьтесь, наш завхоз,— ответил главврач, с ненавистью взглянув правым глазом на Коробейникова, а левым умудряясь принести извинения какому-то бравому старику в замызганной куртке и в берете с крохотным свиным хвостиком.— А это непосредственный создатель нашей новой статуи, заслуженный деятель искусств...— Главврач назвал фамилию, которую Коробейников потом так и не мог вспомнить.— Будет у нас отдыхать. По всем вопросам изобразительного искусства обращайтесь к нему.

— Значит, вам не нравится моя скульптура? — вкрадчиво спросил заслуженный деятель искусств, и Коробейников сра-

зу сообразил, что с этим стариканом не стоит связываться — во всяком случае не рассуждать «нравится — не нравится».

— Я про качество не скажу,— попятился Коробейников.— У меня к качеству никаких претензий. Я о другом... У нас отдыхают кандидаты наук... и с детьми приезжают... Вот стояла у нас когда-то купальница с веслом... тоже и формы, и детали, но она была одета в купальник!

— Одета...— задумчиво повторил заслуженный деятель.— Одета, раздета, с веслом... Старые песни. Пойдите рядом с ней, не стесняйтесь. И попытайтесь понять, что она не вызывает никаких изменных эмоций, а наоборот — только добрые и здоровые чувства. А все эти «с веслом», «с мячом», «с молотком»... Поймите наконец, что вся эта серийная парковая живопись (ударение в слове «живопись» заслуженный деятель поставил на последнем слоге) давно не соответствует эстетическим потребностям нашего народа. Споры на эту тему затихли лет двадцать назад, и я не думал, что придется к ним возвращаться. Вы, как видно, не интересовались вопросами искусства. Кстати, я настаивал на недавнем худсовете, чтобы вашего шахтера куда-нибудь уволок, а то он портит вид на Мадрид и не соответствует санаторной тематике. А парень с ядерной структурой... ничего, для «Химволокна» сойдет.

Коробейников ничего не понимал. При чем тут Мадрид? Что происходит в санатории? Пока он болел, тут произошла культурная революция! Скамейки красятся радугой, хотя положено зеленым; дворники моют голых девок; какой-то таинственный худсовет собирается спосить ни в чем не повинного шахтера... и все это называется «вид на Мадрид»?

— Только через мой труп вы снесете шахтера! — тихо сказал Коробейников.

— Ну при чем тут трупы? — поморщился заслуженный деятель искусств.

Коробейников вышел из кабинета и хотел хлопнуть дверью, но ее еще неделю назад унесли к плотнику на ремонт. Где этот бездельник? Опять спит на пляже?

В коридоре Коробейникова догнал главврач и скороговоркой сказал:

— Никто шахтера не сносит, что вы, в самом деле... мне лично все эти статуи до лампочки, что есть они, что их нет! Сейчас таких девиц ставят в каждом парке по десять штук... мода такая! Зачем так волноваться с вашим сердцем?

— Мне плохо, я пойду домой,— пробормотал Коробейников.

Дома он лег на диван, а в глазах у него вертелась голая девка. Ему хотелось говорить о ней, но жена ничего в искусстве не понимала. Она искала валидол и говорила, что нельзя быть таким старым дураком и за всех волноваться.

— Раньше бы за это намылили шею,— вдруг сказал он.

— Ты о чем? — спросила жена.

— Поставили, понимаешь, статую... Со всеми подробностями,— опять заволновался Коробейников.— Женское тело, конечно, красиво...

Он хотел развить мысль, но запутался. Красиво-то красиво, с этим никто не спорит...

Жена подождала, что он еще скажет, но не дождалась и ушла на кухню.

Коробейников лежал на диване и думал. В голове у него завелись какие-то новые мысли об эстетических потребностях. Он никогда о них не думал. От этих мыслей ему было плохо, будто завезли новую мебель и производили в голове перестановку.

Ночью ему приснился Боря, моющий девку на профсоюзном собрании. Сердце быстро задергалось и чуть не оторвалось, жена вызвала среди ночи «скорую помощь», и Коробейников до конца недели пролежал дома.

По телевизору каждый день показывали аэробику, но эта современная физзарядка ему тоже не нравилась — хотя девцы и были одеты в гетры и в купальники, но Коробейников чувствовал в аэробике какой-то подвох. Новые мысли не покидали его, но и никак не укладывались. Он думал о художниках, которые рисуют и лепят обнаженных женщин, о женщинах, которые позируют им, и о таинственном худсовете, который разрешает все это делать. Похоже, что художники не совсем нормальные люди. Станный озабоченный народ. Возможно, он чего-то недопонимает — споры на эту тему затихли лет двадцать назад, а он до сих пор о них ничего не слышал — где, когда? Эстетические потребности надо, конечно, удовлетворять, но детям никак нельзя смотреть на подобные вещи. И шахтерам. А кандидатам наук — подавно.

Нет, тут какая-то дальновидная государственная политика, думал Коробейников. Рожать стали меньше, вот и ставят для поднятия духа каменных девок.

Мысль была глупа, но хоть с каким-то резонансом, и он немного успокоился.

Опасения Коробейникова подтвердились — в понимании искусства кандидаты наук оказались зловреднее шахтеров. А он предупреждал! Пока Коробейников болел, они отбили девке кувшин, и теперь она не шла по воду, а непонятно что делала. Вместо кувшина заслуженный деятель искусств всунул ей в руку букет роз, но получилась ерунда — девкина поза под букет не подходила, — она размахивала цветами, будто подзывала к себе шахтера с отбойным молотком и парня с ядерной структурой, а те, конечно, рады стараться — прямо к ней и устремлялись, чуть не падая со своих пьедесталов. Новый кувшин ожидали из реставрационной мастерской со дня на день, а заслуженный деятель, проходя мимо девки на пляж, по-хозяйски прищурился — все ли у нее на месте.

Выйдя на работу, Коробейников не застал букета. Он обнаружил в руке у девки метлу, а на голове рваную шапку-ушанку с одним ухом. (Боре не попало только потому, что главврач смеялся над его проделкой.)

Решив к девке не подходить и даже издали на нее не смотреть, Коробейников отправился проверить, вышел ли на работу плотник. На доске объявлений висела художественная афиша о том, что «фантомас разбушевался», но ввиду плохой погоды сеанс в летнем кинозале может не состояться. Из открытых дверей плотницкой мастерской слышались шуршанье рубанка и на удивление серьезный Борин голос:

— Коробей появился, видел?

— Видел, — отвечал голос плотника.

— Теперь прячь стаканы, житья не будет, — вздохнул Боря. Ударение в слове «стаканы» он поставил на последнем слоге. — Вообще-то, он мужик неплохой, но прямой, как шпала. Он из-за этой статуи получит инфаркт, помани мое слово. Он добрый, когда все красиво.

— Так она же красивая, — отвечал равнодушный голос плотника.

— Он красоту не так понимает, оттого ему и плохо.

Коробейников задумчиво отошел. Его убедили рассуждения дворника. «В самом деле, пусть стоит, — подумал он о девичьих бедрах. — Красиво? Красиво. Значит, пусть стоит».

То ли ноги сами несли его, то ли все дороги в санатории вели к ней, но вскоре он опять очутился у статуи. Сопротивляться было бессмысленно, что-то его туда притягивало. Око-

ло нее прямо в клумбе стоял незнакомый бородатый молодой человек, курил трубку и под руководством заслуженного деятеля сажал ей на плечо новый кувшин.

— Кувшин отбили,— неприветливо объяснил заслуженный деятель, когда Коробейников приблизился.— Некоторые граждане не видят разницы между голыми девками и произведениями искусства. Варвары!

Коробейников принял эти слова на свой счет, но промолчал и нерешительно взглянул на девуку в упор. Ему показалось, что с ее каменного лица исчезла прежняя улыбка и теперь она глядит как-то тоскливо.

— Это из ваших? — спросил Коробейников, когда молчать стало неудобно.

— Мой лучший ученик,— с гордостью объяснил заслуженный деятель.— Надо мальчикам помогать, кто же после нас будет? Молодец, старается.

Бородач что-то недовольно пробурчал и чуть не проглотил трубку.

— Все мы немножко Пигмалионы,— вздохнул заслуженный деятель.— Носимся со своими скульптурами и чего-то ждем от них. А некоторые в кавычках ценители искусства первым делом спрашивают — сколько же она стоит, эта статуя, в денежном выражении?

Коробейников совсем смутился, потому что именно это и хотел спросить.

— Не так уж и много,— усмехнулся заслуженный деятель. Молодой бородач плюнул в клумбу.

— Когда я был в Австрии,— вдруг неожиданно для себя сказал Коробейников,— то насмотрелся там на этих... кюфр... курфр...

— Курфюрстов?

— Да. На лошадях. Там в каждом городе в центре сидит кто-нибудь на лошади. Такая традиция. Как у нас с веслом, так у них на лошади.

— Вот именно! — с интересом подхватил заслуженный деятель.— У германцев свой шаблон. У них тяжеловесный стиль, давит. Кстати, а в Австрию путевка сколько стоит?

— Не знаю,— удивился Коробейников.— Я там был не по путевке.

— Командировка?

— Да, что-то вроде командировки,— усмехнулся Коробейников.— С апреля по ноябрь сорок пятого.

— А,— понимающе кивнул заслуженный деятель.

Коробейников еще немного потоптался около статуи и побрел в библиотеку, твердя про себя, чтобы не забыть: «Пигмалион, Пигмалион...» Слово было знакомое, но он забыл, в чем там дело. Он попросил у библиотекарши энциклопедию на букву «П», но, странное дело, оказалось, что сегодня ночью кто-то выбил окно и украл именно эту энциклопедию на букву «П». Коробейников огорчился, но библиотекарша и без энциклопедии объяснила ему, что Пигмалион был известным древнегреческим скульптором, а его художественную биографию написал выдающийся английский писатель Бернард Шоу.

5

Всю следующую ночь в санатории лил дождь и выли собаки, а утром Боря, выйдя под дождем со шлангом поливать цветы за полставки садовника, обнаружил, что на этот раз изувечены все три статуи — у шахтера отбит отбойный молоток, у парня из рук исчезла ядерная структура, а у девушки опять пропал кувшин.

Разбудили заслуженного деятеля. Тот вышел под зонтиком, оценил происшедшее как «акт вандализма» и потребовал оградить свое произведение от варварских посягательств.

Стало не до шуток. Коробейников вызвал милицию.

Прибыл оперативник с блокнотом, зорко взглянул на девушку и первым делом спросил, не было ли у нее врагов.

— У кого? — переспросил Коробейников.

— Возможно, кто-нибудь в санатории предубежденно относился к внешнему виду этой дамы,— подсказал оперативник, разглядывая следы в клумбе.

— Нет... никто не замечен,— смутился Коробейников.

Затем последовал вопрос: какой был кувшин?

— Кувшин как кувшин. Похожий на эту... на греческую вазу.

«Кувшин, стилизованный под древнегреческую амфору»,— записал оперативник.

— Какой молоток был у шахтера?

— Отбойный.

— Ясно, что отбойный. Меня интересует его расположение.

— Отбойный молоток располагался на левом плече шахтера,— ответил Коробейников.— А шахтер придерживал его левой рукой.

— Так и запишем... Теперь разберемся с этим хлопцем. Как по-вашему, кто он такой?

— Наверно, ученый,— задумался Коробейников, разглядывая устремленного в небеса хлопца.— Физик. Ядерщик.

— А что он держал в руке?

— Это... ядерную структуру. Ну, эта штука... она похожа на планетную систему.

— Понял,— кивнул оперативник.— Так вот, меня интересует именно эта структура. Какой у вас контингент отдыхающих? Химики и физики? Интеллигентный контингент. Меня интересует именно химическая структура этих статуй. Акта вандализма здесь не наблюдается. Посмотрите: кто-то ходил ночью по клумбе, но не растоптал ни одной розы. Страшный злоумышленник, верно? Далее... если я что-нибудь понимаю в монументальном искусстве, то молотки и кувшины на подобного рода статуях крепятся внутри на металлической арматуре. Значит, отбить их совсем не просто — эту арматуру надо еще отпилить ножовкой. А потом реставрировать в местах повреждения. Взгляните: на плече, где стоял кувшин, и на руке этой дамы не видно никаких следов повреждения.

— Что же это должно означать? — спросил Коробейников, удивленный наблюдательностью оперативника.

— Только то, что скульптуры не повреждались в припадке гнева, а умышленно, целенаправленно изменялись.

— А зачем?

— Не знаю. Наверно, кому-то не нравились все эти скульптурные украшения. Возможно, у этого заслуженного деятеля искусств есть соперники в творческом плане... Возможно, мы имеем дело с редким преступлением на почве разного понимания изобразительного искусства... Моцарт и Сальери? Как вы думаете?

— Спросите лучше у него,— ответил Коробейников. О Моцарте и Сальери он никак не думал, зато сразу вспомнил недовольного бородатого ученика.

Оперативник отправился на розыски заслуженного деятеля искусств, а Коробейников побрел на пляж. Что делать на пляже под дождем, он не знал, но ему хотелось побыть одному. Там не было ни души — пустой пляж с коркой мокрого песка после ночного ливня, лодки, накрытые брезентом, да фонарь мигал над будкой лодочника, ожидая короткого замыкания.

Непорядок!

Коробейников уже собрался выключить фонарь, как вдруг увидел, что из-под брезента ближней лодки выглядывает... планетная структура.

6

В лодке лежали отбойный молоток, кувшин, планетная система и энциклопедия на букву «П».

Коробейников опустил брезент, выключил фонарь и вернулся в санаторий к статуям.

Он внимательно разглядывал их. Статуи изменились... как он раньше этого не замечал? Левая рука шахтера без молотка торчит так, будто он что-то выпрашивает или жалуется на жизнь. Хлопец-ядерщик без своей структуры выглядит совсем неестественно... Коробейников готов поклясться, что этот парень выдвинул немного вперед левую ногу, чтобы изменить неудобную позу и не упасть с пьедестала. А выражение лица у девицы в самом деле изменилось — удивительно, что заслуженный деятель этого до сих пор не заметил.

Коробейников вообразил себя на их месте — как стоял бы он голым на пьедестале в неудобной позе, как хотелось бы ему зашвырнуть в кусты эти молотки, кувшины и атомы, как хотелось бы поразмяться и приодеться, как рыскал бы он по санаторию в поисках одежки и развлечений — и обязательно забрался бы в библиотеку! — как визжали бы собаки при виде оживших статуй и как под утро приходилось бы лезть на пьедестал и принимать вечную позу.

Эти фантазии преследовали его весь день, как надоедливый дождь. Он шел на обрыв и осматривал пляж... ни варваров, ни вандалов там не наблюдалось. В оживающие статуи, понятное дело, он не мог поверить, зато верил в хулиганов, разрушающих памятники. Он решил устроить в лодочной будке дочную засаду — если хулиганы припрятали в лодке свою добычу, то они к ней должны вернуться.

«Я их лично поймаю и привлеку к уголовной ответственности! — думал Коробейников. — Я их научу искусство любить!»

Ехать домой, чтобы потом возвращаться, не хотелось. Он позвонил жене, а потом весь вечер бродил в треугольном брезентовом плаще вокруг скульптур и подозрительно разглядывал всякого, кто к ним приближался.

Какой-то молодой кандидат наук проходил мимо девицы, остановился, закурил и принялся ее разглядывать.

— Проходи, чего уставился? — сказал ему Коробейников. — Никогда не видел?

— Дед, что с тобой?! — весело изумился кандидат наук. — Ты откуда такой взялся? Из какой эпохи? Я тут стою, понимаешь, и облагораживаюсь искусством, как вдруг выползает какой-то динозавр и спрашивает, чего я тут стою.

«В самом деле, — смутился Коробейников. — Человек облагораживается, а я на него рычу».

— Вот вы, извиняюсь, ученый человек, да? — примирительно спросил Коробейников. — Тогда объясните мне про атомы. Они что, везде одинаковые?

— Обязательно.

— И в камне, и в живом теле? — уточнил Коробейников.

— Обязательно. А в чем дело?

— Выходит, камень может ожить? Вот, к примеру, эта статуя... вы не смейтесь... она может ожить?

— Ожить? — переспросил веселый кандидат наук. — Отчего же не может? Может. Были даже исторические прецеденты. Например, у скульптора Пигмалиона...

Коробейников затаил дыхание.

— ...который проживал в Древней Греции, однажды ожила мраморная статуя по имени Галатей. Под воздействием любви... Знаете, есть такое сильное чувство. Факт. А статуя Командора у Пушкина?

— А что с ним случилось? — жадно спросил Коробейников.

— С кем?

— С Командором... С Пушкиным я знаю.

— Ожил Командор. От ревности. Тут все дело в биополе. Сильное чувство порождает сильное биополе, и тогда оживают даже камни. Или возьмем портрет Дориана Грея...

— Портреты, значит, тоже?! — восхитился Коробейников. Кандидат наук задумался.

— Нет. Портреты оживать не могут. У них нет третьего измерения. Портреты — нет, а статуи — могут. Это не противоречит законам природы. Вроде давно доказано, что живое возникло из неживого. Более того, это не противоречит современному научному мироощущению.

— Значит, не противоречит? — обрадовался Коробейников.

— Не противоречит.

— Спасибо за консультацию!

Когда поздним вечером дождь наконец прекратился и отдыхающий народ со всего санатория потянулся в летний кипозал смотреть на разбушевавшегося Фантомаса, Коробейников прихватил одеяло, спустился на пляж и спрятался в лодочной будке. На него упало весло, перед ним в темноте плескалось Черное море, а сверху из санатория доносились отчаянные вопли Луи де Фюнеса. Под плеск волн и доносившиеся вопли он уснул.

7

Проснулся он, когда Фантомас кого-то душил.

Коробейников спросонья выглянул в окошко и тут же испуганно пригнулся. У лодки с отброшенным брезентом стояли три громадные тени, а женский голос читал по слогам статью из энциклопедии на «П»:

— «Пи-гма-ли-он из-ва-ял ста-ту-ю жен-щи-ны не-обыкновен-ной кра-со-ты и на-звал ее Га-ла-те-ей». А мой называл меня Машкой. Я, говорит, свою Машку слепил за три дня и за три тысячи.

Коробейников боялся дышать, это был не сон.

— Не плачь, Маша,— отвечал ей необыкновенный мужской бас.— Я твоего деятеля найду и прихлопну, как муху.

— Не надо тут никого хлопать, а надо отсюда удирать,— сказала третья тень в облегающем комбинезоне.— Надо отча-ливать, пока не закончился фильм.

— Это точно,— вздохнул каменный шахтер.— Нет времени за ним бегать. Подадимся на Донбасс.

— Нет! Только в Таврию! — строго ответил женский голос.— Там понимают искусство.

— Как хочешь, дорогая,— испугался шахтер.— В Таврию так в Таврию. Я только хотел сказать, дорогая, что на Донбассе...

— Уже дорогая...— ревниво перебил парень-ядерщик.

— Потом разберемся, кто кому дорогая! — прикрикнул женский голос.— Вломайте склад, возьмите там сапоги и плащ, надоело голой ходить. В библиотеке прихватите энциклопедию на «Т». Но осторожно, завхоз где-то здесь крутится. А я найду весла и якорь. А кувшин утоплю... не тащить же его в Таврию.

— И молоток утопи,— сказал шахтер.

— И эту рухлядь тоже,— сказал парень.

Две громадные тени вышли за ворота лодочной станции и начали подниматься к санаторию. Коробейникова трясло: он представил, что будет, если ожившая Галатея войдет сейчас в будку за веслами.

Но женский силуэт с кувшином направился не к будке, а к морю. Это спасло завхоза. Галатея на берегу размахнулась и швырнула кувшин за волнорез, а Коробейников выбрался из будки и побежал в санаторий.

В санатории были собаки от страха перед ожившими статуями. Коробейников мчался к летнему кинотеатру, ничего не соображая. Фантомас бушевал из последних сил. Материальный склад был уже взломан — Коробейников чувствовал это всеми фибрами своей завхозной души. Сейчас скульптуры лезли в библиотеку...

Где этот заслуженный деятель? Он один сможет остановить свою Галатею!

Народ уже выходил из кинотеатра. Там все закончилось благополучно — Фантомаса опять не поймали.

— Старика в берете не видел? С хвостиком? — спросил Коробейников у Бори, не пропускавшего ни одного фильма.

— А вы идете со старухой.

Заслуженный деятель искусств выходил из кинотеатра с молодой дамой и, что называется, вешал ей на уши лапшу. Она глядела ему в рот, а он рассказывал, как много у него врагов и соперников в творческом плане. Не дают работать. Ломают статуи. Им бы только заказ урвать. Везде завистники, под каждым кустом. В прошлом году, например, ему заказали скромный поясной бюст начальника книготорга. Надо было сразу лепить! Но пока завез глину, то-се... ни книг, ни торга, ни начальника. Заслуженный работник, кто бы мог подумать...

— Она ожила! — вскричал Коробейников, налетая на заслуженного деятеля и размахивая руками. — Быстрее! На пляж! Ваша Галатея ожила!

Заслуженный деятель внимательно оглядел Коробейникова, постучал пальцем по своему лбу и повернулся к даме.

Коробейников схватил его за куртку:

— Они собрались плыть в Таврию!

— Чего ты кричишь? — тихо сказал заслуженный деятель, вырываясь и оглядываясь. — Я завтра уезжаю в Брюссель на симпозиум, пусть себе оживает. Пусть что хочет, то и делает.

Пусть ее вдребезги разобьют. Я работу сделал. Что я вам — панялся ее сторожить?

Он отбросил руку Коробейникова, забыл про свою даму и пошел по аллее, громко бормоча:

— Галатея... Таврия... Химволокно... Я говорил на худсовете — преждевременно! Народ не поймет! Нет... голую бабу им подавай!

С этого момента Коробейников стал разбираться в искусстве. Он хотел крикнуть вслед: «Катись отсюда, Пигмалион!», но ему в сердце будто врубился отбойный молоток. Он упал на асфальт, а дама завизжала.

8

К удивлению врачей Коробейников очнулся в сентябре. Лето куда-то подевалось... Рядом сидела его жена и вязала. Он сказал ей:

— Искусство нельзя... того... до лампочки. А то все они разбегутся.

Потом он заснул, и ему приснилось, что он сам был когда-то каменной статуей с блокнотом в руке, и вот... того... ожил под влиянием сильного чувства.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РАССКАЗ № 1

1

Завод находился в городе Н-ске на юге европейской части страны и носил звучное название «Алитет» — оно произошло из двух слов: «алюминиевое литье». Директор завода Сергей Кондратьевич Осколик заперся в своем кабинете и ожидал телефонного звонка.

Звонок. Осколик схватил трубку.

— С вами будет говорить Зауральск.

— Спасибо, девушка... Алло, Зауральск?

— Сергей Кондратьевич... люминия...

— Слышу тебя, Лебедев! Что с алюминием? Сколько алюминия?

— ...волочи... люминия...

— Девушка, ничего не слышно!

— Ваш Лебедев говорит, что они, сволочи, не дают ему алюминия.

— Не может быть! Они срывают поставки! У нас договоренность! Лебедев! Девушка!

— Кроме того, он говорит, что железная дорога не дает вагонов под алюминий.

— Лебедев! Ты слышишь? Не уезжай! Умри там!

— Он говорит, что командировочные закончились.

— Передайте: зарплату вышлем телеграфом. К празднику персональная премия!

— Он говорит, что еще не был в отпуске.

— Девушка, передайте ему, что...

— Связь с Зауральском прервана.

2

Сергей Кондратьевич откинулся в кресле и вздрогнул — прямо перед ним стоял незнакомый человек с протянутой для рукопожатия рукой. Человек как человек, но в запертый кабинет он войти не мог... значит, влетел в окно.

— Директор родственного вам предприятия,— представился незнакомец.

— Очень приятно,— сердито буркнул Осколик.— Как вы сюда попали?

Незнакомец опустил руку, посмотрел в окно и уклонился от прямого ответа:

— Будем считать, что вошел в дверь. Не это сейчас важно. Я слышал, что у вас трудности с сырьем?

— Завод завтра остановится,— ответил Осколик.

— Могу помочь. У меня скопились большие запасы алюминия. Для начала... тридцати тонн достаточно? Платформы стоят у ворот, позвоните на проходную, чтобы пропустили.

Тридцати тонн алюминия хватило бы заводу до конца недели. Но что все это значит? Сергей Кондратьевич не имел никакого религиозного образования, но сразу вспомнил сюжеты о сделках с дьяволом. Он внимательно осмотрел незнакомца. Похож. Нос горбатый, шевелюра лохматая, на ногах... на ногах заграничные туфли. Хвост, наверно, пропустил в штанину. В обмен на земные блага дьявол всегда требует...

«Лезет в голову всякая чушь...» — подумал Осколик и снял трубку:

— Проходная? Тетя Даша, посмотрите, стоят ли у ворот какие-то платформы с алюминием.

— Вам ответят, что их нет... но они там,— поспешно предупредил незнакомец.

— Как это понимать? Алло... Нет никаких платформ? Спасибо, тетя Даша...— Осколик сжал трубку в кулаке и спросил: — Вас выгнать или вы сами уйдете?

— Прикажите открыть ворота,— потребовал незнакомец.— Платформы там есть, но они... они находятся в другом временном измерении. Откройте ворота, они въедут.

«Вот дьявол... Открою!» — решил Осколик.

— Тетя Даша, откройте ворота на минутку... Зачем? Как зачем... Проветрить территорию.

Сергей Кондратьевич подошел к окну. Из проходной вышла тетя Даша и потянула на себя тяжелую створку ворот. Открыла, вопросительно поглядела на директорские окна. По улице проехал трамвай. Из трамвая на тетю Дашу главели пассажиры. Никаких платформ на улице не было.

— Теперь, разрешите, я позвоню,— сказал незнакомец и снял трубку одного из директорских телефонов.— Въезжайте осторожно, створ ворот нестандартный.

После его слов у проходной загудели моторы, и на территорию завода прямо из пустого уличного воздуха въехали два мощных механизма — Сергей Кондратьевич таких никогда не видел. На их платформах стояли штабеля серебристых алюминиевых чушек.

3

— Ну хорошо, присаживайтесь,— пригласил Сергей Кондратьевич.— Я вижу, вы деловой человек. Алюминий мне нужен. Что нужно вам?

— Совсем немного,— ответил незнакомец, усаживаясь.— Мне нужен на ночь ваш кабинет. На ночь в течение месяца. На взаимовыгодных условиях.

Осколик молчал. Что он мог сказать?

— Если вы любитель фантастики, то...

— Нет, я не любитель,— поспешно отрекся Сергей Кондратьевич.

— Жаль, не пришлось бы долго объяснять. В общем, никакой я там не дьявол и не пришелец с другой планеты. Я живу с вами в одном городе. Называется он, правда, иначе и застроен не так, но факт, что мое жилище совсем рядом. Знаете гастроном на углу? Там, где водкой торгуют? Так вот, в нашем городе это не гастроном, а мой особнячок...— Незнакомец зевнул.— Извините, не выспался. У нас с вами все наоборот, разное биологическое время, мне днем трудно. Мы, понимаете ли, ночью работаем, а днем спим.

Сергей Кондратьевич ничего не понимал, хотя и пытался понять.

— Ладно, оставим это. Зачем вам мой кабинет?

— Земля. Все дело в ней,— объяснил незнакомец.— У нас вечная нехватка производственных площадей. Клочок земли величиной в небольшую клумбу стоит так дорого, будто под этой клумбой проходит золотая жила. Мне надо расширять производство, а у вас по ночам все помещения пустуют. Я отдал бы свой кабинет под конструкторское бюро, если бы вы разрешили мне поработать ночью здесь, в вашем кабинете. В порядке эксперимента.

4

Ситуация немного прояснялась. В порядке эксперимента — это Сергей Кондратьевич понимал.

— Я, пожалуй, не против... но как посмотрят на это дело в главке?

— Главк — это ваше начальство? Пусть сначала снабдит вас алюминием, а потом смотрит, что у вас по почам делается в кабинете.

«Резонно,— подумал Осколик.— Сами не чешутся, а план — давай-давай!»

— А что скажет профсоюз?

— А профсоюзу какое дело? Кабинет чей? Вы директор? Или я ошибся дверью?

— Я директор. Но все-таки я должен поставить этот вопрос выше.

— А если выше не согласятся?

— Тогда еще выше.

— Я не совсем понимаю...— заскучал незнакомец.— Кому нужен алюминий — вам или этому «еще выше»? Сколько продлится согласование? Кабинет мне нужен с сегодняшней ночи.

«Месяца полтора-два»,— хотел сказать Осколик, но постеснялся. Он сказал:

— Но поймите меня... существуют фонды, статьи расходов, отдел снабжения и комплектации... сдали-приняли-списали-купили-продали-перечислили... ни одна бухгалтерия не пропустит левый алюминий.

— Как хотите,— рассердился незнакомец.— Не надо меня уговаривать. Открывайте назад ворота! Кабельный завод напротив тоже без алюминия сидит.

Сергей Кондратьевич ужаснулся. На совещании в главке скажут: «Вот, товарищ Осколик, ваш сосед, кабельный, тоже испытывал нехватку сырья... и тем не менее план выполнил».

«Черт ли, дьявол,— подумал Осколик,— а без алюминия все равно жизни нет!»

— Ну что, сгружать? — спросил незнакомец.

— У главного литейного цеха.

— А кабинет?

— Пока работайте.

5

Утром Осколик пришел на работу с мрачными предчувствиями. Его встретила взволнованная секретарша:

— Сергей Кондратьевич, у вас в кабинете какой-то посторошней...

Осколик открыл дверь и столкнулся со вчерашним незнакомцем.

— А вот и вы! — обрадовался незнакомец. — Я отлично поработал, мне никто почью не мешал.

И, желая польстить Сергею Кондратьевичу, добавил:

— Кстати, портрет вашего дедушки написан превосходно. Я всю ночь чувствовал на себе его добрый взгляд.

Сергей Кондратьевич взглянул на портрет Карла Маркса, промолчал.

— У вас неприятности? — спросил незнакомец.

— Да. Вчера в главке вставляли, — пробурчал Осколик. — А сейчас буду говорить с главным бухгалтером. Дама с характером. Боюсь, не захочет приходить ваш алюминий.

— Не захочет? Выгоните за ворота, наймите другую. Любую, с улицы.

— За ворота... — Осколик кисло посмотрел на незнакомца. — Законодательство не позволяет. Притом... она права.

Незнакомец с удивлением посмотрел на Сергея Кондратьевича:

— Права, не права... Хорош бы я был, если бы мой бухгалтер не выполнял моих распоряжений. А что, обойти законодательство никак нельзя?

— Нет, почему... — почесался Осколик.

— Тогда выгоняйте.

— Выгнать нельзя, а вот оприходовать левый алюминий, пожалуй, можно.

— Не мне вам советовать. Однако спешу, у меня еще совещание.

6

Сергей Кондратьевич сел в кресло, сохранившее еще тепло незнакомца, и задумался. Скверная дама этот главбух Лариса Владимировна. А он-то на ней жениться собрался. Выход есть...

Вскоре пришла Лариса Владимировна, современная женщина в соку и в джинсовой юбке.

— Как спалось, Сережа? — спросила она, оглядываясь, не подслушивает ли секретарша.

— Спасибо, дорогая, плохо, — ответил Осколик тоже с любовью, нисколько, впрочем, не подделываясь.

— Что так?

— Не знаю, что делать. Из Зауральска прибыл алюминий без накладных,— соврал Осколик.— Где-то в дороге затерялись.

— Ничего страшного. Пусть Лебедев на месте восстановит документы, а пока запускай алюминий в дело.

— Так и сделаем,— весело сказал Сергей Кондратьевич.— Ты у меня молодец!

7

— Лебедев! — кричал Осколик в трубку.— Девушка! Передайте ему, что из Зауральска прибыло тридцать тонн алюминия без накладных! Пусть восстановит документы.

— Он не понимает.

— Прибыло, говорю, тридцать тонн...

— Это он понимает. Он говорит, что в последние три месяца алюминий из Зауральска не отправлялся.

— Объясните ему, что это посторонний алюминий. Понимаете? Я говорю «посторонний», а не «потусторонний». Да, да, левый! Случайно попал на завод. Пусть оформит его в Зауральске в счет будущих поставок. Им же выгодно.

— Объяснила. Он все понял. Он говорит, что к отпуску ему нужна какая-нибудь путевка на юг.

8

До конца недели у Сергея Кондратьевича не было времени потолковать с незнакомцем. В главном литейном цехе дымилась земля, сверкали мокрые спины литейщиков, звенели алюминиевые корпуса, картеры и крышки. В цехе литья под давлением тяжело ухали изношенные станки, плевали раскаленным алюминием в потолок, автомат с газированной водой выходил из строя каждые полчаса. Бригада товарища Григорьева успешно выполняла принятые социалистические обязательства.

Алюминиевых чушек из запаса незнакомца становилось все меньше и меньше. Сергей Кондратьевич каждое утро садился в еще теплое кресло и чувствовал едва уловимый запах хороших сигар; незнакомец перед уходом открывал окна и проветривал кабинет.

Звонил из Зауральска Лебедев, просил выслать канистру спирта. Он оформил там левый алюминий и выслал накладные. Сергей Кондратьевич вздохнул свободней. Что происходило, в конце концов? Он обошел закон, это так; но если

вдуматься, никого он не обходил — то, что происходило у него в кабинете, было не нарушением закона, а, скорее, неуважением к закону. В данном редком конкретном случае закон бессилен... закон не может распространяться на этот левый алюминий... на этот фантастический алюминий... алюминия-то этого неделю назад и в природе не было!

В четверг Осколик надолго остался после работы, чтобы потолковать с незнакомцем.

9

— Здравствуйте, Сергей Кондратьевич! — обрадовался незнакомец. — Что так поздно сегодня? Работы много?

— Работы много, да скоро ее не станет, — ответил Осколик.

— Догадываюсь. Алюминий нужен?

— Тонн восемьдесят... до конца месяца... — неуверенно попросил Осколик.

— Завтра ночью завезем. Но и у меня к вам просьба.

— Какая? — насторожился Осколик.

— О, не беспокойтесь, условия прежние. Нельзя ли моей личной секретарше работать ночью в вашей приемной? Я без нее как без рук. Я вам объяснял, как тяжело у нас с производственными помещениями.

— Хм... — ухмыльнулся Осколик. — Я вспомнил одну детскую сказочку. Была у зайца изба лубяная, а у лисы ледяная; пришла весна, у лисы избушка растаяла. Попросилась лиса к зайцу во двор переночевать, тот, дурак, разрешил... в конце концов лиса зайца из избы выгнала.

Незнакомец выслушал сказочку, подумал.

— Это мудрая сказочка, — сказал он. — Не буду скрывать — я намерен занять всю вашу контору и все производственные помещения. Да, весь завод. Зачем скрывать? Нам надо договориться о сотрудничестве. Я готов преобразовать ваш завод. Построить новые цеха — места много; установить современные станки — извините, на ваших станках дерьмо лить, а не алюминий. Ваш завод начнет получать такую прибыль, которую вы в глаза не видели. За все это я прошу разрешения работать на вашем заводе ночью. Когда вы все спите.

У Осколика глаза полезли на лоб.

— Надо подумать, — прохрипел он. — Надо согласовать...

— С кем надо согласовать? — рассердился незнакомец. — Я говорю с вами как хозяин литейного завода с хозяином

литейного завода. Вам выгодно работать днем на моих станках и на моем алюминии, а мне выгодно работать ночью на вашем заводе. Что вам не нравится?

Сергей Кондратьевич взглянул на Карла Маркса. Карл Маркс сурово взирал на него.

- Надо подумать,— твердо сказал Осколик.
- Думайте, но недолго. Алюминий сгружать?
- Да. Там же.

10

В начале месяца на совещании в главке:

— Товарищи, следует обратить внимание на такой при-
корбный факт: кабельный завод в прошлом месяце выполнил
план на шестьдесят шесть и шесть десятых процента. Что
скажет по этому поводу директор кабельного завода?

Директор кабельного завода:

— У нас имеются объективные причины. Зауральск недо-
дал нам в прошлом месяце ровно на треть алюминия. На
сколько недодал, настолько и недовыполнили.

Начальник главка:

— Кто хочет работать — тот работает. А кто не хочет — тот
ищет объективные причины.

Директор кабельного, вспыхивая:

— Но я работаю на алюминии, а мне его не дают!

Начальник главка:

— Ваш сосед «Алитет» тоже зависит от завода в Заураль-
ске, и, тем не менее, он выполнил план на сто и одну деся-
тую процента. Вам следует перенять опыт работы товарища
Осколика.

Сергей Кондратьевич и директор кабельного завода смот-
рят в стол.

11

— У вас должна быть другая секретарша,— как-то мимо-
ходом сказал незнакомец.— Сколько ей лет? Почему она та-
кая хмурая и неласковая? Она своим грозным видом отпуги-
вает ваших посетителей.

— А что их пугать, они и так пуганые. Кому надо, тот и
приходит. Что им, секретарша пужна?

— Не скажите. Чтобы получить выгодный заказ, важна
каждая мелочь. Если заказчику не понравится портрет ваше-

го дедушки, сразу начнутся капризы. Предложите коньяк журналисту-трезвеннику — впрочем, таких не бывает,— и в газетах сразу начнутся сплетни о стиле вашего руководства. Секретарша — далеко не мелочь.

— Позвольте не согласиться. Какое дело заказчику до моей секретарши, если мой завод к нему сверху прикреплен? Он от меня ни на шаг, как и я от завода в Зауральске.

— Странно,— задумался незнакомец.— А если завод в Зауральске не может обеспечить вас алюминием?

— Тогда он платит нам штраф.

— Но ведь вы в свою очередь не можете обеспечить своих заказчиков?

— Верно. Наш основной заказчик — завод киноаппаратуры. Если мы не выполняем план, то платим штраф ему. Он в свою очередь платит штрафы своим заказчикам.

— Хорошо. Штрафы уплатили. Дальше что?

— Ничего. Начинаем сначала.

— А кино?

— Какое кино?

— Если завод киноаппаратуры не выполнит план, то... кина не будет?

— Нет, почему. Кино снимается.

— Выходит, у вас прогореть нельзя? — очень удивился незнакомец.

— Как это?

— Ну... в трубу вылететь.

— Могут с должности сместить.

— Ага! — обрадовался незнакомец.— И куда же вы пойдете? С протянутой рукой на панель?

— На какую-нибудь другую должность.

— Не понимаю... кто платит все эти штрафы и терпит убытки, если все происходит постоянно?

— Государство.

Незнакомец подумал и сказал:

— Хорошо живете.

12

Директор кабельного завода, конкурент по поставкам алюминия, что-то пронюхал. На очередном совещании в главке, где опять было сказано: «А вот у Осколика тем не менее», директор кабельного как с цепи сорвался, побагровел, стул

опрокинул и заявил, что ему нет дела, что у кого-то там «тем не менее», у Форда, может быть, тоже «тем не менее», а у него, у директора кабельного завода, алюминия нету, третий месяц сидит завод без алюминия, а в плане у него сто двадцать тонн алюминиевого провода, и это не военная тайна! И он не знает, какими такими окольными путями уважаемый им лично Сергей Кондратьевич добывает из Зауральска алюминий. Пусть товарищ Осколик, которого ему вечно в глаза тычут, сам, здесь, лично, немедленно поделится опытом — как он достает алюминий.

Директору кабельного палили стакан воды, пожурили за вспыльчивость, а начальник главка умно взглянул на Осколика и сказал:

— А и правда, Сергей Кондратьевич, поделитесь опытом.

Документация у Осколика была в полном порядке, и он не такой дурак был, чтобы ни с того ни с сего сдуру на ровном месте выдавать свои внутренние резервы.

— Никакого такого передового опыта у меня нет,— ответил Осколик.— На заводе в Зауральске безвыездно сидит мой снабженец, и как видите...

— Но на заводе в Зауральске сидит и мой снабженец... и как видите...— жалобно доложил директор кабельного завода.

— А этот факт говорит только о деловых качествах наших снабженцев,— ответил Осколик.

Жалко ему было директора кабельного завода. До предпоследней пятилетки они были добрыми друзьями, но сейчас, когда им назначили одного поставщика, дружба кончилась.

— Неужели поставки алюминия зависят только от личных качеств ваших толкачей? — засомневался начальник главка.

Осколик развел руками.

— Он их там чем-то подмазывает,— предположил директор кабельного.

— Попрошу, попрошу...— обиделся Осколик.

Начальник главка что-то записывал в блокнот.

13

— Послушайте, вы капиталист, как я понимаю? Частный предприниматель? — спросил однажды Осколик.

— Вас это шокирует?

— Нет. Мы за мирное сосуществование.

— Вот и отлично. Кстати, вы обдумали мое предложение?

— Да. Я согласен.
— С профсоюзом согласовали?
— Профсоюз не будет против. Я думаю, никто не будет против.

— А ваш главный бухгалтер? Как он оприходует новые станки, алюминий, стройматериалы?

— Это моя забота.

— Что ж... тогда по рукам?

Сергей Кондратьевич и незнакомец хлопнули по рукам и, оглядываясь — не подглядывает ли секретарша, выпили по рюмке коньяка, прихваченного незнакомцем из параллельного пространства.

14

Дела на производстве пошли неплохо, а личная жизнь у Сергея Кондратьевича не налаживалась. Современная Лариса Владимировна не спешила выходить за него замуж.

— Ты директор, я бухгалтер...— сравнивала она.— Тебе сорок пять, мне тридцать восемь... Если поженимся, мне придется искать новую работу.

— Ну и что? — удивлялся Сергей Кондратьевич.— Найдем. На кабельном заводе главбух через год уходит на пенсию. Неудобно как-то директору в холостяках ходить.

— Неравный брак.

— Мне домой по службе звонят, а я к тебе по ночам бегаю!

— Изволь, я к тебе бегать буду.

— Нет, нет... неудобно.

— Неудобно? А мне, думаешь, удобно твой левый алюминий приходить?

— Какой левый?! — опешил Осколик и с постели вскочил (разговор происходит ночью в квартире Ларисы Владимировны).— Откуда ты узнала?

— Да уж... не лыком шиты. Вместе сядем, вот тогда и под венец.

Не налаживалась личная жизнь у Осколика.

15

Под впечатлением ночного разговора Сергей Кондратьевич с рассветом помчался на завод, надеясь застать незнакомца, и застал. Тот держался рукой за сердце и кричал в трубку:

— Все продавайте! Все!

Увидев Осколика, он попытался улыбнуться, положил трубку и перевел дух.

— У вас неприятности? — спросил Осколик.

— Так, мелочи. Вопросы жизни и смерти. Через полчаса выяснится.

— На бирже играете? — догадался Осколик, вспомнив, как в иностранных фильмах толстые джентльмены кричат: «Продавайте!» или «Покупайте!» — и утираются носовыми платками.

— И не спрашивайте, — вздохнул незнакомец. — А вам что не спится? За вас ведь государство думает.

— Вот когда сяду из-за вас, тогда государство за меня думать будет, — ответил Осколик, вспомнив пророчество любимой женщины.

— Опять вы паникуете! — рассердился незнакомец. — Я лично изучал ваш Уголовный кодекс, на вас ни одна статья не распространяется. Наоборот! Вы самый настоящий... как это у вас... рационализатор и передовик производства. Станки, материалы и сырье вы добываете совершенно новым способом. Стал бы я тут возиться, если бы вы «сели», как вы говорите. Берите пример с меня — поджилки трясутся, но никаких истерик.

Эти рассуждения успокоили Сергея Кондратьевича на какое-то время.

— Ну, хорошо, — сказал Осколик. — С уголовным кодексом, думаю, как-то обойдется. Но существуют трудности морального порядка.

— Морального? Порядка? Это что означает?

— Принять от вас станки и алюминий — куда ни шло, можно пойти лазейки в инструкциях и не чувствовать себя виновным. Но что я скажу своим рабочим и служащим? Что скажет мой главный инженер, когда в его кабинете ночью начнет работать ваш главный инженер? Разве он поверит, что вы появились из этого... распространства? Никогда! Он сразу же заподозрит, что я хочу его выжить на пенсию... и правильно заподозрит, старик не тянет уже. Значит, каждому придется объяснять черт знает что, и начальство обо всем узнает.

— А что плохого найдет начальство в нашем сотрудничестве?

— Ничего плохого, наверно. Но вы не знаете моего начальства! Оно мне на ваши станки и алюминий такой план спустит, что я и в три смены не выполню. А где тогда вы будете работать ночью?

Незнакомец задумался.

— Более того, мое начальство этот ваш алюминий, и станки, и стройматериалы у меня заберет и распределит по другим, более ответственным объектам,— продолжал пугать Сергей Кондратьевич.

— Это мне не подходит,— пробормотал незнакомец.— Надо бы потолковать с вашим начальством.

Тут уже испугался Осколик. Если начнется согласование, в главке и в министерстве схватятся за незнакомца четырьмя руками. А с кем он, Осколик, останется? Опять тет-а-тет с Зауральском?

— Не беспокойтесь,— сказал незнакомец.— Я для вашего министерства не партнер. Если у нас с вами дела пойдут, я сведу вашего министра с деловыми людьми из экспортно-импортного банка.

Зазвонил телефон. Незнакомец схватил трубку, выслушал, утерся носовым платком и сказал:

— Можете меня поздравить. Я только что проглотил конкурента.

— Живьем? — ужаснулся Осколик.

— Живьем. С потрохами. И с небольшим алюминиевым заводиком впридачу.

— Поздравляю!

16

Случай свести знакомого с начальством вскоре представился. Однажды к концу рабочего дня на «Алитет» неожиданно приехал начальник главка. Сам. Он походил по заводу, осмотрел штабеля алюминия у главного литейного, железобетонные плиты для строительства склада, новые станки в цехах.

Вернулись в кабинет. Молчали долго.

— Будешь делиться опытом или нет? — наконец спросил начальник главка.

Осколик пожал плечами.

— Хорошо. Тогда вызови свою... Кем она тебе приходится?

— Кого?

— Главного бухгалтера.

Сергей Кондратьевич покраснел. Чтоб оно все сгорело. Доложили. Найти бы того, кто этим занимается. Незнакомец прав — секретаршу давно пора сменить.

Пришла Лариса Владимировна. Увидала красного Сергея Кондратьевича. Настала пора венчаться, не иначе.

— Скажите, пожалуйста, откуда прибыла последняя партия алюминия? — начал допрос начальник главка.

— Из Зауральска,— нахально отвечала Лариса Владимировна.

— Документы на алюминий есть?

— А как же! Не частная лавочка.

— Станки откуда?

— Из Владивостока.

— Неправду говорите, Лариса Владимировна. Таких станков в Советском Союзе не производят.

— Откуда же они взялись?

— Это я вас спрашиваю.

— А я вам отвечаю: из Владивостока,— стояла на своем Лариса Владимировна.— Можете проверить накладные.

— Сейчас проверю. А стройматериалы откуда?

— Разве в Советском Союзе не производят стройматериалов?

— Вы не забывайте, Лариса Владимировна. Несите свои накладные. И, кстати, паспорта на станки.

— Паспортов нет. Затерялись в дороге.

— Ах, затерялись в дороге... На какой это дороге?

— На Китайско-Восточной, железной,— отрезала Лариса Владимировна и ушла за документами.

17

Документы были блеск, лучше настоящих! Потому что и были настоящими. Молодец, Лебедев, договорился и с Зауральском, и с Владивостоком, и с железной дорогой. Интересно, чем он их там берет... Спиртом?

— Ну, вы даете! — удивился начальник главка, просмотрев документы и отпустив с богом Ларису Владимировну.

Осколик взглянул на часы — с минуты на минуту должен был прийти незнакомец.

— Будешь делиться опытом или нет? — грозно повторил начальник главка.— Что у тебя тут происходит? Я ведь завтра позвоню в Зауральск, бедные вы все будете. Я для чего сюда приехал, не понимаешь? Чтобы ты лично мне все доложил, потому что я тебя ценю. А мой зам, например, советует натравить на тебя вневедомственную ревизию... Хочешь? А хочешь фельетон в «Правде»? Могу устроить.

«Настроение у него хорошее... рассказать, что ли?» — подумал Сергей Кондратьевич.

— А что у тебя по ночам на заводе происходит? — вдруг спросил начальник главка. — Почему в твоём кабинете свет горит?

Случай был подходящий.

18

И Сергей Кондратьевич все рассказал начальнику главка.

19

Всего ожидал начальник... покаяний в нарушении трудового законодательства ради выполнения государственного плана; отпирательства; наконец, чем черт не шутит, какого-нибудь грандиозного передового опыта... всего ожидал. Лучшие наши умы пытаются решить эти чертовы экономические проблемы, но... платформы из воздуха? Алюминий из подполья? Станки из какого-то измерения? Капиталист ночью в кабинете советского директора? Осколик сошел с ума? Но этот сумасшедший Осколик выполнил план прошлого месяца на сто пять процентов!

Зазвонил телефон.

— Алло! — сказал Осколик. — Да, как договорились... Это он звонил, привез алюминий. Взгляните...

Начальник главка подошел к окну.

— Тетя Даша, открывайте ворота.

Начальник главка увидел, как разъехались ворота; услышал, как загудели моторы; и с пустой вечерней улицы на завод въехали два механизма, груженные алюминием.

20

После длительных согласований с Москвой в министерстве пошли навстречу планам Осколика. Если торгуем с Соединенными Штатами, почему бы не торговать с четвертым измерением, если это выгодно? Стоит попробовать... стоит провести небольшой местный эксперимент.

Незнакомец из кожи лез, торопясь переоборудовать завод и получать прибыль в ночную смену. Он ходил довольный и жирел на глазах — недавно он съел еще двух конкурентов.

Дело ладилось. «Алитет» гудел, не останавливаясь, в три смены. К конторе надстроили третий этаж, в цехе товаров

широкого потребления ввели в действие автоматическую линию — оттуда сыпались алюминиевые оловянные солдатики.

Ларисе Владимировне чем-то не понравилась почная секретарша незнакомца, и она согласилась наконец выйти за Сергея Кондратьевича замуж. Была свадьба, было весело; пригласили незнакомца — тот пришел с женой, подарил невесте розы из подприостранства, жениху карманные часы с двойной шкалой времени — ихнего и нашего; и, расхрабрившись, выпил лишнюю для себя четвертую стопку водки. Бригадир литейщиков товарищ Григорьев вызвался проводить его домой и стал первым в мире человеком, попавшим в иное измерение. Вернулся он оттуда на следующее утро, вполз на завод и рассказывал тете Даше, что народ там ничего, но в питии слаб.

Проходили дни. На «Алитет» сыпались командированные со всех алюминиевых заводов Союза. Перепимали опыт. Отмечали, что наше производство выпускает меньше алюминиевой продукции на душу населения днем, чем потустороннее предприятие на том же оборудовании ночью. Объясняли это явление ихней потогонной системой и в какой-то мере нашими нарушениями трудовой дисциплины, а именно: прогулами, пьянками, опозданиями.

Стали бороться. Перевели разгильдяев и лодырей на кабельный завод и сплоченным коллективом принялись догонять ночного соперника. Зарплату получали больше профессоров.

Незнакомца распирало от удовольствия. Он снабжал, расширял, строил, реконструировал. На совещаниях в главке плакал несчастный директор кабельного завода; Осколик его жалел, но дружбу со службой не путал.

Прошли месяцы, кварталы, и хотя объем производства на «Алитете» увеличился раза в три, но догнать ночную смену он все-таки не смог. В чем дело? Осколик произвел простое арифметическое действие — ночью пересчитал по пальцам служащих в конторе у незнакомца, сравнил это двузначное число со своим трехзначным обозом и спросил на очередном совещании:

— О чем говорят эти цифры?

Ладно, завод передовой, можно позволить себе и такой эксперимент. Сократили штаты, перевели их туда же, на кабельный. Прибыль здорово подскочила. Незнакомец вежливо аплодировал, сталкиваясь по утрам в дверях с Сергеем Кондратьевичем.

Наступила весна, март прошел. Заводской художник начал разрисовывать грузовик к Первомайской демонстрации.

Пока кончался первый квартал, Осколик не успевал потолковать с незнакомцем, но сегодня он решил остаться после работы. Незнакомец явился намного раньше начала вечерней смены. Осколик его не узнал. Похоже, незнакомец заболел желтухой.

— Что с вами?

— Плохо дело.

— Вы ели, теперь вас едят? — догадался Осколик.

Незнакомец кивнул.

Незнакомец потерял сон. О своих неприятностях он не распространялся, Сергей Кондратьевич ничем не мог ему помочь. Днем незнакомец уже не уходил, сидел на стуле в углу кабинета, безучастно наблюдал за работой Осколика.

Пришла уборщица:

— Подпишите заявление на отпуск.

— Почему ко мне?

— Начальник цеха не хочет подписывать.

Пришли из профкома:

— Сколько флажков и воздушных шариков купить на Первомайскую демонстрацию?

Заглянул начальник стройцеха:

— Вы меня вызывали?

— Нет, не вызывал.

— А мне сказали, что вызывали.

Вошла Лариса Владимировна:

— Лебедев третью неделю не выходит из отпуска.

— Пусть отдыхает, я разрешил.

— Я платить не буду!

— Ладно, дома поговорим.

Обеденный перерыв.

— Хорошо живете, — пробормотал незнакомец. — И прогoreть нельзя.

Все закончилось в один субботний апрельский день. Сергей Кондратьевич вошел в кабинет и удивился, увидев незнакомца.

— Суббота сегодня, идите домой, нельзя так переживать! — сказал Осколик.

— А вы почему пришли? — без интереса спросил незнакомец.

— У нас субботник.

— Это что?

— Ну... добровольная работа.

Незнакомец на мгновение оживился:

— Что значит «добровольная»? Бесплатная?

— Да, бесплатная. Сажаем деревья, подметаем территорию.

— А вы? Вы тоже подметаете? — усмехнулся незнакомец, глядя на грабли в руках у Сергея Кондратьевича. — А ваша жена?

— Она алюминий тягает.

Оживление прошло, незнакомец сгорбился в кресле.

— У меня на заводе вчера началась забастовка. Выставили у ворот пикеты, бьют штрейкбрехеров. А ближе к вечеру меня съест один хороший знакомый.

— Что же будет?

— Спросите у своего дедушки.

Сергей Кондратьевич прикрыл дверь и пошел по коридору. У выхода он услышал выстрел и побежал обратно. Он готов был услышать этот звук. В дверях кабинета он столкнулся с двумя людьми в незнакомых рабочих спецовках. Они тащили какой-то тяжелый предмет, завернутый в зеленую скатерть с директорского стола. Кабинет был забрызган кровью.

— Он позвонил в забастовочный комитет и попросил нас прийти... — начал оправдываться один из рабочих.

— Мы пришли, а он пистолет себе в рот... — добавил второй.

Сергей Кондратьевич пошел за ними, волоча грабли по коридору.

Тетя Даша, перекрестившись, открыла ворота. Забастовщики со своим свертком вышли за ворота и растворились в воздухе.

24

— ...люминия! — кричал Лебедев через месяц из Зауралья.

— Девушка, переведите! — просил Осколик.

ОТПУСТИ ДОМОЙ

1

Молодежная газета в приморском городе называлась «Молодой черноморец». Отделом ее культуры заведовал пожилой человек, подписывавший свои статьи псевдонимом Нордост. Он не очень-то походил на знаменитый ветер — брюки на нем еле держались, стянутые старым флотским ремнем, а в чем держалась душа — неизвестно. Кожа да кости, дунь — улетит в окно. Новичков и внештатных корреспондентов тянуло именно к Нордосту, потому что у него было самое доброе лицо в редакции, а название отдела — самое подходящее для всех случаев жизни.

— Отдел культуры как проходной двор, — любил жаловаться Нордост. — Все поровят чего-нибудь напечатать. Никогда не знаешь, кто сейчас войдет и о чем придется говорить.

Вчера, например, приходил заслуженный боцман, оставил статью, прославляющую нелегкий труд советских китобоев; за ним — гордая старуха с воспоминаниями о подруге детства Вере Холодной; потом в полном составе заявила городская команда КВН и требовала предоставить ей помещение для репетиций; а сегодня с утра, не успел Нордост заварить чай, в отдел культуры заглянул озабоченный молодой человек из тех, кто пишет и ходит.

«Новенький», — отметил Нордост, откладывая статью, прославляющую нелегкий труд китобоев по выбиванию китов из Мирового океана.

— Заходи, садись, вот стул, — пригласил Нордост. — Не представляйся, сейчас я тебя разгадаю. Телепатически. Студент третьего курса филологического факультета. Решил перестроиться и перейти в наступление. В «дипломате» стихи, а в голове агрессивный план по захвату рубрики «Молодые голоса». Все правильно угадал?

— Нет, — усмехнулся студент. — У меня проза.

— Ну, это одно и то же,— вздохнул Нордост.— Все мы под богом ходим. Большая проза?

— Роман. Триста девяносто восемь страниц,— студент вытащил из «дипломата» толстую папку и начал развязывать те-семки.

— Для газеты находка,— обрадовался Нордост.— Завтра же начинаем публикацию... С продолжением, до конца следующего года. Роман какой? Научно-фантастический?

— Да, фантастический. Реалистическая фантастика. На военно-морскую тему. О высадке феодосийского десанта.

Нордост, паверню, впервые в жизни опешил. Он опустил электрокипятильник в пивную кружку с остывшим чаем (его душа держалась на листьях настоящего цейлонского чая, у него и на Цейлоне были свои специальные корреспонденты) и задумчиво произнес:

— Все правильно... Свое слово о войне пришла пора сказать молодому поколению. Что ж, читаем. А сейчас выручай, рубрика горит. Пожар, понимаешь ли. Раз уж ты пишешь морскую фантастику, то тебя надо познакомить с Федей Крюковым. Вот тебе боевое задание: дуй на спуск имени Добролюбова...— Нордост уже писал адрес,— возьми у него интервью и сделай мне очерк в раздел «О людях хороших»... А то мы все больше о плохих. А он мужик необыкновенный. Мор-ряк. В сорок первом году, примерно в твоём возрасте, потерял правую ногу, а с протезами тогда было худо. Так он, зна-ешь, что сделал? Не спился и не стал ходить на костыле с гармошкой по трамваям, нет, он купил велосипед и стал на нем ездить, крутя одной ногой. Это человек!

— Но я не вижу тут особого геройства,— вежливо возра-зил студент.— Что с того, что человек с одной ногой научил-ся держаться на велосипеде? Это непривычно, согласен... но в цирке, например, зайцы в барабаны бьют... Что с того? Внеш-ность обманчива.

— Ты умный парень,— одобрил Нордост.— Размышляешь. Но ты не умствуй, а проще смотри. Зайцев дрессируют, а че-ловека без ноги никто не заставит ездить на велосипеде. Тут сила воли, понимаешь? Но и это еще не все. Он потом при-думал роликовые коньки с ручным управлением. Он, получа-ется, сам себе ноги сделал. Так что давай дуй. Да, вот еще...— продолжал Нордост, отхлебывая чай.— Ты с ним поосторож-ней насчет фантастики... Он сам, понимаешь, верит в чудеса.

- В какие чудеса?
- А ты у него спроси.

2

После создания научно-фантастического романа студенту совсем не хотелось сочинять газетный очерк о хорошем человеке, но он оставил роман Нордосту и отправился на спуск имени Добролюбова, потому что работу в газете с чего-то надо начинать.

Интервью состоялось в однокомнатной квартире, увешанной морскими цветными фотографиями. Хозяин квартиры, польщенный посещением корреспондента, натянул новые джинсы и угощал гостя все тем же цейлонским чаем, разъезжая на роликовых коньках из кухни в комнату и обратно. На кухне звякали бутылки, а коридор загромождал толстый черный велосипед с мотором.

Никакой такой необыкновенной судьбы не обнаружилось. Ногу Федор Иванович Крюков потерял в морском бою. Даже не в бою, а так... угодил под бомбу. Корабль затонул. Ничего не помнит. Очнулся в медсанбате без ноги. После войны работал в инвалидной артели, потом инженером кинотеатра. Кино- и фотодело изучил в совершенстве. Зарплату получает и пенсию. Нормально, на жизнь хватает. Льготы всякие. Квартиру получил на первом этаже. Вот джинсы купил... Ничего штаны, крепкие. Бесплатные путевки на юг хоть каждый год... а зачем, он и так на юге. В заграницу съездить — хоть завтра, а зачем? Делиться опытом с тамошними ветеранами, как передвигаться на роликовых коньках с ручным управлением? Так они это изобретение запатентуют, а нашему государству прямой убыток.

— А вы у нас запатентуйте, — посоветовал корреспондент.

— Держи карман шире. Тридцать лет патентую, а в ответ слышу: «Нет предмета изобретения». Роликовые коньки не я изобрел? Не я. А ручной тормоз откуда содрал? С велосипеда. Значит, изобретения нет. Помилуйте, да я себе ноги изобрел! А ноги, мне отвечают, это поэтический образ, их в патент не запишешь. Короче: хорошо тому живется, у кого одна нога, — закончил Крюков и подмигнул корреспонденту.

Интервью заглохло.

Корреспондент разглядывал морские фотографии на стенах и начинал понимать, что заведующий отделом культуры

промахнулся, оромантизировав этого инвалида. Федор Иванович, безусловно, был хорошим человеком, но не в том газетном плане, о котором думал Нордост. Все мы хорошие, за редким исключением. Но на всех, к сожалению, газет не хватит. Надо бы спросить инвалида, в какие такие чудеса он верит... Но как об этом спрашивать?

— А чем, например, вы интересуетесь в жизни? — безнадежно спросил корреспондент, переводя взгляд на сервант, где вместо стародавних слоников выстроилось по ранжиру семейство высушенных крабов.

— В жизни? — переспросил Крюков. — Как сдать бутылки я интересуюсь.

— Пьете? — оживился корреспондент.

— Пью. Каждый день. Бутылку молока. У меня единственная проблема в жизни — как сдавать бутылки с одной ногой. Тимуровцы повывелись, а в очередях торчать все-таки тяжело.

Ситуация становилась прозрачной — корреспонденту намекалось пойти сдать бутылки... Что ж, он не гордый...

— Давайте, я сдам, — гордый от собственной негордости предложил корреспондент.

— Сделай одолжение! — обрадовался Крюков. — Там много... На десять рублей... Дотащишь? Молодец! Так вот: в жизни я интересуюсь рыбалкой. Купи бутылку водки и завтра утром приходи на причал.

— Так вы же не пьете?

— Это не для меня. Выйдем на рыбалку, там я тебе все расскажу.

3

В самую рань, когда над морем начинал происходить рассвет, корреспондент занял очередь у ограды лодочного причала и наблюдал, как Федор Иванович катит на велосипеде по спуску имени Добролюбова.

— Бутылку взял? Пошли.

Начальник причала еще не появлялся. У ограды серые тени с удочками посвечивали папиросными огоньками.

— А очередь кто будет занимать, папаша? — спросила самая зловредная тень, когда Федор Иванович собрался пройти за ограду.

— Товарищи, это инвалид Великой Отечественной войны, — дернул черт сказать корреспондента.

— А кто его разберет — инвалид, не инвалид...— пробурчала зловредная тень и зажгла спичку.— Вот только что будет, если все инвалиды с утра на рыбалку выползут? Так ведь на всех лодок не хватит.

— Ты, товарищ, не беспокойся, я один такой. А лодка у меня здесь персональная,— ответил Крюков. И добавил корреспонденту: — А ты не суйся, куда не просят.

Но вот появился начальник причала. Впрочем, шеф все время находился на рабочем месте — он ночевал в будке. Тени оживились и принялись тягать лодки к воде. Корреспондент все наблюдал и ко всему прислушивался, чтобы потом в очерке все верно описать. Блокнот он с собой не взял, а полагался на память, как и подобает профессионалу. «Важно не пропустить восход солнца»,— думал он. Море еще спало. Полоска неба на горизонте начинала розоветь, будто там протянули раскаленную проволоку. Рыбаки несли весла. Лодочник выписывал квитанции и забирал в заклад паспорта, хотя забирать паспорта не положено. Крюков стоял у лодочника над душой и что-то объяснял ему, а тот отвечал:

— Ладно, не унывай.

«Голоса перед рассветом всегда почему-то приглушены»,— отметил наблюдательный корреспондент.

— Пацан с тобой? — спросил лодочник.— Вы недолго.

Корреспондент решил, что на «пацана» не следует обижаться.

— Видишь, красный фонарь из воды торчит? — показал пальцем Крюков.— Это и есть мой корабль, где я ногу потерял. Я над ним бычков ловлю. Гребь туда.

4

«Символично... Старый моряк ловит бычков над своим погибшим кораблем»,— думал корреспондент, колотя веслами.

Подплыли к бакену и привязались. Оказалось, что и солнце взошло,— корреспондент греб спиной к рассвету и пропустил восход. Насадил рачков и швырнули грузила в воду. Федор Иванович вынул из сумки полевой бинокль и начал сосредоточенно осматривать морские окрестности.

— Что вы там высматриваете?

— Так... наблюдаю,— ответил Крюков, отложил бинокль, вытащил фотоаппарат и принялся щелкать.

— А нас пограничники не задержат? — удивился корреспондент.

- За что?
- За фотоаппарат.
- Мне можно.

Солнце поднималось. Никто не хотел клевать. Море было бесцветное, оцепеневшее и трудноподдающееся описанию для корреспондента. Бычки, наверно, еще спали. Корреспондент решил, что будет писать очерк короткими фразами, и пожалел, что не захватил блокнот.

— Я думаю, бычки здесь не водятся,— сказал он, вытаскивая крючок с нетронутой наживкой.

— Ты лучше ни о чем не думай,— ответил Крюков.— Вот тебе море, вот рассвет — зачем тебе бычки? Я в детстве сильно удивился, когда узнал, что Синего моря нет. Пряма-таки был поражен. Пришел старик кликать золотую рыбку, а Синего моря и нету! Черное есть, Красное, Желтое — есть, а Синего нет. Вот хам какой-то... яблоко съел, а огрызок в море.

— Загрязнение среды,— подтвердил корреспондент.

— Точно. Ты умеешь под слова проблемы подводить. Молодец, это в жизни пригодится. Наверно, распишешь в статье, как я подплываю к своему погибшему кораблю? Есть море, в котором он плыл и тонул, да? Утесова любишь? И на берег выброшен к счастью? Только я не знаю, кто меня в тот день на берег выбросил. Волны не было, как сейчас. Штиль. Мы идем вдоль берега в порт на ремонт. Вдруг откуда ни возьмись появляется одиночный «Юнкерс» и небрежно так пускает нас на дно. Мимоходом. И дальше себе полетел. Помню взрыв и больше ничего. То, что у тебя не клюет,— это ты не умеешь. Дай сюда.

Федор Иванович оторвал креветке голову, плюнул, передвинул грузило и швырнул в воду. Внизу сразу кто-то дернул, и Крюков вытащил на свет божий громадного черного бычка. Тот корбился на крючке и распускал веером плавники.

— Гляди, кнут! — сам же удивился Федор Иванович, взвешивая на пальце это страшилище.— Напугал! Иван Грозный! Ладно, иди домой...— Он осторожно освободил бычка и швырнул его в воду.

— Я его домой отпустил,— объяснил Федор Иванович удивленному корреспонденту.— Меня в тот день кто-то домой отпустил, и я с тех пор всех домой отпускаю. Ты лови, лови, на меня не смотри. Как думаешь, могли меня в тот день дельфины на берег притащить?

— Дельфины? — задумался корреспондент.— Нет. Дельфины иногда выталкивают на поверхность... Такой у них условный рефлекс. Но на берег никого не тянут.

— Верно. Отпадают дельфины. Кто же тогда? Пряма-таки загадка природы. Гляди: отсюда после бомбардировки я летел, или плыл, или черт знает что со мной происходило — полтора километра до берега. Без ноги... А хотя бы и с двумя... Как это понимать? Как я туда добрался?

— Может быть, вас спасательная шлюпка подобрала?

— Не было здесь в сорок первом году спасательных шлюпок. И пляжа не было. Меня Семен подобрал... тот, который лодки выдает. Я ему каждый год в этот день бутылку водки ставлю за то, что он меня спас. Святое дело. Он пьет, я смотрю. Здесь до войны его хата стояла. Он в окно наблюдал, как «Бесстрашный» на дно идет, вдруг видит — на берегу матросик кровью исходит. Он тоже не понимает, откуда я взялся... Я его спрашивал, спрашивал... не понимает.

— Может быть, вас... взрывная волна? — предположил корреспондент.

— Выходит, по-твоему, я отсюда, как самолет, до берега по воздуху летел?

— Нет, невозможно. Но должна же быть какая-то связь...

— Кой-какая связь тут есть. Черное море одно из самых загадочных мест на Земле... ты не замечал? Везде пишут. Например: оно принадлежит к Атлантическому океану. Согласен? Почему же в нем нет океанской фауны и флоры? Где тигровые акулы, серые киты, кашалоты?

— Кашалоты...— повторил корреспондент, начинал подозревать, что инвалид не в своем уме.— Откуда им взяться в Черном море?

— Ладно, согласен, кашалоты через Босфор не пройдут. А других почему нет? Даже кефаль куда-то ушла, скоро одни бычки останутся.

— Мало ли что! Корму не хватает. Загрязнение среды.

— А почему нижние слои Черного моря насыщены сероводородом? — запальчиво продолжал Федор Иванович.— Ни одно море не насыщено, а Черное насыщено! В Балтийском море воон сколько островов, а в Черном — раз, два и обчелся...

— Три,— уточнил корреспондент.

— Что «три»?

— В Черном море три острова.

— Пусть три. Не имеет значения. О чем я говорил?
— О загадках Черного моря. Что из всего этого следует?
— Не знаю. Но чувствую — там, внизу, что-то есть,— Федор Иванович зашептал: — Неопознанный плавающий объект... понимаешь? Иногда по ночам он всплывает... я фотографировал, но плохо видно. Когда пограничники освещают его прожектором, он тут же уходит под воду. Он всплывает с какой-то периодичностью, не могу вычислить. Всплывает и идет в порт на ремонт. Понимаешь? Мой корабль. Его трудно узнать... он весь в водорослях, как плавучий остров. Чувствую, что-то в этом месте готовится. Я полез бы посмотреть с аквалангом, да с одной ногой плавать не научился.

«Нет уж! Бутылки я сдал, а с аквалангом не полезу»,— подумал корреспондент.

— В общем, все ваши переживания мне психологически ясны,— сказал он.— Многие ветераны едут за тридевять земель, чтобы взглянуть на свои памятные места. А вас всю жизнь тянет к погибшему кораблю. Он для вас как живое существо... Вот и чудится всякое.

— Психологически...— усмехнулся Крюков.— Спасибо, объяснил. Это ты в свой очерк вставь: «психологически».

«Чудной человек,— оцененело подумал корреспондент.— Как о таком писать?»

Леска у него на пальце дернулась — кто-то в глубине поймался. Корреспондент торопливо выбрал леску. На крючке болтался маленький серый бычок.

— Смотрите, какой грустный бычок... Проплывал мимо крючка и зацепился плавником.

Федор Иванович без интереса взглянул на бычка и опять уткнулся в бинокль.

Бычок наконец опомнился, задрогал на крючке и сделал страшный вид.

— Ну, что с тобой делать? — спросил корреспондент.

— Отпусти меня лучше в море,— прошептал бычок.— Я исполню любое твоё желание.

Или корреспонденту послышалось?

— Что? — переспросил он.

— Отпусти домой...— прошептал бычок, еле дыша.

Корреспондент мотнул головой, хотел окликнуть Федора Ивановича, но передумал. Вот мерзость, что за день выдался? Уже и бычки заговорили!

Он освободил бычка и швырнул его в воду.

Бычок успел сказать: «Задумай желание!» — и исчез в Черном море под затонувшим кораблем.

«Хочу, чтобы мой роман печатался весь год с продолжениями в «Молодом черноморце», — задумал корреспондент и почувствовал себя окончательным дураком.

— Возвращаемся, — объявил Крюков и спрятал бинокль. — Жаль. И сегодня не появилось.

— Что не появилось?

— В этом месте что-то должно появиться. То, что меня на берег выбросило.

«Почудилось или не почудилось?» — соображал корреспондент, гребя к берегу.

В будке их с нетерпением ожидал лодочник:

— Не нашел? Ладно, не унывай. Прошу к столу.

Но корреспондент вдруг заспешил и не остался завтракать.

— Это Нордост на мне эксперименты ставит, — объяснил Федор Иванович, когда корреспондент удалился. — Засылает пацанов, вроде этого, и проверяет — поймут они меня или нет. А потом отдает мне же очерки на проверку — как я подплываю к погибшему кораблю с описанием морского пейзажа. Все пишут одно и то же. Ни одного не напечатал — я добра не даю. Чайники, ничего не понимают. Но этот вроде ничего... бутылки сдал. Может, что-то получится, а?

— Ладно, не унывай.

5

«Почудилось или не почудилось, — навязчиво думалось студенту по дороге в редакцию. — Если Нордост возьмет роман, значит — бычок волшебный!»

Он вошел в отдел культуры, ожидая чуда.

— Вот что, — сердито сказал Нордост и бросил кипятильник в пивную кружку. — Я всю ночь не спал, читал твой роман. Я с этим десантом высаживался... но не с феодосийским, а с керченским. И до сих пор даже на рассказ не собрался... боюсь соврать. А ты тут наплел, как мы немцев телепатией били. Иди, друг, иди. Учись. Читай «Цусиму», это полезно. Вот твой роман, приходи через десять лет, может, я еще жив буду.

— Ничего, — пробормотал корреспондент. — Я еще над ним поработаю.

— Давай,— согласился Нордост и придвинул к себе воспоминания о Вере Холодной.

«Почудилось или не почудилось? — проклинал себя корреспондент.— Дурак! При чем тут романы, газеты и очерки о хороших людях?! Завтра же... с сетью... с аквалангом... Болван, не то надо было просить!»

Черное море — оно в самом деле с загадками.

ВОПЛИ

О русском символизме сказано немало и написано предостаточно, тем не менее Дмитрий Николаевич Чухонцев утром в понедельник сидит на кухне и пытается строчить статью о символизме в журнал «Вопросы литературы». В сокращении этот журнал именуется «Вопли», а читают его люди «не от мира сего».

Дмитрий Николаевич один из них. Он последовательно закончил школу, филологический факультет Причерноморского университета, аспирантуру, написал и защитил диссертацию и, загробив остатки молодости, к тридцати четырем годам сделался тем, чем он есть, — специалистом по русскому символизму, доцентом кафедры русской литературы, «филологом царя небесного» — так он сам себя называет, и «пушкинистом» — так называют его во дворе.

В этом дворе не читают «Воплей» и не знают, что статьи о символизме надо не писать, а именно строчить утром на кухне, запивая каждый абзац глотком холодного чая. Начинать нужно с любой бессмысленной фразы, например: «Конец XIX — начало XX вв. — сложный и интересный период истории русской литературы...», а потом, не задумываясь, конспективно излагать содержание собственной кандидатской диссертации — то есть строчить, не исправляя и не останавливаясь. Остановишься — и утро пропало. Задумаешься, закуришь, подойдешь к окну, посмотришь с вершины спуска имени Добролюбова на ржавую протекающую крышу родного университета, на сентябрьский пожелтевший город — и все пропало. Вспомнишь, что все твои юношеские мечтания и вопли уже воплотились в жизнь, что молодость прошла в классах, аудиториях, библиотеках, на кафедрах и в общагах; вспомнишь три потока прекрасных студенток, которых ты должен то ли обучать символизму, то ли символически учить днем, вечером и заочно, — вспомнишь, полистаешь потрепанный синий том любимого Александра Блока и поймешь, что всю

оставшуюся жизнь тебе придется заниматься черт знает чем — тем, о чем мечтал в юности: Литературой с Большой Буквы.

Дмитрий Николаевич не хочет признаваться, что ему стало скучно жить и что он делает что-то не то. Возможно, он устал от приемных экзаменов и от сельскохозяйственных работ с прекрасными дамами, которые путают Блока с Бальмонтом и Бельмондо... Как вдруг раздается звонок, и Дмитрий Николаевич, довольный тем, что его оторвали от статьи и от скучных мыслей, спешит открыть дверь и узнать: кого это принесло с утра?

Перед ним на лестничной площадке стоит нечто, что можно условно назвать «фигурой». Она не имеет никакого отношения к Литературе, а поднялась сюда без лифта на девятый этаж из низов самой Жизни. Фигура одета в помятый костюм при галстукe и обута в сандалеты на босу ногу — как видно, с похмелья забыла натянуть носки. Она делает героические усилия стоять ровно и произносить слова как можно отчетливее.

— Пушкиништ... я иживняюшь... — произносит фигура. Она собирается что-то еще сказать, но умолкает и с проникающей надеждой заглядывает в глаза Дмитрия Николаевича.

— Я вас слушаю, — подбадривает тот.

Фигура очень довольна тем, что ее слушают, а еще больше, что к ней обращаются на «вы». Она тут же переходит на «ты», блаженно заплетая языком (эти звуки трудно передать, их надо слышать):

— Пушкиништ, иживни меня... Лифт, шволочь, не работает. Иживни. Ешть чейлоншкий чай...

— Спасибо, не требуется, — разводит руками Дмитрий Николаевич, не очень понимая, откуда это незнакомое похмельное чучело узнало, что он «пушкинист».

— По дешевке... чейлоншкий... — настаивает фигура. — Ждей мне одолжение... Шкажали ребята, что пушкиништу чай нужен... паштоящий, чейлоншкий...

Дмитрию Николаевичу, как и всякому русскому символисту, становится «жаль человека». Ему также импонирует, что этот спившийся люмпен-интеллигент в галстукe на босу ногу целенаправленно поднимался на девятый этаж именно к нему — мол, ребята сказали, что пушкинисту чай нужен, сидит пушкинист без чая... И хотя Чухонцев знает, что «настоящий чейлоншкий чай» привозится не с Цейлона, а ворует

за три квартала отсюда на чаеразвесочной фабрике, но ему «жаль человека», и он решает человеку помочь:

— Сколько стоит твой чай?

— Рубль! — твердо отвечает люмпен-интеллигент.

— Что же ты купишь утром за рубль? — удивляется Чухонцев такой дешевизне.

— Пару пива...— хрипит фигура и показывает, что с утра он, кроме пива, «ни-ни».

Фигура получает свой рубль, благодарит: «Шпашибо!» — и, забыв отдать чай и обтирая костюмом стены, отправляется в трудный путь вниз по лестнице; а Дмитрий Николаевич возвращается на кухню и перечитывает первую фразу:

«Конец XIX — начало XX вв.— сложный и интересный период истории русской литературы...»

Он вносит поправку: «сложный и интересный» меняет на «интересный и сложный». Закуривает. И вдруг наконец-то чувствует, что его природный вкус взбунтовался и не позволяет ему строчить схоластическую халтуру в академические «Вопли». А напишет он сегодня животрепещущее эссе о русском символизме в стиле самого символизма!.. Напишет, если его не замордует звонками эта фигура из горьковского «На дне» — опять звонит! Значит, вернулся, чтобы отдать чай.

Дмитрий Николаевич отправляется в коридор с решимостью спустить люмпен-интеллигента с девятого этажа, но на этот раз на пороге возникает другое, более современное явление русского символизма — соседский мальчишка в запятнанном чернилами пионерском галстуке, двоечник и лодырь Коля Спиридонов.

— Дядя Дима, батя ключи не оставлял?

— Оставлял. Возьми. Ты почему не в школе?

— Прибежал за дневником... Я пятерку по физкультуре получил. Бате не сообщайте — сюрприз!

Коля Спиридонов снимает с гвоздика в прихожей ключи от своей квартиры, а Дмитрий Николаевич возвращается на кухню и начинает размышлять. «Напишите нам что-нибудь о русском символизме. Давненько о нем не вспоминали». Хорош заказ — напишите нам что-нибудь! Вопли, а не заказ. Мало ли что можно написать о русском символизме... например, докторскую диссертацию. Например: «Образ Прекрасной Дамы (трактовка мироощущения) в поэтике русского символизма». Чем плохо?

Тут мысли Дмитрия Николаевича принимают совсем другой оборот. Не к ночи будь помянуто, но с Прекрасными Дамами в его жизни обстояло не очень. Не густо. По разным причинам. Более того, он перестал верить в существование Прекрасных Дам, а внешние его данные никак не привлекали к нему тех прекрасных дам, которые, возможно, все-таки где-то существовали.

Вот он разглядывает себя в зеркале: усы и бородка а ля Чехов, нос картошкой... Вот он смотрит из кухонного окна на пустой спуск имени Добролюбова... Где они? Хоть одна?

«На работе,— отвечает сам себе Чухонцев.— В это буднее утро все Прекрасные Дамы на работе».

Опять звонок.

— Дядя Дима, дверь не открывается!

— Дверь? Дверь — это мы сейчас.

Дмитрий Николаевич начинает крутить ключом в соседской двери. Ключ поворачивается на пол-оборота и застревает.

— Замок испорчен,— заключает Чухонцев.

— Дядя Дима,— вдруг шепчет Коля.— Я вам что-то скажу на ухо... Там, за дверью, кто-то ходит...

— Кто ходит? — тоже прошептал Чухонцев.

— Не знаю... шаги.

Дмитрий Николаевич подергал соседскую дверь и прислушался. В его воображении рядом с туманным образом Прекрасной Дамы возник небритый облик Квартирного Грабителя. Дама иронически фыркнула, и сконфуженный грабитель испарился. Дмитрий Николаевич был того же мнения, что и Прекрасная Дама. В то время, когда он, Чухонцев, пишет на кухне статью о символизме, в квартиру соседа Вовки Спиридонова забрался квартирный вор? В этом нет логики... Здесь что-то не вяжется.

— А мать где? — спрашивает Чухонцев.

— А в санатории.

— Значит, так: никого там нет,— уверенно произносит Дмитрий Николаевич.— А замок испорчен. Иди в школу, отец вернется — откроет.

Коля не спеша (чтобы после физкультуры пропустить урок русского языка) уходит в школу, а Дмитрий Николаевич цепляет соседские ключи на гвоздик в своей прихожей и продолжает бродить по кухне. Итак, докторская диссертация... То бишь, статья о Прекрасной Даме в стиле самого символизма.

Как там у Блока... «Золотая, Таинственная Дева...», «Блещут ланиты у дев златокудрых...», «Словно бледные в прошлом мечты, мне лица сохранили черты...».

Махровый символизм. «Напишите нам что-нибудь...» Дернул черт согласиться! Взглянуть бы хоть на одну Прекрасную Даму, и тогда, считай, статья в кармане. Блоку с его поэтическим воображением было просто. Нужно представить. Высока, стройна, воздушна, ножки, ручки. С этим ясно. «Златокудра» — рыжая, значит? Одета в белое. Понятно. Шейка — лебединая. Глаза — лазурные. Лицо... Нет лица.

Вот кого ясно представляешь — небритого грабителя с топором. Шея... Не шея, а бычий загривок. Лицо... Не лицо, а нечеловеческая морда. Топор... как у мясника для разделки туши. В общем, грабители сейчас не такие, но все равно ясно представляешь.

Дмитрий Николаевич с раздражением начинает понимать, что день пропал. Он до самого вечера будет выглядывать на лестничную площадку и сторожить пустую квартиру Вовки Спиридонова, пока тот не вернется с работы. Чухонцев, ругнувшись, выходит на площадку и опять начинает вертеть ключом в соседской двери. На втором обороте ключ не проворачивается.

Замок испорчен, разве не ясно?

Впрочем, размышляет Дмитрий Николаевич, возможен вариант, что злоумышленник притаился в коридоре за дверью и придерживает замок, пока он, Чухонцев, крутит ключом.

Ладно, предположим. Твои действия, если кто-то залез туда?

Вооружиться.

Зачем?!

А затем, что у грабителя может оказаться топор.

Топор? Почему топор? Будут они с топором лазить!

Вот откуда топор: Родиона Раскольников вспомнил, книжник! Раскольников с топором в квартире столяра мебельной фабрики Вовки Спиридонова? Вопли все это. Литературщина.

Внутренний монолог Дмитрия Николаевича вдруг обрывается. Он видит, как диск французского замка в соседней двери сам собой начинает медленно поворачиваться... Там, за дверью, в самом деле кто-то стоит и крутит замок!

Мысли Чухонцева начинают суетиться... Что делать? Сосед на работе. Аня, его жена, еще не вернулась из отпуска.

Квартира пуста. В квартиру кто-то влез... Возможно, тот самый чаеразвесочный интеллигент, который бродит по этажам и для отвода глаз продает чай...

— Вот тебе и символизм! Колюнька удрал с уроков, спугнул грабителя, и тот сейчас прикручивает замок, чтобы никто не вошел. Есть ли у него способ удрать не через дверь? Спрыгнуть разве что с девятого этажа...

Твои действия?

Вызвать милицию.

Разумно. Пока пробежишь три квартала к телефону-автомату, Вовкину квартиру на грузовике вывезут.

Что же делать?

Беги к соседям!

Где соседи, какие соседи утром в понедельник? Выбрал время, подлец! Не под покровом ночной тьмы, а утречком, когда все на работах и службах...

Пока Дмитрий Николаевич так суетливо размышляет, замок в соседской двери совершает новые эволюции: тот, кто за дверью, крутит его в обратную сторону... Раздумывать некогда — тот, кто за дверью, успокоенный тишиной, решил открыть дверь и удрать. Нужно немедленно выдать себя, зашуметь и заставить грабителя затаиться.

Дмитрий Николаевич начинает шуметь — кашляет, топает ногами и долго звонит в собственную квартиру. Диск замка перестает вращаться... Значит, тот, кто за дверью, затаился.

Что же теперь? И уйти нельзя, и под дверью торчать тоже не дело... С пьяным интеллигентом Дмитрий Николаевич и сам, конечно, справится, но что если за дверью прячется мордоворот с топором?

Надо действовать так, чтобы тот не заподозрил, что его заподозрили и мешают ему уйти. Нужен отвлекающий маневр. Надо шуметь натурально — будто жильцы ходят туда-сюда, тогда грабитель будет ждать, пока все успокоится.

Дмитрий Николаевич открывает сам перед собой свою дверь и, чувствуя себя полнейшим дураком, здоровается:

— Здоров, Дима!

— Сколько лет, сколько зим! — отвечает басом самому себе.

Теперь завести длинный разговор... Артист!

— Заходи!

— Не могу, спешу. У тебя как дела?

— Ничего, потихоньку. А у тебя?

— У меня? Нормально. Я вот по какому делу... одолжи червонец.

— Постой, сейчас принесу.

Вдруг кто-то сзади хватает Дмитрия Николаевича за плечо. Чухонцев обмирает от страха, но тут же выясняется, что схватил его не инфаркт и не грабитель с топором, а всего лишь глуховатый пенсионер с верхнего этажа. Его, наверно, сюда сам бог послал!

— Ты чего тут делаешь? — удивляется пенсионер и стучит пальцем по лбу.

— Семен Данилыч! Постойте тут...— Чухонцев убегает на кухню, приносит карандаш с бумагой и начинает писать объяснение.

— Ты, Димка, чокнутый,— говорит в это время Семен Данилович.— Я за тобой давно наблюдаю, с детства. Все хлопцы как хлопцы, а ты кто? Что ты здесь под дверью стихи читаешь? Вот Вовка — он столяр. Понятно. Вот Семка — он в магазине. Понятно. А ты кто? Пушкинист? Нет, ты мне объясни: чем ты в жизни занимаешься?

Чухонцев сует ему под нос записку. Семен Данилыч ищет очки и говорит, что забыл их дома.

— Что здесь? Стихи?

— Стихи, стихи,— подтверждает Дмитрий Николаевич.— Очки у вас на лбу.

«Семен Данилыч! — читает Семен Данилович.— В квартире Вовки Спиридонова сидит грабитель и все слышит. Я его отвлекаю и не могу отойти. Немедленно позвоните в милицию».

— Вот так стихи! — изумляется Семен Данилыч и отправляется вниз.

Дмитрий Николаевич глядит ему вслед. Старик, конечно, бойкий, но к телефону доберется минут через пятнадцать. Чем бы этого грабителя занять?

За дверью шорох...

Думай скорее, пушкинист!

Стихи!

И Дмитрий Николаевич прямо на лестничной площадке под дверью начинает читать стихи о Прекрасной Даме:

Вхожу я в темные храмы,
Свершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад...

За дверью тишина.
Пусть, пусть послушает Блока.

В течи у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей...

Дрожу от скрипа дверей. Это по теме.

А в лицо мне глядит, озаренный
Только образ, лишь сон о ней.

Слушай, пушкинист, а если твой друг детства Вовка Спиридонов в отсутствие Анюты привел в квартиру Прекрасную Даму и ждет не дождется конца работы, чтобы домой поскорей?

Ты помнишь чудное мгновенье, пушкинист?

Мысль о Прекрасной Даме в Вовкиной квартире представляется Дмитрию Николаевичу настолько изящной, что он сразу начинает в нее верить. Может, кто и не знает Вовку Спиридонова, а он знает. Это очень возможно. Это возможно скорее, чем Раскольников с топором. Прекрасная Дамы за дверью чувствует себя на крючке, потому что сейчас приедет милиция.

Пожалуйста, пусть уходит, кто ей не дает?

Ты ей не даешь.

Такие мысли посещают Дмитрия Николаевича в последние минуты до приезда опергруппы. Тот, кто за дверью, наверно, тоже чувствует приближение милиции. Кем бы он ни был — Прекрасной Дамой или Квартирным Грабителем, — ему пора удирать.

Замок поворачивается до отказа, и дверь осторожно начинает приоткрываться. Дмитрий Николаевич замирает, готовый на любое откровение. Вот уже в щели за дверью в Вовкином коридоре что-то мелькает, но внизу раздается топот многочисленных ног, дверь испуганно захлопывается, и перед Дмитрием Николаевичем на лестничной площадке вырастают трое озабоченных широкоплечих ребят в штатском.

— В чем дело? Почему лифт не работает? — запыхавшись, спрашивает один из них.

— А он у нас только вечером, — объясняет Чухонцев.

— Хорошо, с лифтом выяснили, — нетерпеливо вмешивается второй. — А кто милицию вызывал?

— Там кто-то есть, — Чухонцев указывает на дверь.

— Мало ли кто там может быть? Вы кто такой?

— Сосед...

Внешний вид Дмитрия Николаевича производит впечатление на сотрудников. Усы и бородка вызывают у них положительные ассоциации. Такой сосед врать не будет. За дверью в самом деле что-то не так.

В квартиру звонят.

Из квартиры не отвечают.

Что ж, удалцы, долго не думая, начинают действовать, как учили. Они свое дело знают. Они просят Дмитрия Николаевича очистить пространство, и третий из них, самый молчаливый и шкафообразный, внутренне перекрестившись, бочком-бочком кидается на дверь.

Вот это специалист!

Конечно, Дмитрий Николаевич понимал, что, возможно, придется взламывать дубовую дверь (эту дверь, похожую на средневековые ворота, любовно сработал Вовка Спиридонов на своей мебельной фабрике), но не представлял, что с одного удара эти ворота можно выдрать вместе с косяком из дверного проема и, разворотив стену, рухнуть в клубах пыли в Вовкин коридор.

Пока Дмитрий Николаевич соображает, что к чему, сотрудники милиции врываются в квартиру и начинают вытаскивать из-под двери не кого-нибудь, не какого-то там задрипанного люмпен-интеллигента, а здоровешного верзилу, одновременно выкручивая ему руку и отбирая топор. Верзила, пожалуй, не оказывает сопротивления, сознавая, что взят с поличным, к тому же он немного оглушен свалившимися на него дубовой дверью и шкафообразным сотрудником, который отполз к вешалке и тихо охает, держась за плечо. Верзила не сопротивляется, но его рука никак не поддается выкручиванию и не выпускает топор. Он даже не осознает, что его «скручивают», и с ненавистью глядит на Дмитрия Николаевича.

А Дмитрий Николаевич наконец-то осознает, какой смертельной опасности подвергнулся на лестничной площадке.

— А! С топором! — кричит Дмитрий Николаевич, окончательно теряя интеллигентный облик кандидата филологических наук, и становится похожим на взьерошенного и удачливого первобытного охотника. Он пляшет в коридоре, помогая скрутить верзилу, и мешает оперативникам работать.

— Ну, гад, это ты вызвал ментов? Я тебя на краю света найду, — обещает ему верзила.

В ответ Дмитрий Николаевич размахивается и въезжает кулаком в хорошо выбритую физиономию грабителя. (Чухонцев

сейчас — первобытный охотник, только это оправдывает его.) Оперативники одобрительно сопят, они и сами возбуждены, но — служба; строго говорят Дмитрию Николаевичу: «Что вы делаете, гражданин?» — и тащат грабителя в комнату.

— Иди, иди! — хрипло советует Дмитрий Николаевич. — Иди, а то еще получишь!

Ух, вернется с работы Вовка... Слов нет! Где эта старая кляча, которая обозвала Дмитрия Николаевича «пушкинистом»? Пушкинисты тоже способны на кое-что! Грабителя выследил! Хрен вам, вот что значит — пушкинист!

— Сядьте, свидетель! — прикрикивает на него шкафообразный таран. — От вас уже голова болит!

Он ко всему еще и свидетель! Ну, Вовка! Ставь бутылку!

Грабителя в это время обыскивают. Он стоит, морда, и смотрит исключительно на Дмитрия Николаевича, запоминает портрет. Ишь, Раскольников!

Начинают составлять протокол и опись. Шкафообразный сотрудник, морщась, держится за плечо и диктует. Похоже, он в опергруппе главный и всю тяжелую работу берет на себя, даже вышибание дверей.

— Первое... Топор. Кухонный, острый, для рубки мяса. Второе... в левом боковом кармане девятьсот пятьдесят рублей полусотенными купюрами.

— Вовкины деньги! — встревает Дмитрий Николаевич. — Он крупные купюры откладывает. На машину.

— Помолчите, свидетель. Третье... связка ключей разных типов. Четвертое... пачка папирос «Беломорканал». Пятое... золотое кольцо с камешком...

— Покажите... — опять вскакивает Дмитрий Николаевич. Анькино кольцо! С изумрудом! Узнаю, она хвасталась. Вовкиной жены!

— Шестое... удостоверение судового механика Черноморского пароходства на имя Сигизмунда Григорьевича Королькова. Фотография не похожа. Удостоверение вроде не поддельное... Где взяли удостоверение, задержанный?

— Взял уж, — отмахивается верзила. — В карты выиграл. Давай, начальник, вези в участок. Все ясно, нечего тут...

— А мне спешить некуда. Настоящее имя?

— Иван Петрович Сидоров.

— Ваньку валяешь, значит? Ладно, проверим. Профессия?

— Какая там профессия... Рецидивист, — чистосердечно признается верзила.

Последнее слово действует на Дмитрия Николаевича специфически... Незалеченный гастрит дает о себе знать. Он извиняется и спешит в Вовкин совмещенный санузел. Щелкает выключателем, тянет дверь на себя и...

И...

И вот теперь можно писать статью о русском символизме.

В Вовкином санузле на краешке ванны сидит Прекрасная Дама.

Несомненно, это и есть та самая Прекрасная Дама, которую описал Блок. Платье, правда, не белое, но шейка лебединая. Высока, стройна, воздушна, глаза скрыты под темными очками с приклеенной итальянской лайбой, но отдельные детали лица прекрасны — губки, ушки и все такое.

— Извините,— лепечет Дмитрий Николаевич.

— Ты что, козел, издеваешься? — с ненавистью шепчет Прекрасная Незнакомка, снимает очки и пронзает Дмитрия Николаевича лазурным взглядом.

И пропал Дмитрий Николаевич Чухонцев, русский символист и мечтатель,— тут жизнь ключом, перестройка, квартиры грабят, а он весь в каких-то литературных символах! Надо же... глаза синие, как у блоковской незнакомки. Конечно, Дмитрий Николаевич не такой дурак, чтобы не понимать, что эта распрекрасная Дама работает с верзилкой на пару, и что она такая же рецидивистка, только тот в бегах, а эта выпущена по амнистии к Международному женскому дню 8 Марта (одно не исключает другого, в свое время Сонька Золотая Ручка тоже, наверное, была Прекрасной Дамой), он все понимает, но гражданская нетерпимость Дмитрия Николаевича к темному элементу вступает в непримиримое противоречие с его поэтической натурой: одно дело с легкой душой скрутить верзилу с топором, а совсем другое — отдать в руки правосудия Прекрасную Незнакомку.

Он спасет ее, решает Дмитрий Николаевич. Решено: Дмитрий Николаевич спасет Прекрасную Рецидивистку. Пропал, ох, пропал кандидат филологических наук!

— Я вас спасу! — горячо шепчет Дмитрий Николаевич.

В ответ Прекрасная Незнакомка начинает беззвучно плакать:

— Уведите меня отсюда!

Дмитрий Николаевич осторожно выглядывает в коридор. Слева лежит рухнувшая дверь, справа в комнате продолжается допрос. Коридор простреливается, незаметно проскочить невозможно.

«Может быть, Сонька здесь пересидит? — раздумывает Дмитрий Николаевич.— Почему «Сонька»? Пусть будет Сонька. Нет, ее надо увести отсюда. Думай, доцент, думай...»

Наконец появляется дерзкая мысль. Дмитрий Николаевич едва успевает напечатать на ушко Незнакомке план спасения, а его уже вызывают:

— Свидетель, скоро вы там? Подпишите протокол.

— Иду! — страждущим голосом отвечает Дмитрий Николаевич и спускает воду.

Артист!

Он входит в комнату, закрывает своим телом вид на коридор и склоняется над протоколом. Тут же в коридоре раздается стук каблучков и дрожащий Сонькин голос спрашивает:

— Дмитрий Николаевич, вы здесь?

Шкафообразный сотрудник вскакивает, отстраняет Чухонцева и выходит в коридор.

— Как вы здесь оказались, дивчина? — подозрительно спрашивает он Соньку.

— Вошла в дверь,— пугливо отвечает та.

— Это ко мне, товарищи,— объясняет Дмитрий Николаевич.

Шкафообразный сотрудник вводит Соньку в комнату. Верзила с равнодушным видом начинает выдергивать папироску из конфискованного «Беломора». Появление этой дамы в ограбляемой им квартире верзилу никак не касается. Если спросят, то он эту шалаву впервые видит. А если есть сомнения, то первым делом надо было не руки крутить и лясы точить, а обыскать квартиру на предмет обнаружения других посторонних лиц. Как и положено. «Так что ты, начальник, совершил методологическую ошибку»,— всем своим видом говорит верзила.

— Я не видел, как вы вошли,— подозрительно говорит шкафообразный начальник. Он уже сам понимает, что совершил ошибку и ее уже невозможно исправить.— Кто вы такая? У вас документы есть?

— Что вы, товарищи, в самом деле...— возмущается Дмитрий Николаевич.— Это моя студентка. Она пришла сдать зачет по русской литературе конца девятнадцатого века. На каком основании вы ее подозреваете?

Еще не ясно, убедила ли та защитная речь сотрудника милиции, но Сонька уже на всякий случай собирается плакать. Верзила-рецидивист никак не может найти спички и отправляется за спичками на кухню. Ему, видите ли, надо прику-

рять. Его силой усаживают. Пока верзла таким образом отвлекает внимание от сообщницы, Дмитрий Николаевич, не читая, подписывает протокол, зачем-то кланяется и выходит из комнаты, пропуская вперед Соньку и ожидая приказа поворотить назад.

Проходят коридор.

Выбираются сквозь разлом на лестничную площадку.

Дмитрий Николаевич открывает дверь, пропускает рецидивистку в свою квартиру, но здесь не выдерживает и оглядывается. Шкафообразный сотрудник задумчиво наблюдает за ним.

Дмитрий Николаевич поспешно проходит в свою прихожую, закрывает дверь на два с половиной оборота и навешивает дверную цепочку. Входит в комнату. В комнате Соньки нет. Она уже устроилась на кухне. Она думает, что на кухне надежней. Она сидит на табуретке и читает первую фразу его статьи: «Конец XIX — начало XX в.в.— интересный и сложный период истории русской литературы...» Дмитрий Николаевич смотрит на нее и не знает, о чем с ней говорить.

— Вы в самом деле рецидивистка? — спрашивает он.

Сонька снимает очки, смотрит на него, как на дурака, и утвердительно кивает.

— Минут через двадцать вы сможете уйти. Это не вызовет подозрений.

Сонька опять кивает и сосредоточенно разглядывает первую страницу.

— Зачем вы этим занимаетесь? — спрашивает Дмитрий Николаевич.

— Чем?

— Чем... Рецидивизмом.

— Ну и дурак вы... — усмехается Сонька.

Верно, дурак он. Филолук царя небесного. Рецидивистка и кандидат филологических наук. Разные социальные ступени. Нет общих интересов. О чем им говорить? О символизме?

— Это вы все время торчали под дверью? — спрашивает Сонька.

— А что прикажете делать? Разрешить вам ограбить моего друга? Работягу, не в пример вам?

— Вы что, в самом деле преподаете русскую литературу?

Дмитрий Николаевич кивает.

— Где, в пединституте?

— В университете.

— Ого! — удивляется Сонька.

— Вы не смущайтесь. В университете работают такие же люди, как везде.

— А я и не смущаюсь,— отвечает Сонька и закидывает погу за погу.— Такие, да не такие. Вот вы, умный человек, прочитали уйму книг, а задаете какие-то детские вопросы. Вы сами, паверно, читаете студентам лекции о том, что Достоевский, например, в «Преступлении и наказании» глубоко и всесторонне анализирует причины и следствия преступлений своего героя. Зачем же вы спрашиваете, зачем я это делаю? Мало ли что... Тяжелое детство, отец-пьяница, наследие прошлого... Откуда я знаю? Вам, образованным, и карты в руки. А я так отвечаю: люблю я это дело, ох, люблю!

— А вы сами читали «Преступление и наказание»?

— А как же! Вы думаете, рецидивист — это кто?

— Деклассированный элемент.

— Вот так сразу! Не скажите... Убийце Раскольникову вы не отказываете в звании интеллигента, а квартирный грабитель кто, по-вашему?

— Да неужто вы читали Достоевского? — изумляется Дмитрий Николаевич.

— Вы меня обижаете!

Вот так Сонька! Вот так общие интересы!

— С вами хорошо, но пора сматываться,— озабоченно говорит Сонька.— Рискованно здесь торчать.

— Подождите! У меня к вам есть один дополнительный вопрос...

— Ну и замашки у вас! — смеется Сонька.— Нет, пора рвать когти.

— Куда?! Куда рвать, куда сматываться? Грабить? Воровать? На каком языке вы говорите? У вас талант, чем вы занимаетесь?! Куда вы идете? Мне пужно задать вам много дополнительных вопросов... Я пишу статью о русских символистах, вы мне можете помочь!

Сонька серьезно разглядывает Дмитрия Николаевича:

— О символистах? Это кто?.. Блок, Бальмонт, Волошин?

— Да! И еще многие!

— Ладно, еще пять минут. Угостите, блондин, сигареткой.

Дмитрий Николаевич дрожащими руками подносит ей спичку.

— Как там у Блока, помните? — спрашивает Сонька, пуская дым. И декламирует:

Ты страстно ждешь, тебя зовут,—
Но голоса мне не знакомы,
Очаг остыл, тебе приют —
Родная степь. Лишь в ней ты дома.

Блока на память шпарит, ужасается Дмитрий Николаевич. Тут и правда кто-то кому-то сдает зачет по литературе.

— Последние строки помните?

— Да... Нет... Забыл,— шепчет Дмитрий Николаевич.

— У вас Блок где? А вот, на плите...— Сонька листает синий том Блока.— Читайте!

Дмитрий Николаевич пробегает глазами последние строки, не понимая, куда метит Сонька, но, поняв, читает со страстью вслух и даже взмахивает рукой:

О, жалок я перед тобой!
Все обнимаю, всем владею,
Хочу владеть одной тобой,
Но не могу и не умею!

— «Хочу владеть одной тобой, но не могу и не умею»,— повторяет Сонька.— Для начала неплохо. Вы еще многого не умеете, блондин, но вы мне определенно нравитесь. Мы с вами еще встретимся. А сейчас проведите меня мимо сотрудников уголовного розыска.

— Где мы встретимся? Вы хотите отделаться от меня?

— Не волнуйтесь, блондин, я вернусь. Ожидайте. Теперь я знаю, где вы живете и работаете.

— А вы?

Сонька усмехается.

— Как вас зовут?

— Никому не скажете? Могила?

— Гадом буду! — клянется Дмитрий Николаевич.

— Любка Костяная Ножка,— смеется Сонька.

Дмитрий Николаевич открывает дверь, они выходят на лестничную площадку. Из Вовкиной квартиры доносятся возбужденные голоса. Сонька опять пугается и мчится вниз по лестнице, стуча каблучками и чуть не опрокидывая Семена Данилыча, который, вызвав милицию, торопится к месту происшествия и уже добрался до четвертого этажа. Дмитрий Николаевич спешит за Сонькой, сбивая с ног утреннего интеллигента, который уже опохмелился и идет возвращать пушкинисту чайный долг.

— Туда нельзя, там менты! — делает страшные глаза Дмитрий Николаевич.

Во дворе они преодолевают последнее препятствие — проходят мимо машины УГРО с дремлющим шофером, и Сонька наконец-то спасена! Путь для нее свободен на все стороны большого легкомысленного причерноморского города, где так мало милиции, телефонных автоматов и ни одного литературного журнала, зато много моряков, пушкинистов и солнечных дней — а это все хорошая экологическая ниша для квартирных грабителей.

— Когда мы встретимся? — спрашивает Дмитрий Николаевич.

Сонька отвечает:

— Мы будем встречаться. Очень скоро. Обещаю.

И протягивает Чухонцеву руку. Он целует ее, и Сонька исчезает за углом на спуске имени Добролюбова.

Кажется, все... Конец суматохе. Но Дмитрия Николаевича ожидает в этот день последнее потрясение.

— Идите за мной, свидетель,— приказывает шкафообразный сотрудник, карауля Чухонцева на лестничной площадке с чашкой чая, и ведет свидетеля в квартиру Вовки Спиридонова. Там взору Чухонцева открывается неожиданная идиллия: за столом сидят верзила-грабитель, сотрудники УГРО и сам хозяин Вовка Спиридонов. Все пьют чай при гробовом молчании.

— В общем, так...— говорит шкафообразный сотрудник, ставя чашку на блюдце.— Хорошие вы ребята, и чай у вас хороший... Хотя и ворованный. Так вот... Я делаю вам официальное устное предупреждение. А именно: вам...— показывает на верзилу-рецидивиста,— и вам...— показывает на Дмитрия Николаевича.— Объясняю: в последнее время развелось квартирных грабителей больше, чем хотелось бы. В этой связи милиция ставит особо богатые квартиры на сигнализацию, но не все обладатели богатых квартир хотят на сигнализацию становиться... Но вас это, кажется, не касается,— успокаивает он Вовку Спиридонова и обращается к рецидивисту: — Но я не о том... Все эти лямуры, молодой человек, до добра не доведут. Поверьте моему горькому опыту. Так что кончайте свои кругосветные путешествия, сходите вразвалочку на берег и заводите жену с квартирой. Еще хорошо, что эта история случилась в нашем районе и я на дежурстве был. А если бы в иностранном порту? А? Представляете: полиция, проститу-

ция, испорченная характеристика! А вы тоже хороши...— Шкафообразный сотрудник поворачивается к Дмитрию Николаевичу.— Зачет у студентки приняли?

— У нее отличное знание предмета,— бормочет Дмитрий Николаевич.

— Ладно, разбирайтесь тут сами, а я вас предупредил,— безнадежно машет сотрудник УГРО и вместе с коллегами покидает взломанную квартиру.

— Ну вас к черту, что тут разбираться! — говорит рецидивист, не глядя на Дмитрия Николаевича, надевает откуда-то взявшуюся мореходную фуражку и тоже уходит.

— Садись, Дима,— вздыхает Вовка Спиридонов.— Пей чай. Спасибо, удружил... Полный разгром. Завтра Ашота приедет, а сейчас будем дверь чинить.

— Ты что, его простил? — спрашивает Чухонцев.

— Кого?

— Этого... Рецидивиста.

— Ты еще ничего не понял? Все сразу все поняли, один ты балда... Это мой товарищ Сема Корольков. Судовой механик, кличка Дед. Вчера сошел на берег, зафрахтовал тут одну даму... ну и попросил у меня ключи.

Дмитрий Николаевич ничего не понимает:

— А топор? А деньги? А кольцо?

— Топор схватил на кухне, деньги у него свои, а кольцо для улики сунул в карман.

— Зачем?!

— Это он дурака валял, чтобы милиция сразу на него набросилась и забыла осмотреть квартиру. Внимание отвлекал, чтобы она успела уйти. Спасал репутацию своей дамы. Понял? А тебе он собрался морду набить, но потом передумал. В конце концов, ты ее спас.

— Но, Вовка, пойми меня! — взывает Дмитрий Николаевич, хватаясь за голову.— Я ничего этого не знал! Шаги за дверью, на звонки не открывает... А если бы настоящий грабитель?

— Ты действовал правильно. К тебе никаких претензий. Помоги только дверь починить. И Аньке — ни гу-гу!

— Могила! — веселеет Дмитрий Николаевич.

Спиридонов вручает ему тяжеленный слесарный молоток, а сам, пыхтя, подтаскивает дверь к разлому:

— Ты подбивай, а я буду направлять.

— А она кто? Как ее найти? — Дмитрий Николаевич задает свой самый сокровенный вопрос.

— Найдешь,— усмехается Спиридонов.— Она молодой специалист, приехала по направлению... И тоже пока без квартиры. Будет в твоём университете литературу преподавать.

Дмитрий Николаевич рождает тяжёлый молоток на ногу и вопит так, что вопль этот слышен, пожалуй, на спуске имени Добролюбова. Всю неделю он не может ходить в университет, лежит на бюллетене с бытовой травмой и пишет статью о символизме в стиле самого символизма. Статья получается неплохая и отсылается в журнал, но вскоре приходит отказ, потому что «Вопросы литературы» публикуют серьёзные литературоведческие статьи, а не вопли души.

ШЕСТАЯ ГЛАВА «ДОН КИХОТА»

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Бойся длинных описа-
И не лезь героям в ду-,
Ибо там всегда потем-,
А в потемках ногу сло-.
Избегай играть слова-:
Острякам дают по шап-,
Но, усилий не жале-,
Добивайся доброй сла-,
Ибо сочинитель глу-
Есть предмет насмешек веч-.

*Мигель де Сервантес Сааведра.
Пролог к «Дон Кихоту»*

История повторяется: в некоем отдаленном Райцентре Одесской области (бывшей Мамонтовке) жил да был один из тех отставных майоров, которым после двадцатипятилетней безупречной службы в тайге или на Крайнем Севере разрешено прописываться везде, где душа пожелает (кроме, разумеется, столиц и курортов — те для генералов), и чье имущество, образно говоря, состоит из облезлого чемодана, испорченного черно-белого телевизора «Рекорд», двубортного костюма и «командирских» часов с фосфоресцирующим циферблатом.

Фамилия этого отставного майора неизвестно почему складывалась из двух очень простых русских фамилий — то ли Прохоров-Лукин, то ли Титов-Афанасьев. Из-за этой-то простоты ее трудно было запомнить.

— Как его?.. Ну этот, чокнутый... Ну... Петров-Водкин, что ли? — вспоминали в райвоенкомате перед государственными праздниками. Зато имя-отчество помнили и печатали на поздравительной открытке:

«Уважаемый Федор Федорович! Разрешите от имени и по поручению... поздравить Вас с Днем Конституции».

Или что-нибудь в этом роде.

Федор Федорович был человеком относительно не бедным, но всю свою нехилую военную пенсию и трудовые сбережения тратил на покупку так называемой научно-фантастической литературы...

Сколько у него было книг?.. Грузовик с прицепом.

Жил он в бело-кафельной хрущевской пятиэтажке, заселенной районным начальством, — потому, наверно, и называли этот дом «Домом на набережной». Его однокомнатная квартира на пятом этаже под крышей, где до Федора Федоровича обитал верующий художник-диссидент, была заставлена и завалена книгами и напоминала даже не библиотеку, а книжный склад в каком-то своеобразном божьем храме: этот выдворенный на Запад диссидент, как видно, верил во всех богов сразу — он живописно расписал все двери квартиры с обеих сторон скифскими истуканами, а также ликами Шивы, Будды, Конфуция, Христа и (даже!) никогда не позировавшего Магомета.

Федору Федоровичу боги не мешали, он их не закрасил. Пусть живут.

Что он ел — неизвестно. Дома Федор Федорович не готовил, в кухне тоже построил книжные стеллажи, а оставшуюся от художника-диссидента новую белую электрическую плиту обменял на синее «огоньковское» собрание сочинений Герберта Уэллса. Целыми днями он пожирал научную фантастику под мудрое молчание испорченного телевизора. Наверно, все же, кроме фантастики, Федор Федорович чем-то питался, потому что иногда натягивал резиновые сапоги и переходил вброд через дорогу в столовую под непонятным для него названием «ИДАЛЬНЯ», откуда доносился запах жареных пирожков с яблочным повидлом. А потом опять читал, сидя в удобном кресле, которое ночью фантастическим образом превращалось в кровать. Во всяком случае, так ему мерещилось. Обычное раскладное кресло типа «кресло-кровать».

Бедный, бедный старик! Не было у него ни Росинанта, ни Санчо Пансы, ни приличной кровати, и не бросался он с дрыном на железобетонный элеватор вывозить награбленное крестьянское зерно у этого вечно голодного внеземного чудовища, и местную колючую химзону на окраине Райцентра обходил темными переулками, справедливо принимая вышку с охранником за боевой марсианский треножник, — в общем,

Федор Федорович не был буйнопомешанным, но в основном история повторилась: он свихнулся на современной научной фантастике и откалывал фокусы не менее странные, чем его знаменитый предшественник четыреста лет тому назад.

Каждую весну, например, Федор Федорович начинал маяться, собирался в дорогу и улетал из Одессы в Зауральск на день рождения небезызвестной Аэлиты Толстовской. Туда съезжались несколько десятков его молодых друзей, таких же странноватых любителей фантастики. Число их с каждым годом увеличивалось раза в два, совсем как межпланетные расстояния по правилу Тициуса—Боде. Некоторые из этих странников уверяли Федора Федоровича, что прибывают в Зауральск посредством «нуль-транспортировки через подпространство», а он так искренне верил этим насмешникам, что в конце концов собственный перелет в обыкновенном самолете стал воспринимать за эту самую «нуль-транспортировку».

А новую Аэлиту каждый год выбирали на конкурсе в Зауральске всеобщим открытым голосованием. Попадались там такие прехорошенькие любительницы научной фантастики, что казались на сцене Дворца Культуры Железнодорожников еще более обнаженными, чем были на самом деле. (Сколько там на ней того купальника!..) Они воображали себя последницами знаменитой марсианки только из-за того, что их инопланетные ноги росли, казалось, из самой шеи. В первую же избранницу Федор Федорович влюбился до потери сознания и преподнес ей купленную в зауральском универсаме дорогостоящую малахитовую шкатулку с гравировкой: «Аэлите-82» с любовью от Ф. Ф. Лосева-Гусева».

В ответ она своими ногами сделала книксен, поцеловала его в лоб и поблагодарила:

— Спасибочки, папочка!

Хотя Федор Федорович годился ей в дедушки.

Фэны его любили, считали своим, но щедадно обманывали, подсовывая самые дрянные книжонки по сходной несусветной цене. Впрочем, Федору Федоровичу все годилось, он все с жадным восторгом глотал, даже сборники научной фантастики издательства «Молодая гвардия». Везде ему чудились летающие тарелки с иллюминаторами, спились страхолюдные членистоногие пришельцы, а, сидя на унитазе, он представлял себе какое-то Великое Кольцо и восседающих на нем Братьев по Разуму.

Дальше — хуже.

Однажды, возвращаясь из Зауралья через Москву, Федор Федорович удостоился аудиенции у самого Аристарха Кузанского! Того самого — автора знаменитой «Полыхающей пустоты». Федор Федорович с трепетным чувством впервые смотрел на живого писателя-фантаста... Оказалось, что они с ним — два сапога пара! Аристарх Кузанский тоже верил в пришельцев, показывал в доказательство цветные заграничные фотоальбомы о жизни и деятельности на Земле внеземных цивилизаций и подарил Федору Федоровичу первое издание своей «Полыхающей пустоты» (раритет 1937 года) с дарственной надписью: «Дорогому соратнику и единомышленнику Ф. Ф. Белову-Маркову от автора». Подпись: «Ар. Куз.».

Это уже было слишком для нарушенного рассудка Федора Федоровича.

Вернувшись домой, Федор Федорович решил установить тесные контакты с писателями и любителями научной фантастики всего земного шара на предмет объединения в это самое Кольцо. Если марсиане существуют — а кто сомневается? — то, скорее всего, их следует искать именно в этом ограниченном контингенте человечества...

Где же еще?

Первым делом он написал письмо Рэю Брэдбери: поздравил того с очередным круглым юбилеем, объявил о создании Великого Кольца и попросил приобрести там, в Соединенных Штатах, и выслать сюда, в бывшую Мамонтовку, паложеным платежом красочные фотоальбомы, отражающие тему межпланетных палеоконтактов, каких бы денег они ни стоили.

Заклеил конверт, подумал и написал адрес: «Соединенные Штаты Америки, Вашингтон, Рэю Брэдбери».

«Дойдет», — подумал он.

И стал Федор Федорович писать письма.

С советскими адресами сложностей не было: «Москва, журнал «Знание — сила», братьям Стругацким», «Сибирь, Тайга, Геннадию Прашкевичу», «Киев, «Радянський письменник», Владимиру Савченко».

С иностранными — тоже: «Польша, Варшава, Станиславу Лему», «Япония, Токио, Саке Комацу», «Франция, Париж, Пьеру Булю».

И так далее.

«Марсианины всех стран, объединяйтесь!» — призывал Федор Федорович.

Так разбежался, что написал даже письмо Герберту Уэллсу: «Великобритания, Лондон, Герберту Джозефовичу Уэллсу», опустил конверт в почтовый ящик и даже не вспомнил о том, что великий изобретатель машины времени давно умер.

Написал он также в Зауральск Аэлите-82, напомнил о своей отцовской любви, призвал объединяться с марсианинами. Очень хотел пригласить в гости, но не посмел, испугался... Саму Аэлилу Толстовскую!

Не прошло и полгода, как Федора Федоровича вызвали в мамонтовское почтовое отделение и, с подозрением проверив паспорт, выдали кем-то уже читанную корреспонденцию из Нью-Йорка — спасибо, танцевать не заставили. На именной голубой бумаге с изображением собственного двухэтажного особнячка Рэй Брэдбери сообщал своим характерным американским почерком о том, что...

А о чем — можно только догадываться.

Федор Федорович засуетился. Мало того, что за двадцать пять лет службы на Крайнем Севере не удосужился выучить английский язык, так еще и почерк неразборчивый!

Еле дождался вечера, надел резиновые сапоги, взял весло для замера глубины грязи и, обойдя мусорник, пахально расположившийся у дома с неолитических времен ледникового периода, погреб в Клуб культуры «Водоканализации» на платные курсы иностранных языков. Как уже говорилось: вечерело. Райцентр находился в глубоком русле усохшей реки, впадавшей некогда в Эвксинский Понт. (Значит, дом в самом деле стоял на бывшей набережной — вот откуда название!) Здесь не продували ветра, не сквозило, зато было прохладно и сыро от стекавших с древних обрывов грунтовых вод и стояли какие-то вечные сумерки из-за того, что Солнце заглядывало сюда всего лишь один раз в день пополудни — встает ближайшая к нам звезда над обрывом, осторожно, чтобы не упасть, постоянно над этой дырой, посмотрит, илюнет и отойдет со вздохом.

Кто тут жил? Население.

Работало оно на сахарном заводе, производило сахар из свеклы, ходило за чем-то в облупленный пустой универсам, ело, пило, закусывало. Всякое здесь бывало, мало кто чему удивлялся... Это мы знаем. Это — уже видели. А это — кушали. Ничем их не проймешь. На платных курсах иностранных языков, кроме английского, никаким другим языкам не обучали. Да и желающих выкладывать свои кровные за это со-

мнительное удовольствие пашлось в Райцентре раз-два и обчелся: два украинца и один гражданин еврейской национальности. Учились они в этом кружке неизвестно зачем. Украинцы собирались уехать пахать в Канаду, а еврей еще точно не знал, куда — откуда пришлют вызов, туда и уедет... Туда, где Дневное Светило исправно восходит и заходит утром и вечером. Всем было скучно, всем надоел этот «паст индефинит тенз». Английский язык — он и в Греции английский, его даже в Африке можно выучить. Так что учились они в клубе «Водоканализации» скорее из ритуала или для собственного самообмана, не более того.

Зато письмо от Рэя Брэдбери их приятно развлекло. Все вчетвером прервали занятия (четвертой была преподавательница английского языка Людмила Петровна, которой тоже осточертело готовить кадры для заграницы) и принялись переводить. Перевод приблизительно получился такой:

«Дорогой май френд господин Ванька Жукофф! — отвечал Рэй Брэдбери. — Лично у меня все о'кей, чего и тебе желаю! С радостью узнал, что мои дела в далекой России тоже идут (обстоят?) распрекрасно. Оказывается, даже в скифских степях обитают мои почитатели, хотя ваш ВААП не платит мне гонораров до 1973 года. Это великолепно! Они хорошо устроились! Как ты поживаешь? Надеюсь, вери гуд? Будешь в Нью-Йорке — стучи в рельсу! Привет супруге, детишкам. Гуд бай!»

Дата. Подпись: «Твой Р. Бр.».

Два украинца, один еврей и Людмила Петровна горячо поздравили Федора Федоровича. Подумать только — получить вызов из Соединенных Штатов от самого Рэя Брэдбери! Хитры американцы, перекачивают лучшие умы за океан. Пусть Федор Федорович завтра же утром отправляется автобусом в одесский ОВИР и начинает оформлять документы на выезд.

Кто такой ОВИР, Федор Федорович не знал. ОВИР был для него набором заглавных букв. Что ОВИР, что ВААП — этими загадочными богатырями он не интересовался. Другое дело — проблемы SETI или НЛО! Короче, два украинца, один еврей и Федор Федорович купили в «Продмаге» у Варвары Степановны бутылку водки и уже в полной темноте распилили ее в цветущих кустах сирени за здоровье прогрессивного американского писателя-фантаста.

Федор Федорович возвращался домой в духовном и физическом опьянении в кромешной тьме с букетом сирени под мышкой. Лишь «командирские» часы светились и указывали дорогу. Один раз он провалился в грязь по колено. Второй раз поскользнулся и сел в лужу. На него молча прыгнула холодная лягушка. Ей тоже хотелось тепла. Над обрывом, поколебавшись, взошла Луна, чтобы понюхать сирень. Луна уже не была такая самоуверенная — с тех пор как американцы, науськанные Рэем Брэдбери, ходили по ней погами. Урожай сирени в этом году уродился как никогда, хоть вези на элеватор. Запах стоял такой, будто Райцентр взбрызнули сиреневым одеколоном от комаров. Федор Федорович сидел в луже под нерешительной Луной с букетом сирени и с ручной лягушкой на плече и думал о Рэе Брэдбери... Об инопланетных фотоальбомах американец не сказал ни слова. О Великом Кольце — и того меньше...

«Не хочет объединяться,— прощипательно соображал Федор Федорович.— Некогда им там, в Нью-Йорках, бродить по черному рынку и разыскивать у книжных жучков цветные фотоальбомы для Федора Федоровича. Но, главное, ответил. Человеком оказался, а не марсианином... Человек все-таки ближе».

Лягушка квакнула, Луна вздрогнула, Федор Федорович очнулся, согнал лягушку и пошел домой.

Дома его ожидал еще один сюрприз! Пока он курсировал по Райцентру, к нему в гости заявила Аэлита-82, открыла ногтем мизинца дверной замок и уже успела расположиться в квартире: губной помадой пририсовала Магомету красные буденновские усы и раскидала везде свои марсианские вещи: малахитовую шкатулку, баскетбольную сумку и французские духи «Черная магия». Их тонкий аромат Федор Федорович сразу оценил — это вам не сиреневый одеколон!

— Здравствуй, папочка! Ой, это мне сирень? Откуда ты такой грязный?

Она стянула с опемевшего Федора Федоровича резиновые сапоги и вымыла их под краном. В совмещенном санузле уже висели ее трусики, лифчики и знаменитый, но давно полинявший купальник, умещавшийся в малахитовой шкатулке. Этот купальник Аэлита еще возила с собой, хотя войти в него уже не могла, как не могла войти в усохшие марсианские каналы или в ту же реку, некогда впадавшую в Эвксинский Понт. Все ушло в прошлое безо всякой машины времени. Куда подева-

лись ее «юношеская тонкость» и «бело-голубоватость», так восхищавшие графа Алексея Толстого? «Приподнятый нос» и «слегка удлинённый рот» не были уже «по-детски нежны», а в «огромных зрачках пепельных глаз» не светились «взволнованные искорки». С каждым годом Аэлита-82 толстела по астрономическому правилу Тициуса—Боде. Письмо от Федора Федоровича ей переслали из Зауралья в Петропавловск-на-Камчатке, оттуда — в Ташкент, из Ташкента — еще куда-то, потому что Аэлита не сидела на месте, а носилась по стране то с фэнами, то с рокерами, то с рок-группами, то даже с примитивными футбольными фанатами носилась она...

«Спа-ар-так» — чемпион!»

Попала на Землю и загуляла. Загастролировала. Невидимый миру лиловый сияк на бедре, припудренный фонарь под глазом, охрипший голос («Аэлита заговорила, точно дотронулась до музыкального инструмента,— так чудесен был ее голос»), любовь к «шипучему игристому типа шампанского», множество других любовей ничему хорошему не способствовали. Опять же — свалилась с Луны или прилетела с Марса, а жить где без постоянной прописки? На чужих квартирах? Или углы снимать? Где? В Зауральске или в нижевартовских общагах? На острове Врангеля? Работать где? Кем? Марсианские каналы рыть на газопроводе Уренгой-Тмутакань, трубоукладчицей?

Тут ничего смешного нет: надо же марсианской Аэлите как-то жить на Земле? Надо же ей куда-нибудь лечь, как той подбитой подводной лодке? Везде до горизонта крейсера, линкоры и бронепоезда... Так и поровят!

Федор Федорович все это дело выслушал, накормил, напоил, отпустил грехи, по головке погладил, и стала Аэлита жить у него на раскладном кресле в комнате, а он — на стеганом одеяле в кухне. Никогда еще Федор Федорович не был так счастлив! Все его сокровенные желания исполнялись: Аэлита приехала, Рэй Брэдбери называл его своим дорогим другом, Великое Кольцо начинало функционировать. Отправился он в облупленный пустой универмаг, что за неолитическим мусорником, и купил себе пружинистую раскладушку с матрасом, а Аэлите — пустой крокодилообразный кошелек для денег. Вообще, ходил именинником и всем, всем показывал письмо Рэя Брэдбери — Варваре Степановне из «Продмага», начальствующим соседям, подававшие в «Идалые», паспортистке в милиции, куда он пришел хлопот-

тать о постоянной прописке для Аэлиты на своей жилплощади. Так осмелел, что однажды с беззаботным видом прогулялся мимо химзоны и показал фигу охраннику в марсианском треножнике.

Какие-то таинственные и не совсем трезвые незнакомцы останавливали его и спрашивали:

— Батя, как там с жизнью на Марсе?

Федор Федорович степенно объяснял, что американские «Викинги» таковую не обнаружили, но это еще ни о чем не говорит.

Миновало три дня. На почту больше не вызывали и писем не приносили. Никто пока не отвечал — ни Лем, ни Буль, ни братья Стругацкие. Молчали также Азимов, Шекли и Гарри Гарриссон. Значит, пишут...

Федор Федорович умел ждать. Он немного подуспокоился и опять принялся штудировать свои книги, стремясь по ходу вовлечь Аэлиту в сферу интересов Великого Кольца. Почему бы Аэлите, например, не стать его секретаршей?

Но Аэлита лишь зевала и точила когти в ожидании паспортного штампа о прописке и исчезновения фонаря под глазом. Похоже, она в жизни вообще ничего не читала, кроме, разве что, «Колобка», хотя имела солидную репутацию любительницы фантастики. Она больше любила рисовать. Магомет с помощью богохульной помады постепенно превращался в Семена Буденного, Христос — в доброго старосту Калинина, Конфуций — в заурядного пьяницу. К скифским идолам и японским богам Аэлита пока приглядывалась, оставляя их на потом.

Наконец фонарь под глазом сошел, хотя с пропиской дело не двигалось — свое свидетельство о рождении, без которого прописка ну никак невозможна, Аэлита давным-давно потеряла где-то на Марсе. Нужно было восстанавливать метрику по месту рождения, писать запрос тамошним бюрократам, ожидать ответа... Аэлита вздохнула, вынула из малахитовой шкатулки синюю помаду, примерилась и пририсовала скифским истуканам доблестные натуралистические мужские достоинства. Потом покрасила когти зеленым лаком и сказала:

— Пойду. Скучно. Надо починить телевизор.

Вернулась она на следующее утро с тяжелопохмельным телемастером, похожим на Алена Делона, и с новым фонарем, но уже под другим глазом. Мастер дрожащей рукой совал

отвертку в нутро телевизора и напевал с одеколонной отрыжкой, едва ворочая языком:

Пьяная, помятая
Пионервожатая.
С кем гуляешь ты теперь,
Шлюха конопатая?

Телевизор в отместку из последних сил ударил телемастера током, а сам сгорел. Валил дым, приезжали пожарные со «скорой помощью»...

— Ален Делон не пьет одеколон,— намекнул Аэлите врач «скорой помощи», увозя телемастера в больницу.

— И говорит по-французски,— согласилась Аэлита.

Все на этот раз обошлось, хотя Федор Федорович заплатил пожарникам штраф и очень испугался за книги:

— Один пожар, и все сгорит!

Отправился он на сахарный завод в отдел кадров договариваться об устройстве Аэлиты на работу в режимный цех по переработке сахара в сладкий спирт, а заодно обменял у тамошнего противопожарного дружинника свой запасной экземпляр «Полыхающей пустоты» на такой же пустой красивый красный огнетушитель. Дружинник, которому красный спирт давно поперек горла стоял, обещал заправить огнетушитель потом, а «Полыхающую пустоту» после ухода Федора Федоровича обменял в свою очередь в «Продмаге» у Варвары Степановны за бутылку нормальной государственной водки, которую, с предвкушением раскупорив в обеденный перерыв, с проклятиями разбил о стену, потому что в бутылке оказалась обыкновенная водопроводная вода...

И такое бывает. И Варвара Степановна не виновата... И никому жаловаться... И никто не виноват. И справедливость соблюдена: «Полыхающая пустота» в обмен на пустой огнетушитель и на пустую бутылку. Так на так.

И насчет Аэлитиной работы в качестве кладовщицы в режимном цехе пока ничего не получилось — в сахарном отделе кадров с нее тоже потребовали постоянную прописку. А метрика, как уже говорилось, на Марсе. А туда — как пешком до Крайнего Севера.

Вот. Зато в отделе кадров предложили работу самому Федору Федоровичу из уважения к его майорскому прошлому — начальником штаба гражданской обороны сахарного завода.

— Отбиваться от НЛО, что ли? — вполне серьезно спросил Федор Федорович.

В отделе кадров обиделись и сняли вопрос с повестки дня.

Вскоре по Райцентру поползли зловещие слухи о том, что Федор Федорович получает письма от какого-то «евРэя Брэд-бери» и, похоже, собирается в скором будущем сваливать за бугор. И все, все, все стали писать на него жалобы и доносы: и какую-то приبلудную шлюху по имени стирального порошка приютил, и огнетушитель зачем-то приволок, и газом в квартире пахнет — того и гляди, Дом на набережной взорвет. Даже Варвара Степановна в «Продмаге» ворчала:

— Старый черт, из-за него вся водка скисла!

И даже молоденькие охранники из химзоны подали по начальству рапорт: мол, бродит тут какой-то старый козел и дули показывает. Ну, прямо человек-невидимка! Не провокатор ли?

Понятно, дошли эти слухи и жалобы до «куда нужно». Начали его посещать представители разных организаций. Раньше они на Федора Федоровича плевать хотели с расстояния пушечного выстрела, а сейчас пошли косяком...

«Гражданин Попов-Кулибин? Эф-Эф? Великий русский изобретатель? Водоканализация... Что тут у вас с Кольцом? Трубы не текут? Один живете? На здоровье не жалуетесь? И слава Богу. Распишитесь, что озверели в получении инструкции... То есть, ознакомлены в получении... Или как-то не так, ч-черт... Распишитесь напротив галочки».

Проверяли паспортную дисциплину, гоняли на флюорографию, заглядывали в унитаза, интересовались газовой плитой, хотя никогда еще в своей древней истории Мамонтовка не была газифицирована, газом тут и не пахло, потому что главная труба из Тюменской области огибала город без ответвления прямиком в Румынию, где своего газа девать некуда.

— Чертовщина и фантасмагория!.. — удивлялся Федор Федорович, который газовую плиту отродясь не видывал.

И так каждый день — то водоканализация, то санэпидемстанция, то повестка из военкомата...

В военкомате при уточнении служебной анкеты как бы между прочим спросили: не собирается ли Федор Федорович уезжать куда-нибудь в дальние края?

— В ближайшем будущем? — задумался он.

— Ну, пусть в ближайшем.

— В мае собираюсь на слет в Зауральск, — вспомнил Федор Федорович.

— Зачем в такую даль?

Федору Федоровичу только того и надобно! Он вскочил в седло на подставленную лошадь и погнал аллюром свои бредни о нуль-транспортировке, о Великом Кольце и о Рэе Брэдли...

— Стоп, стоп, стоп, стоп, стоп!.. А это еще кто такой? — насторожились в военкомате.

Федор Федорович вошел в галоп:

— Да как же так?!. Бескультурие!.. Да это же!.. Прогрессивный!.. Выдающийся писатель-фантаст!.. Американский!.. Бывшие наши союзники!

В общем, не знали, как от него отделаться. Вручили очередную юбилейную открытку об освобождении Кенигсберга и даже забыли поинтересоваться, не собирается ли Федор Федорович уезжать куда-нибудь в отдаленном будущем?

И еще одна встреча...

Но это между нами...

Она проходила в строжайшей тайне («никому ни слова»), в отсутствие Аэлиты, которая в это время вышивала с врачом на «скорой помощи». Позвонил в дверь представитель «Откуда Надо» и, не переврав фамилии, спросил, имеет ли он дело с товарищем, скажем, Борисовым-Завгородовым?

Ответ был утвердительным.

Тогда, предъявив удостоверение... (Все-таки придется открыть секрет: это было удостоверение бурильщика из конторы глубоководного бурения нефтяных скважин.) Предъявив этот солидный документ, представитель конторы пригляделся к красноусому Магомету и сказал с похвалой:

— Славный был рубака в наших краях!

— Да, немало порубал своих соотечественников! — согласился Федор Федорович.

К портрету Всесоюзного старосты представитель тоже отнеся благосклонно. С недоумением осмотрел огнетушитель, спросил:

— В доме никого нет?

— Кроме нас с вами.

— А где эта... ваша...

— Ушла в библиотеку, надолго.

Федор Федорович остался очень доволен тем, что его фамилию впервые в этом городе не переврали. Он показал гостю кухню, похвастался библиотекой, усадил в почетное раскладное кресло, сам уселся на пачку книг. Представитель глубо-

ководной конторы почему-то медлил, помалкивал и заглядывался на посилавшие от холода достоинства скифских идолов.

— Так вот и живу,— начал разговор Федор Федорович.— Один... Пока один. Хочу дочь прописать.

— Значит, она вам дочь?

— Приемная.

Весь разговор долго описывать...

Серьезный был разговор, представитель конторы в самом деле глубоко бурил, сразу видно, что не из военкомата. С Аэлитой все прояснилось, с этим стиральным порошком вопрос снимается. О Рэе Брэдбери почти не вспоминали, потому что кто же не знает Рэя Брэдбери?! Рэй Брэдбери действительно выдающийся и прогрессивный человек, о нем только в «Водокапализации» могут не знать. А «451° по Фаренгейту» о том, как книги жгут, даже в пожарной части читали и с похвалой отзывались о работе американских коллег. Так что насчет письма Рэя Брэдбери к Федору Федоровичу у глубоководной конторы нет никаких претензий. Мосты, понтоны и переправы на подручных средствах с американцами можно и нужно наводить. Как на Эльбе. Только не удирать туда через нуль-пространство, а культурненько... Зато с Гербертом Уэлсом вопрос спорный, неясный...

— Так ведь Герберт Уэллс тоже прогрессивный! — тут же ввязался в спор Федор Федорович.— Прогрессивный великобританский писатель-фантаст!

— И выдающийся,— напомнил гость.

— Он Ленина видел!

— Кто спорит? Но дело в том, что этот прогрессивный писатель-фантаст давно умер.

— Как это «умер»? — вкрадчиво спросил Федор Федорович.— Где? Когда? Вы присутствовали на похоронах? Докажите!

— 13 августа 1946 года. Я специально уточнял.

— Он бессмертен! — с тихим пафосом произнес Федор Федорович.

— В каком смысле «бессмертен»? — тоже шепотом спросил бурильщик.— В морально-литературном? В этом никто не сомневается.

— И в биологическом смысле тоже.

— Вы это серьезно?

— Герберт Уэллс живой. Как мы с вами.

Представитель конторы беспомощно посмотрел в глаза пьяного Конфуция, ища поддержки у великого философа древности. Тот ему подмигнул: держись, мол!

Представитель перевел взгляд на многорукого Шиву. Одной из множества своих рук тот крутил пальцем у лба, другой — показывал на Федора Федоровича: мол, крыша поехала!

«Сумасшедший... — догадался бурильщик. — Или баптист-адвентист седьмого дня...» — тоскливо предположил он.

— Вы, наверно, верующий? В загробную жизнь?

— Бога нет! — с ходу отверг эту версию Федор Федорович. — Но жизнь после смерти существует на научных основаниях. Это доказано.

— Кем? Конкретно! Когда? Факты! — прорвало бурильщика, но он тут же взял себя в руки. — Извините, погорячился. Ну, хорошо... Может быть... Пусть жизнь существует в любых видах. Пусть после смерти. Пусть после жизни. Но вы написали в письме к Герберту Уэллсу... Цитирую по памяти: «Приезжайте к нам через десять лет... Наш Райцентр вы не узнаете. Он станет столицей Великого Кольца. Все будут жить в современных квартирах, решится продовольственная проблема...» Это вы написали?

— Нехорошо читать чужие письма, молодой человек, — угрожал пальцем Федор Федорович.

— Работа такая, — развел руками представитель конторы. — Но вы не ответили.

— Да, это я написал. А что, собственно? Почему бы Герберту Уэллсу к нам не приехать? В Мамоновке многие бывали, даже Исаак Бабель бывал. А вот Ильф с Петровым, к сожалению, не удосужились...

— Наверно, вы правы, — задумался бурильщик. — Если предположить, что Герберт Уэллс живой, почему бы ему не приехать к нам? Я это упустил из виду.

— Вот именно. Кстати, вынужден вам сказать, что ваша организация с Бабелем очень погорячилась. Очень! — бесстрашно заявил Федор Федорович.

— Меня тогда еще в живых не было, но я все равно приношу вам извинения за Бабеля. Если хотите, можете и его пригласить в гости, — продолжал идти на уступки представитель конторы. — Давайте все-таки вернемся к Герберту Уэллсу... Вы уверены, что продовольственная проблема к приезду Уэллса будет решена?

— Абсолютно.

— И жилищная?

— Каждому по квартире!

«Безумец...» — поставил окончательный диагноз представитель.

Они еще долго беседовали. Глубоководный бурильщик особенно интересовался Великим Кольцом:

— Это что за Кольцо такое? Кооператив? Нет? Такая организация писателей и любителей рыцарских романов?.. То бишь, научной фантастики? Неформальная? Ах, всемирная! Всемирная и неформальная? Очень интересно! И каковы ее цели, задачи, намерения? Структура? Финансы? Фонды? Членские взносы?

Интересовался, а думал о другом... Надо что-то делать с Федором Федоровичем, надо как-то помочь отставному майору. Райцентр бурлит, отвлекается от насущных проблем и не варит сахар из свеклы, тогда как в стране сахара не хватает — весь извозят на самогон. Мужик он, видать, безобидный, хороший, жить с ним в Райцентре стало веселее; но если даже испанский административный аппарат в XVII веке не смог выдерживать безумные выходки своего Дон Кихота, то тем более в наше время — кому это понравится?..

Прощаясь, представитель конторы обратил свой взор за советом на Буденного и Калинина.

«Надо человека спасти», — кивнул командарм Первой Конной.

«Надо спасти человека», — согласился с ним Всесоюзный староста.

«Так и сделаем», — решил представитель.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Если к тем, кто мыслит здра-,
Адресуешься ты, кни-,
Не грозят тебе упре-
В том, что чепуху ты ме-;
Если же неосторож-
Дашься в руки дурале-,
То от них немало вздо-
О самой себе услы-,
Хоть они из кожи ле-,
Чтоб учеными казать-.

*Мигель Сервантес.
Пролог к «Дон Кихоту»*

В апреле, когда Федор Федорович по обыкновению начал маяться и отлучился на день в Одессу по поводу закупки

нового чемодана для очередной нуль-транспортировки в Зауральск, прямо в его квартире был созван тайный консилиум из всех заинтересованных граждан и организаций.

Позвонили. Открыла дверь Аэлита. Кто такие?

На нее не обратили внимания, прошли, поморщились — книгами воняет. Расселись на книгах и стали думать.

Надо что-то делать, надо человека спасать. Оставлять в таком виде опасно. Жаль, человек хороший. Доверчивый. А тут всякие шляются... Из химзоны иногда уголовники бегают... Или, чего доброго, утонет в луже...

Ничто не ново под Луной. План спасения Федора Федоровича всем был виден издалека. Он, этот план, лежал на поверхности, как полуживой кит, потерявший ориентацию. Дело в том, что в этом городе не один такой Дон Кихот был...

Был, был до Федора Федоровича прецедент в лице сумасшедшего краеоведа. Всю свою сознательную жизнь Райцентр назывался Мамонтовкой, а переименовали его после гражданской войны по подозрению в родственных отношениях с известным деникинским генералом, которого расколошматил Буденный где-то в этих краях. Так вот, после разоблачения культа генералиссимуса, которому Буденный приходился ближайшим дружкой и соратником, краевед стал писать письма во все инстанции: мол, Мамонтовка с тем диким генералом никак не связана, а несет свое честное имя из глубины веков от вымершего лохматого слона, водившегося в изобилии в этих краях. Подтверждение тому — отдельные кости, осколок бивня и даже кусок рыжей шкуры, найденные здесь в прошлом веке Пржевальским (или не Пржевальским, не в том дело). Местная легенда также гласит, сообщал безумный краевед, что в древние времена мамонтов у нас консервировали в смоле каким-то особенным способом, — а это уже научное открытие, не уступающее открытию колеса. Поэтому поиски копченых мамонтов следует продолжить, найти хотя бы одного и тем самым доказать, что местное русско-украинско-еврейское население произошло не от русскоязычных кроманьонцев из пещеры во Франции, как предполагает писатель-фантаст Владлен Чердаков, а еще глубже: напрямую от неандертальцев из Мамонтовки, которые, понятно, говорили на суржике. По ходу дела наша страна утвердит свой приоритет в открытии мясокопчения, а незаслуженно переименованная Мамонтовка опять займет место на картах земного шара.

Такие вот письма писал безумный краевед. Дошел даже до Верховного Совета. Письма, естественно, переправлялись в мамонтовский райисполком. Краеведа вызывали. Проводили с ним беседы, говорили по-хорошему. Спрашивали:

— А был ли мамонт?

Безумный краевед стоял на своем: Буденный, Пржевальский, неандертальцы, Владлен Чердаков и так далее.

— Мамонты где-то здесь! — стоял на своем краевед.

Пока стоял, его не трогали. Но вот краевед начал копать. Утром выходил с двумя лопатами — штыковой и совковой, и до вечера ковырял Райцентр в разных запрещенных местах. Насмешливые доброжелатели советовали ему:

— Ты мусорник копни. Там с ледникового периода — ого-го!

Кому это понравится?

Районное начальство созвало консилиум и отправило краеведа в сумасшедший дом (времена еще позволяли), где через год краевед тихо скончался с мамонтами на устах. Даже на Западе никто не узнал про безумного краеведа и не поднял там антисоветский гвалт.

В общем, опыт имелся, но кто-то должен был произнести первую фразу...

На всякий случай еще раз проверили Аэлиту. Старший лейтенант милиции строго спросил: кто такая? Что общего имеет с отставным майором? Не собирается ли зацанать эту квартиру в Доме на набережной?

— Очень нужно! — фыркнула Аэлита. — Жить в этой вашей дыре при сахарном заводе? Кладовщицей? Пусть без меня клады ищут! Я тут временно. Лежу на дне. А вы все его мизинца не стойте!

Это она молодец, хорошо отрезала!

Махнула хвостом и, чтобы не участвовать в неприличном консилиуме, ушла в клуб «Водокаanalизации» смотреть «Маленькую Веру».

На ее счет окончательно успокоились. Но все же: что делать с Федором Федоровичем?

— Надо бы полечить... — неуверенно произнес кто-то сакраментальную фразу.

Наконец-то! Правильно! Выписать Федору Федоровичу направление в одесский психоневрологический диспансер, что на улице Свердлова, бывшей Канатной. Поступить с ним, как с покойным безумным краеведом, земля ему пухом. Великое

дело — прецедент! С краеведом все гладко прошло, ООН не вякало. Тут и думать нечего. Взять Федора Федоровича под белы руки и доставить на улицу Свердлова—Канатную на райисполкомовском «рафике» под видом будто бы пуль-транспортной на Магелланово Облако. Он ничего и не поймет, зато сразу познакомится со всеми своими братьями по разуму — и с марсианами, и с альдебаранами.

Конечно, тут же возникли разного рода юридические сомнения насчет прав человека в правовом государстве. Нашлись и тут люди первые и слабохарактерные.

— Сейчас другие времена и живого человека в дурдом так запросто не засадишь,— сказал врач «скорой помощи» и незаметно слинял вслед за Аэлитой, потому что два билета на «Маленькую Веру» находились у него в боковом кармане.

Даже тугоумный старший лейтенант милиции резонно засомневался:

— А что, если Рэй Брэдбери возьмет да напишет запрос в ЮНЕСКО — куда, мол, Федор Федорович подевался? Был — и нету, на письма не отвечает... Что тогда?

— Но, товарищи! Вы не поняли! — принялась разъяснять первый заместитель председателя райисполкома, которую все запросто называли Мамой.— Никто не собирается отправлять Федора Федоровича в сумасшедший дом. Мы отвезем его в психдиспансер на ОБСЛЕДОВАНИЕ. Все уже договорено. Отдохнет он там две-три недельки, попьет спотворного, успокоится и вернется домой здоровым человеком. Никто его там не будет насильно задерживать, потому что у них палаты от своих сумасшедших ломаются, зачем им новые? Никаких нарушений Женевской конвенции не произойдет — я вам гарантирую. А эта его Лолита... Пусть пока живет без прописки. За квартирой присмотрит. Прописка тоже реликт и пережиток крепостного права. Более того...

Далее Мама, к изумлению присутствующих, вдруг повела такие безумно-демократические речи, что впору было ее саму завязать в смиренную рубашку и отправить в «рафике» на улицу Свердлова—Канатную:

— Более того! Пока Федор Федорович будет отдыхать, мы с вами тряхнем стариной, вспомним Тимура с его командой. Выйдем на ленинский субботник и благоустроим Федору Федоровичу теплое гнездышко! Почистим тут, помоем, побелим, покрасим... Я думаю, это всё наши женщины на себя

возьмут. Где наша англичанка Людмила Петровна? А Варвара Степановна где? И подавальщицу из «Їдальні» тоже привлечь. Кухню обложим кафелем, поставим новую электроплиту, сменим сантехнику. Это на совести «Водоканализации». От военкомата: цветной телевизор нашему ветерану! Потянет военкомат? Не слышу... Двери эти замазанные сменить, но не выбрасывать, еще пригодятся. Сделать новую столярку... Паркет тоже. На это в зоне есть мастера. Холодильником обеспечит райпотребсоюз. Нужен «Минск». Так? Решили. Мебельный югославский гарнитур... В рассрочку. Первый взнос оплатит райисполком, а там я подумаю. Что еще?.. Люстра, портьеры, обои... Где там два украинца и один еврей, что ждут разрешения на выезд? Пусть достают финские обои! А иначе пехай не надеются!

Оглядев слегка обалдевший консилиум, Мама усмехнулась. Неужто они в самом деле подумали, что райисполком вознамерился за просто так делать шикарные ремонты квартир отечественным Дон Кихотам? Да ни в коем разе! К чему же весь этот сыр-бор и шурум-бурум?

Наконец Мама раскрыла карты, бросила на стол (стои, у Федора Федоровича стола не было, чай он пил у подоконника) своего козырного туза:

— Дело в том, что к нам едет диссидент!

Знаменитой немой сцены не последовало — впрочем, Мама и не надеялась. Все сразу всё поняли. Ничем их не удивишь, даже родными, возвращающимися из-за бугра диссидентами. Разве что слегка обалдеют и поскребут в затылках. Только спросили:

— Какой из них?

— Ну, тот, Кеша... Который голубого Леонида Ильича рисовал в разобранном состоянии, — пояснила Мама.

— Сюрреалистический портрет в стиле Пабло Пикассо голубого периода, — уточнила всезнающая Людмила Петровна.

— Точно! — подтвердил старший лейтенант милиции. — За что и был выдворен из страны в двадцать четыре часа без права переписки. Дружок мой, Кеша...

— Знаем. Помним, как вы тут вышивали...

— Бывший дружок, — уточнил он.

— Что ему здесь нужно, твоему бывшему дружку? — недовольно спросил другой старший лейтенант — из военкомата. Этот, наверно, был недогадливый или не в курсе дела.

Мама объяснила, что Кеша-диссидент неожиданно оказался «малым-не-промах» и сделал в своем Сан-Франциско или где там блистательную карьеру художника-миллионера. Печет мировые шедевры, как наша «Идальня» пирожки с повидлом, хорошо себя чувствует и даже не испытывает головокружения от успехов. Вроде этого... Иосифа Бродского. Не загордился, не скурвился. Говорят, подстригся, помолодел, даже не узнаешь. Но не в том дело. Дело в том, что недавно написал он письмо в Верховный Совет, в котором очень беспокоится за свои размаленные двери...

— Чуть что — сразу в Верховный Совет, — опять выразил недовольство старший лейтенант из военкомата. — У Верховного Совета своих дел выше крыши!

— Оказывается, тут в квартире не «чуть что», а целое миллионное состояние, — продолжала Мама. — Кеша хочет убедиться в сохранности дверей, приехать и забрать их с собой, потому что испанский музей «Прадо», взглянув на нелегально вывезенные Кешей дверные фотографии, собирается эти двери купить... Да, да, эти самые. С Буденным, с Калининным и с этой... порнографией... Пусть будет с «эротикой», если Людмиле Петровне так желательно, — уступила Мама. — Будут эти двери висеть в «Прадо» рядом с Гофой, Мурилльо и с Веласкесом. Не знаю, не знаю... Истуканы эти для их правов еще туда-сюда, а вот зачем Испании Буденный? Не знаю... Как попу гармонию. Но это не наше дело. А наше дело — не ударить в грязь лицом, отремонтировать квартиру и достойно встретить заморского земляка. Разрешение на вывоз дверей через таможенно он уже получил. Пусть посетит свой прежний дом, заберет двери, походит, повспоминает, каких чертей ему тут давали, ностальгия, то-се... Может, немного долларов подкинет на нужды родного Райцентра, — подмигнула Мама.

— Да-а, времена пошли! — все-таки удивился старший лейтенант из военкомата, защищавший Верховный Совет. И предложил: а не продать ли в Испанию стенд «Морального кодекса строителя коммунизма», созданный лет двадцать назад рукой еще молодого и никому тогда неизвестного Кеши, который (стенд) до сих пор висит в лепинской комнате военкомата?

Посмеялись. И вспомнили о Федоре Федоровиче:

— А его, пока диссидент Кеша будет здесь предаваться своей ностальгии, — на обследование!

Так и вышло — как задумал консилиум.

После майских праздников Федор Федорович зарядил новый чемодан бельишком и свежими пирожками с повидлом, поцеловал Аэлиту (а та ничего не знала о готовящемся вторжении пришельцев и собиралась в отсутствие Федора Федоровича использовать квартиру для собственного удовольствия), заглянул в почтовый ящик, вынул поздравительную открытку из военкомата, еще раз убедился в том, что Кир Булычев, Еремей Парнов и Владимир Савченко продолжают хранить таинственное молчание, вздохнул и подался к автобусной остановке.

Там его уже поджидали «рафик», сестра милосердия с направлением в психдиспансер и старший лейтенант милиции.

— Садитесь, Федор Федорович, подвезем! Нуль-транспортируем, куда вам надобно. В Одессу? Ах, в Зауральск! Бензина полный бак — хоть на Большую Медведицу!

Все чинно, благородно...

Легковой Федор Федорович залез в «рафик» и через час на полной скорости был доставлен в сумасшедший дом, сдан с рук на руки белым врачам, переодет в стиральную синюю пижаму и помещен в палату к членистоногим инопланетянам, у которых на лице располагалось по три рта сразу — один рот для еды, второй — для питья, третий — для разговоров. Удобно!

Какая-то полная туманность Андромеды расплылась в голове у Федора Федоровича. Больничную палату он принял за отсек межгалактического звездолета, а врачей — бог весть за кого. Он уселся на персональную койку и принялся рассказывать пришельцам историю жизни Головы Профессора Доуэля, но те пили, ели, говорили каждый о своем и его не слышали.

Пока Федор Федорович оглядывался и вертел головой в космическом корабле, в Доме на набережной начался субботник. (Аэлита как раз уехала с врачом на «скорой помощи» отдыхать в Дофиновку, прихватив с собой толстовскую «Аэли-ту»: «Надо что-нибудь почитать на пляже, а то с этими тральщиками все буквы забудешь — так и поровят затратить!») Собрались в девять часов утра: два столяра-уголовника, присланные из химзоны для замены дверей и настила паркета, Варвара Степановна с подавальщицей из «Итальяни» (Людми-

ду Петровну, как представителя английской интеллигенции, избавили от мытья полов — «Во я им буду полы мыть!»), пришли неразлучные два украинца и один еврей с финскими обоями, да еще электрик из райпотребсоюза. Открыли двери потем. Потом, попозже, заглянул слесарь из «Водоканализации», постоял в глубоком раздумье на пороге и нетвердо ушел, решив перенести порученную ему работу на завтра. Но завтра было воскресенье, и потому он начал менять трубы только в четверг. Пил, бедняга, пять дней подряд и задержал тем самым продвижение ремонта на кухне и в совмещенном санузле.

Командование субботником взяла на себя Варвара Степановна, потому что начальства нигде не было видно. Столяры-уголовники оказались тихими культурными людьми, сидевшими в зоне за взятки по хозяйственной части. Их было жалко. Два украинца, один еврей и примкнувший к ним электрик пошептались, скинулись, а сердобольная подавальщица с молчаливого согласия Варвары Степановны сбегала и вернулась с двумя дешевыми бутылками сладкого спирта и с пирожками с яблочным повидлом.

Застелили газеткой пачку книг, расселись на книгах же, выпили, закусили, поговорили о том о сем: у хозяина квартиры чердак явно не в порядке, совсем фантастикой зачитался; да и Кеша-диссидент был с приветом — это ж надо так двери загадить!

Помолчали.

— Ну, с Богом?.. — вопросительно сказал электрик, которому надо было работать на высоте с люстрой.

Но работать никому не хотелось, даже Варваре Степановне...

Денек такой теплый выдался...

Значит, солнышко бродит где-то недалеко...

— А что с этим делать? — несмело спросила подавальщица, указывая на книги.

Вот и добрались до самого главного: а книги?

Вот вопрос вопросов: с книгами что делать? Какой там ремонт, если квартира завалена книгами! Какие там финские обои клеить, какие-такие паркетные стелить, если из-за книг пройти нельзя!.. Про книги забыли, граждане! Даже предусмотрительная Мама не дала никаких руководящих указаний на этот счет...

А что скажет Варвара Степановна?

— Спать! — вдруг хищно и решительно ответила Варвара Степановна.

Все немного опешили:

— Как так — спать?

— А так! Сжечь! Из-за этой фантастики человек с ума сошел,— пояснила Варвара Степановна.

— Может быть, сдать в макулатуру? — робко предложили рассудительные уголовники.— Как-то оно не того...

— В макулатуру? Там дети бегают. Растащат заразу, не дай Бог, еще кто-нибудь с ума сойдет! — очень убедительно доказала Варвара Степановна.

Уголовники больше возражать не посмели — они люди подневольные. «Тут книг тысяч на пять...» — подумал один уголовник. «Умножай на десять»,— телепатировал второй.

Два украинца и один еврей не высказали никакого мнения. Лучше промолчать, а то еще, чего доброго, не дадут разрешения на выезд.

Электрику было все равно, что жечь, что палить — лишь бы не работать с люстрой на потолке. А жечь книги — не работа, а развлечение. Или что-то другое, но точно — не работа.

— Так! — решительно раскомандовалась Варвара Степановна.— Таисия! (Это подавальщица.) Иди вниз, мы будем в окно выбрасывать, а ты раскладывай костер у мусорника. Да позови Ашоту (это дворничиха), пусть бензин принесет и тебе помогает.

— Спички у меня есть,— встрял электрик.

— Так, хорошо, спички есть,— одобрила Варвара Степановна.— Ага, вот огнетушитель. Ты, Вова, (это электрик), спичками запалишь и будешь рядом стоять, наготове с огнетушителем, чтобы все по технике безопасности.

— Пусть еще спирта принесет,— попросил Вова-электрик.

— Таисия, принеси. Так. Открывай окно! Тут сто лет не открывалось!

Два украинца и один еврей открыли, чуть не оторвали раму.

Варвара Степановна подала личный пример: первая пачка книг полетела на набережную.

— Эй, граждане! — раздался снизу веселый голос.— Эдак и убить можно!

Это вернулись из Одессы старший лейтенант милиции с медсестрой.

— Что делаем, граждане? — спросил старший лейтенант, входя с медсестрой в квартиру. У них было хорошее настроение, потому что дело сделали.

— Книжки жжем, — ответил Вова-электрик, встряхивая огнетушитель и прислушиваясь ему в пузо.

— Как так? — не очень удивился старший лейтенант, закуривая. — А хозяин что скажет, когда вернется?

— А мы ему ответим, что прилетали пришельцы и увезли все книги на своей летающей тарелке. Сгребли в тарелку и улетели! — сообщила Варвара Степановна.

Вторая пачка книг полетела в окно.

— Он поверит, — согласился старший лейтенант, перелистывая какую-то книгу. — Это что за книжка? Кто у нас в фантастике разбирается?

— Это «Заповедник гоблинов» Клиффорда Саймака, — робко подсказал один из уголовников. — Когда я работал директором вагона-ресторана — Тархунов моя фамилия, — мне иногда приносили дефицитные книжки. Клиффорд Саймак очень ценился.

— Тогда я возьму почитать сынишке. И сам почитаю, — решил старший лейтенант.

Варвара Степановна швырнула в окно третью охапку.

— Можно, мы возьмем в зону темного книг? — несмело попросил второй уголовник. — Там у нас в библиотеке фантастики нету.

— Какая уж в зоне фантастика, — согласился старший лейтенант.

— Берите! Сколько утащите! — великодушно разрешила Варвара Степановна.

Уголовники оживленно взялись за дело — стали вязать книги для зоны.

— Берите и вы, — предложила Варвара Степановна двум украинцам и одному еврею.

— Нам не нужно, мы скоро уезжаем.

— Как знаете.

А книги все летели и летели... Вернее, падали с пятого этажа. Летать они не умели.

— Это что за книги? Кто знает? Три полки, и все в белых обложках...

— Где? — переспросил бывший директор вагона-ресторана. — Это научная фантастика издательства «Молодая гвардия». Дрянь несусветная.

- Как? Все дрянно?
- Все до единой.
- Хрен знает что... Зачем же издавать?
- В огонь!

Три полки книг в белых обложках тоже улетели в окно к мусорнику.

— Эту книгу отдайте мне! — вдруг сладострастно вскрикнула медсестра. — «Трудно быть богом» очень хорошая книга! Я братьев Стругацких с детства люблю... Ой! Тут еще «Обитаемый остров» и «Пикник на обочине»! — воскликнула она. — Очень я их люблю!

Так были спасены медсестрой милосердия от сожжения братья Стругацкие...

Снизу поступали донесения от Таисии и Анюты:

- Бензин принесли!
- Кидайте потише, не успеваем оттаскивать!
- А вот «Час Быка» Ивана Ефремова, — объяснял всезнающий бывший директор вагона-ресторана. — «Час Быка» подвергался гонениям в годы застоя за то, что под видом утопии вскрывал крупные недостатки нашего общества. Ефремова в огонь не следует, он еще послужит. Мы его тоже в зону возьмем.

— Интересно... Я хотел бы почитать, — высказал пожелание старший лейтенант.

— Берите, тут их два экземпляра. Один — вам, другой — в зону.

— Не желаете ли сто капель? — подобострастно предложил Вова-электрик старшему лейтенанту. — Можно. Субботник все же...

— Не откажусь.

— Вот гляжу я и думаю, — начал философствовать Вова, выпив с милиционером разбавленного спирта и разломив надвое пирожок с повидлом. — Это ж как надо сойти с ума, чтобы прочитать такую гору фантастики! Эти ж книги действуют, как религиозный туман, потому что в них происходит то, чего никогда не было и не будет ни в коем разе. Я таких книг вообще не читаю... Вру, пробовал однажды. Забыл, как его... Шекли-Шмекли... Точно! О том, как чужие тела на базаре менялись разумами. Ни черта не понял! Другое дело, прочитал я недавно «Аэлиту»... Стоп, вру... «Лолиту»! Вы читали «Лолиту»?

— Нет. Но слышал.

— Я вам достану почитать. Порнуха, я вам скажу! — Вова опять потряс огнетушителем и прислушался. — Пустой он, что ли?.. Так вот, «Лолита»... Давайте еще по сто, а потом я вам перескажу содержание. Как он там ее и туда, и сюда, а она ему и так, и эдак...

Выпили еще, и Вова-электрик, уведя старшего лейтенанта на кухню, чтобы женщины не краснели, принялся рассказывать и показывать руками содержание «Лолиты».

А книги все падали и падали...

Внизу около мусорника уже образовалась средней величины книжная пирамида Хеопса.

— Кухню забыли! — вдруг вспомнила Варвара Степановна. А на кухне книг!

Прогнали старшего лейтенанта с Вовой развращаться в прихожую...

А в прихожей книг!

— Господи, куда ему столько!

— Все не выбрасывайте, оставьте немного,— попросили два украинца и один еврей.

— Зачем вам? Вы же уезжаете?

— Мы их разорвем и вместо газет под обои поклеим.

— Верно! Правильно! И журналы у него тут тоже с фантастикой.

— Под обои журналы!

— Варвара Степановна, не выбрасывайте Герберта Уэллса, мы его тоже в зону заберем. И Александра Беляева собрание сочинений давайте сюда.

— Куда вам столько? Не утащите!

— А мы завтра вернемся паркет стелить и еще возьмем.

— Ребята, тут случайно Бабеля нету? — спросил один еврей у двух украинцев.— Давно хотел почитать. Все-таки человек моей национальности.

— Так он же вроде как не фантаст.

— А... Что же он тут делал, в Райцентре?

— Так, приезжал. Наверно, у него тут баба была. Или охотился. На мамонтов.

— А это что? «Полыхающая пустота» какая-то... С дарственной надписью.

— Вот пусть и полыхает ярким огнем! Из-за нее человек с ума сошел. Жги все! Непременно разбираться.

— И эти двери загаженные — в окно! В зоне уже новые делают.

Сняли с петель бесценные Кешины двери, собрались и двери сжечь. Подтащили к окну, начали проталкивать, но, спасибо, кто-то надоумил, что сжигать лики Буденного и Калинина — это уже политическое дело; и двери уволокли на кухню. Политика, мало ли что... Скифских идолов и японских богов тоже пощадили, проявили терпимость к религиям разных стран и народов. Политика — да, религия — может быть, фантастику — в огонь!

К полудню на книжную египетскую пирамиду у мусорника полетели разломанные полки и стеллажи. Туда же приволокли безответный, однажды уже горевший, черно-белый телевизор. Спустились вниз, полили пирамиду бензином, Вова-электрик занял позицию с пустым огнетушителем. Поджигать поручили директору вагона-ресторана, но тот вдруг заартачился: увольте, граждане начальники, но жечь чужие книги он не имеет никакого морального права. Ему за такое дело могут еще срок накинуть.

— Дай сюда спички,— вконец обозлилась Варвара Степановна.— Poi вас, корми... Не будет мне никакого срока!

Добыла огонь, поднесла спичку к знаменитому роману «451° по Фаренгейту». И подожгла. Подожгла ровно в полдень, когда солнце взошло.

Старший лейтенант в последний раз затанулся и отщелкнул окурки в египетскую пирамиду.

Отвернись, любитель фантастики!..

Впрочем, наберись мужества и смотри.

Известно — книги прекрасный горючий материал, хорошо горят. Топить ими печь или сидеть у книжного костра — одно удовольствие: тепло, хорошо, картошка в мундире. Слов пет, Рэй Брэдбери красиво и точно описал костры из книг своим характерным американским почерком. Причем, все книги горят одинаково хорошо — и плохие, и хорошие книги горят лучше некуда. Горели там, в бывшей Мамонтовке у мусорника, и Жюль Верн с Аристархом Кузанским, и лютые англо-американские графоманы вкупе с коллегами из отечественной «Молодой гвардии». Братались Абэ Кобо с Т. Упицыным, корчились в языках пламени и превращались в золу Артур Кларк и Владлен Чердаков, М. Ведьмедев и Айзек Азимов.

Никаких трений, никакой литературной групповщины, никто не толкался, спеша к костру. Все были равны перед лицом огня. Гори-гори ясно!

Сгорела знаменитая двадцатипяти томная подписка «Современной фантастики» шестидесятых годов. Сгорели отдельные тома и полные собрания сочинений. Региональная фантастика превратилась в золу — ни сибирской, ни прибалтийской, ни юго-западной фантастики уже не существовало. Сгорела «новая волна» и «малеевское направление» (читателю эти названия ничего не говорят — и не надо). Сгорели «Румбы фантастики». Сгорели все поколения советских фантастов: первое, второе, третье и четвертое. Все критики и литературоведы сгорели. Взорвался и окончательно сгорел черно-белый телевизор, который иногда показывал Федору Федоровичу фантастические кинофильмы. Сгорела англо-американская, польская, французская, японская — вся мировая фантастика. Все сборники издательства «Мир» сгорели, писатели-фантасты всех национальностей были равны в этом костре. Лауреаты зауральских «Аэлит» — все сгорели. Лауреаты американских «Хьюго» — похлывали не хуже рядовых фантастов.

Какие еще слова найти, как описать?

Сгорели известные ведьмы Урсула ле Гуин и Ольга Ларионова, которые так и не ответили Федору Федоровичу на его поздравление с 8 Марта. Да, женщины тоже жгли, никому не было пощады!

Научной фантастики больше не существовало!

Впрочем, как уже говорилось, кое-кому повезло, кое-кто спасся от этого аутодафе — братьев Стругацких приютила влюбленная в них по уши сестра милосердия, Клиффорд Саймак нашел прибежище в квартире старшего лейтенанта милиции, а повязанные уголовниками Александр Беляев, Иван Ефремов и Герберт Уэллс были препровождены в зону за колючую проволоку, где через год их до дыр зачитали осужденные взяточники, домушники и рэкетиры — дай-то Бог, чтобы на пользу!

Вот и не верь в судьбу! Вот и не верь в жизнь после смерти.

Да еще чудом спаслась толстовская «Аэлита», случайно эвакуированная на пляж в «скорой помощи».

А гиперболоид инженера Гарины сгорел вместе с инженером. Хорошо снаружи костра смотреть на огонь...

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Не забудь, что, квартиру-
В доме со стеклянной кры-,
Неразумно брать булж-
И швыряться им в сосе-;
Что достойный литера-,
Осмотрителен и сдер-,
И что только тот, кто пор-
Безответную бума-,
Чтобы потешать куха-,
Пишет через пень-коло-.

*Мигель Сервантес.
Пролог к «Дон Кихоту»*

Федор Федорович в момент гибели книг как будто что-то почувствовал... В его звездный отсек как раз доставили стандартный космический обед — суп с какими-то желтыми перьями, бледную рыбу с теплой слипшейся лапшой, кисель на клею. Его попутчики, потирая членистоножками, с аппетитом набросились на еду, а Федору Федоровичу кусок лапши в горло не лез. Он подошел к иллюминатору и стал разглядывать зеленую зону межгалактического корабля, направлявшегося, как ему сказали, к туманности Андромеды. Подсвечивало солнышко, похожее на настоящее, цвели белыми свечками искусственные каштаны, а свободные от трудовых космических вахт члены экипажа отдыхали в нумерованных синих робах на нумерованных садовых скамейках или прогуливались по дорожкам с помощью личных роботов в белых халатах. А двое в синем, обнявшись, никак не могли справиться с невесомостью — их швыряло от дорожки к ограде и обратно...

Все как на Земле.

Федор Федорович успокоился и принялся за обед. Все хорошо, вот только жаль ему было пирожков с яблочным повидлом, которые вместе с чемоданом и двубортным костюмом были сданы перед стартом в камеру хранения межгалактического звездолета.

Тем временем пожар еще не завершился — хуже того, он разгорался в не предусмотренную Варварой Степановной сторону. Неизвестно, откуда взялся в этой местности ветерок — наверно, случайно залетел, бездельник, поглазеть на огонь. Прилетел и дунул в сторону мусорника. Тот в ответ немедленно возгорелся позапрошлогодними листьями, разломанной

тарой и всяким другим хламом, который всегда сопутствует приличному ледниковому мусорнику.

— Вова, туши его! — замахала руками Варвара Степановна. — Гаси!

Вова-электрик стукнул огнетушителем по твердой земле, но из пустого огнетушителя ничего не пролилось. Вова дал ему по голове кулаком, но огнетушитель лишь тихо-тихо зашипел, как потревоженная гадюка.

Зато мусорник подозрительно быстро сгорел... Или огонь ушел вглубь мусорника?

Ну, сгорел — так сгорел. Сгорел и без помощи огнетушителя. Что и требовалось доказать. Это был мудрый мусорник, он все глотал.

Ничто не предвещало беды — книги догорали, мусорник слегка дымился, и, казалось, уже можно либо допивать третью бутылку спирта, либо расходиться по домам, либо сделать и то, и другое. Но не зря тревожилась душа Варвары Степановны. Сгореть-то мусорник сгорел, но внутри него что-то такое явственно забулькало...

«Бульк-бульк-бульк...» — как в еще бездействующем, но уже готовом к извержению вулкане.

Опять подул ветерок...

Как вдруг из мусорника клубами повалил такой черный дым, «что аж синый!», как говорила впоследствии Варвара Степановна.

— И такой вонищий, что господи помилуй! — докладывала она авторитетной комиссии на следующий день после экологической катастрофы. — И чем дальше, тем страшнее: бульк-бульк-бульк!.. У меня аж сердце оборвалось! Как в смоляном котле у чертей в пекле!

Ветерок сначала поиграл этим чертовым дымом, погонял его по Райцентру, а потом скрутил дым в лохматый собачий хвост и направил его прямо в морду Дома на набережной — на фасад, то есть. И стал водить черным хвостом по фасаду, как маляр-художник кистью: туда-сюда, сюда-туда...

Все, кто наблюдал пожар на бывшей набережной, разбежались, затыкая носы от вони; остальные, наоборот, бежали на запашок со всех концов Райцентра. Их обгоняли пожарные, но вонища не позволяла приблизиться к эпицентру извержения. Подвезли противогазы. Натянув их, пожарники направили струю на мусорник, но этим только спровоцировали его подземные силы на новую пакость: мусорник тут же выдал

такую черную дымовую завесу, что Дом на набережной погрузился «во мглу», как сказал бы Герберт Уэллс.

— А двери?! — раздался вопль явившейся на пожар Ма-мы.— Двери сгорели?!

— Кому они нужны, эти двери,— успокоили ее.— Двери — на кухне.

Солнце плюнуло и скрылось в черном дыму. Какое там солнце? Зачем оно?

Наступило затмение. У пожарников от бессилия опустились шланги. Райцентр был отдан во власть подземной стихии, весь мир заволокло. Солнце напоминало черную раскаленную сковородку без ручки и жарило ровно час — именно столько времени понадобилось подземному дыму, чтобы перекрасить Дом на набережной из бело-кафельного в иссиня-черный цвет и, вообще, все белое в Мамоновке превратить в черное: сахар — в уголь, потолки — в асфальт, а население — в негров. Повезло лишь брюнетам, они так и остались черными. Красные (пожарная машина) и зеленые (канадские елки перед райкомом партии) тоже не спаслись. Флаг над исполкомом был очернен. Этот час потребовался также для того, чтобы под мусорником полностью выгорела запеченная в древней смоле туша мамонта — так определила причину черного дыма авторитетная комиссия во главе с Мамой. Наверно, ничто никогда в мире так не дымилло — не воияло и не очерняло действительность, как подпортившийся консервированный мамонт из ледникового периода!

И все ахнули.

На следующий день все население Райцентра, взглянув на себя в зеркало, наконец-то ахнуло и удивилось, поняв причины и следствия постигшей их экологической катастрофы:

— Значит, все-таки был мамонт! Вот он где, мамонт, прятался! Под мусорником! Древняя палеонтологическая стоянка! (Правильно: «палеолитическая».) А мы и не знали! Не там копал краевед! Эх, не там! А ему советовали! Мог бы сам догадаться — где стоянка, там и мусорник!

А про сожженные книги — как о первопричине черного дыма, закоптившего Дом на набережной таким жирным слоем въедливой копоти, что и зубами не отодрать,— про книги не вспомнили. Ни полсловом. Таинственным исчезновением Федора Федоровича не заинтересовались. Жил-был человек — и не стало. Будто никогда не было.

— Но кто все же виноват? — пытались выяснить вернувшееся с пляжа высокое районное начальство, разглядывая свои законченные потолки. — Ну, люди отмоются... Ну, сахар завезем с Кубы... А с домом что делать?

Мама, отвлекая внимание начальства от сожженной библиотеки, заметала следы, сваливала всю вину на неандертальцев и запоздало восхваляла безумного краевода:

— Нет пророка в своем отечестве! Зря прежние застойные начальники упрятали нашего краевода в желтый дом! Ох, зря! А неандертальцы, хоть и славные ребята, но что-то они из глубины веков не продумали. Проявили пашенскую бесхозяйственную расхлябанность — мамонта шлепнули, закоптили, палеонтологическую стоянку бросили и ушли во Францию в диссиденты... Тьфу, совсем обалдела!.. В кроманьонцы!

Но Мамино высокое начальство не очень-то Маме верило... Оно ее хорошо знало.

— Ладно, неандертальцы. Ладно, мамонты. С краеведом тоже все понятно. Повесим ему мемориальную доску, если того заслужил после смерти. Все понятно. Непонятно, кто поджег мусорник?

Нет ответа.

— Кто вообще у нас отвечает за мусорник? — допытывалось начальство.

Вообще — никому неизвестно.

— А лично кто отвечает?

Дворничиха Аннота!

Ура, нашли стрелочника! Но что с Анноты возьмешь? Кожа да кости, ущипнуть не за что. Ножки тоненькие, а жить тоже хочется. Она же про мамонтов вообще ничего не знала. Это ее прямая производственная обязанность — палить позапрошлогодние листья.

Так до книжного костра мамино начальство и не докопалось, про Федора Федоровича не вспомнило. Зато стихийные силы из ледникового периода хоть немного отомстили за сожженную библиотеку.

Федор же Федорович в это время пребывал в анабиозе. Оказалось, что Главный Штурман на минутку перепутал туманности: направил звездолет к Андромеде, а следовало — к Крабовидной. Так объяснил ему белый робот. При осуществлении маневра на сто восемьдесят градусов все обитатели межгалактического корабля должны лечь в анабиоз.

Федор Федорович лег. Он всегда был дисциплинированным человеком.

В бывшей Мамонтовке после пожара наступили смутные времена. Безвременье. Население ожидало хоть каких-то перемен после того, как оно взглянуло на себя и ахнуло. Раздавались тревожные голоса:

— Что с нами происходит? Надо что-то менять! Дальше так жить нельзя!

Начались гражданские смуты.

— Это что же получается? — возмущался Вова-электрик, забивая крюк в потолок, чтобы повесить люстру. — Значит, все-таки был мамонт?! Так в чем же дело? Есть такой город Буденновск, а мы чем хуже? Выходит, Буденновск — можно, а Мамонтовка — нельзя?!

— Пишем письмо в Верховный Совет, как запорожцы султану, — поддержал Вову сантехник, гремя ржавыми трубами в совмещенном санузле. — Дальше некуда. Надо что-то менять. Начнем с названия.

Два украинца и один еврей клеили обои и помалкивали по известной причине, хотя уже начинали понимать, что никуда от судьбы не уедут, а будут, как и прежде, пить водку в кустах сирени.

Мама опять созвала субботник. Попытались своими силами отскоблить Дом на набережной, но лишь насмешили козу. Хотели перекрасить в первобытное состояние — опять же, где взять товарный состав цинковых белил, чтобы перекрасить копоть в белый цвет? Есть, правда, на складе две бочки ржавой охры, но это же курам на смех!

Так и стоял черный дом на мрачной набережной бывшей реки, зато ремонт в квартире Федора Федоровича продвигался успешно. Варвара Степановна с Таисией и Анютой замазывали свою вину. Обои уже наклеили, люстру повесили, входили и уходили молчаливые уголовники с топорами и рубанками. Дошла наконец очередь до цветного телевизора, холодильника и югославского гарнитура.

Начальству давно уже не правился этот ремонт за казенный счет для диссидента... Ну и что с того, что он диссидент? — спрашивало начальство. Может быть, Мама собирается отдать ему на откуп весь Райцентр для экспериментального художественного оформления? Голубой, розовый и фиолетовый период в разобранном состоянии? В стиле Сальвадора Дали? Не бывать сему, пока живо начальство! У самих потолки копче-

ные, а тут... Мама, кажется, сошла с ума на почве иностранной валюты и загаженных дверей. Ей надо помочь... Съесть ее! Съесть и отправить в стрелочники!

Начальство угрюмо взирало на Маму, а Мама с нарастающим волнением ожидала прибытия диссидента Кеши. Спассти ее от зубов начальства мог только богатенький Кеша со своими художественными долларами для ремонта родного Дома на набережной. Иначе — в стрелочники! Рельсы там, шпалы, железная дорога... Маме не хотелось отремонтировать насыпь... Но как содрать с Кеши тысяч десять валюты на нужды райисполкома? Отдать ему на откуп Райцентр? Это, конечно, нонсенс.

Мама вот что задумала: пришла к Аэлите в гости и имела с ней продолжительную трехчасовую беседу. Аэлита после пожарного пикника потеряла аппетит, перестала вышивать по Райцентру, возлежала прямо посреди ремонта в раскладном кресле, читала спасенного Алексея Толстого. Процесс чтения проходил с трудом — буквы она еще не забыла, но из букв туго складывались слова. Вот что писал Алексей Толстой:

«Слова — сначала только звуки, затем сквозящие, как из тумана, понятия — понемногу наливались соком жизни. Теперь, когда Лось произносил имя — Аэлита, оно волновало его двойным чувством: печалью первого слова АЭ, что означало по-марсиански — «видимый в последний раз», и ощущением серебристого света — ЛИТА, что означало «свет звезды». Так язык нового мира тончайшей материей вливался в сознание».

Ничего не понять!

Когда старое кресло наконец выбросили, улеглась на новой югославской софе, решив — кровь из носу! — дочитать «Аэлиту» до конца.

А вот это уже понятней:

«Рожать, растить существа для смерти, хоронить... Непужное, слепое продление жизни...» Так раздумывала Аэлита, и мысли были мудрыми, но тревога не проходила. Тогда она вылезла из постели, надела плетеные туфли, накинула на голые плечи халатик и пошла в ванную, разделась, закрутила волосы узлом и стала спускаться по мраморной лесенке в бассейн».

Аэлита подумала, слезла с югославской софы, сунула ноги в плетеные шлепанцы и в чем мать родила пошла в современный санузел и приняла ледяной душ — горячей воды в Ма-

монтажке отродясь не бывало. Потом опять улеглась на софу и продолжила чтение.

А это совсем понятно:

«Ихошка села невдалеке от Сына Неба и принялась чистить овощи. Густые ресницы ее помаргивали. По всему было видно, что — веселая девушка.

— Почему у вас на Марсии бабы какие-то синие? — сказал ей Гусев по-русски. — Дура ты, Ихошка, жизни настоящей не понимаешь».

В перерывах этого тяжелого труда Аэлита жалела Федора Федоровича, а также себя, чувствуя, что такая шикарная обстановка в квартире не к добру — скоро ее отсюда выгонят.

Вот и Мама пришла... Сейчас начнется.

Но Мама, назвав Аэлиту по имени-отчеству, неожиданно спросила:

— Не собирается ли Аэлита Алексеевна в недалеком будущем посетить Сан-Франциско? Не все же здесь на софе лежать?

Две гонимые судьбой женщины поняли друг друга с полуслова. Да и как не понять: одна была стрелочницей, другая — подбитой подводной лодкой. Долго не рассуждали — Аэлита твердо решила воспользоваться Маминим предложением и выйти замуж за диссидента Кешу и разом решить все вопросы с пропиской на этой Земле; а продолжительная трехчасовая беседа заключалась в просмотре нового цветного телевизора, где в тот вечер показывали пятьдесят восьмую и пятьдесят девятую серии «Рабыни Изауры».

Всплакнули над судьбой бразильской рабыни и составили такой план: в день приезда диссидент Кеша входит в квартиру и обнаруживает возлежащую на софе Аэлиту. На второй день он ведет Аэлиту в ЗАГС, где Мама собственноручно венчает их безо всякой трехмесячной проверки чувств. На третий день Аэлита с диссидентом забирают свои вещи и уезжают в Москву, в Москву, в Москву — а там и до Сан-Франциско рукой подать. Правда, во второй день может возникнуть небольшое осложнение: поведет ли Кеша Аэлиту в ЗАГС?

— В таком случае поступим наоборот — ты сама его поведешь, — решила Мама.

Договорились: Аэлите достанутся диссидент Кеша и Сан-Франциско, Маме — десять тысяч инвалютных рублей для ремонта Дома на набережной.

— Сто! — отвечала Аэлита. — Я с него для вас сто тысяч слуплю!

На том и порешили.

Аэлита отложила в сторону книгу, в который раз постирала купальник и стала каждое утро поднимать ржавые трубы, отплясывать аэробику, принимать ледяной душ, а также не обедать и не ужинать, чтобы в этот купальник влезть. Решила так: отсюда без нее диссидент Кеша живым никуда не уедет. Женат он там или холост, а в Сан-Франциско Аэлита еще не была. На Марсе была, в Нижневартовске была, а в Сан-Франциско — нет. Пусть этот диссидент хоть старый, хоть женатый, хоть горбатый, но в Сан-Франциско он ее нуль-транспортирует под руку или, на крайний случай, в чемодане с двойным дном.

Приближалась развязка. Спешили. Вот уже из Министерства иностранных дел пришла телефонограмма о том, что диссидент прибывает завтра утром в черном «форде», встречайте. Бросили уголовников на Райцентр, они подмели и облизали бывшую Мамоштовку, заасфальтировали мусорник, выкрасили все заборы двумя бочками ржавой охры — ничего, сойдет после дождя; но черный дом портил весь вид на Мадрид — он торчал во все стороны, как обелиск на кладбище.

— Это кому у вас мемориал? — спрашивали шоферы, возившие с сахарного завода сахарный уголь.

Из-за этого черного обелиска районное начальство мандражировало и кидалось на Маму, как цепной пес. Начальство панически боялось обвинений в очернении действительности.

Мама храбрилась, успокаивала:

— А по-моему, ничего... Смотрится... Почему черный «форд» — можно, а черный дом — нельзя?

Перед самым приездом диссидента начальство не выдержало и позорно удрало в Одессу на консультацию в психоневрологический диспансер, чтобы снять нервный мандраж и не принимать участие в торжественной встрече. Там в это время в каюте Командира межгалактического звездолета решалась судьба Федора Федоровича.

— Как его?.. Ну, этот, который... гиперболоид инженера Гарина, — расхаживая по каюте, говорил Командир Звездолета своему Главному Штурману. — Зачем мы его держим? По-моему, пора выбрасывать в открытый космос. Старик нормальный, на здоровье не жалуется. Не буйный, не бонопартист. Тихий. Вообще никуда не жалуется. Вестибулярный

аппарат — в норме. Реакции — адекватны. Ну, есть бредовый психозик, есть,— поморщился Командир Звездолета.— Ну, с заскоками, с кем не бывает. Фантазирует. Ну, начитался фантастики... Кто не без греха?

— Он вчера смеял у соседа свои «командирские» часы на сломанный будильник,— сообщил Главный Штурман, вращаясь в кресле.— Сосед сказал ему, что это не будильник, а вечный двигатель.

— Вот видишь! Синдром Дон Кихота. Все тихо, благородно. Ему еще жить да жить, а здесь сгорит в два месяца. Не вертись... В глазах мельтешит... В этой Мамоновке все начальство с ума посходило — едут, и едут, и едут... У меня вои то руки дрожат. Так что будем делать с гиперболоидом имени Гарина?

— Я не против,— ответил Главный Штурман, грызя ногти.— Я — за.

— Тогда пиши... Как его?.. Гарин-Михайловский, бывший военный инженер-строитель. Практически здоров. Написал? Завтра же гони его в шею.

— «Командирские» ему вернуть?

— Э, нет! Смеял так смеял. Пусть впредь дураком не будет. Кто там у нас еще?

До выхода Федора Федоровича в открытый космос оставались сутки.

Днем Вова-электрик с сантехником еще устанавливали голубой унитаза для приезда диссидента и обсуждали письмо запорожцев в Верховный Совет.

Вечером к Аэлите в последний раз пришла Мама. Они уже не могли друг без дружки жить. Уточняли последние детали, смотрели шестьдесят пятую и шестьдесят шестую серии «Рабыни». Глядя на эту плантаторскую жизнь, Аэлита расплакалась и спела Маме песенку:

Мама, мама, я пропала,
Я даю кому попало...

Мама утерла Аэлите слезы. Не бойсь, девочка! Мама хорошо знает диссидента Кешу по прошлой действительности. Дурак дураком! Вечно чудит, бузит, сумасшедший, неуправляемый, зависит от собственного настроения. На этом мы его и подловим — на этой самой любви с первого взгляда.

Но в жизни, как всегда, получилось не так, как планировали, а намного быстрее. Ночью пришла еще одна телефо-

пограмма из МИДа: диссидент приезжает всего лишь на один день, просит ускорить формальности с дверями, принять к исполнению. Эта телефонограмма ломала все матримониальные планы — за один день окрутить трудно...

— Но можно. Нужна еще одна ночь, как минимум, — сокрушенно высчитывала Мама. — Ладно, попробуем. Ускоримся. Эх, где наша не пропадала!

— Везде пропадала, — опять заплакала Аэлита.

Глубокой ночью под ее окнами ошивались сантехник с Вовой-электриком и вышедший из больницы ударенный током телемастер с баяном. Алеп Делон был обижен на Аэли-ту, а Вова с сантехником — на все население Мамонтовки, которое не поддержало письмо запорожцев в Верховный Совет. Они устроили почную демонстрацию и орали частушки на слова известного поэта. Алеп Делон играл на баяне и запевал:

Кудри вьются, кудри вьются,
Кудри вьются у блядей.
Почему ж они не вьются
У порядочных людей?

Сантехник с электриком подхватывали:

А потому что у блядей
Деньги есть на бигудей,
А порядочные люди
Тратят деньги на блядей!

Никто не спал. Ночь прошла. Утром к черному Дому на набережной подкатил подержанный черный «форд» — была там одна такая асфальтовая дорога, по которой, если сухо, можно проехать. Диссидент вышел из «форда», как к себе домой. Аэлита подглядывала из-за портьеры. Увиденное ей неожиданно понравилось... Сын Неба, похожий немного на Бельмондо. Вся Мамонтовка подглядывала: Кеша вернулся! Тот самый, который... Который Леонида Ильича... Которого никак не могли найти и выдворить из страны, потому что он три дня отсыпался в мусорнике под открытым небом. Богема! Пятнадцать лет прошло, а как помолодел! И бороду сбрил... Что деньги с человеком из обезьяны делают!

Первым делом Кеша увидел черный дом.

— Мама мия! — непроизвольно вырвалось у него по-итальянски. — Вот так дизайн у вас!

— Мать моя, — с готовностью перевела Людмила Петровна, которую пригласили в свиту встречающих на тот случай,

если вдруг диссидент подзабыл русский язык.— Говорит, что у нас очень красиво.

Диссидент Кеша подбежал к Дому на набережной и поковырял пальцем в фасаде.

— Бляха-муха, не отдирается! — восхитился он.— Полный конец! Что за краска, блин? Это ж гроб с музыкой — черный дом! Это ж надо! Кто придумал? Так... Перенимаю опыт. Я в Сан-Франциско небоскреб в черный покрашу!.. Ну, чего вылупились, бляхи-мухи? Не шучу! Пуркуа-нет? Краска как называется? Чье производство? Вроде, не «Сажа газовая» и не «Персиковая черная»... На «Кость жженую» не похоже... Что за блин, спрашиваю?

Все молчали в ответ.

— У меня с русским языком что-то? — обеспокоился Кеша.— Или акцент подцепил? Или меня уже не понимают на Родине, ядрена вошь?

Все вопросительно глядели на Людмилу Петровну.

— Нет, у вас хорошее произношение,— неуверенно похвалила она.

— Так что за краска, япопа мать?

Теперь все глядели на Маму.

— «Копченая мамонтовская»,— ответила Мама дрожащим голосом.

Сын Неба задумался. Все знали по горькому опыту: когда Кеша начинает думать — не к добру.

— Ну, как там в Сан-Франциско, Кеша? — спросил старший лейтенант милиции, чтобы отвлечь диссидента от тяжких раздумий о черной краске.

— Как тебе сказать, Витек... Трясет там, блин, сильно... Землетрясения и гулья всякая.

Диссидента уже тащили в квартиру. Все райцентровские козы и куры смеялись, а Кеша никак не мог решить — издаваются над ним или нет?

— Вот я не понимаю... Вас же выдворили? — полуспрашивал Кешу старший лейтенант из военкомата, подталкивая диссидента на третий этаж.

— Откуда? Из Сан-Франциско? — тупо заинтересовался диссидент.

— Нет, от нас.

— Ну?..

— Что?..

— Чего же ты хочешь, блин?

— Чувствовали там постальгию?

— А как же! Скучал без тебя, трахнутый комар!

В своей бывшей квартире Кеша даже не успел бросить первый взгляд на Аэлилу, возлежавшую в купальнике с книгой на югославской софе.

— Двери где?! — пришибленно спросил он, обнаружив новые.

Его успокоили и отвели на кухню. Двери там расставили как в музее «Прадо» — входи, блин, и любуйся!

— Майн готт!.. — только и смог произнести диссидент, увидев Буденного, Калинина и эти штуки у скифских идолов.

— Мой бог!.. — перевела с немецкого Людмила Петровна.

— Кто это сделал?! Кому в морду дать?! — взревел Кеша медвежьим ревом Михаила Ивановича, который, как известно, вернувшись домой из Кремля, обнаружил, что кто-то ел из его миски и все сожрал, а жену забрали к Берии на Лубянку.

Занавес опускается.

О дальнейших событиях в квартире свидетельских показаний не сохранилось. Зная Кешу, все очевидцы удрали, даже старшие лейтенанты силовых министерств ретировались. Правда, Мама осталась — ее от страха поги не несли. Но как по одной незначительной косточке опытный палеонтолог может восстановить целого мамонта, так и, наоборот, по целому мамонту можно добраться до его мелких подробностей. Результат (мамонт) известен — через двадцать минут Мама и Аэлила вывели усмирённого Кешу из Дома на набережной и поехали в черном «форде» в мамонтовский ЗАГС. Остается применить «принцип наоборота» и восстановить события по конечному результату.

Маму от страха поги не несли, а вот Аэлила не убежала из-за того, что ей эти сумасшедшие бронепосцы вот как надоели! Конечно, она побаивалась, что Сын Земного Шара поставит ей очередной фонарь под глазом, но смело вышла на кухню и сказала:

— Ну, я это сделала! Чего орешь, клепаный ты коз-зел?!

То ли этот «коз-зел», то ли пресловутая «любовь с первого взгляда» подействовали — но Кеша вдруг успокоился. Аэлила, надо сказать, была в прекрасной форме, лучше, чем в 1982 году. Сын Неба «глядел умиленный и взволнованный... Какие бы муки он вынес сейчас, чтобы никогда не омрачилось это дивное лицо, чтобы остановить гибель прелести, юности,

невинного дыхания,— она дышала, и прядь пепельных волос, лежавшая на щеке, поднималась и опускалась».

— А не правится — бери тряпку и сам смывай, мур-ри-льо! — выступала прекрасная в своем гневе Аэлита.— И вообще, ты, блин морской, умеешь говорить по-людски? Или совсем буквы забыл?

— Красивая,— с удивлением сказал Кеша, разглядывая Аэлиту.

Он с трудом отвел глаза, в которых пожаром загорелась эта самая «любовь с первого взгляда» и ни с того ни с сего спросил Маму:

— Как краска-то называется?

— «Конченная мамонтовская»,— опять соврала дрожащая Мама. Сейчас, вот сейчас решалась ее судьба-стрелочница.

— Вас понято,— ухмыльнулся Кеша.— Тебе на оздоровление Мамонтовки сколько долларов нужно?

— Де-десять...— пролетела Мама.

— ...тысяч,— закончил за нее Кеша.— Всем доллары нужны. Все хотят меня облапошить. А я за просто так баксами не разбрасываюсь. Я зла не помню, но не за просто так. Давай так решим: я тебе десять тысяч, ты мне — рецепт «Конченной мамонтовской». Мне небоскреб нужно красить. Идет?

— Да,— прошептала Мама.

Где краевед? Ну где краевед?! Нужно немедленно найти еще одного мамонта!

— Но краски сейчас нету,— прошептала Мама.— Всю рас... раскрасили.

— Мне не краска нужна, а рецепт. Ты мне рецепт на стол, я тебе — дишары на бочку,— Кеша вытащил блокнот и приготовился записывать рецепт «Конченной мамонтовской».

— Рецепт...— сказала Мама, продолжая дрожать.— Ох... Ах, рецепт... Записывайте. Берется один мамонт...

Кеша с любопытством взглянул на Маму.

— Потом берется одна бочка смолы...— произнесла Мама, чуть не плача.

Кеша закрыл блокнот:

— Это я уже слышал. Мамонт коптится на костре, вываливается в янтарной смоле и помещается в ледниковый период. Верно?

Мама наконец заплакала.

— Дай ей сто тысяч,— вдруг спокойно приказала Аэлита.

— Дам, если выйдешь за меня замуж, красивая,— так же спокойно ответил Сын Неба.

Мама перестала плакать.

— Почему бы и не выйти? Выйду,— согласилась Аэлита.

— Когда? — спросил Кеша.

— А хоть сейчас,— встряла Мама.

— Одевайся.

— Двери помыть? — спросила Аэлита.

— Не падо. Мне так больше правится. Буденный с Калининым — ноу хау, я их продам дороже.

Дальнейшее известно: по дороге в ЗАГС остановились у мамонтовского райисполкома, быстренько составили официальный договор на сто тысяч долларов о посредничестве Мама в сделке между Кешей и музеем «Прадо». Потом прокатились в ЗАГС, расписались и вернулись в Дом на набережной. Шампанского в «Продмаге» не оказалось, а водку покупать у Варвары Степановны не рисковали,— к тому же Кеша за рулем не пьет, а им еще всю ночь гнать до границы. Зато вместо шампанского их в прихожей встречал пустой огнетушитель: по возвращению молодых забытый огнетушитель вдруг дал залп и залил всех пеной. Значит, не только пустые ружья, но и пустые огнетушители раз в сто лет стреляют от изумления.

Безалкогольную свадьбу праздновали втроем. Правда, Мама все-таки сбежала к Таисии и принесла бутылку сладкого спирта. Обмыли это дело, благо не за рулем. Было горько. Кеша, опьянев, отметил, что его бывшая квартирка, извините за выражение, хреново выглядит. Стилевой разнобой, блин, разных стран и народов. Провинция, старое мышление. Сразу видно, тащили все, что под руку подвернулось. Чешский унитаз, финские обои и югославский гарнитур рядом не фурычат. Не фунциклируют, извините за выражение.

Вечером смотрели шестьдесят седьмую и шестьдесят восьмую серии «Рабыни Изауры» и посмеивались над сопливыми рабовладельцами. Нам бы их заботы!.. Потом тащили двери вниз и привязывали к багажнику черного «форда»...

Ну, поехали!

Навсегда попрощались с Мамой и, разминувшись с автобусом, которым Федор Федорович возвращался из межгалактического путешествия, покатали через обе Европы (Восточную и Западную — Кешу везде знали, было где почевать) в

Мадридский музей «Прадо», а там и через Гибралтар в Рио-де-Жанейро, где Кеша уже договорился выкрасить в черный цвет новый небоскреб Бразильской федерации футбола, — из Сан-Франциско, честно говоря, Кешу недавно выдворили за то, что он... ну, это длинная, бляха-муха, история. О Сан-Франциско Аэлита пока ничего не знала, но ведь и в Рио-де-Жанейро она еще не была. Все на этой Земле надо посмотреть: и музей «Прадо», и Ламанчу, и Бразильскую футбольную федерацию. Правда, сейчас ее больше волновало то, что на таможне потребуют визу и заграничный паспорт, но когда подъехали к пограничному столбу, Сын Неба неопределенным жестом показал на «форд», Аэлиту, двери и небрежно бросил:

— Это со мной.

И таможенники, предупрежденные МИДом насчет повой Кешинной жены, решили не связываться с этим всемирно известным психом:

— Открывай ворота! Пусть катится! Дуракам везет — такую жену оторвал!

И подержанный «форд» гордо переехал границу, обдав грязью какого-то ехавшего к нам деловара-буржуя в шикарном «мерседесе-бенце».

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Раз не столь умен твой ав-,
Как Хуан Латино слав-,
Негр, ученостью извест-,
Щеголять не смей латынь-.
Раз где тонко, там и рвет-,
Древних все не цити-,
А не то иной чита-
Разберется в чем тут де-,
И подумает с улыб-:
«Что же ты меня моро-?»

*Мигель Сервантес.
Пролог к «Дон Кихоту»*

Пожалуй, менее всех сошел с ума в этой истории именно тот, кого заперли в сумасшедший дом. Федор Федорович с утра сидел на прикрученной к полу койке (чтобы не плавала

в невесомости) и председательствовал в ученой дискуссии о происхождении Тунгусского метеорита, когда белый робот принес долгожданное сообщение о выходе Федора Федоровича в космическое пространство.

Инопланетяне принялись поздравлять его, но выход в открытый космос затянулся на целый день — то Главный Штурман еще не вернулся из разведки с Летящей звезды Барнарда и некому подписать пропуск в переходную шлюзовую камеру, то Младший Хранитель Ключей ключи потерял, и некому выдать чемодан с пирожками. То, наоборот, некому принять синюю робу. То то, то это. То обедать пора, то ужинать. Куда же в космос, не поужинавши?

Как в дурдом — так сразу, а как выйти — надо всю жизнь ждать.

Поэтому тунгусский спор продолжался с утра до ужина. Говорили все разом, и остается только догадываться, какие фразы принадлежат именно Федору Федоровичу:

— А по-моему, Тунгусский метеорит удобнее всего искать на реке Тунгуске в Тунгусии — там, где он потерялся.

— Там уже искали и не нашли. Искать его надо в 1906 году, когда он упал.

— Ничего-ничего, когда-нибудь все равно обязательно найдут.

— Зачем так категорично — «обязательно найдут»? А если и найдут, то почему именно «обязательно»? Что они, умнее нас? География — она большая... Попробуй побегай, не зная за чем.

— Всему виной расширение континентов. Там, где раньше была Тунгуска, теперь что? Полюс сместился! Вот и приходится искать Тунгусский метеорит где?

— Ну, где?

— Друзья мои, выслушайте меня!..

— Значит, Тунгусский метеорит находится в другом месте?

— А вот за такие слова повезут тебя с Черного моря в Тунгусию комаров кормить!

— Ну, ты! Пролетаешь — так пролетай и не каркай!

— Друзья мои...

— Я часовщик. Вот что говорит наука о Тунгусском метеорите: летел он, понимаете, не как все нормальные метеориты, а задом-наперед.

— Вверх ногами?!

— Нет. Он летел против течения времени. Из будущего в прошлое через настоящее. И упал в 1906 году. Значит, в 1905 году его уже можно искать, он уже там существует.

— Оригинально! А если он летел не вдоль, а поперек оси времени? Получается, что он все время летит поперек минутных стрелок и каждый день упадет в районе Тунгуски!

— Я вас понял! Его нужно искать, когда кому в голову взбредет, в любом месте земного шара — хоть до нашей эры! Но кто будет финансировать экспедицию?

— О чем я и толковал.

— А я слышал, что Тунгусский метеорит состоит из анти-вещества.

— Это уже пройденный этап.

— Газ взорвался, нефть пошла. Метеорит тут ни при чем.

— Это ма-аленькая-ма-аленькая комета!

— Ой, я газовую плиту потушил, когда меня забирали?!

— Мура это все. Тунгусского метеорита никогда в жизни не существовало.

— Как вы сказали?

— Как сказал, так и сказал. Не было его.

— Оригинально! А очевидцы?

— Друзья мои...

— Не было очевидцев.

— Ор-ригинально! А поваленные деревья в тайге?

— Не было деревьев. Я не видел.

— Ор-ригинальная гипотеза!.. А фотографии, а научные экспедиции?

— Всего этого не было. НЕ БЫ-ЛО.

— А экспедиция Кулика?!

— Кулик ходил по болоту.

— А Аристарх Кузнецкий?!

— Ой, не могу!

— Ор-ригинально... Вы ищите Тунгусский метеорит, чтобы доказать, что его не было...

— Я его не ищу. Что вы заладили — ор-ригинально, ор-ригинально...

— А что вы все — небылонебылонебылонебылонебылонебылонебыло...

— Друзья мои, перестаньте ссориться! — в который раз призвал Федор Федорович.

И так до самого ужина.

Наконец, все было при нем: справка о выходе в космическое пространство, двубортный костюм, чемодан и сломанный вечный двигатель. Федор Федорович раздал своим членистоногим друзьям окаменевшие пирожки с повидлом и пожелал им счастливого пути и мягкой посадки в Крабовидной туманности.

Он спешил домой, но вернулся слишком уж поздним вечером, когда у Дома на набережной еще не рассеялись запах духов «Черная магия» и дымок от черного «форда». Федор Федорович насторожился, но не поверил запахам. Во тьме на ощупь поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру... Потом постучал, но стука не услышал. Зажег спичку. Дверь почему-то превратилась в черный дерматиновый пуфик, обитый серебристыми гвоздиками, — при желании эту дверь можно было бы сравнить со звездной панорамой в планетарии. Но Федор Федорович испугался. Он пнул эту страшную дверь ногой, хотел открыть ключом — но замок тоже сменили.

Все изменилось, хотя номер квартиры остался прежним.

Федор Федорович разогнулся, вышиб плечом звездную дверь и ворвался в квартиру.

Это была и его, и не его квартира. Он не мог сообразить, что здесь изменилось... Шлепанцы в прихожей были его, и огнетушитель — тоже; но все остальное изменилось. В комнате на крюке висела граненая, как стакан, люстра... Стол стоял, полированный... Вместо книжных стеллажей какие-то полированные и стеклянные то ли шкафы, то ли буфеты, в которых многократно отражался Федор Федорович. Скользящий пол какой-то...

Вошел на кухню — там черт знает что. Вся в белом кафеле, как мужской туалет в психдиспансере. Опять кто-то газовую плиту притащил...

Заглянул в совместный санузел — знакомый рыжий таракан бежал по голубому унитазу. Федор Федорович на коньках подъехал к окну и выглянул. На улице тоже что-то не так... Луна, думая, что ее не видят, шлохала духи «Черная магия»... Вечный мусорник куда-то исчез...

Все, все изменилось!

«Книги!» — вспомнил Федор Федорович.

Книги он обнаружил в югославском буфете — целую полку блистающих макулатурных книг, которые Мама с Людмилой Петровной рекомендовали ему читать взамен сожженных. Федор Федорович с жадностью стал разглядывать корешки...

Тут были «Анжелика», «Проклятые короли» и прочие пирожки с повидлом.

Федор Федорович беспомощно заскользил по паркету.

Ага, вот, кроме шлепанцев, еще что-то знакомое... Все-таки это его квартира!

Он схватил лежащую на софе «Аэлиту».

«Дорогому папочке,— прочитал он,— от любящей доченьки. Вышла замуж за Сына Неба. Не обижайся. Ждем тебя в Сан-Франциско. Кеша пришлет вызов. Твоя Аэлита».

Федор Федорович постоял, подумал и пробормотал:

— А я остаюсь с тобою... Не нужен мне берег турецкий...

Кажется, он по-настоящему начал сходить с ума. Всю ночь он ходил по паркету и пел эту старинную песенку: «А я остаюсь с тобою, родная навек сторона...» Иногда замолкал, останавливался, открывал паудачу «Аэлиту» и вслух прочитывал несколько фраз.

«Вот отчего текли слезы по морщинистым щекам Лося,— читал Федор Федорович.— Птица пела о той, что осталась за звездами, и о седом морщинистом, старом мечтателе, облетевшем небеса».

От этого чтения, пения и топота проснулось районное начальство. Свет оно не включало и заходить в квартиру боялось. Так всю ночь и слушало: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна».

Утром Федор Федорович под дождем без пиджака и без зонтика отправился в «Продмаг». Поковырял пальцем черный фасад Дома на набережной. Специально пересек асфальтированный мусорник и топнул по нему ногой. Там, под асфальтом, что-то забулькало.

Федор Федорович утвердился в своем намерении. В «Продмаге» он попросил продать черную бельевую веревку. Варвара Степановна испугалась и ответила, что у нее в «Продмаге» никакой веревки нету, вот вам крест, Федор Федорович. Выпейте водички, вы писквозь промокли.

Но Федор Федорович и в лучшие времена не пил, разве что бутылку на четверых в кустах сирени. Он отправился в ошупенный пустой универмаг, но Варвара Степановна успела предупредить:

— Черную веревку не продавать! Никакую не продавать!

К его приходу все веревки попрятали, универмаг вообще опустел. Но Федор Федорович и тут не настаивал и жалобных книг не требовал. Вообще, не собирался превращаться из

Дон Кихота в Бонапарта, чтобы мстить за поруганные книги и крушить районное начальство. Он просто ходил по пустому универмагу и приглядывался к мужским галстукам. Ему понравились самые длинные, цвета хаки. Примерил к шее, купил три штуки и вернулся домой. Звездная дверь в потусторонний мир осталась открытой, но в нее никто носа не сунул.

Федор Федорович связал два галстука морским узлом и опять примерил. Третий галстук не понадобился. Он залез грязными ботинками на полированный стол и принялся снимать люстру. Потолок был невысок, удобно. Аккуратно отсоединил провода, снял люстру, подвис на крюке. Крюк держался мертво — Вова-электрик, наверно, впервые в жизни не схалтурил.

Все правильно. В самом деле, что оставалось делать Федору Федоровичу? Айзек Азимов не ответил, Рэй Брэдбери прислал отписку... Превращаться в Бонапарта, уезжать в Сан-Франциско или идти начальником штаба гражданской обороны сахарного завода?

Все правильно.

Федор Федорович начал вязать петлю, хотя мешал узел на галстуках. Но узел — не беда.

«Кажется, все», — подумал Федор Федорович.

Он опять взгромоздился на стол и привязал галстуки к крюку — тоже морским узлом.

Да, забыл, нужно написать предсмертное послание Дон Кихота скифским запорожцам и сказать им все, что он о них думает.

Для этого дела нужны карандаш и бумага, соображал Федор Федорович, но как их пайти в этом потустороннем мире?

Пока Федор Федорович искал карандаш, на подоконнике трагически зазвопил испорченный вечный двигатель... Как он туда попал? Возможно, Федор Федорович поставил его туда? Может быть. Реальной представляется другая версия — будильник САМ очутился на подоконнике. Все простые вещи любили Федора Федоровича — и огнетушитель любил, и погибший в костре черно-белый телевизор любил, и выброшенное на свалку самораскладное кресло любило, а теперь вот испорченный вечный двигатель забрался на подоконник, вопил благим матом и мешал умирать Федору Федоровичу. (А карандаш попросту спрятался на софе под Аэлитиной подушкой и тянул время, чтобы Федор Федорович одумался.)

Федор Федорович не собирался бить будильник по голове. Он ожидал, когда тот охрипнет и замолчит. Но испорченный будильник завелся и не хотел останавливаться: вопил, и вопил, и вопил... Нельзя же, в самом деле, вешаться под этот вечный звон в ушах...

Федор Федорович подошел к окну и, как собаку, погладил испорченный будильник по голове. Тот захлебнулся, закашлялся...

«Дождь вроде затих...» — глянул в окно Федор Федорович. И еще он увидел в окне: на новую асфальтовую площадку, которая потихоньку опять превращалась в мусорник, въезжал огромный грязный автомобиль.

«Мерседес-бенц», — подумал Федор Федорович, успокаивая будильник.

Из грязного «мерседес-бенца» выбрался невысокий, толстоватый, буржуазного вида пожилой человек с тяжелой тростью. Его встречала целая свита из районного начальства. Мама раскрыла над этим буржуем черный зонт. Людмила Петровна переводила, начальство внимало, а к подъезду Федора Федоровича мчалась по лужам толстопятая Варвара Степановна с телеграммой из Министерства иностранных дел.

— Мистер Герберт Уэллс спрашивает... — переводила Людмила Петровна, — ...какого черта вы тут делаете во мгле семьдесят пять лет?

— Переведите, что мы ему покажем сахарный завод, — отвечало начальство.

Варвара Степановна вбежала в квартиру и отчаянно закричала:

— Федор Федорович! К вам Герберт Уэллс приехали!

РЫБА ЛЮБВИ

Игорь Кистенев только-только закончил школу, а уже влюбился в женщину старше его на семь лет. Она имела такой бюст, что одним махом могла убить человека, но Игорь-ка это не пугало, потому что рост у него был 196 сантиметров, а вес — 96 килограммов. Он уже два раза почевал между ее душистыми грудями, перестал заниматься поступлением в политехнический институт и на третье свидание пришел объясняться в любви, чтобы жениться.

Он, конечно, бросался на мельницу, что, впрочем, свойственно его возрасту.

— Здравсьте, всю жизнь мечтала! — удивилась Валентина, запыхавшись после любовных утех.— Выйти замуж и потерять такого любовника!

Отказывая, она льстила, а Игорек все больше и больше терял голову. Он настаивал. Он неплохо знает женщин и путем сравнения понял, что Валентина лучше всех своим характером, духовным миром, ну и... женское тело в любви не последнее дело.

Валентина обещала подумать над этим неожиданным предложением, но когда Игорек явился за решающим ответом, в ее комнате сидел, раположившись по-домашнему, какой-то незнакомый Игорьку мужчина с тоскливым взглядом и помещивал чай серебряной ложечкой — той самой, которой позавчера помещивал Игорек. Оказалось, что этот незнакомец — начинающий писатель, но ему уже сорок пять лет, а что будет дальше — неизвестно, потому что весной его не приняли в члены Союза писателей, хотя у него издана книга рассказов, а также множество журнальных публикаций.

— Вот вы, молодой человек огромного роста...— тоскливо сказал незнакомец, которого звали Аркадий Григорьевич Серов,— как вы считаете, сколько нужно издать книг, чтобы числиться писателем?

На что Игорек честно признался, что он в этом вопросе «некопенгаген».

— Тогда я отвечу за вас,— помог ему Аркадий Григорьевич, прихлебывая чай и все больше пьянея, ибо это была смесь чая с кагором, которая, говорят, хороша от простуды.— Можно написать полное собрание сочинений в двенадцати томах и не быть писателем. А можно издать толенькую книжечку и после этого умереть. Мой вам совет, молодой человек,— пишите правду! Правду, и одну только правду. Я имею в виду Правду с большой буквы...

— Но я не пишу,— застенчиво сказал Игорек.

Аркадий Григорьевич тяжело задумался и спросил:

— А стихи? В стихах, думаете, не пужна правда?

Но и стихов Игорек никогда не писал и впервые в жизни почувствовал себя обделенным и неполноценным.

— В конце концов не всем дано заниматься литературой,— утешил его Аркадий Григорьевич.— Но вы должны понять, что Правда важна не только в литературе! Я призываю вас правдиво жить, хотя это настоящая каторга. Вот, кстати...

Аркадий Григорьевич за чем-то вышел в коммунальный коридор, где висели его плащ и зонтик, а Игорек принялся ревниво расспрашивать Валентину о значении в ее жизни этого начинающего писателя. Оказалось, что Аркадий Григорьевич питает к Валентине любовь чисто платоническую — несколько раз в году, когда от него уходит жена, он навещает Валентину, пьет свой чай с кагором и рассуждает о Правде в искусстве. А она жалеет его, поддакивает и сострадает. Аркадию Григорьевичу этого достаточно, и он, кажется, очень напуган появлением на авансцене молодого соперника.

Наконец Аркадий Григорьевич вернулся на мрачного коммунального коридора, где его подстерегали опасности в виде склочных соседей, и принес потрепанный номер журнала «Тундра», издающийся где-то на краю света, за Полярным кругом. Там был опубликован его любимый рассказ «Рассвет над морем», и Игорек должен был немедленно прочитать его, чтобы уяснить, что же такое правда в искусстве.

Рассказ начинался словами: «У девушки была беда, и она пришла к морю до восхода».

Дальше сюжет развивался так: девушка разделась догола и поплыла далеко-далеко, за буйки.

«Небо было синее, море соленое и мутно-стеклянное; тело у нее было девичье, мягкое...» — короче, к началу десятой

страницы Игорьек с тревогой начал догадываться, что девушка собралась из-за своей беды утопиться.

«Скорость девушки оставалась неизменной и нарушалась только переходом от стиля к стилю...» — читал Игорьек и не мог понять, чего это она, дура, собралась топить? А если уж собралась, то зачем так далеко плыть? Но дальше...

«Она устала, легла на спину, и над водой осталось только лицо и соски с розовыми пятчиками в основании...» — Игорьек поначалу не понял, при чем тут соски, и вообще, о каких сосках идет речь, потому что ударение поставил на «о»... но потом догадался, и эта правдивая деталь ему очень понравилась, и он похвалил Аркадия Григорьевича за «соски»:

— Смелая детали!

Тот устало кивнул, принимая похвалу.

Поглядев на восход солнца, которое рассеяло ее самоубийственное настроение, девушка лихорадочно поплыла к берегу, но тут ее схватила судорога, и она, закричав, потеряла сознание. На ее счастье, невдалеке сидел в лодке старый рыбак и, услышав девичий крик, пришел на помощь. Пенсионер затянул русалку в лодку, привез на берег к платью, откачал и, благородно отвернувшись, предложил одеться и пойти домой.

— Ну как? — тревожно спросил Аркадий Григорьевич, и Игорьек, поняв уже, что в искусстве главное — Правда, похвалил рассказ именно за Правду, а за что еще хвалить, он не знал.

Удовлетворенный Аркадий Григорьевич подарил Игорьку на память журнал с автографом, поцеловал Валентине руку и удалился, а Игорьек наконец приступил к своим личным делам. Он был вполне успокоен ролью Аркадия Григорьевича и пожалел того за странности и служение Правде — надо же, никак не может понять, что на свете существуют люди, которые не пишут стихов и рассказов!

Оставался невыясненным главный вопрос: пойдет ли Валентина за Игорька замуж?

Но на этот вопрос она ответила только утром. Она заявила, что им надо проверить свои чувства, а для этого существует один верный способ...

— Разве я не доказал? И все, что между нами? — удивился Игорьек.

Но Валентина имела в виду другой способ. Им надо на время расстаться, сделать перерыв в этих утомительных от-

пошениях. Секс не главное в жизни женщины. Это она к тому говорит, что еще зимой приобрела бесплатную профсоюзную путевку в санаторий на август месяц — и не за Полярный круг, а в Одессу. В общем, она отправится в санаторий, а Игорьек будет спокойно поступать в политехнический институт, потому что, даже если они не женятся, то его диплом о высшем образовании пригодится какой-нибудь другой его будущей жене... Тем более что вчера Валентину посетил отец Игорька и сказал, что «если она, сука, не отлипнет от его сына, которому надо искать свой жизненный путь, то он ей ноги поотрывает и вставит спички».

Игорька так и подбросило!

Динозавры заговорили и влезли сапогами в его чистую любовь! Но на них плевать! У Валентины есть милая компанушка, и они, женившись, будут здесь жить. На соседей тоже плевать, Игорек их усмирят. А политехнический институт подождет, и на жизнь семье он легко заработает, потому что его давно приглашают в баскетбольную команду ЦСКА, а там и до сборной страны рукой подать — вот только надо сбросить вес, чтобы легче передвигаться по площадке.

И настало утро, и загремела на общей кухне посуда, и засвистели сразу четыре чайника, и сосед Валентины начал сморкаться в умывальник перед работой, а дежурившая по графику соседка плюнула вслед громадной тети, прошагавшей по мрачному коридору к входной двери. А Игорек за ночь потерял четыре килограмма — и в парную ходить не надо.

Через неделю Валентина уехала в Одессу, а Игорек, закрытый динозаврами на ключ, выпрыгнул со второго этажа и примчался на такси на вокзал, чтобы проститься со своей возлюбленной, но поезд уже ушел. Увы! Зато на перроне он встретил Аркадия Григорьевича Серова; рядом с ним стоял насупленный мордоворот, который, оказывается, тоже провожал Валентину. Кем он ей приходился — загадка. Может быть, родственником? Аркадий Григорьевич размахивал перед его носом свежим журналом «Тундра» и, увидев бегущего Игорька, крикнул:

— Опоздали, молодой человек!

Нет, мордоворот не был родственником Валентины. Он, ревниво сопя, заявил, что «является сторонником прямого мужского разговора», и пригласил Игорьку и Аркадия Григорьевича в привокзальный ресторан. Там он заказал сразу две бутылки армянского коньяка по 28 рублей, потому что ниче-

го дешевле не было, и стал объяснять им, что, во-первых, пусть молодой человек не обижается, но он сейчас должен искать свое место в жизни и целоваться с ровесницами, а не лезть туда, где рискуют жизнью настоящие мужчины; во-вторых, пусть Аркадий Григорьевич перестанет размахивать своим журнальчиком, никаких его рассказов он не читал и читать не собирается — здесь пока еще ресторан, а не избачитальня, и Валентине вообще не нужны никакие писатели; в-третьих, он, мордovorот, которого зовут Василий Фоменко, работает на сталепрокатном заводе бок о бок с отцом и братьями из династии Фоменко, а Валентина служит на том же заводе чертежницей-копировщицей, и он, Василий, уже приводил ее в дом на смотрины и возьмет ее себе в жены вместе с чужим ребенком — это решено на семейном совете.

— С каким ребенком?! — опешили Игорьек и Аркадий Григорьевич, а Василий Фоменко, вздохнув, улыбнувшись и допив свою бутылку коньяка, подозвал официанта, заплатил за всех, на чай не оставил и удалился.

Но последуем за Валентиной.

Ехать в скором поезде было неустойительно, потому что ее развлекал один товарищ — веселый, спортивный и глупый как пробка. Он возвращался из Костромы с мотоциклетных гонок, где был запасным гонщиком в команде города Житомира. Он вез с собой огромную коробку, в которой лежал мельхиоровый, похожий на серебряный, командный кубок стоимостью в пятьсот рублей. Кроме них, в купе сидели два итээра из Киева и дулись в преферанс с болваном. («Болван» — это карточный термин, а не одушевленное лицо.) Они хотели привлечь к игре мотоциклиста, но тот глядел исключительно на Валентину и пригласил ее в вагон-ресторан, на что киевские итээры, которых женщины не интересовали, понимающе причмокнули губами.

Пробираясь через полпоезда в вагон-ресторан, мотоциклист пропустил даму в тамбур первой, чтобы рассмотреть ее со всех сторон. В ресторане он тайком пил собственный житомирский самогон и материл калужскую милицию, отобравшую у него права, и он теперь вынужден трястись в поезде «безо всякого удовольствия», когда все ребята победителями катят на мотоциклах из Костромы в родной Житомир.

Говоря об удовольствиях, он намекал, но Валентина намека не поняла, потому что как-то не видела возможности получить удовольствие в переполненном скором поезде, да еще

с мотоциклистом. А тот хотел попросить киевских итээров выйти из купе на длительный перекур, но все же сомневался, не схлопочет ли по морде от прекрасной незнакомки за столь непристойное предложение. Тогда он решил намекнуть еще прозрачней и стал расхваливать калужскую милицию за то, что ему предоставилась возможность познакомиться с такой «очаровательной английской леди». Не вернуться ли им в купе, чтобы и картежники смогли посетить ресторан?

Валентина, опять не поняв намека, согласилась, а мотоциклист в спешке приобнял ее в одном из вагонных переходов; и английская леди, от неожиданности двинув локтем, выбила ему верхний передний зуб под грохот колес.

А киевских итээров в купе не оказалось, потому что это были никакие не итээры, а самые обыкновенные прилично одетые карточные шулера, и вышли они из поезда бог знает на какой предыдущей остановке, прихватив с собой мельхиоровый командный кубок стоимостью в пятьсот рублей, заподозрив его в серебрениости.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — растерянно сказал проводник, когда началось разбирательство.

Спасибо шулерам, хоть пожалели Валентину и не уволокли ее чемодан, зная, что ничего драгоценного в нем не предвидится. А схвачены они были через две недели в Тамбове при попытке сбыть этот кубок в комиссионном магазине... Фраера, что же с командным кубком лезет в комиссионный магазин?!

Так что мотоциклисту было больно как физически, так и морально, и Валентина уже готова была его пожалеть, но он обругал ее последними словами, за что получил справедливую пощечину при свидетелях из железнодорожной милиции.

Зато дальше поезд шел без приключений, опоздав в Одессу на те полчаса, в которые составлялся протокол о пропавшем кубке.

В Одессе стояла жара; солнце, как поется в известной песне, светило прямо в глаз, по небу редко-редко проплывали кудрявые облачка, по морю гуляли барашки и так далее... а если днем в городском транспорте попадался белый человек, то это, верно, был какой-нибудь одессит, удравший с работы и едущий на пляж впервые в этом году.

Кстати, выяснилось, что санаторий находится не в Одессе, а в деревне с совершенно удивительным названием Женева — на сорок седьмом километре по старой дороге в Нико-

лаев. Поэтому Валентина была немного разочарована, и ей пришлось пробираться с тяжелым чемоданом от поезда к автовокзалу в пятом номере трамвая, где на нее пялил глаза какой-то очень уж черный негр в белой простыне, но места не уступил и чемодан поднести не помог. В общем, Валентине было жарковато и страшновато в славном городе-герое Одессе.

В Женеве она была устроена в одну комнату с двумя дамами из породы «никому не дам», тщательно скрывавшими свой далеко забальзаковский возраст. И верно, два дня они не давали Валентине спокойно жить и не подпускали к ней мужчин старше пятнадцати лет. Эти сердобольные дамы составили агрессивный план против незамужества Валентины и собирались выгодно продать ее в рабство — вернее, выдать замуж за таинственного отсутствующего отдыхающего, уехавшего в Одессу покупать «Жигули», и два дня жужжали о нем Валентине.

Наконец отсутствующий отдыхающий вернулся. Это был невысокий и толстенький колобок, искатель золота из Магадана. Он таки приобрел в Одессе «Жигули» и теперь решил подыскать себе жену, потому что этот отпуск был его последним шансом — осенью ему исполнялось пятьдесят. Он понравился Валентине своей солидностью. Она втайне мечтала о мужчине, на которого можно положиться, не боясь, что придут его родители и скажут: «Оставь в покое нашего мальчишка!»

Магаданец же влюбился в Валентину с первого взгляда той самой поздней и последней в жизни любовью, на которую только был способен. Ему правилась она вся, от пяток до макушки, от умения молчать до неумения связно излагать свои мысли, которых, в общем, было немного. Валентина как-то чертовски здорово умела сострадать, что в переводе означает «страдать вместе с кем-то», и заслуга магаданца в том, что он сказал Валентине об этом, и она начала догадываться, что к ней потому все так лынут, что она никому не отказывается в сострадании; а вот сама за себя страдать она не умеет, с нее все ее беды — как с гуся вода; и оттого она такая счастливая, что у нее нет своих страданий, и оттого такая несчастливая, что страдает за тех, кто их имеет.

Кроме всей этой чепухи с состраданием, магаданцу нравилось ее умение плотно поесть и хорошо выпить, на что он сам в пятидесятых годах был большим специалистом, пока не заработал язву желудка.

Магаданец решил сделать Валентине предложение, но, понимая солидность своего возраста и запросы Валентины, решил основательно подготовиться к этому шагу. Каждый вечер он увозил Валентину на «Жигулях» в Одессу (благо — рядом) и создавал ей там сладкую жизнь за деньги, которые магаданцы успешно зарабатывают, — и «Гамбринус», и рестораны, и оперный театр, и купанья при луне; и еще магаданец купил в какой-то подворотне на Дерибасовской кожаное пальто за тысячу рублей для своей младшей сестры, которое (пальто) Валентина примерила в той же подворотне, потому что была одного роста с этой несуществующей сестрой.

Мимоходом магаданец посетил на дому одного полукооперативного-полуподпольного врача на предмет всестороннего исследования.

— Гуляйте, пока молоды! — посоветовал старикашка-врач, который уже не лечил, а только давал консультации. — Вам нужна женщина, и все пройдет.

Пока магаданец консультировался, главврач санатория тоже решил приударить за Валентиной и стал соблазнять ее казенным спиртом и японскими видеокассетами, на что Валентина ответила ему стихами:

Если каждому давать,
Поломается кровать!

Главврач оскорбился, и вскоре администрация санатория официально предложила Валентине держать на высоте свою девичью честь, иначе она в двадцать четыре часа вылетит из их заведения с сообщением по месту работы о своем поведении с магаданцем.

А какое, спрашивается, поведение? «Жигули», «Гамбринус» да купанья при луне...

Магаданец тоже оскорбился и объявил, что ноги его здесь не будет. Он разбил палатку у самого моря за санаторным пляжем, где и поселил Валентину, которая свои беды близко к сердцу не принимала, а сам спал рядом в «Жигулях» и готовился сделать ей предложение.

Беспорядочный пустырь, где они расположились, никому не принадлежал, потому что находился между землями колхоза «Росток индустрии» и территорией санатория. В прошлом году санаторий поставил здесь деревянные грибки, но колхоз раздавил их трактором и построил продовольственный кооперативный ларек, который так долго пустовал, что шоферы,

проезжавшие мимо по старой николаевской дороге, стали использовать его не по назначению. Вскоре ларек снесли по настоянию санитарно-эпидемслужбы, а санаторий, в свою очередь, воздвиг здесь загадочные деревянные кабинки.

Так что место в самом деле было беспризорное и немного мрачное, потому что вскоре пришел какой-то мрачный мужик и от имени председателя колхоза «Росток индустрии» предложил очистить пустырь. Но магаданец дал мужику пять рублей, и тот ушел. На следующий день к ним наведалься участковый уполномоченный и попросил предъявить документы. Магаданец предъявил служебное удостоверение, и участковый уполномоченный отдал честь, потому что магаданец оказался большим на Магадане человеком.

Наконец появился сам председатель колхоза в старомодной соломенной шляпе, за ним ехал бульдозер. Председатель ни в какие разговоры вступать не стал, а только спросил с нескрываемой несправедливостью к дармоедам:

— Уедешь или нет?

И, получив отрицательный ответ, вырыл вокруг «Жигулей» широкую глубокую канаву и удалился.

В Одессу они больше ездить не могли, а прятались в «Жигулях» от комаров.

И вот магаданец сделал Валентине предложение. Он без ума от нее. Такой жизнелюбивой девушки он никогда не встречал. Он так любит ее, что не смеет к ней прикоснуться.

Но Валентина ответила, что она приехала сюда отдыхать, а не выходить замуж. Она каталась с ним потому, что он ей отцы гонится, а теперь и он туда же... Непонятно, почему ей встречаются только такие мужчины, которые хотят на ней жениться? Им что, свобода надоела?

— Это странно... — сумрачно удивился магаданец, не ожидавший отказа. — Это удивительно... За мной охотится десятка два приличных женщин разного калибра, потому что я выгодный жених. Я их не катал, как вас, ни на «Победу», ни на «Москвиче», ни сейчас на «Жигулях» и ни одной не сделал предложение, хотя и спал со всеми. А вас я дни и ночи соблазняю своим положением, а вы не хотите... Хотите, продам «Жигули» и куплю черную «Волгу»? Подумайте! Хотите, напишу завещание в вашу пользу? Лет через пятнадцать я отдам концы и вы станете обладательницей...

Тут Валентина заплакала, потому что оскорбилась — не за себя, нет, за магаданца, который думал о смерти и предлагал

ей свое имущество, и почувствовала себя дряхлой бабой, которая довела мужика до таких страданий. Она собрала чемодан и пошла по нейтральной территории куда глаза глядят, не зная, что ей дальше делать... Может быть, утопиться на восходе солнца в обнаженном виде, как в правдивом рассказе Аркадия Григорьевича Серова?.. Как вдруг увидела поразительную вещь: над загадочными санаторными кабинками стоял на стремянке красавец в желтой майке с изображением грузовика 1913 года, держал консервную банку с изумрудной краской и кистью выводил над кабинками таинственную надпись:

«ДУСИ И ВАНИ».

— Что это значит? — спросила изумленная Валентина, доглядев, как художник, играя бицепсами, нарисовал точку.

Но тот уставился на ее бюст и ничего не ответил, потому что был глухонемым.

Этот глухонемой был самым великим художником по части написания букв. Он возил в своем чемоданчике кисти, краски, разбавитель и толстенный альбом с образцами ровно одной тысячи шрифтов: косых, рубленых, прямых, вязью, старославянских, готических — всех не перечислить. Он работал художником-оформителем в Одесском обществе глухонемых, а здесь оказался в порядке воскресной халтуры, открыв, что в Женеве ни разу не ступала нога настоящего художника. Единственным его недостатком было то, что он писал так, как говорил, а говорил он совсем неразборчиво, и потому «ДУСИ И ВАНИ» означали «ДУШИ И ВАННЫ».

Итак, он прибыл на халтуру, остановился в Доме колхозника и уже успел написать колхозу «ТОСКА ПОЧЕТА», на которой первым висел портрет того самого хмыря-механизатора, который взял у магаданца пять рублей.

Новый знакомый показался Валентине очень интересным человеком, потому что, во-первых, глухонемых знакомых у нее еще не было, и, во-вторых, ей давно надоели все эти разговоры про любовь и замужество, а глухонемой молчал не только об этом, но и обо всем на свете. Ну и, конечно, она пожалела его за глухонемому, хотя он и не жаловался.

Они поселились у него в Доме колхозника, который тоже носил название «РОСТОК ИНДУСТРИИ». Там был один коридор и две двери. Председатель колхоза закрыл глаза на это беспутство, надеясь, что без Валентины магаданец на

пустыре долго не протянет и придет на поклон насчет засыпки канавы вокруг «Жигулей». Потом еще председатель боялся, что глухонемой обидится и уедет, не исправив ошибки в «ТОСКЕ ПОЧЕТА» и не завершив другие недостатки в колхозном художественном оформлении, за что с головы председателя могла слететь соломенная шляпа — с этим у нас строго.

Так и стали они жить в «Ростке индустрии», откладывая исправление своих ошибок на потом; но и магаданец, обладая длительным северным отпуском с отгулами, решил во что бы то ни стало жениться на Валентине. Он бродил вечерами вокруг Дома колхозника и боялся глухонемого, когда тот грозил ему кулаком из окна. Однажды в окне сверкнуло что-то бронзовое — это была загоревшая спина раздевавшейся Валентины.

Прошла неделя, и магаданец воспрянул духом, потому что увидел, что его соперник явным образом сдал, похудел и ходит какой-то сонный. В очередной халтуре для санаторного кинотеатра он сделал совсем уже глупую ошибку, написав на афише «РЫБА ЛЮБВИ» вместо «РАБА ЛЮБВИ». Валентина очень смеялась, чем вывела глухонемого из себя, потому что он обижался, когда над ним смеялись.

Тем временем на сталепрокатном заводе, где работала Валентина, разыгрывался скандал. Донос из санатория о поведении Валентины попал в руки ее шефа — начальника планового отдела, который давно сулил бросить ради нее жену, детей и квартиру и под этим предлогом заманивал Валентину в нефункционирующую техническую библиотеку, ключ от которой хранился у него. Но Валентина его с презрением отвергала, потому что на работе нужно работать, а не заниматься посторонними делами, для которых есть свое время.

И вообще, что за дела — разбивать семьи!

Начальник планового отдела, затаив обиду, запланировал обратить санаторный донос в свою пользу, показал письмо главе династии Фоменко, и тот сгоряча, не отходя от прокатного стана, запретил своему сыну Василию приводить в дом эту шлюху, тем самым открыв зеленую улицу грязным посягательствам начальника планового отдела, интеллигентного, черт возьми, человека!

Аркадий же Григорьевич каждый день топтался у коммунальной двери с кагором и с журналом «Тундра» подмыш-

кой, звонил и разочарованно узнавал у соседей, что «эта особа еще не вернулась».

Но особый интерес для повествования представляет поведение первого любовника, Игоря Кистенева, успешно провалившего вступительные экзамены в политехнический институт, взявшего пятьдесят рублей из родительского серванта и летевшего сейчас на крыльях в Одессу к объекту своей любви. Прибыл он поздним вечером и всю ночь провел на автовокзале на границе Молдаванки с Бугаевкой, дожидаясь утреннего автобуса в Женеу. Беременная цыганка выцыганила у него последние двадцать пять рублей, пообещав, что погладит ему бесплатно, только ей надо обязательно пощупать какой-нибудь денежный знак. Игорек дал ей пощупать двадцать пять рублей, она спрятала их в лифчик, сказала: «Ну, будь здоров!» — и, степенно качая животом в разные стороны, удалилась, осуществив таким образом сравнительно честное распределение украденных денег. Игорек крайне удивился такому бесцеремонному вероломству. Конечно, он мог бы позвать милицию, но милиции он и сам сейчас побаивался.

Короче, в Женеу он прибыл на рассвете без денег и спросил в административном окошке, в каком корпусе проживает Валентина. (Оказалось, что ее фамилии он не знал, но Валентину здесь все знали и без фамилии.)

— Не в корпусе, а в чужих «Жигулях» на пляже, — злорадливо ответили из окошка.

Магаданец, задумавшись о жизни, пробовал погой, холодная ли вода, когда озверевший от ревности Игорек перемахнул через ров и увидел на сиденье «Жигулей» хорошо знакомую серебряную ложечку, которую Валентина забыла бросить в чемодан.

— Чья машина?! — заорал Игорек, потрясая ложечкой, хотя на пляже находился один магаданец.

— А что надо? — удивился магаданец.

Произошла жуткая сцена: Игорек схватил магаданца за шиворот, подтянул на уровень своего взгляда и стал вытряхивать из него душу, а магаданец лягал его коленями в живот и с ужасом начинал понимать, что если даже пересидит глухонемого, то с этим гигантопитеком ему нечего тягаться.

Увидел и Игорек, что магаданец толст, плешив, золотозуб, и немного успокоился. Оставался, правда, таинственный глухонемой, которого надо было вышибить из Дома колхозника, чтобы Валентина перестала с ним общаться, хотя она с ним

уже не общалась, потому что глухонемой совсем выдохся и стал похож на рыбу любви.

Они отправились его вышибать — впереди Игорек с серебряной ложечкой как с вещественным доказательством, а позади магаданец с кожаным пальто за тысячу рублей, потому что ночи уже были холодными, а Валентине нечем было укрываться. Они пришли и увидели глухонемого, который, собравшись с духом, писал на фасаде Дома колхозника новую халтуру-вывеску — он очень боялся опять сотворить какую-нибудь ошибку, и чем больше боялся, тем чуднее получалась ошибка:

«ПРОСТОЙ ИНДУСТРИИ».

— Вы с ним не связывайтесь,— зашептал магаданец.— Глухонемые дерутся до конца, как сумасшедшие, и даже не ощущают, когда человек теряет сознание. И потом... он может позвать на помощь других глухонемых.

— Эй ты, простой индустрии! — завопил Игорек, пропуская побоку советы магаданца.

Но глухонемой не слышал.

Тогда Игорек пнул ногой по стремянке, и глухонемой обиженно завертел головой.

— Дай пройти, понимаешь?

— У-у-у...— сердито загудел глухонемой.

— Он приехал к Валентине, ясно? — принялся на пальцах объяснять магаданец.— К Ва-лен-ти-не... стре-мян-ка ме-шает... понимаешь?

Глухонемой жестом спросил, в своем ли они уме и чего им нужно?.. Но тут на пороге появилась Валентина, и Игорек онемел от счастья, а глухонемой понял, что пора его любви закончилась, и, не очень-то горя, побежал к автобусной остановке, чтобы вернуться в Одессу в общество глухонемых, где его могли уволить с работы за двухнедельную неявку. На остановке он был схвачен разгневанными председателем колхоза и главным врачом санатория, которым проезжающее начальство учинило разнос за «идеологические ошибки в художественном оформлении» — у нас с этим строго, как уже говорилось. Они, бывшие враги, потрясая руками и хватаясь за головы, провели глухонемого мимо «ДУСИ И ВАНИ», «ТОСКИ ПОЧЕТА», «ПРОСТОЯ ИНДУСТРИИ» и на пальцах объяснили ему:

— Что же ты, гад, с нами делаешь?! Деньги взял, а ошибки не исправил?!

Они отобрали у него чемоданчик с орудиями производства и посадили под арест в «Простой индустрии», сделав из глухонемого кругом во всем виноватого.

А в это время лето кончилось и начался воистину марковский дождь, который собирался с самой весны и уже не прекращался до самого конца этой истории. Канава вокруг «Жигулей» наполнилась водой, и магаданец начал ирригационные работы по отводу дождевой воды в Черное море. Действуя совковой лопатой, он копал отводную канаву, но дождь все лил, и лил, и лил... а «Жигули» все проваливались и проваливались в эту яму и наконец ушли в песок по самые фары; но идти на поклон к председателю колхоза гордый магаданец не собирался.

А Игорек безвыходно сидел на кровати в комнате Валентины и был так счастлив, что даже не думал, на какие шиши вернется домой.

А Валентина стояла у окна, накинув кожаное пальто, и смотрела на проливной дождь... Ее мучила банальная задача, теоретически решенная еще философами прошлого века: она никак не могла понять, почему когда мужчина любит многих женщин — это одно, а когда женщина любит многих мужчин — это совсем-совсем другое? Она кое-что слышала о свободе любви и об эмансипации женщин, но обстоятельно познакомиться с предметом ей не хватало времени — ведь жить ей было совсем не сладко! В условиях бескомпьютеризации ей приходилось чертить и копировать на работе и дома, чтобы содержать себя и дочь, которую она по неопытности родила десять лет назад, страдая вместе с одним студентом-медиком, за что и была переведена из дневной школы в вечернюю. Перепуганный студент перед тем, как дать деру, консультировал Валентину: мол, все дело в биологии, и что лучшим для нее выходом будет муж с таким же темпераментом, но пойти такого крайне сложно, ибо он, студент, судит сам по себе — на холодную кровь он никогда не жаловался, но с Валентиной он чувствует потребность хотя бы месяц побыть монахом. Таким образом студент подвел под Валентину научную базу и смысл. Биология биологией, но Валентина и через десять лет не знала, что ей делать: пострадать ли с Аркадием Григорьевичем Серовым за правду в искусстве? Поступить ли женой в династию Фоменко? Выйти ли замуж за Игорька и

ждать, когда его пригласят в сборную страны по баскетболу? За глухонемого, который слова доброго не скажет? Или за новую «Волгу» золотозубого магаданца?

Кто из них достоин ее сострадания?

Так они и жили до середины сентября в Доме колхозника, и уже главврач санатория и председатель колхоза под одним зонтиком прибегали к ним на поклон и слезно просили:

— Выметайтесь, люди добрые, сезон закончен!

И уже шли тревожные запросы из Магадана: «Где наш начальник?», и уже Игорька искали родители всесоюзным розыском, но милиция не могла предположить, что он находится в Женеве, а магаданец и Игорек целыми днями лежали на кроватях, скрестив руки на груди, и экономили силы, чтобы подольше продержаться и не умереть от голода раньше соперника, ибо даже у магаданцев иногда кончаются деньги. Зато в эти дни магаданцу исполнилось пятьдесят лет, и от голода у него затянулась язва, которую он двадцать лет не мог вылечить всем золотом Магадана. А Игорек от того же голода вырос до двух метров, и ноги свои, просунув сквозь решетку кровати, поддерживал табуреткой.

И ничто на свете их уже не интересовало — даже сообщение о предполагаемом проекте советско-американского совместного полета на Марс, — ничто не интересовало, кроме общего предмета своей несчастной любви. Один лишь глухонемой, сжавшись, выдавал им через день по рублю, и они тащились под дождем в санаторную столовую есть манную кашу: а глухонемой в это время, перегородив стремянкой вход, охранял Валентину, за которой однажды уже приходил участковый уполномоченный в брезентовом плаще и с какой-то повесткой. Потихоньку он также начал исправление своих ошибок, и они теперь выглядели так:

«ДУНИ И ВАСИ».

Глухонемому давно пора было ехать в Одессу искать новую работу, а магаданцу на Магадан искать золото стране, а Игорьку — домой, искать свой жизненный путь, но никто из них ничего не хотел искать, потому что... любовь!

Потому что в слове «ЛЮБОВЬ» даже глухонемой не сделал бы ошибки.

И Валентине тоже ничего не хотелось искать, потому что, во-первых, дождь; а во-вторых, потому что она уже пошла и Игорька, и магаданца, и глухонемого, и Василия Фоменко, и

Аркадия Григорьевича Серова, и хотя все они были страшными людьми, но она выбирала: за кого же ей выйти замуж?

И всех она очень любила — вот только посмеивалась над председателем колхоза, с которого за простои индустрии и за ошибки в художественном оформлении слетела соломенная шляпа и долго-долго катилась с горы по старой николаевской дороге; да еще ненавидела глупого, как пробка, мотоциклиста, который пожаловался на нее такому же, как он, следовательно, и тот, нарушая все юридические нормы, прислал Валентине в Женеву повестку с предписанием явиться в город Житомир в качестве свидетеля обвинения по делу двух карточных шулеров, укравших командный кубок.

ПОВЕСТКА

Нордост возвращается домой, заправляет термос цейлонским чаем и отправляется во двор забивать козла, хотя заведующему отделом культуры городской молодежной газеты приличней играть в шахматы.

За тухлявым столом в ожидании партнеров уже скучают члены дворового генерального штаба: лодочник Семен Выдров (попросту Выдра), рядом с ним тихий человек с тихой фамилией Смирный, а также два алкоголика неопределенных лет и запятий — Вова и Коля. У них нет права голоса. В игру их не принимают, как низший класс, но иногда выпускают на подмену подержаться за домино. Но Вова с Колей ни на что не претендуют, просто хотят культурно провести вечер. Сегодня им повезло — генеральный штаб еще не в полном сборе, и Выдра приглашает их на разминку. Вова мешает камни, Коля заглядывает другу через плечо и готовится давать советы.

Разминка начинается.

Выдра играет, как бог, но все специфические доминошные выражения припасены им к вечернему заседанию, и он пока снисходительно наблюдает, как Вова то и дело рубит собственные концы. Нордост попивает чай, а его партнер Смирный ладонью прикрывает камни от нескромных заглядываний Коли и двумя пальцами аккуратно стыкует «бубочку к бубочке».

Во двор въезжает инвалид Федор Иванович Крюков, съездивший только что на велосипеде из Аркадии в Отраду. Он немного запыхался.

— Куда лепишь! — предостерегает Крюков, но поздно: Вова безнадежно сидит с зарубленным «голым» дублем, а Смирный через ход кончает.

— А ну подвинься!

Вова с Колей с почетом изгоняются из игры. Теперь Выдра играет на пару с инвалидом Крюковым. Это чемпионская пара, равных им нет. Нордост забывает про чай, а Смирный напряженно думает, думает, думает...

— Ставь! Не корову проигрываешь! — торопит Выдра.
— Став не речка,— глубокомысленно огрызается Смирный и ставит.

Народ потихоньку собирается на вечернее заседание генштаба. Является всеобщий любимец — глухонемой художник-оформитель, местный Пиросманишвили. Он специалист по шрифтам и вывескам, но пишет их с потрясающими душу ошибками — недавно по заказу дворничихи на черных воротах им сделано объявление строгим готическим шрифтом:

«ТУТА ЛЕТА НЕТУ».

И прочие, и прочие — двор большой.

Наконец Выдра громоподобно делает рыбу и, пока Смирный, тыча пальцем, подсчитывает очки, достает из кармана свое любимое чтиво — настенный женский календарь, листает и приговаривает:

— Так что скажет генеральный штаб? Какое сегодня число? Так... Одинадцатое апреля. В войну на зенитках кто ездил? Нету таких? Кто же будет ставить?

— А что сегодня такое? — интересуется генеральный штаб.

— День противовоздушной обороны страны!

— Может, не надо, ребята? — говорит Нордост.— Вспомните, что было вчера.

— А вы молчите, Михаил Борисыч,— поспешно отвечает Выдра. (На «вы» в порядке исключения он обращается только к Нордосту.) — Вчера было десятое апреля, святой день освобождения Одессы от немецко-фашистских оккупантов. Немного перебрали.

— Устал я с вами бороться,— вздыхает Нордост.— Ну, пейте, пейте... Недолго осталось.

— Почему «недолго»? — настораживается генеральный штаб.

Нордост загадочно улыбается.

— А что будет? — волнуются Вова с Колей.

— После первого мая будет введен сухой закон,— вещает Нордост.

Ему не верят, хотя знают, что Михаил Борисыч зря болтать не будет. Нет дыма без огня, рассуждает генштаб. Сухой закон у нас не введут, а вот цены на водку повысить могут. Это у нас запросто. Но на этот случай бытует такой стишок:

Водка стала стоить восемь.
Все равно мы пить не бросим!

Передайте главврачу:
Нам и десять по плечу!

Генеральный штаб недолго совещается и принимает решение: день противовоздушной обороны страны следует отметить. Сбрасываются и отправляют Вову с Колей в магазин. Те летят, как на крыльях, и вскоре возвращаются с четырьмя бутылками-фаустпатронами молдавского портвейна одесского разлива с белым айстом на этикетке.

Генеральный штаб пьет за здоровье противовоздушной обороны страны и закусывает свежим батоном.

Свое ежедневное участие в забивании козла Михаил Борисович глубокомысленно оправдывает тем, что козел — народная игра и его били, бьют и будут бить по всей стране от Черного до Баренцева морей...

Он где-то прав.

Козел, несомненно, одна из самых древних игр, размышляет Михаил Борисович. Удивительно, как это археологи до сих пор не раскопали древнее домино? Интересно, играли скифы в козла? А древние греки? Тут можно написать научную монографию или защитить диссертацию... Интересно, почему до сих пор никто этого не сделал?

Наверное, потому, думает Нордост, что описывать забивание козла — самое неблагоприятное занятие на свете. Его бьют везде одинаково, со скандалами и специфическими выражениями — без этих выражений козел не козел. Тут просыпаются первобытные инстинкты, руки сами ищут дубину, козел жалобно блеет, привязанный на веревке к колу...

Бей его!

Бьют козлов разных видов: есть почтенные генеральские козлы, быстротечные морские, есть козлы офицерские, трудовые, двойные и со всякими ответвлениями. В старых дворах наряду с полезными и бесполезными предметами — воротами, беседками, винтовыми лестницами, сараями, гаражами, бахчи-сарайскими фонтанами без воды, придурковатыми сфинксами с отбитыми носами, притаившимися под диким виноградом у глухой стены — наряду с ними во дворе обязательно торчит стол для козла. Его начинают бить в апреле и заканчивают поздней осенью. Человеческие страсти и характеры при забивании козла проявляются лучше, чем в любой другой игре, продолжает рассуждать Нордост, чокаясь термосом о стакан своего партнера Смирного.

Вот Выдра... Холерический темперамент, не раскрывшийся в молодости и сейчас наверстывающий упущенное. Закусывает и рассказывает Смирному, как однажды излечился от всех болезней. За тридцать лет эта история всем надоела, но Смирный вежливо слушает, будто не знает, что Выдра в молодости так болел, что в сорок первом году получил белый билет и еле выжил в эвакуации. Выдра рассказывает, как он шлялся по врачам, теряя от слабости сознание, пока в пятьдесят втором году не зашел в поликлинику к своему участковому врачу и вместо Владимира Аполлиinarieвича обнаружил в кабинете выдвинутые ящики, заплаканную медсестру и какого-то гражданина в белом халате. Выдра обрадовался новому человеку и начал привычно жаловаться:

«У меня все болит, профессор. Ежедневные головокружения, малокровие, сердце прыгает, печень вздулась, легкие не дышат, я еле живу на свете».

Медсестра почему-то испугалась и убежала, а немного обалдевший гражданин ответил:

«Какой я тебе профессор? Не соображаешь, что ли? Видишь, что тут делается? Пить надо меньше».

«Доктор, я капли в рот не беру, куда мне! — удивился Выдра.— Прочитайте историю моих болезней и послушайте мое сердце своей трубкой».

«Какой я тебе доктор? — ответил гражданин, заинтересовавшись Выдрой.— Если совсем не пьешь, значит, дурак».

«Так кто же ты такой? И что ты здесь делаешь в докторском кабинете?! — запсиховал Выдра.— Фельдшер ты, что ли? Или кто? Горшки выносишь? А где Владимир Аполлиinarieвич? Он меня хорошо лечил!»

«Ты потише,— ответил гражданин в белом халате, с любопытством разглядывая Выдру.— Не понимаешь? Все как раз обстоит наоборот — твой Владимир Аполлиinarieвич плохо лечил, оттого его и нету. А я здесь на телефоне. Вот я тебе сейчас припишу лекарство...»

Этот страшный гражданин порывлся в чужом ящике, нашел чистый рецептурный бланк и мелким-мелким почерком написал следующий рецепт:

«Сто граммов водки вовнутрь перед обедом каждый день в течение месяца. Если не поможет — курс лечения повторить. Будь здоров!»

Выдра прочитал рецепт, и до него вдруг дошло. Он понял, какому риску подвергался в докторском кабинете. Дрожа, он

вышел из поликлиники, купил четвертушку, вернулся домой, отмерил сто грамм и впервые в жизни с отвращением выпил, а потом закусил. В этот день он впервые заснул без спнотворного, а через месяц, в точности выполняя предписание странного гражданина, полностью выздоровел. Как видно, его внутренние органы, работавшие всю жизнь вразнобой, объединились на основе выписанного лекарства. С тех пор Выдра лечится каждый день, проводя активную алкогольную пропаганду среди соратников по забиванию козла, хотя и признает, что лет в восемьдесят, наверно, сопьется.

Смирный вежливо кивает Выдре.

Начинается настоящая игра.

Выдра в ударе. Он бьет от души, а Смирный пригибается над столом все ниже и ниже, шевелит губами и пытается разгадать: что, где, у кого. Он подозревает, что Выдра спекулирует и умышленно не отходит дублем-шесть и что Михаил Борисович по простоте душевной его не зарубит.

Нордост в самом деле думает не о том. Теперь его мысли устремляются на Смирного. Михаил Борисыч давно заметил, что Смирный всегда пытается узнать, что делал в войну тот или иной человек, иначе он теряется и не понимает, что за человек перед ним: бормочет какие-то междометия и двух слов связать не может. Люди, родившиеся после войны, для Смирного как бы не существуют, он не знает, о чем с ними говорить.

«Наверно, дело в том,— думает Нордост,— что Смирный был в плену, и с тех пор он как бы контуженный на всю жизнь. Как он выжил — никогда не рассказывает... Наверно, повезло, что был хорошим плотником... И смирным».

Михаил Борисович, думая не о том, наконец ошибается и пропускает шестерочный дубль, но Смирный не отваживается его упрекнуть. Выдра победоносно рычит и кончает сразу двумя камнями:

— Козлы!!!

«Все-таки не следует мне играть,— расстраивается Михаил Борисович.— Заведующий отделом культуры — и вдруг козел! Несolidно».

Смирный мешает камни, а в это время во дворе появляется отставной майор Воскобойников с орденскими планками на груди. Он их никогда не снимает и, наверно, жалеет, что зимой их нельзя носить на пальто. Сейчас Воскобойников

возвращается из райвоенкомата, где околачивается круглые дни, мешая сотрудникам работать и выполняя общественные поручения, которые сам же себе придумывает. И еще: у него самая толстая шея из всей компании.

Все места за столом заняты, но Воскобойникову хочется сыграть. Он глядит на Смирного, что-то вспоминает и вытаскивает из кармана повестку.

— Слышь, Смирный,— говорит он, с размаху хлопая Смирного по плечу.— Тут тебе повестка, распишись.

— Ну? — пугается Смирный.— Куда?

— Повестка,— сурово повторяет Воскобойников.— Приказывают явиться сегодня в семнадцать ноль-ноль в военкомат. Вот, гляди... читать умеешь?.. Читай: явиться для себе-се-дования.

— Как в семнадцать? — пугается Смирный.— Сейчас уже половина шестого!

— Этого я не знаю,— отвечает Воскобойников, немного смутившись, потому что повестку должен был вручить Смирному еще позавчера, но забыл.

Смирный недоверчиво разглядывает повестку и не знает, что думать. Он подозревает, что Воскобойников попросту хочет выселить его из-за стола, потому что в военкомат Смирного не вызывали уже лет восемь, с тех пор как сняли с воинского учета.

— Скажи, что меня нет дома,— решает Смирный и сгибается над костяшками.

— Как же это я скажу? — удивляется Воскобойников.— Давай расписывайся, мне расписка нужна! Видишь, написано: «Приказано явиться».

— Слышь, приказ! — подмигивает Выдра Смирному.

И Смирный твердо решает никуда не ходить. Мало того что не предупредили заранее, так еще приказывают, а он не военнообязанный.

— Так и скажи, что меня нет,— огрызается Смирный.

— А где же ты?

— Уехал. Умер.

— Ребята! — возмущается Воскобойников.— Вы все свидетели! Не берет повестку!

— Ага,— подначивает Выдра.— Не исполняет свой долг перед Родиной.

У Смирного темнеет в глазах, он пытается объяснить:

— Я все свои долги давно отдал. Я сейчас на пенсии. Я свое отвоевал.

— Кто отвоевал? Ты? — переспрашивает Воскобойников.

— Да, я.

— Где ж ты воевал?! — искренне удивляется Воскобойников. — Ты же в плену сидел!

Воскобойников выпячивает грудь, но в последний момент ему хватает ума не похвастаться орденовыми планками. Он переводит взгляд на Нордоста и показывает на того пальцем:

— Возьми хоть Михаила Борисовича... Он с войны вернулся — иконостас, полна грудь орденов! А ты?.. Полна эта самая огурцов!

— Ребята, ребята... — наконец не выдерживает Нордост. — При чем тут ордена, зачем все это ворошить?

— Он воевал! — не утихомиривается Воскобойников. — Мы пахали!

Если бы Смирный умел говорить, то он спокойно объяснил бы Воскобойникову, что тот всю войну отсидел в военкомате и не ему рассуждать об орденах... Но вместо обстоятельного ответа Смирный сгребает со стола и швыряет в лицо Воскобойникова полную горсть костяшек. Тот хватается за ворот рубахи и начинает душить. Разлетаются пуговицы. Выдра и Михаил Борисович пытаются оторвать Воскобойникова от Смирного и с трудом отрывают его вместе с рубахой. Вова и Коля суетятся рядом — они хотели культурно провести вечер, а тут такое...

— Да меня сам маршал Жуков... — вырываясь, кричит Воскобойников так, что слышно на улице.

— Ну что маршал Жуков, что? — кричит Смирный.

— Чуть не расстрелял, — подначивает Выдра.

Массивного Воскобойникова трудно удержать, а тут еще Смирный вновь загребаёт горсть костяшек и опять швыряет ему в лицо. Из дома с визгом вылетает Воскобойникова жена и начинает царапать Смирного. Вова с Колей наконец-то находят себе работу — хватают бабу и держат. Нордост пытается объяснить, что всю эту карусель пора кончать, потому что стыдно.

— Пусть подпишет повестку! — вопит Воскобойников. — А то я приведу его в военкомат с милицией!

— Молча-ать! — вдруг диким голосом кричит Федя Крюков, хватая пустую бутылку и дном бьет ею по столу. К все-

общему удивлению бутылка не разбивается, а пробивает трухлявый стол и застревает в нем.

На этом все начинают успокаиваться. Жена уводит Воскобойникова домой. Вова с Колей ползают по двору, подбирая костяшки, и никак не могут найти дубль-шесть. Смирный собирает рубаху и утирает слезы.

Михаил Борисович начинает разъяснять, что Воскобойников не прав. Слава богу, давно прошли те времена, когда людей попрекали пленом. И надо быть стоеросовой дубиной, чтобы никак не измениться и мыслить какими-то бериевскими категориями одна тысяча девятьсот сорок девятого года.

Но и Смирный тоже не прав — в военкомат надо пойти. Перед сорокалетием Победы туда вызывают всех ветеранов и уточняют адреса для всяких там благ и льгот.

И Выдра тоже не прав — зачем подначивать? У всех свои внутренние психологические комплексы. Черт возьми, не все ли равно, где ты был на войне, если честно исполнял свой долг? А награды такое дело...

— Так они же могли вежливо пригласить,— довольно складно объясняет Смирный.— Зачем приказывать? Пусть соплякам приказывают. И ветеранам. А я не ветеран.

— Как не ветеран? — удивляется Михаил Борисович.— А, ну да...

— Вот так. Не пойду! Пусть как хотят. Меня дома нет.

Вечер безнадежно испорчен. Дубль-шесть так и не нашли, а без него какая игра?

Пенсионеры разбрелись по домам. Их место за столом с торчащей бутылкой водки заняли уже лысые послевоенные сопляки. Они играли в карты и снаряжали Вову с Колей в магазин. Смирный весь вечер чинил рубаху и смотрел в окно. Под столом лежала скомканная повестка. Детишки прыгали через резинку. Ушел к кому-то в гости разодетый Воскобойников с женой. Глухонемой художник под наблюдением дворничихи красил заново ворота, замазывая свою готическую ошибку. Стекло. Смирный починил рубаху, вышел во двор, подобрал повестку, разорвал и выбросил в алебастровую урну. Вернулся домой и стал смотреть программу «Время».

Утром Смирный отправился в гости к Выдре на лодочный причал ловить рыбу. Весь день он сидел на пирсе, дергал бычков и вспоминал, как ехал на подводе, выбираясь из окружения, как был контужен, как пошел куда-то за всеми и вдруг остался один. Бродил два дня не евши, пока не подо-

звали его немцы и, очень вежливо отняв винтовку, посадили в грузовик. А там — как сельдей в бочке!.. Вот. А что было потом три с половиной года, он в самом деле плохо помнит. Помнит последний день «до», когда позвали его немцы и посадили в грузовик, и помнит первый день «после», когда веселые негры на танке проломили ограду и подкатили к барраку. С тех пор негры Смирному симпатичны. А между «до» и «после» было тяжелое свидание. Так что в самом деле — кому ордена, а кому в морду на.

Выдра с утра тоже на удивление был задумчив и не подначивал Смирного. Во-первых, он вычитал в женском календаре, что домино придумали монахи доминиканского ордена в средние века, и собирался вечером поделиться этим археологическим открытием на заседании генерального штаба; во-вторых, Выдра угрюмо думал о том, что лекарство, верно служившее ему тридцать лет, перестало помогать — вернее, его требуется все больше и больше, и уже не только перед обедом, а и утром, и днем, и вечером, и что без лекарства он, конечно, загнется, но с лекарством загнется еще быстрее; в-третьих, он примеривал к себе сухой закон и недоумевал: как это — совсем ничего не пить? Совсем и ничего... Как это?

За весь день Смирный надергал десяток бычков и собрался уходить, как вдруг на причале появился Нордост.

— Я вас везде ищу,— сказал Михаил Борисович.— Я только что был в военкомате... По своим делам. Просили передать вам записку.

Смирный, пугаясь, развернул записку и прочитал:

«Уважаемый товарищ Смирный! Убедительно прошу Вас зайти сегодня в военкомат в любое удобное для Вас время в комнату № 12 для выяснения некоторых личных обстоятельств. Страшный лейтенант Курнаго».

В записке так и написано: «страшный».

— А в чем дело? — пугается Смирный.

— Увидите сами,— уклончиво отвечает Нордост.— Видите: вам не приказывают, а убедительно просят.

Ну, раз просят, думает Смирный. Если просят, то он согласный.

Смирный возвращается домой, открывает шкаф и долго вспоминает, что туда положено одевать. Костюм? Галстук? Думал, думал, а когда надоело думать, отправился в военкомат в чем был — во вчерашней рубашке с разными пуговицами.

Пришел и сунулся прямо по коридору мимо стеклянной кабины, разглядывая номера кабинетов; но из кабины выскочила разукрашенная дама и визгливо спросила:

— Вы куда, гражданин?

— А я не знаю...— развел руками Смирный.— Тут вчера мне надо, так я сегодня...

— Где ваша повестка? Гуляете тут, как по Приморскому бульвару!

— Так я вчера не взял.

— Что значит — «не взял»? Военскую повестку не взяли?!

— Нет! — пугается Смирный.— Вот тут записка.

Дама читает записку и говорит:

— Ага, ясно. Значит, вы и есть тот самый Смирный, который вчера не пришел? Это вас Курнаго вызвал, у него из-за вас служебные неприятности. Но он сейчас уехал по заданию военкома. И ключи от сейфа, паверно, забрал с собой.

— Тогда я пойду домой,— с надеждой говорит Смирный.

— Завтра Курнаго тоже не будет,— соглашается дама.— Приходите в понедельник.

Смирный, весь взмыленный, выскочил на улицу и перевел дух. Закурил и собрался уходить, как вдруг на улице появилась все та же дама и подозвала его:

— Вот хорошо, что вы еще не ушли. Я позвонила военкому, сейчас он вас примет.

— Я в понедельник...— пугается Смирный, жалея, что сразу не смылся.

— Нет! Товарищ полковник вас ожидает. И ключи от сейфа, оказывается, у него.

«Вот прицепилась со своим сейфом, дура толстая»,— думает Смирный.

Пришли к военкому в кабинет. Это были квадратный кабинет и квадратный полковник,— а полковников Смирный отродясь боялся, потому что они еще не генералы и выслуживаются.

— Вот этот гражданин,— представила дама.

— Оч-чень хорош-шо,— прошипел полковник.— Вот вам, Вероника Петровна, ключи от сейфа Курнаго, принесите все сюда.

Смирный всего боялся — в особенности таинственного страшного лейтенанта Курнаго с его сейфом.

Дама вышла, полковник спросил:

— Что же вы вчера не пришли, товарищ Смирный?

— Да я... Повестку поздно принесли.
— Да? — удивляется полковник. — Гм... Все повестки Кур-
паго отправил за три дня. Я с ним разберусь. Извините, что
так получилось.

— Да чего там... — уныло отвечает Смирный.

Опять появляется дама с какими-то разнокалиберными
коробочками и ставит их на квадратный полированный стол
перед полковником.

— Ну, не беда, — говорит полковник, поглаживая самую
большую коробочку. — Не вчера, так сегодня. Лучше поздно,
чем никогда. Как вы думаете?

— Да чего уж там... — соглашается Смирный. Он никак не
думает.

— А теперь скажите мне, Павел Игнатьевич, когда и где вы
угодили в плен?

Вот Смирный все и понял...

Вот для чего его вызывали: выяснять личные обстоятель-
ства, как сорок лет назад. Значит, заводи шарманку сначала,
объясняй, почему выжил.

— Так контужен был, — уныло начинает объяснять он. —
Прорывал окружение...

— Ясное дело, — перебивает полковник. — Дивизия ваша
обороняла Киев?

— Ясно, Киев.

— А вы кем служили?

— Я? Сапером. Все уходят, а мы мосты рвем.

— Все сходится, — говорит полковник, открывая маленькую
коробочку. — Мы вас давно разыскиваем. В плен вы угодили
в сентябре, а наградили вас еще в августе сорок первого. С нас
давно причитается, но в списках было напутано. Поздравляю!
Встаньте же, я вам руку пожму.

Смирный вскакивает, пожимает полковничью руку, са-
дится.

— Жаль, что вы пиджак не надели, я бы вам приколол, —
говорит полковник.

— А чего? — удивляется Смирный.

— Чего, чего... Медаль. «За отвагу».

— Кому?

— Кому, кому... Вам. Вы посмотрите, не стесняйтесь.

Смирный заглядывает в коробочку и видит медаль.

— Ага, — говорит Смирный.

— Не так надо отвечать.

— Ах, да...— вспоминает Смирный и вскакивает.— Служу Советскому Союзу!

Полковник улыбается. Дама — тоже.

— Ну, я пошел,— неуверенно говорит Смирный.

— Стоять! — командует полковник и берет вторую коробочку.— Все-таки очень жаль, что вы пиджак не надели. Вы, говорят, обиделись, что вам простую повестку прислали, а не пригласили персонально. Вы абсолютно правы. Я из Курнаго дух вышибу! Позвольте вручить вам...

Смирный заглядывает во вторую коробочку... Опять, ядрена вошь, медаль!

— А это чего? — взволнованно спрашивает Смирный.

— Юбилейная медаль. «40 лет Победы в Великой Отечественной войне». Вам теперь положено.

Смирный вдруг начинает плакать.

— Ничего, плачьте,— разрешает полковник.— Вероника Петровна, павайте воды...

— Не надо...— всхлипывает Смирный.— Можно, я пойду?

— Нет, не можно. Это еще не все.

Смирный выпивает полный стакан воды, и полковник продолжает:

— Согласно Указу Президиума Верховного Совета, вы, товарищ Смирный, в честь сорокалетия Победы награждаетесь орденом «Отечественной войны» второй степени. Награждение мы произведем потом, когда придут ордена, и вызовем вас персональной повесткой. А сейчас вам разрешается носить на груди орденскую планку с ленточкой. Планку можете приобести в военном универмаге...

Вероника Петровна озабоченно заглядывает в глаза Смирному и спрашивает полковника:

— Может быть, вызвать «скорую помощь»?

— Не надо...— шепчет Смирный.— Я пойду...

— Сидеть! — смеется полковник и берет самую большую коробку.— С нашего ведомства еще причитается.

Смирный с ужасом смотрит.

— Это вам ценный подарок от Министерства обороны. Фотоаппарат «Зенит». Зеркалка. Это хороший фотоаппарат. Вы умеете фотографировать?

— Научусь,— шепчет Смирный.— Можно идти?

(Все коробки закончились.)

— Да, пожалуйста. Только распишитесь в ведомости... Канцелярия!

Смирный расписывается рядом с галочкой. В ведомости ничего не напутано, все правильно — его фамилия.

Прощались.

Смирный с коробками выходит из кабинета, но тут же возвращается:

— Товарищ полковник... Вы этого Курнаго... не надо. Он не виноват.

— Хорошо, не буду,— смеется полковник.

Смирный не помнил, как шел с коробками по улице и как очутился дома. Он открыл шкаф. На вешалке висел его пиджак — старомодный, но еще новый. Пока крепил к пиджаку медали, поколол все пальцы.

Надел пиджак и посмотрел на себя в зеркало. Потом в окно. Во дворе полным ходом шло заседание генерального штаба. Все тут, и Воскобойников тоже.

Смирный в пиджаке с медалями отправляется во двор забивать козла.

Генеральный штаб в полном составе внимательно смотрит на пиджак Смирного. Воскобойников не смотрит на пиджак Смирного.

Минута молчания.

— Так,— наконец говорит Выдра и достает женский календарь.— Что скажет ученый совет? Что у нас сегодня такое? В космос кто летал? Кто будет ставить?

— А в чем дело? — удивляется ученый совет.

— Сегодня День космонавтики.

— Может, не надо, ребята? — говорит Нордост.— Вспомните, что было вчера...

— Надо! — говорит Смирный.— Я ставлю!

Он достает десять рублей и отправляет Вову с Колей в магазин.

Весь вечер он азартно забивает козла, никого на свете уже не боится, и медали подпрыгивают у него на груди.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Б. ШТЕРН

О ЖИЗНИ, О ТВОРЧЕСТВЕ, О ЛИТЕРАТУРЕ

(Из писем к Б. Стругацкому)

27.11.76

Борис Натанович, дорогой!

Посылаю на Ваш суд «Рыбу любви». За осень написал еще два рассказа, но они «не то»... может, когда-нибудь для чего-нибудь пригодятся. А «Рыбой» я доволен, но боюсь своего авторского довольства — оно меня не раз подводило. (Слал Вам всякую дрянь читать и не понимал.)

Вы, конечно, увидите, откуда растет этот рассказ — из чеховской «Душечки», до которой ему далеко, понятно. Но почему бы и нет? О современной Душечке? И писать было интересно. <...>

20.02.77

<...> «ХиЖ» взял на лето «Сумасшедшего короля».

Я, кстати, изменил концовку — ту, что Вам не понравилась. Главный герой теперь не сходит с ума. И повыбрасывал много лишнего. <...>

29.05.77

<...> Моя главная новость в том состоит, что я на полгода бросаю работу. После длительных рассуждений и переговоров с женой мы пришли к выводу, что это надо сделать. Ибо революционная ситуация назрела. Низы не могут жить по-старому. В июне я подаю заявление об уходе, неделю лежу на пляже и плюю в потолок, то бишь, в волны Черного моря, а потом сажусь за письменный стол и ежедневно по 8–10 часов в сутки пишу рассказы до января. Шаг этот подкреплён и материально. Сейчас я делаю небольшую халтуру по художественному оформлению пионерского лагеря; гонорар за «Сумасшедшего короля», который в июне выйдет в ХиЖе, отпусковые, последняя зарплата — всех этих денег, если поэкономить, хватит до января. За это время должен написать мин. 6 рассказов, т. е. по одному рассказу в месяц. Это

вполне посильная задача. Потом я опять пойду на работу, поработаю год и опять на полгода сяду за письменный стол.

В общем, попытаюсь перейти на полупрофессиональный образ жизни. Надо в конце концов быть смелее и решительнее. За последний год двери некоторых редакций для меня приоткрылись, и весь вопрос в том теперь, как много я буду писать. Пора, пора. Время ученичества и пачинаний явно закончилось, всем все ясно — и мне в том числе, что: писать я могу, печатать меня стоит; и вывод отсюда единственный: взялся — давай! Мешают обстоятельства — ломай свои обстоятельства. Кризис? Кому какое дело до твоих кризисов. Вскочил на подножку — влазь в трамвай, чтобы двери закрыть. Или вылазь — тоже чтобы двери закрыть.

Прочитал последнюю повесть С. Борис Натанович, я прямо не знаю, что ему отвечать. То, что он глобально и страстно мыслит, это одно дело. Это хорошо, конечно. Но ведь он СОВЕРШЕННО не чувствует слово. Полнейшая художественная наивность, примитивность... Красивости, шаблонности, длинноты, скукотища. Ни одной свежей фразы. Ведь он же хочет заниматься ХУДОЖЕСТВЕННОЙ литературой, а слова в ней то же самое, что краски на картине. Нет особых правил накладывания красок, нет также и особых правил пользования словами — но все это надо чувствовать. Как ему это объяснить? Понятно, я не говорю про какую-то там грамотность... (А. в другой крайности. Сугубый формалист! Уже не знаешь, что лучше. Вы бы нас в Москве увидели — рычат и нетерпимы друг к другу, как собаки, а я между ними говорю: «Ша, ша!») <...>

31.07.77

<...> Я месяц уже как не работаю, и, что самое интересное, работу не бросил, не уволился. В последний момент, когда уже подал на увольнение, директор завода не пожелал со мной расставаться и предложил дать отпуск за свой счет до 1-го декабря. Это очень хорошо! Во-первых, стаж не прервется, во-вторых, не буду числиться в тунеядцах, в-третьих, к зиме не надо будет нервничать в поисках работы. Вернусь просто на прежнее место. Поработаю опять, потяну лямку год, поднакоплю денег и опять возьму творческий отпуск. Это очень неплохой выход в моем положении. В любом случае, от литературных гонимых я зависеть не буду, а это, конечно, важно. <...>

15.08.77

<...> Спасибо, что врезали. Уже утерся. В сентябре пришлю Вам НФ рассказ, он будет повеселее.

Я, в общем, как герой Высоцкого: «Поверьте мне, не я разбил витрину, а подлое мое второе Я». Мое настоящее Я — юмор, поворот сюжета, воля и хулиганство. Оно любит мир, людей, весну, лето, осень, женщин, детей, бабочек, хорошую литературу и вообще все на свете, кроме Б. и плохой литературы. А подлое мое второе Я поровнит то и дело писать печатабельные рассказы, понимая под этим почему-то плохие рассказы. Вечная борьба противоположностей.

Вывод: поймите жалость к подзащитному, Борис Натанович! Он еще нахулиганит, а сейчас он давит в себе второе Я. <...>

18.09.77

<...> В сентябре обещанного рассказа не будет, потому что я с головой сейчас ушел в повесть. По существу, она уже на три четверти написана в разные годы, и не знаю, как в остальном, но хулиганской она будет на все сто %. Уже можете судить, ибо там будут те куски о кентавре, русалке и драконах, которые я читал в марте прошлого года на семинаре. Тогда я не знал, что делать с этими кусками, и слушал всякие о них мнения, и, конечно же, запали в душу Ваши слова — Б. сказал, что эти куски, по его мнению, черный юмор и непечатны, а Вы ответили, что «если бы эти куски написаны были, предположим, Вами, то в общем тексте они были бы обязательно печатны». В общем, сейчас я этим и занят: делаю повесть — хулиганскую, печатную, фантастическую — и всеми силами пытаюсь забыть и не подражать «Обитаемому острову» — дело ведь происходит на чужой планете, с цивилизацией местной целады, а земляне при сем присутствуют. Подробнее о повести пока ничего не могу сказать — краткий пересказ будет скучен и неясен. Тут надо или все прочитать сразу, или ничего. До ноября я ее закончу (должен), и если получится так, как хочу, то буду очень доволен своим творческим отпуском с июля по ноябрь.

Потом пойду работать, поработаю год, поднакоплю червонцев и опять на полгода засяду за письменный стол. <...>

19.12.77

<...> Вот он — я! Жив курилка.

Творческий отпуск закончен, повесть написана, опять хожу на родной завод во славу добывания хлеба насущного.

Итак, повесть. Без нудных предисловий и разъяснений: она перед Вами; прочитайте, пожалуйста, и опишите, пожалуйста, — получилась повесть или не получилась. Если получилась — буду рад, если не получилась — наоборот.

Плохо, если это ни то, ни се. А я, как всегда, когда работа закончена, в полном педоумении. То ли где-то недотянул, то ли что-то недописал...

Ваш суд — самый авторитетный суд в мире! Не пожалейте подробного письма, Борис Натанович! Бейте, если надо, больно, только не по голове... а розгами по мягкому месту — голова поймет! <...>

1.02.78

<...> Все, поездки мои закончились, сейчас я Вам напишу много разного.

О моей повести, чтобы с этим закончить. Она мне и до Вашего письма стала не нравиться, а после совсем разоправилась. Это не то. Возможно, кому-нибудь это и придется по вкусу — возможно, ее напечатает «Химия и жизнь» — предварительные переговоры как будто начались; но эта повесть настолько НЕ ТО для меня, что я попытаюсь ее скорее забыть. Вышло то, что называется «писать на заказ». Я к такому повороту совсем не готов. Когда я начинаю писать «во что бы то ни стало», печатабельно, «фантастично», выходит результат — ни то, ни се. Что ж, всякий опыт полезен, и отрицательный. Теперь хоть знаю, что значит идти в профессионалы. Пока буду суетиться, писать во что бы то ни стало — толку не будет. А стать плохим членом СП и кропать всю эту творческую кропашину, свалиться до Б.— «я лучше в баре б... буду подавать анапашную воду».

БН, в связи с вышеизложенным, Ваше задание на серию неожиданных рассказов вроде «Чьей планеты» для меня почти невыполнимо. Как только я скажу себе: «А теперь задача: десяток рассказов про роботов, экологию, контакты и пр.» — произойдет помер а-ля повесть. Выйдут не рассказы, а замученные хохмы. Вот Миша Ковальчук ожидает сейчас от меня рассказ для сборника «Знание» на 79 г. Про роботов. «Химия» ожидает какой-нибудь НФ рассказ.

А я не пишу!

А я сейчас пишу рассказ про живой стул, который бежит по городу и колотит обывателей.

А кому этот рассказ нужен? Никому.

<...>

Мои новости за прошедшую осень:

1. Есть в Одессе издательство «Маяк». Прочитал мои рассказы один литкритик и стал меня туда толкать. Вот тебе, мол, реком. письмо, иди! Пошел. Попадайся. Через три месяца рассказы завернули. Формулировка: «идейная неаправленность, художественная невыдержанность» — что-то вроде.

2. Есть в Одессе семинар молодых при СП. Все почему-то поэты. Стали меня туда тянуть добрые люди. Иди, мол, покажись, не убудет. Пришел. Стали меня обсуждать. Честное слово, таких идиотов не встречал! Их похвалы — как ругань, а ругань — как похвала. Постановили: Штерн прирожденный юморист, и ему следует писать короткие юморески в духе 16 стр. ЛГ, а то он что-то пишет такое длинное и непонятное, и почему-то с фантастическим уклоном. И часто употребляет такие грубые слова как «черт, галиматья, ягоды и пр.», а это нелитературно. И вообще-то пишет грамотно, но ничего нельзя понять, очень уж много наверчено. Ему (мне) следует читать Остапа Вишню, потому что это украинский классик юморист, а ведь живем где? На Украине. И еще недостаток: мелкая тематика произведений. Выбор темы большое дело... почему бы не выбрать серьезную сатирическую тему... вои, что в мире происходит, Ближний Восток в огне! «Взял бы, да написал политический гротеск на Садата». (?)!

Борис Натанович, так и было, поверьте: и Вишня, и Садат, и все прочее. Маразм. Поголовный. Понятное дело, и у Вас на семинаре есть свои ..., и на московском, которым Евгений Львович командовал, были головотяпы... бывает; но ведь тут поголовно! Вот, собаки!

А вообще настроение бодрое, хотя ничего и не выходит. Что-то во мне все же колобродит, должен все же я какую-нибудь жарптицу за хвост поймать. Перечитываю сейчас своего однофамильца Лоуренса Стерна (по-английски он таки «Штерн»). Мудрый и смешливый человек был. Какая вещь «Тристрам Шенди»! А судьба какая... двадцать или больше лет сидел в какой-то английской глуши и писал. Мудрый человек.

<...>

Нет, нет... надо пооглядеться, подумать, поплевать в потолок и бросить писать печатабельные «Чьи планеты» и непечатабельные «Рыбы любви». Что-то совсем другое пужно — в фантастике ли, не в фантастике...

И вообще, пора перестать быть «подающим надежды». <...>

25.02.78

<...> Предложение Жаншы Александровны (а я ведь знаком с ней по своему семинару, когда она очень хорошо приняла мои рассказы и раздолбала по ходу кого-то из оппозиции) о том, чтобы сделать планету Землей, а майора жителем другой планеты — с удовольствием принимаю. Дело в том, что в самом первом черновике все так и было построено, но затем я решил, что все получается чересчур «актуально», и сделал майора человеком-землянином. А сейчас с удовольствием переверну наоборот. <...>

<...> Уезжаю в командировку в город Тарутино в сторону Молдавской ССР. Там живут молдаване и гагаузы. Разводят баранов на дубленки. Дикий народ, говорят. В Тарутино также был Пушкин. Зачем? Бог ведает. А Заикин Боря просит достать ему пять или шесть моделей самолета И-16. А также любое холодное или огнестрельное оружие 19 века. Он собирает самолеты и оружие. А я еду в г. Тарутино красиво разрисовывать тамошние магазины. А Слава Рыбаков хочет слетать в Москву на какой-то китайский симпозиум. А Миша Ковальчук, наоборот, мечтает покататься на лыжах. Зигичуку наконец-то понравился Лев Толстой, зато Феликс чувствует, что вырос из жанра короткого рассказа. Кто из нас прав?

Нет ответа. <...>

25.03.78

<...> Из города Тарутино я вернулся. Вот дырища! Какая-то жуть, право слово. Большая лужа, в луже спят гуси. Кое-где торчат двухэтажные дома. Вечером народ прячется по домам, потому что темно. Днем светло, но тоже никого не видно — страшно, в городе ни одного завода нет, только хлебозавод — что население днем делает?

Чем хороши мои командировки — из десяти дней если управлюсь за два-три, то остальные мои. Вернулся, осмотрелся, весна, то, се и написал Мише Ковальчуку рассказ. Первый экземпляр отсылаю ему, как работодателю, второй — Вам. В общем, я решил писать серию рассказов о майоре (командор, инспектор) и роботе. Этот первый. («Чья планета» к этой серии уже не стыкуется.) Кажется, получилась сушая безделка. Порвать не решился, спрятать подальше тоже рука не поднялась... и Миша написал, чтобы прислал ему хоть что-нибудь, хоть хохму какую-нибудь... Ох! Ну, не буду оправдываться — что вышло, то вышло; а следующие, думаю, будут поинтересней. <...>

10.09.78

<...> Я все еще живой и все еще пишу свою повесть. Она еще будет долго писаться. Наверно, и весь следующий год. Так мне и надо. Давно следовало садиться и спокойно писать, а я бегал по редакциям, семинарам и всяким кружкам.

Новостей никаких. Несколько рассказов повывлетали из сборников, но это не повести, а обычное дело. Такая себе житейская скука, — как тут не удариться в веселую фантастическую повесть!

<...>

Закисает НФ. Все ждут подъема, как в 60-х годах, а откуда же ему взяться, если печатают одну пейзажную лирику с героиней, а молодежь (молодые т. е. писатели), которая должна этот подъем жанра осуществить, пишет то, что печатают — беззубое и отвлеченное. А повесть моя выходит наполовину сатирическая — на нижнюю половину, — а кому это нужно? Вот и думаю... <...>

27.12.78

<...> А я все повесть пишу. Про то, как будут жить в галактике через тысячу лет. Из жизни XXX века, значит. Ничего хорошего: там намечается межгалактическая война и много разных тревоплений. Большая повесть, переходящая в роман. Уже стр. 150 есть, а будет триста. Впрочем, не знаю. Докопает она меня, хотя, надеюсь, наоборот. Весь год еще буду писать.

Работаю на работе. Рисуя всякую колбасу и продуктовые патиорморты. Езжу по городам Одесской области в командировки. Как Вы говорите: то, се.

С трудом повесть дается, особенно большая. Много всяких линий и завязок с развязками, героев много, каждый в свою сторону тянет. То и дело что-то рвется, начинаю клеить. То начало в конец тащу, то конец в середине. Кусков разных много. Ох! <...>

20.05.79

<...> Выражаясь канцеляритом, я обеспокоен состоянием нашей переписки и хочу объяснить: я в последний год полностью пахожусь в состоянии «ОТКЛ.» — дерусь со своей повестью — и это будет еще долго продолжаться. Прошу не обращать на меня никакого внимания! Не думать, что вот был такой Боря Штерн, но у него оказалась гайка слаба, и он был да весь вышел.

Я есть, и обещаю Вам сильную, пескучную, нетрадиционную, веселую, грустную и толстую повесть; а сейчас нет никакой охоты к разговорным, семинарам и всяким литературным делам.

Я справлюсь, Вам не будет за меня стыдно.

Но со временем. <...>

28.10.79

<...> Я впервые за два года доволен собой. Повесть моя сильно продвинулась. Есть уже 160 стр., и, главное, я ими доволен. В конце сентября я ушел в отпуск, мои родители приехали к нам из Киева, а я уехал к ним, в пустую квартиру, закупил съестных запасов на три недели, мой братик Сашка Штерн выдернул из телевизора предохранители и ушел, закрыв меня и ключ забрав. Вот и все. И некуда было деться, кроме как писать повесть.

Летом Вы читали первую часть — а сейчас уже середина третьей части, и вообще, дело идет к концу — хотя кончать так же трудно, как и начинать. А сейчас ощущение хорошей езды: мотор повести работает ровно, ритмично, цель мне понятна (хотя то и дело приходится в разведывательных целях съезжать на разные проселки и узнавать «дорогу в Город»). Все же я не могу выразить в двух словах (или в двух фразах, или на двух страницах), «что автор хочет сказать в своей повести» — но и не очень этим озабочен, потому что все это филологическая развесистая клюква... ну, не хочу в эти дебри лезть. <...>

5.06.80

<...> Дал себе слово не писать Вам до тех пор, пока не закончу повесть — это было разумно, потому что Ваше доброе отношение к лошадям в конце концов надо оправдывать (еще пять лет назад я держался на уровне хорошего ученика, подавал надежды и знал, что достоин писать Вам письма, но потом наступил явный застой, борьба с повестью, с самим собой и прочая чепуха). Держался стойко, не писал Вам — хотя очень хотелось; а сейчас не выдержал. Много всего накопилось.

<...>

В июне (вот-вот) выходит в «Химии с жизнью» мой «Производственный № 1». Когда в марте подписывал авторский экземпляр, никаких редакторских правок не было (единственно, вычеркнули портрет Карла Маркса — ладно); а в конце мая вдруг сообщили, что рассказ уже сверстан и что в последний момент зачеркнуты какие-то строки, касающиеся «у них» и «у нас», и что ничего уже изменить нельзя, и что рассказ выйдет в таком виде. В общем, чувствую, что они превращают рассказ в обычную юмореску о нерадивом директоре завода. Зачем мне это? Не знаю.

Вообще, что-то в лесу сдохло... меня стали печатать. В сентябрьский номер «ХиЖ» взял «Чью планету?». Она валялась у них с 1975 года, вдруг прислали на подпись авторский экземпляр. А ведь это старый экземпляр со старым сюжетом; не тот с искусственным спутником Земли, который у Вас! Неделю назад отправил им этот новый вариант, но они так спешат, что, боюсь, не обратят на него внимания. И наконец, в декабрьский номер взяли «Деда Мороза».

И с такими новостями разве мог я все не бросить, чтобы дописать повесть! Прямо какой-то медовый месяц у меня с «Химией», просят (!) присылать что-нибудь еще, и повесть тоже. Не знаю что и думать: то ли они там так обеднели на фантастику, что набросились на меня, то ли я подхожу к юморному стилю

«Химии», то ли вообще изменилась обстановка в НФ. Последнее вряд ли. <...>

22.12.80

<...> Повесть закончил. То есть, написал слово «конец». Второй месяц читаю ее потихоньку, но Вам не высылаю. Рано. Сыро. Она, конечно, закончена в том смысле, что записана в черновике. Многим доволен и очень доволен. Но показывать Вам ее рано, потому что многим недоволен. Повожусь с ней до весны — как раз будет три года. Медленно, а что делать...

В декабрьском № «Химии» должен быть мой «Дед Мороз». Купить журнал негде, придется выпросить в библиотеке, как и «Чью планету».

Меня вдруг прибалты стали переводить. Сначала в Вильнюсе, а вот теперь в Риге перевели «Сум. Короля». У них там республиканские науч-поп журналы «Наука и техника». Еще и разрешение спрашивают — разрешите, мол, перевести. Ладно, переводите. Уж. <...>

18.10.82

<...> Все, снимаю с себя зарок не писать Вам! Мои тяжелые времена, кажется, позади. Опять записалось. Мне есть, что показать Вам. Пока рассказ, но на подходе небольшая повесть в сто страниц. Рассказ вроде бы ничего. Посмотрите, пожалуйста. Опровергаю законы Азимова! Ну, не то чтобы опровергаю, но закладываю мину. Ну, не то, чтобы закладываю мину... а так, небольшая критика по грамматической части. Ну, не в Азимове там дело. Там о людях... В общем, это уже третий рассказ о майоре Бел Аморе. Первый «Чья планета?», второе — «Дело — табак» (я его Вам тоже высылаю, Вы читали его в рукописи года четыре назад, я изменил по Вашему совету концовку насчет «замедления времени» — там было нелогично. Этот рассказ опубликован в «Природе и человеке», по имени инспектора и робота они не изменили. Читайте «Бел Амор» и «Стабилизатор»). Вот третий рассказ. Попробую еще с этим героем.

Я по-прежнему скитаюсь по Сибири.

<...>

Эх, Сибирь, Борис Натанович! Ну, там народ! Со всего Союза. У всех хвост пистолетом, стариков нет, все от 20 до 50-ти. Слабый не выживает. Тюмень, нефть, Клондайк, Джек Лондон! Летайте самолетами! Я за эти полтора года побывал в: Нижневартовске, Сургуте, Тюмени, Уфе, Минске, Ужгороде, Новосибирске. В Куйбышеве и Свердловске только выглянул в аэро-

порт, к сожалению. Ну, посит! Вахтовый метод работы. Вахта один месяц в две смены, второй месяц отдыха. Две смены это, конечно, одно название, на самом деле работаем нормальный рабочий день. Разрисовываем пижневартовские детские сады. Зарплата генеральская. Это один плюс. А самый главный плюс: у меня появилось время для писания. Шесть месяцев в году свободных. И кроме того — ожил. Как оставил эту тихую сонную Одессу... Здоровье, конечно, гроблю, жизнь походная. Но ничего. <...>

17.01.83

<...> Извините меня, что не ответил вовремя на Ваше письмо. Причина такая уважительная, что хуже не падо. У меня умер отец. О своей духовной катастрофе помолчу уж, но смерть отца повлекла для меня и катастрофу семейно-бытовую. Мать осталась одна в Киеве, жена с дочкой в Одессе, сам я работаю в Сибири... голова кругом. Посмотрите мое расписание за последние два месяца и удивитесь.

28 октября — Ковальчук и Бабенко известили, что состоится семинар, и передали через проводника «Москва—Киев» мандат для отпущения меня с работы. Мандат сей был выписан на Нижневартовский горком партии (!?) — мое строительное печальство очень уж удивилось бы, а горком там в самый раз.

1 ноября — лечу из Киева в Нижневартовск. За три дня навою там полный порядок, представляюсь научным фантастом (в отделе пропаганды и агитации глаза на лоб), получаю резолюцию «помочь, отпустить, оплатить» и все прочее.

4 ноября лечу из Н. Вартовска в Москву, но по погодным условиям самолет заворачивают в Киев — значит, в Киеве остаюсь на праздники.

9 ноября из Киева в Москву.

10 ноября — 24 ноября семинар в Малеевке — совсем не отдых. О семинаре ниже.

25 ноября улетел из Москвы в Н. Вартовск.

26 ноября получил телеграмму о смерти отца.

27 — улетел из Н. Вартовска в Киев.

28 — похороны.

29 ноября — 4 декабря улаживание всевозможных дел, всякие похоронные хозяйства и бюрократы и т. д. и т. п. На один день съездил в Одессу и вернулся.

5 декабря улетел в Н. Вартовск и работал там как черт в две смены, упираясь рогами, потому что из-за семинара, отпуска, похорон задолжал много работы (не денег).

30 декабря улетел в Москву.

31-го из Москвы в Киев.

3 января в Одессу.

11 января в Киев.

Вот.

<...>

На этот раз все было иначе. Во-первых, загнали нас в Малеевку. 100 км от Москвы, особенно не попрыгаешь. Каждый по разу съездил в столицу на день-второй, вот и все. Все официальные мероприятия по посещению музеев и пр. были отменены. Ничего не оставалось делать, кроме как: перезнакомиться друг с другом, читать друг друга, обсуждать, собираться с вечера на почь в разных компаниях, играть на гитаре, слушать Высоцкого, травить баланду, праздновать случавшиеся дни рождения, играть в сурьезные логические игры (Ковальчук притащил игру, называемую «МПС» — Витман-Логинов Вам расскажет), разок пулю записали — по карты не пошли, — короче, жизнь заставила сплотиться. Впрочем, никто не заставлял, не в заставлении дело. Дело в том, что очень удачно ребята были подобраны. Были, конечно, и сильные, и слабые, талантливые и бес, и чушь всякую читали — главное, все шли в одном направлении. А эти направления (их два) давным-давно известны (с начала 70-х точно обозначились): фантастический реализм или реальная фантастика (о классиках этого направления умолчу, чтобы не выглядеть поганым льстецом) и идиллическая НФ — от слова «идиллия», которая вместо реального отображения настоящего посредством НФ разводит героико-лирико-электрошвычислительные сопли по издательству «МГ».

<...>

Даже директор Малеевки Федорчепко (или Федоровский) в прощальной речи с удивлением сказал, что в его практике впервые случился такой трезвый семинар, что это чрезвычайное событие, и что поэты и драматурги валяются обычно под каждым кустом, и от фантастов он такого не ожидал.

<...>

Кормят в домах творчества очень неплохо, все на мясе отъелись. Нина Матвеевна Беркова золотой человек. Аркадий Натанович постарел. Показывали две серии «Звездных войн» — вторая серия просто отлична. Все приключенцы — милиционеры, от лейтенантов до майоров. Все правильно, материал-то у них. Дали мне адрес одного начинающего писателя подполковника милиции в Тюмени. Зачем? Бери, пригодится, очень уж ты азартный человек. Ну, спасибо!

Вроде о семинаре все. <...>

<...> Не писал Вам, чтобы не портить настроение своим настроением. Сажу дома с мамой, пигде не работаю — потому что пичего не подворачивается — хочу пайти такую работу, чтобы оставалось время для писаний. Но вот уже третий месяц... Вообще, скучно. Ладно, это наладится.

Отсылаю Вам новый рассказ. Ваш суд для меня остается всегда высшей мерой наказания или одобрения. Но этот рассказ особый, и мне очень хочется, чтобы он получился. Я давно его пачал, было уже несколько вариантов, а этот, последний, решил показать. Но какое-то недовольство, неудовлетворенность остались. Мне очень важно Ваше мнение. Скучать, читая, Вы не будете, это несомненно. Но... что все-таки получилось? Перегнул, недогнул или вообще мимо? В нем есть хулиганство. Хулиганство иногда хорошо, но в меру. Соблюл ли? Любой другой рассказ мне не так важен, как этот. Вы увидите почему. <...>

24.07.83

<...> Я не умею объяснять то, что я пишу, но сейчас попробую. В самом деле, пора разобраться. О чем этот рассказ. О чем мои рассказы. Сейчас... Тут дело не в последнем рассказе, хотя он показательный. «Чья планета?», «Дом», «Рыба любви» — Вы называли их «точешными сюжетами», я знаю, что Вам эти рассказы нравятся — по о чем они? Они ведь тоже ни о чем! И о «Доме», и о «Рыбе», и о «Планете» я слышал противоположные мнения — рассказы ни о чем. (Причем мнения людей, вкусу которых я доверяю; причем очень доброжелательных ко мне людей; то есть мнения искренние, дружеские и высказанные в неофициальной обстановке.) В чем дело? Я не знаю, как отвечать... но потом потихоньку оправился. Долой филологию, она запутывает ясные вопросы. Все очень просто. Вся художественная литература делится на два вида произведений: сказка «Колобок» и рассказ «Каштанка». Вот два шедевра, и вся остальная проза при- мыкает к тому или к другому.

«Колобок» — произведение, где можно ответить «о чем». Там мысль — хвастаться нехорошо, парвешься на Лису и будешь съеден. Мысль эта отлично проиллюстрирована. Шедевры в этом виде литературы — вещи Достоевского. (!) В этой шутке много правды. Это вид литературы, где можно довольно точно указать или небольшую мысль (Колобок), или сложную философскую концепцию (Преступление и наказание). Этот вид л-ры построен на мысли, и от мысли у читателя возникают чувства. Это от- личпо.

«Каштанка» — когда я спрашиваю: а о чем «Каштанка», то не слышу ответа. А она, в самом деле, ни о чем! Она о собачьей тоске — но ведь это не мысль! Это второй вид литературы — литература чувства. Она бьет на чувство читателя, и тогда он сам начинает думать «а о чем?». Это Чехов.

«Воскресенье» отнесится к «Колобку», а «Война и мир» — к «Каштанке».

Все можно уместить в эту схему, и поэзию тоже. Фантастика чаще принадлежит к виду «Колобок», она чаще идет от мысли, но в ней встречаются много «Каштанок».

Пастернак это «Каштанка», а Маяковский — «Колобок».

Оба вида равноправны.

Вот еще одно странное сравнение. Вы читали «Кошелек» Миши Веллера? Смею сравнить «Нос» Гоголя и «Кошелек» Веллера. Оживший Нос, едущий в карете, и оживший кошелек, закладывающий ногу за ногу. О веллеровском рассказе можно сказать, что в нем все построено на одной мысли — легкие деньги портят человека; и все эпизоды от начала до конца эту мысль иллюстрируют. В гоголевском «Носе» все наоборот, там нет «эпизодов», там сплошное чувство «тоска и глупость, братцы, кругом».

Теперь я о своем последнем рассказе. Что я хотел. Вызвать сочувствие к писателю-фантасту. Но без соплей, без «лирики». Ситуация ведь страшная. Любителей НФ полно, но они же сами над собой иронизируют. Давно стала штампом фраза «такой-то сделал то-то, что ни один писатель-фантаст не придумает...». Фантастика остается проходным двором, и в этом дворе ломает ноги даже Чингис Айтматов — когда в свой отличный «Буранный полустанок» начинает вставлять «научную фантастику» (честное слово, подвел его вкус). В общем, рассказ о писателе-фантасте мне показался полезным. Вышел он или нет — это другое дело.

«Дикие фантазии и фантасты тоже зачем-то нужны» — вот какое чувство мной двигало. Какой вывод я хотел сделать из этого чувства: «Зачем нужны? — Для поддержания жизни на Земле». Образ Никс Олимпиаки, хотя и грубый, но весьма подходит для концовки этого чувства.

Борис Натанович, еще одно чувство — оно же и мысль. Советской НФ среди прочих недостатков недостает хулиганства и горлопанства (в хорошем смысле). Полно камерности, полно напускной веселости. Один-два хороших хулигана должны быть. А их нету, нету и нету. У Вас своих дел по горло, Вы классики, Вам не до этого. Я давно уже осмотрелся и наслушался, и пришел к выводу, что ближе всех к такой роли подобрался я. Со вкусом бить горшки и стекла, и эпатировать общественный вкус.

Мои рассказы находят грубыми — это и нужно мне! Потому что это моя программа — добрые чувства пропустить через грубость (через фильтр) и посмотреть, что останется.

Грубость... Грубость, но со вкусом, весело, в рамках совершенной формы.

Борис Натанович, Вы пишете: смешно, изящно, образно, лаконично, заливаешься хохотом, оторваться нельзя — и ни о чем! Уму непостижимо!

БН, тут противоречие. Если Вы смеялись и читали с интересом, если было смешно — значит, дело тут не только в том, что слова расставлены изящно — значит, в Вас говорило чувство. Это же как перед картинами плохого и хорошего художников — Ренуара и Хренуара. Ренуаровский портрет какой-нибудь пожилой дамы висит в Лувре, потому что он в самом деле вызывает чувства; а Хренуаровский портрет — портрет какой-нибудь другой пожилой дамы висит во дворце культуры железнодорожников и ровно ничего не вызывает. Оба художника вкладывали одно содержание, но краски размазывали...

БН, если «Химия и жизнь» возьмет мое «Недостающее звено» — а там народ рискованный, — то публикация сего рассказа будет полезна не только для моего кармана, но и, смею надеяться (такое у меня опять-таки чувство!), будет полезна для НФ. Рассказ может привлечь внимание, на НФ может возникнуть взгляд под другим немного углом — не у боссов «МГ», а у нормальных читателей... что за слова... под углом... угол падения равен углу отражения... короче, хороший хулиганский рассказ в советской НФ не помешает, даже наоборот.

Вопрос, конечно, в том, хороший ли он. Дайте его народу на прочтение!

Убедил ли я Вас? Или хотя бы изменил хоть чуть-чуть «угол» зрения на мои писательства? Мой рассказ (и другие рассказы) это умышленное хулиганство, которое сейчас нужно. В небольшом количестве, но обязательно нужно. А то волки дремлют, овцы спят, собаки не лают, пастухи ушли куда-то в деревню за водкой...

Конечно, я не говорю о грубости в жизни; всякого хамла полно везде, а в НФ еще больше. <...>

31.12.83

<...> На Украине чувствуется какое-то воружение. Вроде зашевелились, хотят поднимать НФ. Даже мне поступило конкретное предложение издать книгу. И хотя это может произойти не раньше чем через три года, но... Потом, издательство «Молодь»

в этом году начинает конкурс на лучшие рассказы и повести НФ — куча премий первых, вторых, третьих и поощрительных; всего 16 (!). И хотя во все эти шевеления плохо верится — кому и за что эти премии вручать? — я немного осмотрелся: из молодых (до 35-ти) может и есть двое-трое неплохих ребят; а из зубров только Савченко,— все же сам факт такого конкурса обнадеживает. <...>

8.04.84

<...> Был в феврале в Москве по вызову «Химии и жизни». Они меня считают своим автором, позвали проехаться в Обнинск на «устный выпуск журнала». Народу собралось человек 200 (в Обнинске научный центр), были два лауреата Ленинской премии, и среди прочего я прочитал «Производственный рассказ № 1» — академики были немного ошарашены и очень довольны. Для меня все это запятно.

<...>

Рома Арбитман в последний год развил бурную деятельность в Саратове — обругал Немцова, хвалит Стругацких и Воишегута. Тиснул в какой-то малотиражке статью о Штерне. В ответ появилась в областной газете статья «По обочине», где врезали редакторам, которые публикуют статьи о фантастике и (цитатами) «о каком-то киевлянине Б. Шварце». Перепутали! Меня это не касается, кто такой Б. Шварц, не имею понятия.

Вот такое все.

«Химия» берет «Недостающее звено» (про фаллос) — я его уже раза четыре переделывал. Вы читали 21 стр., сейчас в нем осталось 14 стр. Хотят взять «Горыныча». Пишу для них небольшую повесть про Бел Амора. <...>

28.05.84

<...> Был в Одессе по приглашению местного КЛФ. Был Снегов, он бывший одессит, в этом году получил «Аэлигу». Он рассказывал, я читал. Сергей Александрович хороший умный дядька, его фамилия Штейн. Местный репортер Голубовский (а еще Чехов советовал бояться одесских репортеров) в заметке в «Вечерней Одессе» о заседании КЛФ решил меня вообще не упоминать (ясно!), зато совершил символическую ошибку: «На заседании присутствовал известный калининградский писатель-фантаст, бывший одессит Сергей Снегов, настоящая фамилия которого Штерн».

В общем, все смешалось в доме Облонских: в Саратове пишут, что в Киеве живет малоизвестный фантаст Б. Шварц; в Одессе сообщают, что в Калининграде работает известный писа-

тель Сергей Штерн. Кто это такие — одному богу известно. Кажется, я все-таки возьму себе псевдоним. Да. Чтобы не было уже никакой путаницы. Псевдоним такой: Шварцштернштейн.

А что, звучит!

Книга моя потихоньку движется по инстанциям. Пока все нормально. Благосклонно.

Я пишу, но медленно. Шесть рассказов в год это для меня много. Три.

Пишу повесть с Бел Амором. Пр-риключения в подпространстве. Трудно. <...>

2.03.85

<...> У меня как всегда — все кипит, и все сырое. Все пишу сразу: и повесть, и роман, и еще пять рассказов. И старые переделываю. «Недостающее звено» только что опубликовала «Химия». Ну, бог с ним, с этим рассказом. Очень уж хотелось сообщить миру, что ДНК варится в марсианской утробе и выстреливается на Землю. Следующий рассказ они уже тоже взяли — помните «Голую девку», — теперь она переделана и называется «Галатеей». Если ничего не случится, то пойдет в «ХиЖ» летом. Хотят «Горыныча» взять, но там сложности с гибнущим драконьим государством... вот те на, государство гибнет... это о чем он?

Чувствую, что рукопись моя в издательстве «Молодь» пройдет все круги ада. Сдал я рукопись в сентябре 83 г. Написана очень хорошая рецензия (я коряво перевел ее с украинского и посылаю Вам) и написано хорошее редзаклучение; и все равно очень сомнительно, чтобы она была поставлена в план даже на 87 г. Не ставят, и все. В общем, все жилы вытянут, пока. <...>

6.08.85

<...> Посылаю Вам «Голую девку» (она же «Галатеей»). У меня ничего хорошего. Этот рассказ должен был пойти в «ХиЖе» в августе, потом передвинулся на сентябрь, а сейчас совсем сняли. Дело в том, что их (редакцию) давно били (за разное, не только за фантастику), а сейчас ударили изо всех сил, и зам. главного редактора, видимо, отстранен от должности. А Михаил Борисович Черненко дельный мужик. Плохо дело. Для меня «Химия» была единственным выходом. Плохо. «ХиЖ» с сентября не будет публиковать фантастику. <...>

9.04.86

<...> Поздравляю с Планетой! 17 км в диаметре — это хорошая планета, больше Фобоса. Там и особняк можно построить,

и дачу, и гараж... да что гараж... это ведь 17 км в диаметре, а площадь поверхности?... если не ошибаюсь, 2ПД квадрат, деленное на два... это будет... $2 \times 3 \times 17^2$ делить на два... сейчас посчитаю... Это будет 907,46 кв. км! Почти тысяча квадратных километров! Целое удельное княжество, раза в два больше Киева! При чем тут гараж? Это Вы очень удачно приобрели — и недалеко от центра — между Марсом и Юпитером... не в каком-то там облаке Оорта. И спосить не будут! Поздравляю! <...>

7.08.86

<...> Предисловие получил. Большое спасибо! Рукопись неделю назад отдали в корректуру, но предисловие не опоздало. Все в порядке... вроде все в порядке. У меня такое ощущение, что это издательство сейчас попросту перестало понимать, что со мной делать и кто я такой, — и решило на меня плюнуть, закрыть глаза и запустить книгу в производство — и побыстрее (потому что пос по ветру они, конечно, держат, и догадываются, что мои рассказы «в духе времени»).

Интересно все это наблюдать. Но и перво. Хотели было они меня «редактировать», стали было цепляться к разным фразам... потом тоже догадались (и я им показал), что у меня за каждой фразой идет очередная, привязанная к предыдущей. Одну зачеркнешь — значит, зачеркивай вторую, третью... и так до конца. Они это, слава богу, быстро поняли. <...>

24.10.86

<...> Книжку мою перенесли с третьего квартала 87 на первый. Значит, к весне уже появится. Все это очень интересно. А пока пишу и заканчиваю очень приличную повесть — если получится приличной. Хочу, чтобы получилась... в общем, к зиме или к выходу первой книжки у меня появится рукопись для второй — и для нее не будет каких-то непреодолимых препятствий. Заряжу вторую и возьмусь за третью на гонорар от первой — думаю, что теперь смогу «профессионалится» и выдавать одну большую книгу или сборник рассказов в два-три года — если внешняя обстановка не вернется на круги своя, то думаю, что смогу. <...>

25.11.86

<...> Самое главное: прочитал «Хромую судьбу» и заскрежетал зубами из-за того, что мне сейчас придется вычеркнуть из собственной повести (она вчерне закончена) несколько больших кусков, которые почти напрямую повторяют некоторые моменты

ты в «Хромой судьбе». Удивительные дела иногда происходят в писательстве! Я тут от первого лица пишу старого академика, который перед смертью одержим всякими бесами и мафиями — и все время влетаю в топ чеховской «Скудной истории», которую ужасно люблю, — и все время уничтожаю «чеховские» моменты (когда они проявляются напрямую) — а теперь надо отплыть в сторону от Вашей «Хромой судьбы» — потому что мне, естественно, пужен «Штерн», а не «Подчехов» или «Подстругацкие».

Значит, буду писать дальше. <...>

11.02.87

<...> Книга вскорости появится — во всяком случае, «сигнал» ожидается со дня на день. По киевским издательствам и редакциям идет легкий шорох — какой-то Штерн появился, — звонят домой и чего-то просят.

Но что самое интересное — «Мосфильм» в январе на корню купил «Произв. рассказ», заключили договор, и сейчас я вообще бросил работу (сторожем в ботаническом саду) и пишу сценарий... уже написал. Сценарий для молодежного «Дебюта», короткометражка на 30 мин. И платят они очень прилично: 1,5 тыс. р. за сценарий плюс еще столько же, если фильм пойдет в прокат.

Так что я теперь на вольных хлебах, и никто не мешает делать вторую книгу. Да, я знаю, о чем Вы сейчас подумали: о том, что за 15 лет с нашей встречи в 1972 г. у меня в столе должны были бы лежать как минимум три книги. Это так. Но правда и то, что у меня есть много написанного, но все это в черновиках, и пужно время, чтобы превратить их в рукописи (да и требования я к себе предъявляю очень жесткие). В общем, к такому повороту судьбы (хотя и ожидал его) я не совсем оказался готов, но не думаю, что в современных благоприятных условиях я окажусь слабым и не намерстаю упущенного. Также мне было сказано весьма определенно, что трудностей с поступлением в СП у меня не будет. Я, конечно, но очень-то верю в эти движения языков, но, в общем, мне понятны сегодняшние устремления украинских официозных лиц — им сейчас правится и моя фамилия, и то, что я пишу. Все очень понятно. Я им не буду препятствовать. <...>

10.04.88

<...> У меня все без изменений. Заседание приемной комиссии перенесли на май. Но я уже чувствую, как потом перенесут на октябрь, потом не примут, потом подам опять года через три,

когда выйдет вторая книга, и тогда, возможно, примут — а может, и нет, — и к тому времени быть членом СП мне уже не захочется (как, впрочем, и сейчас я к этому членству начинаю ощущать полное равнодушие — ну, не полное, но просто равнодушие).

<...>

В Киеве составлен проспект на антологию украинской фантастики в 10 томах, в изд. «Молодь». Это будет жутковатое зрелище. Там уже все перепутано и перемешано, как сапоги с яичницей. Там от Григория Сковороды начнут и закончат Сашей Тесленком. Нет, 10-й том собираются отдать «русскоязычным писателям», живущим на Украине. <...>

1.09.88

<...> Вот какие у меня новости: родилась дочка, которую называли Полиной, и дописал наконец повесть, которая называется «Записки динозавра». Посылаю ее Вам и с дрожью в коленках буду ждать Вашего приговора. Ее сейчас читают в «Химии и жизни» и, возможно, возьмут на сл. год. На нее также написана уже хорошая рецензия для издательства «Радянський письменник», и там нет возражений против того, чтобы издать сию повесть в 90–91 гг. В общем, эта повесть будет основой моей второй книги (плюс «одесские» рассказы с «Рыбой любви»), и я хочу, чтобы книга получилась сильнее первой. И если я в этой повести в чем-то мажу, промахиваюсь, то, конечно, буду еще с ней возиться, исправлять. Знать бы только... В общем, Ваше мнение для меня как всегда драгоценно.

<...>

С моим поступлением в СП ничего пока не происходит. Теперь уже обещают рассмотреть документы в октябре. То есть, год уже прошел, а они не чешутся. <...>

25.09.88

<...> Спасибо за добрый отзыв о «Записках динозавра». Я с этой повестью прилично намучался. Я ее писал последние три года — правда, отвлекался на всякие другие дела. Вроде, получилась. Насчет того, что «Записки» смотрелись бы в каком-нибудь толстом журнале... я тоже так думаю, но никаких выходов на толстые журналы у меня нет, а посылать самотеком пустое дело. В ХиЖ повесть идравится и ее сейчас отдадут на прочтение Петрянову-Соколову. Но очень уж для них объемисто, не смогут они публиковать повесть в 6–7 номерах. Не сокращать же в половину...

<...>

Меня 30 сентября будут рассматривать на киевской комиссии. Если пройду ее, то с республиканской в декабре будет полегче. Подождем немного. <...>

15.10.88

<...> Вообще-то, я от этих «Записок» немного обалдел — вернее, от прямопротивоположных мнений, которые на меня сейчас посыпались. Диапазон от «полного неприятия» до «полного восторга». Что нравится одним, то не нравится другим. <...> А мой рецензент Михаил Слабошпицкий вот как мудро сказал:

«Это настоящая вещь. И если в ней и есть недостатки, то они являются продолжениями твоих достоинств, и если эти недостатки устранять, то и достоинства потеряются».

В общем, я пока буду ориентироваться на это мнение.

Киевская комиссия состоялась. Я ее прошел со счетом 12 — «за», 5 — «против». Сейчас это дело пойдет на республиканскую комиссию (в январе—декабре). Чем она закончится — аллах ведает. Я, кажется, в прошлом году переоценил свои шансы. Эти поступления в СП абсолютно непредсказуемы. Ну, посмотрим.

Не помню, писал ли Вам, что в январе перед Дубултами слетаю дней на 5 на Сахалин. Там у местных любителей НФ конференция на тему «Литература интеллектуального бесстрашия». Ж-жутко! Дорогу и командировочные они оплачивают. Слетаю. Редкий шанс — хоть чуть-чуть, но по стопам Чехова. <...>

26.12.88

<...> О последних Дубултах впечатление двойственное. Наверно, из всех семинаров этот был самый интересный, но и самый легкомысленный. Новичков не было, все друг друга знали, и общение в пумерах было качественное; а вот официальные обсуждения — не ходили, не читали, манкировали... Может, так и пужно.

Насчет ассоциации фантастов дело не пошло. Было, кажется, три собрания — два в пумерах, одно в зале, официальное. Но застряли на статусе. Решили, что ассоциация пужна, а вот что она будет делать — это никому не известно. Правильно замечено, что добрые люди не умеют объединяться. <...>

11.11.90

<...> Спасибо за приглашение в сборник «Звезды». «Звезда» — это ведь «Штерн», как никак.

Что туда отослать... «Чья планета?» пользуется у издателей успехом, много раз издавалась. Только что вышла в сборнике юмористической фантастики «Конфигуратор» — в Ленинграде, кстати. Там у Вас есть какой-то Дом Сатиры и Юмора. Наверно, не стоит «Чью планету»... Да и другие мои рассказы уже известны...

А вот, может быть, новый мой рассказ, который я Вам посылаю. Об Кашее Бессмертном. Из сказок Змея Горыныча. Это меня на сказки понесло. Хочу сделать цикл, где заглавным рассказом будет «Горыныч». (Кстати, слабый рассказ с этим сюжетом я Вам показывал лет пятнадцать назад — а сейчас написал заново.) Если Вам понравится — передайте в «Звезду», ладно? (У меня нет запасного экземпляра.) Если место в сборнике позволяет (или рассказов не хватает), то можно к «Кашею» приплюсовать «Горыныча». Буду ждать Вашего решения о «Кашее Бессмертном»...

Вообще, мои литературно-издательские дела сейчас неплохо пошли. Издатели сами звонят и просят. Всё бы хорошо, если бы не инфляция... На Украине сейчас ввели КУПОНЫ. Что-то среднее между карточками и талонами. Говорят, что сия мера принята против повышения цен. Да, цены не повысили, но покупать ничего не дают... Так на так. Украина сильно недовольна. А если Украина начнет бунтовать — хуже нет. Хохлов трудно раскачать, но потом уже не остановишь. <...>

8.04.91

<...> Высылаю новую повестушку. Понесло меня в политику. Получилось нечто вроде пародии на «Краткий курс ВКПб», смесь манеры обзриутов с салтыково-щедришчиной. Не знаю, во что я влез, но боюсь получить по морде как справа, так и слева. В Москве Геворкян хочет быстро опубликовать сию повестушку в новом журнале-НФ (названия не знаю).

У Ютанова стоят моя и веллеровская книжки — стоят на смерть и не выходят. Ничего не понимаю. У Измайлова «МИФ» стоит и не выходит. Всё стоит. Инфляция, наоборот, идет полным ходом. Ну и фантастическая халтура — тоже.

<...>

Интересно, как повлияет повышение цен на книгопродажу — народ, вроде, должен меньше книг покупать, если колбаса так рванула вверх.

В мае в «Молоди» появится моя вторая книга под названием «Рыба любви». На обложке (яркой) изображены обнаженная дама, паган и привидение. Увидите! <...>

Дорогой Борис Натанович!

Поздравляю с Днем Рождения! Здоровья Вам и долгих лет! Подумать только, мы уже в девяносто четвертом году... Что-то такое со временем случилось, последние лет десять очень уж стремительно пробежали. И с пространством тоже что-то произошло — мы стали жить в разных государствах, хотя никуда не уезжали.

<...>

Вот, отправляю две небольшие повестушки (или фантастические эссе) в духе альтернативной истории. Хотя я далеко не пацан уже, но как-то по привычке посылаю Вам на прочтение и оценку. Да и издавать их толком нигде, все равно будут лежать несколько лет без движения, пока не проскочат где-нибудь. Удивительно, раньше на пути моих изданий стояли советская власть и мое собственное неумение пробивать себя, а теперь вмешались стихийные бедствия — пожар, «Северо-Запад» сгорел, и моя тамошняя книга затормозилась (я уверен, что полностью накрылась). Зато должна появиться книга в Одессе, на которую я уже и не падеался.

<...>

А эссе про Чехова от имени Моэма, кажется, получилось. Во всяком случае, писалось не мучительно больно и с удовольствием. В этом году в июле 90 лет со дня смерти Чехова — куда бы пристроить эту «статью»? Может быть, «Звезда» заинтересуется? А насчет Шлимана — не знаю; в нем, кажется, хулиганства больше чем падо. <...>

14.11.96

<...> Вообще, постарел. Первый признак: начал раздражаться на молодежь. Но, правда, и хлестаковы попадают — с легкостью в мыслях необыкновенной. Пристал один — дай ему рекомендацию в СП. — У тебя же книги нет? — Нет. — А что есть? — Пять газетных публикаций и рассказ в 2 стр. в киевском журнальчике. — Зачем же пускаться в пустую авантюру? — Скоро выйдет книга, я заранее собираю рекомендации.

Не дал. Обиделся (он).

Второй: вызвался быть моим литературным агентом. Ну давай, договаривайся. Договорился. В мае хапанул чуть не половину моего аванса и исчез на пять месяцев (не одолжил, не украл — хапанул). Не звонит, в Киеве его нет... Тут не знаешь толком как семью кормить, а он на твой аванс где-то гуляет... В сентябре в Питере я его встретил, сорвался, устроил ему скан-

дал — он глаза тарашил, не понимал: что случилось? что это с тихим Штерном произошло? Потом, в Киеве, деньги отдал, но чистосердечно не понимал — что произошло?

Третий: лет двадцать пять. Я в два раза старше. Звонит по телефону: «Штерпилло, привет!» У меня челюсть отвалилась, что-то он спрашивал, что-то я мрачно отвечал, думал, что он поймет интонацию... Опять звонит: «Штернюга, привет!» Опять я растерялся, достойно не ответил. Опять звонок: «Штерняка, привет!» Тут я его на три правильные буквы алфавита... И он сразу все понял: теперь я «Борис Гедальевич».

Четвертый: графоман. Замучил: читай его романы.

<...>

Свой роман — это «Эфиоп» — я должен закончить и сдать Ютанову 31 декабря. Стараюсь. Если не успею, попрошу еще пару месяцев. Трудно: я ведь писал всегда рассказы или небольшие повести, а тут громадный роман. Когда напишу, очень попрошу Вас прочитать его. <...>

8.04.98

Дорогой Борис Натанович!

Поздравляю с Ше-сти-де-ся-ти-пя-ти-ле-ти-ем! Даже трудно выговорить. Когда мы с Вами познакомились, Вам было 38 лет и Вы писали тогда «Пикник на обочине», а я был совсем пацаном. Вообще, это был для меня один из редчайших счастливых дней, что называется «на всю жизнь запомнил». И о чем мы тогда говорили — тоже помню. И с того дня живу с открытыми глазами и знаю, что делаю (удачно ли, неудачно делаю — другой вопрос). И все письма Ваши храню. И хвастаюсь иногда — вот, мол, знаком с Борисом Стругацким. Более того: Шеф! (Мне уже 50, а Вы для меня все равно Шеф.)

Здоровья Вам и многих хороших дней и годов в следующем тысячелетии!

Написал тут роман «Вперед, конюшня!» — Коля Ютанов авансировал. Молодец, Коля! Через месяц переправлю ему дискету. Никогда так быстро не писал — за год 15 листов. Роман, вроде, не скучный, но с ним надо бы еще сидеть, а времени нет, надо сдавать. Это плохо, на срок работать. Спешка, торопыжность... Но не при Советской власти живем, земля ей пухом! Наверно, и «Эфиоп» мой торопыжный. Жаль.

Обнимаю Вас!

Всегда Ваш Штерн

**НАДО ИЗБАВЛЯТЬСЯ ОТ СТАРЫХ МИФОВ,
НО ПРИ ЭТОМ СОЗДАВАТЬ НОВЫЕ**

Борис Штерн — писатель парадоксальный. Хотя бы потому, что не считает себя фантастом, несмотря на то, что в 1997 году на «Интерпрессеконе» за повесть «Да здравствует Нипель!» получил «Бронзовую улитку» из рук самого Б. Стругацкого. Премию тоже парадоксальную, поскольку не приносит ни денег, ни громкой славы. Зато она — своеобразный знак качества, свидетельство высокой репутации в профессиональных кругах (ни одно произведение так пазываемого массового спроса и близко не подошло к первым местам в списке номинантов).

То ли тому виной мягкий украинский климат, то ли сказывается извечное жизнелюбие южанина, но «страшной литературе» Штерна, в отличие от угрюмоватого постмодернизма российского образца, присуща какая-то веселая, даже озорная человечность. Например, «Записки динозавра», впервые опубликованные в либеральной «Химии и жизни» в оформлении блестящего мастера соц-арта и тоже трогательно-человечного Г. Басырова — повесть о престарелом ученом, продавшем душу дьяволу за возможность свободно работать, говорить то, что думаешь, и без помех творить добро. Ситуация при всем своем абсурде вполне близкая сердцу советского человека. Нам удалось побеседовать с Борисом Штерном сразу после вручения ему «Улитки».

«ЛГ» — *«Надо избавляться от старых мифов и не создавать новых» — эти слова принадлежат герою вашей повести «Записки динозавра», мудрому старому ученому. Это и ваше мнение?*

Б. Ш. — Это мой главный герой так считает. Интересное мнение, но не мое. Все земные цивилизации (пеземные — не знаю) строились на мифах. Все. От египетской до советской. Когда первая обезьяна сочинила себе Историю, она превратилась в человека. Без мифов нет культуры. «Солнце всходит и заходит», «Ленин всегда живой», «Если в кране нет воды, воду выпили жида» — это мифы; но как без них? А я считаю: от старых мифов надо избавляться, но при этом создавать новые, более удобные. А без мифов — скучно. «Волга впадает в Каспийское море» — это верно, но скучно.

«ЛГ» — *«Записки...» — гимн «Хомо сапиенс сапиенс»...*

Б. Ш. — Ну уж... гимн. Миф.

«ЛГ» — *...и одновременно это еще и хроника одного дня редакции академического научно-популярного журнала. Вы ведь нача-*

ли печататься именно в таком журнале, в «Химии и жизни». Но повесть была опубликована уже в 1990, под самый занавес. А вы ведь начинали раньше, в 70-х. И как это было?

Б. Ш.— Ну, как... как у всех. По молодости и наивности рассылал свои рассказы в разные редакции. Отвечали — на письма трудящихся положено было отвечать. Однажды послал в «Химию и жизнь». Страшное, кстати, название... Слово «химия» в русском языке неоднозначно, вызывает разные ассоциации. Менделеев. Химическое оружие. Химичить. Или: попасть, угодить «на химию» (облегченный ГУЛАГ). В общем, химики мне ответили: правится, берем. Напечатали с десятков рассказов и большую повесть. Вообще в застой «Химия и жизнь» («Наука и жизнь», «Знание — сила») была как отдушина. Очень я люблю этот журнал, его сотрудников и его первого главного редактора академика Игоря Васильевича Петрянова-Соколова, в Дубне в бане парились, царство ему небесное.

«ЛГ» — Премия «Бронзовая улитка» самым недемократическим образом присуждается лично Борисом Натановичем Стругацким. То есть именно он из всего списка выбрал именно вашу повесть. А вы причисляете себя к его ученикам?

Б. Ш.— Да. Шеф. Мэтр. Учитель. В 1971 году я на один день дезертировал из армии, чтобы познакомиться с Борисом Стругацким. Это длинная история. И ушел от него окрыленным и воодушевленным. Все обошлось — патруль меня не поймал. Насчет «Бронзовой улитки» — это не премия, а приз. Стютюетка. Но очень приятно. Присуждается недемократическим образом? При чем тут демократия — приз Бориса Стругацкого присуждает сам Борис Стругацкий. Хозяин — барин.

«ЛГ» — Но в сборнике «Время учеников» не захотели участвовать...

Б. Ш.— Не делайте под Стругацкого, делайте под себя.

«ЛГ» — Я впервые узнала, что есть такой Штерн, когда попался на глаза в «Химии и жизни» рассказ «Дом». Про небольшой Дом в южном городе. К нему в гости ходили, и он в гости ходил, спрашивал: «Как здоровье мадам Особняк?» Сразу мелькнула мысль, что это где-то в Одессе...

Б. Ш.— «Итак, я жил тогда в Одессе». В Отраде. Отрада — это такой одесский район, для тех, кто не знает. Отрада, Аркадия, Молдаванка, Бугаевка... Я 17 лет жил в Одессе, филфак там закончил.

«ЛГ» — Кстати, как проживает украинская фантастика?

Б. Ш.— Вы неправильно сделали ударение. Сейчас украинская интеллигенция требует от русской интеллигенции ставить

ударение в слове «украинский» не на «а», а на «и» — украинский. Вроде эстонского «Таллинн» с двумя «п». Или Алматы. Как поживает украинская фантастика? Недавно в Спилке Письменников читался доклад «Куда плывет корабль фантастики?». Я не пошел. Плывет куда-то... Если вниз по Днепру плывет, то в Черное море. Если вниз по Волге — то в Каспийское...

«ЛГ» — *А как поживает Спилка Письменников?*

Б. Ш. — Слава Богу, драк и сжигания чучел не было. Но есть признаки тихой медленной деградации.

«ЛГ» — *Понятно. Но если перейти от литературной жизни к собственно литературе... Точнее, к фантастике. С ней тоже далеко не благостно. Что на Украине, что в России. Нынешняя фантастика стала какой-то недоброй, жесткой, если не жестокой. А вы раньше были писателем добрым.*

Б. Ш. — Я и сейчас добрый. Написал вот громадный роман — «Эфиоп, или Последний из КГБ». Добрый он или не добрый... не знаю. Но веселый. А раз веселый, значит добрый. В нем восемь частей, первая называется «Эфиоп твою мать».

«ЛГ» — *А что это вас в Эфиопию занесло?*

Б. Ш. — Одна из линий романа — история арапа Петра Великого, только наоборот. Во время гражданской войны украинского хлопчика Сашка Гайдамаку вывозит из Крыма французский шкипер, негр. Спасает хлопчику жизнь, доставляет его в Эфиопию и дарит тамошнему императору. Цель — генетический эксперимент: в четвертом поколении вывести из хлопчика африканского Пушкина. Сашка запускают в императорский гарем, где он трудится не за страх, а за совесть.

«ЛГ» — *Гарем-то откуда? Эфиопия, вроде, страна христианская.*

Б. Ш. Потому что это не совсем Эфиопия. Страна, в которую попал хлопчик, называется Офир. Вообще-то для симметрии должна быть Эфиопия, но в какой-то момент я понял, что описывать Эфиопию не смогу, потому что там не был. А сфантазировать некий обобщенный африканский Офир — вполне. Юрий Нагибин говорил, что писатель должен знать о предмете либо все, либо ничего.

«ЛГ» — *А что писалось легче? Роман или рассказы?*

Б. Ш. Рассказы. Я вообще рассказчик. Роман дается трудно — это, скорее, несколько рассказов, объединенных общим стержнем. Истории, а вернее, история. Альтернативная. Что было бы, если бы... например, Антон Павлович Чехов в моем романе умирает не в 1904, а в 1944 году. Что он делал эти сорок лет? Почитайте.

«ЛГ» — *И где же должен выйти «Эфиоп»? В Киеве?*

Б. Ш. — «Эфиоп» должен выйти поближе к осени в питерском издательстве «Терра Фантастика» в содружестве с московским издательством АСТ. Издатели мне очень помогли, купили еще неподписанный роман па корню, а то бы я писал его до скопчания этого тысячелетия. В Украине же издательства дышат на ладан. Рад бы сотрудничать дома с киевским «Альтер-Прессом» и харьковским «Вторым блином» — издатели они толковые и энергичные, но их забивают палогам и прочей чепухой. Ну, а литературная коммерция... или коммерческая литература... Я писатель петоропливый.

«ЛГ» — *Кого из современных фантастов стоит читать?*

Б. Ш. — Наших. Я всегда подозревал, что англо-американская фантастика в массе своей скучна, неинтересна, но такого маразма никак не ожидал. Неохота составлять обоймы, но хорошие писатели — не «фантасты», а просто писатели — это В. Рыбаков, М. Успенский, А. Лазарчук, Э. Геворкян, М. и С. Дяченко, Е. Лукин, С. Логинов, Брайдер и Чадович (иностранцы из Минска), Олди (хоть и иностранец, или, вернее, иностранцы, но из Харькова).

«ЛГ» — *Ну и как сейчас живетел писателю-фантасту? Хуже или лучше, чем раньше?*

Б. Ш. — Писать с годами становится все труднее, это точно. А лучше или хуже — не знаю. Тогда мало печатали или вовсе не печатали — ну и плевать было. А сейчас деньги зарабатываются паниого непонятнее, чем раньше. Получаешь гонорар — и падо его растянуть неизвестно на сколько. Обратно, конечно, не хочется, но существование какое-то муторное. Раньше мы жили в казарме, а теперь живем в бардаке.

«ЛГ» — *Но в бардаке все-таки веселее.*

Б. Ш. — Поначалу, может, и веселее... но тоже падоедает.

*«Литературная газета»,
1997, № 33, 13 августа*

Послесловие. Пять лет спустя

В спокойные времена пять лет — срок вполне обозримый. Во времена смутные пять лет — целая эпоха. Ощущение совсем иное. Я, например, помню, как «Интерпрессекон» дышал атмосферой какого-то напряженного и радостного ожидания — вот-вот все наладится: выйдут новые книжки, талантливые получат заслуженное признание, халтурщиков отвергнет привередливый читатель, наконец-то можно будет зарабатывать писательским трудом, и так далее, и так далее... Потом, год спустя, эти надежды несколько поуыали.

Ну, и конечно, все были моложе.

И все были живы.

Когда я беседовала с Борисом Штерном, я воспринимала эту беседу как одну из многих. Талантливый писатель, неглупый, веселый, да еще земляк, да еще получивший только что престижную премию... Ну, поговорила с ним, а могла бы выбрать кого-то другого, примерно такого же масштаба...

Это теперь выясняется, что такого же масштаба — нет.

И что этот разговор со Штерном был практически последним.

Надо сказать, сам он воспринял это интервью гораздо серьезней, чем я. Это, если честно, видно и по легкомысленным вопросам, которые я ему задавала, и по его вдумчивым, осторожным, взвешенным ответам. Попросил прислать готовый текст в Киев. Е-мэйл тогда еще не был в ходу, что теперь трудновато представить, почта работала так же паршиво, правил он долго — потому и интервью это вышло аж в августе. Но все-таки вышло — за что спасибо тогдашнему редактору Отдела Литературы Алле Латыниной, любящей фантастику и отлично понимающей, кто есть кто.

Почему он так долго правил и переписывал интервью? Хотел успеть высказаться? Понимал степень своей ответственности даже за такие вот, мимоходом прозвучавшие слова? Наверное, да. Характерно, что поначалу никакого вопроса про «украинскую» фантастику не было. Он потом его сам придумал. Почему-то это было для него очень важно... Он вообще выкинул из интервью все, что ему не показалось важным (ему отлично известно было, насколько скудна газетная площадь), чтобы успеть сказать нечто, для него очень существенное.

И вот результат — оценки Штерна, скажем, состояния в фантастике на тот момент вполне приложимы и к нынешнему положению вещей. Координатная сетка Штерна была не просто точной — она оказалась неколебимой. Что же до «Эфиопа», то его масштаб стал виден только теперь — когда приемы, приколы, придумки Штерна разобраны, растащены десятками умелых и неумелых эпигонов. Когда постмодернизм пришел в фантастику, а фантастика — в мейн-стримовскую литературу... Почитайте его сейчас. Или перечитайте. Возможно, вас ждут совершенно неожиданные открытия.

Мария ГАЛИНА

Борис СИДЮК

НА УГЛУ МИЛЮТЕНКО И КУРЧАТОВА, У ГАЗЕТНОГО КИОСКА

Молодой, брызжащий энергией и жадой деятельности, вернулся я в Киев из армии. По уши влюбленный в фантастику и с мечтой стать писателем. А еще с заветным номером телефона САМОГО НАСТОЯЩЕГО ПИСАТЕЛЯ-ФАНТАСТА. Шел 1985 год. Не было тогда у Штерна книг. Но были дефицитные номера журнала «Химия и жизнь» и слава одного из лучших фантастов Советского Союза. Помню, как не сразу решился потревожить мэтра, попросить посмотреть мои потуги на литературном поприще. Как в конце концов собрался с духом и позволил, и попросил о встрече, благо жили мы совсем рядом. Так и договорились встретиться первый раз. На полпути между его и моим домами, на углу улиц Милютенко и Курчатова, у газетного киоска. Славный такой киоск, с широким прилавком, где так удобно было разложить рукопись. Возле этого киоска встретились. «Ну, показывайте, что у вас там?» — сразу взял быка за рога Борис Гедальевич; минут десять честно читал; минут пять раздумывал. «Но ведь это же плохо», — честно сказал Борис Гедальевич. «Но можно попробовать написать по-другому», — тут же смягчился. Вот так каждую неделю мы встречались у газетного киоска, где я с волнением демонстрировал честному Штерну свои опусы, и он честно возил мордой по прилавку газетного киоска мои литературные потуги. После чего мы разговаривали о фантастике, мировой политике и прочей погоде.

Чудо все же случилось. Над очередной рукописью о трех страницах Штерн раздумывал дольше обычного. «Боря, а почему вы не обзаведетесь пишущей машинкой? Если вы хотите стать писателем, вам нужна пишущая машинка. Просто необходима пишущая машинка. Вам без пишущей машинки просто никак. Пишущая машинка, да! — Пауза.— А рассказ хорош». Все-таки удосужился получить похвалу.

Штерн всегда был честен. И всегда требователен. В литературе он не признавал оттенков качества. Произведение должно быть либо высший сорт, либо брак. И никакого «проходняка». Рассказик тот, видимо, действительно был не так уж плох, его даже пару раз напечатали где-то.

Машинку я купил. Ленинградскую. «Ортех». За 135 рублей. Такую же, как у Штерна.

Штерн и компьютер

Вначале Штерн очень боялся компьютеров. Папически. «Я не смогу чувствовать текст», — сетовал Штерн. Его уговорили купить «Ромашку» (кто не помнит — такой электрошно-механический шедевр советского печатно-машинкового строения). Штерну «Ромашка» понравилась. После этого убеждать его в полезности продуктов компьютерной индустрии больше не требовалось. Воодушевленный, Штерн тут же купил себе первый советский массовый персональный компьютер «БК-0010». Сей великолепный агрегат прекрасно зарекомендовал себя в качестве антенны дециметрового телевизионного диапазона. Освоить его для других целей Штерн так и не сподобился. «Да ну их, эти компьютеры», — сказал Штерн, доставая с полки полюбившуюся «Ромашку».

Больших трудов стоило убедить Штерна еще раз попытаться пересесть за компьютер. Он отмахивался. Долго и упорно. И тогда Олег Гез, Дая Рубан, Юра Газизов и я устроили заговор. В один прекрасный день у Штерна на рабочем столе оказался «Поиск-1» — какой-никакой, а самый настоящий айбизмписи-совместимый компьютер. Пришел Штерн, и все дружно заставили его усесться за письменный стол с обивкой. «Ну... ну... ну...» — только и говорил он, пока остальные запускали и объясняли, где и что. С обреченным видом, Штерн пытался чего-то клацать. Жену Татьяну попросили на время припрятать «Ромашку». В течение двух недель Штерн звонил мне чуть ли не каждые 5 минут, вопрошая, что он не так нажал и почему это не работает, а то работает не так. А потом эти звонки как-то сами собой прекратились. На очередной вечеринке писатель Борис Гедальевич Штерн предстал уже ярым сторонником новейших технологий в литературном процессе. «Я себе теперь даже не представляю работы без компьютера. Черт, как это было — печатай, перепечатавай, тьфу...» — Штерн махнул рукой и немедленно выпил.

Штерн и коммерция

У Штерна долго не было большой толстой красивой книги. Были небольшие, тоненькие, в мягкой обложке. «Боря, а чего бы тебе не издать большую толстую красивую книгу?» — спросил я как-то Штерна. «Ну, я бы не против, но никто ж не издает», — пожал плечами. В то время мы с Костей Лисюченко консультировали киевское издательство «Альтер-пресс» по темпланам издания фантастики. Издательство выпускало вполне раскрученную серию «Зал славы зарубежной фантастики». С идеей репозиционировать серию и выпустить в ней отечественного

автора мы и подкатали к Петру Хазипу. Директор «Альтер-пресса» отнесся к идее благосклонно. В результате серия была переименована в «Зал славы всемирной фантастики». А Штерн получил наконец-то первую большую толстую красивую книжку — «Записки динозавра», где были собраны почти все его произведения. Правда, Украина уже была независимой и имела некоторые территориальные проблемы с Румынией, в результате которых из сборника был изъят рассказ «Остров Змеинный».

Потом был кризис книгоиздания. Отечественные авторы вообще не пользовались спросом. Многие тогда издавались под «буржуйскими» именами. Штерн зарабатывал на жизнь, литредактируя. «Борь, а чего б тебе не написать какой-нибудь забойный боевик, поставить на него имя типа Джон Каттнер-Шекли? Денег поимеешь...» — «Надо подумать...» Подумал. И появилась ранее не издававшаяся рукопись Сомерсета Моэма. «Борь, по это же не коммерция!» — «Да я понимаю. Но и ты пойми. Лучше дайте мне какой-нибудь поганый перевод, я его перепишу». Звонит, в сердцах: «Я не могу редактировать это говно! Я лучше сам напишу что-то нормальное!» Штерн редко когда выходил из себя, но повод всегда был сугубо литературный. В жизненных коллизиях он всегда был стойким, даже фаталистом.

Штерн и творчество

Убедить Штерна написать чисто коммерческую вещь так и не получилось. Вернувшись в издательство так и не отредактированные чужие тексты, Штерн засел за большой труд. «Я пишу коммерческий роман, — гордо возвестил. — Там будет все, и мордобой, и детектив, и триллер, и секс». Звонит: «Какая сейчас самая последняя модель компьютера?» — «Пептиум», — отвечаю. «А следующая модель как будет называться?» — «Ну-у... — думаю. — Пептиум — пепта — пять. Значит: шесть — секста — Секстиум». — «Секстиум, секстиум...» — пробует слово, раскатывает, сжимает, сворачивает в трубочку, бьет кувалдой, распрямляет, вставляет в рамочку, вешает на стену: — Годится. Секстиум, секс...» — кладет трубку. В процессе работы над «Эфиопом» Штерн прерывал кучу литературы, по каждому нюансу обзванивал всех друзей и знакомых. «Не выйдет у Бори коммерческий роман. Роман — классный — будет. Коммерческий — не-а», — качали головами Лайк и Ли после очередной консультации по французскому языку.

«Эфиоп» — это коммерческий роман», — заявил Штерн.

Просто Штерн

О Штерне-человеке писать можно много. И все эпитеты будут только в превосходной форме. Помню, как в Тимишоаре на

Евроконе в 1994 его назвали лучшим писателем-фантастом года в Европе (до него из Восточной Европы этого звания удостоивались только братья Стругацкие и Станислав Лем). Узнав об этом: «Да? Ну, хорошо»,— спокойно так, по видно было, что очень доволен.

А еще Штерн был символом, талисманом Фэндом и Фантастики. Там где был Штерн, ничего плохого произойти просто не могло. Его любимая песня «А поезд тихо шел на Бердичев» на несколько лет была чуть ли не гимном копвентов. Он не умел красиво говорить с трибун, но как его прорывало, если в неформальных дискуссиях тема затрагивала какие-то струны в его душе. Как-то в середине 90-х на одной конвенции зашел разговор об украинно-российских взаимоотношениях. «Я русский писатель, но я — украинский писатель. Украина независимая страна. Это свершилось, и все. Я — русский писатель, я живу на Украине. Да, я — украинский русский писатель. Все!»

Вместе со Штерном ушла целая Литературная Эпоха. Эпоха, которая началась с «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова и закончилась «Эфиопом» Бориса Штерна.

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗКИ ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА	5
ГОРЫНЫЧ	7
КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ – ПОЭТ БЕСОВ	26
ИВАН-ДУРАК, или ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ	51
РЕКВИЕМ ПО САЛЬЕРИ	86
ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ, или ФЛОТ НЕ ПОДВЕДЕТ! ..	109
ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ, или КРАТКИЙ	
КУРС СОЦРЕАЛИЗМА	117
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК, или ПОКА БАРАБАН	
ЕЩЕ ВЕРТИТСЯ	186
ДА ЗДРАВСТВУЕТ НИНЕЛЬ!	196
ЗАПИСКИ ДИНОЗАВРА	237
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	389
ПСИХОЗ	391
ФОКУСНИКИ	393
БЕЗУМНЫЙ КОРОЛЬ	407
ДОМ	440
ДЕД МОРОЗ	456
НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО	465
ГОЛАЯ ДЕВКА, или	
ОБНАЖЕННАЯ С КУВШИНОМ	479
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РАССКАЗ № 1	494
ОТПУСТИ ДОМОЙ	512
ВОПЛИ	522
ШЕСТАЯ ГЛАВА «ДОН КИХОТА»	540
РЫБА ЛЮБВИ	591
ПОВЕСТКА	608
ПРИЛОЖЕНИЯ	621
Б. Штерн. О жизни, о творчестве, о литературе	623
Борис Штерн. Надо избавляться от старых мифов, но при этом создавать новые	646
Борис Сидюк. На углу Милютенко и Курчатова, у газетного киоска	651

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Штерн Борис Гедальевич
Сказки Змея Горыныча
Фантастические повести и рассказы

Издано в авторской редакции

Художественные редакторы И.Ю. Селютин, О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор А.В. Полтьев

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ». 368560, Республика Дагестан,
Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU, E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Сталкер». 83114, Украина, г. Донецк, ул. Щорса, 108
Свидетельство ДК 146 от 11.08.2000
E-mail: publish@stalker.donetsk.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-011645-4

9 785170 116454